

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

1612 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)45
С45

Скрынников, Р.Г.

**С45 1612 год: [сб.] / Руслан Скрынников. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА:
ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 798, [2] с.**

Содерж.: Василий Шуйский. Три Лжедмитрия.

ISBN 978-5-17-043980-5 (ООО «Издательство АСТ»)(С.: Ист.библ.(84))

ISBN 978-5-9713-5567-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-3578-6 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Серийное оформление С.Е. Власова

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

ISBN 978-5-17-045633-8 (ООО «Издательство АСТ»)(С.: ПКДВ(84))

ISBN 978-5-9713-5568-7 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-4255-5 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Серийное оформление А.А. Кудряшова

Компьютерный дизайн В.С. Петрова

Смутное время...

По сути — первая гражданская война в истории нашей страны.

Время грандиозных политических авантур — тех, что принесли Руси неслыханные бедствия, и тех, что стали для нее спасительными.

Дилогия знаменитого историка Р.Г. Скрынникова посвящена самым ярким феноменам Смутного времени — полной взлетов и падений карьере Василия Шуйского, ставшего государем Всея Руси в самое трагическое для нее время, и «самоованшине», приведшей на престол трех Лжедмитриев...

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)45

ISBN 978-985-16-2282-1

(●●● «Харвест»)(С.: Ист.библ.(84))

ISBN 978-985-16-2283-8

(●●● «Харвест»)(С.: ПКДВ(84))

© Р.Г. Скрынников, 2004

© ООО «Издательство АСТ», 2004

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ

Введение

В начале XVII в. Россия пережила Смуту, первую в своей истории гражданскую войну. Опричнина Грозного положила начало расколу дворянского сословия. Разорение дворян приобрело в период Смуты катастрофические размеры. Бедствие было довершено гражданской войной. Толчком к ней послужило вторжение самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, младшего сына Грозного.

В России возникли исторические условия, сообщившие самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

Смута выдвинула целую плеяду деятелей, таких как Борис Годунов и три Лжедмитрия, Василий Шуйский, Филарет Романов, Михаил Скопин-Шуйский и патриарх Гермоген. Их жизнь и деятельность давно привлекали внимание историков. И лишь биография царя Василия Шуйского остаётся до сих пор не написанной. В ней слишком много пробелов, незаполненных страниц.

Внук первого казнённого Грозным боярина, представитель аристократической фамилии, имевшей общих с династией предков, Василий Шуйский попал в тюрьму при правителе Борисе Годунове. Палач занес топор над его головой при Лжедмитрии I. Однако аристократия играла особую роль в жизни русского общества. Едва избежав гибели, князь Василий возглавил переворот. Корону на голове Шуйский смог удержать всего лишь четы-

ре года. На время правления царя Василия приходится один из самых трагических периодов гражданской войны в России.

Верно ли, что последний Рюрикович на московском троне был узурпатором и мелким честолюбцем, виновником окончательного разорения Московского государства? Почему самозванцы при их полном ничтожестве громили государевы рати раз за разом? Почему самодержцу не удалось остановить братоубийственную войну? Какие последствия имело смягчение режима самодержавной власти при Шуйском?

Попробуем ответить на эти вопросы, строго придерживаясь фактов.

Генеалогическое древо

Москва подчинила Нижегородское великое княжество в 1392 г. Но прошло немало времени, прежде чем суздальско-нижегородские князья окончательно признали свою зависимость от московского князя. Среди тех, кто первым добровольно перешел на московскую службу, был князь Семен Горбатый-Суздальский. Василий II Темный пожаловал ему «в вотчину и в удел» Городец и крупные суздальские села, принадлежавшие его отцу. Горбатый выдал князю ханские ярлыки и отказался от самостоятельных сношений с Золотой Ордой. При Иване III последним князем независимого Новгорода Великого был князь Василий Васильевич Гребенка-Шуйский. Вече пригласило его для обороны от натиска Москвы. Воевода не спас новгородцев, а послетого как они изъявили покорность Ивану III, сам отъехал на службу к нему.

Со временем суздальские князья утратили удельно-княжеские права, но сохранили обширные родовые вотчины. Могущество Шуйских определялось не только тем, что они поддерживали прочные связи с местным боярством, но и их родством с правящей династией. Ближайшими соседями Суздальского княжества были Ростовское, Ярославское и Стародубское княжества. В столицах всех этих княжеств сидели потомки владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, от которого вели род также и

члены династии Калиты. Шуйские никогда не забывали того, что их родоначальник — князь Андрей Ярославич долгое время княжил во Владимире, тогда как его старший брат Александр Невский занимал княжеский стол в Новгороде Великом. Родословия Шуйских XVI в. начинались с указания на то, что князь Андрей, брат меньшой Александра Невского, «был на великом княжении Володимерском».

В XVI в. бояре Шуйские-Суздальские заняли весьма высокое положение в московской Боярской думе. Смертельно занемогший Василий III для утверждения завещания пригласил в качестве душеприказчиков своего младшего брата — удельного князя Андрея Старицкого, трех влиятельных бояр — князя Василия Шуйского, Михаила Юрьева-Захарьина и Михаила Воронцова и некоторых других советников. В ходе дальнейших совещаний Василий Шуйский добился того, что в опекунский совет при малолетнем Иване IV вошел его родной брат, боярин Иван Шуйский.

Василий III не помышлял о том, чтобы уничтожить значение Боярской думы. Для последнего прощания он пригласил к себе князей Дмитрия Бельского с братьями, князей Шуйских с Горбатыми и «всех бояр». Умиравший заклинал думцев: «Вы, брате, постоите крепко, чтоб мой сын учинился на государстве государь и чтобы была в земле правда».

Опекать малолетнего Ивана IV должна была особая «седмочисленная» комиссия, в которую входили брат Василия III, князь Андрей Старицкий, и шесть бояр. В 1533 г. в составе думы было примерно 11—12 бояр. Половина из них вошла в регентский совет. Назначение двух братьев Шуйских регентами определялось тем, что знатнейшие бояре (Василий и Иван Шуйские, двое Горбатов, Андрей Ростовский, дворецкий Иван Кубенский-Ярославский) представляли в думе коренную суздальскую знать.

После почти 30 лет управления государством Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром брали великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками — «сам-третьей у постели», — без совета с Боярской думой. Как видно, великий князь

рассчитывал сохранить сложившийся порядок вещей, учредив особый опекунский совет. Разделение Боярской думы на части и противопоставление регентов прочим членам думы должны были ограничить ее влияние на дела управления. Со временем семибоярщина выродилась в орган боярской олигархии. Но в момент своего учреждения она была сконструирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить ослабление центральной власти. Избранные советники должны были управлять страной и опекать великокняжескую семью в течение 12 лет, пока наследник не достигнет совершеннолетия.

Боярская дума не пожелала делить власть с опекунским советом. Двое опекунов, на которых государь возлагал особые надежды — сначала князь Михаил Глинский, а потом князь Андрей Старицкий, — были арестованы и уморены в тюрьме.

В 1538 г. умерла вдова Василия III Елена Глинская. Спустя полгода после смерти правительницы опекуны Василий и Иван Шуйские захватили члена опекунского совета дьяка Федора Мишурина и предали его казни. Вскоре они довершили разгром семибоярщины, начатый Еленой. Их противники были отправлены в тюрьму, митрополит Даниил низложен. Расправившись со своими врагами, Василий Шуйский присвоил себестародавний титул боярина «наместника на Москве».

С гибелью брата Василия III, князя Андрея Старицкого, старшим среди опекунов стал Василий Васильевич Шуйский. Этот боярин, которому было более 50 лет, женился на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, князь Василий захотел устроить жизнь в соответствии со своим новым положением. Со старого подворья он переехал жить на двор Старицких. Расправа с удельным князем и присвоение его имущества навсегда сделали Шуйских врагами наследника удела князя Владимира.

Достигнув зрелого возраста, Иван Грозный не раз с горечью вспоминал свое детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему — заброшенному сироте — боярами Шуйскими.

Царь Иван кривил душой и допускал большое преувеличение, уверяя, будто князья Василий и Иван Шуйские самовольно

приблизились к его особе и «так воцаришася». Шуйские стали опекунами малолетнего Ивана по воле великого князя Василия III. Вообще же они появлялись на авансцене при всяком глубоком политическом кризисе. Пророческие слова Грозного о воцарении Шуйских сбылись лишь много лет спустя.

Победа Шуйских была полной, но кратковременной. Старый князь Василий умер в самый разгар затеянной им смуты. Его младший брат Иван не обладал ни авторитетом, ни опытом старшего. В конце концов он рассорился с остальными боярами и перестал ездить ко двору. Прогивники Шуйских воспользовались этим, выхлопотали прощение Ивану Бельскому и вернули его в столицу, а Ивана Шуйского послали во Владимир с полками. Однако в результате переворота в 1542 г. опекун вернул себе власть.

Когда князь Иван, последний из душеприказчиков Василия III, умер, во главе партии Шуйских стал князь Андрей Михайлович Шуйский.

Ведомые мятежники

Дед будущего царя Василия Шуйского, князь Андрей, обладал беспокойным и неутомимым характером. Он был честолюбив и ради власти не боялся идти на самые рискованные поступки.

В браке с Соломонидой Сабуровой великий князь Василий III не имел детей. 20 лет его брат Юрий ждал кончины государя, чтобы наследовать престол. Второй брак монарха создал новую ситуацию. Но удельный князь не желал отказываться от своих планов. Исход заговора зависел от знати, и Юрий попытался заручиться поддержкой бояр. Он добился большого успеха, перезвав к себе на службу князей Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских.

Василий III забил тревогу. Он не решился арестовать брата, но потребовал выдачи мятежных Шуйских. Они были закованы и разосланы в тюрьмы по городам. Строгость наказания объяснялась тем, что речь шла о заговоре и подготовке государствен-

ного переворота. В темнице князь Андрей пробыл пять лет. Так неудачно складывалась карьера деда царя Василия Шуйского.

Тотчас послесмерти Василия III правительница Елена Глинская выслушала «печалование» думы и митрополита и велела освободить от уз Андрея Шуйского и его брата. Если верить официальной летописи, освобожденный Андрей повел себя как сущий изменник: не медля ни дня, «злодей, мало побыв тако, паки помысли к князю Юрью отъехати, и не токмо отъехати, но и на великое княжение его поднати, а у князя сего (Юрия) на мысли не бывало, понеже бо крест целовал великому князю: как было ему изменити?»

Пристрастность летописца очевидна. Царю надо было обелить родного дядю, а всю вину за происшедшее (в особенности за грядущую казнь Андрея Шуйского) возложить на изменников-бояр.

Ближе к истине другая летописная версия, автор которой знал многие подробности происшедшего. Когда Андрей Шуйский вернулся из тюрьмы, к нему пришел дьяк Юрия Третьяк Тишков с наказом звать его в удел. Удельный князь уже принес присягу трехлетнему Ивану IV, и дьяку пришлось давать объяснения по этому поводу: «Князя Юрья бояре приводили, заперши, к целованью, а сами князю Юрью за великого князя (трехлетнего Ивана IV) правды не дали: ино то какое целование? То иевольное целоваше» (присяга). Иначе говоря, олекуны отказались заключить с Юрием традиционный договор — «докончаннс».

Через Андрея претендент на трон пытался склонить на свою сторону весь влиятельный клан Шуйских-Суздальских. Андрей отправился к боярину Борису Горбатову-Суздальскому и посвятил его в план заговора. «...Князь великий еще молод, — говорил Андрей, — а се слова носятся про князя Юрья; и толко будет князь Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим».

Рискованные действия заговорщиков не встретили сочувствия среди «братии» Андрея. Выслушав Шуйского, Горбатый «не всъхоте ехати ко князю (Юрию), но ему възбраняше». Не медля, Борис отправился во дворец и подал донос. Спасая голову, и сам Андрей поспешил в думу с изветом. Горбатый яко-

бы презывал его на службу в удел, а Юрий дал ему знать, что «к нему хотят будто многие люди».

Заговор провалился, и власти посадили в башню сначала Андрея Шуйского, а затем князя Юрия с его боярами. Андрей провёл в тюрьме ещё пять лет. Лишь после смерти Елены Глинской правитель Василий Шуйский добился освобождения Андрея из заточения.

Благодаря опекунам братья Иван Плетень и Андрей Михайловичи Шуйские получили боярские чины.

Шуйские правили государством пять лет. После смерти последнего опекуна, князя Ивана Васильевича Шуйского, к власти пришли представители старшей ветви княжеского дома — князь Андрей Михайлович Шуйский с братом. Длительное пребывание в тюрьме давало о себе знать. Андрею не доставало политического опыта, расчетливости и осторожности. Его преследовали неудачи.

Когда юный великий князь стал оказывать милость боярину Федору Воронцову, Андрей Шуйский поспешил изгнать его из столицы. Князь и его советники «взволновашася между собою перед великим князем и митрополитом» и набросились на Федора в дворцовых хоромах: «биша его по ланитам и платие на нем ободраша и хотеша его убить». Вслед за тем Воронцова стащили «с великого князя сеней с великим срамом, биюще и пхайше, на площадь», после чего бросили в тюрьму. Шуйские и их пособники Головины не проявили уважения даже к митрополиту: «в хою пору от государя митрополит ходил к Шуйским, и в ту пору Фома Петров сын Головина на манатю наступал и манатю на митрополите подрал».

Члены думы имели право на боярский суд. Попытка устранения Воронцова без всякого суда вызвала недовольство у знати. Протнванки Андрея — новые «ласкатели» (фавориты) — опрометчиво вмешали несовершеннолетнего государя в свои распри. По приказу Ивана IV псаря убили Андрея возле дворца напротив Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. Прнверженцы князя Андрея князь Федор Скопин-Шуйский и Юрий Темкин-Ростовский попали в тюрьму.

Андрей Шуйский был первым боярином, убитым по приказу Ивана IV. В то время великому князю Ивану исполнилось 13 лет. «От тех мест, — записал летописец, — начали бояре от государя страх имети и послушание».

Достигнув совершеннолетия, Иван IV принял царский титул. Но этот акт мало что изменил в его взаимоотношениях с думой. Годы реформ стали для него годами ученичества. Государь всецело подчинился авторитету учителей и наставников Адашева и Сильвестра, действовавших в полном согласии с Боярской думой. Преобразования не могли быть проведены без личного участия Ивана IV и санкции со стороны руководства думы.

В пору реформ князья Суздапские не пользовались исключительной властью, но их позиции в думе были на редкость прочными.

Законные опекуны братья Шуйские сошли со сцены, уступив место крамольным Шуйским. Брат казненного князя Андрея Михаил стал главой Боярской думы. Он занял первую строку в думном списке Дворовой тетради 1552 г. (будущий царь Василий доводился Михаилу внучатым племянником). Ниже князя Ивана в списке членов думы был записан удельный князь Иван Федорович Мстиславский.

Возвышение бояр Романовых-Захарьиных, родни царицы Анастасии, и династический кризис 1553 г. осложнили карьеру Ивана Михайловича Шуйского. 22-летний государь тяжело занемог. Его кончины ждали со дня на день. Захарьины спешили с принятием присяги младенцу — наследнику царевичу Дмитрию. Проведение церемонии присяги они поручили своим сторонникам — князю Владимиру Воротынскому и дьяку Висковатому. Церемония была омрачена с первых минут. Старший боярин думы Иван Михайлович Шуйский заявил формальный протест: «Им (боярам) не перед царем целовати крест (приносить присягу) не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Подлинный смысл протеста заключался в следующем. Руководить присягой мог либо сам государь (но он был при смерти), либо старший боярин думы (Шуйский). Вместо этого дело было поручено Воротынскому. Бояре не скрывали своего раздражения. Подойдя к кресту, князь Иван Пронский попрекнул Воро-

тынского отцом, которого умертвили в тюрьме за измену. Правя старые летописи, Иван IV постарался изобразить князя Ивана Михайловича Шуйского старым изменником, зашншиком «мятежа» в Боярской думе.

По случаю готовившегося похода Ивана IV на татар князь Михаил Шуйский в 1559 г. возглавил московскую «седемочисленную» боярскую комиссию, которая должна была управлять царствующим градом в отсутствие монарха.

После смерти Михаила Шуйского первейство в думе перешло к удельным князьям Бельскому и Мстиславскому — аристократам литовского происхождения.

Гибель отца

В середине XVI в. Россия вела длительную и кровавую войну с Казанским ханством. С весны 1552 г. русская армия стала готовиться к решающему наступлению на Казань. Передовые силы русских войск заблаговременно сосредоточились в Свияжске. Ими командовал князь Александр Горбатый. Внезапное вторжение Крымской орды едва не расстроило планы военного командования. Крымцы появились под Тулой, в непосредственной близости от Москвы, но были разгромлены.

23 августа 1552 г. московские полки приступили к осаде Казани. Крепость служила резиденцией для хана и его знати. Она не могла вместить большой гарнизон. Орда с кибитками и табунами продолжала кочевать в окрестностях татарской столицы.

Когда осадный лагерь был построен, Горбатый разгромил Орду в битве на Арском поле. Вслед за тем русская артиллерия подвергла усиленной бомбардировке укрепления Казани. Минных дел мастера подвели под крепостные стены глубокие подкопы. Взрыв порохового заряда разрушил колодцы, питавшие город водой. 2 октября последовал общий штурм крепости. Татарская столица пала.

Под стенами Казани более всех отличился воевода князь Александр Горбатый-Суздальский. Участник взятия Казани Курбский называл его великим гетманом царской армии. Через несколько

месяцев после окончания похода Сильвестр с ведома царя обратился к Горбатову с посланием, в котором писал, что Казань взята «царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти».

С разгромом Казанского ханства Россия прочно утвердилась в Нижнем Поволжье.

Ко времени казни боярина Андрея Шуйского его единственный сын князь Иван был молодым человеком. Его первенец княжич Василий, будущий царь, появился на свет, по одним сведениям, в 1547 г., когда Иван IV венчался на царство, по другим данным, в 1552 г.

Низкая рождаемость в роду Шуйских с давних пор спасала их «великие вотчины» от дробления и упадка. Но у князя Ивана Шуйского было пять сыновей: Василий, Андрей, Дмитрий, Александр, Иван.

Рано или поздно раздел родовых вотчин должен был подорвать могущество фамилии. Материальные дела семьи могла бы поправить успешная карьера. Но отцу князя Ивана Андрею карьера решительно не удалась, отчего сын добился первых успехов с запозданием.

В 1550 г. власти решили реформировать Государевдвор и выделили из его состава «тысячу лучших слуг». Члены «тысячи» должны были получить подмосковные поместья, чтобы царь мог в любой момент вызвать их в столицу и дать им важные военные, дипломатические и прочие поручения. «Тысяча» была разделена на три статьи. Князь Иван мог претендовать на самые высокие места, но его зачислили в «тысячу» как сына боярского третьей статьи с низшим окладом в 100 четвертей пашни. Это было для Шуйских большим унижением.

Суздальская знать и князья Оболенские пользовались следующей привилегией: они проходили службу по особым княжеским спискам, что давало им право на первоочередное получение думных воеводских чинов. В 1552 г. князь Иван Шуйский был записан первым среди князей Суздальских в списке Государева двора, так называемой Дворовой тетради. В 1555 г. царь Иван сосватал удельному князю Ивану Бельскому дочь своего опекуна, Василия Шуйского. Брак должен был положить конец

кровавой вражде двух самых аристократических фамилий. Иван Андреевич был приглашен на пир и должен был довольствоваться скромным местом «поезжанина». Однако же в росписи свадебного «поезда» он назван первым.

Иван Андреевич дорожил фамильной честью. Летом 1557 г. государь по случаю похода на татар послал его с царской речью и царским наказом к князю Владимиру Андреевичу Старицкому и к главному воеводе Ивану Бельскому, происходившему из рода великих князей литовских. Однако Шуйские вовсе не собирались уступать первенство литовской знати. Иван Андреевич заявил, что ему непригоже ехать к Бельскому с наказом: это приведет к «потерьке» родовой чести. Грозный велел дворянину Кардулову насильно отвести князя Ивана к главному воеводе Бельскому, а последнего уведомил, что наложил опалу на Шуйского.

Год спустя Иван Шуйский получил пост воеводы в захолустном городке Деделовс. В 1559 г. Иван сопровождал царя как старший оруженосец (рында). Через год он числился головой (полковником) в государевом полку, а в 1562 г. участвовал в свите монарха в походе на Полоцк. Дальнейшее продвижение по службе относится к 1564 г., когда князь Иван стал воеводой небольшой крепости Великие Луки.

В 1560 г. самодержец подверг опале своих учителей Адашева и Сильвестра. Отставка главного проводника реформ Адашева положила начало длительному кризису. Иван IV фактически отстранил от власти вождей думы. Высшая знать стала задумывать о том, чтобы заместить Ивана на троне более сговорчивым лицом. Вдова Андрея Старицкого Ефросинья пыталась использовать недовольство бояр и посадить на престол своего сына Владимира, двоюродного брата Ивана IV. В 1563 г. самодержец велел арестовать брата и отнял у него удельное княжество. Вскоре он стал править старые летописи. Основное внимание царь уделил боярскому «мятежу» в пользу князей Старицких в 1553 г., когда он смертельно занемог. Шуйские издавна враждовали со Старицкими и не могли быть участниками заговора. Тем не менее Иван IV пополнил летопись сведениями, компро-

метировавшими Шуйских как участников мятежа в пользу Владимира Старицкого.

Своим острием летописные обвинения царя были направлены как против Шуйских, так и против князей Ростовских, Ярославских и Стародубских. Поддиктовку царя дьяки внесли в летопись сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя Ивана Овчину, отправили в ссылку боярина Михаила Тучкова, устроили заговор и совершили военный переворот в 1542 г. Иван IV считал необходимым записать на полях летописи подробности, относившиеся к боярскому заговору 1543 г., зачинщиками которого были, помимо боярина Андрея Михайловича Шуйского, его брат Иван Михайлович и Федор Скопин-Шуйский. В списке бояр, взбунтовавших Москву в 1547 г., государь первым назвал Федора Скопина-Шуйского.

Исследователи выражали удивление по поводу обилия имен в царских приписках и вопиющих противоречий в оценке поведения одних и тех же лиц. Отмеченные противоречия находят объяснение, коль скоро удастся выявить главную тенденцию приписок — намерение царя скомпрометировать не отдельных бояр, а Боярскую думу в целом как извечный очаг смуты и мятежа.

На пороге опричнины Иван IV составил черновик духовного завещания. В соответствии с духовной главными центрами родовых наследственных земель суздальской знати должны были перейти не к старшему сыну — царевичу Ивану, наследнику трона, а к младшему царевичу — удельному князю Федору и его мачехе. А именно, Суздаль с Шуйей и Ярославль должны были получить царевич Федор, а Ростов — царица Анна Колтовская.

Распоряжение самодержца должно было повлечь за собой самые серьезные последствия. Фактически речь шла об изгнании князей Суздальских-Шуйских, Ярославских и Ростовских со службы в Боярской думе и Государевом дворе. Единым махом царь намеревался перевести на службу в удельные княжества всю коренную суздальскую знать, исключая князей Стародубских (землевладение последних подверглось наибольшемудроблению, что вызвало их полный упадок).

На службу в удел определяли по традиции младших сородичей великих боярских фамилий. Удельная знать становилась как бы знатью второго сорта: удельным слугам закрыт был доступ к высшим постам в царских полках и государевой думе.

Желая добиться неограниченной единоличной власти, Грозный забрал казну и в сопровождении многочисленного отряда покинул столицу. В январе 1565 г. он объявил об отречении от трона. Боярская дума принуждена была смириться и принять требования государя. Духовенство и бояре просили царя сложить с них гнев и править государством, как ему «годно».

Отвечая думе, царь заявил, что после смерти его отца бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем выходца из рода князей Варбатто (Горбатовых-Суздальских). И этих людей он ежедневно вынужден видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Свою гневную речь Грозный заключил словами о том, что изменники извели его жену и стремятся уничтожить его самого, но Бог воспротивился этому и раскрыл их козни.

Присутствовавшие прекрасно уразумели смысл царской речи. Старшие Шуйские давно сошли со сцены, за исключением одного — князя Александра Горбатого. Его-то и имел в виду самодержец, говоря о том, что принужден ежедневно встречаться с ним в своей думе.

Горбатовый стяжал славу лучшего воеводы и покорителя Казани. Он действительно сыграл выдающуюся роль при разгроме Казанского ханства в 1552 г.

Под предлогом борьбы с заговором монарх фактически потребовал выдать ему на расправу популярного в народе воеводу Горбатого. Боярская дума не смогла защитить своего признанного вождя.

Первым актом опричнины была публичная казнь Горбатого, совершенная еще до обнародования царского указа об учреждении опричнины.

Грозный не желал ехать в Москву, пока был жив его главный «изменник». Из надписи на могильной плите Горбатовых в Троице-Сергиевом монастыре следует, что Александр и его сын «проставились» 7 февраля 1565 г. Пять дней спустя государь прислал в Троицу 200 рублей на помин души князя Александра.

Опричнина призвана была покарать тех, кто мог поддержать притязания удельного князя Владимира Старицкого на царскую корону. Это обстоятельство сказалось на судьбе Шуйских, давних противников Старицких. Грозный отнял у брата Владимира его княжество и определил к нему в думу людей, которым доверял. Главной думой князя Владимира он сделал боярина князя Андрея Ногтева-Суздальского.

В первые недели опричнины в Казань были сосланы около 80 семей, принадлежавших к трем княжеским домам — Ростовскому, Ярославскому и Стародубскому. Факты не оставляют сомнений в том, что именно эта коренная суздальская знать Владимиро-Суздальской земли ограничивала власть самодержца в наибольшей мере. Задумав учредить неограниченное правление, Грозный нанес удар по суздальской знати, отняв у нее большую часть ее наследственных родовых вотчин.

Потомки Андрея Шуйского не подвергались прямым преследованиям, но при дворе о них забыли. Царь неизменно обходил их своими милостями. Ко времени опричнины князь Иван Андреевич Шуйский был уже немолод, но занимал невысокий служебный пост воеводы Великих Лук.

Из-за опричных опал много воевод выбыло с государевой службы. Командный состав армии понес большие потери. Это обстоятельство создало благоприятные возможности для тех, кто был в немилости, но избежал опалы. В марте 1565 г. Иван Шуйский был отозван из Великих Лук и получил назначение воеводой сторожевого полка, а затем полка левой руки.

В 1566 г. Грозный объявил о прощении казанских ссыльных. Настала короткая пора смягчения опричного режима. В те дни Иван Андреевич поручился за удельного князя Михаила Вортынского, которого царь вернул из ссылки.

Попытка примирения с земщиной не удалась. Члены Земского собора, созданного в Москве, потребовали от царя упразднения опричных порядков. Ответом на верноподданническое ходатайство был неслыханный террор. Грозный казнил конюшего боярина Ивана Федорова-Челядькина и многих других знатных лиц. Митрополит Филипп Колычев был низложен, а позднее задушен. Опричники подвергли дикому разгрому Новгород

Великий. Жители Новгорода были обвинены в том, что они намеревались свергнуть царя, возвести на трон удельного князя Владимира Старицкого, а сами предаться польскому королю.

Шуйские были недругами князей Старицких, и это вновь спасло их от опалы. Царь щадил их, но доверия к ним не питал. В июле 1569 г. от Ивана Шуйского, служившего на воеводстве в Смоленске, сбежал в Литву холоп. Государь немедленно сместил Шуйского с должности и отозвал в Москву.

Опричнина клонилась к закату. Ее вожди окончили жизнь на плахе. Править без земской знати Грозный не мог. Из-за казней Боярская дума стала совсем малочисленной. Следуя традиции, государь должен был вернуть Шуйских в думу.

В 1569 г. большая турецкая армия попыталась захватить Астрахань, но потерпела неудачу. Осенью следующего года Крымская орда обрушилась на южные уезды России. Против татар выступили главные силы русской армии во главе с Бельским. Князь Иван Шуйский командовал сторожевым полком. Этот полк первым вступал в бой, и вести его поручали обычно опытным и храбрым командирам. Шуйский оправдал надежды и к маю 1571 г. уже носил боярский чин.

Внутренняя смута и казни, потрясшие Россию, подтолкнули Крым к решительным действиям. В мае 1571 г. хан Девлет-Гирей обрушился на Москву. Шуйский вновь выступил против татар как воевода земского сторожевого полка. Кампания завершилась тятчайшим поражением. Крымцы спалили Москву.

Катастрофа не отразилась на военной карьере князя Ивана. Его полк сохранил боеспособность. Этим можно объяснить то, что после отхода Орды царь велел Шуйскому оставаться на главных оборонительных позициях в Серпухове. Иван Андреевич получил чин воеводы большого полка, и государь подчинил ему воеводу полка левой руки Ивана Петровича Шуйского. Главнокомандующий русской армии Бельский погиб при пожаре Москвы. Его полк понес огромные потери на улицах горящего города.

Воевода Шуйский не мог избавиться от тревоги. 27 января 1572 г. он пожертвовал 400 рублей на помин души казненного ца-

рем отца и матери. Но тревога оказалась напрасной. В карьере князя наступил крутой поворот.

Опричнина утратила всякую привлекательность, и ей нужен был новый фасад. При учреждении опричнины знать в «государеву светлость» не пускали. В момент отмены опричнины ее думу возглавляли представители высшей аристократии. Весной 1572 г. Иван Андреевич Шуйский сопровождал Ивана IV в Новгород как первый боярин «из опришнины».

Иван Шуйский окончательно завоевал милость самодержца, породнившись с Малютой Скуратовым. Он женил своего сына Дмитрия на дочери временщика.

В опричнине князь Иван прослужил всего год-полтора. В начале 1573 г. он отправился с царем Иваном в «немецкий поход», командуя передовым полком. Шуйский участвовал в осаде замка Пайды. В январе 1573 г. под стенами этой ливонской крепости погиб его сват Малюта Скуратов. Смерть любимца произвела сильное впечатление на самодержца, и он вернулся в Новгород, поручив командование хану Симеону Бекбулатовичу и Ивану Мстиславскому. В их армии Иван Шуйский получил пост воеводы правой руки. В бою у ливонского городка Коловерт русская армия была разгромлена шведами, а воевода князь Иван Шуйский убит.

Начало карьеры

Пятеро сыновей боярина Ивана Шуйского остались, по понятиям того времени, сиротами. Старший из них, князь Василий, давно достиг совершеннолетия и поступил на государственную службу. Ему исполнилось не менее 22 лет, когда он получил первые почетные служебные назначения.

В 1574 г. Грозный выступил с полками на южную границу. В его свите был Василий Шуйский, «рында с большим саадаком». Так называли колчан с луком и стрелами, богато изукрашенный камнями и золотом. Хранитель саадака считался старшим из оруженосцев. Лук был с незапамятных времен почетным оружием царя и конных дворян.

Гибель тестя Шуйских Малюты Скуратова повлекла за собой смену руководства. После роспуска опричнины так называемый двор заменил собой опричный охранный корпус. На «дворовой» службе место Малюты занял боярин Василий Умной-Колычев. Осенью 1574 г. он сосватал Грозному свою родственницу Анну Васильчикову и так упрочил свое влияние.

Васильчиковы принадлежали к «дворовым» детям боярским, служившим по Кашире. Никто из родни новой царицы не получил боярского титула.

Пятый брак был незаконным, и потому свадьбу играли не по царскому чину. На свадьбе отсутствовали великие бояре, руководители думы. На брачный пир были приглашены немногие ближние люди. Из 35 гостей 19 принадлежали к роду Колычевых. Иван Федорович Крюк-Колычев и его жена были главными друзьями невесты Анны Васильчиковой.

Из высшей знати на пир позвали одних лишь братьев Шуйских — Василия, Андрея и Дмитрия. По обычаям того времени свадьбу праздновали в кругу родственников. Можно допустить, что Шуйские доводились родней царской невесте.

Первое послеопричное правительство, которое возглавляли Умной-Колычев и Тулупов, не смогло умшротворить страну, потрясенную террором. Его вожди были обвинены в измене и преданы жестокой казни. Лишились головы те, кто пировал на свадьбе Грозного с Васильчиковой. Никто не подозревал, каким коротким окажется для них пугь из-за свадебного стола на эшафот. Шуйских опала не коснулась.

Осенью 1575 г. государь объявил об отречении и посадил на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича. Москвичи стали свидетелями новых казней. Иванец Московский перешел в «удел» и сформировал себе новую гвардию.

С отменой опричнины многие видные опричники поспешили избавиться от поместий в опричных уездах и получили от царя поместья в Шелонской пятине Новгорода Великого. В июле 1575 г. шелонские поместья были пожалованы Василию и Андрею Шуйским. Имение было богатым. Прежде им владел родственник царицы Анны Колтовской, постриженной в монахини.

Грозный наконец стал оказывать покровительство сиротам погибшего Ивана Шуйского. Он принял их к себе на службу в «удел». В дни похода Ивана Московского в 1576 г. Василий и Андрей Шуйские исполняли должность оруженосцев, а также должны были «в стану у государя спати и у ночных сторож в головах им же быти». Василий числился главным рындой у царя, Андрей — старшим оруженосцем при особе наследника.

Под видом передачи трона Симеону Грозный попытался возродить в стране опричные порядки. Знать была встревожена. Стремясь успокоить недовольных, самодержец поставил во главе «удельной» думы князя Ивана Петровича Шуйского. Вместе с ним на «дворовой» службе до последних дней жизни Ивана IV служил князь Василий Федорович Скопин-Шуйский.

Василий Шуйский с двумя братьями сопровождали самодержца в ливонском походе 1579 г. в качестве рынд при двух саадаках и царском копье. Участие в босвых действиях таило угрозу для жизни дворянина. 25 апреля 1580 г. князь Василий пожертвовал 30 рублей в Троице-Сергиев монастырь. Вклад свидетельствовал о том, что из всех братьев самым осторожным был Василий. В 1581 г. Василий и Андрей Шуйские были посланы на южную границу. Василий был назначен воеводой большого полка, а его брат — воеводой правой руки. Подчиненные им силы были совсем невелики. Служилый князь Михаил Одоевский был задет тем, что попал в подчинение Василию Шуйскому, и заспорил с ним о местах. Главные бояре решили дело в пользу Шуйского. Суд выяснил любопытные подробности. Оказалось, что воевода Иван Петрович Шуйский уступал «по счету в родстве» князю Василию и князю Андрею.

В конце Ливонской войны Шуйские добились исключительных успехов на военном поприще. В 1581 г. польский король Стефан Баторий осадил Псков. Оборону крепости возглавил «дворовой» боярин князь Иван Петрович Шуйский.

Под Псковом Баторий потерпел самую крупную неудачу в войне с Россией. Псков стал бастионом, о который разбилась волна несприятельского нашествия. Заслуги Шуйского получили всеобщее признание. Фактически он спас Россию от полного поражения в Ливонской войне.

На поле боя отличился также и князь Андрей Шуйский. Речь Посполитая заключила мир с Россией, Швеция продолжала войну. Шведы осадили Орешек в истоках Невы и 8 октября 1582 г. пошли на приступ, но были отбиты. Неделю спустя воевода Андрей Шуйский пробился в крепость с подкреплениями. Он руководил гарнизоном при отражении второго штурма. Шведы понесли большие потери и отступили.

Князь Василий не блистал на поле брани. Но это не повлияло на его дальнейшую карьеру. Успех объяснялся его исключительной знатностью. В апреле 1583 г. Василий получил пост в армии Мстиславского, выступившей против татар. Он возглавил полк правой руки, то есть был вторым лицом после главнокомандующего.

Гибель наследника престола царевича Ивана от руки отца породила глубокий династический кризис. Царевич Федор отличался плохим здоровьем и не имел детей. Он был слабоумным, и даже исполнение придворных церемоний давалось ему с трудом. Многие с полным основанием сомневались, что новый наследник способен управлять страной в обстановке военного поражения и разрухи. Чтобы преодолеть кризис, Иван IV прибегнул к обычной для него политической игре. Он объявил Боярской думе, что намерен покинуть трон и уйти в монастырь.

Папский леиат Антонио Поссевино собрал важные сведения об этом эпизоде в дни посещения Москвы в феврале 1582 г. По его свидетельству, государь обратился с длинной речью к Боярской думе. Не вдаваясь в подробности, он заявил, что наследник умери это произошло из-за его грехов. Некоторые обстоятельства, продолжал он, дают повод сомневаться, будет ли власть прочной, если она перейдет к младшему сыну Федору. Ввиду этого монарх потребовал от бояр, чтобы те подумали, кто из наиболее знатных людей в царстве мог бы занять место государя.

За время своего бурного правления Грозный дважды отрекался от трона. Наконец он отрекся в третий раз, на этот раз от имени своего слабоумного сына.

Бояре, передает итальянец, прекрасно понимали, что в случае, если бы кто-нибудь высказался в пользу другого претендента, он был бы немедленно уничтожен со всеми своими сто-

ронникамн. Понятно, что никто из членов думы не осмелился выразить вслух недоверие Федору. Напротив, дума должна была просить самодержца официально назначить Федора своим преемником.

Но мнительного монарха продолжали мучить подозрения, и он с беспокойством следил за поведением самых знатных из своих вассалов. Вновь его взор обратился в сторону суздальской знати.

В 1582—1583 гг. Грозный приказал арестовать Василия Шуйского. Невозможно сказать, что послужило поводом для ареста. Видимо, молодой аристократ обратил на себя внимание царя честолюбием, изворотливостью и умом. Василий некоторое время содержался под стражей, а потом был освобожден. Царь решил сделать заложниками всех членов семьи. Князь Василий был выдан на поруки четырем младшим братьям. Никто из пяти братьев Шуйских не получил боярского чина, пока был жив Иван Васильевич.

Смертельно заболев, Иван IV распорядился учредить при сыне Федоре опекунский совет. Царевич Федор давно достиг совершеннолетия, но из-за полного умственного убожества он не мог править государством.

Всю жизнь Грозный враждовал со знатью. Но это не помешало ему назначить первым регентом удельного князя Ивана Мстиславского, который 13 лет возглавлял земскую думу. Царь не раз обличал его как изменника и колотил палкой. Обладая огромным политическим опытом, самодержец понимал, что только при поддержке думы его недееспособный сын может удерживать на голове корону. Вместе с Мстиславским опекунами стали два наиболее авторитетных руководителя Боярской думы — прославленный воевода Шуйский, принятый царем на «дворовую» службу, и земский боярин и дворецкий Никита Романов.

До конца жизни самодержец так и не решился искоренить опричные порядки, обеспечивавшие ему неограниченную власть. Последышем ненавистной опричнины был «двор». Его возглавляли Афанасий Нагой, Борис Годунов и Богдан Бельский. Брак царя с племянницей Нагова доказывал, что среди «дворовых» людей Афанасий пользовался наибольшим влиянием.

Близившаяся кончина Грозного посеяла глубокий раздор среди высших «дворовых» чинов. Вышло так, что самодержцу пришлось исключить из олекунского совета двух главных любимцев — Афанасия Нагова и Бориса Годунова.

Нагие ликовали, когда у царицы Марии Нагой родился сын Дмитрий. Царевич рос нормальным ребенком, что давало ему бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия. Он негодовал на царя, искавшего себе невесту в Англии. Самодержец пообещал англичанам удалить в монастырь царицу Марию. Грозный понимал, какую опасность для законного наследника Федора таят замыслы Нагих, и не допустил их в регентский совет.

В браке с Ириной Годуновой у царя Федора не было детей. По этой причине старшая, законная ветвь династии Калиты обречена была на исчезновение. Иван IV винил в бесплодии невестку и намеревался развести ее с сыном. Влияние Бориса Годунова зиждилось на родстве с Федором. Естественно, что он должен был всеми силами противиться разводу сестры. Сказанное объясняет, почему Грозный не включил Бориса в регентский совет.

Атмосфера двора была оравлена смертельной враждой. Придворные отчетливо сознавали, что исключение из состава олекунского совета грозит им утратой власти, тюрьмой и плахой.

Мятеж

Смерть Грозного 19 марта 1584 г. положила начало боярскому правлению в России.

События, последовавшие за кончиной царя, показали, что террор придавил родовую аристократию, но не сломил ее могущества. Поначалу власть сосредоточилась в руках самого незнатного из регентов, бывшего опричника Богдана Бельского. Он опирался на военную силу, прежде всего на стрелецкий гарнизон Кремля. Его главным соперником был регент князь Иван Петрович Шуйский. В столице толковали о том, что Бельский

послал слуг, чтобы перехватить и убить Шуйского. Регент находился в Пскове и спешно выехал в столицу.

Со своей стороны, князя Шуйские торопили события, стремясь отеснить от кормила власти бывшего опричного временщика.

Среди противников Бельского выделялся характером и дерзостью земский казначей Петр Головин. Не теряя времени, он затеял местническую тяжбу с Бельским. Боярин Иван Петрович Шуйский не успел вернуться в Москву, а это значит, что казначея подтолкнули к решительным действиям Василий Шуйский с братьями.

Тяжба вызвала распри. На стороне Головина выступили вместе с Шуйскими князь Мстиславский с сыном, князь Голицыны. Их поддержал боярин Никита Романов, не раз подвергавшийся преследованиям со стороны опричников.

За Бельского вступились «дворовые» чины — Трубецкие и Годуновы. Из земских думных людей в поддержку Бельского выступил один лишь дьяк Андрей Щелкалов.

Местнический спор затянулся. Земские дворяне, собравшиеся во дворце, проявляли нетерпение. Во время «прекн» в думе они набросились на Бельского с таким остервенением, что тот, спасая жизнь, «утек к царе назад» и укрылся в царских хоромах.

Столкнувшись с «крамолой», Бельский решил действовать, не дожидаясь прибытия в столицу Ивана Шуйского. Он обратился к «дворовым» стрельцам с речью. Временщик тайно обещал им великое жалованье, убеждал не бояться бояр и выполнять только его приказы.

Великие бояре разъехались по своим дворам на обед. Бельский тем временем велел затворить все ворота и попытался уговорить Федора держать двор и опричнину так, как держал отец его. Над Кремлем повсело новой опричниной. Но в дело вмешался народ.

Прослышав о затее Бельского, регенты Мстиславский и Романов поспешили в Кремль, взяв с собой вооруженную свиту. После переговоров Бельский согласился пустить двух бояр внутрь

замка, но калитка захлопнулась перед их вооруженными холопами.

Подождав некоторое время, боярские слуги попытались силой пробиться в Кремль. В это время по улицам столицы проскакал молодой сын боярский с криками: «Бояр Годуновы побивают!»

На Красной площади начала собираться толпа. К черни, как свидетельствует летописец, присоединились рязанцы Ляпуновы и Кикилы «и иных городов дети боярские». В источниках имеется прямое указание на то, что мятежные дворяне действовали «по заводу» Шуйских. «Дети боярские на конех, — записал современник, — многие из луков на город стреляли».

Восставшие пытались разбить Фроловские ворота Кремля и поворотили большую пушку, стоявшую на Лобном месте, в сторону замка. Народ требовал выдать на расправу любимцев Грозного — Бельского и Годунова. Дело приобрело серьезный оборот. Стрельцы попытались залпами рассеять толпу. В результате побоища на площади осталось лежать до 20 человек убитых. Примерно 100 человек было ранено.

Положение стало критическим, и после совещания во дворце народу объявили об отставке Бельского. Попытка ввести опричнину провалилась. «Бояре, — повествует летописец, — между собою помирились в городе (Кремле) и выехали во Фроловские ворота». Временщик был лишен всех титулов и отправлен в ссылку в деревню.

В боярском чине

Смерть Ивана Грозного стала важнейшей вехой в жизни князя Василия Шуйского. Родовая аристократия не скрывала своей радости по поводу кончины великого государя. Дьяк Иван Тимофеев яркими красками описал настроения, воцарившиеся в Кремле в то время. «Бояре, — писал он, — долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сом-

нительны, помазав благоухающим миром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле; как орлы, они с этим обновлением и временной переменой вновь переживали свою юность и, пренебрегая оставшимся после царя сыном Федором, считали, как будто и нет его...» Знать не скрывала своего отношения к Федору Ивановичу. «Русские на своем языке называют его дураком», — говорил шведский король Юхан III в речи к риксдагу.

В мае 1584 г. князь Василий Шуйский добился заветной цели. Еще до коронации нового царя он получил боярский чин и вошел в Боярскую думу. Менее чем через год боярином стал его брат князь Андрей. К весне 1586 г. боярством был пожалован из кравчих Дмитрий Шуйский.

31 мая бояре и митрополит Дионисий короновали Федора в Успенском соборе. Опираясь на вековую традицию, Боярская дума вернула себе прерогативы, уграченные ею в опричнину.

По случаю коронации власти объявили общую амнистию. «Многие князья и знать из известных родов, попавшие в опалу при прежнем царе и находившиеся в тюрьме двадцать лет, — писал Джером Горсей, — получили свободу и свои земли. Все заключенные освобождались, и их вина прощалась». Горсей наблюдал пермены своими глазами. В его рассказе особого внимания заслуживает упоминание о давних тюремных сидельцах. Несложный арифметический расчет показывает, что они оказались за решеткой в самом начале опричнины. Царь Иван пытался примириться с убиенными, но прощать оставшихся в живых изменников он и не думал. Самым важным положением амнистии был пункт о возвращении земель знатым лицам, получившим свободу. Путь к возрождению родового княжеского землевладения был открыт.

Шуйские использовали благоприятную ситуацию, чтобы расширить свои вотчины. После казни Александра Горбатого его богатейшая вотчина — село Лопатниче со множеством приселков и деревень — была конфискована. Царь специально упомянул о ней в своем завещании, приказав передать вотчину царевичу Федору. Шуйские далеко разошлись в колее с князьями Суздальскими. Тем не менее регент князь Иван Шуйский по-

лучил из мзны вотчину Горбатого. Он завладел также богатыми землями, принадлежавшими прежде удельному князю Ивану Бельскому. В его руки перешел город Кинешма с обширной волостью. В качестве кормления воевода получил Псков «со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего некоторому боярину не даывал государь». Псков был одним из самых богатых торговых городов России, и в распоряжение регента поступили огромные средства.

Источники не сохранили сведений о земельных приобретениях Василия Шуйского. Они были очень велики, судя потому, что его младший брат Дмитрий получил вместе с чином кравчего «в путь» город Гороховец со всеми доходами. Боярин Василий Скопин-Шуйский удостоился «великого государева жалованья». Ему был отдан в кормление Каргополь.

Иван Грозный возвысил знать литовского происхождения, чтобы ограничить влияние своей братии — древней суздальской аристократии. После его смерти суздальские князья использовали местничество, чтобы вернуть себе былое величие. Князь Василий Шуйский в декабре 1584 г. затеял тяжбу главой думы, удельным князем Федором Мсгиславским и с князем Тимофеем Трубецким.

Царствование Федора Ивановича началось неладно. Волнения в Москве улеглись, но участились разбойные нападения и пожары. Город был наводнен разбойниками, которых считали главными виновниками поджогов. 10 июля 1584 г. польский посол писал из Москвы, что разногласиям и постоянным междоусобиям у московитов нет конца: «... вот и сегодня я слышал, что между ними возникали большие споры, которые едва не вылились во взаимное убийство и пролитие крови».

Царь Федор отличался слабым телосложением и казался недолговечным. В 1585 г. он тяжело заболел. Его кончины ждали со дня на день. В такой ситуации Борис Годунов затеял тайные переговоры с австрийским двором о браке царицы Ирины с австрийским принцем. Дело кончилось неслыханным скандалом: царь Федор выздоровел, а переговоры получили огласку.

Князь Василий Шуйский с братьями воспользовались промахом Годунова и выступили с нападками на правителя в Бо-

ярекой думе. Инициаторы интриги вынуждены были оправдываться. «И мы то ставим в великое удивление, што такие слова злодейские (о сватовстве к «цесареву брату». — Р.С.) некто затеял злодеи и изменники». — заявили они. Федор был оскорблен до глубины души.

Осенью 1585 г. Юдунов обратился с тайным ходатайством к английскому двору. Он просил в случае беды предоставить его семье убежище в Англии.

Шуйские добились устранения Бельского, и теперь наступила очередь другого опричного временщика — Годунова. Планы бегства за рубеж свидетельствуют о том, что Борис утратил поддержку Боярской думы.

Кризис власти вновь выдвинул бояр Шуйских на политическую авансцену, как это случилось после смерти Василия III. Князь Василий и его родня как никогда были близки к тому, чтобы захватить власть в государстве. Боярская дума была на их стороне.

По словам летописца, бояре «разделяхуся надвос: Борис Федорович Юдунов с дядьями и з братьями, к нему же присташа и иные бояре и дьяки, и думные, и служивые многие люди; з другую же сторону князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, и Воротыньские, и Головины, и Колычевы, и иные служивые люди, и чернь московская». Против Годунова объединились старшие бояре думы, многие дворяне и дети боярские, приказные чины и столичный народ — «чернь».

Летописец не упомянул о Романовых. После отставки регента Бельского большим влиянием при дворе Федора стал пользоваться его дядя, боярин Никита Романов. Знатностью Романовы далеко превосходили Годуновых, но в глазах Рюриковичей Шуйских и Едиминовичей Мстиславских они были худородными выскочками. Аристократическая реакция грозила покончить с высоким положением этой семьи. Неудивительно, что Романову пришлось искать поддержки у «дворовых» бояр Годуновых. Родня Федора должна была объединиться перед лицом общей опасности. Благодаря Романову Борис Годунов получил послушную царской коронации высший боярский чин конюшего и вошел в опекунский совет.

Однако Никита Романович вскоре тяжело заболел. Положение Годунова осложнилось.

Казначей Петр Головин добился устранения Бельского. Его подвиг был вознагражден. При коронации Федора он нес перед царем шапку Мономаха. Чувствуя поддержку думы, Головин стал обращаться с царским шурином Борисом дерзко и неуважительно. Если бы Головин затеял местническую тяжбу с Годуновым, он выиграл бы ее.

Интрига встревожила Бориса, и он решил нанести упреждающий удар. Ему удалось добиться решения о ревизии казны. Проверка обнаружила столь большие хищения, что боярский суд приговорил Головина к смерти. Казнь была отменена в самый последний момент.

Распри в Кремле множилось день ото дня. В былые времена Грозный неоднократно принуждал главу думы Мстиславского к публичным покаяниям. При Федоре на его голову посыпались новые обвинения. Главный боярин якобы поддался уговорам Шуйских и замыслил призвать Годунова в свой дом на пир и там убить.

Конечно, Мстиславский и Шуйский имели возможность бороться с Борисом, не составляя заговора.

В Боярской думе зрели планы развода царицы Ирины с государем, и в качестве царской невесты называли дочь Мстиславского. Посольский приказ выступил со специальным заявлением о том, что девица Мстиславская выдана замуж за князя Василия Черкасского. В русской дипломатической практике разъяснения по поводу браков в боярской среде были случаем из ряда вон выходящим. Дело было в том, что девица Мстиславская метила в жены царю.

Окружение царя Федора усмотрело в действиях главы думы измену и предложило ему подать в отставку и уйти в монастырь. Иван Мстиславский доводился государю троюродным братом, и ссора была улажена чисто семейными средствами. Первый боярин думы был принужден сложить регентские полномочия и постричься в монахи в далеком Кирилло-Белозерском монастыре. Согласие боярина на изгнание избавило от опалы членов его семьи.

Каждый шаг Годунова приближал торжество Шуйских. Тяжелая болезнь Никиты Романова и отставка Мстиславского подкрепили их уверенность в том, что они господа положения.

В глазах князя Василия Шуйского отъезд Бориса и его семьи в Лондон представлялся лучшим выходом из создавшегося положения.

Царская опала

В конце апреля 1586 г. регент Никита Романов-Юрьев умер. Последовавшее затем народное возмущение возвысило Шуйских и едва не погубило Годуновых. Царские дипломаты поспешили выступить за рубежом с категорическим опровержением слухов о том, что московские правители «в Кремле-городе, в осаде сидели». «Того не бывало, — заявили послы, — то нехто сказывал негораздо, бездельник. От ково, от мужиков в осаде сидеть? А сторожи в городе и по воротам, то не ново, издавна так ведется для всякого береженья». Дипломаты говорили неправду. Летописи и монастырские записи не оставляют сомнений на этот счет. Расходные книги Чудова монастыря засвидетельствовали факт осады Кремля с полной определенностью. В середине мая 1586 г. монастырь закупал боеприпасы «для осадного времени». Как видно, монастырские слуги в дни осады охраняли кремлевские стены вместе со стрельцами.

Летописи позволяют заключить, что внезапно вспыхнувшее возмущение застало правителей врасплох. Народ — «московских людей множество» — ворвался в Кремль и заградил площадь перед Грановитой палатой. Толпа требовала выдачи Бориса. Москвичи, повествует летописец, хотели побить камнями «без милости» всех Годуновых разом. Борис бессилен был защитить себя и своих близких.

Но разбушевавшаяся народная стихия ошеломила власть имущих. Бояре старались любой ценой успокоить чернь и удалить ее из Кремля. Ради достижения этой цели им пришлось помириться между собой. Роль мировых посредников взяли на

себя прославленный воевода Иван Шуйский и митрополит Дионисий.

От имени всех бояр регент Иван Шуйский заверил народ в том, что «им на Бориса нет гнева», что они «помирились и впредь враждовать не хотят меж себя». Шуйские имели возможность расправиться с Юдуновыми, награв на них толпу. Поведение народа не оставляет в том сомнения. Двое «торговых мужиков» — вожаки толпы — в запальчивости начали было спорить с боярином. «Помирились вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть да и нам погинуть». Но Шуйским были чужды методы опричнины. Прибегать к незаконным мерам такого рода было не в правилах регента.

Момент был упущен, и настроение толпы переменялось. Как только народ покинул Кремль, бояре немедленно затворили все ворота, расставили стрельцов на стенах и окружили многочисленной стражей Государевдвор. Началось известное по дипломатическим документам «сидение» в Кремле в осаде.

Люди Бориса позаботились о том, чтобы с наступлением ночи захватить двух купцов-смутьянов, перечивших Шуйскому. Они были немедленно сосланы «безвестно, неведомо куды».

Судьба Годуновых, казалось, висела на волоске. Борис все больше утверждался в намерении искать спасения за рубежом. Лагерь его сторонников таял на глазах.

Знать спешила использовать ничем не прикрытое поражение Бориса, чтобы окончательно избавиться от него. Шуйские инспирировали новое выступление земщины против Юдуновых. Как русские, так и иностранные источники совершенно различного происхождения одинаково свидетельствуют о том, что оппозиция пыталась принудить царя к разводу и тем нанести смертельный удар влиянию Бориса.

Согласно летописи, митрополит, большие бояре, столичные гости просили Федора «вся земля Царские державы своя пожаловати, прияти бы ему второй брак, а царицу первого брака Ирину Федоровну пожаловати отпустить во иноческий чин и брак учинити ему царьскаго ради чадородия».

Боярская дума, записав шведский агент Петр Петрей, имела обычай разводить великих князей с бездетными женами. Мос-

ковские власти и простой народ намеревались отправить в монастырь великую княгиню. Но Борис расстроил эти замыслы.

●Сведомленный московский дьяк Иван Тимофеев подтверждает шведскую версию. В обычных для него витиеватых выражениях он повествует о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц — дочерей первых после царя бояр, «яко да не поудится некими царь прикяти едину от них второбрачем в жену неплодства ради сестры его» (сестры Бориса Годунова — царицы Ирины).

Главные бояре созвали «совет», который выразил мнение «всей земли». На соборе присутствовали представители «от больших бояр и от вельмож цареви полаты», от столичного народа — большие московские гости. Участие народных представителей придало собору земский характер. Земский собор выработал письменный документ — приговор. Члены собора скрепили его подписями — «рукописанием».

Земцы явились во дворец и подали Федору прошение, «чтобы он, государь, чадородия ради второй брак принял, а первую свою царицу отпустил во иноческий чин».

Думская оппозиция чувствовала себя достаточно сильной, чтобы действовать открыто. Ее ходатайство преследовало верно-подданические цели: бояре старались недопустить пресечения законной династии и следовали воле Грозного. Члены собора строго придерживались московских традиций, согласно которым бесплодие жены считалось достаточной причиной для развода. Под таким предлогом Василий III отправил в монастырь жену Соломону Сабурову. Иван IV постриг двух своих жен по той же причине.

Последовавшие за демаршем репрессии позволяют устоявить круг лиц, участвовавших в соборном постановлении. То были бояре Иван Петрович Шуйский, Василий, Андрей и Дмитрий Шуйские, Василий Скопин-Шуйский, боярин князь Петр Татъ-Стародубский, боярин Федор Шереметев, воевода Иван Крюк-Колычев. Шведский агент Петрей упомянул о том, что бояре выбрали «сестру князя Флора Ивановича Мстиславского, родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и

хотели ее выдать замуж» за царя Федора. Позиция главы думы имела существенное значение.

Записки английского посла Джильса Флетчера дают полное представление о первых лицах думы. О Федоре Мстиславском и Василии Скопине посол дал убийственный отзыв. Они «более знатны родом, нежели замечательны по уму, и потому, сколько можно судить, назначены (в Боярскую думу) больше для того, чтобы... делать честь своим присутствием, нежели для советов».

Скупой на похвалы, Флетчер выделил среди членов думы князей Василия и Андрея Шуйских. Первый «почитается умнее своих прочих однофамильцев», второй «почитался за человека чрезвычайно умного». Высокой оценки удостоился также Иван Петрович Шуйский, «человек с большими достоинствами и заслугами». Трое бояр Шуйских, по-видимому, и были вдохновителями интриги.

Хотя оппозиция действовала обдуманно, она тем не менее допустила роковой промах, сбросив со счетов слабоумного царя. Федор давно подчинился авторитету умной Ирины Годуновой и цепко держался за свою семью. Ходатайствочитов было отвергнуто. В молодости Федора угнетал страх перед отцовскими побоями. Но даже свергнутому деспоту-отцу не удалось принудить безвольного сына к разводу. Еще меньше шансов на успех имели бояре и митрополит, предпринявшие попытку вмешаться в его семейную жизнь.

Борису Годунову предстояло разрешить неразрешимую задачу. Желая любой ценой сохранить трон за сестрой Ириной и ее потомством, он продолжал зондировать почву относительно брака Ирины с одним из австрийских герцогов. Противники Бориса не возражали против поисков кандидата на трон за пределами России. Но они ориентировались не на Австрию, а на Речь Посполитую.

Литовский канцлер Лев Сапега в письмах из Москвы сообщал, что знатные московские бояре являются сторонниками короля Батория. Персводчик Посольского приказа Заборовский в 1585 г. подтвердил эту информацию и дополнил ее важными подробностями. Он тайно уведомил Батория о том, что прополь-

скую партию в Москве возглавляют Шуйские, которые «очень преданы королю и все надежды возлагают нато, что своими владениями, как бы «отцы в ореоле», соседствуют с королевскими владениями». Осведомленность чиновника московского дипломатического ведомства не подлежит сомнению.

Австрийский посол Варкоч писал в своем донесении из Москвы в 1589 г.: «Душприказчики (царя Ивана. — *Р.С.*) хотели (как ныне заявляет Борис) тайно стовориться с Польшей и включить Россию в ее состав; вообще имеются основательные подозрения, что все это вовсе не выдумки».

Речь шла, конечно же, не о насильственном присоединении России к Речи Посполитой, а о заключении унии. Идея унии не была нова для русского общества. Иван Грозный вел длительные переговоры с польскими дипломатами о соединении России и Польши под властью единой династии.

Шуйские выдвинули проект унии вследствие нескольких причин.

Король Баторий завершал подготовку к новому вторжению в пределы России. Переговоры об унии должны были снять угрозу немедленного нападения извне.

Шуйским и прочей знати импонировали политические порядки Речи Посполитой, ограничивавшие королевскую власть в пользу магнатов и устанавливавшие принцип выборности монарха. Бояре не прочь были распространить подобные порядки на Руси и таким путем ограничить самодержавную власть царя.

Уния с Польшей разрешала вопрос о наследнике бездетного царя. Можно поверить тому, что среди высшей знати в Москве было немало сторонников унии. Объяснялось это прежде всего тем, что в московской думе первенствовала аристократия литовского происхождения.

Дипломатические переговоры, затеянные Шуйскими, не были секретом для главы Посольского приказа канцлера Щелкалова и Бориса Годунова. Не предпринимая никаких официальных шагов, они обдумывали свой вариант действий. В тайной беседе с толмачом приказа Заборовским Щелкалов говорил, что уния с Речью Посполитой приемлема при непременно условии брака

Батория с вдовой царя Федора. «Если у него (Батория. — *Р.С.*) королева уйдет из этой жизни, так что он мог бы жениться на нашей великой княгине, — говорил дьяк, — то мы сделали бы это очень охотно». Предложение насчет брака было не более чем дипломатической уловкой, поскольку и королева, и царь Федор были живы. Существенно, что предложенная канцлером комбинация устраняла возможность передачи трона царевичу Дмитрию и сохранения у власти династии Калиты.

В Речи Посполитой знали о польских симпатиях великих бояр и невольно преувеличивали их значение. В переписке Стефана Батория с иезуитом Поссевино можно встретить утверждения о том, что бояре и почти весь народ московский, не желая терпеть деспотизм Годунова, ждут лишь польской помощи.

Литовские дипломаты, ездившие в Россию, своими глазами видели, что в думе царит раздор, а народ склонен к мятежам. Их наблюдения находили подтверждение в заявлениях московских беглецов. Эти последние советовали королю не терять времени. Один из них, Михаил Головин, заявил Баторию: «Где [король] не придет, тут все ев обудет; никто... против его руки не подымет» из-за розни великой в боярах: «для розни и нестроения служить и битися никто не хочет».

В конце 1586 г. в Польше начал работу сейм, который должен был обсудить и конкретизировать планы вторжения в Россию. Князь Иван Шуйский стремился предотвратить нашествие, для чего все средства, включая тайные переговоры, были хороши.

Борис вел в строжайшей тайне переговоры с Габсбургами. Шуйский также использовали методы тайной дипломатии, и Годунов бросил им прямое обвинение в изменнических связях с литовцами. Если верить донесениям литовской секретной службы, глубокой осенью 1586 г. правитель заявил в думе, что Андрей Шуйский ездил под видом охоты на границу и встречался там с литовскими панями. По слухам, боярину удалось оправдаться. Но разбирательство в думе будто бы закончилось тем, что Годунов и Шуйский подрались и ранили друг друга.

Осведомленные наблюдатели утверждали, что недовольные организовали форменный заговор против Бориса. Австрийский посол Варкоч узнал о нем из уст самого Годунова. В отчете обе-

седе Варкоч писал: «Душеприказчики (царя Ивана. — *Р.С.*) приобрел и себе много тайных сообщников, особенно из горожан и купцов, для того чтобы внезапно напасть на Бориса и всех тех, кто стоит им поперек дороги, убрать их, а в дальнейшем править по своей воле».

Правитель знал о планах заговорщиков. Но он не в состоянии был помешать их действиям и, по словам Горсея, довольствовался тем, что окружил себя многочисленной охраной.

В последних числах декабря 1586 г. в пограничную литовскую крепость Витебск поступил и сведения о крупных беспорядках в русской столице. Местный воевода направил своему правительству два письма с информацией об этих событиях. В первом письме он сообщал, что зачинщиком беспорядков был Андрей Шуйский, которому удалось договориться со Щелкаловым. Во втором письме имя Щелкалова не фигурировало. Согласно последней версии, во время нападения Шуйского на двор Годунова погибли сам Борис и другой большой боярин, было перебито 80 человек.

Литовцы сочувствовали Шуйским и давно ждали известий об их успехе. Потому они легко поверили тому, что Годунов погиб, а Щелкалов примкнул к мятежникам. Слух и такого рода оказались недостоверными.

Положение правителя Годунова ухудшалось со дня на день, что и служило почвой для всевозможных неблагоприятных для него толков. Между тем появились обстоятельства, которые придали событиям новое направление.

Исключительно важным представляется свидетельство агента Бориса Годунова Джерома Горсея, до сих пор не оцененное.

Выполнив поручение Бориса, Горсей в 1586 г. вернулся в Москву, где был приглашен в дом к боярину Годунов доверительным расказал о многих переменах, происшедших в Москве за время отсутствия англичанина. «Я был огорчен, — записал англичанин, — услышав о заговорах родственницы царичи, матери царевича Дмитрия и отдельных князей, объединенных с ним (Борисом Годуновым. — *Р.С.*) в регентстве по воле старого царя...» Горсей хорошо знал и Марию Нагую, мать царевича Дмитрия, и регента Ивана Шуйского.

Царь Федор мог умереть в любой момент, и тогда отсутствие утвержденного думой законного наследника грозило привести к смуте и кровопролитию. Дмитрию едва исполнилось четыре-пять лет, но это не имело значения. Шуйские могли сформировать при мальчишке новый регентский совет, поскольку старый совет распался.

Царевич Дмитрий стал представлять реальную угрозу для правителя с того момента, как Шуйские завели переговоры с Нагими.

Углич оказался втянут в опасную затею. Нагие по-своему готовили царевича к грядущим переменам, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. В характере Дмитрия рано проявилась унаследованная от отца жестокость. Зимой мальчик лепил снежные фигуры и называл их именами ближних бояр. Окончив работу, он принимался лихо рубить им головы, приговаривая: «Это Мстиславский, это Годунов». Характерно, что Нагие не учили царевича рубить голову Шуйскому, который был фактическим руководителем столичной Боярской думы.

При дворе Федора детские «глумления» царевича вызвали недовольство и страх. Взаимные подозрения достигли предела. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти были записаны в 1588—1589 гг. послом Флетчером. Они оказались живучими и попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквам приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что он зачат в шестом браке, а следовательно, является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Годунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его шестого брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завеша-

ние. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола. Однако царское завещание было уничтожено.

Упрямство Федора, его отказ развестись с Ириной ставили думу в трудное положение. Главный регент Шуйский и дума обязаны были позаботиться о том, чтобы царь имел законного и принятого народом наследника. Бояре исчерпали все возможные средства и рано или поздно должны были вспомнить о младшем сыне Грозного.

Столкновение между Боярской думой и слабоумным самодержцем вызвало кризис, быть может, самый серьезный со времени опричнины. Через своих многочисленных клиентов бояре старались сформировать неблагоприятное для царской семьи общественное мнение. Никогда еще на Руси не слышно было столько непотребных толков о великом государе и царице. Клевету распространяли враги Годунова. Им надо было очернить помазанника Божьего в глазах народа, доказать, что «дурак» не может добиться повиновения даже от своих ближайших родственников и придворных. Толки о скандалах в царской семье готовили почву для переворота. Достаточно было на несколько часов изолировать юродивого царя от его окружения — Годунова и его родни, — чтобы уредить над самодержцем законную опеку.

Кризис достиг высшей точки, и власти пустили в ход репрессии. 13 октября 1586 г. митрополит Дионисий был лишен сана, пострижен в монахи и сослан в Хутынский монастырь в Новгороде. Его «собеседника» архиепископа Крутицкого Варлаама Пушкина заточили в новгородский Антониев монастырь. Опальные церковники получили возможность продолжать свои «беседы» в тиши и уединении.

Вслед за тем Годуновы обрушили удар на Боярскую думу. В январе 1587 г. Посольский приказ через своих представителей за рубежом официально уведомил королевский двор о том, что царь отослал боярина Андрея Шуйского в деревню, а «опалы на него некоторые не положил», что боярин повинен в «воровстве» — «к бездельником приставал», а с ним вместе «поворовали были, не в свойское дело вступилися, к бездельником пристапи» московские «торговые мужики».

Наказанию на первых порах подвергся один Андрей. По заявлению русских послов, Василий, Дмитрий, Александри Иван Шуйские «находятся в Москве», а боярин Иван Петрович «поехал к себе в свою отчину». Борис явно желал скрыть от поляков факт ссылки знаменитого воеводы.

Московское население в лице торговых мужиков вступилось не в свое дело — иначе говоря, не только поддержало ходатайство о разводе государя, но и учинило смуту в столице. Власти официально признали князя Андрея повинным в мятеже — «воровстве». Так с о рода обвинения следует сопоставить с глухими упоминаниями источников о попытках Андрея Шуйского спровоцировать нападение черни на подворье Годуновых.

Князь Андрей пошел в своего деда — князя Андрея Михайловича. Его отличала склонность к авантюре и риску. Но, кроме того, он был храбрым воином.

Беспорядки в столице произошли в сентябре — октябре. Брат князя Андрея Василий с весны 1585 и до осени 1586 г. находился на воеводстве в Смоленске. Ранее 15 октября он был сведен с воеводства и отозван в столицу.

В конце 1586 г. в Москве пролилась кровь. По приказу властей шесть купцов, главных сообщников князя Андрея, были обезглавлены «на Пожаре» у стен Кремля. В их числе были Федор Нагой, Юлуб, Русин Синеус. Многие посадских людей подвергли пыткам, а затем отправили в ссылку в Сибирь.

Описанные казни послужили отправной точкой длительного розыска. Не позднее весны 1587 г. власти отдали приказ об аресте Шуйских. Пока что речь шла о «малой опале». В июне 1587 г. Посольский приказ разъяснил полякам, что Шуйские творили многие «неправды» царю, но «государь наш еще к ним милость свою показал не по их винам, памятуя княж Иванову службу, опалы своей большой на них не положил, сослал в деревню...». Местом ссылки князя Ивана Петровича стал укрепленный городок Кинешма.

Московские казни осложнили ситуацию. Страна оказалась на пороге новых потрясений. Весь горизонт, от края до края, затянули грозовые тучи. Однако удар грома последовал с западом.

Тайные казни

Прошло несколько лет после окончания Ливонской войны, а последствия войны и разрухи не были преодолены. В 1587—1589 гг. на страну обрушились новые стихийные бедствия. Неблагоприятные погодные условия погубили урожай. Цены на хлеб взлетели в Москве и Новгороде, Владимире и Холмогорах. Крестьяне искали спасения на плодородном Юге.

Писцы и дозорщики доносили о многочисленных случаях дворянского «оскудения». Разорившиеся служилые люди и члены их семей бросали пустые поместья, шли в кабалу к боярам, изредка садились на крестьянскую пашню, чаще питались подаянием. Недовольство низшего дворянства породило глубокий политический кризис.

В связи с голодом 1588 г. осложнилось положение в столице. Толпы нищих и бродяг заполнили городские улицы. Народ винил в своих бедах Бориса Годунова, ошкетворявшего несправедливую власть. Его бранили и втихомолку, и открыто. Англичанин Флетчер видел в 1588—1589 гг., как московская толпа жадно внимала пророчествам юродивого, поносившего Бориса. «В настоящее время, — записал он, — есть один в Москве, который ходит голый по улицам и восстанавливает всех против правительства, особенно же Годуновых, которых почитают притеснителями всего государства». К 1589 г. голод в стране кончился, но положение в Москве оставалось тревожным. С наступлением весны правительство, опасаясь уличных беспорядков, отдало приказ о размещении в городе усиленных военных отрядов.

Круг сторонников Бориса сузился. Соперничество с соправителем Андреем Шелкаловым приобрело открытые формы. Опала на дьяка усугубила политическое одиночество правителя. Даже доброжелатели Бориса не питали иллюзий насчет его будущего. Австрийский посол Варкоч писал в 1589 г.: «Случись что с великим князем, против Бориса снова поднимут голову его противники... а если он и тогда захочет строить из себя господина, то вряд ли ему это удастся».

Наибольшую опасность для Годуновых таил сговор Шуйских с Нагими. Сговор мог иметь место лишь при одном непременно-

ном условии. Родня царевича Дмитрия, Нагие никогда бы не пошли на соглашение с регентом, если бы тот не признал прав царевича как законного наследника трона. Дело шло к заговору в пользу царевича Дмитрия. С точки зрения царствующей персоны подобного рода заговор означал грубое нарушение данной Федору присяги и не мог рассматриваться иначе, как государственное преступление.

Розыск о боярской измене должен был укрепить положение правителя. По свидетельству «Нового летописца», раздор с Шуйскими завершился тем, что Годунов будто бы подкупил слуг бояр Шуйских: «научи на них доводити людей их Федора Старова с товарищи и возложи на них измену».

Активную роль в расследовании играли бывшие опричники дворяне Татищевы. Дьяк Иван Тимофеев вспоминал, что Михаил Татищев помог Василию Шуйскому взойти на трон, но когда-то прежде, ради получения сана и чести, угождая Борису, «всеродно» бесчестил Василия, «даже и до рукоблания всеродно той досаждая». Всеродному гонению Шуйские подверглись в 1586—1589 гг. За свои заслуги перед Борисом Татищев получил чин ясельничего, а затем думного дворянина.

После розыска младшие Шуйские были арестованы в своих усадьбах и подвергнуты тюремному заключению. Князя Андрея заточили в тюрьму в Буйгороде. Как значится в книгах Разрядного приказа, «того же году 95-го сослан в опале в Галич князь Василий Иванович Шуйский». Из записи следует, что приставами уопального боярина Василия Шуйского и его брата Александра были Андрей Замыцкий и галицкий судья князь Михаил Львов. Оба дворянина внесены в список двора Федора (1588—1589 гг.). Против имени Замыцкого имеется помета «у Шуйских», против имени Львова — «у колодников, в Галич». Князей Дмитрия и Ивана оставили в селе Шуя. В дворовом списке конца 1588 г. имеются пометы о посылке приставов (Замыцкого, Окинфова, Вырубова) к арестованным Шуйским.

В том же списке против имени дворянина Федора Жеребцова сделана помета: «У Афанасия у Нагово». Очевидно, Нагой оказался под стражей одновременно с Шуйскими, и скорее всего по одному с ними делу. В декабре 1588 г. Афанасий сделал

вклад в Троице-Сергиев монастырь «по сыне Пегре». Сына арестовали и отправили в Антониев-Сийский монастырь. В начале 1589 г. власти распорядились усилить надзор за Петром, «приставить к нему приставов и никого не пускать к нему в келью».

Слухи об опалах в России широко распространились в Польше, и Борис считал необходимым опровергнуть их. Посольский приказ выступил с новыми разъяснениями по поводу Шуйских. «...Князь Андрей Шуйской с братьею, — заявили московские послы, — учали перед государем измену делать, неправду и умышлять с торговыми мужики на всякое лихо, а князь Иван Петрович, им потакаяючи, к ним же пристал, и неправды многие показал перед государем».

В чем именно состояли «неправды» и «измена» Шуйских и их приверженцев — «мужиков»? Обвинения включали, по-видимому, несколько пунктов: «злодейскую» попытку вмешаться в семейную жизнь великого государя и навязать ему развод, тайные сношения князей Шуйских с польским королем, сговор бояр с Нагими.

Современо причины обвинения крамольных бояр в намерении «предаться» польскому королю стали традиционными. В отношении Ивана Шуйского обвинения такого рода поражали своей нелепостью. Именно Иван Шуйский отразил нападение Батория на Псков и стяжал славу героя войны с Польшей.

Борис Годунов не посмел преследовать вдову-царицу Марию Нагую, но всеми мерами старался укоренить в обществе взгляд на царевича Дмитрия как на незаконнорожденного. По воле отца царевич получил во владение Угличское удельное княжество. Стараниями Годунова его права на удел были ограничены почти упразднены.

Афанасий Нагой был величайшим мастером политических интриг. Он готов был пустить в ход все возможные средства, чтобы доставить трон Дмитрию. Нагие и Шуйские принадлежали к противоположным полюсам политической жизни, но их объединяла вражда к правителю.

Оказавшись в изоляции, Годунов прибегнул к насильственным действиям. По замечанию В.О. Ключевского, современни-

ки верно понимали затруднительное положение Бориса при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым.

Джером Горсей был поражен переменам, когда явился в Москву в 1586 г. «Я был огорчен, — писал англичанин, — увидев, какую ненависть возбудил в сердцах и во мнениях большинства князь-правитель, которым его жестокости и лицемерие казались чрезмерными».

Сослав Шуйских в деревню, Борис приказал следить за каждым их шагом. Регент Иван Петрович Шуйский из Кинешмы был переведен в суздальскую вотчину — село Лопатниче. Не позднее весны 1587 г. боярин ездил к вдове царевича Ивана Ивановича в Покровский монастырь в Суздале. Вскоре старица посетила Шуйского в Лопатниче.

Борис заподозрил неладное и отрядил в Суздаль бывших опричников — боярина князя Дмитрия Хворостинина и казначея Дмитрия Черемисинова. Они провели розыск в монастыре. Вслед за тем в село прибыл князь Иван Туренин, родня и доверенное лицо правителя. Он арестовал боярина и под охраной отвез на Белоозеро. В Кирилло-Белозерском монастыре регента насильно постригли в монахи. Монастырь стал местом одновременного заточения двух главных душеприказчиков Грозного — Мстиславского и Шуйского.

Старец Иов Шуйский недолго жил в глухой северной обители. В конце 1588 г. по всей стране прошла молва о его смерти. Англичане Джильс Флетчер и Джером Горсей, летописцы московские и псковские упомянули о том, что «великий боярин» был убит по приказу Бориса. Но кто может сказать, записали ли они достоверные сведения или клеветнические слухи? Рассеять сомнения помогают подлинные документы, найденные в фондах Кирилло-Белозерского монастыря.

Насраницах монастырских владных книг кирилловски монахи записали, что 12 ноября 1588 г. в их обитель прибыл пристав князь Туренин, а 28 ноября этот пристав внес большое денежное пожертвование на помин души князя Ивана Шуйского. «А корм на преставление его (князя Шуйского. — *Р.С.*), — отметили старицы, — ноября в 16 день». Очевидно, Туренин не мог пожертвовать деньги на опального без прямого царского повеления. Чтобы снестись с

Москвой, ему нужен был самое малое месяц. Следовательно, распоряжение из столицы он не мог получить раньше середины декабря. Как же случилось, что Туренин «упокоил» душу опального в ноябре, на 12-й день после его кончины? Неизбежно предположение, что правитель поручил Туренину не только привезти Шуйского на Белоозеро, но и убить его.

По словам псковского летописца, Борис «угуши сеном» бывшего опекуна. Аналогичные сведения сообщает англичанин Горсей. Болрина удушили «дымом от зажженного сырого сена и жнива». Самый способ казни свидетельствовал о том, что Борис старался убрать соперника без лишнего шума. В тех же целях был затеян маскарад с пострижением.

Казнь Шуйского можно назвать поистине «благочестивым» убийством. Московские государи перед кончиной обычно надевали иноческое платье. Не всем это удавалось. Грозный сподобился пострижения уже после того, как испустил дух. По понятиям людей того времени, «ангельский образ» облегчал поустороннюю жизнь.

Скольбы критической ни казалась ситуация, убийство Шуйского было продиктовано не трезвым политическим расчетом, а чувством страха. Пострижение регента покончило с его светской карьерой, ибо в мир он мог вернуться лишь расстригой. По словам Горсея, все оплакивали знаменитого воеводу. Репутация Годунова была загублена окончательно. Отныне любую смерть, любую беду молва мгновенно приписывала его злой воле.

Признанным главой антигодуновского заговора был Андрей Шуйский, но его казнь была отсрочена на год. Согласно семейным преданиям, князя Андрея умертвили в тюрьме 8 июня 1589 г. Его палачом стал стрелецкий голова Смирной Маматов. Местом гибели боярина называют разные места, включая Буй-город, Каргополь и Самару. Дата смерти не поддается проверке.

Вместе с Шуйскими от гонений Годунова пострадали многие знатные лица. В качестве их главных сообщников летописи называют князей Татевых-Стародубских. Подобно Шуйским, Татевы принадлежали к суздальской знати. В самом начале розыска об измене Шуйских боярин Петр Татев принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре (12 сентября 1586 г.). Князь Иван

Андреевич Татев был сослан в Астрахань и заточен в тюрьму. Всего за месяц до пострижения Татева монашеский куколь надел думный дворянин Михаил Безнин, добившийся больших успехов по службе.

Наряду с Шуйскими гонениям подверглись семьи, принадлежавшие к первостатейной старомосковской знати, — Шереметевы и Колычевы. Известного воеводу Ивана Крюка-Колычева в опале увезли в Нижний Новгород и посадили в каменную тюрьму. Боярин Федор Шереметев побывал в польском плену и присягал там на верность Баторию. В 1588 г. он был послан с ратными людьми в Казань, а через год ушел в монастырь. Боярина обвиняли в том, что он «с князем Иваном Петровичем Шуйским государю царю Федору изменял».

Среди сообщников Шуйских источники называют дворян — Андрея Быкасова и князей Урусовых. По преданию, в связи с делом Шуйских попал в монастырь ростовский сын боярский Аверкий (Авраамий) Палицын, знаменитый впоследствии писатель Смутного времени.

Московские власти многократно подчеркивали вину «торговых мужиков», которые «поворовали» и «не в свойское дело вступились». Жестокое наказание «мужиков» объяснялось тем, что они располагали крупными капиталами и, по всей видимости, финансировали интригу Шуйских. Имеются основания полагать, что в числе опальных «мужиков» были не только столичные купцы, казненные «на Пожаре», но и богатейшие солепромышленники Строгановы.

Боярский список 1588—1589 г. позволяет установить имена лиц, находившихся в опале, под стражей, в тюрьме или ссылке в период между сентябрем 1588 г. и концом 1589 г. В их числе были удельные князья Иван и Дмитрий Воротыньские (помета: «В деревне оба»); князь Михаил Андреевич Щербатов-Оболенский («В тюрьме в опале»); князь Михаил Ноздроватого-Звенигородский («В опале»); князь Иван Елецкий («У пристава»); князь Афанасий Шейдяков («У пристава»); Ефим Вахромеев Бутурлин («У пристава»); Василий Борисович Сукин («У пристава в опале»); Данила Данилов Чулков («В тюрьме»); Алексей Фомин Третьяков-Ховрин («У пристава»); Влас Урусов («У пристава»);

Иван Беклемишев («В тюрьме»); Михаил Неелов («В тюрьме»); Верига Давыдов («Был в воровстве»); Батрак Вельяминов («В опале»); Сотник Лихарев («В тюрьме»); Иван Мясного («У пристава»).

Неизвестно, кто из перечисленных князей и дворян попал в опалу в связи с розыском об измене Шуйских. Однако и сам по себе список тюремных сидельцев весьма красноречив.

Столкновение Годунова с Шуйскими не было вызвано случайными причинами. Каждый династический кризис или ослабление власти неизменно выносили на поверхность эту княжескую семью, олицетворявшую могущество коренной суздальской знати.

После oprичнины суздальская знать потеряла многие родовые вотчины и стала забывать родовые предания, некогда объединявшие потомков Всеволода Большое Гнездо. Ее разобщенность стремительно росла по мере формирования самодержавной системы.

Одной из важных привилегий суздальской знати была служба по особым княжеским спискам. Накануне oprичнины по княжеским спискам служили 142 лица из названных фамилий, при Федоре в 1588—1589 гг. — всего 34 князя.

Борис не стал мстить Шуйским длительной ссылкой. Опальные провели в тюрьме и ссылке два года или немногим более того, после чего Борис вернул князя Василия с уцелевшими братьями ко двору.

До ареста Василий Шуйский занимал пост первого воеводы Смоленска. После прощения он получил еще более почетное назначение — пост главного воеводы Новгорода Великого. К 1590—1591 гг. князья Василий и Дмитрий Шуйские заняли свои места в Боярской думе. В последние годы жизни царя Федора правитель, не сомневаясь более в прочности своего положения, пожаловал боярский чин двум младшим братьям Шуйским — Александру и Ивану.

Раздор Бориса с боярами, недовольство «скудеющих» дворян и городские восстания вызвали к жизни политику, некоторыми чертами напоминавшую oprичнину.

Осведомленный современник Джильс Флетчер произнес слова, которые считают поистине пророческими. Подробно описав опричные гонения, он так оценил их последствия: «Столь низкая политика и варварские поступки (царя Ивана. — *Р.С.*), хотя и прекратившиеся теперь, так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно кончиться не иначе как гражданской войной («a civil flame», в другом переводе — «всеобщим восстанием»)». Тираду Флетчера относят исключительно к Грозному и его опричнине. Но это не совсем верно.

Страницей ниже посол писал без обвиняков, что средства, придуманные царем Иваном Васильевичем, доселе еще употребляются Годуновыми, которые стремятся «всеми мерами истребить или унижить все знатнейшее и древнейшее дворянство».

Огмеченное противоречие нетрудно объяснить. Флетчер был дипломатом и беспокоился о том, чтобы его сочинение о России не нанесло ущерба интересам Лондонской торговой компании. Он, без сомнения, лукавил, утверждая, будто прежняя «низкая политика» теперь прекратилась. Если так, пророчество английского посла приобретает совсем иной смысл. Со времени опричнины минуло два десятилетия. Грозный сам признал крушение своей политики, направленной против княжеской знати. Через год после учреждения опричнины он объявил о прощении князей, сосланных в Казанский край, и стал возвращать им отобранные ранее вотчины.

«Низкая политика» Грозного была в прошлом. Зато «низкая политика» Годунова творилась на глазах, и ей не было видно конца. Именно эта политика и должна была, согласно пророчеству посла, привести к гражданской войне в России.

Борис добился успеха благодаря опричнине и «дворовой» службе. Но он решительно отказался от «дворовой» ориентации, когда убедился, что общество противится возврату к опричным порядкам.

Годунов уступил настояниям думы и приступил к роспуску охранного корпуса — «двора». Реформа Годунова привела к тому, что верхи «двора» были возвращены на службу в земский Госу-

дарев двор, тогда как «худородные» дети боярские, служившие по городovým спискам и составлявшие основную массу охраны, растворились в провинциальном дворянстве. Их участь разделили многие стольники и стряпчие, получившие чин на опричной или «дворовой» службе.

Борису Годунову суждено было преодолеть раскол дворянского сословия и ликвидировать «двор» — последыш ненавистной опричнины. Будучи фактически преемником Ивана Грозного, Годунов упразднил его политическое наследие.

Распустив «дворовую» охрану, Борис лишился важного инструмента поддержания порядка. Подобная мера на первых порах ослабила позиции Годунова. Но в конечном счете она спасла его политическую карьеру.

Угличский следователь

Борьба за власть столкнула Годуновых как с боярской знатью, так и с их бывшими соратниками по опричной службе. Сразу после смерти Ивана IV царь Федор по совету опекунов отправил на «удель» в Углич своего младшего брата царевича Дмитрия вместе сего матерью Марией Нагой. Ликвидировав опекунский совет, Борис Годунов не только не оказал внимания семье вдовы Грозного, но еще больше стеснил ее. По наущению Бориса царь прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского. Отныне все деньги удельная семья стала получать из рук дьяка. Его постоянная опека вызывала возмущение Марии Нагой и ее братьев. На этой почве происходили постоянные ссоры и брань.

В полдень 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб в своей резиденции в Угличе. Гибель наследника престола поставила правителя в затруднительное положение. Слухи о покушениях на жизнь Дмитрия давно носились по Москве.

Годунов проявил обычную для него осторожность и предусмотрительность. Для розыска о причинах гибели царевича он согласился составить следственную комиссию, включавшую авторитетных членов Боярской думы. В Углич были посланы ли-

ца, придерживавшиеся абсолютно разной политической ориентации.

Руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. В помощники ему был назначен окольный Андрей Клешнин, известный своей преданностью Борису. Примечательно, что Клешнин доводился зятем Григорию Нагому, жившему при особе царицы Марии в Угличе.

Вся практическая организация следствия лежала на главе Поместного приказа думном дьяке Елизарии Вылузгине и его подьячих.

По прошествии времени следователь Василий Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Согласно выводу комиссии, царевич нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов невольно вызывал подозрение.

Следует ли рассматривать сохранившиеся угличские материалы как оригинал или это беловая копия? Полагают, что основная часть материалов следственного дела дошла до нас в виде белой копии. Если это копия, а оригиналы допросов не сохранились, то легко заподозрить, что черновики подверглись при копировании фальсификации.

Палеографическое исследование рукописи выявило примерно шесть или даже восемь основных почерков писцов. Следственная комиссия очень спешила. Главных свидетелей допрашивала боярская комиссия, в распоряжении которой были лучшие писцы. Параллельно другие писцы протоколировали показания полугора сотен второстепенных свидетелей. Отмеченное обстоятельство объясняет наличие многих почерков в документе. При составлении беловика такого множества писцов попросту не потребовалось бы. Достаточно было бы двух-трех человек.

Следователи не только записывали допросные речи, но и ставляли свидетелей ставить свои подписи на обороте листа. В

тексте «обыска» имеется по крайней мере 20 подписей угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших. Бисерный почерк Андрея Нагова несколько не похож на почерк полуграмотных дворцовых служителей или же на изысканный почерк двух угличских игуменов.

Следственные материалы сохранили по крайней мере две версии гибели Дмитрия. Версия насильственной смерти всплыла в первый же день дознания. Ее выдвинул дядя царицы Михаил Нагой. Он категорически настаивал на том, что царевича убили: прибежал он «к царевичю на двор, а царевича зарезали» Волохов, Качалов и Битяговский-сын. Однако Михаил не мог подтвердить свою версию ни одним свидетельским показанием.

Братья Михаила Андрей и Григорий дали уклончивые показания. По словам Андрея, он сбежал во двор и увидел, что «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, кто его зарезал». Григорий с братом Михаилом обедали на своем подворье и прибежали во дворец с запозданием. По свидетельству Григория Нагова, на двор ко дворцу «прибежали многие люди... и почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича».

Смерть члена царского дома была государственным преступлением, и глава комиссии Василий Шуйский должен был предъявить улики и арестовать тех, кто пытался ввести следствие в заблуждение и отстаивал ложную версию гибели царевича и дьяка. В соответствии с тогдашней судебной практикой судья должен был пытать лжесвидетелей, чтобы выяснить имена сообщников. Но дело в том, что сообщницей Михаила Нагова была вдова Грозного.

Местный игумен Савватий, вызванный к царице в разгар мятежа, показал, что царицу Марию он застал в церкви Спаса возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалова Михайлов сын Битяговского Данилода Осип Волохов». Михаил Нагой лишь повторил слова царицы. Выдвинув версию убийства, Нагие пытались оправдать незаконную расправу с государевым дьяком.

К чести главного угличского следователя Василия Шуйского, он провел розыск, не прибегая к пыткам. Дело касалось семьи Грозного, решать такие дела мог только патриарх. Боярин Василий Шуйский проводил следствие на территории удельного княжества и не мог вершить расправу над удельными боярами и слугами.

После убийства дьяка люди Нагих притащили во дворец угличского юродового приказчика Русина Ракова, и там Михаил Нагой хвастался тем, что он, Михаил, велел убить Битяговского с сыном. Раков был ближайшим помощником дьяка. В поданной митрополиту Геласию челобитной он объяснял смерть государева дьяка следующим образом: с утра 15 мая Михаил Нагой разбрался с дьяком, потом «напился пьянда велел убить Михаила Битяговского с сыном». Достоверность слов о состоянии Михаила подтвердили семь человек рассыльщиков (курьеров).

Что побудило Нагих затеять рискованное дело и фактически поднять мятеж? Причина не сводилась к тому, что Михаил Нагой был «мертвецки пьян».

Царицу раздражало то, что Битяговский распоряжался денежными доходами удельного княжества. Дьяк также исполнял роль соглядатая при удельном дворе. Нагие надеялись, что царь Федор либо умрет, либо будет свергнут и трон наследует Дмитрий. Они готовы были пустить в ход любые средства, даже прибегнуть к колдовству. Угличские рассыльщики, помощники дьяка, в своей челобитной привели его предсмертные слова: «Михайло Нагой велит убити (его, дьяка. — *Р.С.*) для того, что... (сам Нагой. — *Р.С.*) добывает ведунов, и ведуны на государя и на государыню, а хочет портить».

Во время последней перебранки у стен дворца Битяговский нехотая упомянул о ведунах, а Михаил Нагой услышал в его словах прямую угрозу. Он понимал, что ему не избежать дыбы и кнута, если дьяк подаст донос о порче царя. Когда дело дошло до суда над Нагими, московские власти первым делом распорядились привезти из Углича ведуна Андрюшку Мочалова, жившего у царицы.

Василий Шуйский допросил вдову дьяка. Она рассказала, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда колокол воз-

вестил о несчастье во дворце. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагова, Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что услышал набат в то самое время, когда сидел за одним столом с дьяком и его сыном. Таким образом, Шуйский получил бесспорные доказательства того, что Битяговский с сыном имели стопроцентное алиби.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. К вечеру третьего дня в Углич прибыл отряд правительственных войск. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряды взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагова зарезали в чулане курицу. Они измазали ножи и палицы кровью, нацеженной в таз, и отнесли оружие в ров к обезображенным трупам. Раков заявил комиссии: «Михаилу мне Нагой приказал класти к Михаилу Битяговскому нож, сыну ево нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу». Распределение оружия отразило версию злодейского убийства.

Нагие заготовили фальшивые улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Василием Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался заператься, но немедленно был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагова, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. Брат Михаила Нагова Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

В отличие от вымышленной версии об убийстве версия нечаянной смерти опиралась на подробные и совпадающие показания очевидцев гибели Дмитрия.

В полдень 15 мая царица Мария отправилась обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Во время игры царевич погиб. Четыре дня спустя из Москвы в Углич прибыл Василий Шуйский. В основу своих выводов боярская комиссия положила подробные показания Василисы Волоховой. Фактически она была признана главным свидетелем. Объяснялось это достаточно просто. Василиса была хорошо известна при московском дворе. Она пользовалась полным доверием Ивана Грозного и много лет служила при нем постельницей. После его смерти она последовала за вдовой-царицей в Углич. При царевиче Дмитрие Волохова исполняла должность боярыни-мамки. В иерархии дворцовых чинов она стояла неизмеримо выше всех других лиц, непосредственных очевидцев происшествия.

Следователи выяснили, что подле Дмитрия в момент его смерти находились четверо жильцов. Титул «жилец» носили молодые дворяне, охранявшие покои и фактически исполнявшие службу телохранителей при особе монарха или княжича.

Во дворе кремля при Дмитрии находились: Петрушка Колобов, сын постельницы, Баженко Тучков, сын кормилицы, Ивашка Красенский и Гриша Козловский. Когда они предстали перед следственной комиссией, им задали вопрос: «Что в те поры за царевичем были?» Они отвечали, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постельница».

Вдова оставила сына с боярыней Волоховой, постельницей и кормилицей. Почему же мальчики не упомянули имени боярыни? Этот вопрос позволил исследователям усомниться в «доказательной силе» свидетельства очевидцев: «...если «жилцы» не упомянули о Василисе, то они могли «забыть» и о присутствии других лиц.» (А.А. Зимин).

Предположение о том, что мальчики хитрили, не находит подтверждения в источнике. Они изложили то, что видели своими глазами. Если они не назвали боярыню, значит, в момент

смерти Дмитрия ее не было во дворе. Она отлучилась либо на обед, либо по делам.

Слова ребяток позволяют объяснить поведение царицы. Она передала сына на руки боярыне, которая несла всю ответственность за его жизнь. Волохова принадлежала к кругу самых близких к царице лиц. Но мамка покинула ребенка. За нерадивую службу, стоившую жизни питомцу, царица набросилась на мамку и, ухватив попавшегося под руку полсно, стала бить по голове смертным боем. «Окаянная мамка» должна была испытать ту же чашу — лишиться собственного сына. Нагая объявила, что Дмитрия зарезал Осип Волохов, что было равносильно смертному приговору.

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили, после боярыни-мамки, кормилица Арина Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо «жильцов». По их свидетельству, царевич тешился игрой в тычку. Очевидцы кратко, но точно и живо описали то, что случилось на их глазах: «играл-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож». Придавая исключительное значение показаниям ребят, следовательно дважды сформулировали один и тот же вопрос. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем были?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они, четыре челоуеки жильцов, да кормилица, да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли»? На этот вопрос «робятки» ответили отрицательно.

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не убоившись гнева своей государыни? Такое предположение начисто опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — людкючники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда ца-

рица села обедать, они стояли «вверху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился дси царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него немочь ладучая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из мальчиков, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили взрослые, приглядывавшие за играющими мальчиками.

Может быть, угличский «обыск» все же был хитроумной подделкой? «Во всяком случае версия о «самозаклании» царевича могла быть измышлена сразу после убийства Дмитрия с целью самосохранения лиц, находившихся во дворе вместе с ним» (А.А. Зимин).

О каком самосохранении могли думать деги, игравшие с Дмитрием, или же кормилица? Слова кормилицы Арины Тучковой отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Признание подобного рода таило в себе угрозу. За провинность, повлекшую гибель члена царской семьи, полагалась казнь. Но кормилица не думала об этом. Она искренне жалела вскормленного ею ребенка.

Для опровержения данных угличских следственных материалов нужны серьезные основания, а их нет.

Никак не менее шести человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу, Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел через окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин. — Р.С.) ...то видел».

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, случайно.

Царевич поранил себе горло, играя в тычку со сверстниками. Ножичек не однажды оказывался в его руке при эпилептических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг и он... мать свою царицу тогда сваею поколел». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколел сваею мать свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть Василия Шуйского и членов его комиссии за то, что они не смогли отыскать главную улику — злополучный ножичек, которым поколелся Дмитрий? Вряд ли.

Трудно усомниться в том, что Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка — ножичек царевича — очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием — «ногайским» ножом. Длинные окровавленные ножи, подброшенные в ров, окончательно должны были убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или путаное показание. Однако следствие нарисовало столь полную и достоверную картину, что Нагой пришлось повиниться. Вдова обратилась к помощнику Шуйского — митрополиту Иелвасию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братсю». «Как Михаила Битяговского с сыном и жилцов побии, — сказала царица «с великим грошением», — и то дело учинилось грешное, виноватое». Мария Нагая признала, что расправа над Битяговскими была делом преступным и без-

зако́нным, и больше не настаивала на том, что дьяк и жильцы были убийцами ее сына.

Часто говорят и пишут, что показания о нечаянном самоубийстве Дмитрия были получены посредством угроз и насилия. Нагих заточили в тюрьму, вдову-царицу — в монастырь. В Угличе пролилась кровь многих людей.

Факт жестоких преследований угличан засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удастся установить, имели место не в дни работы комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха и обвинил его в краже вещей дьяка. Обвинения подтвердились, и конюха с его сыном взяли под стражу. Тем и кончились репрессии против угличан в дни следствия.

Боярин Шуйский хотел вернуться в Москву к Троице, которую праздновали 23 мая. Ему понадобилось несколько дней для проведения сложного расследования. Но в столице комиссию заставили ждать десять дней, прежде чем позволили доложить о результатах расследования царю и духовенству.

Промедление казалось необъяснимым. Смерть Дмитрия произвела в Москве сильное впечатление. Повсюдутаинно шептались, что виноваты во всем Годуновы. Слабоумный царь был испуган. При дворе ждали смуты и беспорядков в столице. Борису надо было как можно скорее рассеять слухи. Чем же объяснялось промедление с обнародованием выводов комиссии?

Московские власти были встревожены угличскими событиями. Боялись, как бы беспорядки не распространились на Москву.

В последних числах мая в столице произошли крупные пожары. Тысячи москвичей остались без крова. Бедствие в любой момент грозило вылиться в бунт. Нагие постарались обратить негодование народа против Бориса. Они сеяли слухи о том, что Годуновы повинны не только в убийстве царского сына, но и в злодейском поджоге Москвы. Эти слухи распространились по всей России и проникли за рубеж. Царские дипломаты, отправленные в Литву, вынуждены были высунуть с официальным за-

явлением. Они категорически опровергли молву о том, что Москву «зажгли Годуновых люди»: это «нхсто вор, бездельник затеев, сказал напрасно, Годуновы бояре именитые, великие».

Правительство провело успешное расследование причин московских пожаров и уже в конце мая обвинило Афанасия Нагова в намерении сжечь Москву и вызвать беспорядки. Боярский суд произвел допрос нескольких десятков поджигателей — преимущественно боярских холопов. Их показания позволили Годунову обвинить Нагих в поджоге столицы.

2 июня в Кремле собрались высшие духовные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами Василия Шуйского и его комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась Божьим судом». Значительно больше внимания патриарх уделил «измене» Нагих, которые вместе с угличскими мужиками побили «напрасно» государевых приказных людей, стоявших «за правду». Мятеж в Угличе — «то дело земское градецкое», и его следует передать целиком на государеву волю: «все в его царской руке: и казнь и опала и милость».

«Измена» Нагих уже заслонила собой факт гибели Дмитрия. На основании патриаршего приговора власти приказали схватить Нагих и угличан, «которые в деле объявились», и доставить их в Москву.

Комиссия Шуйского представила собору отчет и прекратила свою деятельность. Следствие о поджоге Москвы и агитации Нагих вели другие люди, имена которых неизвестны. Составленные ими материалы не были присоединены к угличскому «обыску» и до наших дней не сохранились.

В апреле 1592 г. столичные дьяки сообщили литовскому посланнику следующие подробности насчет пожаров в Москве: «...то подуровали было мужики воры и Нагих Офонасья з братьею люди, и то сыскано, и приговор им учинен. То дело рядовое, хто вор своровал, тех и казнили, а без вора ни в котором государстве не живет».

Розыск проводился с применением пыток, и это позволило судьям обосновать новые обвинения против Нагих. По свидетельству Горсея, четверо или пятеро поджигателей признались на пытке, будто еще до кончины Дмитрия царица Мария и Нагие подкупали их убить царя и Бориса Федоровича и сжечь Москву. Степень достоверности этого сообщения невелика.

«Воры»-мужики подверглись казни. Одновременно правитель не пожалел средств для того, чтобы успокоить москвичей.

Родственники царевича Дмитрия подверглись преследованиям через много месяцев после его смерти. В результате повторного расследования углического мятежа вдову Грозного насильно постригли и отослали «в место пусто» на Белоозеро. Афанасия Нагова и его братьев заточили в тюрьму. Многих их холопов казнили. После розыска сотни жителей Углича, участвовавших в погроме, подверглись наказанию: «иных казняху, иным языки резаху; иных по темницам рассылаху; множество же людей отведоша в Сибирь и поставиша град Пелым и ими насадиша; и оттого же Углич запустел».

По Москве ходила затейливая молва: якобы правитель в наказание мятежным угличанам велел «казнить» большой колокол, подавший сигнал к разгрому приказной избы и убийствам. Колоколу урезали «ухо» и в таком виде отослали в ссылку в Сибирь. Эту легенду воспроизвели на страницах своих сочинений поздние летописцы.

Боярин Василий Шуйский не имел необходимости прибегать к пыткам и казням. Проведенный им розыск не оставил места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» приклял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронem, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день

В годы царствования Василия Шуйского Поместный приказ составил справку, из которой следовало, что царь Федор Иванович по совету Бориса Годунова вопреки воле старейших бояр отменил Юрьев день. Под старейшими боярами дьяки, ко-

нечно же, подразумевали боярина Василия Шуйского и его братьев.

Заявление приказных похоже на правду. Знатные и богатые землевладельцы имели возможность предоставлять крестьянам подмогу, семена, деньги в займы и с помощью таких средств удерживать их в своих владениях. Мелкие помещики такими средствами не располагали и были заинтересованы в том, чтобы прикрепить крестьян к земле и тем самым удержать их за собой.

Опала на Шуйских 1586—1589 гг. привела к тому, что их мнение утратило прежний вес. Преодолев кризис, правитель Борис Годунов руками высшей приказной бюрократии провел в жизнь крупнейшие социальные реформы, сплотившие дворянское сословие. Он освободил от подати («обелил») барскую запашку в дворянских усадьбах. Его реформа провела резкую черту между привилегированным дворянским сословием и низшими податными сословиями.

В годы правления Годунова произошли кардинальные перемены в положении крестьян на Руси. В середине XVI в. крестьяне имели право уйти от землевладельца по окончании сельских работ, в Юрьев день (в конце ноября). Однако в конце века они утратили это право.

Как и при каких обстоятельствах сформировался крепостнический режим в конце XVI в.? Для русской истории этот вопрос имеет первостепенное значение. Наиболее обстоятельно история закрепощения крестьян изложена в Уложении царя Василия Шуйского: «...при царе Иоанне Васильевиче... крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович, по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам приказал и, у кого колико тогда крестьян было, книги учинил...» Источники подтверждают справедливость приведенного свидетельства.

В 1595 г. старцы Пантелеймоновского монастыря в Деревской пятине обратились в московский приказ с грамотой на имя царя Федора Ивановича, добываясь возвращения им крестьян и бобылей. Их обращение было процитировано в ответной грамоте из Москвы: «Ныне по нашему (царя Федора. — Р.С.) указу крестьяном и бобылем выходу нет». Процитированные грамо-

ты сохранились в подлиннике XVI в. Ссылка старцев на «указ» царя Федора о крестьянах прошла апробацию приказных властей. Более авторитетный источник трудно найти, и этот источник подтверждает достоверность свидетельства Уложения царя Василия Шуйского 1607 г. о том, что выход крестьянам «заказал» царь Федор, а не Иван Грозный.

Надо иметь в виду особенности московской приказной практики. Не только законодательные акты, но и любые другие распоряжения, приказы издавали от имени царя. Слова пантелеймоновских старцев об «указе» царя Федора точно отражали суть дела. Но по-видимому, они не были цитатой из законодательного акта.

Первым документом, четко сформулировавшим нормы «заповедных лет», была царская жалованная грамота городу Торопцу 1590 г. Правительство разрешило властям Торопца вернуть в город старинных тяглых людей, которые «с посаду разошлись в заповедные лета».

«Заповедью» на Руси называли запрет. Полагают, что режим «заповедных лет» упразднил право крестьян на выход в Юрьев день. Однако из грамоты Торопцу следует, что действие «заповедных лет» распространялось на городское население, которое к Юрьеву дню не имело никакого отношения. Можно сделать вывод, что «заповедные лета» означали временное прикрепление податного населения — крестьян и посадских людей — к тяглу, то есть к тяглым дворам и наделам.

Описание Новгородской земли, начатое при Грозном, носило вполне традиционный характер. Такие переписи проводились периодически для упорядочения налогового обложения. Однако после завершения переписи при царе Федоре власти столкнулись с большими трудностями. Из-за массового бегства крестьян с тяглых земель писцовые книги устаревали еще до того, как Поместный приказ успевал их исправить и утвердить. Чтобы не допустить обесценения поземельных кадастров и стабилизировать доходы казны, власти стали возвращать тяглых людей на их старые тяглые участки и дворы, зафиксированные в писцовых книгах.

Все документы с упоминанием «заповедных лет» относятся ко времени правления царя Федора, ни один — ко времени Грозного.

Нормы «заповедных лет» не были облечены в форму закона. Речь шла о практических распоряжениях властей, носивших временный характер.

Исключительно важны данные Уложения Василия Шуйского 1607 г. о писцовых книгах, закрепивших крестьян за землевладельцами. Из 100 уездов государства в конце XVI в. была описана треть, включая самые крупные и густонаселенные территории.

Царь Иван послал писцов в Новгородскую землю сразу после заключения перемирия с поляками. Писцы приступили к составлению новгородских писцовых книг в 1582 г., но смогли завершить перепись и утвердить книги в приказе лишь в 1584 г. при Федоре. Новгород был описан в первую очередь не только потому, что подвергся наибольшему разорению в ходе войны. Еще более важным обстоятельством было то, что в Новгороде государственная собственность образовала громадный цельный массив, составлявший ядро поместного фонда страны.

Основная перепись земель действительно была проведена при царе Федоре. Если новгородское описание носило традиционный характер, то последующее общее описание стало базой для режима «заповедных лет». За землевладельцами закреплялись те крестьяне, которые были за ними записаны в писцовых книгах.

Описание царя Федора длилось много лет. Нередко крупные уезды описывали по частям. Так, Московский уезд был описан в три приема. Были составлены писцовые книги по Пскову, Туле, Вязьме, Рязани, Костроме и др.

Однако в Ярославском, Суздальском, Шуйском и Ростовском уездах валовое описание вообще не было проведено. Этот факт даст ключ к объяснению загадки закрепощения. В названных уездах до конца XVI в. сохранилось значительное количество княжеских вотчин, а поместный фонд был ограниченным. Государство проявляло заботу прежде всего о поддержании фонда государственной земельной собственности. К концу века этот фонд пришел в упадок. Государство ввело крепостниче-

ские меры, чтобы предотвратить полное запустение помещного фонда.

Крепостнические меры не получили поддержки в среде городского населения и отмерли сами собой. Однако дворяне оценили выгоды «заповедного» режима и употребили все средства, чтобы превратить систему сузубо временных лет в постоянное узаконение.

Режим «заповедных лет» оказался недостаточно гибким. Он перестал соответствовать цели, ради которой был создан. Многие крестьяне, ушедшие из старых поместий в «заповедные лета», успели провести льготный срок у новых землевладельцев и превратились в исправных налогоплательщиков. Вторично срывать их с тяглого надела и переселять на прежнее место жительства значило нанести ущерб казне и государственной военно-служилой системе. Чем продолжительнее оказывались сроки «заповедных лет», тем менее способен был приказной аппарат распутать клубок помещичьих тяжб из-за крестьян. Власти нашли выход из положения, ограничив срок сыска беглых крестьян. В мае 1594 г. Поместный приказ прислал в Новгород грамоту с предписанием тамошним судьям «старее пяти лет суда и управы в крестьянском вывозе и во владенье челобитчиком не давати и им отказывати». Так в ходе длительной судебной практики была выработана новая юридическая норма, ограничившая срок подачи исково крестьянах пятью «урочными годами».

Введение в Новгородской земле «урочных лет» в 1594 г. знаменовало решительный поворот в процессе закрепощения. В 1595 г. старцы Пантелеймоновского монастыря в Деревской пятине смогли сослаться на указ Федора, воспрещавший выход крестьянам и бобылям. Их слова отразили перелом в правосознании современников, связанный с многолетней практикой возвращения крестьян землевладельцам в рамках режима сначала «заповедных», а потом «урочных лет».

Чем значительнее историческое явление, тем больше вероятность того, что оно отразится в источниках. Предположение, будто указ об отмене Юрьева дня был потерян, кажется маловероятным.

Разыскиваемый 200 лет указ, по-видимому, никогда не был издан. Крепостной режим был введен в России в результате частных судебных распоряжений и решений. Понятно, что боярин князь Василий Шуйский и его братья не несли ответственности за частные распоряжения, тем более что в решающие годы — при утверждении режима «заповеди» — Шуйские оказались в опале.

На протяжении столетий описи земель в Московском государстве относились к разряду юридической документации, подтверждавшей права дворян на землю и регулировавшей налоговое обложение. Введение «заповедных» и «урочных лет» при царе Федоре изменило их значение. Лисцовые книги превратились в средство прикрепления крестьян к земле. Крепостнический режим сформировался в Новгородской земле, а затем, по мере описания главнейших уездов государства, распространился на всю территорию страны. К 1593—1597 гг. власти завершили общее описание главнейших уездов государства, и лишь после этого возникла необходимость в издании общероссийского закона о крестьянах. В 1597 г. правительство издало указ, не содержащий формального пункта о запрещении крестьянских выходов, но предоставлявший всем помещикам право разыскивать бежавших от них крестьян и возвращать их в поместье со всем имуществом в течение пяти «урочных лет».

Издание закона 1597 г. означало, что система мер по упорядочению финансов окончательно переродилась в систему прикрепления к земле. Таким был механизм закрепощения многомиллионного русского крестьянства.

Междоцарствие

Василий Шуйский удачно провел розыск о событиях в Угличе, что немедленно сказалось на его карьере. Летом 1591 г. правитель направил его в Новгород Великий ввиду угрозы нападения шведов на новгородские земли. В следующем году князь Василий получил назначение главнокомандующего в рати, которая должна была отразить новые нападения шведов.

К 1596 г. братья Шуйские вновь числились старшими боярами думы, формально уступая одному Мстиславскому. Большой ратью, посланной против татар, командовали Мстиславский в большом полку, Василий Шуйский — в полку правой руки, Дмитрий Шуйский — в передовом полку.

Царь Федор умер в ночь с 6 на 7 января 1598 г. Древнюю корону — шапку Мономаха — надел на себя Борис Годунов, одержавший победу в борьбе за власть. Он не был узурпатором, так как его избрал на трон Земский собор.

Царь Федор Иванович не оставил после себя завещания. Неясно, помешал ли ему правитель или по своему умственному убожеству он и сам не настаивал на необходимости «совершить» духовную. В ходе избирательной борьбы возникли различные версии насчет его последней воли. Носились слухи, будто Федор назвал в качестве преемника Федора Романова, одного из своих братьев. Патриарх просил умирающего государя отдать «жезл царствия» Борису, но тот, «мало помолчав, рече: „Брат Федор“».

По сведениям, полученным литовской разведкой 5 февраля 1598 г., государь перед смертью сказал шурина: «Ты не можешь быть царем из-за своего низкого происхождения, разве только если тебя выберут по общему соглашению». После того он «ухажал на Федора Романовича, предполагая, что скорее изберут его». Как видно, царь Федор допускал возможность соборного избрания Годунова. Привыкнув во всем повиноваться правителю, умирающий заклинал Федора Никитича, чтобы тот держал Бориса подле себя и «без его совета ничего не делал, убеждая его, что Годунов умнее».

Официальная летопись, составленная при дворе Филарета, в миру Федора Романова, непременно упомянула бы об этом эпизоде, если бы таковой имел место. Однако летописец изложил эпизод иначе. Патриарх Иов спросил у царя Федора: «Кому сие царство и нас, сирых, приказываешь и свою царицу?» Монарх ответил ему: «...в сем моем царстве и в вас волен создавшей нас Бог».

Иной была версия, возникшая в кругу Годуновых. Федор якобы «учинил» после себя на троне жену Ирину, а Борису «при-

казал» царство и свою душу в придачу. В окончательном виде эта версия гласила, что царь оставил «на государствах» супругу, а патриарха Иова и Бориса Годунова назначил своими душеприказчиками.

Наиболее достоверные источники повествуют, что патриарх тшестно напоминал Федору о необходимости назвать имя приемника. Царь, по обыкновению, отмачивался или ссылаясь на волю Божию. Будущее жены его тревожило больше, чем будущее трона. По словам очевидцев, Федор наказал Ирине «принять иноческий образ» и закончить жизнь в монастыре. Как видно, «благоуродивый» Федор действовал в полном соответствии с церковными предписаниями и старинными обычаями.

Каждый из родственников царя имел свою причину негодовать на его поведение. В итоге Федор умер в полном небрежении. Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для миро ему положили не по-царски просто. «Освятованный» царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия II и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться как с брошенной куклой еще до того, как он испустил дух.

Со смертью Федора политическое влияние «государева шурина» должно было сойти на нет. Но этого не произошло. Борис попытался править именем сестры-царицы. Все меры, проведенные в жизнь царицей Ириной в первые дни вдовства, были подготовлены, конечно же, правителем. Следуя традиции, Ирина 8 января обнародовала указ о всеобщей и полной амнистии.

Несколько дней спустя преданный Борису патриарх Иов разослал по всем епархиям приказ отслужить службу и целовать крест Годуновым. В Пскове местные жители должны были под присягой обещать не поддаваться полякам и шведам, хранить верность православной вере, патриарху, царице Ирине, ее брату Борису Федоровичу, его сыну-наследнику и другим детям, которые когда-нибудь у него родятся. Под видом присяги сестре Борис потребовал присяги себе и своим детям, то есть попытаться «воцариться» сам.

Как правитель государства и конюший — местоблюститель трона, — Годунов надеялся, что ему удастся получить корону без промедления. Но он переоценил свои силы. Присяга не удалась. Бояре не желали признать права Бориса на трон.

При жизни Федора Ирику Годунову охотно именовали «великой государыней». Но такое звание неравнозначно было царскому титулу. До Лжедмитрия I и после него цариц не только не короновали, но и не допускали к участию в торжественной церемонии. Не будучи коронованной особой, Годунова не могла обладать царской властью, а тем более — передать ее брату.

15 января вдовствующая царица объявила о решении уйти в монастырь. Она отказалась от власти в пользу Боярской думы. «У вас есть князья и бояре, — заявила она народу, — пусть они начальствуют и правят вами». Слова царицы отвечали политическим видам бояр, и она произнесла их, вероятно, по настоянию думы.

Борису не удалось предотвратить пострижение сестры. Но он не собирался сдавать позиции. В тот памятный день, когда народ вызвал на площадь царицу, Годунов вышел на Красное крыльцо вместе с ней и постарался убедить всех, что в Московском государстве все останется так, как было. Тем временем его канцелярия составила проект «Соборного определения об избрании царя». Главным пунктом проекта было решение «поставлять царя» «по правилу сшедшимся собором». Документ четко определял, от кого исходило решение. Его приняли по благословению патриарха, «по челобитию государевых бояр, князя Федора Ивановича Мстиславского, и всех государевых бояр». В числе их были бояре князь Василий Шуйский с братьями.

Пресечение династии Калиты не означало фатальной катастрофы. Династия Рюриковичей пустила глубокие корни на русской почве и дала множество побегов. К концу XVI в. потомство варяжского конунга Игоря Старого насчитывало много сотен лиц. Династия Ивана Калиты не принадлежала к старшим ветвям киевской династии. Московские князья гордились таким предком, как Владимир Святославич. Но от него вели род все Рюриковичи.

Ближайшая родня династии, Шуйские имели наибольшие права на трон. Иностранцы выделяли их, называя «принцами крови». Ко времени кончины царя Федора в Боярской думе заседали четверо бояр Шуйских — князья Василий, Александр, Дмитрий и Иван.

Верно ли утверждение, будто Шуйские выступили на стороне Бориса? Как понимать известие литовских лазутчиков о том, что свояк Годунова, князь Дмитрий Шуйский, мирил Юдунова с остальными боярами и убеждал, чтобы они без него великого князя не избирали?

Прислушаемся к речам князя Дмитрия. Он отнюдь не предлагал выбрать царем Годунова. Он подал осторожный совет — не решать вопрос об избрании без Юдуновых. Дмитрий Шуйский и Борис были женаты на родных сестрах — дочерях Малюты Скуратова.

Надо иметь в виду, что признанным вождем рода Шуйских был не Дмитрий, а Василий. Своим авторитетом и характером он далеко превосходил братьев. О выступлении Василия в пользу Годунова ничего не известно. В глазах Шуйских не только Годунов, но и Федор Романов был слишком «худороден», чтобы претендовать на шапку Мономаха.

Шуйские бросили вызов Борису после смерти Грозного. Тогда они потерпели полный провал. Выступить против правителя во второй раз князь Василий не решился. Обстоятельства побуждали его действовать с крайней осторожностью. Близкий к Федору Романову автор «Нового летописца» утверждал, что после смерти Федора патриарх и власти, «со всей землею советовав», решили посадить на царство Бориса Годунова, «князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство». В действительности Шуйские предпочли остаться в тени. Суздальская знать, ближайшая родня угасшей династии, не смогла выдвинуть своего претендента на трон.

Рюриковичи и Гедиминовичи имели наибольшие права на трон. Но главная борьба развернулась между нетитулованными родами. Борьбу вели между собой ближайшие родственники умершего царя — его шурины Борис и двоюродный брат Федор Романов.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. В феврале за рубежом поступила информация о том, что московские бояре «никак не могут помириться, между ними великое разногласие и озлобление». Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с резкими нападками на правителя. Из-за вражды бояр Годунов перестал ездить в думу и уехал к сестре в Новодевичий монастырь.

17 февраля истекло время траура по умершему государю, и Москва приступила к выборам. Годуновы и их сторонники собрались на патриаршем дворе и вручили Иову заранее составленную «хартию». Ее авторы не упустили ни одной подробности, которая могла бы подкрепить претензии Бориса на трон. Зачитав «хартию», присутствующие объявили об избрании Бориса на трон.

Важные события произошли в тот же день в Кремлевском дворце — резиденции Боярской думы.

17 февраля, повествует австриец Михаил Шиль, бояре собрались во дворце и после длительных прений обратились к народу с особым воззванием. «Великий канцлер Василий Яковлевич Щелкалов предложил ему (народу), что, так как царь Федор Иванович умер... то пусть они присягнут и поклянутся ныне в верности князьям и боярам». Обращение канцлера означало, что дума отказалась подтвердить царский титул Бориса и попыталась учредить боярское правление.

События 17 февраля накалили атмосферу. Столица стала ареной яростной агитации против Бориса. Из уст в уста передавали слухи, будто правитель сам отравил благочестивого царя Федора, чтобы завладеть короной.

Бегство правителя из Кремля свидетельствовало о его поражении на первом этапе избирательной борьбы. Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь.

Начальные бояре не смогли обеспечить себе поддержку столичного населения. Сторонники Годунова действовали более успешно. 20 февраля патриарх предпринял «хождение» в Новодевичий монастырь, дабы умолить старицу дать брата «на Московское государство».

Борис благосклонно выслушал речи своих приверженцев, но на все их «моления» отвечал отказом. Его сторонники распустили слух о скором пострижении правителя в монахи. Под влиянием умелой агитации настроение в столице стало меняться.

21 февраля духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы и со всей «святостью» двинулось кресным ходом в Новодевичий. Переговоры с царицей Ириной и ее братом вели представители сословий.

Борис смог пожать плоды многодневных усилий. Манифестация создала видимость всенародного избрания, и Годунов, расчетливо выждав минуту, великодушно объявил толпе о своем согласии принять корону. Не теряя времени, патриарх повел правителя в ближайший монастырский собор и нарек его на царство.

26 февраля правитель покинул свое убежище и возвратился в Москву. Его сторонники не пожалели средств и сил на то, чтобы подготовить столицу к торжественному приему нового царя. Народ встречал Бориса на поле, за стенами города.

Патриарх проводил Годунова в Успенский собор и там благословил на царство во второй раз. Присугубовавшие «здоровствовали» правителя на «скифетроцарствия превзятия». По замыслу Годуновых, богослужение в Успенском соборе, традиционном месте коронации государей, должно было окончательно утвердить Бориса на троне. Но к концу дня стало ясно, что торжественная церемония не достигла цели. Годунов объявил о намерении предаться посту и вернулся в Новодевичий.

Чтобы облегчить Борису возвращение в Кремль, его приверженцы организовали третье по счету шествие в Новодевичий монастырь. Неожиданно Годунов объявил, что отказывается от трона. Однако вслед за тем инокиня-царица без промедления «повелела» брату ехать в Кремль и короноваться. Поскольку патриарх не мог короновать претендента без боярского приговора, а руководители думы продолжали упорствовать, необходимый боярский приговор был заменен указом постриженной царицы.

30 апреля Годунов торжественно въехал в столицу и водворился в царском дворце. Бояре наконец осознали, что дальнейшее промедление отнимет у них последние шансы на успех. Ли-

товские разведчики донесли, что в апреле «некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их и Федор Никитич со своим братом и немало других, однако не все, стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона». Как видно, Бельскому удалось примирить претендентов на трон и уговорить их действовать сообща.

Крещеный татарский хан Симеон по прихоти Грозного занимал некогда московский трон, а затем стал великим князем тверским. «Царская» кровь давала Симеону большие преимущества перед «худородным» Борисом.

Знать рассчитывала сделать служилого хана послушной игрушкой в своих руках. Ее цель по-прежнему сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз через подставное лицо.

Выступление антигодуновской оппозиции в думе грозило расстроить планы правителя. Он не осмелился применить санкции против Боярской думы, но постарался помешать ее деятельности под предлогом угрозы татарского вторжения.

Весной в Москву стали поступать вести о готовившемся вторжении крымских татар. По приказу Бориса разрядные дьяки составили роспись похода против татар. В апреле предполагалось послать на южную границу главные силы русской армии. Командовать ими должны были главные бояре Федор Мстиславский, Василий и Дмитрий Шуйские, Иван Юлицын.

Грозный первым стал назначать на высшие посты в армии служилых татарских «царей». Он не раз назначал Симеона главнокомандующим, но исключительно на западном театре военных действий.

Романов и Бельский предложили поставить Симеона во главе армии. Но Борис воспротивился этому.

По его совету главным воеводой большого полка — главнокомандующим был назначен вместо Симеона астраханский царевич Араеланалей Кайбулович. Боярин Мстиславский формально подчинялся ему. Во главе полка правой руки был поставлен казанский царевич Уразмагмет. В его подчинение по-

пал Василий Шуйский. С передовым полком шли сибирский пленникхан Маметкул и князь Дмитрий Шуйский.

Угроза вторжения татар была многократно преувеличена, что отвечало интересам Годунова. В обстановке военной тревоги ему удалось добиться послушания от думы. Боярам предстояло либо занять командные посты в качестве помощников служилых татарских «царей», либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене.

Серпуховский поход стал последним этапом избирательной кампании Бориса Годунова. Шум военных приготовлений помог заглушить голос оппозиции. Правитель не жалел усилий, чтобы привлечь на свою сторону симпатии массы уездных дворян и ратных людей. Он щедро потчевал их за «Царским столом», а затем велел раздать денежное жалованье.

Энтузиазм провинциальной служилой мелкоты помог Борису преодолеть колебания в среде столичного дворянства.

Вековой обычай предписывал приводить бояр к присяге в зале заседания высшего государственного органа — Боярской думы. Дума цепко держалась за старину. Но Борис велел принять присягу у бояр не в думе, где у него было слишком много противников, а в церкви. Бояре заняли привычные, весьма почетные места, но распорядились в храме все же не они, а преданный Борису Иов. Думные люди смешались с духовенством и мирянами, заполнившими церковь.

3 сентября Годунов короновался в Успенском соборе в Кремле. Церемонией руководили патриарх и великие бояре. Князь Федор Мстиславский держал шапку Мономаха, князь Дмитрий Шуйский — скипетр, Степан Годунов — золотое яблоко. Царевич Федор шел перед отцом и бросал в народ золотые монетки.

По случаю коронации царь пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатым лицам. В числе удостоенных особых милостей были Романовы и Бельский. Аристократия получила гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать кровь в течение пяти лет. При этом он постарался, чтобы его обет ни для кого не остался секретом.

Многовековое господство боярской аристократии определило политическую структуру Русского государства. Традиции воз-

двигли на пути Бориса к высшей власти непреодолимые преграды. Междоусобица грозила в любой момент разрешиться смутой. Но Годунову удалось избежать потрясений. Он без кровопролития сломил сопротивление знати и стал первым «выборным» царем.

На пороге Смуты

Годунов поклялся, что в его царстве не будет нищих, но не смог выполнить своего обещания.

В начале XVII в. на Россию обрушились стихийные бедствия, а затем началась Смута. В 1601—1603 гг. страшный голод охватил всю страну. Два года подряд дожди и ранние морозы начисто истребляли все крестьянские посевы. Население быстро исчерпало имевшиеся запасы зерна. Чтобы заглушить муки голода, люди ели лебеду и липовую кору. Смерть косила народ по всей стране. Современники считали, что за три года «вымерла треть царства Московского».

Когда в России начался голод, Борис открыл царские житницы и стал раздавать голодающим хлеб. Множество крестьян хлынуло в столицу, надеясь на царскую милостыню. Столичные запасы были быстро израсходованы, и тогда Годунов велел разыскивать запасы хлеба по всей стране и везти их в Москву. Однако на дорогах появились многочисленные шайки разбойников, грабившие царские обозы. Их действия привели к тому, что в Москве от голода погибло 120 тысяч человек. Захватывая обозы с продовольствием, разбойники обрекали на голодную смерть городскую бедноту и беженцев-крестьян, хлынувших в столицу из окрестных уездов.

Считают, что в 1603—1613 гг. в России произошел взрыв классовой борьбы и разразилась первая Крестьянская война. Так ли это?

В 1602—1603 гг. власти отправили более двух десятков дворян на борьбу с разбойниками. Осенью 1603 г. один из воевод разбил крупный отряд разбойников во главе с предводителем Хлопком в окрестностях Москвы. «Восстание Хлопка» якобы

охватило огромное пространство и переросло в Крестьянскую войну, потрясшую основы феодального строя.

Факты опровергают эту схему. Современники четко указывали на то, что шайки разбойников возглавляли холопы. Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое нет. Дворян посылали для поимки разбойников на короткое время и в разные сроки — за год, за полгода до появления Хлопка. Никакого единого мощного восстания не было и в помине.

Во время голода Годунов дважды, в 1601 и 1602 гг., издавал указы о временном возобновлении выхода крестьян в Юрьев день. Таким путем он желал разрядить недовольство народа. Однако действие указа не распространялось на владения бояр и церкви, а также на столичный уезд. Указ Годунова вызвал негодование провинциальных помещиков, не желавших подчиниться воле царя и силой удерживавших своих крестьян. Считаясь с волей землевладельцев, Борис в 1603 г. отказался возобновить Юрьев день.

Социальная ломка, связанная с утверждением крепостного права, болезненно отозвалась на положении народа и стала одной из главных причин Смуты начала XVII в.

Крепостничество не могло окончательно восторжествовать в центре, пока существовали вольные окраины, служившие прибежищем для беглого населения. На протяжении нескольких десятилетий правительствовало подчинения казачьих земель. С этой целью оно строило остроги на Дону, Северском Донце, Волге, Тереке и Яике. Казаки всеми силами противились властям. Они отказывались выдавать беглых людей, не принимали восвод в свои городки, не давали проводить перепись их земель. Когда появился самозванный Лжедмитрий I, вольные казаки выступили на его стороне. Борису Годунову пришлось расплачиваться за политику подчинения вольных казачьих окраин.

Важнейшей предпосылкой гражданской войны — Смуты — явился кризис дворянского сословия. Государство смогло ввести принцип обязательной службы с земли лишь после того, как обязалось обеспечить поместьями всех членов дворянского сословия. Но выполнить это обязательство оно не смогло. К На-

чалу XVII в. большинство детей боярских владали поместьями, которые были значительно меньше положенных им поместных окладов. Владельцы мелких поместий испытали последствия голода 1601—1603 гг. в той же мере, что и крестьяне.

В начале XVI в. помещики были хорошо обеспечены землей и несли службу в тяжеловооруженной коннице («полковая служба»). На исходе столетия в России появился новый социальный персонаж — пеший сын боярский с пищалью (ружьём). Ружье было традиционным оружием стрельцов, но не дворян. Отказ от рыцарского вооружения и переход в пехоту означал, что измельчавшие помещики фактически выбывали из привилегированного сословия. Большое число пеших детей боярских несли службу в гарнизонах южных крепостей.

Московские власти начали спешно насаждать поместную систему на вдовь присоединенных степных окраинах от Воронежа до Белгорода. Но там не было ни распаханых земель, ни крестьян. Поместья в степи получали не только дети боярские, но и казаки и крестьянские дети. Им приходилось самим пахать землю, и нередко их принуждали нести барщинные повинности на «государевой пашне». Витогедворянство Юга России оказалось охвачено глубоким недовольством.

Главной причиной Смуты была не классовая борьба, а раскол, поразивший дворянство и вооруженные силы государства в целом. Годуновская династия пала после того, как против нее выступили гарнизоны южных крепостей, произошел мятеж в армии и столице.

Раздор с боярами

После 15 лет правления Годунов не страшился открытых выступлений своих недоброжелателей. Но, подверженный суевериям, он чувствовал себя беззащитным перед тайными кознями. Чтобы спастись от порчи, Борис обязал подданных клятвой на кресте «царя, царицу и детей их на следу никаким ведовским мечтанием не испортить, ведовством по ветру никакого лиха не насылать», «людей своих с ведовством, со всяким лихим зельем

и кореньем не посылать, ведунов и ведуней не добывать на государское лихо».

Уже в первые годы царствования Бориса в Москве произошло несколько «колдовских процессов». Первым был заподозрен в нарушении клятвы боярин Иван Пуговка Шуйский. В государственном архиве хранилось «дело доводное — извещали княж Ивановы Ивановича Шуйского люди Янко Ивановсын Марков и братего Полухико на князя Ивана Ивановича Шуйского в корень и в ведовском деле». Дворяне Марковы занимали видное положение в свите Шуйских.

Годунов отдал приказ расследовать дело. Розыск подтвердил вину боярина. Иван Шуйский якобы хотел известить царя колдовством. Виновного ждало суровое наказание. Он был лишен боярского титула и изгнан из Боярской думы, однако избежал опалы и тюрьмы.

В польских источниках можно обнаружить неясное свидетельство о преследовании старшего брата Ивана Шуйского — князя Дмитрия. В ничтожных проступках царь Борис усмотрел неуважение к своей персоне и якобы заключил князя Дмитрия в тюрьму на несколько месяцев, после чего держал в провинции, не допуская в столицу.

Годунов имел повод для расправы с Шуйскими, но старался избежать столкновения с самой могущественной аристократической фамилией России.

Знать по-своему реагировала на унижение Шуйских. Не будучи боярином, князь Иван Большой Одоевский 28 апреля 1600 г. затеял местническую тяжбу с Василием и Дмитрием Шуйскими.

Доносы множились, и царь Борис приказал арестовать боярина князя Шестунова, родню братьев Романовых. Его клеветал холоп по имени Воика. При Грозном холопские доносы вели к кровавым расправам, в которых гибли и сами доносчики. Годунов не хотел следовать примеру великого государя. Он публично заявил, что не причинит боярину «никакого дурна», и одновременно велел объявить на площади перед Челобитеным приказом свое «жалованное слово» доносчику. За верную службу и раденье к своей особе он освободил Воика от холоп-

ства и пожаловал поместье, повелев служить в детях боярских «з города».

Царь Борис основал новую династию, но растерял бывших союзников и друзей и оказался в полном одиночестве. Годуновы должны были всех остерегаться, всех подозревать, за всеми следить (С.Ф. Платонов). При вступлении на трон Борис поклялся быть ко всем милостивым. «Колдовские процессы», казались бы, не влияли на его политику. Он не спешил с наказанием, но собирал улики на своих бояр с тем, чтобы держать их в полном послушании. В случае надобности можно было извлечь обвинения на свет Божий.

В деле боярина Шестунова такая необходимость возникла, когда Годуновы предали суду братьев Романовых. Царь забыл об обещании не делать «дурна» Шестунову и прислал на его двор пристава. Если бы престарелый боярин кончил жизнь в тюрьме или изгнании, Борису непременно приписали бы еще одно убийство.

Дело Романовых началось совершенно так же, как другие «колдовские процессы». Сын боярский Второй Бартенева, служивший в казначействе у Александра Романова, подал царю извет на своего боярина. Он сообщил, будто Романов хранит у себя в казне волшебные коренья и хочет «испортить» царскую семью. Подлинные документы о ссылке Романовых подтверждают, что они стали жертвами «колдовского процесса». В них процитирована речь пристава, обращенная к закованному в железо Романову: «Вы, злодеи-изменники, хотели царствоводостать ведовством и кореньем». Служивый немец Конрад Буссов также отметил, что опальных Романовых обвинили в намерении извести царскую семью.

26 октября 1600 г. польские послы как очевидцы наблюдали за нападением правительственных войск на двор Романовых. По царскому приказу особая боярская комиссия во главе с Михаилом Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила в казне Александра ведовские корешки. Найденные улики были доставлены на патриарший двор, где собрались Боярская дума и высшее духовенство. В их присутствии царь велел

Салтыкову раскрыть притесненные мешки и «коренья из мешков выкисти на стол».

В Боярской думе у Романовых нашлось много противников. Во время разбора дела они «как зверье пыхаху и кричаху». Будучи в ссылке, Федор Романов с горечью говорил: «Бояре-де мне великие недруги, искали-де голов наших, а ныне-де научили на нас говорити людей наших, а я-де сам видел то не одинойды». Романовы имели все основания жаловаться на знать, верховодившую в Боярской думе. Княжеская аристократия давно выражала недовольство чрезмерным возвышением Романовых и теперь помогла Борису избавиться от них.

Борис долго колебался, не зная, как поступить с Никитичами. Опальные оставались в столице в течение нескольких месяцев. Наконец их судьба решилась. Федора Романова постригли в монахи и заточили в отдаленный северный монастырь. Его младших братьев отправили в ссылку.

Александр, Михаил, Василий Романовы умерли в изгнании. Их смерть поспешили приписать царю. На самом деле удивительна была не гибель ссыльных, а то, что некоторые из них уцелели. Осужденных кормили скудной пищей и везли за тысячи верст в Сибирь или на берег Студеного моря. Везли по бездорожью, в тяжких цепях, в лютые морозы.

Царь подверг подлинному разгрому романовскую партию в думе. Зять Федора Никитича, боярин князь Борис Черкасский, попал в тюрьму на Белоозеро. Он давно болел и умер в тюрьме довольно скоро.

Через несколько месяцев после суда Борис распорядился смягчить режим заключения опальных, вернул из ссылки Ивана Романова и нарядил следствие по поводу жестокого обращения приставов с больным Василием Романовым.

Причины гонений на Романовых нетрудно установить. К осени 1600 г. здоровье Бориса резко ухудшилось. В юроте по этому поводу поднялась большая тревога. Борис велел огнести себя на носилках из дворца в церковь, чтобы показать всем, что он еще жив.

Слухи о близкой кончине Годунова возродили обстановку династического кризиса. Романовы готовились возобновить борьбу

бу за обладание короной, для чего собрали в столице своих вооруженных людей. Малолетний наследник Бориса имел мало шансов удержать на голове корону после смерти отца. Новая династия не укоренилась, и у больного царя оставалось единственное средство ее спасения. Он постарался избавиться от претендентов на трон и отдал приказ о штурме романовского дворца.

Дмитрий I

В 1602 г. в Литве появился человек, назвавшийся именем погибшего царевича Дмитрия. Два года спустя самозванец вооружился в Россию, положив начало гражданской войне.

В России объявили, что под именем Дмитрия скрывается беглый чернец Чудова монастыря Гришка Отрепьев. В юности он вел беспутную жизнь, бражничал, бегал от отца, потом стал служить в холопах у бояр Романовых и князей Черкасских. За «воровство» (так на Руси называли политические преступления) его едва не повесили. Тогда он от «смертные казни» сбежал, постригся в дальних монастырях, а назвали его в чернецах Григорием.

Отрепьев поступил на службу к Романовым совсем молодым человеком. Суд над Федором Никитичем с братьями положил конец его мирской карьере. Приняв постриг, чернец Григорий Отрепьев укрылся в провинции. Однако вскоре юноша вернулся в Москву и определился в кремлевский Чудов монастырь.

Потерпев катастрофу на службе у знатных бояр, инок Григорий преуспел на службе у патриарха Иова. Юному честолюбцу помогло выдвинуться не благочестие, а необыкновенная восприимчивость натуры. В течение месяца Григорий усваивал то, на что другие тратили жизнь.

Страшный голод побудил Отрепьева покинуть столицу. Вместе с двумя монахами — Варлаамом и Мисаилом — он перебрался в Севрскую Украину, а оттуда в Литву. Находясь в имении Адама Вишневецкого, Григорий рассказал ему наивную сказку о своем чудесном спасении. «Признания» царевича доказывают, что

он явился в Литву, не имея обдуманной и правдоподобной легенды, а значит, бояре Романовы непосредственного участия в подготовке самозванца не принимали.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» в 1603 г. упомянул о пунктах, которые назвал также и его спугник Варлаам в своем «Извете» московским властям в 1606 г. Совпадение данных о странствиях Варлаама с Гришкой с показаниями самого «царевича» о скитаниях в Литве полностью избличают его как самозванца. След реального Отрепьева теряется на пути от литовского кордоиа до Острога — Гоши — Брачина. И на том же самом пути в то же самое время обнаруживаются первые следы Лжедмитрия I. На этом строго очерченном отрезке пути и произошла метаморфоза — превращение бродячего монаха в «царевича».

По образному выражению В.О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Царь Борис нисколько не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Однако Отрепьев добился успеха, когда за спиной у него не было могущественных покровителей: Романовы и Черкасские томилась в ссылке.

По всей видимости, интрига родилась не на боярском дворе, а в стенах кремлевского Чудова монастыря, и у истоков ее стояли три монаха — Григорий, Мисаил и Варлаам.

Автор «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими инока Григория Отрепьева. С их слов летописец записал: «От многих же чудовских старцев слышав, яко [Григорий] в смехотворие глаголаше старцем, яко царь буду на Москве».

Со времен причины Чудов монастырь оказался в водовороте политических страстей. В Чудове «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко».

Имеются прямые свидетельства о том, что чернец Григорий действовал по подсказке не бояр, а монахов. В Польше самозванец наивно рассказывал, как некий брат из монашеского сословия узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Его слова были записаны Вишневецким в 1603 г. Бе-

зыскуность рассказа служит порукой его достоверности. Современники писали, что монах, подучивший расстригу, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Определенно известно, что самозванца сопровождали во время бегства за рубеж иноки Мисаил и Варлаам.

Когда Григорий позвал Мисаила в Северщину, тот обрадовался, так как был «прос сый в разуме, не утвержден». Иначе говоря, Мисаил Повадьин был первым простаком, уверовавшим в спасение царевича.

Второй спугник Гришки, Варлаам Яцкий, был человеком совсем иного склада. В 1606 г. он подал царю Василию «Извет». Искусно составленная челобитная обличала в нем изощренный ум.

Варлаам намекал, что был вхож в знатные боярские дома. С чудовским иноком Мисаилом он, по его словам, познакомился в доме князя Ивана Ивановича Шуйского. Не доказывает ли это причастности братьев Шуйских к интриге?

Когда Шуйские потерпели неудачу в попытке развести царя Федора с Ириной Годуновой, они объединились с Нагими и стали готовить почву для передачи трона царевичу Дмитрию. Не могли ли они возобновить интригу после того, как угличский царевич погиб, а Годунов взошел на трон? Такое предположение — не более чем гипотеза, не подкрепленная фактами.

Иван Шуйский по милости царя Бориса был изгнан из думы. Понятно, что князь и его окружение питали не лучшие чувства к царю. Варлаам разделял настроения «пальных бояр».

«Извет» Варлаама проникнут чувством панического страха. Ожидание казни подтверждает предположение, что именно Варлаам Яцкий, в миру сын боярский, подсказал Григорию роль царевича. Затея могла кончиться для него висельшей.

Предприятие трех монахов потерпело провал с первых же шагов. Когда они попытались «открыться» другим инокам кремлевской обители, те отвечали откровенными издевательствами — «они же ему плеваху и на смех претворяху». Дело прозито получить огласку, и авантюрист поспешил покинуть столицу. Григория гнали из Москвы голод и страх разоблачения.

Отрепьев открыл свое царское имя братии Печерского монастыря в Киеве, а затем православному магнату князю Адаму Вишневецкому. Маинат взял его под свое покровительство. Покровитель не решился начать войну с царем Борисом. Тогда самозванец бежал в Самбор к католику Юрию Мнишеку.

Благодаря сенатору Мнишеку Лжедмитрий I был принят королем Сигизмундом III. Договор между Сигизмундом и самозванцем получил форму королевских «кондиций». В соответствии с договором Лжедмитрий обязался передать Речи Посполитой Северскую землю и Смоленск, разрешить строить на Руси католические костелы, допустить в Москву иезуитов, способствовать распространению в России католической религии, наконец, соединить два государства «вечной унисей». Отрепьев тайно отрекся от православия и принял католическую веру.

Одним из пунктов «кондиций» был брак «Дмитрия». Речь шла не столько о позволении, сколько об обязательстве самозванца жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (царицей. — Р.С.) на то дал присягу». Имя будущей царской невесты не было названо в документе. Мнишек поспешил взять дело в свои руки. По возвращении в Самбор он взял с «царевича» записку. Под страхом проклятия Отрепьев обязался жениться на дочери Мнишека Марине. «А не женюсь, — значилось в грамоте, — яз проклятво на себя даю».

Самозванец обещал выплатить покровителю миллион золотых из царской казны, а кроме того, передать царице Марине на правах удельного княжества Новгород и Псков с думными людьми, с дворянами и со всеми доходами. По договору Марина сохраняла права на удел даже в случае смерти мужа.

Отношения Марины с Отрепьевым определялись расчетом, но никак не романтическими чувствами.

Мнишеки приступили к формированию армии для самозванца. Ему обещали помощь запорожцы и донские казаки. Лжедмитрий I послал на Дон свой штандарт — красное знамя с черным орлом. Его гонцы выработали «союзный договор» с казачьим войском.

В то время как окраины были охвачены волнениями, в сердце России появились многочисленные разбойничьи шайки. Их действия усугубили голод в столице.

Династия Годуновых оказалась в трудном положении. Отрепьев чутьем уловил, какие огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация.

Перемирие с Польшей 1600 г. не обеспечило безопасности России. Король Сигизмунд III вынашивал планы широкой экспансии на восток. Он оказал энергичную поддержку Лжедмитрию I и заключил с ним тайный договор, по которому Польша должна была получить Смоленск и Чернигово-Северскую землю. Старания «царевича» не принесли ему ожидаемых выгод. Самые дальновидные политики Речи Посполитой, включая гетмана Замоиского, решительно возражали против войны с Россией.

В походе Лжедмитрия I королевская армия не участвовала. Под знаменами Отрепьева собралось около 2 тысяч наемников — всякий сброд, мародеры, привлеченные жадой наживы. Эта армия была слишком малочисленной, чтобы затевать интервенцию в Россию. Но самозванец рассчитывал на поддержку украинского населения и казахов.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия перешло русскую границу. «Царевич» приказал казакам двигаться к Монастыревскому острогу. Казаки подъехали к стенам крепости и отдали жителям письмо «царевича». Застигнутые врасплох, воеводы пытались организовать сопротивление, но в городке началось восстание. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встает наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известие о сдаче Монастыревского острога вызвало волнения в Чернигове. Местный воевода заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Тогда восставшие черниговцы призвали на помощь казахов Лжедмитрия. Воевода был арестован.

Из Чернигова Лжедмитрий двинулся к Новгороду-Северскому. Обороной крепости руководил Петр Басманов.

Дважды казаки и наемные солдаты штурмовали город, но оба раза были отбиты и понесли потери. Поражение посеяло в лагере «царевича» страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. Не получив денег за труды, наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Но они не успели осуществить свое намерение, так как получили известие о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Северной Украины и единственным из северских городов, располагавшим мощными каменными укреплениями. Военные планы Отрепьева, составленные в 1603 г., предусматривали захват Путивля как первоочередную задачу.

Вторгшись в Россию, самозванец не посмел осадить Путивль, так как не имел ни многочисленной армии, ни осадной артиллерии.

Падение мощной крепости поразило современников. Подозревали, что город был сдан вследствие измены воевод. Письмо, написанное в те дни из-под Новгорода-Северского неизвестным поляком, рассеивает подозрения. Двое воевод — окольный Михаил Михайлович Салтыков и князь Мосальский — противились мятежу, но были схвачены восставшим народом. Салтыков отказался присягать «царевичу», и за это его таскали за бороду и поволокли в лагерь самозванца, привязав на веревку.

Один лишь дьяк Богдан Сутупов перешел на сторону «царевича» добровольно. В мятеже участвовали мужики-северяки и местные дети боярские. Верными Годунову остались московские стрельцы.

Дьяк Сутупов привез Лжедмитрию казну, присланную царем Борисом для выплаты жалованья гарнизону. Самозванец раздал государеву казну польским наемникам.

Примеру Путивля последовали Рыльск, Курск, Кромы. Успехи самозванца привели к тому, что заволновалось население осажденного Новгорода-Северского. Но воевода Петр Басманов железной рукой подавил волнения. Мятежники бежали из крепости.

На поле брани

Узнав о первых успехах самозванца, Борис объявил о сборе всегосудворянского ополчения. К ноябрю 1604 г. Разрядный приказ сформировал три полка, командование которыми царь вверил свояку, князю Дмитрию Шуйскому. Вслед за Шуйским в Брянск прибыл главнокомандующий боярин Федор Мстиславский. Главные силы армии были разделены на пять полков.

18 декабря рать прибыла в окрестности Новгорода-Северского. Мстиславский и Шуйский имели громадное превосходство в силах. Басманов предпринимал постоянные вылазки. Войско самозванца оказалось между двух огней. Но главные воеводы медлили. Они провели три дня в полном бездействии.

Мнишек постарался усыпить бдительность русских, затеяв мирные переговоры, а затем отдал гусарам приказ атаковать противника.

21 декабря гусары опрокинули полк правой руки и неожиданно появились в тылу большого полка. Мстиславский был сбит с коня и ранен в голову. Подле ставки главнокомандующего стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Поляки подрубили его.

Безрассудно храбрый налет не мог дать значительных результатов. Подоспели стрельцы. Кто из гусар успел повернуть коня — спасся. Прочие же вместе с капитаном Домарацким попали в плен.

Воеводы могли ввести в дело главные силы, но ранение главнокомандующего вызвало растерянность в войске. Русские отвели полки и очистили поле боя. Опытный солдат Яков Маржарет, участвовавший в битве, записал, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь.

Одержав верх над Мстиславским, наемники потребовали плату. Денег не было, и в лагере вспыхнул мятеж. За рубеж ушло до 800 солдат. «Вор» удержал при себе от 1500 до 2000 солдат. Однако лагерь покинул его главнокомандующий Мнишек.

Отступив от Новгорода-Северского, Лжедмитрий прибыл в Севск, центр Комарицкой волости. Население волости признало «царевича» еще в начале декабря. В Севске самозванец по-

лучил теплые квартиры и запасася продовольствием. По словам Якова Маржарета, «царевич» набрал «доброе число крестьян, которые приучались к оружию». В его распоряжении было до 4000 запорожцев и несколько сот донских казаков. По своему обличку новая армия заметно отличалась от армии Мнишека.

Борис не только не наказал Мстиславского, но пожаловал его — «велел спросить о здравии» и прислал своего доктора. Когда воевода оправился от ран, он вновь стал во главе армии.

Помощником Мстиславского был назначен князь Василий Шуйский, присланный в большой полк с отборными отрядами из состава Государева двора. Военная карьера князя Василия вызвала зависть.

Воеводы разбили лагерь в селе Добрыничих под Севском. Польские ротмистры советовали «царевичу» вступить в переговоры с Мстиславским. Но казацкие атаманы настаивали на немедленной атаке. Среди ночи комарицкие мужики только им известными тропами вывели ратников «вора» к Добрыничам.

21 января 1605 г. произошло сражение. Польские командиры решили повторить маневр, принесший им победу под Новгородом-Северским. Они собрали воедино всю конницу и атаковали правый фланг русской армии. Полк Дмитрия Шуйского дрогнул и стал отступать.

Однако поляки помнили, чем кончилась их атака под Новгородом-Северским. Не желая углубляться в расположение главных сил противника, они повернули к селу, где располагалась русская пехота с пушками. Тут их встретили мощные залпы. Участники атаки единодушно утверждали, что папуба причинила не мною вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. На помощь полякам спешили запорожцы, но шляхга им не очень доверяла.

Лжедмитрий I лично возглавил конницу. Первая и последняя в его жизни атака кончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена.

В ружьи к воеводам попало много детей боярских, стрельцов и казаков. Все они были повешены. Комарицкая волость под-

верглась погрому, напомнившего времена опричнины. Не щадили женщин и детей, секли крестьянский скот.

Дворянство в массе своей настороженно отнеслось к самозваному «царьку». Лишь несколько воевод невысокого ранга перешли на его сторону.

После сокрушительного поражения остатки польских рот покинули Россию. Вторжение потерпело провал, но вооруженная помощь извне позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, наиболее трудные месяцы, пока мятеж не охватил всю южную окраину государства.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в условиях зимы. Опытные воеводы советовали Борису распустить полки и дать дворянам отдохнуть, оставив на театре военных действий небольшие силы. Но царь отклонил их советы. Полки были утомлены длительной кампанией, запасы продовольствия подошли к концу. Дворяне самовольно разъезжались по домам.

После победы воеводы двинулись к Путивлю. По пути они осадили Рыльск, но взять крепость не смогли. Считая свое дело проигранным, самозванец намеревался бежать из Путивля в Польшу, но путивляне удержали его у себя.

Главным очагом гражданской войны была Северская Украина, населенная украинцами. Отсюда пламя восстания распространилось на всю южную окраину государства — крепости Царев-Борисов, Валуйки, Белгород, Елец и Ливны, где преобладало русское население.

Попытки московских властей насадить на Юге России поместную систему и создать себе прочную опору в лице помещиков не удалось. В крепостных гарнизонах преобладали казаки, лишь недавно поверстанные на государеву службу.

Чтобы разъединить восставшие города, командование отдало приказ занять мятежную крепость Кромы. Отказавшись от похода на Путивль, князь Мстиславский и братья Шуйские разбили зимний лагерь под Кромами. Оборонял Кромы казачий атаман Андрей Корела с отрядом в 500 донских казаков.

Взять крепость штурмом воеводам не удалось. Осада Кром продолжалась полгода. Под обгорелыми стенами этой крепости, по образному выражению С.Ф. Платонова, решилась судьба династии Годуновых.

Прежде деятельный и энергичный, Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Государь стал подозрительным, никому не доверял и все чаще обращался к прорицателям, астрологам, юристам. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скардность в мелочах. Живя отшельником в Крэмлевском дворце, Борис по временам покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, запечатаны ли кладовые.

Годунов занял трон, будучи тяжелобольным человеком. Физические и умственные силы его быстро угасали. 13 апреля 1605 г. царь Борис умер от апоплексического удара.

Его смерть дала толчок дальнейшему развитию Смуты. Перед самой кончиной царь отозвал из лагеря под Кромами главных бояр — Мстиславского и Шуйских. Их место заняли воеводы большого полка боярин князь Михаил Катырев-Росговский и Петр Басманов.

Явившись под Кромы, Басманов убедился в том, что в армии назрел мятеж. Ему предстояло либо подавить мятежников, либо примкнуть к заговору. Душой заговора были бояре Голицыны и рязанцы Ляпуновы. После недолгих колебаний Басманов возглавил мятеж.

Армия присягнула царю Федору Годунову. Но многие дворяне уклонились от присяги. Заговорщики вступили в сговор с атаманом Корелой. По сигналу донские казаки произвели вылазку из Кром и ударили по царскому лагерю. Тем временем мятежники проникли в воеводский шатер посреди лагеря и связали воеводу Ивана Годунова. Из-за начавшейся паники верные воеводы не сумели организовать отпор кучке мятежников и бежали из лагеря. В течение трех дней остатки армии шли через Москву на север. Лишившись поддержки дворянского ополчения, Годуновы утратили контроль над положением в столице.

Плаха

Князья Шуйские имели основание негодовать на Годуновых. Накануне решающих событий князь Василий и Мстиславский были сняты с высших воеводских постов и отозваны в Москву. Годуновы опасались оставлять армию в руках руководителей Боярской думы. Поведение Федора Мстиславского внушало им особое подозрение. Толковали, будто Семен Годунов предлагал убить главу думы.

Василий Шуйский соблюдал осторожность, и династия надеялась на его лояльность. Он не рвался клясться перед толпой, что своими руками похоронил царевича Дмитрия.

1 июня 1605 г. в окрестности столицы прибыли казаки под командой Корелы. Столпой жителей и казаков атаман прорвался через крепостные ворота в Москву, после чего Гаврила Пушкин взошел на Лобное место и прочитал «прелестные грамоты» самозванца.

Царь Федор Годунов с матерью тщетно пытались утихомирить толпу. Им пришлось выслать к народу думных людей. Дьяк Афанасий Власьев — лучший оратор думы — обратился к москвичам с вопросом о причинах необычного сборища.

Из Кремля выехали князья Шуйские и другие бояре. Много зависело от поведения князя Василия. У него было немало приверженцев среди горожан и купцов, возглавлявших посадскую общину.

Шуйский и другие бояре просили толпу разойтись и указывали, что в государстве объявлен траур. Свидетели происшедшего — англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, «что видно было, что при этом участвует один язык».

Василий Шуйский не подумал использовать свое влияние в дар убеждения, чтобы спасти гибнущую династию. Сторонники Годунова в думе ступали при виде бушующей толпы. Недруги использовали момент, чтобы свести давние счеты с Годуновыми.

Народ ворвался в Кремль и принялся громить дворы Годуновых. Мятеж дал выход недовольству черки. Посадские люди

разнесли дома многих состоятельных людей и торговцев, нажившихся на голоде.

После смерти Бориса его вдова вернула в Москву двоюродного брата, Богдана Бельского, надеясь на его верность. Но она ошиблась. Бельский поспешил примкнуть к мятежникам и фактически взялся править именем Дмитрия. Он позаботился о том, чтобы затворить крепостные ворота, и расставил караулы по всему Кремлю. Бельский помог самозванцу добиться послушания от Боярской думы.

Междоусобица была коротким. Прошло два дня, и дума приговорила послать своих представителей к «царевичу». Бельскому удалось запугать думу известиями о походе Лжедмитрия I на Москву.

Самозванец потребовал к себе главных бояр — Василия Шуйского с братьями, Мстиславского и других. Но дума оказалась неповиновенной и отправила в Тулу боярина князя Ивана Воротынского, 20 лет бывшего не у дел.

В Москве знать не скрывала своего презрения к павшей династии. Царь Федор Годунов и его родня были взяты под домашний арест. По настоянию вельмож свежая могила Бориса в Архангельском соборе была раскопана, труп предан поруганию. Действия бояр развязали руки «вору».

Отрешев потребовал, чтобы к нему в Серпухов явилось все руководство думы. Не по своей воле к нему отправились Дмитрий Шуйский, Федор Мстиславский и другие бояре. Князь Василий Шуйский уклонился от этой сомнительной чести и остался в столице.

Узнав о разорении могилы Бориса, самозванец потребовал от главных бояр истребления «этих чудовищ, кровопийц и изменников», то есть царя Федора Борисовича и его семьи. Осуществить его приказ взялись князь Василий Голицын, Мосальский и Сутулов.

Палачами царской семьи стали дворянин Михалка Молчанов и Андрей Шерефединов, выходцы из опричной среды. Они явились на старое полворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь».

Царица Мария Юдунова-Скуратова была задушена. Федор Годунов отчаянно боролся за жизнь, стрелцы долго не могли с ним справиться.

После казни боярин Василий Васильевич Голицын велел созвать переддомом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что «царица и царевич со страстей» отравили себя ядом.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно вступил в столицу и водворился в царском дворце. Низложив Иова, он поставил во главе церкви своего «угодника» — грека Игнатия.

Вслед за тем Лжедмитрий произвел перемены в высшем боярском руководстве. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. «Вор» использовал доносы на Шуйских, поступившие от П.Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей.

Василий Шуйский некогда расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому к нему постоянно обращались с тех пор, как в Литве объявился самозванец. В кругу доверенных лиц князь Василий допускал откровенность даже после того, как Лжедмитрий занял Москву.

Однажды на двор к князю Василию явились некоторые из московских купцов и горожан, чтобы поздравить его с царской милостью. Шуйский будто бы проехал по улицам столицы с «царем» в его экипаже. В ответ на поздравление одного купца, пользовавшегося полным доверием хозяина, Шуйский в сердцах сказал про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич... Не царевич это, а расстрига и изменник наш». Стоявший поодаль купец подслушал разговор и поспешил донести о нем. Русские источники называют имена купцов и посадских людей, с которыми Шуйский вел неосторожные разговоры. Самым влиятельным из них был Федор Савельевич Конь — крупнейший архитектор и строитель своего времени. В поздних русских «Сказаниях» дело представлено так, будто великий поборник православия князь Василий призвал к себе Федора Коня и другого известного в Москве человека, Костю Лекаря, и сказал им, что государь — злой враг, богоотступник и еретик Гришка Отрепьев. Шуйский якобы сам наказал Коню: «Поведайте тай-

но в мире с разсуждением, чтобы христиане... еретика познали». Федор Конь и Костя Лекарь поведали «про еретика без рассуду многим людям», после чего о крамоле узнал Петр Басманов.

Получив донос, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. Приставами (тюремщиками) Шуйских были назначены бояре Басманов и Салтыков. При Борисе Годунове Михаил Глебович Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главными инициаторами розыска были, по-видимому, Богдан Яковлевич Бельский и Петр Федорович Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Официальная версия дела заключала в себе много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину князя Василия. Боярина обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших государя, то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий сообщал, что Шуйского осудили за то, что он называл «Дмитрия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Один из секретарей самозванца, поляк С. Слопский, рассказывал, что именно он передал государю донос купца, подслушавшего, как Шуйский называл царя Растрогой и изменником. Яков Маржарет, телохранитель Лжедмитрия, писал, что Шуйского обвинили в «преступлении оскорбления величества».

Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух, находившиеся в Москве во время суда над Шуйскими. В июле 1605 г. Я. Вислоух сообщил в письме к брату, что в Москве открылась измена: Шуйские начали убеждать народ, что «Дмитрий» — не истинный царь, а польский королевич, который хочет православную веру разрушить, а лютеранскую ввести; заговорщики хотели истребить поляков и уговорили для этого 10 тысяч детей боярских; поляков должны были сжечь с дворами (трактирами) и перебить, но поляки узнали об этом и известили царя. Ротмистр С. Борша воспро-

извел ту же версию, но в более кратком варианте. По его словам, Шуйские разработали план переворота, в котором должен был участвовать народ, — они задумали «ночью зажечь Москву и учинить над царем и над нами (польскими солдатами. — *Р.С.*) предательство».

Олираясь на преданные «вору» казачьи и польские отряды, П.Ф. Басманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйскими. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Показания современников о результатах расследования расходятся в самом существенном пункте. Телохраниитель самозванца Конрад Буссов утверждал, будто бы многие духовные лица и стрельцы на пытках подтвердили измену боярина Шуйского. Совсем иначе изложил дело голландец Исаак Масса. По его словам, никто из предполагаемых сообщников боярина не мог привести надежных доказательств его вины. Некоторые из арестованных под пытками признались в преступлении, прочие же все отрицали.

Согласно русским источникам, из страха москвичи «друг на друга клеветаху», Растрига же «многих поймав и разными пытками пытаху: иные же, не стерпев пыток, на себя говоряху, а иные же креляхуся, а иные и впрями сво, Ростригу, обличаху».

В конце концов инициаторы розыска отказались от намерения организовать крупный политический процесс с участием многих видных лиц. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь нескольких второстепенных лиц. В их числе были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие кулцы. Род Тургеновых пользовался известностью в Москве. До опричнины дядя Петра Тургенева был ясельничим в дворцовом ведомстве у царя Ивана Грозного. Петр Никитич служил головой в дворянских сотнях. Он так и не получил воеводского чина, но имел один из высших поместных окладов — 500 четвертей земли — и числился «выборным» дворянином из Воротынска. Федор Калачник, судя по прозвищу, был посадским человеком.

Чтобы устрашить столичное население, Отрепьев велел предать «изменников» публичной казни. Дворянина Петра Тургенева вывели на пусгырь (Пожар) и там обезглавили. Сообщение о

жизни Тургенева имеет документальное подтверждение. В подлинной челобитной Дениса Петровича Тургенева подчеркнуто, что отца челобитчика, Петра Тургенева, убил «вор-Рострига». Монах Авраамий Палицын называет Петра мучеником и обвинителем «изора». Сохранилось предание, что торговый человек Федор Калачник, идя на казнь, во все горло кричал, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется этому посланцу сатаны, «от него же погибнут».

Лжедмитрий и его окружение не желали раздражать дворянство. Зато с прогнанным народьем они не церемонились. В первые же дни правления нового царя, записал Масса, пострадало много простых людей и горожан в Москве, так что ночью и вгаине только и делали, что пытали, убивали и губили людей.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня 1605 г. их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье 30 июня. Как бы то ни было, очевидцы единодушно подтверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней.

Установив хронологию заговора Шуйских, С.Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они поспарались отделаться от нового царя»; «... Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстригу» до Москвы, не дать ему сесть на царство». С.Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий был на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйский же всегда был трезвым и осторожным политиком.

Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, самозванцу надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Ян Замоиский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если уж поляки хлопчуг о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских». О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Из начальных бояр только один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином.

Находившийся в те дни в Кремле поляк А. Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, перешедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам поляков из окружения самозванца, Георг Паэрле записал, что в суде участвовали как сенат (дума), так и народ. Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул «Новый летописец», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных властей, бояр и лиц «ис простых людей».

Самозванец пришел к власти на волне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. По «Новому летописцу», «царь» объявил членам

собора: «...умышляют сии на меня». Станислав Немцевский записал обширную обвинительную речь «государя». Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии: блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат — царь Федор Иванович за то же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами: «...подстерегали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы».

«Царь» утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому на соборном суде не было никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями. Авраамий Палицын отметил, что Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника.

Под впечатлением убийств и казней даже близкие к Шуйским члены думы и священного собора не посмели выступить в их защиту. Как с горечью отметил автор «Нового летописца», «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. — *Р.С.*) пособствующе, все на них кричаху».

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу в правление Бориса Годунова, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинулся во всех преступлениях, которые ему приписывали. «Винюват я тебе... царь государь: все это (о Растриге. — *Р.С.*) я юворил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — будто бы сказал Шуйский. Крамольный вельможа смиренно просил патриарха и бояр сжалиться над ним, страдником, и просить за него «рыцаря». По словам поляков, обвиняемый признался во всем в самом начале розыска, «боясь быть на пытке».

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев — на заключение в тюрьму и ссылку. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел встолицеосадное положение

ние: «...по всему городу уготовлены быша все стрельцы, вооружены во всем оружии, яко на битву».

На «Пожаре» распоряжался новый глава Стрелецкого приказа — боярин Пётр Басманов. Несколько тысяч стрельцов оцепили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казачьи отряды и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений. Выхав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора в вине Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Сообщение Исаака Массы, будто Василий Шуйский продолжал обличать еретика Гришку, будучи на эшафоте, а московский народ рыдал, слушая его речь, относится к числу вымыслов. На площади осужденный вел себя совершенно так же, как и на суде. Стоя подле плахи, он с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», просите «за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...» — взывал князь Василий к народу.

Во время казни Петра Тургенева и Федора Калачника москвичи «ругахуся» на них. Из толпы кричали, что суд им «по делу» был. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже сторонники Шуйских боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей «царя», остановивший казнь, а следом за ним появился дьяк, огласивший указ о помиловании.

Сподвижник Лжедмитрия Станислав Борша точнее других объяснил причины отмены казни Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов». Бояре не посмели открыто перечить царю на соборе.

Но после собора дума сделала все, чтобы не допустить казни князя Василия.

Имущество Шуйских, их вотчины и дворы подверглись конфискации. Князь Василий и его братья Дмитрий и Иван были заключены в тюрьму в галицких пригородах.

При царе Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путимле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дождаться возвращения в Москву старицы Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание со стороны мнимой матери должно было покончить с сомнениями тех, кто все еще не уверовал в его царское происхождение.

18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Трехднем спустя состоялась коронация Растрги.

К услугам Лжедмитрия были царские регалии — «четыре короны, а именно, три императорские и четвертая — та, в которой короновались некогда великие князья», шапка Мономаха. Самозванец избрал новую корону Бориса Годунова, изготовленную венскими мастерами и привезенную Афанасием Власьевым в 1604 г. Венец был сделан по образцу императорской короны Габсбургов. По-видимому, царь Борис замышлял не только выстроить в Кремле храм «Святая Святых» — новый Иерусалимский храм, средоточие мирового православия, но вслед за тем принять титул императора.

Самозванец шел по стопам Годунова. На золотой монете, отчеканенной в Москве, Лжедмитрий I изображен в высокой шапке наподобие императорской короны Габсбургов, не похожей на шапку Мономаха. В «высокой короне» Отрепьев сидел также и при коронации Марины Мнишек. Завладев императорской короной, Отрепьев присвоил титул императора.

На коронации Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении.

Лабиринты власти

Будучи в Самборе, Лжедмитрий заключил договор с Юрием Мнишеком как царевич. Но при этом он обещал, что подтвердит соглашение, когда займет царский трон: «И мы то все... в канцлерии нашей... напишем и печать свою царскую к тому приложим». Личная Канцелярия царевича стала действовать уже в период московского похода, но окончательно сложилась в Москве.

К ближайшему окружению Лжедмитрия принадлежали капитаны Мацей Домарацкий, Михаил Склиньский, Станислав Борща, личные секретари царя Ян Бучинский, Станислав Слоньский, Липницкий. Доказывая щедрость «Дмитрия», Бучинский сослался на исключительно высокие оклады Склиньского и свой собственный. После переворота Исаак Масса перечислил имена «самых важных убитых» поляков: Склиньский, Вонсович, Домарацкий-старший, Липницкий, Иванецкий. Те же лица названы в Дневнике Мнишека. Поляк Немоевский составил «Список главнейших лиц нашего народа... наперед слуг великого князя», убитых при мятеже. Первыми среди них названы Склиньский и 16 его слуг, Липницкий и 10 его слуг, Вонсович и 7 его слуг, Борща и 1 его слуга, Иванецкий и 7 его слуг (Домарацкий-младший, Бучинские, Слоньский, Горский не попали в этот список: они избежали гибели). Таким был круг лиц, в котором следует искать членов польской Канцелярии.

Полагают, что прежняя «Канцлерия» Лжедмитрия после его воцарения, по сути, слилась с Посольским приказом и через этот приказ «оказывала решающее влияние на выработку политического курса» (А. В. Лаврентьев). Так ли это?

Обычная дипломатическая переписка шла через Посольский приказ, секретная — исключительно через личную Канцелярию.

Посольский приказ имел собственное помещение вне дворца. Польские советники — члены Канцелярии занимали помещение подле личных покоев царя — комнат наверху.

Русские современники бранили Лжедмитрия зато, что «в Верху при нем были поляки и литва». По традиции «в Верху» из-

давня заседала Ближняя дума самодержца. Теперь она уступила место личной Канцелярии, в которой даже писцы были поляками. В письме государю Бучинский упомянул имя некоего Горского, который «в комнате у тебя... пишет грамоты Вашей... милости».

Польские советники занимали особое положение в пирамиде власти. Согласно заявлениям русских властей, секретари Бучинские жили в Москве «в Верху у того Вора утаенные его думы, у всяких тайных его дел».

Личного вмешательства монарха требовали самые разнообразные дела. По этой причине функции «тайной» Канцелярии были широки и неопределенны. В первую очередь к тайным делам причисляло было все, что касалось личных дел государя, его замыслов, трат, прихотей, веры.

Финансовые дела сопряжены были для Растрюги с наибольшими затруднениями. Канцелярия принимала в них самое непосредственное участие. Через секретарей очень крупные денежные суммы были переправлены в Польшу.

Ближняя канцелярия изготовляла всевозможные документы. По свидетельству купца Георга Паэрле, он предпринял путешествие в Москву после того, как тайный советник Дмитрия Ян Бучинский вручил немецким купцам «грамоту, за своеручною великого князя подписью и за большой его печатью» с приглашением прибыть в Москву. Польские секретари не желали считаться с московской традицией, воспревавшей государю подписывать документы.

В наказах, адресованных королевскому двору, дьяки Посольского приказа живо описали делопроизводство Канцелярии: «Листы глентовные посылал вор Розстрига, а писаны по латыне, писали у него ваши же поляки, и государственные печати, все побрав, тот вор ис приказу, где они бывают, к себе, и писал и печатаи, и делал все с поляки, как хотел». Как видно, польские секретари свободно распоряжались государственными печатями, подменяя печатюшка и приказных дьяков.

Канцелярия служила местом, где обсуждались и незначительные вопросы, и дела первостепенной государственной важ-

ности. К числу таковых относился вопрос о свержении Сигизмунда III и передаче польского трона Лжедмитрию.

Канцелярия использовала всевозможные рычаги власти. Шведский агент в Москве Петр Петрей отметил, что москвиты негодовали на Лжедмитрия за то, что «он не пускает к себе ни одного русского, высокого или низкого звания, без воли и согласия поляков, которые скоро заберут себе все что ни есть в казне, и она вскоре совсем опустеет». Без ведома секретарей невозможно было получить аудиенцию у государя, и это было немаловажное обстоятельство.

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие было связано с рядом условий. Одним из этих условий был роспуск повстанческих сил и отправка на родину польских наемных отрядов. Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной.

Выполнение требований думы привело к тому, что влияние польской «Канцлерии» — Ближней канцелярии пошло на убыль. Это обстоятельство немедленно сказалось на судьбе опальных бояр Шуйских. Они пробыли в ссылке недолго и были возвращены в столицу.

В Москве много говорили о том, что прощения Шуйских добились вдова Грозного старица Марфа Нагая, братья Бучинские и другие поляки.

Нагнетательно просили царя о прощении князя Василия. Зато позиция советников польской Канцелярии была прямо противоположной.

Накануне опричнины царь Иван велел включить в летопись свои речи к думе, записанные им по памяти. Тяжелобольной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: «...чего испужались? али чаєте бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвецы будете!.. не дайте боярам сына моего извести».

Страх перед боярской крамолой обуревал также и мнимого сына Грозного. Сохранилось тайное письмо главы Канцелярии Яна Бучинского к царю. Советник напомнил самодержцу недавний разговор: «Колн яз бил челом вашей царской милости

о Шуйских, чтоб их не выпускали и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося».

Будучи личным другом самозванца, Бучинский объяснялся с полной откровенностью. Он решительно противился освобождению Шуйских по той причине, что «от них будет страх» и непобедимому императору, и его польским товарищам.

Полагают, что Лжедмитрий провел реформу управления, преобразовав Боярскую думу в «сенат». В доказательство ссылаются на список «сената», написанный рукой Бучинского весной 1606 г. В подлинном польском тексте дума названа «Радой», а ее члены — не сенаторами, а боярами. И лишь на обороте документа имеется помета: «Роспись московским сенаторам».

Реформа думы свелась к учреждению по польскому образцу новой должности — «мечника великого». Этот чин был пожалован юному князю Михаилу Скопину.

Число бояр увеличилось вдвое, и можно было бы ожидать, что увеличится также число приказных. В правление Бориса Годунова в Боярскую думу, по свидетельству английского посла Джильса Флетчера, входили канцлер Андрей Щелкалов и четверо думных дьяков. В 1606 г. польские советники включили в список двух «секретарей великих».

Польские секретари внесли также некоторые другие изменения в штат думы, например, не включили вдумный список постельничего С. Шалкина, очевидно, ввиду его незначительности и «худородства». Со времен опричнины постельничие занимали видное место в думе.

Отрепьев не решался на какие бы то ни было перемены в сложном и громоздком механизме управления государством. Однако польские советники из состава Канцелярии, жаждя, сознательно стремились потеснить высшую московскую приказную бюрократию, чтобы занять ее место в системе управления.

Бюрократия, зародившаяся вместе с приказной системой, стала важным элементом самодержавной системы правления в

целом. Всевластие высших приказных чинов, предмет горьких жалоб Курбского, было следствием концентрации власти в руках царя. Грозный приближал «писарей», рассчитывая на их верную службу. Лжедмитрий окружил себя польскими секретарями.

Яков Маржарет, наблюдавший за механизмом управления изнутри, подвел итог своим заметкам в таких выражениях: «Если говорить начистоту, нет ни закона, ни думы, кроме воли императора... Я считаю его («Дмитрия». — Р.С.) одним из самых неограниченных государей из существующих на свете». Польские «дьяки» оставались в тени, но оказывали огромное влияние на управление, потому что действовали именем самодержца.

Последовавший вскоре государственный переворот показал, что представление о безграничной власти монарха не вполне соответствовало действительному положению вещей.

Лжедмитрий щедро жаловал думные чины, надеясь тем самым привлечь на свою сторону всю знать. При нем дума насчитывала более 70 членов. Такой думы не было ни у одного из московских государей. Причиной же было то, что Отрепьев объединил московскую думу со своей «воровской» думой, возникшей в дни московского похода. Такой шаг посеял большие раздоры среди членов высшего органа государственного управления, что было на руку польской Канцелярии.

«Воровской» боярин князь Василий Рубец-Мосальский занял в московской думе пост дворецкого. Лжедмитрий оценил услуги Петра Басманова и вверил ему командование стрелцким гарнизоном столицы.

Расстрига возлагал особые надежды на признание мнимой матери — Марии Нагой и прочих Нагих. Еще будучи в Туле, Отрепьев послал гонца в «казанские города» за Нагими. Михаил Нагой был вызван с дальней окраины в Москву и в качестве ядяди царевича Дмитрия получил чин боярина конюшего. Братья Андрей, Михаил и Афанасий Александровичи Нагие, а также Григорий Федорович Нагой стали боярами и заняли в думе высокое положение. В Разрядных записях отмечено, что самозванец «подовал им боярствои вотчины великие и двory Годуновых и з животы». Нагие лучше всех остальных знали, что царевич Дмит-

рий мертв. Но они охотно «вызнали» в Отрепьеве внучатого племянника, открыв себе путь к почестям и богатствам.

Самозванец попытался привлечь на свою сторону опальных Романовых. Он приказал вернуть в Москву уцелевших Романовых и Черкасских. В свое время Юрий Отрепьев служил в свите у окольничего Михаила Никитича Романова, а затем убоярина Бориса Камбулатовича Черкасского. Оба умерли в заточении, и бывший кабальный слуга не опасался разоблачения. С запозданием 31 декабря 1605 г. Лжедмитрий I повелел пересвезти и похоронить в родовой усыпальнице тела Романовых, умерших в ссылке. Монах поневоле, Филарет Романов был вызван в столицу из Антониева-Сийского монастыря.

По словам архиепископа Арсения, патриарх Игнатий и священный собор в присутствии «Дмитрия» предложили Федору Никитичу снять с себя монашеские одежды, «надетые на него вопреки канонов и силою», вернуться в мир и принять жену, но тот отклонил предложение. Это известие не поддается проверке.

Филарет был деятелен и честолюбив. Самозванец побоялся оставить его в столице и отослал в Троице-Сергиев монастырь, где старец жол не удел до апреля 1606 г. Лишь в последние недели правления Отрепьев вновь вспомнил о «родственнике». Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой ростовского митрополита Кирилла, а митрополичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

Самозванец не обошел своими милостями даже малолетнего сына Филарета. В царской казне хранились «посохи: ...рога оправлены золотом с черныю». Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком, «а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Рострига поднес... Михаилу Федоровичу».

Из старших Романовых уцелел, кроме Филарета, один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест.

Государь перусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Голицыных, Шереметевых, Романовых, что вызвало негодование знати.

Важная вежа

Казнь Петра Тургенева и московских кулцов, смертный приговор князю Василию Шуйскому предвещали поворот к террору. Помилование Шуйского и его братьев и их возвращение в думу знаменовали поворот в развитии интриги.

Назвавшись сыном Грозного, самозванец должен был выразить свое отношение к его наследию. Пожалуй, главной чертой Растрюги как политического деятеля была его приспособляемость. Царствовать на Москве ему пришлось недолго, и главная задача, поглощавшая все его силы и способности, заключалась в том, чтобы усидеть на незаконно занятом троне.

Отрепьев выработал доктрину, которую охотно излагал ближним людям и придворным. «Два способа у меня удержанию царства, — говорил он, — один способ быть тираном, а другой — не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить».

Главная проблема, с которой столкнулся Лжедмитрий, заключалась, конечно же, не в том, казнить или жаловать подданных. Гражданская война и появление двух царей в государстве поколебали систему самодержавной власти. Отрепьев был воспитан в духе самодержавных традиций и не мыслил себе иного порядка. Ему предстояло решить вопрос, каким путем можно возродить величие и мощь самодержавной власти.

Самым кратким путем был возврат к политике опричнины с ее неограниченным насилием.

Надев на себя личину сына Грозного, Отрепьев невольно воскресил опричнину. В его окружении появились люди, принадлежавшие к самым известным опричным фамилиям, — Бельский, Басманов, Нагие, Татишевы, Пушкины, Зюзины, Воейковы, князь Хворостинины, Григорий Минкулин, Михалка Молчанов и другие.

Главной фигурой среди них был, без сомнения, племянник Малюты Скуратова Богдан Бельский, знаменитый опричный временщик Грозного. Вернувшись в думу после смерти Бориса Годунова, он поспешил завязать изменнические сношения с самозванцем и стал передавать ему сведения о планах и реше-

ниях московских бояр. Его происки помогли Огрьеву поставить на колени Боярскую думу. Когда же «вор» поселился в царском дворце, а народ заволновался, Бельский вышел к толпе и поклялся, что на трон взошел прирожденный царь и это он, Богдан, спас царевича Дмитрия «за царя Иванову милость». Заслуги Бельского были оценены, и, несмотря на свое «худородство», он получил боярский чин.

После смерти Грозного Богдан Бельский настаивал на возрождении опричных порядков. Когда Годуновы были свергнуты, он выступил как сторонник политики неограниченного насилия по отношению к крамольной знати. Фактически речь шла о возрождении репрессивного режима.

Гражданская война расколола страну. На стороне самозванца выступило малочисленное дворянство южных уездов, по численности и силам далеко уступавшее служилым людям центральных и северо-западных земель. Все это делало невозможным формирование войска по типу опричнины. Но в руках сторонников насильственных мер были повстанческая армия и вольные казаки, несшие караулы в Кремле.

Помилование Василия Шуйского стало для Бельского политической катастрофой.

Богдан Бельский был последним оставшимся в живых душеприказчиком Грозного. Он обладал огромным опытом интриг и в качестве спасителя «царевича Дмитрия» имел шанс занять пост правителя государства. Что помешало ему добиться цели?

Бельский был связан тесным родством с династией Годуновых и не принял участия в убийстве своей двоюродной сестры — царицы Марии Бельской-Годуновой. Он примкнул к «вору» в самый последний момент, перед падением Москвы.

Носились слухи, что Бельский отравил царя Ивана. Похоже, что мнимый сын царя не очень доверял своему «великому оружнику». Для знати самое имя богомерзких Бельских было ненавистно.

Во время московского похода подле Отрепьева был Юрий Мнишек, после его отъезда — польские секретари и Канцелярия. Поляки не желали делиться влиянием с Бельским. Главное

же, как люди просвещенные, они не одобряли московскую тиранию и массовые избиения по опричному образцу.

В начале московского похода Лжедмитрий предал жестокой казни некоторых вельмож, отказавшихся присягнуть ему. Но затем он стал жаловать знатных пленников думными чинами. Растрига держал их под неусыпным надзором и отнюдь не собирался делиться с ними реальной властью, вследствие чего «воровская» Боярская дума превратилась отчасти в парадное учреждение.

Полученный в ходе гражданской войны опыт пригодился, когда Лжедмитрий утвердился в Москве. Боярину и «великому оружничему» Бельскому, настаивавшему на разгроме думы, пришлось уйти в тень. Растрига выслал Богдана из столицы, назначив вторым воеводой в Новгород Великий. Михаил Салтыков был отправлен на воеводство в одну из новгородских крепостей.

Самозванец четко уловил настроение общества. Не только дума, но и все население отвергало опричные методы управления. Время опричных кровопролитий миновало.

Западня

Курс на общее примирение подвергся подлинному испытанию через несколько месяцев после коронации, когда вдова-царица и духовенство обратились к самодержцу с ходатайством о прощении Шуйских. Ходатайство поддержали Нагие и другие бояре.

Позиция Нагих требует объяснения.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось придумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери — царицы Марфы помогло Лжедмитрию утвердиться на троне. Но «семейное согласие» оказалось непрочным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы показать народу, будто в Угличе по ошибке был зарезан некий попович, а он — царевич Дмитрий — жив и сидит на родительском троне.

Планы самозванца оскорбили Марфу Нагую до глубины души. Чтобы не допустить надругательства над прахом единственного сына, она обратилась за помощью к боярам. Вмешательство бояр заставило Лжедмитрия отказаться от публичной инсценировки. Но его повеление, судя по всему, было выполнено без лишней огласки.

После гибели Отрепьева в Углич был послан за мощами царевича Филарет Романов. Угличане не могли указать ему точное место захоронения Дмитрия. Могилу «долго не обрели и молебны пели и по молебны само явилось тело: кабы дымок из стороны рва копанова показался благовонен, туг скоро обрели». Устранив с этого известия географический налет, писал С. Ф. Платонов, получим бесспорный факт — заброшенной, даже потерянной могилы. Однако бесспорность этого факта вызывает сомнения.

Дмитрия похоронили в Преображенском соборе, и если его могилу не могли найти, значит, она была разорена. Отрепьев не осмелился осуществить публичную инсценировку с телом «поповича». Но он втайне повелел выбросить тело царевича из собора. Гроб закопали во рву, за стенами угличского Кремля, не поставив даже простого креста.

Бояре оказали Марфе услугу отнюдь не бескорыстно. Царица стала орудием их интриг. Заступившись за сыновнюю могилу, старица должна была признаться, что царь — не ее сын. Слица Марии Нагой спала маска любящей матери.

Невозможно усомниться в том, что Нагая ничего не предпринимала без ведома братьев. У них она искала помощь в первую очередь, когда предприняла отчаянные попытки спасти могилу сына.

При Борисе Годунове Шуйские вступили в союз с Нагими, чтобы свергнуть правителя и посадить на трон царевича Дмитрия. Это обстоятельство благоприятствовало их новому союзу.

Ходатайство вдовы Грозного Марии Нагой, конюшего Михаила Нагова, других бояр и духовных членов думы привело к тому, что бояре Шуйские были прощены. Им вернули все их вотчины и титулы. Боярская дума получила в лице Василия Шуйского авторитетного вождя, самого умного противника «вора».

Лжедмитрий шел на уступки думе, жаловал правых и виноватых. В конце концов его старания принесли плоды. К осени 1605 г. наметились признаки политической стабилизации. Это тотчас было замечено польскими советниками. Бучинский писал государю: «Как Ваша Царская Милость государство свое удержал вскоре, и ныне уже бояться и добре любят».

Однако спокойствие в государстве было обманчивым. За время недолгого правления Отрепьева его недруги многократно пытались убить его.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один чудовский инок смутил народ, заявляя во всеулышание, что на троне сидит беглый чернец Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Москве-реке вместе с другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию. Власти арестовали несколько духовных особ, одного из них пытали, и он признался, что его подкупили. Он должен был подать государю чашу с отравленным вином во время причастия. Видимо, в заговор были втянуты лица из семейного храма государя или же других кремлевских храмов. Только они могли поднести царю святые дары.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 г. шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что скорее всего его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала

своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 г. Шуйские были озлоблены гонениями и после возвращения из ссылки присоединились к заговору. Последовали новые покушения.

Одно из них произошло в январе 1606 г. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через все стрелецкие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелецких голов — Федора Брянцева и Ратмана Дурова — бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефединов. И. Масса утверждал, что дьяк, подкупленный боярами, готовил убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Я. Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет, был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии П.Ф. Басманова, но он не сознался и не выдал главу заговора, которым был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шерефединова поверг их в ужас. Но дело за отсутствием улик было прекращено, а дьяка отправили в ссылку. Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся вверх, бояре мгновенно обрывали.

Заговорщики должны были позаботиться о том, чтобы лишить самозванца покровительства короля Сигизмунда III и избежать войны с Речью Посполитой после переворота. С этой целью они использовали вдовствующую царицу Марию Наую.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнив-

шего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. На встрече с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке», как и сам Петрей.

Петрей получил аудиенцию у Сигизмунда III в конце ноября 1605 г., когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Вслед за шведом Петреем в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался принять ее из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвитин, улучив момент, дал знать королю, что имеет особое поручение к нему от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшим советникам Сигизмунда III получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Через Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Бояре укоряли короля в том, что он дал Москве в царичеловека низкого и легкомысленного, жаловались на жестокость

Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под конец заключали, что обманщик недостойн Московского царства. Гонец Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги.

Большие разногласия в Боярской думе вызвал вопрос о браке «императора». Поддержанный польскими советниками, царь твердо решил заключить брак с Мариной Мнишек, как то было предусмотрено самборским договором.

Дума и православное духовенство не одобряли брака царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее роду не доставало знатности. К тому же ее семья погрязла в долгах и стояла на пороге разорения.

Дело было столь важным, что исполнение его надлежало поручить первым боярам государства. Польская тайная Канцелярия фактически отстранила Боярскую думу от переговоров о царском браке. Вместо бояр в Польшу в качестве свата отправился «худородный» дьяк Афанасий Власьев. Ранее, 16 августа 1605 г., ему было вручено царское послание к Юрию Мнишеку.

В ноябре 1605 г. в королевском замке в Кракове польская знать торжественно праздновала помолвку царя с Мнишек. Особу царя представлял Власьев.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. Большие суммы потребовались ему для того, чтобы нанять для царя войско.

Помолвка царя с Мариной Мнишек по католическому обряду вызвала негодование в православной Москве. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский архиепископ Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду самозванцу лживый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества.

Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 г. близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из

них не предаи казни. Лжедмитрий сам поведал об этом секретарю Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямитесь, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне никаков человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творят». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Архиепископа отослали в его епархию в Казань и там заключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи.

Предметом серьезных разногласий в Боярской думе был вопрос о финансах.

Самозванцу пришлось потратить огромные суммы, чтобы рассчитаться с польскими наемниками, казаками и повстанческими отрядами. Не менее крупные расходы были связаны с коронацией.

По традиции государи при восшествии на трон жаловали дворянам двойное или даже тройное жалованье. Секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский с похвалой отзывался о его щедрости к дворянам. По его словам, «служивым, кто имел десять рублей жалованья, дано 20, а кто тысячу, две дано». Названный секретарем десятирублевый оклад положен был многим членам Государева двора, а тысячный оклад — боярам и думным людям. Членов думы было более 70, членов двора — до двух тысяч. Выдача двойных окладов должна была опустошить и без того оскудевшую государеву казну.

С помощью членов Канцелярии самозванец отправил крупные суммы денег в Речь Посполитую. В ноябре 1605 г. Ян Бучинский отвез Юрию Мнишеку 200 000 золотых. Месяц спустя сенатор получил еще 100 000 на оплату долгов королю. Царь сделал важную оговорку: его отец мог отдать деньги в королевскую казну или взять себе. Запись в Дневнике, составленном помощником Мнишека, не оставляет сомнения в том, что сенатор присвоил деньги, предназначенные королю.

После переворота бояре говорили, что Растрига передал Мнишекам и королю 500 000 золотых (более 150 000 рублей), а потом в Москве пожаловал Мнишеку еще 300 000 золотых (90 000 рублей),

истратив, таким образом, 800 000 злотых (242 424 рубля). Обличая «вора», дума, по всей вероятности, преувеличила цифры.

Чтобы расплатиться с семьей Мнишек и с другими кредиторами в Польше, самозванец решил использовать драгоценности из древней царской сокровищницы. По подсчетам голландского купца Исаака Массы, цена отправленных в Речь Посполитую сокровищ составляла 784 568 флоринов, или 130 761 рубль. Согласно Дневнику Юрия Мнишека, царь подарил невесте шкапулку с драгоценностями, которые (как говорили) оценивались в 500 000 рублей, или более полутора миллионов злотых.

После трехлетнего голода и разрухи, вызванной гражданской войной, в царской казне просто не могло быть миллионных сумм. На заседании Боярской думы окольный Михаил Татищев объявил в присутствии польских послов, что после смерти Бориса в казне осталось всего 200 000 рублей. Текущие налоги должны были дать 150 000 рублей. С монастырей было собрано еще 40 000 рублей. Следовательно, всего в распоряжении царя было не более полумиллиона рублей наличности. После переворота русские приставы заявляли арестованным полякам: «В казне было 500 000 рублей, и все это, черт его знает, куда расстрига раскидал за один год».

Чтобы оценить масштабы трат «вора», надо вспомнить, что Иван Грозный израсходовал 100 000 рублей из земской казны на учреждение опричнины.

Польские советники из Канцелярии столкнулись со сложной задачей: поддержать баланс расходов и доходов монарха. В тайном письме, предназначенном одному Лжедмитрию, Бучинский назвал впечатляющую цифру расходов государя: «Да и так уже Ваша Царская Милость, роздал, как сел на царство, полосу милеона, а милеон один по руски тысяча тысячев рублей». Комментарий насчет значения числа миллион адресовался московскому населению. После переворота царь Василий Шуйский, обнаружив послание Бучинского, должен был пояснить населению, что такое «милеон», и чтобы сделать дело совсем понятным, его дяки перешли на рублевый счет. Однако в письме Бучинского счет шел, очевидно, на злотые. Семь с половиной миллионов злотых равны были двум миллионам

тремстам тысячам рублей. В польском тексте значилось: «*W o t i p o w i e d z i a ł C z m , z e p u ł o s m a m y l i o n a g o z d a ł j a c o n a P a n s t w i e u s i a d ł*». Итак, секретарь получил сведения об израсходованных деньгах из уст «Его Милости Царя». В хвастовстве самозванцу не было равных. Можно заподозрить, что он преувеличил сумму расходов в несколько раз.

Исчисленные «милеоны» включали денежное жалованье «воровскому» войску, московской думе и дворянскому ополчению, вновь набранным в Польше наемным войскам, а также отправленные в Польшу деньги для Юрия Мнишека, царской невесты Марины, многочисленные подарки в виде оцененных вещей из кремлевской сокровищницы и еще один вид платежей — долговые расписки царя.

Будучи в Самборе у Мнишеков, самозванный царевич раздавал векселя направо и налево. Суммы, обозначенные в них, как правило, многократно превосходили полученные субсидии.

Взойдя на трон, Растрига не отказался от старых привычек. Близко знавшие «императора» иноземцы не без иронии отмечали, что царь был щедр, но более на словах, чем на деле, так как «бездолгого размышления мог обещать несколько десятков тысяч, на 30 тыс. доходов, на 100 тыс. и более напичными и в удостоверение подлисывал», но затем так же легко отказывался оплачивать векселя.

Заполучив в свое распоряжение сокровища московских государей, Отрепьев заразился страстью к стяжанию. Проябавший всю жизнь в бедности, а иногда и в нищете, монарх упивался всемогуществом и не намерен был ограничивать свои траты. Самозванец стал скупать все драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слеглось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Имея весьма поверхностные представления о ценах, царь соглашался платить любые суммы. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитывать с торговцами векселями.

Лжедмитрий I не умел считать деньги, и его личные долги фантастически разрослись. Боярская дума использовала все его промахи и легкомысленные денежные опрации. Под конец Казенный приказ отказался оплачивать бесчисленные царские

векселя по причине отсутствия наличности. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через Казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами.

Невообразимые траты самозванца были следствием не одного только тщеславия и легкомыслия, но и расчета. Лжедмитрий должен был сознавать, что нужен своим знатым подданным, пока осыпает их деньгами и титулами. Когда серебряный дождь иссякнет, он станет не нужен.

Своими тратами новоявленный император привел государство к финансовому банкротству, что ускорило его гибель.

Самозванец внимательно следил за настроениями бояр и двора и пытался предотвратить нежелательное развитие событий. После смерти царя Федора Ивановича Романовы и Бельский выдвинули проект введения в стране боярского правления. Они предложили посадить на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича, чтобы править его именем.

Опасаясь возрождения старой интриги, Лжедмитрий в феврале 1606 г. поручил двум дьякам провести розыск, после чего приказал сослать Симеона в Кирилло-Белозерский монастырь. 3 апреля служилый царь был пострижен в монахи и принял имя Стефана.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранцев поражали московские порядки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с царем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр.

Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, поляки из его Канцелярии обсуждали различные меры, включая возможность перенесения столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иноземцы понимали сущность русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние

знати надела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло политические порядки Московии.

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, раболепное поведение придворных создавали видимость неслыханного могущества московских государей. На самом деле Боярская дума удерживала в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 г. на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку петь царю на нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татишев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татишева оказал большие услуги Грозному, за которые получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татишев служил ясельничим при царе Борисе. Будучи послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольничего.) На пиру Татишев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично избил царя за приверженность к нечистой пище.

В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татишева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потавив имя его». При Грозном окольничий лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия вступилась вся дума, включая любимца царя П.Ф. Басманова. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инцидент с Татишевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, что приводило к неприятным эксцессам в думе. По этому поводу поляк Станислав Несмевский писал следующее. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всяя Руси, ты солгал». Ожидая прибытия

в Москву семейства Мнишеков, царь («стыдясь наших» — добавляет от себя автор Дневника) запретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну, как же говорить тебе, государь, царь и великий князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик, самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой отчет С. Немоевский, — что слова своего перед ними недодержал...»

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамоллой приказал переселить сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими. Отрепьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь. — *Р.С.*) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Инициаторами боярского заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, князья Михаил Скопин-Шуйский и Борис Татев-Стародубский, Михаил Татищев, окольный Иван Крюк-Колычев, дети боярские Андрей Шерофединов, Григорий Валуев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие лица.

Даже некоторые из самых близких лиц спешили покинуть самозванца, предчувствуя его скорое падение. В стане заговорщиков оказался друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путиле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию. В Москве дворянин примкнул к Шуйским и стал решительным противником самозванца.

Некоторые из приближенных царя, формально не участвуя в заговоре, искали благорасположения заговорщиков. Сохранилось известие, будто «Дмитрий» слишком рано открыл своему

«маршалку» князю Василию Михайловичу планы насаждения в России католичества, а тот сообщил обо всем боярам. Речь идет о князе Василии Михайловиче Рубце-Мосальском. (Иностран- ный автор искажил фамилию князя Василия Михайловича, на- звав его Можайским, но такие искажения обычны у иностран- цев. В официальных бумагах Посольского приказа князя Рубца именовали «маршалком».) Весной 1606 г. поляки, ехавшие на царскую свадьбу, убили родного брата дворецкого, что не могло не повлиять на его взгляды.

Боярам удалось подкупить некоторых наемных офицеров и з дворцовой стражи, среди них Андрея Бону. Ходили слухи, что в интригу был вовлечен капитан Яков Маржарет.

Заговорщики уловили в свои сети вдову-царицу Марфу На- гую и конюшего Михаила Нагова. Это имело особое значение, поскольку мятеж неизбежно вел к междуцарствию. Однако На- гие были безмерно возвышены «вором» и не желали его гибел- ли. Шуйские не имели оснований раскрывать свои планы пе- ред Нагими.

Самозванец страшился измены. Но страшнее боярской кра- молы была народная молва. В Пугивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных лю- дей. Взойдя на трон, он пытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения От- репьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О са- мозванстве «Дмитрия» толковали и в России, и за рубежом.

Некогда изменники братья Хрипуновы, сбежавшие в Лит- ву, первыми «вызнали» в беглом монахе «Дмитрия». После во- царения Отрепьева Хрипунов вернулся в Россию. На границе он встретил давнего знакомого — капитана Станислава Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Моск- ве уже дознались, что царь не истинный Дмитрий, и скоро с ним поступят как с самозванцем. Подобные разговоры велись не только в дорожных тракгирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших сподвижников царя. Однажды последруже- ской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержал-

ся в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»

Заглушить убийственную молву можно было, разве что избив половину населения. У Растриги не было иного выхода, кроме как закрыть глаза на «измену» и продолжать разыгрывать роль милостивого государя.

И лишь когда царю донесли об измене в войске, он велел произвести публичные казни. В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 г. среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто говорили, что царь — не истинный Дмитрий. Когда разговоры дошли до Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от изменников без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз, повторил затверженную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры. Он ограничился тем, что выдал семерых смутьянов на расправу их товарищам. Думный дворянин Григорий Микулин подал знак верным стрельцам, и осужденные были растерзаны вмиг. Трупы казненных провезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков.

Боярская дума вернула себе власть, утраченную ею после мятежа в Москве и коронации самозванца. «Непобедимый импе-

ратор» должен был ежедневно лицезреть в думе «изменников», терпеть от бояр грубые оскорбления, подчиняться мелочной опеке в Финансовых делах.

Столкновение между самодержцем и знатью надвигалось неотвратимо. Отрепьев должен был осознать, что без внешней военной помощи ему не одолеть боярскую крамолу. Особые надежды он возлагал на наемное войско, приведенное Мнишеком.

Кортеж Мнишеков встречала вся Москва. Повсюду вдоль улиц были расставлены войска. Лжедмитрий, обрядившись в простое платье, в красной шапочке тайно покинул дворец и в сопровождении князя Василия Шуйского и одного поляка объехал «все войска и всех поляков», чтобы лично расставить их «в добром порядке». Рота гусар капитана Домарацкого с цветными копьями и значками выделялась своими великолепными одеждами.

Исаак Масса сам видел царя, подготовлявшего церемонию. Поведение самодержца свидетельствовало о том, что он считал свое положение прочным и забыл об осторожности.

2 мая 1606 г. царская невеста сосвितой проследовала по улицам города в Кремль. Царь распорядился отвести Марине покой в женском Вознесенском монастыре в Кремле, где жила «мать» государя Нагая. Тут ее навестил Лжедмитрий. Когда за Мариной захлопнулись монастырские ворота, она не в силах была скрыть своего отчаяния и долго плакала.

Свадебный кортеж вызвал недоумение у народа. Москвичи не могли отделаться от впечатления, что в город вступила армия, а не свадебная процессия. Впереди шествовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копьями и мечами. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском следовал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Москвичи были окончательно сбиты с толку, когда прислуга принялась выгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки вынимали из повозок ружья и охапками вносили их навсрх.

Лжедмитрий и его польские советники бросили открытый вызов Боярской думе. Приглашение иноземного войска из-за рубежа и размещение его внутри крепостных стен русской столицы было делом неслыханным.

Не прошло и года с тех пор, как поляки вступили в Москву на правах завоевателей вместе с казаками и русскими повстанческими отрядами. И что же? По улицам города горделиво маршевали те же гусары, которые привели царя в столицу.

Весной 1606 г. стало известно о том, что на Тереке взбунтовались вольные казаки. Своим вождем они признали царевича Петра, нового самозванца, якобы спасшегося от бояр сына царя Федора Ивановича. Мятежники двинулись на Москву. Они не скрывали своих целей. Казаки не собирались ниспровергать трон «Дмитрия». Вожаки мятежа — ветераны московского похода Отрепьева намеревались истребить «лихих бояр», чтобы получить заслуженное жалованье от батюшки-царя.

Понятно, что бунт казаков вызвал тревогу в Боярской думе. Бояре не забыли, к каким последствиям привело появление казаков в столице годом ранее. Надлежало остановить мятежников на Волге и не допустить их к «царствующему граду».

Однако Лжедмитрий думал иначе. Он послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова-Плещеева с письмом. По словам Якова Маржарета, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казацкому «царевичу», что если он — сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный царевич, то пусть удалится прочь.

Требование «удалиться прочь» соответствовало настояниям Боярской думы. Но оно носило формальный характер. К царской грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути до Москвы. Казаки немедленно воспользовались подорожной.

На суде «Петр» изложил этот эпизод следующим образом: «Из под Астрахани казаки пошли вверх Волгую к Гришке Ростриге (ко) двору и дошли до Самары, и туг де их встретили от Ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех».

В планах Лжедмитрия I «Петрушке» отводилось особое место. Казаки были готовы к тому, чтобы расправиться с лихими боярами. На них можно было затем возложить всю ответственность за кровопролитие.

Войско «Пегра» прекратило поход, так как вскоре казаки узнали о перевороте в Москве. После гибели Огрепьева Боярская дума обвинила убитого Лжедмитрия I в том, что он «сам вызвал человека («вора» Петра. — *Р.С.*), который в крайней нужде мог оказать ему помощь». Все произошло в те дни, когда «вор» «со множеством казаков явился на Волге».

Поляки и казаки привели самозванца в Москву и возвели на трон. Оказавшись в крайней нужде, Лжедмитрий ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Он пытался начать снова ту рискованную игру, в которой ставкой были его власть и нечто большее — его голова.

Растрига не мог править «с грозой», как некогда правил его мнимый отец. Самодержавные устремления императора, попытки опереться на иноземное наемное войско и мятежных казаков были обречены на фатальную неудачу. Народ мог принять «прирожденного государя Дмитрия», стоявшего на недоступной его взору высоте. Но аристократия не желала терпеть бродягу и проходимца в своей среде.

Переворот

Борис Годунов потратил немало сил, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир. Лжедмитрий, заняв трон, приступил к подготовке большой войны. С помощью победоносной войны он надеялся упрочить шаткий трон.

Поначалу он предполагал двинуть армию в Ливонию и изгнать шведов из Нарвы во исполнение обязательств, взятых им в Польше. Однако Боярская дума воспрепятствовала тому, чтобы Россия была втянута в новую войну из-за Ливонии.

Отказавшись от планов войны со Швецией, «непобедимый император» решил обратить оружие против турок и татар.

Тайный католик, православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую бы вошли католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачным, и папа римский ответил Лжедмитрию: «Русский царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».

Сигизмунд III также подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов.

В марте 1606 г. Разрядный приказ послал князя Ивана Шуйского с отрядом войск во Мценск. Большим воеводам — Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйскому, Василию Голицыну предстояло занять позиции на Оке.

В марте Лжедмитрий известил тестя Юрия Мнишека, что по прошествии Пасхи, 20 апреля, «путь воспринять намерены в лагерь («oboз») и там через все лето пребывать имеем». Лето было наиболее подходящим временем для военной кампании, но поход, похоже, был задуман как военная демонстрация, если царь собирался провести в лагере все лето. Не связана ли была перемена в военных планах с отсутствием у России союзников?

В Польше назревал мятеж против Сигизмунда III. В подготовке «рокоша» участвовали ветераны похода Лжедмитрия на Москву. Эти люди, рассчитывая на помощь московского царя, сулили ему польскую корону.

Отрепьев охотно обсуждал с членами польской Канцелярии новые блестящие перспективы. В начале 1606 г. Бучинский был встревожен тем, что тайные планы московского двора, обсуждавшиеся в самом тесном кругу в Канцелярии, стали известны в Польше. «И то непригоже, что делаетца в комнате у тебя, и то все выносят», — с укоризной писал советник государю.

Узнав об интриге, король через сановников дал понять Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника.

В Польше циркулировали слухи, будто Дмитрий готов поддержать польскую оппозицию, послав против короля одного из

Шуйских с войском. Клубок интриг запутался окончательно. Польские заговорщики рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре несли казни соглашения с королем, чтобы избавиться от самозванца.

Сигизмунд III пытался расстроить сговор рокошан с Лжедмитрием средствами дипломатии. Из Кракова в Москву было направлено посольство во главе с Олесницким и Гонсевским. Именно Гонсевский вел переговоры с гонцом Безобразовым. Когда посол прибыл в русскую столицу, ничто не могло помешать ему установить прямые контакты с руководителями боярского заговора.

Шведский агент Петр Петрей вел переговоры с королем, будучи посвящен в планы бояр-заговорщиков. Он утверждал, будто некоторые сенаторы в Польше замыслили захватить Москву и «устранить Гришку», но не осмелились это сделать, так как это было опасно для Мнишек. Не исключено, что планы подобного рода обсуждались при королевском дворе после того, как там стало известно о прорисках Лжедмитрия I. Польские советники «вора» обдумывали, как бы им захватить Краков, советники короля — как бы им завладеть Москвой. Планы были беспочвенными.

В Москве послы вели себя так, будто их целью действительно было свержение Отрепьева. На приеме в Кремле они подвергли московского самодержца неслыханному унижению. Сигизмунд приказал им именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протезе не только в императорском, но и в царском титуле. Дипломатический демарш должен был убедить заговорщиков, что Сигизмунд III на их стороне.

Захватив трон, Отрепьев не раз указывал думе на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной опорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд III не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Самозванец предпринимал отчаянные усилия, чтобы вернуть, хотя бы внешне, прежние отношения с Речью Посполитой. Настала пора тайных переговоров, от участия в которых Боярская дума была полностью отстранена. Московский Посольский приказ подчеркивал, что польские послы приходили к «вору» «наодне, а бояр наших никого не было, а сиживали через ночь с ним один на один».

Прибытие Мнишека с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с таким ущербом, который далеко перекрыл все выгоды.

Самозванец принял католичество и обязался обратить в новую веру всю Россию. О переходе невесты в православие не было и речи. Однако в Москве Лжедмитрий I уяснил себе, что сможет заключить брак и короновать только православную царицу.

После прибытия в Москву свадебного кортежа по городу распространилась молва о пророчестве старицы Алены, самой почитаемой московской юродивой. Смысл ее слов сводился к тому, что царь готовится к свадьбе, а его ждет смерть. Лжедмитрию тотчас сообщили обо всем. Он не придавал значения словам старицы. Предсказание навело страх на Шуйского, боявшегося разоблачения. Но потом заговорщики успокоились.

Коронация и свадьба были назначены на 8 мая 1606 г. Собственно, брак был уже заключен в Кракове 12 ноября 1605 г. по католическому обряду. Однако в глазах православных церемония не имела законной силы. Патриарх грек Игнатий исполнил волю царя и отклонил требование о крещении невесты-католички по православному обряду. Решено было, что миропомазание заменит акт обращения невесты в православие и отречения от католичества.

Коронационные торжества начались в Грановитой палате. Поутру молодых привели в Столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. Князь Василий Шуйский кратко напутствовал невесту, после чего все перешли в Успенский собор.

Впервые главный собор Московского царства широко распахнул двери перед иноверцами — католиками. Родня невесты

и польские дворяне явились в храм целой толпой. Высшее духовенство встретило процессию у входа в собор.

Марина заняла место подле царя, на приготовленном для четы помосте. Патриарх торжественно короновал царицу, предварительно совершив обряд миропомазания. Он возложил на голову Марины корону и царские регалии на плечи. «После венчания, — повествует очевидец, — ни тот (царь), ни другая (царица) не выразили желания причаститься святых тайн; это смутило многих присутствующих».

Коронация Марины в Успенском соборе явилась неслыханным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петлять со времен Годунова. Но и такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие вызвал еще большее раздражение москвитов. Зато послы и польские гости были довольны.

Самозванец считал своего секретаря Яна Бучинского другом и с полной откровенностью поведал ему о чувствах, владевших им во время коронационных и свадебных торжеств: «Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному закону сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а некрещеной иноверке и в церковь не войти, а больше всего боялся, что архисерги станут упрямитесь, не благословят и миром не помажут». Отрепьев обладал проницательностью и достаточно хорошо знал людей, чтобы догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение последних вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

Самозванец достиг цели. По ходу дела он внес исправление в обряд коронации, чтобы удовлетворить польских покровителей и товарищей.

Едва коронация кончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спиной. Когда нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Мнишек по православному обряду. Молодые причастились из рук патриарха и вторично приняли от него благословение.

На царской свадьбе князь Василий Шуйский и заговорщики присутствовали в высших свадебных чинах. Князь Василий Шуйский был «тысяцким боярином», главным распорядителем свадьбы, Дмитрий Шуйский — главным дружкой жениха. Свахой самозванца выступала Екатерина Скуратова, жена Дмитрия Шуйского. Скипетр нес князь Василий Васильевич Голицын. У «мыльни» с Растригой были Иван Крюк-Колычев и «мовник» Михаил Скопин. Приглашение на свадебный пир получили бояре Василий и Андрей Голицыны, а также Юловины.

Вельможи давно уже знали, что залтица их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раболепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Мощество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и пытавшуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Василий Шуйский держал речь к молодым в Грановитой палате. На пути к храму царскую невесту вели под руки польский посол и жена князя Мстиславского, по выходе из собора — император Дмитрий и Василий Шуйский. Князь Василий представлял руководство Боярской думы, и именно по этой причине на его долю выпала столь важная роль.

Многие решения самодержца, негодные думе, были отменены под нажимом бояр. Но в коронационных и свадебных торжествах противодействия думы не чувствовалось.

С давних пор московские государи выступали как главные поборники православных обрядов и святынь. Лжедмитрий их дерзко нарушил. Можно догадаться, что глава заговора Шуйский потакал капризам и прихотям государя, чтобы скомпрометировать самозванца. Дума не заступилась за Гермогена и не воспрепятствовала его ссылке.

Когда свадьба закончилась, государь отпустил бояр и свиту и удалился во внутренние покои, где остался в окружении од-

них поляков. Свадьба сменилась дружеской пирушкой. Отрепьев говорил без усталости. Но лицедейство не могло скрыть от окружающих подлинных чувств царя. Очевидцы отметили, что в дни свадебных пиршеств жених был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева. На третий день после венчания посол Олесницкий почтил своим присутствием праздник во дворце. Когда заиграла музыка, посол пустился в пляс, не снимая шляпы. Царь тотчас приказал передать ему, что велит снести голову всякому, кто осмелится остаться в шляпе в его присутствии. Тот немедленно сдернул шляпу.

К весне 1606 г. князь Василий Шуйский достиг высших почестей при дворе. Его ум, опыт и знатность доставили ему пост первосоветника царя. Появление в Москве Юрия Мишека грозило изменить ситуацию.

По традиции династические браки выдвигали на авансцену царицыну родню. После смерти Ивана Грозного правителем царства при Федоре стал Никита Романов, брат царицы Анастасии. При Лжедмитрии I его отпрыск Юрий Мишек имел все основания претендовать на пост правителя. Царь именовал его «отцом» и признавал его авторитет.

У Отрепьева был большой опыт лицедейства, но не государственного управления. А Юрий Мишек управлял Польшей при слабохарактерном короле Сигизмунде II Августе.

Мишек со своей многочисленной вооруженной свитой был поселен в Московском Кремле на старом дворе правителя Бориса Годунова. Это подкрепило его претензии.

Сенатор не мог быть членом Боярской думы, но по договору, заключенному в Самборе с «царевичем», Мариной как царица должна была получить княжество Новгородское и Псковское. В качестве удельной княгини она имела право создать для управления уделом думу и собирать в свою пользу все доходы. Фактически владельцем удела должен был стать отец царицы. В соответствии с этим тесть царя должен был занять высшую ступень в иерархии московских чинов.

Спор о том, кому быть первосоветником государя, неизбежно столкнул Мишека с Шуйским. На свадебных торжествах

сенатор играл еще более важную роль, чем Василий Шуйский. Он стоял в Столовой избе у обручения молодых, вел в соборную церковь Лжедмитрия под правую руку, подвел царицу Марину к благословению патриарха. На брачном пиру Мнишек лично было сидеть выше всех — «в отца место». Но католик не мог быть «в отца место» у православного государя, и пост занял глава Боярской думы князь Федор Мстиславский. Мнишек не смирился с таким унижением и покинул пир под предлогом подагры.

После переворота дьяки под присмотром Василия Шуйского составили подробный список обвинений против Растрги. Памятуя о том, что «вор» сохранил популярность в народе, Шуйский заключил обвинительный акт поразительным признанием: «Дмитрий» «мог бы делать, что хотел, когда бы только жил смиренно, и взял себе в жены московскую княжну, и держался бы их религии...»

Видимо, бояре помышляли о том, чтобы сосватать государю московскую княжну. Пассаж против Марины Мнишек имел в виду, конечно же, не саму царицу, а ее отца, пана Юрия. Лжедмитрий I вторгся в Россию во главе наемного польского войска. Его брак с Мариной увековечивал польское вмешательство в дела Русского государства.

Не будучи «сенатором» Московской думы, Мнишек имел возможность опереться на польскую Канцелярию. В свое время именно Мнишек приставил советников к беглому монаху и создал в Самборе «Канцерию». «Царевичу» не принадлежала колымага, в которую его посадил Адам Вишневецкий. Точно так же «советники» были слугами не самозванца, а Мнишека. В их числе были Слоньский, Липницкие, Домарацкие, служившие владельцам Самбора.

Члены Канцелярии Лжедмитрия одобряли его планы относительно захвата польского трона. Лжедмитрий «втайне замыслил напасть на Польшу» и изгнать короля или захватить его с помощью измены. «Прежде всего, — повествует Исаак Масса, — это советовали ему многие поляки, как-то: Сандомирский, Вишневецкий и другие». Итак, сандомирский воевода Мнишек поддерживал сумасбродные замыслы Отрепьева.

Сенатор вмешивался в русские дела, нимало не считаясь с Боярской думой. Едва ли можно усомниться в том, что решение о найме иноземного войска было принято не в московской думе, а в кругу польских советников Лжедмитрия — Юрия Мнишека и членов Канцелярии.

Думане могла одобрить такой образ действий. Бояре не видели необходимости в найме иноземной рати и сознавали, что ее содержание потребует от московской казны непосильных расходов.

Размещение иноземных наемных войск в Москве вызвало ропот в народе. Русские люди не забыли того, как поляки громили царьки с полки при короле Стефане Батории, в конце Ливонской войны. Они помнили также, что именно поляки разожгли пожар гражданской войны в России при царе Борисе.

Король Сигизмунд III в речах к сейму называл Россию наследственным врагом Речи Посполитой. Совершенно так же относились к Польше московиты.

Отрепьев разместил наемное войско на постоях водворях богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождалось множеством уличных инцидентов. Пьяные наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские, и польские очевидцы. Бесчинства иноземных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей.

Начиная с 12 мая положение в столице стало тревожным. По словам Конрада Буссова, с этого дня в народе открыто стали говорить, что царь — лютаный, что он — некрещеный иноземец, не почитает святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни.

15 мая император дал аудиенцию польскому иезуиту Савицкому и подтвердил обещания насчет деятельности Ордена Святого Иисуса в пределах России. Патер передал Лжедмитрию личное послание генерала Ордена иезуитов Аквавивы вместе с индульгенциями — золотыми пластинками с изображением папы римского.

Прошло время, когда самозванец старался встречаться с иезуитами как можно реже и окружал их визиты строжайшей тайной. Савицкий просил разрешения посещать царя в любое время. Император ответил согласием. Он открыл двери в соседнюю комнату, где располагалась «Канцлерия», и отдал нужное распоряжение польскому секретарю. После прибытия иноземного войска Отрепьев считал свое положение вполне прочным.

В ночь на 15 мая Василий Шуйский и его сообщники были готовы осуществить переворот. Но царь своевременно получил предостережение от иноземной стражи и принял меры. Он приказал расставить стрелецкие сотни так, чтобы не допустить нападения москвичей на польские казармы. Польяки всю ночь папили из ружей, чтобы навести страх на московитов.

Как утверждал Исаак Масса, заговорщики держали под ружьем тысячи своих сторонников, но в последний момент отложили выступление.

Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных Шуйскими. Иезуиты, находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между народом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание угрожало не столько власти Лжедмитрия, сколько иноземному воинству. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент инспирировать мятеж посадских людей.

15 мая в Москве воцарилась злобная тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, не обратив внимания на доносы и предупреждения насчет готовившегося переворота. В действительности же самозванец и его советники, не жалея сил, готовились к тому, чтобы железной рукой подавить назревавший мятеж.

Под предлогом готовившейся войны с турками царь вызвал в окрестности Москвы отряды детей боярских из Путивля и Ря-

зани. Эти отряды доказали свою преданность ему в начале Смуты. В распоряжении монарха был многотысячный стрелецкий гарнизон. Вместе со столичными стрельцами караулы в Кремле несли стрельцы из Северской земли, оставленные в столице после коронации Растриги. В Кремле и крепостях разместились польское наемное войско, приведенное Мнишек. К Москве быстро двигалось казачье войско «царевича Петра».

Заговорщики располагали несколькими сотнями вооруженных людей. Подавляющее превосходство сил было на стороне Лжедмитрия.

Почему самозванец запретил принимать от народа доносы и даже грозил доносчикам наказанием?

Бесчинства шляхты привели к тому, что Ближняя канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные относился прежде всего к этим жалобам. Что же касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него самого.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В результате и Мнишек с польскими советниками, и «ближние люди» Лжедмитрия Петр Басманов и Михаил Салтыков, и сыскное ведомство сосредоточили все свое внимание и все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и иноземными наемниками.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись подле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшенном дворе, подлил ему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи «собираются напасть на великого князя и по-

ляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю.

Вследза Стадницкими кодворуявятся Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через нового перво-советника — царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил пачку челобитных от москвичей.

Будучи опытным политиком, Мнишек в отличие от самозванца трезво оценивал опасность, угрожающую царской семье. Лжедмитрий остался глух к настоятельным советам тестя. Он укорял сенатора в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти «всех в один день лишить жизни». Даже на краю пропасти император оставался в плену иллюзий о всемогуществе самодержавной власти.

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил по городу усиленные караулы. Как и в предыдущие дни, расположение воинских сил в столице определялось заботой советников о безопасности польских войск.

В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля.

В ночь на 16 мая люди Басманова захватили шесть «шпионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили бесспорные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Отрепьев даже не подозревал, что в заговоре участвовали его названная мать и любимцы Василий Шуйский и Василий Голицын.

Ютовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить его подозрения.

Опасаясь выдать себя неосторожными действиями, заговорщики не решались развернуть в народе широкую агитацию против Лжедмитрия. В конце концов они решили выступить под

маской сторонников царя, чтобы подтолкнуть народ к восстанию против иноземного наемного войска. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу клич «Поляки бьют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

На рассвете 17 мая Шуйские, собрав у себя на подворье участников заговора, двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. Внешняя стража была отведена от царских покоев. По слухам, это было сделано по приказу Якова Маржарета. Поводом к обвинению послужило то, что капитан первой дворцовой роты не явился во дворец по болезни. Командовал сменой караула Андрей Бона, участник заговора. После развода во внутренних покоях оставалось не более 30 человек стражи. К тому времени стрельцы, сгоявшие на страже у польских казарм, закончили ночное дежурство и были распущены по домам.

Караулы Кремля не выказали никакой тревоги, когда во Фроловских воротах появились главные бояре — братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные стрельцам в лицо. За боярами в ворота ворвалось до 300 вооруженных дворян. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав сопротивления. Завладев воротами, Шуйский велел поднять на ноги посад. Посланные им люди собрали большую толпу на Красной площади и в торговых рядах.

Ударили в колокола в Ильинской церкви, затем по всему городу. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский, с утра не спускавший глаз с самозванца, отвечал, что в городе, верно, начался пожар. Командир стражи Андрей Бона также сказал, что тревожат из-за пожара.

Между тем шум нарастал. По всему городу забили в «набаты ирадские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схва-

тив оружие, к дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынью», постоять за православную веру.

Заговорщики опасались, что Юрию Мнишеку удастся организовать сопротивление: его двор располагался в Кремле совсем близко от царского дворца. К Мнишеку был послан Михаил Татишев. Мятежники завалили снаружи ворота двора и выкатили две пушки. Татишев велел передать сенатору, что тот должен был бы разделить участь самозванца, «потому что был его опекуном» и за то, что учинил смуту в Московском государстве, но теперь ему не причинят вреда. Юрий Мнишек обещал не вмешиваться в происходящее. Тогда Татишев окружил двор стрельцкими караулами, чтобы обезопасить поляков от нападения толпы.

Из Кремля в разные стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы папи на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки поляков оказать помощь избитому Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Во дворце события развивались своим чередом. На рассвете в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, посланный Шуйским, как утверждали современники, для обличения Растриги. То была легенда, призванная освятить мятеж авторитетом человека почти святой жизни.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезвым и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Располагая небольшими силами, Василий Шуйский не был уверен, что заговорщикам сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому он разработал

запасной план действий. Осипов должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм дворца.

Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным источникам, Осипов успел выбрать царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и Растриги. На самом деле у него попросту не было времени для речей.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровавая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышом в руках высунулся в окно, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна. Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались бояре, он принялся именем царя увещевать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Многие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушаться Басманова, главу Стрелецкого приказа.

Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Михаил Татишев ударил его ножом. Дергающееся тело было сброшено с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась во дворец и обезоружила копейщиков. Василий Шуйский в числе первых проник в сени во главе мятежников.

Отрепьев заперся во внутренних покоях с 15 немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Воспользовавшись потайными ходами, он

покинул дворец и перебрался в каменный зал — каменные палаты на «взруб». Палаты располагались высоко над землей, но Отрепьев не приходилось выбирать. Он прыгнул из окна, мешком рухнул на землю, вывихнув ногу. Его подобрали «украинские стрельцы». Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца свидетельствуют о том, что он наконец понял, с какой стороны обрушился удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы. Они пытались отстреливаться, но затем сложили оружие.

Попав в руки врагов, Отрепьев продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Самозванец униженно молил дать ему свидание с матерью, но Голицын объявил, что Марфа Нагая давно отсклалась от еретика и не считает его своим сыном. Слова Голицына положили конец колебаниям.

Заговорщики окружили поверженного царя плотным кольцом. Те, кто стоял ближе к Гришке, награждали его тумачами. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпали его бранью: «Таких царей у меня хватает дома на конюшне!», «Кто ты такой, сукин сын?»

Василий Шуйский понимал, что успех затеянного дела зависит от того, как поведет себя народ. Как только толпа принялась громить и грабить дворцовые покои, он отправился на площадь. Разъезжая перед Красным крыльцом, боярин призывал чернь потешиться над «вором».

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь вмешательства народа, покончили с самозванцем. После переворота Василий Шуйский щедро награждал своих сообщников. Столичный гость Мыльников получил двор фаворита Лжедмитрия за то, что первым выстрелил в императора.

Выйдя к народу, бояре объявили народу, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а Растрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя поволокли к терему Марфы Нагой. Не помня благодетельный самозванца, она назвала убитого вором.

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Лишь немногие пытались пробиться во дворец, но подверглись избиению.

Польские послы не понесли ущерба. Напротив, Канцелярия Лжедмитрия I подверглась подлинному разгрому. Об этом, надо думать, позаботились бояре-заговорщики, направлявшие действия толпы. Во всяком случае, ни Шуйский, ни его сообщники ничего не сделали, чтобы положить конец ярости нападавших.

Склиньский занимал двор против Кремля. Он держал при себе лиц «из своей роты» — Липницкого, Вонсовича. Поляки пировали до глубокой ночи, а наутро подверглись нападению. Захватив двор, мятежники учинили допрос, кто старший. Поляки назвали имя Склиньского. Советника Растриги четвертовали, а потом посадили на кол.

Жертвами бунта стали чужеземцы, случайно оказавшиеся на улице. Среди убитых были ксендз, многие польские дворяне, их челядь, польские музыканты. Некоторые из царских докторов, а также приезжие купцы, носившие польское платье, подверглись грабежу.

Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. Подняв посадских людей против «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку.

Во время мятежа послы и их свита не пострадали. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападения толпы. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеявая самозванческую интригу, Мнишеки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеяв ветер, они пожали бу-

рю. Не одни Мнишеки, но и вся их родня были ограблены до нитки.

Передавали, что в день переворота Марину спасла ее рослая и тучная фрейлина, спрятавшая государыню у себя под юбкой. Этот рассказ, конечно, легенда.

Шум поднял царицу с постели. Она едва успела надеть юбку, оставшись неприбранной и непричесанной. Сначала она пряталась в подвале, потом возвратилась в верхние покои. Когда Марина поднималась наверх, никто ее не узнал. Встречная толпа столкнула женщину с лестницы.

Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мнишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица в те дни громко сетовала на то, что у нее отняли любимого арапчика.

Как только самозванец был убит, бояре поспешили прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах столицы.

Князь Василий Шуйский проявил немало смелости, спасая поляков, осажденных на их дворах. На Покровке он уговорил толпу прекратить пальбу, обнял и расцеловал парламентаря, высланного поляками. Затем Шуйский отправился на Неглинную, где вступил в переговоры с князем Адамом Вишневецким. Дом магната был окружен толпой и подвергся настоящему штурму. Посадские люди притащили к воротам пушку, снятую со стен крепости. Боярин целовал крест пану Адаму, что берет его под свою защиту. Войдя в дом поляка, Шуйский дал волю слезам в переходах, заваленных трупами москвичей.

После того как волнение улеглось, князь Василий послал бирючей по всему городу, приказав посадским людям принести на Казенный двор все награбленное во дворце и на польских дворах добро, а также привести лошадей, «чтобы каждый мог взять свое». Из всего имущества возвращены были только экипажи и лошади, укрыть которых было невозможно.

Иноземные купцы, передавшие Лжедмитрию привезенные драгоценности, просили оплатить им их товары. Князь Василий отвечал им, что «они должны получить деньги с Растриги, который у них покупал, а сверх того, в казне нет денег».

Воцарение

После переворота бояре, затворившись в Кремле от народа, совещались всю ночь. Одним из первых было принято решение низложить патриарха Игнатия, ближайшего соратника и помощника Лжедмитрия I. Как значится в Разрядах, «за свое бесчинство» Игнатий был лишен сана 18 мая 1606 г. Вина патриарха раскрылась незадолго до переворота, когда двое православных епископов из Польши прислали с львовским мещанином Корундой (или Коронкой) письмо к главе русской церкви с уведомлением, что царь являлся тайным католиком. Грамоты попали в руки бояр и были использованы для осуждения Игнатия.

Грека с позором свели с патриаршего двора и заточили в Чудов монастырь.

Наступила пора междуцарствия. «Почал (начал) на Москве мятеж быти во многих боярех, — записал современник, — а захотели многие на царство». Бояре, отметил автор польского Дневника, «в то время большую власть имели, нежели сам царь».

Одна дума могла решить, кто займет опустевший трон. Но Лжедмитрий I оставил после себя на редкость многочисленную и неоднородную по составу думу. Бок о бок с законными членами в думе заседали вчерашние «воровские» бояре. Две думы никак не могли прийти к соглашению о приемлемом для всех кандидате.

Князь Василий Шуйский рисковал головой, возглавив заговор против «непобедимого императора». Он одержал верх и намеревался занять трон по праву победителя. Но у него исмелденно нашлись соперники, не ударившие палец о палец для низложения «вора» и еретика.

В летописи можно найти рассказ о том, что после переворота дума выбрала двух кандидатов — бояр Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского. Их вывели на Красную площадь и спросили народ, кто из них достоин занять царский трон. Это скорее легенда.

Участники заговора еще при жизни Отрепьева должны были подумать о царском избрании. В то время руководители ин-

триги предложили царский трон королевичу Владиславу. Гонец Безобразов в тайной беседе передал предложение бояр Сигизмунду III.

Кандидатура Владислава могла бы удовлетворить соперничавшие группировки. Но влияние польской партии в думе было подорвано внешними и внутренними обстоятельствами

Бесчинства наемного войска Юрия Мнишека и последовавшие затем народные волнения, сопровождавшиеся избиениями поляков, привели к тому, что идея передачи трона иноверному королевичу утратила привлекательность. Ситуация в Польше изменилась, и боярам нетрудно было отказаться от своих обещаний королю. Борьба с оппозицией в Польше поглощала все силы Сигизмунда III, и Москве не приходилось опасаться вооруженного вмешательства извне.

Шуйские отказались от ориентации на Польшу, как только вступили в борьбу за российскую корону.

Боярская дума так и не смогла принять согласованного решения. Избрание главы государства было исключительной прерогативой аристократии, поэтому невероятно, чтобы члены думы согласились предоставить последнее слово народу — «черни».

Осведомленный современник Авраамий Палицын утверждал, что инициатива избрания Василия Шуйского принадлежала «малым неким от царских палат», то есть младшим членам думы, которые действовали вопреки воле главных вельмож. Дьяк Иван Тимофеев прямо назвал имя человека, более всего способствовавшего успеху Шуйских. То был окольныйчич Михаил Татищев, один из руководителей заговора против Лжедмитрия I. Татищевы сделали карьеру в опричнине. Они помогли взойти на трон Борису Годунову. Теперь им пригодился полученный опыт.

По инициативе Михаила Татищева сторонники Шуйского собрались на его дворе и после недолгого совещания объявили об избрании князя Василия на трон.

Иван Тимофеев желчно бранил Шуйского за неприличную поспешность. Боярин князь Василий, писал Тимофеев, воцарился так поспешно, как только позволили «скорость» и проворство Михалки Татищева.

Избирательной кампании Шуйского недоставало размаха и блеска, характерных для кампании Бориса.

В пользу Годунова выступил патриарх Иов. К моменту воцарения Василия русская церковь лишилась главы. В пользу Шуйского деятельно агитировал крутицкий митрополит Пафнутий. Но в официальной иерархии он занимал далеко не первое место.

Автор польского Дневника — слуга Мнишека записал 19 мая: «Другого царя избрали... На этом избрании было очень мало бояр и народа... Царя сразу представили миру».

На подворье Шуйских собрались братья претендента — бояре Дмитрий и Иван, их племянник — князь Михаил Скопин, другие бояре, окольничий Иван Крюк-Колычев, несколько Головинных (они первыми получили от Василия думные чины), некоторые из московских купцов. Неясно, были ли приглашены бояре князя Голицыны. Во всяком случае, они открыто не выступали против кандидатуры Шуйского и вскоре вошли в его Ближнюю думу.

Собравшиеся составили два кратких документа: крестоцеловальную запись князя Василия и текст присяги, «по которой записи целовали бояре и вся земля».

Некоторые историки сравнивали крестоцеловальную запись Шуйского от 19 мая 1606 г. со статьями Великой хартии вольностей, обеспечивавшими правосудие каждому свободному человеку в Англии. В.О. Ключевский считал запись актом, ограничивавшим власть самодержца в пользу бояр. Однако С.Ф. Платонов оспорил такую оценку.

По традиции Боярская дума являлась высшей судебной инстанцией в государстве. Грозному пришлось ввести опричнину, чтобы узаконить произвольные опалы и конфискации. Запись Шуйского символизировала возврат к традиционной системе управления.

Царь Василий отказался от права бессудной царской опалы и клятвенно обещал, что никого не казнит смертью, «не осудя истинным судом с бояры своими». Опалы вели к переходу родовых земель в казну, что никак не устраивало аристократию. Дума добилась четкого указания на то, что без боярского суда

царь не мог отобрать волчины, дворы и пожитки у братьев опальных, их жен и детей. «Черных торговых людей» царь мог казнить без бояр «по суду и сыску». Но и в этом случае казна лишалась права отбирать дворы, лавки и «животы» (имущество) у жен и детей опального человека. Шуйский обещал не слушать наветы, строго наказывать лжесвидетелей и доносчиков, дать стране справедливый суд.

Самозванец предпринял попытку вобстановке гражданской войны возродить неограниченную самодержавную власть, не возвращаясь к причине и массовым репрессиям. Финал был трагическим. Шуйский не желал разделить участь Растриги, и ему поневоле приходилось учитывать его опыт. В этом и крылась причина того, что князь Василий упорно настаивал на составлении ограничительной крестоцеловальной записи.

Шуйскому пришлось пожертвовать некоторыми правами, присущими самодержавной власти в том ее виде, который придал ей Грозный. Фактически князь Василий взял на себя обязательство править царством вместе с аристократической Боярской думой.

Бояре и князья церкви многократно судили Василия Шуйского как изменника. При царе Федоре князь Василий был сослан в ссылку по их приговору, при Лжедмитрии I осужден на смерть. В царствование Бориса члены думы не раз оскорбляли Шуйского в угоду государю, а Михаил Татищев (будущий угодник князя Василия) дошел до «рукобития» — публичных пощечин опальному боярину.

Князь Василий поклялся, что не будет «мстить» боярам за старые обиды, и включил обязательство в запись от 19 мая 1606 г.

Отказ от «мести» связал руки Шуйскому. Самопонятие мести, фигурировавшее в крестоцеловальной записи, получило самое широкое толкование. Практика думских назначений показывает, что после воцарения самодержец — великий государь и царь Василий Иванович, как правило, не мог отобрать боярские чины даже у тех лиц, которые получили чин из рук «вора» и скомпрометировали себя в наибольшей мере. Сохранив высшие

думные чины, бояре, естественно, сохраняли и земельные владения, пожалованные самозванцем.

Составители крестоцеловальной записи считали излишним доказывать родство претендента на трон с угасшей династией Ивана IV. Они отметили лишь, что все его прародители — от Рюрика до Александра Невского — испокон веку сидели на «Русском государстве», потом же его род «на Суздальской удел разделишась, не отнятием и не от неволи». Сторонники князя Василия допустили небольшую неточность. Суздальские князья происходили от младшего брата Александра Невского — Андрея. Но Шуйским нужно было имя самого популярного из древнерусских князей.

Составив запись об избрании князя Василия на царство, участники совещания отвели Шуйского на Лобное место, чтобы представить нового государя народу.

Боярин Шуйский понимал, что на трон его может возвести только дума — высший орган государства. Но он должен был апеллировать к народу, чтобы преодолеть разброд и шатания в думе и среди князей церкви.

С давних пор Шуйские имели много приверженцев среди торговых людей Москвы. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в момент царского избрания. Многие друзья и «советницы» Шуйских, как передают очевидцы, рассеялись в толпе, чтобы «наушить» (подучить) народ подать голос за князя Василия. На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москвичи выразили свое одобрение шумными возгласами.

В избирательной кампании Юдунова народные манифестации были средством давления на бояр и послужили ступенькой к Земскому собору. При избрании Шуйского выкрики толпы заменили народные манифестации, а собор не был созван. По словам Конрада Буссова, князь Василий воцарился «без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы... всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там (на площади) князей и бояр».

Дьяк Иван Тимофеев называл глас народа безумным шумом «безглавной чади», считая, что дела государства призваны ре-

шать бояре — столпы великие, которыми земля утверждается. Дьяк осуждал самый принцип «народного избрания», из чего следовал вывод, что князь Василий сам себя избрал царем.

Заручившись народным одобрением, Василий немедленно отправился в Успенский собор в Кремле, где Пафнутий нарек его на царство и отслужил молебен.

При наречении в соборе Шуйский произнес речь, обещая подданным править милосиво, «а которая де была грубость (ему) при царе Борисе, никак никому не смгить (за эту грубость)». Близкие к Шуйскому бояре пытались удержать его от дальнейших нарушений ритуала, говоря, что «в Московском государстве того не повелось». Но Василий не послушал их и принес присягу «всей земле».

Видимо, Шуйский огласил крестоцеловальную запись от 19 мая не перед народом на Лобном месте, а в главном соборе столицы, куда могли вместиться лишь бояре, князья, московские большие дворяне — верхи московского общества.

Многие современники считали процедуру избрания Шуйского незаконной. Дьяк Тимофеев выражал крайнее негодование по поводу того, что Шуйские бесцеремонно отстранили от участия в выборах патриарха. Василий, по его словам, даже и первопрестольнейшему (патриарху) не возвестил о своем наречении, опасаясь возбудить «противословие в людех», и тем самым отнесся к патриарху как к «просталюдину»: известил его об избрании «только последи», когда все было кончено. Какого патриарха имел в виду Тимофеев? После переворота на Руси было два патриарха, оба были низложены.

«Первопрестольным» патриархом был Иов, незаконно свергнутый самозванцем. Шуйский мог обратиться к заточенному в Старице Иову за благословением. Но он не доверял давнему приверженцу и ставленнику Бориса Годунова, а кроме того, у него были самые серьезные причины для спешки.

Во время совещания на подворье Шуйских был составлен текст присяги на имя царя Василия. Успех зависел оттого, удастся ли нареченному царю привести к присяге столичное население, полки и провинцию.

Придворный летописец Романовых утверждал, что бояре и всякие люди в столице поцеловали крест Василию. Но при этом он делает оговорку, что о воцарении Шуйского даже в Москве «не ведяху многие люди», а «со всею землею и з городъми о том не ссылалися».

Один излучших мемуаристов Смутного времени Яков Маржарет, покинувший Россию в сентябре 1606 г. и через несколько месяцев издавший во Франции свои «Записки», утверждал, будто против Василия восстала провинция: «Некоторое время спустя после выборов сказанного Шуйского взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, пленили генералов, перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов».

Летописная заметка, сохранившаяся в тексте «Сказания о Гришке Огрепьеве» краткой редакции, позволяет расшифровать известие Маржарета.

Весной Лжедмитрий завершил приготовления к походу на турецкую крепость Азов. В Москву и Подмосковье были вызваны воинские полки из разных концов государства. Описав присягу ратников на верность царю Василию, автор летописной заметки пояснил: «А черниговцы, и пугимцы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские города за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас, де, царевич Дмитрий Иванович жив».

Лжедмитрий I победил после того, как его поддержали ратные люди и население Северной Украины, а затем рязанцы подняли мятеж под Кромами. Служилые дети боярские и казаки из этих земель возвели на престол самозванца. Понятно, почему они охотно поверили слухам о спасении «Дмитрия» и отказались принести присягу новому царю. Вслед за тем они ушли «всем войском» — соблюдая боевой порядок — из-под столицы в Рязань.

Возвратившись в свои города, эти части подняли против Шуйского провинцию. От присяги уклонились Рязань, Пугаль, Чернигов, Кромы, Севск.

После убийства самозванца Боярская дума обсуждала возможность созыва в Москве Земского собора, на котором при-

существовали бы представители от всех городов. Но этот проект не был осуществлен. Причиной тому был мятеж в провинции.

Бояре предали труп Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годом раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Петра Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи. Тогда власти распорядились принести из торговых рядов прилавок длиной около аршина и положить на него «царя», чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле 20 ран. Поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти «царя». Враг самозванца Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, находившиеся в толпе, искренне плакали, другие глумились над убитым.

Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, Шуйские подвергли труп «торговой» казни. Присланные на площадь дворяне хлестали тело кнутом, приговаривая, что убитый вор и изменник — Гришка Отрепьев.

Водворце были найдены маски и костюмы, заготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на живот «чародея», в рот сунули дудку.

Народу было объявлено, что еретик Гришка поклонялся тому самому идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью.

В день наречения на царство Василий Шуйский велел убрать тело с площади. Труп привязали к хвосту лошади и выволокли в поле за Серпуховские, или Болвановские, ворота. Там его бросили в «убогий дом», куда собирали умерших бездомных бродяг, которых некому было хоронить. «Убогий дом» был переполнен до краев. Туда доставили тела всех погибших в день кровавого переворота, три дня валявшиеся на улицах столицы для устрашения сторонников Лжедмитрия. Исключение было сделано для одного Петра Басманова. Царь Василий разрешил Ивану Голицыну похоронить своего сводного брата Петра Басманова в ограде семейной церкви.

Тревога в столице не улеглась. В городе много толковали о знамениях, предвешавших новые беды. Когда труп самозванца везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Из уст в уста люди передавали вести о чудесах, творившихся подле трупа «Дмитрия». Ночные сторожа видели, как по обеим сторонам стола, на котором лежал царь, из земли появлялись огни. Едва сторожа приближались, огни исчезали, а когда удалялись — загорались вновь. Глухой ночью прохожие, оказавшиеся на Красной площади, слышали над окоянным трупом «великий плищ, и бубны, и свирели, и прочая бесовская игралища». Приставы, бросившие тело Отрепьева в «убогий дом», позаботились о том, чтобы запереть ворота на замок. Наутро люди увидели, что мертвый «чародей» лежит перед запертыми воротами, а у тела сидят два голубя.

Отрепьева бросили в яму и засыпали землей, но вскоре его труп обнаружили совсем в другом месте. Произошло это, по словам Бусова, на третий день после избрания Шуйского. По всей столице стали толковать, что «Дмитрий» был чародеем-чернокнижником и «подобно диким самоедам» мог убить, а затем оживить себя.

Власти были встревожены и долго совещались, как бы покончить с мертвым «колдуном». По совету монахов тело Растриги увезли в село Котлы под Коломенским и там сожгли. При жизни Отрепьев велел соорудить там «гуляй-город». На его стенах были напелваны черти. Москвичи прозвали эту крепостицу «адам». Лжедмитрий приспособил «ал» для воинских потех. Он поручал Шуйским и другим боярам обороняться в «гуляй-городе», а сам вместе с немцами штурмовал его. После переворота тело самозванца было сожжено вместе с крепостицей.

Что бы ни предпринимали власти, им не удалось успокоить народ. Сторонники Лжедмитрия, преодолев растерянность и замешательство, стали готовить почву для свержения Шуйского. По-видимому, они надеялись спровоцировать беспорядки в столице, направленные против власть имущих, а также против «литвы».

Однажды ночью, рассказывает калитан дворцовой стражи Я. Маржарет, на воротах дворов, принадлежавших дворянам и

иностранцам, появились знаки и надписи с призывом разорвать мечные дома предателей.

25 мая в Москве произошли волнения. 15 июня волнения повторились. Как записал в своем Дневнике слуга Мнишека, «снова собрался мир, до нескольких тысяч перед воротами крепостного двора, на Лобном месте... с оружием, с камнями». По слухам, народ взбунтовали бояре, «сказав, что царь приказал оставшуюся литву побить».

Маржарет был в Кремле подле царской особы и описал происходящее как очевидец. Противники Шуйского создали огромную толпу на Красной площади, якобы по указу царя Василия. Если бы Шуйский, ничего не ведая, вышел тогда на площадь, свидетельствует Маржарет, «он подвергся бы такой же опасности, как и Дмитрий». Однако верные люди успели предупредить Шуйского, и он распорядился запереть ворота Кремля. Вслед за тем царь вызвал к себе заподозренных бояр, начал плакать и упрекать их в измене. Под конец он пригрозил думе, что отречется от трона, и в подтверждение своих слов снял царскую шапку и сложил посох.

Момент был критический. Чернь готова была учинить погром в столице. Если бы дума решилась предать на суд толпы свои разногласия, взрыв был бы неизбежен. Бояре принуждены были смириться и выразить покорность самодержцу. Тот подхватил посох и потребовал покарать виновных. Толпу на Красной площади удалось утихомирить, и она разошлась.

В самый день волнений, 15 июня, семью царицы Марины выдворили из Кремля и поселили в доме опального дьяка Афанасия Власьева.

Воднения были связаны с появлением на улицах Москвы «подметных» писем, якобы исшедших от Лжедмитрия. Пан Хвалибога, дворцовый служитель Лжедмитрия, сообщил об этом следующее: «Около недели (после переворота, то есть 24 мая. — *Р.С.*) лисы прибиты были на воротах боярских дворов от Дмитрия, где давал знать, что ушел и Бог его от изменников спас... самими бы московскими людьми Шуйский был бы убит, если бы его поляки некоторые не предостерегли, которые другой революции боялись». Предостерег царя скорее всего Юрий Мни-

шек, успевший снискать доверие посадских людей (через него они подавали челобитные Отрепьеву).

Память подвела Хвалибога. Слуга Мнишека записал в Дневнике, что «подметные» грамоты появились в столице 21 июля: «Волнения были в крепости из-за подброшенных грамот, которые были подписаны именем Дмитрия». В Приказных канцеляриях были собраны все дьяки для сличения и почерка и почерка грамот, «но такой руки обнаружить не могли».

Междоусобица поколебала трон. В то время, записал слуга Мнишека, бояре «большую власть имели, нежели сам царь». Беспорядки дали Шуйскому повод для того, чтобы припугнуть думу и справиться с боярским «самовольством». Было объявлено, что зачинщики мятежа замыслили передать корону Мстиславскому. Главными сообщниками его были названы Михаил Нагой и боярин Петр Шереметев.

Имена были выбраны вовсе не случайно. Удельный князь Федор Мстиславский был главой думы, а Михаил Нагой — конюшим боярином. В качестве местоблестителя трона Нагой претендовал на особую роль в период междоусобицы.

Шуйские получили верное средство давления на Боярскую думу. В столице толковали о причастности к интриге ростовского митрополита Филарета Романова, родственника Мстиславского.

В конце концов Шуйский не стал наказывать главу Боярской думы Мстиславского, известного своей бесхарактерностью. Кары обрушились на его сторонников из польской партии.

Михаил Нагой был лишен высшего думного титула — конюшего, а Петр Шереметев предан суду. В конце мая Шереметев ездил с Филаретом в Углич за мошами Дмитрия. Власти не стали ждать возвращения Шереметева и судили его заочно. Боярин «был обвинен и избличен свидетелями». Его велено было задержать в Угличе.

Борис Годунов предал смерти пятерых купцов, спровоцировавших беспорядки в 1586 г. При Шуйском до смертной казни дело не дошло, и царь ограничился тем, что велел арестовать пять вожаков, приведших толпу к воротам Кремля. Всех их подвергли «торговой» казни (били кнутом) посреди рыночной пло-

щади. При оглашении приговора бирючи объявили, что Мстиславский невиновен, вся же вина падает на Шереметева и пятерых его приспешников.

Волнения в столице и неудача с присягой в полках предвещали скорое падение царя-боярика. По-видимому, дума обсуждала вопрос, что следует предпринять в этом случае. В глазах высшей аристократии введение прямого боярского правления было бы лучшим выходом. Вспомнили о проекте передачи трона Симеону Бекбулатовичу.

Служилый хан доживал свои дни в Кирилло-Белозерском монастыре. Но и там царственный монах Стефан внушал тревогу Шуйским. Симеон был женат на сестре Мстиславского, и это вызывало особые подозрения. 29 мая 1606 г. пристав Федор Супонев получил приказ спешно забрать «старца Стефана» и отвезти его в Соловки.

Бояре стремились использовать межцарствие для того, чтобы расширить свои земельные владения. Боярское правление как нельзя лучше отвечало их стремлениям. Князья вспомнили о давно утраченных удельных столицах. После избрания царя, записал в дневнике поляк Станислав Немоевский, члены думы никак не могли прийти к соглашению: «Из знатнейших каждый желал государствовать; симым последним в свою очередь хотелось быть участниками царских доходов, почему склонялись к той мысли, чтобы царство было разделено на разные княжества».

Борис Годунов пользовался полной поддержкой церковного руководства, что помогло ему занять трон. У Василия Шуйского взаимоотношения с высшим духовенством не ладилась с первых дней.

Приверженец Шуйского крутицкий митрополит Пафнутий рассчитывал разделить с новым царем плоды его успеха. Но когда дума и Священный собор начали совещаться насчет избрания патриарха, партии Шуйских не удалось сделать патриархом Пафнутия. В конце концов решено было возвести на патриарший престол Филарета Романова.

Почему при выборе патриарха дума и духовенство отдали предпочтение иерарху, получившему сан митрополита из рук

Лжедмитрия? Очевидно, в думе оставалось слишком много людей, всецело обязанных Отрепьеву карьерой. Они боялись за свое будущее и избегали крутых перемен. Матерью Филарета Романова была княжна Е.А. Горбатая-Шуйская. Как некогда Борис Годунов после своего избрания, так и Василий Шуйский одинаково пытались привлечь на свою сторону род Романовых. Но ни тому, ни другому это не удалось.

Следствие о волнениях в Москве дало Шуйскому повод отменить решение об избрании на патриаршество Филарета Романова. По словам современников, Филарета обвинили в том, что он был причастен к составлению «подметных» писем о спасении «Дмитрия», «за что его (патриарха. — Р.С.) и сложили». После смерти Лжедмитрия в народе немало толковали, что во главе государства должен встать один из Романовых. Об этом упоминает немецкое донесение из Нарвы от 27 мая 1606 г. Шуйский не мог не знать о притязаниях Романовых. Но санкции против Филарета он осуществил после своей коронации. Романов был одним из самых популярных деятелей своего времени.

Заточив в монастырь князя Ивана Хворостинина, бывшего кравчим у самозванца, царь пожаловал этим придворным чиновником князя Ивана Борисовича Черкасского, племянника Филарета. Следствие об измене привело к внезапной отставке Черкасского.

После переворота во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и с Мнишском, переписку с папой римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перевода.

Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки заговорщиков при штурме дворца. В страхе за свою жизнь член Ближней канцелярии готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распространяли в городе. «Дмитрий», заявил он, велел выволочь весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельбы поляки могли перебить всех бояр и лучших дворян. В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, гости и лучшие посадские люди.

Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти. Истребив бояр, самозванец, по словам Бучинского, намеревался разорить веру и ввести «алюторство и латинство» (католичество) разом. Показания Яна Бучинского оправдывали заговорщиков, убивших венчанного царя.

30 мая власти созвали народ на Красной площади. На Лобное место явились бояре, и в их присутствии дьяки зачитали грамоту с объяснением причин убийства самозванца и изложением официальной версии избрания на трон царя Василия. Примечательно, что в извещении народу Шуйский утверждал, будто принял посох Российского царства «благословением патриарха». То была полуправда.

Первоначально власти действительно предполагали провести коронацию после посвящения Филарета Романова в сан патриарха и торжественной церемонии захоронения мощей царевича Дмитрия в Архангельском соборе.

Однако царь был напуган попыткой мятежа и решил короноваться за три дня до возвращения Романова и перенесения останков царевича в столицу.

Коронационные торжества, по словам очевидцев, прошли «в присутствии более черни, чем благородных», и без особой пышности.

В соборе священнодействовал не патриарх, а новгородский митрополит Исидор, которому помогал Пафнугий. Исидор надел на царя крест святого Петра, возложил бармы и царский венец, вручил скипетр и державу. При выходе из собора царя Василия осыпали золотыми монетами.

По традиции любая коронация сопровождалась щедрыми царскими пожалованиями. Однако Василий Шуйский скупо жаловал думные чины и деньги. Дворяне были недовольны этим, и за Шуйским прочно утвердилась репутация скупца. Конечно же, царь Василий избегал денежных трат в силу необходимости. Ему поневоле пришлось довольствоваться скромной коронацией и сократить денежные раздачи.

Первые шаги

Отставка Филарета была встречена в столице с неодобрением. Смута ширилась, и церкви нужен был авторитетный руководитель, который мог бы твердой рукой повести за собой разбредшуюся паству. В конце концов царь Василий остановил свой выбор на казанском митрополите Гермогене. Ровесник царя Ивана IV, Гермоген пережил четырех царей, из которых по крайней мере двое побаивались упрямого и несговорчивого пастыря.

В дни междуцарствия после смерти царя Федора Борис Годунов надолго задержал митрополита в Казани, чтобы воспрепятствовать его участию в царском избрании. Владыка один не побоялся открыто осудить брак Лжедмитрия I с католичкой Мариной Мнишек, за что был сослан. Царь Василий мог не сомневаться в том, что Гермоген решительно поддержит его в борьбе со сторонниками Лжедмитрия. Ко времени занятия патриаршего престола Гермогену исполнилось 75 лет. Он достиг глубокой старости.

О жизни Гермогена известно не много. Происходил он, видимо, из посадской среды. В Вятке сохранилась икона с записью о том, что этой иконой патриарх Гермоген в 1607 г. благословил «зятя своего Корнилия Рязанцева», посадского человека с Вятки. Оставив семью, будущий иерарх бежал в дикое поле. Поляк Александр Гонсевский, хорошо знавший владыку, имел письменное свидетельство о нем одного московского священника. По словам священника, Гермоген пребывал «в казаках донских, а после — попом в Казани».

Казаки выдвинули из своей среды многих известных деятелей Смугы, к которым следует отнести и патриарха. Какое-то время Ермолай (Ермоген) провел в походах и войнах. Первое упоминание о Гермогене как священнослужителе относится ко времени, когда ему было 50 лет. Тогда он был попом одной из казанских церквей. Этот факт имеет документальное подтверждение.

В 60 лет Гермоген получил сан казанского митрополита. Его личные качества соответствовали характеру миссии: владыке

предстояло насадить православие в инородческом Казанском крае.

Предшественник Гермогена патриарх Иов удивлял всех громозвучным голосом, звучащим, «аки динная труба». Гермоген не обладал необходимым для пастыря красивым голосом, но был «словесен и хитроречив», «не сладкогласен», «правом груб», «прикрут в словесех и возрениях». Патриарх был человеком вспыльчивым, властным и резким. К врагам он относился без всякого милосердия.

Новая династия не могла обойтись без поддержки всего дворянского сословия в целом. Избрание Шуйского поддержали московские и новгородские дворяне, участвовавшие в заговоре. В целом же в армии царил разброд.

Избиения иноземцев в Москве дали Речи Посполитой повод для вмешательства в русские дела. Ввиду этого Боярская дума решила задержать в Москве как Юрия Мнишека, так и прибывших с ним польских послов с их свитой. Подавляющую часть солдат, нанятых Мнишеком для Лжедмитрия, московские власти поспешили выпроводить на родину.

Русские приверженцы свергнутого царя внушали Шуйскому не меньше тревог и подозрений, нежели бывший «главнокомандующий» Мнишек.

Ближайшим соратником и любимцем «вора» был его боярин и дворецкий князь Василий Рубец-Мосальский. При Грозном князья Мосальские изредка входили в думу, но только в низших думных чинах. Шуйский отнял у князя чин дворецкого, но сохранил за ним боярское звание. Князь был отослан на воеводство в глухую пограничную крепость Корелу.

Среди Нагих Михаил сохранил боярский чин, а его братья были персведены в окольниковичье, что более соответствовало их происхождению и службе. Окольничий князь Александр Жировой-Засекин получил назначение на воеводство в Торопец. Царь сохранил звание думного дворянина и ловчего за Гаврилой Пушкиным, но назначил его воеводой в пограничную крепость. Думный дьяк Иван Стрешнев получил повышение — был произведен в думные дворяне, но вскоре же отослан на воеводство в Устюг Великий.

Государственный печатник Богдан Сузулов бежал из Москвы, опасаясь за свою жизнь. Казначей Афанасий Власьев был отправлен городовым дьяком в Уфу.

Новый царь подверг гонениям не только верных слуг самозванца, но и своих противников.

Боярин Петр Шереметев был из Углича отправлен на воеводство в Псков. За особые заслуги Лжедмитрий I произвел «худородного» Богдана Бельского в бояре, после чего послал воеводой в Новгород Великий. Боярин Михаил Глебович Салтыков получил от самозванца пост воеводы Ивангорода, второй по значению крепости Новгородской земли. Шуйский не пожелал возвратить названных лиц в столицу и перевел боярина Бельского в Казань, а Салтыкова — в Орешек.

По случаю коронации брат царя Дмитрий получил высший сан конюшего боярина. Чин дворецкого был передан одному из главных заговорщиков — Ивану Крюку-Колычеву. Дворецкие всегда были боярами. Но Крюк не был произведен из окольничих в бояре. Окольничий Михаил Татишев мог рассчитывать на высшие награды, однако обманулся в своих ожиданиях. Новый государь не дал ему боярства и оставил в Важской четверти.

В целом Шуйский жаловал думные титулы очень скупо. Сравнительно рано боярином стал князь Михаил Самсонович Туренин. Его брат Иван умертвил знаменитого воеводу князя Ивана Шуйского. Туренины принадлежали к захудалой ветви дома Оболенских и не бывали в боярах.

Царь Василий получил в наследство от самозванца непомерно разросшуюся Боярскую думу. Управлять такой думой было трудно. Власть Шуйского была непрочной, и ему постоянно приходилось советоваться с думными людьми.

Брожение в Москве не прекращалось ни на день, и правительство искало пути, чтобы успокоить народ. 2 июня Филарет Романов привез из Углича тело истинного Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить мощи за городом. Их сопровождали духовенство и толпа горожан. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее, то, что осталось от него. Потрясенная страшным зрелищем, вдова Грозного не могла произнести слова, которые от нее ждали. Чтобы

спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенный труп есть мощи царевича.

Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли о трогательной встрече Марфы Нагой с «живым сыном». И Шуйский, и Нагая слишком много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова.

Едва Шуйский произнес нужные слова, как носилки поспешно закрыли. Процессия после некоторой заминки развернулась и проследовала по улицам на Красную площадь. Гроб некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Кремль.

Властям удалось заглушить слухи о «знамениях» над трупом Отрепьева. Теперь вся Москва говорила о чудесах у гроба великомученика-царевича. С 3 июня гроб Дмитрия был выставлен на всеобщее обозрение в Архангельском соборе. Судя по описаниям очевидцев, на мощах сменили одежду, на грудь царевича положили свежие орешки, политые кровью. Народ помнил, как Василий Шуйский клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя в тычку. Самоубийца не мог быть объявлен святым. Но дело шло к канонизации, и властям важно было доказать, что в предсмертный час у мученика в руках был не ножичек, а орешки, что исключало версию о самоубийстве. Организаторы мистерии предусмотрели все.

Благочестивые очевидцы подсчитали, что в первый день у гроба Дмитрия исцелилось 13, в другой — 12 человек и т.д. Находившиеся в Москве иноземцы считали, что исцеленные калеки были обманщиками, пришлыми бродягами, подкупленными Шуйским. При каждом новом чуде по городу звонили во все колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль похоже было на разлив реки в половодье. Толпы народа теснились изо дня в день у дверей Архангельского собора. Кремлевская канцелярия поспешила составить грамоту о чудесах Дмитрия, которую многократно читали в столичных церквях после 6 июня.

Церковь обладала огромной властью над умами людей. Удалось ли ей переломить настроения москвичей? Канитан Яков Маржаретзасвидетельствовал, что утром в день перенесения мо-

щей в Москве ждали волнений. Как только Шуйский отправился за город и оказался посреди толпы, он подвергся опасности и едва не был побит камнями. Положение спасли дворяне, предотвратившие волнения.

Обретение нового святого внесло успокоение в умы ненадолго. Противники царя Василия позаботились о том, чтобы испортить игру. Они услужливо открыли двери собора тяжелобольному, который умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа отхлынула от собора, едва умершего вынесли на площадь. Многие стали догадываться об обмане, и тогда царь закрыл доступ к телу. В городе перестали звонить в колокола.

30 июля царь Василий впервые покинул Москву и отправился на богомолье. Он заночевал в одном из подмосковных монастырей и в день Спаса совершил омовение в реке в память Христа. С государем была свита и многочисленная охрана: «Царь угощал бояр и стрельцов, которые его провожали на тысяче коней; сам он верхом ехал, а карета за ним шла о шести лошадях, которых вели за поводья».

«Заводчики крови»

Сигизмунд III покровительствовал Отрепьеву и заключил с ним секретный договор. После гибели самозванца он пытался снять с себя ответственность за авантюру. В июне 1606 г. он беседовал с венецианским посланником Фоскарини и объявил ему, что «Дмитрий» определенно не был царским сыном и что в ответ на сообщение Мнишека о «царевиче» он, король, посоветовал сенатору не вмешиваться в это дело, дабы не повредить Речи Посполитой, но воевода не желал ему повиноваться.

После переворота бояре отняли у Мнишек денег и драгоценности, пожалованные Лжедмитрием. С конюшен сенатора были уведены кони, унесены бутылки из винных погребов.

Тем не менее Юрий Мнишек в своем доме продолжал строго следовать придворному церемониалу. Маршанты оказывали почести, положенные царствующей особе. Не желая считаться с новым положением дел, Мнишек клелел несбыточные надежды на

то, что дума, соблюдая присягу, признает вдовствующую царницу правительницей государства. После избрания на трон Василия Шуйского возник другой фантастический план: женить неженатого государя на царице Марине.

Боярская дума отклонила претензии Мнишек и подвергла отца царицы унижительному допросу. В августе вдова Лжедмитрия со всеми ближними отправилась в изгнание в Ярославль.

Тело самозванца было так обезображено, что узнать его было трудно. По словам очевидца Конрада Буссова, «поляки в первый же день мятежа распространили слух, что убитый не царь Дмитрий».

Агитация поляков имела мало шансов на успех. Население не простило явившимся на царскую свадьбу полякам высокомерия и бесчинств. Во время волнений в Москве, записал секретарь Мнишека в своем Дневнике, народ требовал выдать на расправу поляков, толковавших о спасении «Дмитрия».

Постепенно властям удалось справиться с кризисом. Как отметил Маржарет, до его отъезда из столицы в июле мятежники из Рязани, Путивля, Чернигова «прислали в Москву просить о прощении, которое получили, извинив себя тем, что их известили, будто император Дмитрий жив».

Царь Василий употребил все силы, чтобы положить конец мятежу в Путивле. Он прислал в город гонца, сына боярского Григория Шипова. Ему поручено было убедить жителей, что новый царь будет жаловать их своим царским жалованьем «свыше прежнего». Путивлю было предложено прислать в столицу «лучших людей человек трех или четырех» для изложения своих нужд. Власть просила жителей Путивля, чтобы они «сумнения себе не держали никоторого» и жили «в покое и тишине». Убитый самозванец, уверяли они, перед смертью сам объявил «всем людям вслух, что он прямой вор Гришка Отрепьев».

Путивль был замирен. Примеру путивлян последовали другие мятежные города.

Противники Шуйского должны были осознать, что успех их затей зависит от того, смогут ли они представить обществу «Дмитрия», иначе говоря, нового самозванца. Возрождение инчги было неизбежно.

После переворота из столицы бежали Михаил Молчанов и Богдан Сугупов. Власти установили, что в те дни из царских конюшен исчезло несколько лошадей. Прошел слух, что вместе с Молчановым столицу покинул спасшийся «Дмитрий». Яков Маржарег дознался, что лошадей из царской конюшни потребовали «от имени императора Дмитрия». Служитель Конюшенного приказа, выдавший лошадей, был подвергнут пытке. Видимо, служитель подчинился приказу от имени «спасшегося» царя, за что его как изменника замучили до смерти.

Ян Бучинский сообщил Якову Маржарету, что «один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый Дмитрием, который весьма на него походил... совершенно исчез». Речь шла о Молчанове. И Маржарет, и Бучинский хорошо знали этого человека. Если Молчанов был хотя бы отдаленно похож на государя, то заговорщикам не надо было тратить время на поиски нового претендента. Кандидат в цари был у них под рукой.

Камердинер Дмитрия I Хвалибога сообщил в 1607 г., что побег Молчанова и исчезновение лошадей из царской конюшни породили слух о чудесном спасении «Дмитрия». Толки о том, что «царь» сбежал вместе с Молчановым, записали также голландский купец Исаак Масса и поляк Станислав Пшемоевский.

Некоторые из современников говорили, будто вместо «царя» был убит его двойник. Называли имя поляка Борковского. Бывшие члены польской Ближней канцелярии и Юрий Мнишек старательно поддерживали слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия». Бучинский уверял всех, что у убитого не было знака на левой груди, который он видел собственными глазами, когда мылся с государем в бане.

Центром интриги вновь стал Самбор, где после переворота появился человек, выдававший себя за Дмитрия. Новый самозванец пользовался покровительством хозяйки Самбора — жены Юрия Мнишка. Кажется невероятным, что пани Мнишек могла действовать на свой страх и риск, предоставляя убежище и помощь человеку, слегка похожему на ее зятя. По-видимому, интрига была санкционирована Юрием Мнишкой и царицей Мариной.

Мнишек и окружавшие его люди были пленниками в России. Но, даже находясь в ссылке в Ярославле, поляки имели при себе оружие, челядь, могли свободно передвигаться по городу. Мнишек поддерживал тайную переписку с Самбором.

Следуя указаниям Мнишека, его жена стала спешно вербовать сторонников «царя». Во Львове и других местах польские офицеры получили от нее письма с категорическими заверениями, что Дмитрий жив и находится в Самборе.

Достоверно известно, что Михаил Молчанов после бегства из Москвы нашел прибежище в Самборе.

Молчанов происходил из рядовой дворянской семьи, выдвинувшейся в опрочинине. В самом начале Смуты Михалка был взят под стражу и по приказу царя Бориса бит кнугом на пытке, видимо, за тайные сношения с «вором». Он успел оказать важные услуги самозванцу, за что удостоился особой чести. Растрига поручил Молчанову убить царя Федора Годунова, что тот и исполнил. Цареубийца пользовался дурной славой в Москве. Комнатный слуга Лжедмитрия I, Михалка исполнял прихоти господина и распутничал вместе с ним.

Русские послы князь Григорий Волконский с товарищами, выехавшие из Москвы 16 июня 1606 г., произвели розыск о самозванце, объявившемся в замке Мнишек в Польше. На вопрос, каков новый Дмитрий «рожем и волосом», польские приставы отвечали послам: «Он рожем смугол, а волосом черен, ус не велик, и бороды выседает и он стрижет; а по польски говорить горазд и по латыне знает».

Послы настаивали на том, что по всем приметам это Молчанов, и он несколько не похож на убитого в Москве «вора»: «...прежний был вор Ростригаобличьем бел, волос рус, нос широк, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея короткая; а Михалко Молчановобличьем смугол, волосом черен, нос покляп, ус невелик, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на голове волосы курчавы, взглаживает вверх, бородавица на щеке».

Послы ничего не сказали насчет различий в росте. Видимо, Молчанов был столь же мал ростом, как и Отрепьев. У обоих была бородавка на щеке или возле носа.

Михалка не был двойником Отрепьева, но издали мог сойти за убитого «вора».

Волконский взялся разоблачить самозванца, говоря, что у «него есть пятно» — глубокие рубцы на спине, оставшиеся после истязаний на Пыточном дворе, где он был «кнутом бит, и кнутные бои на нем знать» (видны).

Участие Молчанова в самозванческой интриге неоспоримо. Но он был, по суги дела, мелким авантюристом. Едва ли не главой заговора многие современники считали князя Григория Шаховского. Русские летописи называли его «всей крови заводчиком».

Шаховские происходили из сильно разросшейся и захудалой ветви Ярославского княжеского дома. Они не входили в думу и были записаны в княжеском списке Дворовой тетради последними.

Князь Петр Шаховской с сыном принесли присягу Лжедмитрию I после мятежа в Чернигове, и Петр стал едва ли не первым из князей, попавших в «воровскую» думу. По некоторым данным, Петр получил от «вора» боярский чин. Но его имени нет в Польском списке «сената» Лжедмитрия I, составленном в 1606 г.

Сын князя Петра Григорий, казалось бы, мог рассчитывать на самую блестящую карьеру при дворе «Дмитрия». Но его надежды не оправдались. Он был послан воеводой в Курск. На свадьбе «Дмитрия» он довольствовался скромной должностью «поезжанина».

Внимание историков давно привлек рассказ Конрада Буссова о заговоре князя Григория Шаховского. После гибели Лжедмитрия I Шаховской бежал из Москвы в Путивль вместе с двумя другими лицами. При нем была большая золотая печать, украденная из дворца. В дороге князь доверительно рассказывал людям, что один из двух его спутников — чудесно спасшийся от убийц царь Дмитрий. Григорий остался на воеводстве в Путивле, а два его спутника, отделившись от него, уехали в Самбор.

Оценивая известие Буссова, надо иметь в виду, что он служил Лжедмитрию II и черпал сведения из рассказов тушинских ветеранов. Когда князь Григорий Шаховской явился в Тушину, «вор» даровал ему высший титул «слуги и боярина», видимо, за

то, что тот его спас. Такова была официальная версия тушинского двора.

Буссов упоминал о краже Шаховским государственной печати. Однако у князя Григория не было необходимости в похищении печати. Согласно показаниям патера Савицкого, из Москвы в Польшу бежал некий секретарь «царя Дмитрия» по имени Богдан или Иван, который якобы и принял имя Дмитрия. Секретаря Богдана можно отождествить с дьяком Богданом Сутуповым. Сведения о его участии в новой интриге имеют исключительное значение.

В Польском списке «сената» Лжедмитрия I он записан как «печатник и секретарь великий», иначе говоря, канцлер. Второй канцлер — Афанасий Власьев — записан ниже Сутупова. Благодаря службедьяка Ивана Висковатого и дьяка Андрея Шелкалова — ближайших сподвижников Грозного — должность печатника («канцлера») стала одним из высших постов в государстве.

Богдан Сутупов был честолюбив и после убийства самозванца не захотел расстаться со своим саном и с печатью. Он бежал из Москвы, чтобы спастись от гонений.

В 1604 г. Сутупов находился в мятежном Путивле не менее трех-четырёх месяцев. Он составлял царские рескрипты и отправлял их в разные города. Заняв место в московской Боярской думе, Сутупов в течение почти года составлял и запечатывал царские грамоты. В Самборе дьяк продолжил привычную деятельность. После того как Михалка Молчанов и его спутники обосновались в замке Мнишек, грамоты «Дмитрия» хлынули на Русь потоком.

Какую печать захватил с собой канцлер при бегстве из Москвы? Московские государи имели большую и малую государственные печати. Большой печатью скрепляли международные договоры и грамоты, «что посылаютца во окрестные государства» (Г. Котошихин). Лжедмитрий I не успел изготовить для себя большую печать. Грамоты, посланные им за рубеж в связи со свадьбой, были скреплены большой царской печатью Ивана Грозного.

Самозванец использовал для зарубежных сношений «среднюю печать», находившуюся в распоряжении главы Посольско-

го приказа Афанасия Власьева. Существовала еще малая печать. Ею скрепляли грамоты разного рода, а носили «на вороту» — в мешочке на шее. Этой печатью, очевидно, и распоряжался печатник Сугупов.

Когда гонцы стали доставлять грамоты воскресшего «Дмитрия» по городам, воеводы не имели ни малейшего основания усомниться в их подлинности. Это обстоятельство способствовало мятежу.

Хозяйка Самбора надеялась на поддержку польских властей. Избиение поляков в Москве служило поводом для немедленной войны с Россией. Согласно королевской инструкции сеймикам, власти предполагали открыть военные действия против России уже в конце 1606 г. Царский посол Волконский, направленный царем Василием в Речь Посполитую, был задержан в пути. Мнишеки надеялись использовать войну для того, чтобы освободиться из плена и вернуть утраченные богатства.

В начале августа 1606 г. литовский пристав объявил Волконскому, что прежде он знал по слухам, а теперь узнал доподлинно от Ефстафия Воловича, что «государь ваш Дмитрий, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины (Мнишека. — *Р.С.*) жены: она ему и платье, и людей подавала». Информация исходила от «добрых панов», родни и приятелей Мнишесков.

О самборском царзаговорили в России. Восставшие северские города направили в Киев послов, чтобы пригласить царя в Путивль. Послы были уверены, что «Дмитрий» находится в одном из польских замков.

Владения Мнишесков располагались в Западной Украине. Посетивший эти места итальянский купец сообщал в августе 1606 г., что московский царь бежал из России с двумя спутниками и ныне живет здоров и невредим в монастыребернардинцев в Самборе; даже прежние недруги признают, что «Дмитрий» ускользнул от смерти.

В первых числах августа литовские приставы поведали царским послам, что в Самбор к государю стали съезжаться его давние соратники — «и те многие люди, которые у него были на Москве, его узнали, что он прямой царь Дмитрий, и многие рус-

ски люди к нему пристали и польские и литовские люди к нему пробираются; да к нему же приехал князь Василей Мосальской, которой при нем был на Москве ближней боярин и дворецкой».

Приставы явно желали произвести впечатление на русских послов. Их информация о появлении в Самборе дворецкого Василия Рубца-Мосальского не соответствовала истине. Рубец находился в ссылке. Слова о том, что царя вызнали многие люди, были преувеличением. Спасшийся царь изредка появлялся в парадных покоях Самборского замка в пышном облачении. Но на такие приемы допускались только люди, никогда не видевшие Огрельева в глаза.

В начале сентября русский посол со слов пристава узнал, что Молчанов стал являться людям уже не в царских одеждах, а в «старческом платье». Он шел по стопам первого самозванца, явившегося в Литву в иноческом одеянии.

В октябре 1606 г. канцлер Лев Сапега направил в Самбор слугу Гридича, чтобы тот «досмотрел» «Дмитрия», хорошо тому известного: «подлинно тот или не тот?» Гридич ездил в Самбор, но самозванца не видел, при этом ему сказали, что «Дмитрий» «живет де в монастыре, не кажетца никому». В октябре в Самбор наведался бывший духовник Лжедмитрия I. Он также вернулся ни с чем. Тогда католический Бернардинский орден направил к Мнишекам одного из своих представителей. По всей Польше толковали, что «Дмитрий» «в Самборе в монастыре в чернеческом платье за грехи кается». В связи с этим эmissар Ордена произвел досмотр монастыря. В ходе досмотра он получил от самборских бернардинцев заверения, что «Дмитрия» нет в их монастыре и они не видели царя с момента отъезда его в Россию. Католическая церковь осталась в стороне от сомнительной авантюры.

Самозванческая интрига гложла на глазах. Причиной неудачи было то, что король Сигизмунд III отказался от планов войны с Россией. В Польше назревал мятеж. Собравшись на съезд, рокошане ждали, что «Дмитрий», объявившийся в Самборе, со дня на день явится на съезд и ему удастся быстро сформировать армию.

Вождь рокоша Зебжидовский был родственником Мнишек-ков. Среди рокошан не все были приверженцами московского царя. Ветераны негодовали на государя за то, что тот не дал им обещанных богатств. Другие потеряли родственников во время избиения поляков в Москве. Недовольные не стали бы молчать, увидев перед собой нового обманщика.

Если бы владелица Самбора успела занять деньги и собрать наемное войско, Молчанов, может быть, и рискнул бы появиться среди рокошан. Но после майских событий в Москве мало кто желал давать деньги на новую авантюру. В конце концов в замке у Мнишек собралась небольшая горстка вооруженных людей. Мнимая теща «царя» «людси к нему приняла з 200 человек». Самым знатным из слуг нового самозванца был некий московский дворянин Заболоцкий, имя которого не удается выяснить.

Мятежная шляхта решила отложить начало военных действий против Сигизмунда III на следующий год. Угроза рокоша не исчезла, и король круто изменил свой внешнеполитический курс. Чтобы справиться с оппозицией, ему нужен был мир на восточных границах. Польские власти уже в середине июля разрешили царскому послу Волконскому въезд в Польшу. Командантам пограничных крепостей запрещено было пропускать в Россию польских наемных солдат.

«Самборский вор» назначил своим главным воеводой Заболоцкого и послал его с войском в Северскую Украину. Канцлер Лев Сапега задержал отряд и помешал Заболоцкому вторгнуться в пределы России.

Жена Юрия Мнишека не осмелилась показать нового самозванца ни католическому духовенству, покровительствовавшему Отрепьеву, ни королю, ни рокошанам. Появление «царя» среди рокошан явилось бы прямым вызовом Сигизмунду III, на что Мнишки никак не могли пойти. Марина Мнишек вместе с отцом находилась в плену, и освободить их могло лишь вмешательство официальных властей Речи Посполитой.

Чиновники короля прибегли к нехитрой дипломатической игре. Они отказались вести переговоры с послом Волконским о самозванце под тем предлогом, что им ничего о нем не извест-

но: «А что, де, вы нам говорили про того, который называется Дмитрием, будто он живет в Самборе и в Сендомире у воеводины жены, и про то не слышали».

Тон заявлений изменился, когда чиновники завели речь о немедленном освобождении сенатора Мнишека и других задержанных в России поляков. В их заявлениях звучала прямая угроза: «Только государь ваш вскоре неотпустит всехлюдей, ино и Дмитрий будет, и Петр прямой будет, и наши за своих с ними заодно станут». Дипломаты грозили тем, что Речь Посполитая окажет военную помощь любым самозванцам, выступающим против царя Василия Шуйского.

Первый самозванец, по словам В.О. Ключевского, был испечен в польской печке, но заквашен в Москве. Новый «вор» также не миновал польской печки, но его судьба была иной. Его не допекли и не вынули из печки. Когда Отрепьев убедился, что его покровитель Адам Вишневецкий не собирается из-за него воевать с Москвой, он сбежал из его замка. Молчанов был сделан из другого теста, и перед его взором маячил окровавленный труп Отрепьева.

Самозванец таился в темных углах самборского дворца в течение года, не осмеливаясь показать лицо не только полякам, но и русскому народу, восставшему, чтобы восстановить на престоле законного государя.

Двадцатичетырехлетнему Отрепьеву не приходилось беспокоиться, похож ли он на восьмилетнего царевича, забытого даже теми немногими людьми, которые видели его в Угличе. Для нового самозванца трудность заключалась в том, что он лишь отдаленно походил на убитого «государя», характерную внешность которого не успели забыть за несколько месяцев. Роль воскресшего царя оказалась не по плечу Молчанову. Результатом было новое и весьма своеобразное историческое явление — «самозванщина без самозванца».

В конце 1606 г. в Москве прошел слух, что Молчанов готовится выступить с большим войском на помощь русским повстанцам. На этот раз авантюрист должен был взять на себя роль воеводы «царя Дмитрия», а не самого «Дмитрия». Однако ему не довелось сыграть даже и эту роль.

Самборские заговорщики не прекращали попыток подчинить себе Северскую землю. Первоначально они предполагали направить в Путивль Заболоцкого, а затем остановили свой выбор на казачьем воеводе Иване Болотникове.

Бунт

Болотников, по всей видимости, происходил из детей боярских. Обнищав, он запродался в холопы князю Андрею Телятевскому, затем бежал от господина и нацел прибежище на вольных казачьих окраинах. Считается, что Болотников был атаманом донских казаков. Но это не совсем верно. Автор английской записки о России 1607 г., указавший на Молчанова как главного инициатора восстания против Шуйского, прямо называет Болотникова «старым разбойником с Волги». Англичане вели большую торговлю на Нижней Волге, где их суда не раз подвергались нападениям волжских казаков.

Самые подробные сведения о жизни Болотникова сообщают два иностранных автора — Исаак Масса и Конрад Буссов. Их свидетельства противоречат друг другу, и примирить их невозможно. Но Буссов служил под начальством Болотникова и располагал более надежными источниками информации.

В «Записках» Исаака Массы можно найти упоминание о том, что Болотников явился в Россию во главе 10-тысячного казачьего войска, а до того он «служил в Венгрии и Турции». На основании этого свидетельства историки заключили, что Болотников стал предводителем не потому, что во главе войск его поставил самозванец, а потому, что он привел в Самбор многочисленное казачье войско, что и обеспечило ему роль народного вождя.

Болотников был захвачен в плен татарами и продан в рабство туркам. Как гребец-невольник он участвовал в морских сражениях и был освобожден из плена итальянцами. Возвращаясь в Россию, казак побывал в Германии и Польше. Слухи о спасении «Дмитрия» привлекли его в Самбор.

Буссов ни словом не упоминает о прибытии в Самбор вместе с Болотниковым войска. Его версия заслуживает большего доверия, чем версия Массы.

Молчанов следовал своему расчету, когда остановил выбор на казачьем атамане. Он искал людей, которые были бы всецело обязаны его милостям и, кроме того, искренне верили бы, что имеют дело с прирожденным государем. Болотников прибыл в Польшу с запада после многолетних скитаний. Он никогда не видел Отрепьева, и его нетрудно было обмануть.

Болотников был принят в самборском дворце. Самозванец долго беседовал с ним, а под конец снабдил письмом к князю Григорию Шаховскому и отправил в Путивль в качестве своего личного эмиссара и «большого воеводы».

Молчанов не мог предоставить в распоряжение Болотникова солдат. «Большой воевода» получил мизерную сумму в 60 дукатов вместе с заверениями, что в Путивле Шаховской выдаст ему деньги из казны и даст под начальство несколько тысяч воинов.

Народные волнения на Юге России начались с запозданием, когда кризис в столице миновал. Полагают, будто царь Василий своими опрометчивыми действиями сам ускорил взрыв. Но так ли это? Важны были не столько действия царя, сколько народные настроения.

Многие преданные самозванцу люди были сосланы на восточную окраину и не приняли участия в новом мятеже. Князь Григорий Шаховской обладал заурядным характером, но попал на бурлившую южную окраину, что и решило дело.

По утверждению летописца, главную ответственность за мятеж в Путивле летом 1606 г. нес Шаховской: «Первое же зачало крови христианские: в Путивле городе князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путивлем и сказа путивцем, что царь Дмитрий жив естъ, а живет в прикрителе...» 22 июля 1606 г. в Дневнике польского современника появилась запись о посылке войск из Москвы против восставших северских городов.

Царь Василий был испуган. По его приказу 23 июля мост в Кремль у одних ворот был разобран. На крепостных стенах было расставлено множество пушек.

Ко времени прибытия Болотникова из Самбора в Путивль восстание против Шуйского захватило обширную территорию. Русские и иностранные источники одинаково свидетельствуют, что в движении участвовали, кроме Путивля, города Чернигов, Рыльск, Кромы, Курск. На первом этапе гражданской войны именно в этих городах были сформированы повстанческие отряды, приведшие Лжедмитрия в Москву.

Повстанческая армия возродилась в южных уездах в считанные дни. Если бы Шаховскому пришлось заново формировать войско, на это ушло бы много времени.

Путивляне послали гонцов на Дон и вызвали оттуда вольных казаков, а кроме того, созвали «всех князей и бояр, живших в Путивльской области». Службу в Путивле несли князья и бояре, а мелкопоместные деги боярские, казаки, стрельцы и прочий служилый люд. Вместе с вольными казаками с Дона они составили ядро повстанческой армии.

Когда взбунтовалась Северская земля, повествует Маржарет, «в поход отправилось семь или восемь тысяч человек совсем без предводителей». После воцарения Лжедмитрия I повстанцы растеряли вождей. Атаман Корела стал придворным и спился. Петр Лунев постригся в монахи. Князь Шаховской, будучи главным воеводой Путивля, имел все основания занять пост воеводы собранного войска. Но князь не желал рисковать жизнью.

У мятежников не было ни опытных воевод, ни польских наемников. Их войско возглавил сотник Истома Пашков из Епифани. У Шуйского были внушительные силы, собранные в Москве для похода против турок. Его армия включала «от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев».

Следуя традиции, царь Василий должен был быверить командование полками главе думы Мстиславскому и другим старшим боярам. Но он не доверял Мстиславскому и поставил во главе армии князя Ивана Воротынского.

Главные военные действия развернулись у стен Кром и Ельца, оказавшихся в руках мятежников. Готовясь к наступлению на Азов, Лжедмитрий сосредоточил в Ельце крупные военные запасы. Они попали в распоряжение Пашкова.

Как значится в Разрядных записях, главный воевода князь Иван Воротынский наголову разгромил войско Пашкова у стен Ельца. «А как воровских людей под Ельцом лобили, — значится в Разрядах, — и к боярам и к воеводам князю Ивану Михайловичу Воротынскому приезжал стольник князь Борис Ондревич Хилков».

Путивль направил в помощь мятежному гарнизону Кром Болотникова. Воевода Михаил Нагой перехватил его и разбил. Болотников не оправдал надежд, которые возлагал на него самборский самозванец. Он понес поражение до того, как воеводы подтянули к Кромам свои главные силы.

4 сентября 1606 г. Маржарет, будучи в Архангельске, получил из Москвы сведения о поражении повстанческих войск на всех направлениях. До Архангельска вести дошли с запозданием по крайней мере на месяц. А это значит, что воеводы разгромили мятежников в конце июля или начале августа.

Разгромив повстанцев, царь Василий имел возможность направить армию к Путивлю, главной базе восстания. Но в Путивле имелась каменная крепость, взять которую без осадной артиллерии было невозможно. Доставка пушек и провианта через охваченную мятежом местность была затруднена.

Шуйский поступил совершенно так же, как до него поступил Борис Годунов. Вместо удара по главному опорному пункту врага он приказал воеводам продолжать осаду Кром и Ельца.

Незвизрая на поражения, мятеж, подобно пожару, охватил огромную территорию. Тяжеловооруженная дворянская конница, обладавшая подавляющим численным перевесом, легко одерживала верх над плохо вооруженными и в основном пешими повстанцами. Но все попытки воевод овладеть опорными пунктами «воров» не давали результатов. Сторонники «Дмитрия» верили, что посаженный ими на трон государь спасся от лихих бояр, и стояли насмерть.

Правительство тщетно пыталось использовать имя Грозного, чтобы повлиять на восставшие города. Вдова Грозного Мария Нагая обратилась сличным письмом к жителям Ельца, призывая их отвернуться от мертвого Расгриги. Грамоту ельцанам передал дядя царевича Дмитрия, боярин Григорий Нагой. Ана-

логичные грамоты были посланы в другие места. Однако обращения успеха не имели.

Армия Годуновых распалась после двухмесячной осады Кром. Воеводам Воротынскому и Трубецкому пришлось осаждать Елец и Кромы примерно столько же времени. В августе 1606 г. правительственные войска отступили к Москве.

Верно ли мнение, что причиной отступления было поражение царской армии? В какой мере источники подтверждают этот вывод? В польском Дневнике можно найти записи, которые на первый взгляд не оставляют места для сомнений: «День 17 сентября. Пришло известие к пану воеводе, что под Ельцом войско Шуйского в 5 тыс. наголову разбито. День 21 сентября. Снова пришла весть, что под Кромами побито 8тысячлюдей Шуйского, гнали и били их на протяжении 6 миль». Упомянутый в Дневнике «пан воевода» был не кем иным, как Юрием Мнишекком. Автор Дневника жил у него на дворе в качестве слуги и придворного историографа. Мнишек активно участвовал в новой самозванческой интриге и всячески преувеличивал успехи мятежников.

Какие причины вынудили воеводу царя Василия отступить? Казенные житницы были опустошены еще при Годунове. Весной 1606 г. в разгар цветения хлеба были погублены заморозками. Из-за неурожая цены на продукты питания стали расти. Командование не сумело обеспечить снабжение армии, и в полках начался голод. По словам очевидцев, в лагере невозможно было купить сухарей из-за страшной дороговизны. Между тем войска, осаждавшие Елец и Кромы, сами оказались в кольце восставших городов.

30 июля в Белгороде «мужики» убили воеводу боярина князя Петра Буйносова-Ростовского. В Ливнах воевода окольных Михайл Шеин едва «утек душою да телом» от взбунтовавшейся черни.

Дворянское ополчение в который раз обнаружило свою ненадежность. С приближением осени дворяне стали разъезжаться по своим поместьям. Силы Шуйского таяли, тогда как силы повстанцев росли. Болотников, разгромленный Нагим, к концу лета сформировал новое войско и предпринял второе наступле-

нис на Кромы. На этот раз его поддержал отряд казаков во главе с атаманом Юрием Беззубцевым.

У мятежников было слишком мало сил, чтобы разгромить полки воеводы Трубецкого, осадившего Кромы. Но Беззубцев повторил маневр, который принес ему успех в 1605 г. Повстанцы «оттолкнули» воевод и пробились в Кромы. Болотников добился ограниченного успеха, но царские воеводы дрогнули. У них в тылу «все северские, и полевые, и зарецкие города от царя Василия Ивановича всеа Руси отложились». Выражение «города отложились» имело конкретный смысл. Речь шла о переходе на сторону повстанцев «служилого города», прежде всею городовых детей боярских.

Воевода Юрий Трубецкой отвел полки от Кром к Орлу, но в городе вспыхнул мятеж. Восводу не пустили в крепость.

Город Новосиль служил тыловым опорным пунктом армии Воротынского. Заметив признаки «шатости» в Новосили, командование направило туда боярина князя Михаила Кашина. Но гарнизон и жители Новосили восстали и захлопнули крепостные ворота перед носом у воеводы. Иван Воротынский соединился с Кашинным в Туле. Если бы в его распоряжении были надежные части, он бы мог обороняться в неприступном тульском кремле. Но Воротынскому подчинены были рязанцы, каширцы, туляки. Именно рязанцы возглавили мятеж против Годуновых в лагере под Кромами и тем самым помогли Лжедмитрию добиться победы. Год спустя рязанцы отказались принести присягу Шуйскому.

Армия Воротынского развалилась. Восводе не оставалось иного выхода, кроме как покинуть Тулу. В Разрядных записях об этом сказано следующее: когда Воротынский «пришел на Тулу ж, а дворяня и дети боярские все поехали без отпуску по домам, а воевод покинули, и на Туле заворовали, стали крест целовать вору».

Падение Тулы открыло перед повстанцами путь на столицу.

Мятежники осаждали царя Василия в Москве в течение пяти недель. Повстанцы отступили от стен столицы 2 декабря 1606 г. Отсюда следует, что осада началась 28 октября. Однако

впервые отряды мятежников появились в окрестностях Москвы намного раньше.

16 октября 1606 г. царь повелел зачитать перед народом в Кремле «Повесть протопопа Терентия». В заголовке одного из списков «Повести» указана дата ее сочинения: «Повесть сия лета 7115 (1606) года сентября». Содержание повести вкратце сводится к следующему. Осенью 1606 г. протопоп кремлевского Благовещенского собора Терентий объявил властям о видении Христа и Богородицы, предвестивших наступление многих бед для людей (москвичей). Он начал «Повесть» с молитвы о мире всего мира и о нынешних лютых на нас находящихся», а затем еще раз упомянул о «нынешнем» нашествии на Москву «кровоядцев и немилосливых разбойников». Сведения о появлении мятежников у стен столицы, таким образом, были впервые записаны протопопом Терентием в сентябре 1606 г.

Армия Пашкова двинулась к Москве в августе, а уже к Михайлову дню она оказалась недалеко от города. По русскому календарю Михайлов день приходится на 17 сентября.

14 сентября составитель Дневника Мнишека получил известие о том, что войско сторонников «Дмитрия» «под Москву пришло». Об этом он узнал от появившихся в Ярославле «бояр», которые «бежали из Москвы, услышав о большом войске под Серпуховом». 18 сентября поляк ознакомился с манифестом царя Василия. Государь известил ярославцев, что «воры» прорвались под Москву и в любой момент их разъезды могут показаться в окрестностях Ярославля. «Людей загонных из этого воровского войска остерегайтесь, — писал Шуйский, — и Бога за меня молитесь, чтобы помог мне против этих изменников».

Мятежники вышли к Москве между 14 и 17 сентября 1606 г. В хозяйственных книгах подмосковного Иосифо-Волоколамского монастыря среди записей за сентябрь 1606 г. можно обнаружить следующую пометку: «Того ж дни (15 сентября. — *Р.С.*) послали в Калугу для ратных вестей Петра Окулова». Запись наводит на мысль, что повстанцы продвигались к Москве как со стороны Серпухова, так и на калужском направлении.

В 1614 г. участник боев в Подмоскovie князь Василий Борятинский предоставил в Разрядный приказ лист с перечнем награ-

(придач к денежному окладу), полученных им за военные заслуги: «При царе Василии придано ему, как был бой, боярину князю Ивану Шуйскому с воры с казаки под Калугою на реке на Угре, и князю Василью (Борятинскому. — Р.С.) за ту службу придано... к 12 рублем 5 рублев, да как послан с Москвы под Серпухов боярин князь Михайло Васильевич Шуйский, и был бой на реке на Похре с воры с казаки, и ему за ту службу придано к 17 рублем 5 рублев». Эти записи не оставляют сомнений в том, что сначала произошел бой под Калугой, а затем битва на Пахре.

В середине сентября наибольшие опасения царю Василию внушала армия Болотникова, наступавшая от Орла к Калуге. Царь направил против него почти все имеющиеся в наличии силы. Как значится в Разрядных записях, «лета 7115-го с сентября послал царь Василий в Калугу против воровских людей брата своего боярина Ивана Ивановича Шуйского, да боярина князя Бориса Петровича Татева, да окольного Михаила Игнатъевича Татищева, а с ним дворян московских, и стольников, и стряпчих, и дворовых людей». В Калуге находились остатки армии Трубецкого, отступавшей туда из-под Кром. Военное командование не очень полагалось на эти силы. Тем не менее Шуйский и Татев получили наказ «ратных людей уговорить, которые замосковные города и ноугородцы с воеводы пришли ис-под Кром и с Орла в Колугу».

23 сентября 1606 г. Болотников попытался переправиться за реку Угру под Калугой, но был остановлен воеводами. Как значится в записях Разрядного приказа, 23 сентября «был бой боярам и воеводам князю Ивану Ивановичу Шуйскому с товарищи на усть Угры с воровскими людьми, и воровских людей побиди, с тово бою от бояр... пригонял к государю с сеунчом князь Михайло Петрович Борятинской. А от государя со здоровьем и золотыми прислан... стольник Василий Матвеевич Бутурлин». Награждение воевод золотыми свидетельствовало о том, что Болотников потерпел на Угре серьезное поражение.

Воевода Иван Шуйский не мог развить успех. Гражданская война имела свою логику и свои законы. Повстанцы терпели поражение, а восстание ширилось. Население Калуги восста-

ло в тот самый момент, когда Болотников был отброшен прочь от Калуги. Воеводы, выиграв битву, повернули к Калуге, чтобы дать отдых войскам, но в «Калугу их не пустили, заворовали и крест целовали вору».

Одновременно не прекращались бои на серпуховском направлении, где наступали отряды Пашкова. Против него действовали второстепенные воеводы. В Разрядных книгах записано: «Того ж году посланы по серпуховской дороге на Лопасну воеводы, боярин князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский да Борис Иванов сын Нащокин». Мосальскому не удалось остановить мятежников под Серпуховом.

Пашков разбил воевод на Лопасне и продвинулся к Москве на 30—40 верст, но был остановлен на реке Пахре. В Разрядных книгах помечено: «На Пахре был бой с воровскими людьми, на Лопасне наперед».

В столкновении на Лопасне правительственные войска понесли чувствительные потери. Московское командование спешно выслало подкрепления, благодаря чему Мосальский смог закрепиться на Пахре. В Разрядных записях отмечено: «Да на Пахруж посыланы з голоуюю с Петром Дашковым к боярину ко князю Володимеру Васильевичу Кольцову-Мосальскому 250 человек, и наказ ему дан особ».

На некоторое время боевые действия на серпуховском направлении стихли. Повстанцы остановились на Лопасне, а воеводы заняли позиции на Пахре. В описях царского архива упоминается любопытный документ, относящийся ко времени «стояния» на Пахре осенью 1606 (7115) г. В документе излагались показания двух лазутчиков: «Роспрос 115-го году торгового человека Степанки Шитникова да садовника Богданка Поневина, что посылали их с Пахры крутишкой митрополит Пафнугий да боярин князь Федор Тимофеевич Долгорукой с товарищи к ворам на Лопасную». Пафнутий был деятельным помощником Шуйского и посылал людей на Лопасню, чтобы разведать силы противника.

Спешно отозвав полки Ивана Шуйского с Угры, царь Василий после 23 сентября сосредоточил значительные силы на серпуховском направлении. Командовать ими было поручено

стольнику князю Михаилу Скопину-Шуйскому. В распоряжение Скопина поступили отряды конницы боярина князя Бориса Татеева, вернувшиеся с Угры, и отряды боярина Мосальского, стоявшие на Пахре. В книгах Разрядного приказа значится: «Того ж году посланы воеводы в осенней поход: стольник князь Михайло Васильевич Скопин-Шуйской, да боярин князь Борис Петрович Татеев»; «князю Михаилу был бой с воровскими людьми на Похре... и воровских людей побили, и с тово бою... пригонял с сеунчом Василий Иванович Бутурлин».

Отступление Болотникова с Угры и Пашкова с Пахры изменило положение в Подмосковье. «Загонные люди» — сторожевые отряды повстанцев, появившиеся в окрестностях столицы, — вынуждены были отойти на юг.

Сентябрьское наступление повстанцев потерпело неудачу. Правительственные войска разгромили их армии поочередно, одна за другой.

Осада Москвы

К октябрю 1606 г. одним из главных пунктов военных действий стала Коломна, крупная крепость, прикрывавшая подступы к Москве со стороны Рязани. Отброшенный к Серпухову, Истома Пашков двинулся на соединение с рязанским войском Прокофия Ляпунова. Мятельники заняли Коломну.

Падение крепости вызвало тревогу в Москве. Царь Василий поспешил собрать все силы и отправил их под Коломну. В походе участвовали московские «большие» дворяне, стольники, стряпчие и жильцы, городовые дети боярские и даже приказные люди.

Царь Василий вверил командование армии боярину Мстиславскому, Дмитрию Шуйскому, Ивану Воротыньскому, братьям Голицыным, боярам Нагим. Войско включало цвет московской знати. Но уездные дети боярские, составлявшие главную массу дворянского ополчения, разъехались из столицы по городам. Оставшихся в Москве было так мало, что их могли разделить

лишь на три, а не на пять полков, как делали при любом назначении главных воевод.

Документы точно зафиксировали время выступления армии. 23 октября 1606 г. Федор Мстиславский и Дмитрий Шуйский получили «в поход из московского Разряда на приказные расходы 100 рублей денег».

Покинув столицу, главные воеводы соединились с отрядом Скопина за Пахрой в 30—35 верстах от столицы. Сражение произошло в 40 верстах от стен Москвы, под селом Троицко-Лобаново.

Разрядные записи характеризуют битву под Троицким кратко и точно, выделяя при этом роль рязанских дворян: был «бой с воровскими людьми в селе Троицком с Бистомою Пашковым да с рязанцы, и на том бою бояр и воевод побили». Сражение произошло между 25 и 27 октября, так как уже 28 октября мятежники достигли окрестностей столицы.

Армия Шуйского обладала численным перевесом. Под Троицким сражалось то же самое войско, которое только что разгромило повстанцев под Калугой и Серпуховом. Тем не менее оно потерпело полное поражение.

Известны немногие подробности происшедшего. Слуга Мнишека расспросил ярославских помещиков, вернувшихся с поля битвы, после чего записал в Дневнике: «День 16 (6) ноября... На эгих днях возвратились бояре и люди Шуйского с проигранной битвы и сами признали, что на поле боя осталось до 7 тысяч убитых и до 9 тысяч ограбленных полностью и избитых кнугом распущено по домам... после чего войска (восставших. — *Р.С.*) поспешно подошли к Москве». По обыкновению, автор Дневника преувеличил потери армии Шуйского.

Сомнительно известие о наказании плетью 9 тысяч пленных. Такая экзекуция отняла бы много дней, а между тем повстанцы спешили к Москве. Как видно, поляк неверно понял слова участников битвы. Ключ к истолкованию его известия дает летопись. В бою «воры», записал летописец, «разогнаша многих дворян, и сгольников поимаша».

В средние века воевавшие армии несли наибольшие потери не во время боя, а в ходе отступления. Полки Шуйского не выдержали удара мятежников, утратили порядок и превратились в

толпу. Мятежники могли устроить противнику кровавую бойню, но предпочли не проливать лишней крови.

Действиями повстанцев руководил Прокофий Ляпунов. Это он возглавил мятеж в армии Годунова под Кромами. Тогда заговорщики — сторонники «Дмитрия» — перемешались в лагере с его противниками, и, чтобы уберечь от потерь своих, Ляпунов приказал не проливать лишней крови, а разогнать рать плетьюми. По-видимому, нечто подобное произошло и под Троицким.

Нет сомнений, что Ляпунов был одним из самых способных военачальников Смутного времени.

Недолгое правление Лжедмитрия упрочило популярность его имени в дворянской среде. Ко времени наступления на Москву в народе росла уверенность, что «Дмитрий» жив. В конце осени и восставшие широко оповещали население, что «государь, деи, наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ныне в Коломне». Известия такого рода вызвали замешательство в полках Василия Шуйского. Послебитвы Ляпунов и Пашков распустили пленных по домам. Исключение было сделано лишь для знатных дворян. Их отослали в Путивль.

28 октября отряды Ляпунова заняли село Коломенское в окрестностях Москвы и стали готовиться к осаде столицы. В начале ноября войска Болотникова присоединились к ним.

Численность войска, подступившего к Москве, определяли в 100 тысяч или даже 187 тысяч воинов. Но эти данные невероятно преувеличены. Повстанческая армия постоянно пополнялась небольшими партиями повстанцев, прибывавших со всех сторон, так что точными данными об общей численности армии не располагали даже ее вожди. Ближе всего к истине были польские данные. По словам опытного военного А. Стадицкого, к моменту решающей битвы восставшие подтянули к городу около 20 тысяч воинов.

В авангарде войска Ляпунова и Пашкова шел отряд казаков. Передовые силы повстанческой армии укрепились в деревне Заборье неподалеку от Серпуховских ворот, тогда как главные силы стали лагерем в районе Котлов и Коломенского.

При Лжедмитрии I службу в Москве несли несколько тысяч стрельцов. Шуйскому пришлось удалить из столицы самые

преданные самозванцу стрельцкие сотни. Много московских стрельцов было послано против мятежников в действующую армию и в гарнизоны. Сотни, посланные в Коломну, перешли на сторону восставших. Таким образом, к началу осады стрельцкий гарнизон столицы оказался ослабленным.

Главной опорой трона во время осады Москвы оставался Государев двор. Ядром двора были 200 стольников и еще несколько сот больших московских дворян, жильцов и стряпчих. Власти пытались вызвать подкрепления из провинции, но их усилия не дали результатов.

На протяжении всей московской осады правительство распространяло весть о том, что «новгородские, псковские и смоленские силы тянутся на помощь государю». В действительности подкрепления прибыли лишь из Смоленска, притом с опозданием почти на месяц.

Имея примерно 20 тысяч человек, мятежники не могли осуществить тесную блокаду такого огромного по территории города, как Москва. К тому же необходимости в такой блокаде не было. Ко времени осады столица оказалась в кольце восставших городов.

Снабжение Москвы всегда зависело от своевременного подвоза хлеба из Рязани и других уездов. Год выдался неурожайный, и трудности с продовольствием стали ощущаться в столице уже на исходе лета. Восстание на Рязанщине, на тульской и северской окраинах усугубило дело.

После похода под Елец и Кромы многие ратные люди пришли к царю в Москву, но «с Москвы разъехались по домам для великой скудости». После падения Коломны, Калуги, Можайска, Волоколамска цены на хлеб на столичных рынках подскочили в 3—4 раза. Дворянская кавалерия осталась без фуража.

Царь Василий не имел ни казны, ни запасов хлеба, чтобы предотвратить голод в столице. Его положение казалось безнадежным. В беседах с друзьями Стадницкий говорил, что в дни осады «как воры под Москвою были... и как государь сидел на Москве с одними посадскими людьми, а служилых людей не было, и... было мочно воров Москва взяти... потому что на Москве был хлеб и дорог и... государь не люб боярам и всей земли и

меж бояр и земли рознь великая и... (у царя. — *Р.С.*) казны нет и людей служилых».

Царь Василий не сумел предотвратить осаду столицы, что немедленно сказалось на его взаимоотношениях с Боярской думой. «Государь не люб боярам» — эти слова точно отразили ситуацию. В течение полугода Шуйский демонстрировал твердое намерение править царством вместе с боярами. В решающий момент он подчинил все силы главе думы, который проиграл битву.

Поражение углубило рознь между боярами и «всей землей». Царь Василий пустил в ход все свое дипломатическое искусство, чтобы собрать рассыпавшуюся в его руках хранину власти.

Брожение в низах не прекращалось. В город постоянно проникали лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». Положение Москвы было критическим. «По причине великого смущения и непостоянства народа в Москве» никто не мог предсказать исхода борьбы за столицу.

На первом этапе гражданской войны атаман Корела привел в Москву Гаврилу Пушкина, что послужило толчком к мятежу против Годуновых. Пашкову и Болотникову не доставало решительности, которой обладал Корела. Они засылали в столицу лазутчиков с листами от «царя Дмитрия», но спровоцировать бунт не могли.

Василий Шуйский деятельно хлопотал о том, чтобы отвлечь москвичей от Смуты. В октябре царь вспомнил о «Повести протопопа Терентия» и велел огласить ее «пред всеми государевыми князи, и бояре, и дворяны, и гостями, и торювыми людьми...».

Протопоп пространно повествовал, как во сне явились ему Богородица и Христос. Богородица просила помиловать людей (москвичей). Христос обличал их «окаянные и студные дела». Пять дней по всей Москве звонили в колокола и не прекращались богослужения в церквах. Царь с патриархом и все люди «малин и велиций» ходили по церквам «с плачем и рыданием» и постились. Объявленный в юрде пост должен был умиротворить бедноту, более всего страдавшую от дороговизны хлеба.

Поддержка церкви имела для Шуйского исключительное значение. Патриарх Гермоген вел настойчивую агитацию, обличая мертвого Растригу, рассылал по городам грамоты, предавал анафеме мятежников. Духовенство старалось прославить «чудеса» у гроба царевича Дмитрия.

Большое впечатление на простонародье оказали торжественные похороны Бориса Годунова и убитых по повелению самозванца членов его семьи. Тела были вырыты из могилы в ограде Варсонофьева монастыря и уложены в гробы. Бояре и монахи на руках пронесли по улицам столицы останки Годуновых. Царевна Ксения следовала за ними, причитая: «Ах, горе мне, одинокой сироте. Злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, полюбил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает Русское царство, суди его, Боже!»

На стороне Шуйских были влиятельные посадские люди, среди них купцы Мыльниковы. В дни осады Москвы царь поручил голове Истоме Мыльникову и шести его сотоварищам «из Овощного ряду» нести ночной караул подле царской усыпальницы в Архангельском соборе.

Столичные посадские люди участвовали как в убийстве Деметрия I, так и в избрании на трон Василия Шуйского. Умело используя обстоятельства, царь Василий старался убедить посадских, что никому не удастся избежать наказания в случае успеха сторонников «Дмитрия». Находившийся в столице Исаак Масса писал: некоторые из жителей Москвы верили, что «Дмитрий» жив; тем не менее по настоянию властей «москвиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как [москвичи] все повинны в убийстве Деметрия».

Старания Шуйского не пропали даром. Поддержка Москвы, а также других крупнейших городов страны — Смоленска, Великого Новгорода, Твери, Нижнего Новгорода, Ярославля — помогла царю выстоять в борьбе с повстанцами.

Перед царем было два пуги. Он мог с помощью самых жестоких мер пресечь всякие сношения москвичей с «воровским»

лагерем. Монарх предпочел путь переговоров. По его приказу московский «мир» снарядил в лагерь Болотникова делегацию.

Москвичи три дня лицезрели труп «Дмитрия», а потому заявления о его спасении вызвали у большинства сомнения. В ходе переговоров московские делегаты просили устроить им очную ставку с «Дмитрием», чтобы затем принести ему повинную. Болотников поклонился, что говорил с «законным государем» в Польше. Но его уверения, естественно, не могли удовлетворить москвичей.

Делегация включала отобранных царем лиц. Иначе и быть не могло. Но надо иметь в виду, что в критических условиях осады и голода народ не стал бы слушать тех, кто не пользовался у него авторитетом.

Права столичной посадской общины в период осады расширились. Москвичи сначала вели переговоры, а затем просили царя дать сражение повстанцам, когда «народу стала несомоготу дороговизна принасов».

Царь Василий пошел на неслыханный шаг. В условиях гражданской войны он приказал вооружить все столичное население.

Очевидец событий Исаак Масса засвидетельствовал, что Шуйский učinил перепись всех москвичей старше 16 лет и не побоялся вооружить их. Таким образом власти получили в свое распоряжение не менее десятка тысяч бойцов. Вооруженные лицами, саблями, рогатинами, топорами горожане были распланы по осадным местам (именно так города «садились в осаду»). «Когда повстанцы подступили к городу, — писал Стадницкий, — излавок... выгоняли народ на стены».

Посадские люди, ездившие в Коломенское, оказали неоценнимую услугу Шуйскому. Они использовали переговоры, чтобы посеять сомнения в лагере восставших. Когда Болотников пытался убедить их, что сам видел «Дмитрия» в Польше, посланцы посады заявляли: «Нет, это, должно быть, другой: Дмитрия мы убили».

Москвичи помогли властям установить контакты со знатными дворянами в повстанческом лагере. Расходные книги Разрядного приказа точно зафиксировали факт тайных переговоров царя с рязанцами: «Ноября в 13 день Григорьеву человеку

Измайлова Фролку Костентинову на корм на 2 дни... Дано. Посылаю к резанцом з грамотами». Власти не случайно послали в Коломенское холопа Измайловых. «Большие» рязанские дворяне Измайловы были давними приятелями Ляпуновых. При царе Борисе Артемий Измайлов склонил Ляпунова перейти в «воровской» лагерь. Теперь Измайловы попытались перетянуть Ляпунова с рязанцами в царский стан.

Мирные переговоры сторожников «Дмитрия» с представителями Москвы продолжались две недели. Наконец повстанцы поняли: им не откроют столичные ворота, что бы они ни говорили.

15 ноября 1606 г. мятежники подступили к Замоскворечью и ворвались внутрь укреплений, выстроенных Скопиным напротив Серпуховских ворот. В разгар боя Прокофий Ляпунов с рязанцами переметнулся на сторону царя, и восставшие отступили.

Полагают, что вместе с Ляпуновым к царю Василию перешли 500 рязанских дворян. Это не совсем верно. Сообщник Ляпунова, сын боярский Борзцов, упомянул в челобитной царю, что «ко Москве, к царю Василию» отъехали с Ляпуновым 40 рязанских дворян и детей боярских. Их примеру последовало несколько стрелецких сотен. Все перебежчики были щедро награждены.

Две недели, проведенные в лагере Болотникова, отрезвили предводителя рязанских дворян. Под Коломной Прокофий Ляпунов уступил старшинство сотнику Истоме Пашкову, чтобы не множить раздоров. Под Москвой он должен был подчиняться беглому холопу Ивашке Болотникову.

В конце ноября Болотников предпринял попытку захватить Красное село, с тем чтобы перерезать ярославскую дорогу и получить квартиры для размещения на зиму своих войск. Атака была отбита.

По словам Исаака Массы, мятежники «держали на примете Красное село... большое и богатое селение, подобное городу, откуда они могли угрожать почти всей Москве... москвиты, страшась этого, выставили у речки Яузы, через которую они (повстанцы. — Р.С.) должны были перейти, сильное войско под

начальством молодого боярина Скопина, чтобы воспрепятствовать переправе». Согласно Разрядам, Скопин числился воеводой «на вылазке». Очевидно, он возглавил вылазку за Язу и отразил наступление восставших.

Надругой день, 27 ноября, царь Василий провел внушительную военную демонстрацию. Главные воеводы Мстиславский и Воротынский с полками вышли из крепости в поле и построились в боевом порядке. Восставшие подтянули войска из Коломенского. Поздно вечером «они схватились друг с другом», но из-за темноты вскоре разошлись, «городские (воеводы) не без ушерба».

Решающее сражение произошло 2 декабря. В разгар боя один из двух вождей мятежа — Истома Пашков — перешел на сторону Шуйского. Его измена оказала существенное влияние на исход осады Москвы.

Известный исследователь Смуты С.Ф. Платонов называл Истому Пашкова крупным помещиком, представителем служилого люда. Огряды Пашкова, по мысли исследователя, включали детей боярских (дворян) и стояди особняком от «скопищ» атамана Болотникова. Атаман испытывал вражду к высшим классам, Ляпунов поднялся против боярской олигархии, а Пашков представлял слой, которому одинаково были присущи мотивы и социального, и политического протеста.

Источники ставят под сомнение схему Платонова. Пашкова невозможно отнести к категории крупных землевладельцев. Имя Пашкова отсутствует в списках выборных дворян от городов 1602—1603 гг., а чин дворянского головы (полковника) сотник получил от правительства лишь после перехода в лагерь Шуйского. Тогда же он получил от казны села в Веневе и Серпухове.

За свою многолетнюю службу отец Истомы выслужил поместный оклад в 300 четвертей пашни. Борис Годунов пожаловал Истому отцовское поместье.

Герои Смуты были по большей части молодыми людьми. Отрпсьбу было немногим более 20 лет, когда он принял имя царевича. В том же возрасте был Скопин, воевавший с Болотниковым. Истоме Пашкову исполнилось 23—24 года.

Под знаменами Пашкова, как полагают новейшие исследователи, собрались дети боярские, вследствие чего его программа носила продворянский характер, тогда как Болотников собрал сермяжную рать и выдвинул антикрепостническую программу. В полосе наступления Пашкова дворянские руководители будто бы не казнили дворян и предпочитали оставаться в рамках «законности», а в полосе наступления Болотникова на Москву истребление помещиков приняло массовый характер.

Эту схему трудно согласовать с фактами. Отрад Пашкова был столь же пестрым по составу, как и войско Болотникова. Он включал как детей боярских, так и казаков и стрельцов. Характерной чертой гражданской войны была тесная связь вождей с выдвинувшими их городами. Епифанские дети боярские и казаки избрали воеводой Пашкова в начале восстания. Они же последовали за Истомой в царский лагерь.

Что касается репрессий, они носили примерно одинаковый характер и там, где шел Пашков, и там, где двигался Болотников. Лишь к концу осады Москвы повстанческое движение претерпело метаморфозу под влиянием социальных противоречий.

Отрепьев в своих грамотах зывал в первую очередь к столичным верхам. Сторонники убитого самозванца также начали с обращения к властям предержавшим. Окружив Москву, Ляпунов, Болотников и Пашков потребовали выдачи братьев Шуйских. Переговоры с москвичами убедили мятежников, что все бояре и «лучшие люди» поддерживают царя Василия. Тогда они «написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших граждан, чтобы их выдали», а затем попытались спровоцировать мятеж столичной черни.

В ноябре 1606 г. патриарх Гермоген известил паству, что «воры», засевавшие Коломенском, «пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр и жены их, и волчины, и поместья им сулят, и шпыням и безимянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити...»

Аналогичные сведения можно обнаружить в английском доносении начала 1607 г. Мятежники не смогли замкнуть блокады, и тогда они стали писать «письма к рабам в город, чтобы те

взялись за оружие против своих господ и завладели их именным и добром».

Программа, выдвинутая беглым холопом Ивашкой Болотниковым в конце осады столицы, была просга и покаятна низам. Бояре, поддерживавшие узурпатора Шуйского и потворствовавшие «измене», подлежали смерти, их имущество — разделу. Осуществление этой программы вскоре привело к неслыханно кровавым избиениям знати и дворян в Путишле, а позднее — в Туле.

Чтобы окончательно запугать благонамеренных жителей Москвы, патриарх утверждал, будто повстанцы намеревались раздать «безымянным шпыням» — городской черни боярских жен, ввести чернь в думу, сделать воеводами в полках, поставить во главе приказов («хотя им давати боярство, и воеводство, и околичество, и дычество»). Пока «сатанинскую» рать в Коломенском возглавляли «большне» воеводы, наподобие Болотникова, патриарх имел все основания опасаться переворота.

Призывы атамана пришлись не по вкусу не только Ляпунову и его рязанским дворянам, но и сыну боярскому Истому Пашкову. Обращение к «черни» оказалось палкой о двух концах. Оно ускорило распад повстанческого лагеря. Однако надо иметь в виду, что после бегства из Коломенского рязанских дворян там осталось много детей боярских и дворян из других уездов.

Измена Ляпунова и Пашкова была вызвана как социальной рознью в лагере повстанцев, так и причинами сугубо личного характера.

Повстанческая армия имела сначала трех, а под конец двух главнокомандующих. Некоторые современники (Стадницкий, Паэрле) считали верховным предводителем Пашкова. Положение Москвы было бы еще худшим, писал Паэрле, если бы царь и бояре не поймали в свои сети начальника мятежников Пашкова.

Автор английского донесения 1607 г. знал об острых разногласиях «между двумя главными начальникамн лагеря мятежников», из-за чего Пашков и переметнулся в Москву.

Описывая раздор двух вождей, Буссов отметил, что Болотников пожелал себе лучшее место стоянки (Lager-Stelle). Пред-

водители повстанцев спорили за право занять царскую резиденцию в Коломенском.

Пашков прибыл в Коломенское первым, и никто не мог помешать ему остановиться в царском дворце. После подхода Болотникова между ними разгорелся спор.

Пашков первым поднял знамя восстания, одержал победу под Троицким и приступил к осаде Москвы. Болотников пытался самостоятельно пробиться к столице, но потерпел поражение и явился в Коломенское с запозданием. Добиваясь первенства, Болотников ссылался не на свои победы, а на царскую грамоту: сам царь «Дмитрий» назначил его главнокомандующим.

Василий Шуйский знал о распрях в Коломенском и постарался использовать момент. Его люди вручили Пашкову большую сумму денег. Золото развязало язык сотнику. Он заверил посланцев Шуйского, что до сих пор никто не видел живого «Дмитрия» и даже в Путиле о нем знают не больше того, что было сообщено в первые дни восстания Шаховским.

Пашков заявил, что не знает, жив ли «Дмитрий» или поляки вследствие происков Шаховского выдвинули нового самозванца. Автор английского допесення подтверждает достоверность приведенных Буссовым сведений. Согласно английской версии, царь добился от Пашкова признания, что слух о спасении «Дмитрия» является «ложной выдумкой».

В конфликт, вызванный личным соперничеством, оказались вовлечены многие служилые люди. Явившиеся в Москву перебежчики заявляли, что у повстанцев «половина войска принуждена от более сильной партии, и она (слабая партия. — Р.С.) охотна к заявлению покорности великому князю» (Шуйскому).

После двукратной неудачи повстанцы окончательно упустили инициативу из своих рук. Иван Крюк-Колычев получил приказ спешно возвращаться в Москву из района Можайска, где он соединился со смоленскими отрядами. На помощь царю стали прибывать также служилые люди из «замосковных» городов.

Казачи обороняли «туляй-город» в деревне Заборье, неподалеку от стен города. 30 ноября Иван Шуйский вместе со Скопиным осадил их лагерь. В Разрядах значится: «Как смольяне

пришли к Москве, и из городов из замосковских почали збиратца, а из юровских почков переехали Коробьины и иные резанцы, и царь Василей послал на воров бояр и воевод... напередшел в полку... князь Иван Иванович Шуйский, да князь Иван Васильевич Голицын, да Михайло Васильевич Шенн; в другом полку бояре и воеводы князь Михайло Васильевич Шуйский, да князь Андрей Васильевич Голицын, да князь Борис Петрович Татев».

27 ноября боярину Мстиславскому не удалось навязать бой противнику. Вскоре Иван Шуйский и Скопин двинулись к Заборью, чтобы разгромить передовые силы мятежников.

●Сознав опасность, Болотников 2 декабря выступил из Коломенского на помощь казакам. Путь им преградил Иван Шуйский. Столкновение переросло в генеральное сражение, которое началось крайне неудачно для мятежников.

Болотников выслал вперед Истому Пашкова с пятью сотнями воинов. Когда войска сблизились, Пашков сдался воеводам. Измена вызвала замешательство в рядах повстанцев. Наступил решающий момент битвы. Полки Ивана Шуйского и Михаила Скопина, отрядив часть сил против казаков в Заборье, атаковали армию Болотникова в Коломенском. Мятежники не выдержали атаки и обратились в бегство. Их лагерь достался воеводам со всем, что там было.

От Коломенского Иван Шуйский вернулся к Заборью и обрушился всеми силами на окруженных казаков, «со всеми ратными людьми приступаху к Заборью». Сражение за Москву вступило в завершающую фазу.

Трехдневная осада подорвала силы казацкого войска в Заборье. Разгром главных сил поставил его в безвыходное положение. Часть казаков заявила о прекращении сопротивления, другие решили драться до последнего. Пользуясь раздором в лагере, царские ратники ворвались в обоз и взяли его приступом, «а иные (казаки. — Р.С.) здалися за крестным целованием». Добровольно сдавшиеся казаки были приняты на царскую службу: «которые казаки в Заборье в осаде сидели, и те государю добили челом... и крест целовали, что ему государю служить». Вскоре же их поверстали на царскую службу. «Того же году, — значит-ся в Разрядах, — разбирали и переписывали заборских козаков

дворяня: Богдан Сабуров, Иван Микифоровсын Чепчугов, Володимер Игнатъев сын Вишняков, Ондрей да Григорей Микитины дети Ржевские». Судя по числу дворянских голов (полковников), проводивших перепись, количество сдавшихся казаков было весьма значительным. Поданным Буссова, воеводы окружили 10 тысяч казаков, из которых Шуйскомустали позже служить четыре тысячи человек.

Царь Василий приказал разместить добровольно сдавшихся казаков на постой в Москве и «повеле им давати кормы и не веле их ничем тронути, тех же воров, которые пойманы на бою, повеле их посадити в воду».

Несколько дней спустя после сражения Разрядный приказ послал на поле боя под Коломенским людей «смотреть в трупы в побитых людех... Ивашка Болотникова да Юшка Беззубцова здетми».

Шуйский поспешил известить города, что его воеводы «воров побии наголову, а Истому Пашкова да Митку Беззубцова и многих атаманов и казаков живых поимали...». Царь не желал признать, что выиграл битву, подкулив Истому Пашкова. Особое внимание властей к персоне казачьего атамана Юрия Беззубцева с сыновьями доказывает, что по своему авторитету он не уступал другим вождям.

Вольные казаки рассчитывали восстановить на троне «законного» царя и получить от него жалованье. Но «Дмитрий» все не появлялся. Между тем московский великий государь неустанно убеждал повстанцев покинуть мертвого Растрилу. Перейдя в лагерь царя, казаки могли получить денежное жалованье, а их атаманы — помесгья.

На исход борьбы под Москвой оказало влияние то обстоятельство, что правительственные войска вели войну, опираясь на мощные укрепления Москвы. Если бы Болотников, потерпев поражение в открытом поле, решил сесть в осаду в селе Коломенском, его армию постигла бы судьба казацкого табора в Заборье.

Отказавшись от обороны Коломенского, Болотников избежал больших потерь. Поданным летописца, воевода князь Скопин и другие воеводы «живых взял седьм сот человек, да побии 2000». Приведенные цифры, по-видимому, включали все поте-

ри повстанческой армии. Наибольшие потери понесло казачье войско в Заборье. Фактически армию Болотникова спасло сопротивление заборских казаков.

Болотников с атаманами и казаками привел в Калугу «всяких людей огненнаго бою больши десяти тысяч, а иные всякие воры с розгрому же ис-под Москвы прибежали на Тулу и сели в Туле многие ж люди с вогненным босм». Повстанцы сохранили оружие, и это значит, что они отступали в относительном порядке.

Одержав верх над восставшими под Москвой, Шуйский 5 декабря 1606 г. обратился к городам с грамотой, в которой писал, что «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне, колоничи, алексинцы, колужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи, медынцы и всех городов всякие люди нам добили челом и к нам все приехали, а в городех у себя многих воров побиди и живых к нам привели и город(а) очистили». Царь не очень заботился об истине, выдавая желаемое за действительное. В начале декабря 1606 г. восставшие прочно удерживали в своих руках Тулу, Калугу, Козельск, Белев, Болхов. Рязань и Мещевск сдались позже, после прибытия в эти города правительственных войск.

Грамота Шуйского при всей ее тенденциозности является важнейшим документом по истории бунта Болотникова. В публичном заявлении царь вынужден был признать крайне неприятный для него факт массового участия в восстании дворян и детей боярских южных уездов. В воззвании Шуйского упоминалось 13 мятежных городов. Из них лишь четыре лежали в полосе наступления Пашкова. Через остальные наступал Болотников, а отсюда следует, что дворяне и дети боярские из этих уездов подкрепили его войско.

Дворяне уступали по численности низшим слоям населения, но были военными людьми по профессии, сплоченными в корпорации («служилый город») и имевшими лучшее вооружение. Все это определяло их ведущую роль в любой войне.

Смута начала XVII в. имела причиной не классовые битвы между дворянами и низшими сословиями, а в первую очередь кризис и раскол в среде служилого дворянства.

На страницах исторических сочинений мелькает величественная фигура народного вождя Болотникова, который вел угнетенных от победы к победе и наконец оказался у стен столицы. В действительности вождь неизменно терпел поражения, предоставленный своим силам. Он был отброшен от Кром боярином Нагим, разгромлен Иваном Шуйским сначала под Калугой, а потом в Коломенском.

«Царевич Петр»

Самозванный царевич Петр Федорович, появившийся на Терексе еще при жизни Отрепьева, сам рассказал историю своей жизни: первый раз — во время своих зарубежных странствий в декабре 1606 г., а во второй раз — перед боярским судом год спустя. Первая версия подробно изложена в польских источниках начала 1607 г. Оршанский староста Андрей Салегга записал рассказ «Петра» сразу после беседы с ним. Показания самозванца перед боярским судом были обнародованы московскими властями в приложении к царской грамоте от 19 октября 1607 г. Сопоставление двух версий позволяет составить подробное жизнеописание мнимого внука Грозного.

В отличие от Григория Отрепьева «Петр» был выходцем из простолюдинов и не имел подле себя ни кремлевских монахов, ни царских придворных, которые могли бы помочь ему в новой роли. Попав за рубеж, «Петр» изложил следующую историю. Родителями его были царь Федор Иванович и царица Ирина Годунова. В момент рождения царица подменила ребенка, чтобы спасти его от покушений со стороны Бориса Годунова. Желая надежнее укрыть сына Петра от грозившей ему опасности, мать передала младенца на воспитание бабе-вдове.

Самозванец не мог рассказать, от кого он узнал о своем царском происхождении. Такой вопрос не приходил ему в голову. Какие бы фантастические сведения о себе ни сообщал «Петр», он все же не мог уйти от опыта собственной жизни. Перед боярским судом в 1607 г. самозванец назвал свое подлинное имя — Илейка Коровин — и показал, что родился и воспитывался в семье ба-

бы Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Муром. Живя в Муроме, вдова «без венца» прижила сына Илью от посадского человека Ивана Коровина. Илейка остался сиротой после того, как Иван Коровин умер, а мать по приказу сожителя постриглась под именем старицы Улиты в девичьем Воскресенском монастыре. Торговый человек Т. Грозильников подобрал сироту едва ли не на дороге и увез в Нижний Новгород, где определил сидельцем в свою лавку. Через три года Илейка сбежал от купца и стал служить наймитом-казаком на стругах, плававших с товарами по Волге из Астрахани в Казань и Вятку.

Перед судом Илья вспомнил, как годовал в Астрахани, а жил у астраханского стрельца Харитона. (За рубежом самозванец нарочно искажил имя своего астраханского благодетеля.) Позднее Илья плавал на торговом судне в Нижний Новгород, а затем на стрелецком судне на Терек. Там он нанялся в Стрелецкий приказ и участвовал в походе на Тарки в 1604 г., а по возвращении из похода запродавался в холопы на двор к сыну боярскому Григорию Елагину. Подобно Отрельеву и Болотникову, «Петрушка» также был беглым боярским холопом.

В Польше самозванец должен был учитывать, что польские власти не желали вступать в какие бы то ни было соглашения с болотниковцами и не позволяли вербовать солдат для московского «царя». Поэтому, повествуя о своей жизни, «царевич» ни слова не сказал об участии в повстанческом движении в России.

Давая показания в Москве, «Петр» придерживался той же линии. Переживая на дворе у Елагина, Илейка бежал под Астрахань, где сто «взяли казаки донские и волжские». Исаак Маса отметил, что с зимы 1604/05 г. Астрахань была осаждена казаками, выступившими на стороне Лжедмитрия I. Осада продолжалась до весны. Не позднее мая 1605 г. астраханский воевода известил терских воевод, «что у них в Астрахани от воров, от казаков стала смута великая и для того им людей послать (на Терек. — Р.С.) немочно».

Илейка отличался непостоянством и то и дело менял хозяев. Он вспоминал, как «из-под юртов, от казаков, ушел в Астрахань, и в Астрахани побыл с четыре недели, а из Астрахани

вышел к казакам же и пришел де яз к казаку Нагибе...». Таким образом, беглый холоп либо не сразу примкнул к повстанцам, либо был послан ими в Астрахань как лазучик. Старый казак Нагиба стал впоследствии одним из самых видных атаманов в войске Болотникова.

Гулящий человек на Волге, боярский холоп, а потом вольный казак — такая биография была обычна для казаков. Однажды Илейке Муромцу удалось побывать в Москве. Эта поездка относится к числу загадочных эпизодов его жизни. За рубежом «Петр» утверждал, что решил пробраться из Астрахань и в Москву, когда там взошел на трон его «дядя Дмитрий». Он упробил купца Козла взять его с собой в столицу и даже открыл ему свое царское имя. В Москву он якобы прибыл на другой день после гибели «Дмитрия» (т.е. 18 мая 1606 г.) и почти четыре месяца прожил у мясника Ивана на Покровской улице.

Перед судом «Петрушка» поначалу умолчало поездке в Москву н, лишь давая дополнительные показания, признал, что приезжал в столицу из Нижнего Новгорода и жил там от Рождества Христова до Петрова дня у церкви Владимира в Садах на дворе у подьячего Дементия Тимофеева.

Илейка не уточнил времени поездки в Москву, но в его рассказе можно обнаружить примерно полугодовой пробел — от времени «зимовки» у Елагина и бегства под Астрахань до времени возвращения в Астрахань с воеводой Хворостининым летом 1605 г. Самозванец лишь кратко упомянул, что служил тогда «в товарищах» у Нагибы, который «отказал» его казаку Наметке, а дальше отправился вверх по Волге с казаком Неустройко.

Внезапное немногочислене Илейки объяснялось тем, что в первой половине 1605 г. донские и волжские казаки приняли участие в важных событиях. Они захватили воевод в Царицыне и привезли их в лагерь Отрепьева под Орлом, а затем вместе с Лжедмитрием I вступили в Москву.

Средкой наивностью Илейка старался доказать посредством умолчаний и лжи, что он никогда не сражался на стороне Гришки. Коровин утверждал, будто на Волге присоединился к войску князя Ивана Хворостинина, якобы посланного в Астрахань Борисом Годуновым. На самом деле Хворостинин был послан в

поход Лжедмитрием I против астраханских воевод, оставшихся верными династии Годуновых.

Если Илейка не перепутал даты и действительно покинул Москву в Петров день, то отсюда следует, что он вступил в столицу вместе с отрядами сторонников Лжедмитрия I, а покинул ее вместе с Иваном Хворостининым.

Хворостинин прибыл в Астрахань в конце лета 1605 г., а затем направил казачий отряд на Терек. Илейка попал в этот отряд и вместе с терскими казаками зимовал на Тереке. Деньги, полученные на царской службе, быстро разошлись, и с наступлением весны казаки стали думать о том, где раздобыть деньги и пропитание.

Войсковой круг стал обсуждать план похода на Каспийское море, «чтоб итти на Курь реку, на море, громить турецких людей на судех; а будет, де, и там добычи не будет, и им, де, было казаком к кизылбашскому Шах-Аббасу служить». В случае удачи казаки намеревались вернуться на Терек или уйти в Персию.

Вскоре атаман Федор Бодырин собрал свой круг в 300 казаков и предложил идти в поход на Волгу. Предполагаемый поход в глубь России как две капли воды походил на задуманный каспийский поход. Согласно показаниям Илейки Муромца, «стали де те казаки триста человек опроче всего войска тайно приговаривати, чтоб итить на Волгу, громить судов торговых». Цель похода была грабить купеческие караваны. Но на Волге стояли многочисленные крепости с судовой ратью. Ввязываться в войнусами казаки опасались. Поэтому они решили объявить, что среди них находится «царевич Петр», который намерен идти в Москву на службу к дяде, «царю Дмитрию».

Вольные казаки помогли Лжедмитрию занять Москву. Они не прочь были остаться в столице, где им платили большие деньги за необременительную службу — несение караулов в Кремле. Но по настоянию бояр казаков выпроводили из столицы и отправили в их станицы на окраины.

Ветераны московского похода Отрепьева не смирились с такой несправедливостью. Они завидовали атаману Кореле, став-

шму придворным царя и проводившему жизнь в разлуке. В терском войске роптали: «Государь, де, нас хотел пожаловати, да лихи, де, бояре, переводят, де, жалованье бояря, да не дадут жалованья». У казаков вовсе не было «антибоярской программы». Они трезво рассуждали, что бояре не потерпят их возвращения «за жалованьем» в Москву, а воеводы приволжских крепостей на дадут им грабить торговые суда на Волге. Наличие царского родственника в войске спасало дело.

Показания «царевича Петра» не оставляют сомнений в том, что казаки решили выдвинуть из своей среды самозванца, чтобы оправдать затеянный разбой. Кандидатами в царевичи стали сын астраханского стрельца Митька и Илейка Коровин. Оба служили у казаков в «молодых товарищах», исполняли всякую черную работу в казацких куренях.

Из двух претендентов только Илейка бывал в Москве, что и решило дело в его пользу. Так излагал обстоятельства своего избрания сам Илейка-Петр. Однако можно догадаться, что его избрание было связано также и с другими причинами. Он служил в войсках Лжедмитрия I и, может быть, участвовал в московском походе.

Затею атамана Федора Бодырина поддержал атаман Гаврила Паш. Их отряды соединились на реке Быстрой. Время было смутное, и терский воевода Петр Головин не посмел силой подавить зревший мятеж. Воевода послал «царевичу» приглашение прибыть в город, но казаки отклонили такую честь. Тогда Головин смиренно просил казаков не покидать Терек, а оставить хотя бы половину людей «для приходу воинских людей». Но казаки не послушали его и ушли войском к Астрахани. Нахвалившийся в Астрахани воевода Иван Хворостинин отказался «для грабежу» пустить в город «царевича» и не дал мятежникам разграбить Астрахань. Но он не решился предпринять против них военные действия, тем более что многие астраханские казаки присоединились к терскому войску.

Казаки заняли четыре городка на Волге. Если бы они при этом казнили воевод, разряды непременно бы сообщили имена

погибших. Однако дело обошлось без кровопролития. Казаки повсеместно заявляли, что везут к царю в Москву «племянника Дмитрия». Это позволило им пройти до Царицына и Самары.

● От Казани навстречу терцам двигалась судовая рать боярина Федора Шереметева. У воеводы было достаточно сил, чтобы заставить мятежных казаков повернуть вспять. Но в районе Самары к «Петрушке» прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой от Лжедмитрия I.

Казаки неожиданно для себя получили приказ «итти к Москве наспех». Наличие царского эмиссара в терском войске изменило ситуацию. Государь, очевидно, готов был признать «Петра» своим племянником, чтобы использовать его войско для расправы с врагами.

Юрлов помог терцам благополучно разойтись с судовой ратью Шереметева в районе Казани и добраться до Свияжска. Однако тут атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I.

Войско оказалось в западне. Впереди была Москва, свергшая «Дмитрия», позади — Шереметев. Тогда казаки решили в последний раз воспользоваться услугами Юрлова. Тот явился в Казань и уверил тамошних воевод, что терское войско готово выдать им иового самозванца и принести присягу царю Василию. Усыпив бдительность бояр, казаки пробрались ночью мимо казанских пристаней и ушли к Самаре. Теперь им представилась возможность приступить к захвату добычи и разбою. Полилась кровь. Собравшийся под знаменами «Петра» гулящий люди казаки побивали насмерть встречных служилых людей и купцов.

Спустившись до устья Камышенки, казаки преодолели Перволоку и укрылись в доисских станицах. Там «Петр» провел несколько месяцев.

На Тихом Дону было спокойно. Но царь Василий нашел способ замирить вольницу. По его приказу сын боярский Молвьянинов 13 июля 1606 г. повез на Дон 1000 рублей денежного жалованья, 1000 фунтов пороха и 1000 фунтов свинца. Меры Шуйского достигли цели. Значительная часть донских казаков осталась в своих зимовьях и не участвовала в походе на Москву.

Тульское сидение

Повстанцы верили в то, что «Дмитрий» жив и находится в пределах России. Двое монахов-лазутчиков, посланных из Москвы в окрестности Коломны, повстречали мятежников, и те поклялись, что сами видели «Дмитрия». Царь Василий велел посадить на кол пленного «вора», и тот, умирая, твердил, что «Дмитрий» жив и находится в Путивле. По всей стране толковали, будто в Москве убит Растрига Гришка, а не истинный царевич.

Для дворян царская власть была источником всяких благ. По традиции только государь мог жаловать поместья и чины. Ни один дворянин не мог вступить во владение помещьем без ввозной грамоты, адресованной непосредственно от царя к крестьянам, названным поименно.

Болотников мог обещать дворянам милости «Дмитрия», но их не удовлетворяли обещания. Царь Василий давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньги как дворянам, так и рядовым детям боярским за каждую рану, за доставку языков. Покидая «воровской» лагерь, дворяне имели возможность немедленно получить от Шуйского щедрые пожалования.

После неудачных переговоров с московским посадом вожди повстанцев осознали, что отсутствие «Дмитрия» может поубить все дело. Болотников многократно писал грамоты в Путивль, требуя ускорить возвращение «царя» из Польши. Начиная с июня путивльский воевода Григорий Шаховской, мистифицируя население, многократно заявлял, что «Дмитрий» приближается к Путивлю и с ним идет большое войско. Его словам перестали верить.

Попытка поднять на царя Донское казачье войско не удалась, и тогда вожди мятежа обратились за помощью к терским и волжским казакам.

Шаховской принял решение, отвечавшее повсемесным ожиданиям народа. Он отправил гонцов к «царевичу Петру Федоровичу». Некоторое время «Петр» с казаками держался в Монастыревском городке под Азовом, а затем на стругах отплыл на Северский Донец. Тут, пословам «Петра», к казакам прибыл гонец

с грамотой «от князя Григория Шаховского да от пугивлцов ото всех». Как видно, посад в Пугивле играл ту же роль в повстанческом движении, что и московский посад в царском лагере.

Жители Пугивля настойчиво просили «Пегра» идти «наспех в Пугимль, а царь Дмитрий жив, идет со многими людьми в Пу-тимль».

Настал решающий час. Пугивль должен был отправить под Москву все воинские силы. Но тюрьмы Путивля были набиты дворянами, верными Шуйскому. Вывести гарнизон из крепости, оставив в тылу многочисленных пленных, было опасно.

Отрепьев, оказавшись в трудном положении, приказал «Петру» с казаками идти в Москву, чтобы обуздать лихих бояр. То, что не успел сделать Лжедмитрий I, попытались осуществить вожди мятежа в Путивле. Они рассчитывали, что казаки расправятся с пленными врагами «Дмитрия» в Пугивле, а потом исполнят ту же миссию в Москве.

Казацкий отряд прибыл в Пугивль в начале ноября 1606 г. Второй раз за свою историю город превратился в «царскую» резиденцию.

Самозванец привел с собой несколько тысяч волжских и терских казаков. К началу 1607 г. к «царевичу» в Путивль прибыло Запорожское войско.

Лжедмитрий I в юности посещал царский двор, служил у патриарха Иова, некоторое время учился в латинских школах в Польше, обладал даром лицедея. По происхождению он был дворянином, и пленники могли видеть в нем своего.

Илейка Коровин происходил из посадских людей, и его манеры и язык выдавали в нем простолюдина. Ему было значительно труднее, чем Отрепьеву, добиться повиновения от пленных дворян, воспринимавших неловкую игру казацкого «царевича» как грубый маскарад. Некоторые из пленников узнавали в ближних людях «царевича» своих беглых холопов (среди инициаторов интриги был беглый холоп князя Трубецкого казак Василий, а сам «царевич Петр» до принятия царского имени служил в товарищах у казака Семенова, холопа боярина Василия Черкасского, находившегося в то время в путивльском тюрьме).

Казачи, водившие за собой своего ставленника — воровского «царевича», с полным основанием считали себя господами и полководцами и претендовали на власть. Старому путивльскому руководству пришлось основательно потесниться.

На пути в Северскую Украину «чернь» выступала в поддержку самозванца, тогда как воеводы оказывали ему сопротивление. Осенью 1606 г. мятежники подступили к крепости Царев-Борисов. Город имел превосходные укрепления и артиллерию. Его гарнизон был одним из самых многочисленных на Юге России. В крепости сидел воевода Михаил Сабуров. Этот «лихой боярин» был хорошо известен вольным казакам. Терские и волжские казаки не забыли, сколько крови они пролили под стенами Астрахани, которую оборонял Сабуров.

Сабурову не удалось удержать в повиновении гарнизон, состоявший в основном из стрельцов и служилых казаков. Вмешательство местного духовенства не спасло дела. По свидетельству старца Иева, «как в смутное время шел вор Петрушка с казаки и он, Иев, царегородских всяких людей оттого (мятежа) унимал и наговаривал, чтоб они против вора стояли, и оне его за то хотели убить». Старец избежал гибели, но воеводы Сабуров и князь Юрий Приемков-Ростовский подверглись жестокой казни.

Совершенно так же действовали казаки «Петра» в другой степной крепости — Ливнах. Дворяне братья Лодыженские подали в Разрядный приказ документы, из которых следовало, что «отца их вор Петрушка убил на Ливнах».

Даже в северских городах, находившихся в руках сторонников Лжедмитрия I, признание казацкого «царевича» наталкивалось на сопротивление дворян и духовенства.

В самом начале гражданской войны монахи Богородицкого Молчинского монастыря в Путивле, умеченные общим потоком, поддержали Лжедмитрия I. В награду он пожаловал обители вотчину. Царь Василий Шуйский подтвердил пожалованные Расгриги.

Игумен монастыря Дионисий привез из Москвы чудотворную икону и попытался убедить путивлян, что «царевич Петр» — обманщик и самозванец. Казаки поспешили разделаться с игуменом. Как писали в своей челобитной царю старцы монасты-

ря, их ниумен, «видя в мире смугу и прелесть, вора Петрушку, не боясь смерти, обличал. И вор Петрушка велел того ниумена за то убить з башни до смерти. И на тое монастырскую вотчину царя Васнлья жаловалные грамоты, взяв у него, изодрал».

Монарх не мог управлять государством без Боярской думы. Такова была вековая традиция, и Коровин неизбежно должен был идти по стопам Растрьги.

Будучи в Путивле, «шаревич Петр» принял в свою думу боярина князя Андрея Телятевского, князей Григория Шаховского, Мосальских и других знатных лиц. Примечательна судьба Телятевского. При Борисе он был самым решительным противником Лжедмитрия I. За это самозванец выдал боярина на расправу вольным казакам. Казаки били князя смертным боем, а затем едва живого бросили в тюрьму. Полтора года спустя Телятевский, вновь столкнувшись с казаками, сразу признал своим государем самозванца.

После выступления из Путивля «Петр» неизменно ставил во главе отрядов титулованных лиц (Телятевского, Мосальских и др.). Казацкие атаманы и сотники из рядовых детей боярских не могли более претендовать на высший воеводский чин. Однако фактически знать лишь номинально возглавляла повстанческие силы. Реальная же власть находилась в руках казацкого окружения «Петра».

Никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет. Первые точные данные о раздаче поместий в повстанческом лагере связаны с именем «Петра». Мценские дети боярские Сухотины в челобитной царю писали, что воры убили их отца и распорядились его поместьем: «А поместейцо, твое царское жалованье, у вора у Петрушки было в раздачи...»

Сохранив ядро своей армии, Болотников продолжил войну с царем Василием. Он укрепил обветшавшие укрепления Калуги и приготовился отразить натиск царских ратей. Вскоре к стенам крепости подступили боярин Иван Шуйский, а затем Федор Мстиславский и Михаил Скопин-Шуйский. Воеводы решили сжечь Калугу. К деревянным стенам города свезли горы дров, заготовленных в окрестных лесах. Однако мятежники

сделали подкоп и взорвали «намет», после чего произвели успешную вылазку.

«Царевич Петр» покинул Пугивль и двинулся с войском в Тулу, чтобы вместе с Болотниковым предпринять новое наступление на Москву. В феврале 1607 г. он послал князя Василия Мосальского на выручку гарнизону Калуги. Но князь был наголову разгромлен.

В мае на помощь Болотникову выступил князь Андрей Телятевский. Он нанес поражение отряду Бориса Татеева, пытавшегося задержать его продвижение.

В осадном лагере под Калугой вспыхнула паника. Болотников довершил дело, предприняв вылазку из крепости. Армия Шуйского бежала из-под Калуги, бросив почти всю артиллерию.

В Москве вновь появились лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». В январе 1607 г. последовала публичная казнь священника, схваченного с «подметными» грамотами. У дворян-перебежчиков власти отписывали земли.

Суровые меры применялись в отношении нетчиков, уклонявшихся от царской службы. Местные власти получили распоряжение отправлять в тюрьму их холопов и крестьян.

Отбив нападение главных сил русской армии, Болотников пошел в Тулу на соединение с «Петром». Он оставил в Калуге сильный отряд, который должен был поддержать наступление на столицу с калужского направления.

Царь Василий пытался упрямить мятежников и не допустить «воров» к стенам столицы. Сбор дворянского ополчения и прочих ратных людей был проведен по всему государству. Царская рать включала большой полк воеводы Михаила Скопина, передовой полк князя Ивана Голицына и сторожевой полк боярина Василия Морозова.

По настоянию Боярской думы царь Василий сам возглавил поход против мятежников. Накануне выступления он посетил юродивую старицу Алену, предсказавшую гибель Лжедмитрия. Но она не впустила его к себе и не хотела ни видеть, ни слушать его. В другой раз Шуйский явился в сопровождении нескольких бояр, и пророчица говорила с ним час, никто не знал о чем.

В походе на Тулу Василий возглавил государев полк, составленный из отборных частей. Командовали полком «дворовые воеводы» князь Иван Шуйский и Иван Крюк-Колычев.

21 мая 1607 г. царь Василий Шуйский выступил из Москвы на Оку, с тем чтобы идти далее «на свое государево и земское дело, на воров». В Серпухове царя ждали князь Федор Мстиславский, Иван Шуйский и другие воеводы, отступившие от Калуги. Вспомогательные силы располагались в Брянске и Кашире.

По крайней мере две недели царь и его главные воеводы стояли в Серпухове, не предпринимая решительных действий. Воспользовавшись их пассивностью, повстанцы атаковали отряд Андрея Голицына в Кашире. В помощь Голицыну царь Василий немедленно выслал «голов с сотнями» — отборную дворянскую конницу. Из Рязани прибыл Прокофий Лялунов с отрядом.

Современники полагали, что повстанческая армия насчитывала до 30—40 тысяч воинов. Они, очевидно, преувеличивали численность «воров». Однако ясно одно: для решающей битвы Болотников в последний раз собрал большую армию.

Сражение произошло на реке Восме неподалеку от Каширы 5 июня 1607 г. На рассвете казаки переправились через реку и засели в глубоком овраге. Рязанские дворяне попытались выбить их оттуда, но отступили под градом пуль.

Наступление казаков едва не решило исход дела. В битве «начаша вору московских людей осиливати». Страхась надвигающегося поражения, главные воеводы отравились в полки и со слезами на глазах убеждали ратников: «Где суть нам бежати? Лучше нам здесь померети...»

Собрав силы, воевода Голицын потеснил главные отряды Болотникова. В решающий момент Прокофий Лялунов снялся с позиций и, оставив казаков в тылу, ринулся на помощь дворянским сотням, бившимся на другом берегу речки. Мятежники не выдержали обрушившегося на них удара тяжелооруженной конницы и обратились в бегство. Тогда царские полки перешли реку и начали преследовать неприятеля.

Воеводы разгромили повстанцев по частям. Обратив в бегство Болотникова, они вернулись затем на Восму, где казаки тем

временем укрепили позиции и даже «городок (острожек) себе сделали».

Социальная рознь оказывала все большее влияние на исход военных действий. В то время как среди детей боярских из повстанческого лагеря участились случаи измены, казаки и «чернь» вели борьбу с нарастающим упорством.

Два дня воеводы держали казаков в осаде, ожидая, когда у них кончится продовольствие. Именем царя бояре предлагали окруженным сложить оружие, обещая сохранить им жизнь. Но казаки решили биться до последнего человека: «Злодеи воры упрямылись, что им [лучше] помереть, а не здаться». На третий день бояре «велели всем полком и всеми ратными людьми к тем воров приступать, конным и пешим; и те воры билися насмерть, стреляли из ружья до тех мест (до тех пор. — *Р.С.*), что у них зелья (пороха. — *Р.С.*) не стало». Большинство казаков были перебиты в бою, а взятых в плен повесили на другой день.

Через неделю после битвы царь Василий оповестил страну, что его воеводы наголову разбили «воров», а «живых языков (пленных. — *Р.С.*) больше пяти тысяч взяли». Высшее военное ведомство назвало совсем другую цифру. На реке Восме, значится в Разрядах, «языков взяли на том бою 1700 человек, а князь Андрей Телятевский да Ивашка Болотников ушли с невеликими людьми к вору Петрушке».

В битве на Восме погиб цвет повстанческой армии — отряды донских, волжских и терских казаков, казачьи сотни из Путивля и Рильска.

Царь Василий приказал Андрею Голицыну двигаться к Туле и послал туда же боярина М.В. Скопина-Шуйского с тремя полками. Болотников пытался задержать царские полки на реке Вороньей под Тулой, но понес поражение и вынужден был укрыться в крепости.

12 июня 1607 г. Скопин подступил к Туле. Заняв Алексин, царь Василий 30 июня присоединился к армии Скопина.

С давних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Помимо мощного каменного кремля город имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость

Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город располагался в низменных местах и при определенных условиях мог быть затоплен. Царские воеводы решили использовать это обстоятельство, чтобы уберечь полки от больших потерь, неизбежных при штурме.

Мысль о затоплении Тулы Шуйскому подсказал муромский помещик Иван Кровков. Работами по сооружению плотины руководили дьяки Разрядного приказа.

Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом — болотистом, пологом берегу реки надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после строительства дамбы Разрядный приказ распорядился перекрыть реку и ждать осеннего паводка.

В лагере под Тулой было собрано огромное количество работников, главным образом крестьян, которых называли «посошные люди». Это обстоятельство и явилось причиной того, что современники имели невероятно преувеличенные представления о численности рати Василия Шуйского. По данным Конрада Буссова, царь двинулся к Туле, «призвав всю землю — до 100 000 человек». Пазерте считал, что у царя было «по крайней мере 150 000 человек».

Приведенные цифры лишены достоверности. В 1607 г. добрая треть государства перешла в руки восставших и не подчинялась правительству. Войска Шуйского понесли большие потери. Царская рать под Тулой едва ли превышала 30—40 тысяч человек.

В составе тульского гарнизона было, по приблизительным подсчетам, до 20 тысяч человек «с огненным боем» (ружьями. — Р.С.). Повстанцы обороняли город с невероятной энергией и решительностью: «с Тулы вылазки были на все стороны на всякой день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с огненным боем и многих московских людей ранили и побивали». Болотников оборонял Тулу, как Корела Кромы. Но в отличие от Кром Тула была одной из лучших каменных крепостей России.

Лжедмитрий II

Потерпев поражение под Москвой, вожди мятежа все настойчивее искали помощи в пределах Речи Посполитой. Некогда Отрепьев в критический для него момент решил передать Пугивль под власть короля, чтобы стать под защиту его армии. Подобные же проекты возникли у повстанцев в 1607 г.

Болотников писал письма в Самбор, предупреждая своих покровителей, что он находится в бедственном положении и вынужден будет передать польскому королю все отвоеванные именем Дмитрия города, «с тем чтобы их величество вызволил их». Предводители мятежа уповали на иностранную помощь, не имея понятия о положении в Польше.

Наиболее решительные приверженцы Лжедмитрия I — капитаны Борша, Иваницкий, Липницкий, секретарь Склянский — погибли в дни переворота в Москве. Другие ветераны московского похода — капитаны Домарацкий, Запорский, Ратомский, братья Стадницкие, а также Мнишеки, Вишневецкий, секретари Бучинские были задержаны в России.

В Польше оставалось немало других приспешников Отрепьева. Но владелица Самбора умерла, так и не собрав для самозванца армию. Московские власти нашли средства, чтобы оказать давление на Самбор и добиться прекращения интриги.

Незадолго до водворения в Москве Отрепьев получил подкрепления из Белоруссии. Ротмистр Ратомский привел к нему 500 белорусских шляхтичей на конях. Их поход на Москву превратился в прогулку. В Москве православные шляхтичи получили щедрое вознаграждение и были отпущены домой.

Известие о гибели «Дмитрия» в Москве и мятеже Болотникова не оставило ветеранов равнодушными. Они готовы были ввязаться в новую авантюру.

Будучи в лагере Болотникова, Конрад Буссов узнал многое такое, о чем другие современники и не догадывались. Ему стало известно, что Болотников многократно пытался вызвать «государя» из-за рубежа, но затем убедился в бесполезности этих попыток и предложил сторонникам «Дмитрия» в Польше подготовить нового самозванца. Его обращение не было услышано в

Самборе. Но белорусские ветераны готовы были откликнуться на призыв.

Для Шаховского и его сообщников не было тайной то, что самборский «царь Дмитрий» нашел прибежище у Мнишеков. Но после пленения Мнишеков царем Василием в Москве продолжать интригу было рискованно.

В конце 1606 г. «царевич Петр» взялся разыскать «дядю» Дмитрия, а заодно на вербовать войско для Болотникова. Примечательно, что он отправился не на Украину во владения Мнишеков, а в Белоруссию.

Визит «царственной особы» не мог быть осуществлен без ведома местных литовских властей, разрешивших ему свободно передвигаться по территории Речи Посполитой и вести переговоры с подданными короля.

В литовских документах начала 1607 г. можно обнаружить самый ранний след затевавшегося заговора. Оршанский староста Андрей Салега, лиц официальное, сообщил королю, что он недавно беседовал с прибывшим из России царевичем Петром, внуком Грозного. Царевич прибыл в Литву 6 декабря 1606 г. и прожил две недели, до 20 декабря, в Копыси в Максимовичской волости, неподалеку от Витебска.

В Белоруссии назревали важные события. Там появился «царь Дмитрий».

В начале 1607 г. в Кракове были получены из Витебска «Новины» с подробностями: 23 января 1607 г. (по старому стилю 13 января) поступили «заслуживающие доверия новости о Дмитрие, московском царе, посланные из Литвы. Ожил и восстал из мертвых Дмитрий Ивакович, московский царь». По словам автора «Новин», царь Дмитрий «приехал в Витебск, откуда, открыто показав себя всем, написал письмо рыльским мешанам...».

Итак, новый самозванный Дмитрий был представлен населению Витебска и тут же написал грамоту в Рыльск.

«Новины» заключали в себе рассказного самозванца. «Царьку» надо было объяснить, откуда он взялся, и он сочинил историю о том, что бежал из Рыльска после того, как в этот город прибыли послы Василия Шуйского, обещавшие 20 тысяч рублей

за его голову. Самозванец перседелся в монашеское платье, сел в небольшую повозку и за ночь добрался до Витебска.

Автор документа дополнительно сообщил, что «пятого дня», то есть за пять дней до составления «Новин», 8 января 1607 г., «царь Дмитрий» послал своих людей в Рыльск с письмами к Василию Шуйскому. Фактически это был первый манифест Лжедмитрия II. Видимо, «вор» объявил свое царское имя в Витебске или 8 января, или незадолго до этого дня.

Сопоставив даты и обстоятельства дела, можно обнаружить многозначительные совпадения.

6 декабря 1606 г. «царевич Петр» прибыл в окрестности Витебска. Если бы самозванец объявился в этом городе ранее 20 декабря 1606 г., ничто не мешало бы «царевичу» увести его с собой в Россию. Именно таким был сценарий, разработанный заговорщиками. Но что-то помешало им осуществить свои планы.

Следует указать на второе важное совпадение. В Копыси, под Витебском, «Петр» имел дело со шляхтичами Зеновичем и Сенкевичем. Они сопровождали «царевича» в поездке по Белоруссии, целью которой были розыски «царя Дмитрия». Прошло несколько месяцев, и тот же самый пан Зенович проводил Лжедмитрия II за московский рубеж. Планы заговорщиков начали осуществляться.

Первоначально покровители витебского «вора» предполагали, что передадут его с рук на руки «царевичу Петру», который доставит его в Россию, предположительно в Рыльск, и представит народу как своего дядю «царя Дмитрия». При таких обстоятельствах церемония воцарения свелась бы к передаче власти от «царевича» законному «царю». Что помешало заговорщикам?

Во второй половине декабря 1606 г. в Литве узнали о сокрушительном поражении армии Болотникова под Москвой. «Царевич Петр» не мог более задерживаться в Литве ни на один день. Ему надо было спешно возвращаться в Путивль.

Что касается витебского «вора», он был представлен жителям Витебска, после чего исчез. С некоторой наивностью белорусский летописец записал, что когда «были почали познавати онаго Дмитра», тот сбежал, «аж до Пропойска увышол». Самозванец вовсе не желал разделить судьбу убитого Расстриги. Узнав

о катастрофе под Москвой, он постарался скрыться от своих литовских покровителей.

Ждали, что после разгрома Болотникова мятеж будет подавлен окончательно. Литовские власти, участвовавшие в заговоре, должны были взглянуть на интригу трезвыми глазами. У них не было оснований продолжать хлопоты и тратить деньги на безнадежное дело.

Прошло несколько месяцев, прежде чем литовские власти вспомнили о самозванце и вновь взялись за осуществление плана возведения его на московский трон.

Возобновление интриги было очевидным образом связано с событиями в России. К весне 1607 г. повстанцам удалось удержать в своих руках помимо Калуги также Тулу, главную крепость на ближних подступах к Москве. Мятежники вновь подняли голову.

Литовские власти всерьез взялись за поиски беглого самозванца. Его обнаружили в окрестностях Пропойска. Опасаясь повторного побега «вора», староста чечерский пан Зенович и урядник чечерский Рагоза — официальные лица из местной литовской администрации — бросили «претендента» в тюрьму. Там ему предложили поразмыслить, желает ли он сгнить в литовской тюрьме или взойти на московский престол.

Самозванец предпочел царствовать. Тем не менее его продержали под арестом неделю.

«Петрушка» с казаками и воровскими «боярами» спешно ушли в Тулу. В Путивле не осталось никого из вожаков восстания, посвященных в планы заговора и обладавших достаточной властью, чтобы передать царство Лжедмитрию II. В таких условиях литовским заговорщикам пришлось прибегнуть к новым ухищрениям.

Решено было переправить самозванца в Россию не под именем царя, а под именем Андрея Андреевича Нагова, родственника царевича Дмитрия Угличского.

«Вор» перешел русскую границу 23 мая. Если он смог объявить свое царское имя только спустя шесть недель, а до того блуждал по Северной Украине, то это значит, что литовские

власти на какое-то время утратили контакт с инициаторами интриги из числа русских мятежников, что едва не погубило дела.

Происки литовских должностных лиц вызвали недовольство в Кракове. Рокось в Польше поставил короля в трудное положение, и он не желал осложнений на восточной границе. 8 (18) июня 1607 г. Сигизмунд III направил властям Витебска указ решительно пресекать действия населения — «обыватслей», которые без разрешения короля «смеют и ваятятся громалы немалые людей своевольных збираючи, за границу до земли Московской вторгиваться».

Сопоставим дату указа с датой пересечения границы Лжедмитрием II. Пока доносения королевских агентов были доставлены в Краков, пока они были доложены королю и королевская канцелярия составила универсал, прошло никак не менее недели, а это значит, что военные приготовления в Витебске по времени совпали с отправкой в Россию самозванца.

Литовские должностные лица рассчитывали на то, что болотниковцы провозгласят самозванца своим царем, едва он перейдет границу. После этого «царь» должен был немедленно вызвать на помощь литовские войска, набранные в Витебске и других пограничных литовских крепостях.

Болотников и его окружение были поглощены войной, все более неудачной для них. О самозванце они вспомнили лишь после 30 июня, будучи осаждены в Туле. Из этого города, повествует Буссов, Болотников послал в Польшу атамана Ивана Заруцкого, который нашел Лжедмитрия II в Стародубе. Атаман не мог добраться до Стародуба ранее 9—10 июля. Отсюда следует, что он принял участие в интриге лишь в самые последние дни перед воцарением «вора» и в предыдущей подготовке его не участвовал.

Такова история появления Лжедмитрия II, составленная на основании самых ранних и достоверных документов.

Спустя годы за составление биографии стародубского «вора» взялись иностранные мемуаристы и белорусские летописцы. Наибольшую осведомленность проявили современники, наблюдавшие за первыми шагами самозванца в Белоруссии или служившие при нем в Тушине. Конрад Буссовлично знал Лже-

дмитрий II, и ему удалось установить некоторые факты его ранней биографии. Самозванец, по словам Буссова, был «службой по па» и школьным учителем в Шклове в Белоруссии. Из Шклова учитель перебрался в Могилев.

Удачное расследование о самозванце провел священник из села Баркулабова под Могилевом, составитель подробной летописи. Белорусский летописец хорошо знал среду, из которой вышел «вор», и его рассказ согласуется с версией Буссова в двух основных пунктах: самозванец был учителем из Шклова, а после переезда в Могилев он прислуживал местному священнику.

Совпадение двух источников различного происхождения очень важно само по себе. Буссов имел возможность беседовать с белорусскими шляхтичами, сопровождавшими Лжедмитрия II с первых дней. Белорусский летописец либо сам наблюдал жизнь «вора» в Могилеве, либо описал его историю со слов очевидца. Он уточнил места, где учительствовал будущий «Дмитрий», назвал по имени священника, которому тот прислуживал, описал его внешний вид. «Бо тот Дмитр Нагий, — записал он, — напервен у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришел, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети учил».

Учительский труд плохо кормил, и бродячий учитель нашел дополнительный заработок в доме у попа Терешка, «который проскуры заведал при Церкви Святого Николы» в Могилеве. Учитель «прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаючи, послужуючи; а (и)мел на себе оденье плохое, кожух плохий, шлык бариный, в лете в том ходил». Как видно, новый самозванец был в полном смысле слова выходцем из народа. Потертый кожух и баранья шапка, которую он носил и зимой и летом, указывали на его принадлежность к немущим низам.

По словам польских иезуитов, бродячий учитель, прислуживавший в доме священника в Могилеве, дошел до крайней нужды. За неблагонравное поведение священник высек его и выгнал из дома. Бродяга оказался на улице без куска хлеба. В этот момент его и заметили ветераны московского похода Лжедмитрия I. Один из них, пан Меховецкий, обратил внимание на то, что голодранец «телосложением похож на покойного

царя». Угодливость и трусость боролись в душе учителя. Независимая на нужду, он не сразу поддался на уговоры Меховецкого и его друзей.

После поражения Болотникова учитель бежал, но был обнаружен и арестован. Затем, повествует белорусский летописец, «пан Рогоза, врядник Чечерский, за ведомостью пана своего его милости Зеновича, старосту Чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову гору, то есть за границу московскую, пустил, со слугами своими его пропроводил».

Итак, в декабре 1606 г. пан Зенович после переговоров отпустил на русскую границу «царевича Петра», искавшего «Дмитрия», а в мае 1607 г. он же переправил через русскую границу Лжедмитрия II. При самозванце не было ни иноземных советников, ни иноземного наемного войска.

Хотя учитель был объявлен царем в Витебске, на Русь он явился под именем Андрея Нагова, сына боярина. По этой причине белорусский летописец называл самозванца то Дмитрием Ивановичем, то Дмитрием Нагим.

Беглых русских дворян в Речи Посполитой было достаточно. Но новый «вор» был подобран на улице, в канаве. Дворянам он не внушал доверия.

Русские люди, визнавшие «царя», стояли на социальной лестнице столь же невысоко, как и «вор». Самым заметным из «свидетелей» был некий Олешка — сомнительная личность: «сказался московской подьячей Олешка Рукин, а иные сказывают детина». Рукин выдавал себя за подьячего, но современники подзревали, что он был детинной, то есть слугой.

Эмиссаром «литвы» при особе Лжедмитрия II был торговый человек Грицко, которого называли также Григорием Кашинцем. Литовские власти снабдили его некоторой суммой денег, без которых дело было обречено на полный провал. Грицко справился со своей задачей, за что позже получил от «вора» думный чин казначея.

При таких помошниках, бездворян и думы, без царской печати, а главное, без армии самозванец имел очень мало шансов на признание в России.

Перейдя границу, школовский учитель и его сотоварищи без особой пользы скитались по городам, занятым мятежниками, сся молву о скором пришествии «царя Дмитрия». В День святого Якова учителя видели на дороге между Путивлем и Новгородом-Северским.

12 июня самозванец водворился в Стародубе на Брянщине. В отличие от северских городов Стародуб был населен русскими, и Лжедмитрий I в нем не бывал. Стародубцам «вор» представился как дворянин Андрей Андреев Натой и при этом объявил, что царь Дмитрий прислал их (с подьячим Рукиным) «наперед себя для того, так ли ему все ради; а он (царь. — Р.С.) жив, в скрете от изменников».

Стародуб был небольшой крепостью, но город находился на кратчайшем расстоянии от Чечерска, откуда можно было ждать польской подмоги.

Что делать дальше, Лжедмитрий II не знал. Учитель из Могилева был на своем месте в церковной школе. Он умел делать всякого рода черную работу по дому, терпеливо сносил побои и розги. Приниженному и бедному человеку предстояло сыграть роль великого государя и вождя восстания, что требовало подготовки.

Школовский бродяга не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом, чтобы самостоятельно довести дело до успешного конца. Рукин и другие его помощники также были людьми малоавторитетными и незначительными.

Учитель провел в Стародубе месяц, пока в первой декаде июля в город не прибыл посланец Болотникова атаман Заруцкий.

Сын тернопольского мещанина, Иван Заруцкий был польским подданным. В его судьбе было нечто общее с судьбой Болотникова. В юности он попал в плен к крымским татарам, бежал из неволи и стал казачьим предводителем. Отличаясь решительностью, атаман в считанные дни подготовил церемонию представления Лжедмитрия II народу.

Помимо Заруцкого, большую помощь самозванцу оказал предводитель месских повстанцев — стародубский сын боярский Гаврила Веревкин.

Современники указывали на Веревкина как на главного инициатора переворота в пользу Лжедмитрия II. Описав смуту, происшедшую в Стародубе, летописец заметил: «Начальному (начальник) же воровству стародубец Гаврила Веревкин».

Роль Веревкина в интриге была столь велика, что немедленно появилось подозрение, что новый самозванец доводится ему прямым родственником: «назвался иной вор царевичем Дмитрием, а сказывают сынчишко боярской Веревкиных из Северы». Мнение о том, что Лжедмитрий II происходил из северских детей боярских, разделяли даже некоторые лица из его польского окружения. В России версия о стародубском происхождении нового «вора» попала на страницы сказания Авраамия Палицына, одного из самых известных писателей Смутного времени. Мятежники, писал Палицын, «прежним обычаем нарекли ложного царя Дмитрия, от северских градов попова сына Матюшку Веревкина».

Ближайшие сподвижники Лжедмитрия II имели весьма приблизительное представление о царском обиходе и дворцовых порядках. Неудивительно, что попытки подготавливать бродягу к новой для него роли не дали больших результатов. «Вор» до конца жизни сохранял манеры попovichа, что давало почву для неблагоприятных толков. Один из его сторонников, князь Дмитрий Мосальский, попав в плен к Шуйскому, под пыткой показал: «Который, де, вор называется царем Дмитрием и тот, де, вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистыя из-законоушен попов сын Митка». Одни называли стародубского «вора» поповым сыном Матюшкой, другие — поповым сыном Митькой. Как учитель церковной школы, Лжедмитрий II действительно принадлежал к духовному сословию, но чьим он был сыном, никто не знал.

На стародубском «воре» было клеймо выходца из низших сословий. Другое затруднение заключалось в том, что он несколько не походил на Отрепьева. Шкловский бродяга был таким же низкорослым, как убитый самозванец. Но этим и исчерпывалось все сходство. У самборского «вора» на лице были бородавки, у могилевского не было даже этой приметы.

О церемонии провозглашения Лжедмитрия II царем ходило много легенд. Претендент разослал в украинские города своих эмиссаров с благой вестью о появлении «царя Дмитрия». Когда один из них явился в Путивль, его арестовали и пригрозили казнью, если он не скажет, где именно находится государь. Подьячий сообщил, что царь — в Стародубе, и тогда власти Путивля решили направить туда нескольких дворян и детей боярских.

В Стародубе выяснилось, что народ в глаза не видел «царя Дмитрия». Тогда решено было допросить провозвестников («царя» с пристрастием.

В страхе за свою жизнь или же в соответствии с уговором Аleshка Рукни, когда его поволокли на пытку, указал на Лженагова и завопил, что это и есть государь. Толковали, будто Рукни отведаль хнута, прежде чем заговорил. По другой версии, палач приготовился поднять на дыбу самого «Нагова», но тот схватился за палку и обрушился на стародубцев с бранью, которая убедила присутствующих, что перед ними истинный царь. Народ повалился в ноги государю, по всему городу ударили в колокола.

Представление о случайном совпадении обстоятельств, конечно же, легендарно. Все было грубо подстроено от начала и до конца. Единственный достоверный момент в истории самозванца — площадная брань по адресу стародубцев. Лжедмитрий II сыпал самой грязной бранью «подданных» всякий раз, когда ситуация приобретала критический характер. Этот факт засвидетельствован многими очевидцами.

Главным лицом инсценировки был, разумеется, атаман Иван Заруцкий. Он первым заявил о признании «Дмитрия» царем, «возложил ему царские почести» и передал письма, очевидно, от руководителей мятежа.

Украинский атаман Заруцкий хорошо знал шляхтича Меховецкого по службе в армии Лжедмитрия I. Доказательством их сговора служит то, что пан Меховецкий с отрядом солдат прибыл в Стародуб в самый день «воцарения» Лжедмитрия II. Появление внушительной военной силы заставило замолчать всех сомневавшихся.

Один из вождей наемного войска утверждал в частном письме, будто Меховецкий «вступил в Стародуб с 5000 поляков, из коих немногие были порядочно вооружены». В войске была хорошо вооруженная шляхетская конница и вооруженная чем попало пехота. По сведениям белорусского летописца, в Стародуб к «Дмитрию» прибыло «конного люду семьсот».

Лжедмитрий II и Заруцкий решили поставить во главе всего войска пана Меховецкого.

Окружение нового «царя» старалось привить ему манеры, приличествующие августейшей особе. Кто-то подал учителю мысль устроить рыцарский турнир, чтобы продемонстрировать свою воинскую доблесть, которой так гордился Лжедмитрий I. Честь сразиться с «Дмитрием» выпала на долю Заруцкого. Все ждали, что атаман для вида скрестит оружие с государем, а затем признает свое поражение к общему удовольствию. Но казак нарушил этикет. То ли ему не понравилась внешность учителя, то ли опытный боец не соразмерил силу удара, но самозванец, никогда не державший в руках оружия, был мгновенно выбит из седла. Оправдываясь, бродяга заявил, что испытывал верность своих людей.

После «восшествия» на трон шкловский учитель старался как можно реже появляться на людях и общался с «подданными» посредством писем, которые составляли для него помощники. В страхе за свою жизнь Лжедмитрий II ночевал или у Меховецкого, или у другого поляка, а на постели во «дворце» спал слуга.

Большинство современников считали Лжедмитрия II москалем либо выходцем из пределов Московии. Несмотря на все старания, шкловскому учителю так и не удалось избавиться от своего подлинного имени Богдан. Это обстоятельство объясняет происхождение слухов о том, что самозванец Богдашка и дьяк Богдан Сутупов — одно лицо. Источником ошибки было совпадение имен.

Конрад Буссов писал, что «царек» был по рождению москвит, но давно жил в Белоруссии и потому умел чисто говорить, читать и писать по-русски и по-польски. Иезуиты произвели собственное дознание о происхождении самозванца и пришли к неожиданным выводам. Они утверждали, что имя сына Грозного

принял некто Богданка, крешеный еврей, служивший писцом при Лжедмитрии I. Иезуиты весьма точно описали жизнь самозванца в Могилеве и его заключение в тюрьму.

В июле 1612 г. новгородский митрополит Исидор заявил, что Лжедмитрий II был евреем. Вскоре версию о еврейском происхождении «тушинского вора» подтвердил Михаил Романов. Отец Михаила Филарет долгое время служил самозванцу в Тушинском лагере и очень хорошо его знал, так что Романовы говорили не с чужого голоса.

Полагают, что «вора» называли евреем, чтобы скомпрометировать его. Но к 1612—1613 гг. Лжедмитрий II давно был мертв, и особой наглости в его дискредитации не было.

Широко известен портрет Лжедмитрия II, на котором «царек» изображен в восточной чалме. Этот портрет можно встретить в любом учебнике. Может ли гравюра помочь решить вопрос о происхождении самозванца? Портрет XVII в. изображает восточного владетельного князя, никакого отношения к русской истории не имеющего.

По данным русских и польских источников, после бегства Лжедмитрия II из Тушина и после его гибели в Калуге при досмотре имущества «царька» в его вещах якобы находили Талмуд и еврейские письма.

Царя в России называли светочем православия. Смуга все перевернула вверх дном. Лжедмитрий I оказался тайным католиком, «тушинский вор» — тайным иудеем. Полагают, будто стародубекный «вор» принадлежал к секте жидовствующих. Но это не более чем предположение.

Литовские власти предприняли собственное дознание, чтобы выяснить, кто скрывается под именем вновь воскресшего Дмитрия. По приказу короля канцлер Лев Салегга отправил в Стародуб еврея Якуба. Участник московского похода Лжедмитрия I, Якуб должен был удостовериться в самозванстве нового «царя» и обличить его. Но он не выполнил полученных инструкций. Увидевшись со шкловским учителем, Посланец признал его истинным Дмитрием и оставил в Польшу «царское письмо» к Сигизмунду III.

Отрепьев происходил из детей боярских, и его политика носила четко выраженный продворянский характер, что сказывалось прямо или косвенно на оценке писателей Смугного времени. Лжедмитрий II происходил из низов, и поэтому его посягательства на власть вызвали крайнее негодование дворянских писателей. Оценка современников оказала определенное влияние на историографическую традицию. Лжедмитрий I, писал С.Ф. Платонов, «имел вид серьезного и искреннего претендента на престол. Он умел воодушевить своим делом воинские массы, умел подчинить их своим воинским приказаниям и обуздать дисциплиной», «он был действительным руководителем поднятого им движения»; совсем иным был Лжедмитрий II, которому «присвоили меткое прозвище Вора»: он «вышел на свое дело из пропойской тюрьмы и объявил себя царем на стародубской площади под страхом побоев и пытки»; «не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а, напротив, они его влекли за собой в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов»; «свое название Вора он и снискал именно потому, что все части его войска одинаково отличались, по московской оценке, “воровскими свойствами”».

Лжедмитрий II едва ли имел какие бы то ни было политические взгляды или политическую программу. Но он стал знаменем повстанческого движения в то самое время, когда мятеж Болотникова потерпел поражение и дворяне толпами покидали повстанческий лагерь. Гражданская война обострила социальные противоречия. Выходец из низов, самозванец оказался весьма типичной для своего времени фигурой.

Примерно в течение года-двух в разных концах страны появился десяток других самозванцев. В Астраханском крае продолжали действовать «царевичи» Иван-Август и Лавер (Лаврентий), на казачьих окраинах и в степных уездах объявились «царевичи» Осиновик, Петр, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Ерошка, Гаврилка, Мартинка. Уничжительные имена (Ерошка, Гаврилка и др.) указывали на то, что казацкие предводители, действовавшие на Юге, и не думали скрывать своего холопского и мужицкого происхождения.

Социальный облик многочисленных «детей» и «внуков» царя Ивана IV, появившихся на южных окраинах, всего точнее охарактеризовал автор «Нового летописца». Придворный летописец первых Романовых в сердцах писал: «Како же у тех окаянных злодеев уста отвершашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем (царским родом. — *Р.С.*) — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной».

МОСКОВСКИЙ ПОХОД

Весть об исходе из-за рубежа «Дмитрия» произвела на народ сильное впечатление. Но чуда не произошло. «Царьку», а вернее, Заруцкому и Меховецкому понадобилось не менее двух-трех месяцев, чтобы сформировать новую повстанческую армию.

Наталкиваясь на трудности с набором войск внутри страны, повстанцы продолжали хлопотать о найме солдат за рубежом. Приглашая наемных солдат из Речи Посполитой, Лжедмитрий II обещал платить им вдвое и втрое больше, чем они получали на родине. Рассылкой грамот ведал пан Меховецкий.

На первых порах призывы Лжедмитрия II находили наибольший отклик среди низов. Под знаменами «Дмитрия» собрался «люди гуляшый, люди своевольный... то и молодцы: якийсь наймит з Мстиславля до него пришел».

Самозванцу удалось завербовать в свое войско не более тысячи наемных солдат. Ситуация стала меняться после того, как Сигизмунд III в июле 1607 г. нанес решительное поражение мятежным магнатам и шляхте. В стране появилось много солдат, готовых продать свое оружие всем, кто может заплатить.

Собрав войско, самозванец выступил на помощь Болотникову и «Петру», осажденным в Туле.

Осада Тулы привела к тому, что повстанческое движение лишилось руководящего центра. В то же время город сковали основные силы армии Шуйского. Это позволило Лжедмитрию II начать поход на Москву:

10 сентября 1607 г. «вор» покинул Стародуб и через пять дней прибыл в Почеп. Местное население пршшло «царя» с радостью. 20 сентября войско выступило к Брянску, но на первом же привале в лагерь Лжедмитрия II явился из Брянска гонец, сообщивший, что царский воевода Михаил Кашин неожиданно напал на брянскую крепость, сжег ее и ушел прочь.

При «стародубском воре», видимо, не было никого из знатных дворян. Во всяком случае, в дни похода под Брянск «вор» юсрал в погоню за Кашиным «с московским людом боярина своего Хрындина». «Боярин» Другой Тимофеевич Рындин был дьяком Лжедмитрия I.

Кроме Рындина, в думе самозванца сидели украинский казак Иван Зарудский и сын боярский Гаврипа Веревкин.

Поход Лжедмитрия II напомнил ветеранам о временах их наступления на Москву под знаменами Отрепьева весной 1605 г. На всем пути население встречало «Дмитрия» с воодушевлением. «Из Брянска, — отметили современники, — вслуди вышли вору навстречу», приветствуя его как истинного государя.

Лжедмитрий II столкнулся с теми же затруднениями, что и Отрепьев в начале московского похода. У него не было денег в казне, чтобы расплатиться с наемниками. 26 сентября, записав в дневнике один из наемных командиров, «наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение, ушло прочь». Мятеж пронзошел, видимо, к ночи. Под утро Лжедмитрий II явился к войску, успевшему уйти на три мили от лагеря. После долгих уговоров ему удалось «умилостивить» наемников.

11 октября 1607 г. Лжедмитрий II торжественно вступил в Козельск, 16 октября прибыл в Белев, намереваясь пробиться к осажденной Туле. Но наступление на Тулу началось слишком поздно.

Первый русский историк В. Н. Татищев весьма точно характеризовал положение осадной армии под Тулой: «Царь Василей, стоя при Туле и видя великую нужду, что уже время осеннее было, не знал, что делать: оставить его (осажденный город. — *Р.С.*) был великий страх, стоять долго боялся, чтобы войско не при-

вестн в досаду и смятение; силою брать — большей был страх: людей терять».

Каким бы трудным ни было для войска осеннее время, главная угроза заключалась в другом. На строительство плотины в район Тулы были собраны в огромном числе мужики. Дворянское ядро армии тонуло в массе посошных крестьян, служивых людей «по прибору» — стрельцов, казаков, пушкарей, а также боевых холопов и обозной прислуги.

Лагерь Шуйского напоминал пороховой погреб. Чем ближе подходил к Туле Лжедмитрий II, тем реальнее становилась угроза взрыва.

Повстанцы использовали все возможные средства, чтобы воздействовать на царское войско. Они отправили под Тулу не только лазутчиков, но и «прямых» посланцев. Один из них, некий стародубский помещик, лично вручил Шуйскому грамоту от восставших северских городов, за что был подвергнут пытке и заживо сожжен. На костре гонец кричал, что прислан истинным государем.

Появление «Дмитрия» вновь грозило опрокинуть все расчеты власть имущих. В дворянской среде не прекращалось брожение. В разгар осады из царского лагеря бежал князь Петр Урусов, женатый на вдове князя Андрея Шуйского. Его измена показала, что даже при дворе царица неуверенность.

Неудачная осада Тулы разрушила веру в прочность династии. Когда защитники Тулы предложили Шуйскому начать переговоры о прекращении военных действий, он ухватился за эту возможность.

Год выдался урожайный, и осадный лагерь не испытывал затруднений с хлебом. Напротив, осажденные в Туле болотниковцы исчерпали припасы.

«Царевич Петр» не позаботился о снабжении крепости крупными запасами продовольствия. Конрад Буссов ярко описал трагедию гарнизона и населения города: «В городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падали на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры... Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полтораста, и многие умирали от голода и изнеможения». Даже в годы вели-

кого голода цена на рожь превышала обычные цены примерно в 25 раз. В Туле цены подскочили более чем в 200 раз.

Наводнение усугубило бедствие. По словам современников, после постройки плотины «помалу накопился вода... и яже во граде их бысть пища, все потопи и размы. А людие ж града того ужасни быша о семь... и бысть на них глад велик зело, даже и до того дойде, якоже уже всяко скверно и нечисто яляху: кошки и мыши и иная, подобная сим». По словам другого автора, измученные голодом туляки «стали есть вонючую падаль и лошадей, источенных червями».

Автор Карамзинского «Хронографа» описал наводнение в Туле со слов очевидцев: «Реку Упу загатили, и вода сгала бoльшая, и в острог и в город вошла, и многие места водворех потопила, и людем от воды учала быть нужда большая, и хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало». Запасы соли были уничтожены наводнением сразу, подмоченное зерно в больших амбарах трудно было спасти.

Наводнение сделало Тулу почти неприступной для штурма. Город оказался в центре обширного озера. В то же время затопление острога и города разобщило защитников крепости. Гарнизон развалился: из Тулы в полки к Шуйскому «учелн выходить всякиелюди человек по сту, и подвести, и потриста надень...». Руководители обороны столкнулись с прямым неповиновением казаков и всех жителей Тулы. Доведенный до крайности, народ замыслил схватить Болотникова и Шаховского. Оди надеялись искупить свою вину, выдав зачинщиков Смуты царю, у других были иные цели.

Григорий Шаховской немог оправдаться перед народом, ибо ему пришлось бы сознаться в грубом обмане. Зато Болотников в критических обстоятельствах принужден был сказать правду. «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, — признался он, — позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он — Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал... Истинный он или нет, я не могу

сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

Даже самые стойкие приверженцы «Дмитрия» не могли скрыть своего разочарования. Ни вожди, ни народ никак не могли понять, почему «Дмитрий» не внял их призывам, когда осажденная Москва была готова открыть перед ними ворота. Повстанцы знали, что «Дмитрий» уже с июня находится в пределах России. Но он почему-то не спешил помочь своему гибнущему войску в Туле.

Князь Григорий Шаховской был тем лицом, через которое повстанцы поддерживали сношения с мнимым Дмитрием с первых дней восстания. Поэтому недовольные потребовали его ареста, чтобы тем самым оказать давление на «Дмитрия». Шаховской попал в тульскую тюрьму, при этом было объявлено, что его не выпустят оттуда до тех пор, пока не придет «Дмитрий» и не вызовет их от осады.

Когда положение в Туле стало невыносимым, а защитники города едва держались на ногах, когда «наводнения и голодужасающе усилились», «царевич Петр» и Болотников вступили в переговоры с Шуйским о сдаче крепости на условии сохранения мятежникам жизни, угрожая, что в противном случае осажденные будут драться, пока будет жив хоть один человек.

Царь Василий находился в затруднительном положении, и ему пришлось принять условия Болотникова. Самодержец поклялся на кресте, что будет соблюдать договор и помилует всех защитников Тулы.

У Болотникова был свой план. Он тщательно готовил вылазку, надеясь на то, что вода спадет и они смогут пробиться через вражеское войско навстречу «Дмитрию». Слуга Мнишека в одной из ноябрьских записей упомянул о том, что при сдаче Тулы «Болотников хотел выкинуть какую-то штуку, но она у него не вышла. Люди ушли из Тулы по заключенному им договору, а сам он остался в окопах». Русские источники подтверждают эту версию и объясняют причины того, что царь Василий нарушил клятву и сразу после сдачи Тулы велел взять под стражу Болотникова и «Петра».

В самые последние дни, когда Тулу стали покидать сотни людей, части гарнизона окончательно вышли из повиновения. За два-три дня до капитуляции тульские «осадные люди» прислали к царю «бити челом и винусвою пршнести», чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Петрушку, Ивашка Болотникова и их воров изменников отдадут».

Разобщенный наводнением и доведенный до крайности гарнизон Тулы сложил оружие. Вступивший в крепость Крюк-Кольчев не встретил сопротивления.

Шуйский сохранил жизнь всем сдавшимся повстанцам. Амнистия была продиктована трезвым политическим расчетом. Гражданская война всгупила в решающую фазу, и царь старался перетянуть на свою сторону всех колеблющихся.

Возвращение царя Василия в столицу было триумфальным. Он ехал один в красной колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми цугом. Недалеко от дворца он сошел с колесницы и присоединился к боярам, встречавшим его у Кремлевского моста. Далее все двинулись пешком. Шуйский не упускал случая подчеркнуть, что он в отличие от прежних самодержцев правит царством вместе с Боярской думой.

Поход на Тулу был временем наивысших успехов царя Василия Шуйского. Он одержал выдающуюся победу. Мятежное войско Болотникова было разгромлено под Москвой и пленено в Туле. Казалось, что испытания гражданской войны позади и долгожданный мир близок. Но надежды не оправдались.

Разрядный приказ поставил цель не пропустить войско «стародубского вора» в Подмосковье. Власти направили на Пчельню боярина Михаила Скопина с войском. Он должен был преградить самозванцу путь через Калугу на Москву. Отряд князя Мезецкого изгнал мятежников из Крапивны на подступах к Туле.

Известие о падении Тулы вызвало панику в войске Лжедмитрия II. Пробыв в Болхове сутки, самозванец 17 октября спешно отступил поближе к границе — в Карачев. Тут его покинуло запорожское войско. Вслед за тем взбунтовались наемные солдаты — «литовские люди», желавшие уйти из России с добычей.

Не имея возможности задержать наемное войско, самозванец тайно покинул лагерь с 30 верными людьми. В свите «вора»

был только один поляк. Даже «гетман» Меховецкий не знал, куда исчез «царек».

Некоторое время самозванец скрывался в Комарницкой волости. Тут его застал паны Ружинский и Тышкевич с воинскими силами. Примерно в те же дни на помощь Лжедмитрию I явился самозванный «царевич» Федор Федорович. Он привел трехтысячный отряд вольных казаков с Дона. В «воровской» лагерь прибыл также атаман Юрий Беззубцев с казаками, сдавшимися в плен при падении Тулы. Царь Василий привел атамана к присяге и поручил занять Калугу. Но казаки изменили присяге.

Численность повстанческой армии увеличилась до 10 000 человек, и русские вновь стали играть в ней значительную роль.

В январе 1608 г. Лжедмитрий II зимовал в Орле. Угроза Москве возросла, что немедленно сказалось на судьбе бывших тульских сидельцев. В феврале 1608 г. царь Василий приказал отправить Болотникова в ссылку в Каргополь.

С казацким «царевичем» власти расправились до высылки Болотникова из Москвы. Царь «Петрушку вора велел казнить по совету всей земли».

Ссылный поляк Станислав Немоевский записал в дневнике 30 января 1608 г.: «Прибыл посадский человек из Москвы. Наши проведали от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко». Казацкий «царевич» подвергся казни не сразу после сдачи Тулы, а четыре месяца спустя.

«Воровской» боярин Григорий Шаховской был сослан «на Каменное» в монастырь, Самуил Кожновский — в Казань, атаман Федор Нагиба и некоторые другие вожди мятежа — в «поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, а его отряды заняли половину государства, Болотников был сначала ослеплен, а затем «посажен в воду». Побиты были также его сподвижники — казачьи атаманы, находившиеся в ссылке.

Ни падение Тулы, ни казнь казацких предводителей не положили конец Смуте. Гражданская война в России вскоре вспыхнула с новой силой.

Великий государь Василий Иванович

После коронации царь Василий не пожелал переехать в роскошные хоромы самозванца и велел строить себе дворец на месте палат царя Федора. Как передавали, Василий опасался, что в старом дворце его будет тревожить тень продавшегося дьяволу чардея Гришки Отрепьева. По случаю новоселья иноземные купцы поднесли царю богатые подарки и хлеб-соль по московскому обычаю. Хлеб-соль были приняты, а подарки возвращены дарителям.

Строительство вели наспех. Едва здание было закончено, как «у тех хором подомились сени, а мост и бревна, и брусья были новые и толстые». Современники удивлялись такому «чуду». В нем усмотрели дурное предзнаменование. Новому государю не везло с первых шагов.

Минуло время, когда Грозный упрекал Шуйских в том, что они похитили из казны драгоценную утварь и поставили на ней свое клеймо, а сами не имели даже приличных шуб. (С шубами связаны были какие-то предания. Князь Василий, вероятно, еще до воцарения получил не очень лестное прозвище «Шубник», а его младшего брата Ивана звали «Туговкой».)

Вместе с короной Василий и его братья получили в свое распоряжение все царские сокровища и гардероб. Ситуация была критической, и царю Василию пришлось жертвовать вновь обретенным имуществом. В марте 1607 г., отметил Исаак Масса, царь «повелел распродать из казны старое имущество, как то платья и другие вещи, чтобы получить деньги, а также занял деньги у монастырей и московских купцов, чтобы уплатить жалованье несшим службу».

Грозный был первым из царей, в трудных условиях наложившим контрибуцию на богатое духовенство. Его опыт повторили сначала Борис Годунов, а потом Лжедмитрий I. Василий Шуйский шел проторенным путем.

Троице-Сергиев монастырь был самым богатым из всех русских монастырей и находился поблизости от столицы. Годунов занял в Троице более 15 000 рублей «на ратных людей», Лжедмитрий I взял у монахов вдвое большую сумму. Царь Василий

дoвершил дело, забрав оставшуюся наличность — 18 355 рублей. Другие монастыри также должны были внести деньги в казну.

Когда тушинцы осадили столицу, царю пришлось провести реквизицию церковной утвари. По словам псковского летописца, государь, «собрал по монастырем и по церквам сосуды золотыя и серебряныя и кузни и оклады у святых икон и честныя кресты, раскова и вся истоши восм, и ничто же усне». Современники не могли одобрить чеканку денег из предметов церковного обихода, а потому подчеркивали, что задача жалованья не дала ожидаемых результатов.

Шуйский обложил экстренными поборами богатое купечество. Егодьяки явились в Псков и потребовали у богатых гостей деньги, «что сколько порадеет царю Василью». Вопреки приказу купцы разложили затребованные деньги на весь город — «больших», «меньших» людей и даже вдовиц «по раскладу». Так они собрали с посада 900 рублей.

Полонив казну, царь Василий смог продолжить войну с мятежниками.

Шуйский отнюдь не был недалким человеком, мелким хитрецом. Изошренный политик, он умел ставить цели и добиваться своего. Понимая, что династия Годунова пала из-за раскола дворянского сословия и вооруженных сил, он постарался сплотить дворянство.

Старшие бояре в лице Шуйских не одобряли действий Годунова, запретившего выход крестьян в Юрьев день. Но, заняв трон, «старый боярин» князь Василий не мог противиться давлению со стороны дворянского сословия и должен был следовать по пути Бориса.

9 марта 1607 г. Шуйский издал Уложение, положившее конец каким бы то ни было уступкам крестьянам. Он продлил срок сыска беглых крестьян с 5 до 15 лет. Годунов в годы голода дважды восстанавливал Юрьев день. Теперь даже переходы, разрешенные Борисом, объявлялись незаконными. Помещики получали право требовать возвращения крестьян, записанных за ними в писцовых книгах, которые были составлены в ходе обшей переписки при царе Федоре.

Уездное дворянство приветствовало закон Шуйского. Запрещая крестьянские переходы, власти старались уверить народ, что это мера временная, надо лишь потерпеть «до государевых выходных лет». Законы царя Василия аннулировали обещания подобного рода.

Консолидация дворянства, казалось бы, должна была привести к окончанию Смуты. Но этого не произошло.

Одним из главных очагов Смуты была Рязань. Прокофий Ляпунов вернул Переяславль Рязанский под власть Шуйского. Однако ему не удалось замирить рязанскую деревню. В 1611 г. посадские люди из Рязани жаловались, что в 1606—1611 гг. по их, рязанцев, «дворишкам стояли рязанцы, дворяне и дети боярские, з женами, и з детми, и с людьми пять лет... да нынче... стоят по нашим же дворишкам мимо своих поместий», тогда как крестьяне из этих поместий «во все те во смутные годы... в государеву казну никаких податей не давали».

Несложный расчет показывает, что крестьяне перестали платить подати в казну начиная с 1606 г.

Самозванцы и их приверженцы необещали крестьянам восстановить старинный Юрьев день, но их призывы сулили крестьянам ощутимые выгоды. Уже «царь Дмитрий» призвал крестьян к отказу от повиновения узурпатору князю Василию и объявлял изменниками всех помещиков, служивших ему. Государевы лиходеи не имели права взимать оброки с верных «Дмитрию» крестьян.

Рязанские дворяне стояли на постое во дворах у рязанских посадских людей по той простой причине, что не смели вернуться в свои поместья, так как не могли заставить крестьян «слушаться во всем» (формула послушных грамот), платить оброки и исполнять натуральные повинности.

Крестьяне помнили, каких милостей и льгот они удостоились при воцарении Бориса Годунова. Василий Шуйский не мог следовать его примеру, так как унаследовал от Лжедмитрия I пустую казну.

1606 год был неурожайным, и попытки властей взыскать налоги и недоимки грозили деревенскому населению полным разорением. Присяга на имя царя Дмитрия Ивановича освобождает

ла крестьян от всех поборов, по крайней мере на первых порах. Смуга в государстве разрасталась.

Непонятный на первый взгляд расцвет самозванщины после поражения Болотникова имсет свое объяснение.

Бегство дворян и членов их семей из своих имений под защиту государевых крепостей происходило во многих местах. В Москве правительству пришлось взять на себя заботу о прокормлении детей боярских и дворян, искавших прибежища в столице. По боярскому приговору одним беженцам выдавали деньги и корм в Разрядном приказе, других прикрепляли к монастырям. Кормовые деньги раздавали ежедневно на членов дворянских семей и на холопов. Царский указ определял норму выдачи корма беженцам «детем боярским и женам их по полуосьмине ржи да по полуосьмине овса».

Когда власти пытались пустить в ход силу и заставить крестьян платить, сборщики наталкивались на вооруженный отпор. В октябре 1607 г. рязанский воевода Юрий Пильемов тревогой извещал царя Василия, что «в Рязанском уезде во многих местах... изменники воры, пронские и михайловские мужики, воуютот Переславля (Рязани. — *Р.С.*) в двадцати верстах, а... за теми воры посылати неково — дворян и детей боярских... мало».

Яркую картину крестьянского бунта рисует источник более позднего происхождения, повествующий о событиях 1608—1609 г. Воевода Великих Лук Федор Михайлович Плещеев, приспешник самозванца, горько жаловался полякам нато, что взбунтовавшиеся мужики не признают никакой власти и не только не платят подати и оброки, но сами грабят дворян: «Наши собственные крестьяне нам панями стали, нас самих умерщвляют, убивают, жен, детей и имущество наше себе берут. Здесь на Луках воеводу... на кол посадили (1608 г. — *Р.С.*), боярлучших были, повешали и истребили, и теперь всем сами крестьяне владют. А мы из их рук, хотя мы и воеводы, на все смотрим».

Воевода Плещеев имел основание сетовать на свое полное безвластие, поскольку, по его собственным словам, при нем вовсе не было воинских людей, а были одни мужики. Там, где в городах имелись дворянские и стрелецкие гарнизоны, картина была иной.

Какими бы ни были жалобы дворян, они единичны и не дают оснований для вывода, будто мужицкие бунты охватили всю территорию, подвластную самозванцам. Тем не менее отказ крестьян платить налоги и оброки, грабеж и убийства дворян создали в стране обстановку хаоса и анархии.

По Уложению 1607 г. землевладельцы, которые могли подтвердить владельческие права ссылкой на последнее общегосударственное описание, получили право свозить беглых «с женами, и здетми, и со всеми их животы». Незаконные владельцы должны были вернуть чужих крестьян в течение полугода. Нарушение срока каралось штрафом «за прием» (10 рублей «на царя государя») и «за пожилос» (на год «по три рубли» за одного крестьянина). Функции розыска беглых впервые были возложены на уездные власти, в обязанность которых вмесилось проводить о новоприходяцах по всему уезду.

Уложение 1607 г. оказало определенное влияние на события своего времени. Но оно не могло быть претворено в жизнь. В стране царил хаос, вызванный гражданской войной. Повстанцы контролировали обширные территории. Осуществить сыск беглых в уездах, охваченных восстанием, было попросту невозможно.

Вольные казаки сыграли выдающуюся роль в событиях гражданской войны. Но тщетно было бы искать упоминания о них в законодательных актах царя Василия Шуйского. Объяснить это нетрудно. Вольные казаки не принадлежали ни к одному из чинов или сословий русского общества. Власти многократно разъясняли, что вольные казаки — это «все беглые люди»: они не подчиняются московскому государю, и им закон не писан.

Среди жителей вольных казачьих станиц можно было встретить беглых крестьян и посадских, гулящих людей, ярыжек и даждестей боярских, потерпевших крах на государевой службе. Но особенно много было беглых боярских холопов. Их приток усилился в связи с роспуском дворни опальных бояр Шуйских при царе Федоре и бояр Романовых и их родни при царе Борисе.

Летописцы начала XVII в. называли казаков беглыми холопами и ярыжными ворами. Осведомленный современник Исаак Масса также отметил, что «в казаки шли по большей части

убежавшие от своих господ холопы (Knecht)». Вольные казаки сложили «Повесть об Азовском сидении», в которой характеризовали свое прошлое весьма образно: «Отбегасм мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства невольного, от бояр и дворян государевых».

Вольные казаки стяжали славу доблестных солдат. Волжский атаман Ермак Тимофеевич завоевал Сибирское ханство Кучума, донской атаман Мишка Черкашенин стал одним из героев обороны Пскова от поляков. Атаман Андрей Корела доставил победу Лжедмитрию I.

Борис Годунов выстроил цепь крепостей в Диком поле и запретил посылать на Дон оружие и боеприпасы. Он, конечно, не намеревался вступать в войну с вольными казаками. Его цель заключалась в том, чтобы заставить вольницу нести государственную службу.

Власти закрепляли за вольными казаками их «юрты» — землицы, если они поступали на службу; невзирая на то что в массе они были беглыми холопами.

Попытка подчинить Тихий Дон обернулась катастрофой. По словам Авраамия Палицына, до 20 000 беглых холопов — вольных казаков оказались к 1606—1607 гг. в стане Болотникова.

Царь Василий Шуйский издал ряд законов о холопах, чтобы привлечь их на свою сторону.

В феврале 1608 г. Боярская дума рассмотрела и утвердила три приговора о холопах. Бояре признали сохраняющими юридическую силу все отпускные, выданные беглым холопам-Болотниковцам, сложившим оружие и принесшим повинную царю. «Которые холопы, — значилось в приговоре, — были в воровстве, и государю добились челом, и даны были им отпускные», таких не следовало трогать, если только они повторно не «збежали в воровство». Это правило распространялось на будущее: «А которые с нынешнего воровства прибежат ко государю сами, и тех старым их бояром не отдавати, потому что они сами принесли вину свою».

Повстанцы из числа беглых холопов знали, что они не будут возвращены прежним господам и получат отпускные из приказа Холопьяго суда, если добровольно сложат оружие. Тех, кто

упорствовал в «воровстве», ждала либо казнь, либо возвращение в холопство прежним владельцам.

Пленные казаки (включая белых холопов) переполняли тюрьмы, и дворяне спешили пополнить свою дворю, забирая их на поруки.

После того как дети боярские стали покидать повстанческий лагерь, возникла новая ситуация, рассмотрением которой занялась Боярская дума. Исходным пунктом для обсуждения стали челобитные грамоты дворян и детей боярских «розных многих городов» с жалобой на то, что «имали они ис тюрем себе на поруки изменчиых людей на Москве, и в Серпухове, и под Тулой, и в иных городех... да имали на них на свое имя служилые кабалы, а старые их бояре, которые были в измене, а государева опала ныне им отдана, тех холопей имают...». Конфликт разрешился в пользу верных бояр.

Понятие «вольный казак» не существовало для московских законодателей. Им надо было определить свое отношение к беглым холопам. После выдачи отпускных власти старались тут же записать вольноотпущенников в «служилые казаки». Царь Василий пытался использовать сформированное таким путем казачье войско для войны с повстанцами. Результат был плачевным.

В течение многих десятилетий правительство проявляло особое внимание к судьбе боевых послужилцев из дворян. При Грозном оно разрешило выдавать кабалы на обедневших детей боярских, не состоявших на царской службе и согласных поступить на службу в вооруженную свиту богатых землевладельцев. Тем самым власти переложили все расходы по снаряжению воинов, выбывших из конного поместного ополчения, на само дворянство. Царский Судебник ограничивал размер кабального долга суммой в 15 рублей: на эти деньги можно было купить оружие, боевого коня и прочее снаряжение для кабального воина.

Поначалу кабальная служба не была равнозначна холопству — рабству. Но в 1597 г. Борис Годунов издал Уложение, по которому кабальный был лишен права уйти от господина, выплатив ему сумму долга.

Дети боярские предпочитали служить в боярских свитах как свободные люди, без служилой кабалы. Однако Уложение

1597 г. упразднило институт «вольных холопов». Всякий послужилец, гитавшийся во дворе у господина полгода и более, обязан был выдать на себя кабалу.

То была подлинная катастрофа для боевых холопов, происходивших из детей боярских.

События гражданской войны обнаружили, сколь опасны насильственные меры в отношении воинского чина, включая обедневших дворян.

Первым законом царя Василия был закон о добровольной службе холопов. Он был принят 7 марта 1607 г. Именной царский указ запрещал принудительно брать кабалы на тех, кто родился в холопстве, но прожил во дворе господина полгода, год и более.

Царь Василий отменил крепостнический закон Бориса и фактически возродил институт частной добровольной службы. Господин мог держать добровольного холопа, но не мог вернуть его в неволю: если холоп не хочет дать на себя кабалу, «ино тех добровольных холопей в неволю давать не велеть».

В длинной череде крепостнических законов начала XVII в. Уложение о холопах царя Василия 1607 г. выглядело как исключение из правил. Конечно, не следует забывать, что Уложение имело в виду прежде всего низшее дворянство. Уступка сделана былатаем оскудевшим помещикам, которых нужда загнала на боярские дворы. Их надо было отвлечь от участия в мятеже.

В России было два царя, и каждый старался склонить на свою сторону вооруженных холопов. Шуйский пытался восстать боеспособное дворянское ополчение, по традиции включавшее много тысяч боевых холопов.

Во время осады Москвы Болотников обратился к «рабам» — в первую очередь к боевым холопам — с призывом побивать дворян. Землевладельцы должны были наконец осознать, сколь велика угрожающая им опасность. Признаки консолидации дворянскоюсословия можно было наблюдать по всей стране: в Москве, на Рязанщине, в Северной Украине.

Лжедмитрий II оставался в Стародубе три месяца, не имея возможности набрать войско из местных детей боярских. Характеризуя военные действия в Северной Украине, летописи

отмегили: «Вонны же благороднии от тех стран и градов (северских. — Р.С.) мало больши тысячи, но не согласяшесе, един по единому, соблюдошася от смерти, прибегнуши к Москве, токмотелеса и души свои принесоша, оскорбляющеся гладом и наготою, оставиша матери своѣ и жены в домех и в селех своих. Раби же им... озлоновишася зверообразием, насилующе, господеи своих побиваша и пояша в жены, себе господей своих — жены и тщери».

Перелом в настроениях северского дворянства был связан с общей усталостью, тяготами бесконечной войны и в особенности чудовищными избиениями дворян казаками. Дворяне в страхе покидали свои владения на Северщине и поодиночке тайно пробирались к царю Василию в Москву.

Болотниковцы изокружения «стародубского вора» принуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить сопротивление северских дворян и принудить их к службе в армии Лжедмитрия II.

Конрад Буссов описал эти меры весьма точно: «Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать». По существу, прокламации Лжедмитрия II напоминали как две капли воды «преlestные» лиеты Болотникова, писанные в осадном лагере под Москвой. Но были и некоторые существенные различия.

«Царек» отнюдь не призывал к истребительной войне против изменников-дворян, к убийству купцов и грабежу их богатств. Помимо того, он не желал посягать на церковные законы о браке, а потому обещал в награду верным слугам не жен, а дочерей «изменников».

Прокламации «стародубского вора» были адресованы прежде всего боевым холопам, владевшим оружием и имевшим опыт воинской службы. Самозванец пытался припугнуть помещиков и одновременно привлечь в повстанческую армию их

людей. Руководители мятежа, таким образом, пытались противопоставить дворянам их вооруженную свиту и тем самым усугубить развал поместного ополчения.

Царь Василий обещал беглым холопам свободу, если они сложат оружие. На деле свобода означала зачисление в служилые казаки. Сторонники «вора» предлагали нечто неизмеримо большее: пожалование поместья и зачисление в сословие детей боярских на условиях обязательной службы.

Понятно, почему усилия Шуйского положить конец жестокой гражданской войне не привели к успеху. Низы уповали на щедрые обещания «Дмитрия», не предвидя последствий крушения общественного порядка.

Полагают, что Болотников поднял знамя кровавого переворота, что он возглавил Крестьянскую войну, грозившую ниспровергнуть весь «феодальный» строй. Анализ «предестных» писем Болотникова и Лжедмитрия II опровергает такие представления. Самозванцы и их сторонники, не сумев прищечь на свою сторону дворянство, были поставлены перед необходимостью заменить дворян-изменников выходцами из низов — новым дворянством, всецело обязанным своими успехами «Дмитрию». Из рук «вора» они должны были получить поместья и дворянских невест в жены. Но планы подобного рода просуществовали недолго. Лжедмитрий II очень скоро должен был понять, что без поддержки дворян взойти на трон невозможно.

Характерной чертой нового периода Смуты был взрыв насилия, превосходивший все, что происходило ранее.

Смута выпала на долю поколений, для которых царствование Грозного не было отдаленным прошлым. Большинство этих людей родилось при царе Иване. В их головы глубоко запала легенда о великой измене бояр и той борьбе, которую благочестивый государь всю жизнь вел с лихими изменниками. В годы Смуты были еще живы очевидцы опричных убийств.

Во время казни «изменников» Иван Грозный, случалось, обращался к народу за одобрением своих действий. Правильно ли он делает, что казнит своих изменников, — спрашивал монарх. И народ вопил: «Живи, преблагая царь! Ты правильно делаешь, наказуя изменников по их делам!»

Апеллируя к толпе, самодержец делал народ судьей в своих распрях с боярами. Он как бы указывал подданным на виновников всех их бед в лице бояр и приказных. Деяния грозного царя не были забыты.

По своей жестокости расправы казаков Болотникова и «Петрушки» ничем не уступали зверствам опричников. Поистине у истоков русского бунта стоял сам великий государь Иоанн Васильевич, помазанник Божий.

После появления в Пугивле «царевича Петрушки» этот город стал для дворян подлинной Голгофой. Кровавые казни на пугивльских площадях зловеще напомнили современникам о казнях на Поганой Луже в Москве при Грозном. Тогда опричники резали дворян и приказных людей по суставам, обливали кипятком (варом), рубили головы, сажали на кол. Совершенно так же казнил бояр и дворян в Путивле мнимый внук царя Ивана.

Князей и дворян, повествует летописец, «Петрушка» «повеле посекати, по суставам резати, а иным руки и ноги нахрест сечь, а иных варом обливати и з города мѣгати». Сходным образом описаны расправы казаков в Разрядных книгах. «В Пугимль. — значит в Разрядах, — привели казаки инова вора Петрушку.. и тот вор Петрушка боярина князь Василья Кардануковича, и воевод, и дворян, и воевод, которых приводили [из городов]... всех побили до смерти разными казнями, иных метали з башен, и сажал по колью и по суставам резал». Современники утверждали, что «Петрушка» велел избивать «пред собой на подромах» бояр и воевод «числом на день по семидесять человек». Приведенная цифра едва ли достоверна. Судя по именам, упомянутым в источниках, в Путивле погибло несколько десятков знатных дворян. В числе их были: боярин князь Василий Черкасский, царский посланник ясельничий Андрей Воейков, знатные воеводы князя Андрей Ростовский и Юрий Принков-Ростовский, Гаврила Коркодинов, двое Бугурлиных, Никита Измайлов, Алексей Плсщесв, Михаил Пушкин, Иван Ловчиков, Петр Юшков, Федор Бартенов, Языков и другие.

Из Путивля «Петрушка» перешел в Тулу, где соединился с войском Болотникова. Реальная власть в гарнизоне принадлежала казакам и их предводителям. По этой причине в Туле меры

против знати и дворян проводились с такой же решительностью и беспощадностью, как и в Путивле.

Князь Мещерский писал в своей грамоте на имя царя, что отца его князя Федора «убил на Туле вор Петрушка за православную веру». Богдан Милославский утверждал, что отца его «убил вор Петрушка на Туле». Видный тульский помещик Ермолай Истома Михнев сразу после переворота 17 мая 1606 г. «посылан был с Москвы на Волгу уличать вора Петрушку». Прошло более года, и казацкий «царевич» столкнулся со своим обличителем в Туле. Встреча имела трагический для дворянина исход. «Как пришел он, вор Петрушка, на Тулу к его, Ермолая [Михнева] за тое уличенье по его [самозванца] велению воровские казаки замучили до смерти и тело его сожгли». Поместье Михнева, находившееся в пяти верстах от Тулы, было разграблено, жалованные грамоты и прочие документы дворянского рода Михневых уничтожены.

Гражданская война вновь приобретала широкий размах. Со всех сторон в Тулу присылали на суд и расправу дворян, плененных в городах и на поле боя. В Туле повторилось то, что произошло в Путивле. После одного удачного для повстанцев боя «Царевич Петр» велел казнить пленных ратников «на всякдень числом человек по десяти и больши... и иных повеле зверем живых на съедение давати».

Казни дворян не были делом рук одних лишь казаков. Суд над «изменниками» проводился в форме народных расправ. Осужденных возводили на башню, откуда одних по требованию народа сбрасывали вниз, а других, также по решению толпы, «прощали» и избавляли от смертной казни.

Некогда Иван Грозный тешился тем, что травил опальных монахов медведями. «Царевич Петр» подражал мнимому деду, развлекаясь медвежьей потехой. Пленных дворян сажали в загородку и туда же пускали медведя. Несчастные отбивались от зверя как могли. Сын боярский Кошкин красочно описал в челобитной грамоте царю, как его «вор Петрушка мучил разными муками на Туле и медведьми травил». Темниковский мурза Барашев также побывал в тульской тюрьме в дни осады города, но ему удалось бежать. По словам мурзы, его на Туле «били кнутом,

и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел...».

Даже после поражения и сдачи Тулы Болотников не расстался с надеждой на то, что ему еще удастся довести до конца войну с изменниками-дворянами и лихими боярами, и тогда он потешит мир их муками. По пути к месту ссылки Болотников останавливался в Ярославле. Тамошние дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. Они стали допытываться у приставов, почему мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы) и в медвежьи шкуры зашивать».

В конечном счете число жертв гражданской войны в десятки и сотни раз превысило число жертв опричнины. Но в 1607 г. никто не мог предсказать масштабов национальной катастрофы, почвой для которой подготовили мятеж Болотникова и вторичное воскрешение «царя Дмитрия».

«Воровской» лагерь

С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города, интерес к самозванческой интриге стали проявлять влиятельные лица Речи Посполитой, некогда покровительствовавшие Огрепьеву. В числе их были князь Ружинский, Тышкевич, Валевский, Адам Вишневецкий и другие.

Король Сигизмунд III не желал участвовать в аванюре. Но мятеж против королевской власти усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, оставшиеся без работы после подавления мятежа, хлынули в русские пределы в надежде на то, что «царек» щедро вознаградит их за труды.

Давний сподвижник Отрепьева князь Роман Ружинский не прочь был сыграть такую же роль при Лжедмитрии II, какую при первом самозванце играл Юрий Мнишек. Оба вельможи оказались на пороге разорения и все надежды возлагали на успех авантюры и щедрые пожалования «царька». Обедневший украинский магнат Ружинский заложил земельные владения и влез

вдолги. На занятые деньги он на вербовал отряд конных копейщиков.

Среди наемников было немало участников московского похода Стрельца, и Ружинский должен был подготовить их к встрече с шкловским бродягой. Одним лишь насильем предотвратить нежелательные толки было невозможно. Гетман нанял доктора богословия Викентия, который выступил перед солдатами с рассказами о том, что он видел «царя Дмитрия» при его первом появлении в Польше и в бытность его в Москве, потом в келье у бернардинских монахов, а затем в Стародубе, и все это одно лицо. Чтобы оправдать авантюру, богослов написал донесение в Рим с доказательствами истинности «царя Дмитрия».

Прибыв на Русь, Ружинский направил послов к Лжедмитрию II. Когда послы вернулись, солдаты обратились к ним с вопросом: тот ли это «царь»? Ответ послов был более чем двусмысленным: «Тот, к которому вы нас послали!» Прошло два с половиной месяца, прежде чем Ружинский возобновил переговоры. Поляки убедились, что «царек» не располагает богатой казной, достаточной для того, чтобы оплатить их услуги. Это было главной причиной промедления.

Перейдя в Кромы, войско направил к «царьку» новых послов. Весной 1608 г. они явились в Орел, где «канцлер» поляк Валевский приветствовал их от имени «самодержца». Придворный этикет был грубо нарушен самим «государем». Он поносил поляков, обвиняя их в измене. Изменой «вор» считал любые сомнения в его царственном происхождении. Самозванцу передали двусмысленную фразу первых послов, и он принял позу оскорбленного самодержца.

Брань убедила жителей Стародуба, что перед ними истинный государь. Но на поляков она произвела обратное действие. В ответ на ругань послы — наемные солдаты объявили, что теперь они уверены, что перед ними не прежний царь Дмитрий, так как тот в отличие от нового «умел уважать и понимать воинов». Послы закончили речь прямой угрозой, заявив, что солдаты «будут знать, как поступить».

Старое руководство в лице гетмана Меховецкого не желало допустить в свой лагерь Ружинского. Но Меховецкий утратил

авторитет, так как не обеспечил выплаты наемникам обещанных денег. За спиной Меховецкого солдаты пришли к соглашению с войском Ружинского.

Когда Ружинский вступил в Орел, самозванец дал пир в его честь. Обличения послдов и угрозы в адрес «вора» были забыты. Наемников более всего волновал вопрос, заплатят ли им за службу в России.

В апреле 1608 г. польские солдаты собрались на войсковое колодья выборов гетмана. Вновь в центре внимания был вопрос о деньгах. Новым гетманом наемники выкрикнули Ружинского. Лжедмитрий II, вызванный в коло, пытался перечить. «Цыть, сукины дети!» — кричал он. Поднялся страшный шум. Солдаты требовали немедленно предать негодяя смерти: «Убить его, мошенника, зарубить! Ах ты, такой сякой сын, разбойник! Поманил нас, а теперь платишь нам неблагодарностью!»

Ружинский убедил солдат, что обеспечит им жалованье, соответствующее их достоинству. Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор «царька» вооруженной стражей. Меховецкий не желал признать свое поражение и пытался оспорить решение польского войска. Первый покровитель шкловского учителя рассчитывал на поддержку государя и казачьего войска, по численности далеко превосходившего наемную армию. Но Лжедмитрий II струсил и не смог защитить своего гетмана. Попав под домашний арест, он запер горькую. Протрезвев, «самодержец» должен был претерпеть новые унижения. Он просил прощения у наемных солдат и признал власть избранного гетмана Ружинского, после чего Меховецкий был изгнан из лагеря.

Новый гетман не сразу почувствовал себя хозяином положения. Он принужден был оставаться в Кромах, в то время как Лжедмитрий II находился в Орле с Заруцким.

Смена командования имела важные последствия. Болотниковцы, приведшие к власти «стародубского вора» и пользовавшиеся большим влиянием в его лагере, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за шляхтой и магнатами в окружении Лжедмитрия II появилась московская знать.

Встреча наемников с «государем» породила толки о его самозванстве. Уверенность воинства в успехе авантюры поколе-

балась. Гетману пришлось прибегнуть к новым инсценировкам. На помощь ему пришли доктор Викентий и некто Тробчинский, якобы знавший многие тайны Лжедмитрия I. Тробчинский взялся проэкзаменовать «царька» и установить, является ли он тем, прежним, «Дмитрием». На публичном диспуте он излагал «тайны», заведомо искажая детали. Шкловский учитель уверенно поправлял его и на все вопросы давал точные и исчерпывающие ответы. Вопрошавшие изображали при этом величайшее изумление и заявляли, что об этом знали только они да еще сам «царь Дмитрий», а значит, это, несомненно, он, хотя внешне и не похож.

Речи в пользу истинности государя заключали убийственную для него оговорку. Признание того, что претендент вовсе не похож на коронованного «Дмитрия», обрекало «вора» на положение марионетки, которую поляки могли в любой момент объявить обманщиком и выбросить на свалку. Над головой самозванца повис меч.

Тем не менее наемные солдаты были удовлетворены спектаклем и готовы были простить «государю» его внешность. Их удовлетворили обещания выплатить деньги.

Затея Ружинского имела в виду не одних только наемников. Вскоре гетман обратился с посланием к князю Василию Юлишину, одному из бояр, посадивших Отрепьева на трон. Литовцы не служат многочисленным лжецаревичам, объявившимся в России, но он, Ружинский, убедился в истинности «царя Дмитрия» и в числе первых стал ему служить, так как его отец, дед и дядя верно служили прирожденным московским государям (Ружинские пользовались авторитетом в Запорожской Сечи и не раз приводили отряды запорожцев и воевали с татарами бок о бок с царскими воеводами).

Обращение должно было посеять сомнения среди сподвижников Лжедмитрия I в Москве, утративших прежнее влияние после воцарения Шуйского.

Ружинский развил бурную деятельность. По его приказу Лжедмитрий II обратился за помощью к «родителю» — тестю Юрию Мнишеку, чтобы через него заручиться поддержкой короля. Мнишек откликнулся на призыв и составил подробную

записку для Сигизмунда III с уверениями, что его зять жив, и, ссылаясь на статьи тайных договоров, просит о признании и военной помощи. Мнишек вновь излагал планы насаждения католичества в Московии, старался оградить правдощери как московской царицы.

Через послов Лжедмитрий II, имея пустую казну, предложил королю за помощь полмиллиона злотых. Но польские власти не захотели вести с ним переговоры. Записка Мнишека не произвела впечатления на короля и сейм. Сенаторы настаивали на запрете вербовки войск для самозванца в Польше.

Заняв пост главнокомандующего, Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении на Москву. Поход начался неудачно. Случайный пожар уничтожил все запасы, заготовленные в Орле для войска.

Царь Василий сосредоточил крупные силы на подходах к Болхову. Армию возглавил брат царя, князь Дмитрий Шуйский. Воеводы успели возвести укрепленный лагерь. Узнав о приближении противника, Дмитрий Шуйский 30 апреля 1609 г. вывел полки из лагеря и выстроил их в боевые порядки. Ружинский столкнулся с русскими на марше, не имея времени для перестроения войска. Конные роты с ходу атаковали русские позиции.

Воевода передового полка Василий Голицин отразил атаку и потеснил атакующих. Тогда в бой вступили отряды Ружинского и Валевского. Они отбросили Голицына и вывели в расположение большого полка. Участники сражения отметили, что главные силы русской армии не оказали помощи своим гибнущим товарищам. Положение спасла атака сторожевого полка князя Куракина.

Военный совет, созванный ночью Шуйским, принял решение не возобновлять генеральное сражение, а отвести полки к Болхову, чтобы занять оборону по засечной черте и преградить неприятелю путь на Москву. В «воровском» лагере Ружинский и его ротмистр также приняли решение отложить бой и перейти на более выгодные позиции. Мелкие стычки продолжались 1 мая.

Русские ратники начали отводить артиллерию в тыл. В то же самое время гетман Ружинский приказал перевезти войсковые обозы за реку и приступил к строительству лагеря на новом мес-

те. Обозные повозки подняли тучи пыли. Русские решили, что противник перестраивает свои порядки, чтобы крупными силами нанести удар с фланга. В царских полках началась паника. Персбежчики сообщили обо всем «царьку». Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении. «Вор» и польские люди, записал летописец, «перелезли реку и пришли под село Кобылино за 15 верст Болхова, позади полков Московского государства».

Выход польской конницы в тыл царской армии окончательно погубил Шуйского. Его полки утратили управление и обратились в паническое бегство. Часть сил отступила в Болхов, другая ушла к засечной черте. Болхов открыл ворота перед Ружинским после двух дней сопротивления. Победителям досталось множество пушек и огромный обоз.

Причины поражения не сводились лишь к неумелому руководству и трусости Дмитрия Шуйского. Гражданская война деморализовала дворянское ополчение. Уездные дети боярские не были очевидцами гибели Лжедмитрия I, и их сбили с толку успехи воскресшего «царя». Если «Дмитрий» вновь берет крепость за крепостью и неудержимо продвигается к Москве, значит, сам Бог покровительствует ему, а противившихся неизбежно постигнет кара. Восходы утратили всякое доверие к служилым людям, тогда как ратники перестали доверять своим командирам. Число перебежчиков вновь стало стремительно расти.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался разделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при вступлении на царский трон. Народ, приветствовавший нового «истинного Дмитрия», понятия не имел о сговоре за его спиной.

В июне 1608 г. армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне.

Появление польских и литовских отрядов вармин самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами, обещал им немедленно отпустить на родину Мнишек и других поляков, задержан-

ных в Москве. Послы в принципе согласились немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца.

На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут лагерь.

Царь Василий радовался преждевременно. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар по войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе, однако воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско Лисовского, пытавшееся ворваться всеголицу с юга.

Тщетно Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и выказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не подавил окончательно оппозицию внутри страны.

В конце концов легкие победы Лжедмитрия II все же лишили Сигизмунда III благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для немедленного занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского.

Завоевательные планы Сигизмунда III натолкнулись на возражения высших сановников. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Королю пришлось отложить осуществление своих намерений.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия перемирия. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить возможность вернуться на

родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. В самый день подписания перемирия в Россию вторгся литовский магнат Ян Петр Сапега с многочисленным войском.

Во исполнение договора царь Василий освободил семью Мнишек. Сенатор дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но Мнишек вовсе не думал исполнять свои обещания. Он вел рискованную игру и делал все, чтобы разжечь Смугу.

Царь поручил воеводам сопровождать послов до границы и обеспечить их безопасность. Воеводы везли поляков лесными дорогами, таясь от «вора». Но уже на другой день после отъезда из Москвы Мнишек сообщил тушинцам сведения, которые позволили им перехватить обоз.

Польские послы настаивали на соблюдении перемирия и возвращении на родину. Но Мнишки отделились от посольского обоза и остановились неподалеку от границы в районе Белой. Ружинский послал за ними полковника Заборовского. В письме «тестю» Лжедмитрий II выражал пожелание «скорого радостного и приятного свидания», но при этом прозрачно намекал, что тестю безопаснее будет вернуться в Польшу: ему, «царю Дмитрию», было бы «лучше слышать, что вы (Мнишки) в Польше на свободе, нежели здесь поблизости в полону».

Заборовский передал сенатору «царскую грамоту», но не стал спешить с возвращением в Тушино. Вскоре к нему присоединился Ян Сапега с литовскими отрядами. Литовцы устроили парад в честь «московской царицы Марины».

В Можайске Сапега получил грамоту Лжедмитрия II с «повелением» оставить Марине Мнишек небольшую свиту, а самому направиться в Тушино, «нимало не сомневаясь в милости нашей».

Борьба за власть была неизбежна. Ружинский не желал расставаться с титулом главнокомандующего. Но теперь на этот пост претендовали также Юрий Мнишк и Ян Сапега.

Последующие шаги Ружинского показали, что своим главным соперником он считал Сапегу. В новой грамоте самозванец и Ружинский сообщили Сапеге, что «царь Дмитрий» внезапно

заболел, и предложили Сапеге «ступить в переговоры с «канцлером» «царя» Валуевским. Два гетмана должны были договориться между собой без всякого участия «царька» и его «тестя».

В отношении «царицы» Марины утушинцев были свои планы. Когда Мнишеки с Сапегой прибыли в Звенигород, они получили письмо от «болевшего» «царя». Лжедмитрий II просил свою «супругу» принять участие в положении святого в Звенигородском монастыре, чтобы укрепить расположение московских людей к «царственной чете».

Очевидец событий Николай Мархоцкий засвидетельствовал, что появление Мнишек принесло тушинцам «больше вреда, чем пользы, так как царица и другие персоны, знавшие Дмитрия в столице, увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно». Прошла неделя, и лишь «после долгих уговоров, — отметил Мархоцкий, — согласились все, в том числе царица, притворяться вместе с нами, что это не другая царь, а тот самый, что был в Москве».

Первая встреча Юрия Мнишека с «вором» состоялась 5 сентября 1608 г. Секретарь Сапегы записал в Дневнике, что пан воевода Сандомирский «во второй раз ездил к самозванцу познавать, тот это или не тот». Откровенная и насмешливая запись из Дневника дает точное представление о начавшемся торге.

Вопрос о том, был ли «вор» истинным Дмитрием, не имел существенного значения. Поляки не могли поделить власть. Юрий Мнишек, претендовавший на роль правителя России при Лжедмитрии I, требовал для себя тот же пост в Тушине. Первое свидание закончилось тем, что Ружинский отверг претензии Мнишека, а тот отказался признать Лжедмитрия II своим зятем.

Некогда Отрепьев согласился удовлетворить все территориальные притязания нареченного тестя. Теперь Мнишек напомнил новому «зятю» о его обязательствах. В народе толковали, что Мнишек требует для своей дочери вдовьяго удела и известных городов. Эти слухи могли лишь осложнить положение самозванца.

6 сентября Марина впервые виделась со своим «супругом». В Дневнике Яна Сапегы появилась запись, что «царица» мос-

ковскля не очень хотела приветствовать «мужа» и явно не радовалась его приезду.

На пути к Москве молодой шляхтич из рыцарских побуждений предупредил Марину, что в Тушине она увидит не своего венчанного мужа, а самозванца. Разговор был доверительным. Но Юрий Мнишек, видимо, сам выдал имя доброжелателя. Ружинский немедленно приказал посадить шляхтича на кол, и тот умер посреди лагеря в страшных мучениях.

В плен к тушинцам попал один из князей Мосальских. Он также обратился к Марине с предупреждением, что «царь ненастоящий». Напуганный казнью шляхтича, он бежал в Москву и уведомил обо всем царя Василия.

Непомерные претензии Юрия Мнишека вызвали раздражение тушинцев.

От Тушинского лагеря до Кремля было рукой подать. Богатейшая сокровищница московских государей разжигала алчность наемников. Вступив на московскую землю, Сапега первым делом потребовал от Ружинского уравнивать «в заслуженном» приведенных им солдат с наемниками из Тушина. Тушинцы поначалу отвергли притязания сапежинцев как наглые и абсолютно непреклонные. Но Сапега привел с собой 1700 воинов, и с ним пришлось считаться.

К осени 1608 г. в лагере Лжедмитрия II было, по словам поляков, «18 000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты, не считая 30 000 запорожских казаков и 15 000 донских». Речь Посполитая вела форменную войну с Россией, хотя война и не была объявлена.

Преобладали в «воровском» войске казаки. Казаками считали всех украинцев и русских простолюдинов, пополнявших армию самозванца. Примечательно, что запорожское войско вдвое превосходило донское. Казалось, вся Украина собралась под тушинскими знаменами.

На поле боя решающее значение имели атаки гусарской конницы. Казаки сражались в пешем строю.

Содержание наемной польской армии требовало огромных средств. Но казна Лжедмитрия II была пуста. «Вор» клялся, что

раздаст наемникам в счет долга все богатства московской сокровищницы, которую еще предстояло завослать.

У Мнишека был свой взгляд на вещи. Он требовал вернуть ему огромные суммы денег и драгоценные подарки, которые были отобраны у него после переворота и перешли в царскую казну. Он не забыл также, что не получил миллиона золотых, обещанных ему «царевичем Дмитрием» в Самборе по случаю будущей свадьбы с Мариной. В награду за признание Лжедмитрий II выдал «тестю» жалованную грамоту с обязательством выплаты 300 000 рублей. Обязательство не было подкреплено подписями ротмистров и войска.

Отец и дочь Мнишеки вскоре уяснили себе, что их «родня» — всего лишь подставное лицо, кукла в руках Ружинского и прочих лиц, его окружавших. Однако сделать было нечего. 10 сентября «царица» торжественно въехала в Тушино и разыграла роль любящей жены, обретшей супруга. Возвращение на «трон» не принесло «царице» ожидаемых выгод. Марина согласилась стать палачницей проходимца, не получив ни казны, ни земель. Ее притязания на управление особыми городами не были удовлетворены.

По слухам, Мнишек пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий II якобы не мог вступить в права супруга до занятия трона и выплаты обещанных денег. Но все это были поздние вымыслы, призванные оправдать грех «царицы», которая нарушила закон и без венчания разделила ложе с бродягой.

Изба «царька» стояла посередине лагеря, и отдельная жизнь августейшей четы была бы сразу замечена и вызвала бы толки, убийственные для самозванца.

Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встреченным ею. Юный Мнишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере.

Дворецкий «царицы» Мартин Стадницкий свидетельствовал, что Марина жила с самозванцем не венчанная, потому что жажда власти была у нее сильнее стыда и чести.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемников, хорошо знавших первого самозванца. Но спектакль произвел впечатление на простой народ. Весть о встрече коронованной «государыни» с «исгинным Дмитрием» разнеслась по всей стране.

Домоательства Мнишеків способствовали примирению соперников. Ружинский заключил с Салегой полюбовную сделку. На пиру, за чашей вина гетманы, ненавидевшие друг друга, обменялись саблями и разделили московские земли на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине, южных и северских городах. Салегя взялся покорить Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

13—14 сентября на пиру в честь Салеги «царек» произнес здравицы в честь короля Сигизмунда III, Яна Салеги и его рыцарства. Тушинские солдаты не проявляли особой радости за пиршественным столом. Салегинцы получили равные с тушинцами права на раздел кремлевских сокровищ.

Борьба за власть в Тушинском лагере сопровождалась кровопролитием. Старый гетман Меховецкий, один из главных организаторов самозванческой интриги, попытался использовать соперничество Ружинского с Салегой и вернуть себе власть. Он тайно пробрался в лагерь и укрылся в избе у Лжедмитрия II. Солдаты обсуждали планы свержения Ружинского. Узнав об этом, гетман ворвался в покои «царька» и зарубил Меховецкого. Самозванец пытался протестовать, но гетман «велел передать, что и ему шею свернет».

Юрий Мнишек оставался при особе Лжедмитрия II недолго и уехал в Польшу.

Поражение армии Шуйского и осада Москвы привели к тому, что восстание в стране вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II.

С момента гибели Отрепьева очагом сопротивления Шуйскому стала Астрахань. За оружие взялись нерусские народности По-

волжья. Власть Лжедмитрия II признали Переславль-Залесский и Ярославль. Кострома. Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы собой подмосковный лагерь, если бы наемное воинство не диктовало тут своих законов.

Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего града» — Москвы. В течение полуторалет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская» столица в Тушине.

Резиденция Лжедмитрия II не имела башен и стен, которые хотя бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы. Но царь Василий ничего не мог поделаться со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар гражданской войны. По временам власть «тушинского вора» распространялась на добрую половину городов и уездов страны, включая Ярославль в центре, Вологду на севере, Астрахань на юге, Псков на северо-западе.

Низы тщетно ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый, — тишину и благоденствие. Но народ не получил ни того ни другого.

Тушинское воинство было плоть от плоти армии Болотников. Но со временем облик Тушина изменился.

На окраинах низы снаряжали повстанческие отряды и посылали их на помощь Лжедмитрию II. Некоторыми из этих отрядов командовали собственные казацкие или мужицкие «царевичи». Поначалу в войске самозванца было много болотниковцев, и толпы повстанцев встречали радушный прием в «воровском» лагере.

После переворота и перехода власти от Меховецкого к Ружинскому ситуация изменилась. 14 апреля 1608 г. Лжедмитрий II в манифесте к жителям Смоленска объявил, что приказал казнить самозванных царевичей. Приглашая смоленских детей боярских к себе на службу, он пояснял, что в избиениях дворян повинен не он, а «царевич Петр» и другие казацкие «царевичи».

Известия о казнях самозванцев эхом отозвались в казацких станицах. На Волге «потомок» Грозного Осиновик был повешен своими «подданными». Зато двух других «царевичей» — Ивана-Августа и Лаврентия — казаки привели с собой в Тушино. «Царек» милостиво принял казаков, а двух их «царевичей» велел повесить на дороге из Тушина в Москву. Казнь «царевичей» знаменовала собой окончательное перерождение повстанческого войска.

В Тушино при особе Лжедмитрия II образовался священный собор с «патриархом» во главе и «воровская» «Боярская дума».

По милости Отрепьева Филарет Романов занял кафедру митрополита в Ростове Великом. Он принял участие в обороне Ростова от «воров», попал в плен в октябре 1608 г. и в простой телеге был увезен в Тушино. Самозванец казнил ростовского воеводу, а Филарету предложил сан патриарха. У Романа не было выбора. «Воры» не церемонились с иерархами церкви. Они убили архиепископа Тверского, пытавшегося покинуть Тушино.

Романов обладал политическим опытом и популярностью. Его поддержка имела неоценимое значение для самозванца. Богдан Шкловский выдавал себя за сына Грозного, а Филарет был племянником этого царя. «Родственники» должны были помочь друг другу.

Полагают, что Филарет, его родня Михаил Глебович Салтыков, Иван Годунов (шурин Филарета), князя Алексей Сицкий, Дмитрий Черкасский, свояки Романовых, заняли господствующие позиции в «воровском» правительстве.

По-видимому, это не так. Салтыков провел розыск об измене Романовых и подвел Федора Никитича под монастырь. Эти люди ненавидели друг друга, что вполне устраивало командиров литовских отрядов.

Вопрос о группировках внутри «воровской» думы давно привлек внимание исследователей. Но этот вопрос не имеет большого значения, поскольку сама дума была марионеточной.

Командир литовских наемных отрядов мог грозить побоями «царьку» и распоряжался вещами из его личного гардероба. «Найм» солдат был простой видимостью. Иноземные солдаты

вели в России войну за право грабить монастыри, села и города, разбойничать в чужой стране.

Ключевыми фигурами в «воровской» думе были атаман «боярин» Иван Заруцкий и боярин Михаил Салтыков. Их главное достоинство заключалось в том, что они беспрекословно исполняли все приказы и распоряжения гетмана Ружинского и поляков. Пожаловав украинскому казаку высший сан, «литва» показала москвитам, сколь невысоко она ценит их думные титулы.

Гетман Ружинский, как и великий бражник, маршалк «вора» Адам Вишневецкий, редко бывал трезвым. Боярин Заруцкий всегда был начеку. Повесив несколько казачьих «царевичей», «потомков» Грозного, и возглавив Казачий приказ, он полностью подчинил гетману Ружинскому казачью вольницу. Заруцкий ежедневно расставлял стражу на валах и в воротах, посылал разъезды по разным дорогам, чтобы не допустить внезапного нападения неприятеля.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения реки Сходни в Москву-реку, «воровская» столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая дворцом для самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жили господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшись у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломой будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «подлым» народом. В пору дождей так называемая столица тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

Лжедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи, но наталкивался на отказ. Однако по мере того как гражданская война ослабляла Россию, военная партия в Речи Посполитой все выше поднимала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали «царька» как явного мошенника, но не могли

обойтись без него. Творил насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель — восстановление на троне законного государя, свергнутого московскими боярами.

Личность Лжедмитрия II мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался «прирожденным государем Дмитрием».

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. «Воровская» столица клонилась к закату, когда начался новый акт великой московской трагедии.

Пора заговоров

Москва была в осаде неслыханно долгий срок. Литовское командование рассчитывало взять столицу измором. Когда тушинцам удалось блокировать город, там начался голод. К началу лета 1609 г. цены на хлеб в столице резко подскочили. Четверть жита продавали по пять рублей и выше, четверть овса — по три рубля. «Людей убогих по улицам огромное число поумерало».

Власти пытались остановить рост цен, устанавливали предельные цены, устраивали гонения на спекулянтов, дабы «градским законом смирить их». Однако положение ухудшалось. Купцы, торговавшие хлебом, наживались на бедствиях. Подозревали, что спекулянты сами задерживали обозы с хлебом: «в прочих градах и селех закупленная ими стаха недвижима», пока цены на городском рынке не поднимались еще выше.

Правительство не могло пресечь торговлю москвичей с Тушином, что было свидетельством его полного бессилия. В тушинском лагере было много раненых, для их лечения недоставало лекарств. Ощущалась постоянная нехватка пороха и оружия. Были затруднения с солью.

Московские кулцы старались не упустить выгоду и везли «ворам» всевозможные товары. На пороже и лекарственных зе-

лях они, по свидетельству очевидцев, получали приблѣчи «десять гривен на шти серебряниках». Звон серебра заглушал страх перед наказанием за измену.

Население осажденного города было измучено дороговизной и голодом. По свидетельству перебежчиков, народ не раз соби­рался толпой и с «шумом» подступал ко дворцу: «Дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и воплем, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взять нигде и купить нечем!» Голодающие грозили, что откроют ворота врагам ради спасения жизни.

Василий Шуйский в течение двух лет постоянно был занят тем, что уговаривал москвичей потерпеть, подождать подхода войск, не сдавать город мятежникам. Он многократно назначал сроки (обычно три недели) окончания осады, кланялся толпе, а иногда, если верить перебежчикам, падал перед народом ниц («крестом»). Его уговоры неизменно достигали цели.

Что касается дворян, Шуйский старался завоевать их поддержку многообразными средствами.

До XV в. на Руси доминировала вотчинная (частная) форма земельной собственности. В конце XV в. Москва экспроприровала владения всех бояр в пределах обширной Новгородской земли. В результате государственная собственность превратилась в ведущую форму земельной собственности. Перемены оказали глубокое воздействие на социальную структуру и политический строй России. Образование всеобъемлющего фонда государственной поместной собственности ускорило формирование самодержавных порядков. Государственная земельная собственность стала базой военно-служилой системы Московского царства, основным принципом которой была службадворян с земли.

Наделение государственными поместьями знати, дворян и детей боярских Московской земли превратило старое московское боярство в военно-служилое сословие XVI в. Помещик мог передать государственное имение — поместье — сыну, если тот нес службу. Практика наследования сближала поместье с вотчиной.

Образование обширного фонда процветающих казенных земель помогло преодолеть кризис дворянского сословия. Но к началу XVII в. поместная система пришла в упадок. Большая часть поместного фонда разорилась и запустела. Московская военно-служилая система не могла существовать без сильной центральной власти. Однако Смуга подорвала мощь монархии. Беспорядочные конфискации, проводившиеся царями и самозванцами, окончательно разорили и дезорганизовали дворянское землевладение.

На протяжении многих десятилетий московские государи старательно пополняли фонд государственной земельной собственности. Царь Василий положил начало новому курсу, со временем приведшему к крушению поместной системы.

Будучи в осаде, Шуйский не имел земель, которые он мог бы в соответствии с традицией пожаловать дворянам за верную службу и мужество. Выход был найден. Государь стал жаловать служилым людям за «московскоеосадноосиденье» вотчины. Отличившиеся дворяне не получали новых земель, но пятая часть их поместья (государственной собственности) закреплялась за ними на правах вотчины (полной частной собственности).

При Грозном помещики мечтали, что им удастся закрепить за собой поместья на праве частной собственности. Опричнина развеяла их мечты. При царе Василии их надежды воскресли. Помещики сами определяли, какие села и угодья станут их вотчинной собственностью. Понятно, что они забирали себе лучшие земли. Эти новые вотчины, располагавшиеся посреди старых поместных владений, они могли передавать по наследству, дарить и продавать без всякой санкции со стороны Казны.

Дело, начатое Шуйским, довершил Петр I, передавший все поместные земли в полную собственность российскому дворянству.

Москва вела длительную войну с Новгородом Великим, прежде чем ей удалось подчинить эту землю. Княжества Владимиро-Суздальской земли были присоединены к Москве без кровавой борьбы. Местные династии из рода Ивана Калиты перешли на службу к московским государям, сохранив в своих руках

крупные наследственные вотчины. Они явились в Москву, чтобы совместно с великим князем управлять Россией.

Когда Иван Грозный поставил целью добиться неограниченной власти, он учредил **опричнину** и сослал в Казань многих Ростовских, Ярославских и Стародубских князей. Названные княжеские дома вместе с домом Суздальских-Шуйских проходили службу в Государевом дворе по особым княжеским спискам, что объединяло их. **Опричнина** ослабила мощь Суздальских князей. В конце века у них отняли особую привилегию, упразднив службу по суздальским княжеским спискам. Тем не менее суздальская знать сохранила исключительное влияние, с которым монарх должен был считаться.

При Грозном в Тетради дворовой, закрепившей состав Государева двора, княжеский список князей Ростовских стоял на первом месте, вышесписка князей Суздальских-Шуйских. Ростовский дом отличался исключительной знатностью, а кроме того, его члены раньше прочей суздальской аристократии перешли на службу в Москву. Это должны были учитывать московские государи.

Царь Борис при коронации первому даровал боярство князю Михаилу Катывеву-Ростовскому. Перед кончиной он вверил высшее командование этому боярину.

Князь Василий Шуйский считал, что Растрига значительно упрочил бы свою власть, если бы женился на православной боярышне из княжеской семьи. Выбор самого царя Василия был примечателен. 17 января 1608 г. государь сыграл свадьбу с княжной Марией Буйносовой-Ростовской. Отец царской невесты, боярин князь Пётр, погиб от рук мятежников. Невеста была, по тогдашним понятиям, сиротой.

На свадьбе друзьями жениха были Михаил Скопин и Иван Крюк-Колычев, друзьями царской невесты — Иван Пушкин и князь Никита Хованский. Жены этих двух дворян были сёлами невесты.

Родня царицы была «худородной». По случаю праздника брат царицы Иван Чепчугов был произведен в думные дворяне и приближен к особе государя. Дворянин Василий Янов, «Шуйскому по жене племя», получил чин думного дьяка.

На свадебном пиру в качестве боярина новой царицы выступил самый знатный из Ростовских князей — Василий Лобанов. Монарх отличил своего шурина, князя Ивана Буйносова. В списке «ушников» (доносчиков) царя Буйносов назван в числе самых близких к монарху лиц: «Шурии князя Василиы Шуйского сидел у кушанья», иначе говоря, исполнял обязанности кравчего. На думный чин кравчего мог претендовать только царский любимец.

Брак с Буйносовой доказывал, что государь искал опоры у родни — клана князей Ростовских. Конечно, эта знать, ограничивавшая власть Грозного, не отказалась от своих претензий и при Шуйском. В опричнину лишились головы князь Александр Горбатый-Суздальский, боярин Андрей Катырев-Ростовский, боярин Семен Росговский, Федор Троекуров-Ярославский. Царь Василий Шуйский весной 1608 г. при первом же кризисе, подверг опале князя Ивана Катырева и князя Ивана Троекурова. Эти двое были самыми знатными в роду Суздальских князей. Их ближайшие предки служили в боярах, а потому они сами претендовали на высший думный чин. Однако Шуйский не дал боярства ни Катыреву, ни Троекову.

В 1609 г. вождем оппозиции, пытавшейся низложить Шуйского, стал князь Роман Гагарин-Стародубский.

Факты подобного рода свидетельствовали о том, что положение новой династии оставалось непрочным даже после двух лет правления.

При Грозном оппозиция лишь однажды рискнула выступить против его произвола. При царе Василии знать не раз заявляла о своих требованиях.

Со времени смерти Сигизмунда II предметом дипломатических переговоров между Россией и Речью Посполитой был вопрос о личной унии двух славянских государств. В периоды бескоролья на польский трон претендовали сначала Грозный, потом его сын Федор, Борис Годунов и даже Лжедмитрий I. В свою очередь, польские дипломаты добивались утверждения на московском троне представителя польской династии. После смерти царя Федора свою кандидатуру на русский престол выдвинул Сигизмунд III.

Последний раз Боярская дума обсуждала проект унии в 1600 г. В составлении проекта непосредственно участвовал царь Борис.

С воцарением Василия Шуйского польская партия не исчезла. Ее вождь Мстиславский и другие влиятельные бояре искали случая возобновить переговоры о заключении унии, надеясь таким путем добиться прочного мира с Речью Посполитой, прекращая польской помощи мятежникам и завершения гражданской войны.

Иван IV безмерно возвысил Ивана Мстиславского, поставив его во главе думы. Сын боярина Федор наследовал от отца его пост. Знатные бояре дитовского происхождения испокон веков переписывались со своей родней в Речи Посполитой, и даже Грозный ничего не мог с этим поделать. В 1609 г. Ян Сапега громил из пушек Троице-Сергиев монастырь, а Федор Мстиславский посылал втайне грамотки «другу и брату» Сапеге, просил его «писать о своем здоровье» и выражал надежду, что ему, боярину, «даст Бог очи твои в радость видети».

Гедиминовичи не без основания полагали, что передача короны члену польской королевской династии упрочит их исключительное положение при московском дворе.

Ввиду постоянных военных поражений оппозиция в думе пришла к выводу о необходимости сместить царя Василия. В январе 1607 г. бояре тайно, через посла князя Григория Волконского, предложили Сигизмунду III передать царский трон королевичу Владиславу.

После возобновления мирных переговоров в Москве в начале лета 1608 г. бояре, по словам поляков, вновь обратились к королю с тайным предложением об устранении Шуйского и избрании на царство Владислава. Инициатива исходила от польской партии в Москве.

Придворный летописец Романовых сообщает наиболее подробные сведения о заговорах против Шуйского. Но он становится все немногословным, коль скоро возникает необходимость объяснить, кому бояре намеревались передать престол. Для Романовых вопрос об избрании Владислава был щекотливым. В момент составления летописи Владислав, законно избранный

московским Земским собором, все еще носил титул царя и великого князя Московского.

Слуга Мнишека записал в Дневнике I (11) июня: «Пришли вести, что все бояре покинули царя Шуйского и встали в поле, и говорили, что только мир при нем остался».

Приведенное известие следует сопоставить с записью «Нового летописца». В конце мая 1608 г. царь Василий собрал рать и отдал приказ о выступлении против «вора». Дмитрий Шуйский незадолго до того был разгромлен под Болховом. По этой причине пост главнокомандующего достался Скопину. Однако в самом начале похода Шуйский отозвал Скопина с речки Незнать в Москву. Предлогом послужила измена: «в полках жена ча быти шатость, хотя царю Василью изменить князь Иван Катырев, да князь Юрьи Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними». Ни один из «изменников» не имел воеводского чина.

Сохранилась Разрядная запись о походе Скопина на Незнать. Она датирована 29 мая. Слуга Мнишека записал в Дневнике 5 (15) июня: «Дня 15. Дано знать, что в столичном городе Москве начался большой мятеж, в котором сражаются между собой одни за Шуйского, а другие ни за ту, ни за другую сторону». Слова насчет «большого мятежа» и всех бояр, покинувших царя, кажутся большим преувеличением. Но утверждение, что в думе «сражаются» те, кто за Шуйского, с теми, кто ни за царя, ни за его противников, отразило истинное положение дел.

Заподозренные в измене были арестованы, доставлены в Москву и подвергнуты пытке. Шуйский не мог осудить лиц, принадлежавших к высшей знати, без боярского суда. Бояре же твердо стояли на том, что царь не должен «мстить» аристократии. Государю пришлось ограничиться служебными перемещениями. Князь Иван Катырев был отправлен первым воеводой в столицу Сибири Тобольск, князь Иван Троекуров попал на воеводство в Нижний Новгород, а князь Юрий Трубецкой — в Тотьму.

Царь Василий сурово расправился с сообщниками Катырева. Несколько дворян, в их числе Яков Желябужский, были казнены в Москве. Желябужские были выборными дворянами. Дьяк Григорий Желябужский получил чин думного дьяка

от Шуйского и сменил Афанасия Власьева в Казенном приказе. Еще до похода на Незнать, в феврале 1608 г., дьяк лишился думного чина и был отослан вторым воеводой в сибирский острог Тару.

По мнению С.Ф. Платонова, «чисто боярская шатость» была затеяна кружком Романовых. Едва ли это так. Двое главных заговорщиков представляли суздальскую знать. Летопись ничего не сообщает, кого заговорщики прочили на трон.

Армию, ранее подчинявшуюся Скопину, царь Василий вверил своему брату Ивану Ивановичу Шуйскому. Воеводы армии Скопина — Иван Воротынский, Иван Романов, Григорий Ромодановский, Иван Черкасский, Данила Мезецкий — сохранили свои посты. Снят был один Скопин. Фактически он был отстранен от руководства армией накануне решающих битв.

Москва оказалась в критическом положении. Присутствие в столице самого даровитого из полководцев — Скопина было абсолютно необходимо. Но князь Михаил был не только отозван с Незнани, но и отправлен царем в Новгород Великий. Для отставки нужны были серьезные причины. Видимо, Скопина заподозрили в том, что он был причастен к измене или же не проявил должного усердия в обличении заговорщиков. Ясно лишь одно: борьба за первенство внутри клана князей Шуйских началась.

Племянник царя получил жестокий урок. В дальнейшем он позаботился о том, чтобы обеспечить себе свободу действий и избежать произвола самодержца.

Рать князя Ивана была разгромлена в битве под Рахманцевом в окрестностях Москвы 22 сентября 1608 г. Сражение началось с того, что ратники обратили в бегство полки Микулинского, Вилямовского и Стравинского. В центре они окружили полк Яна Сапеги и завладели всей его артиллерией. Гетман едва избежал плена. Воеводы считали, что противник разгромлен, и не ожидали контратаки. Между тем Сапега вырвался из окружения и бросил в атаку две гусарские роты. Эта атака решила исход битвы. Победа обратилась в поражение. Иван Шуйский трусливо бежал с поля боя. Передовой полк воеводы Ромодановского выстоял. Но он не получил помощи от большого полка и

был разбит. Литовцы преследовали московские полки на протяжении четырех миль.

30 сентября к Яну Сапеге явились трое московских перебежчиков — служилый немец Виктор Франк и два сына боярских Максим Муранов и Вешняк Ефремов. Их показания были записаны в Дневник гетмана 1 октября 1608 г.: «Шуйскому установлен срок до Покрова, чтобы с «литвой» договорился или государство им оставил, тогда и он сам до того срока просил сенаторов своих и у всего мира, чтобы воздержались, не сдавали столицу».

Ответ за поражение Шуйскому пришлось держать перед боярами и всем миром. Дума требовала ответить, как случилось, что крупные отряды литовской армии оказались под стенами Москвы. Царю были поставлены определенные условия. Он должен был добиться вывода литовских ратных людей из России не позднее 1 октября. Если царю сделать это не удастся, он должен «оставить государство».

Перебежчики появились в лагере Сапеги через неделю после битвы под Рахманцевом. Вывести иноземные войска в столь короткий срок было невозможно. Очевидно, срок ультиматума был установлен много раньше.

Царь Василий приложил все усилия, чтобы выполнить требование бояр. В соответствии с мирным договором, подписанным польскими послами в Москве, король Сигизмунд III должен был отозвать своих подданных с территории России. Но Ружинский не собирался выполнять условия договора.

От имени думы царь Василий предложил провести переговоры. 7 сентября состоялся обмен заложниками. В Тушино прибыли бояре Андрей Юдицын и Иван Крюк-Колычев, в Москву — «боярин» Заруцкий и полковник Лисовский. При таких заложниках тушинцы могли затеять любую рискованную авантюру.

На переговорах польскую сторону представляли Юрий Мишке, Ружинский и двое братьев Вишневецких. Список русских представителей не сохранился. По всей видимости, комиссию возглавляли старшие бояре. С ними были стольники Василий Бутурлин и князь Семен Прозоровский. Переговоры не дали результатов. Шуйский не выполнил своих обещаний. Литовцы

продолжали громить его войска и разорять страну. Противники царя поняли, что низложить его можно только силой.

Осенью 1608 г. войска Сапеги перерезали Ярославскую и Дмитровскую дороги, что вызвало панику в столице. Дворяне из Новгорода, Пскова, Ярославля стали спешно покидать Москву и пробираться в родные места. Царь Василий пытался отговорить их и принуждал к присяге. Но помещики отвечали: «Нашим де домам от литвы и от русских воров быть разореным». Рязанские дворяне, покинув лагерь Болотникова, не пристали к «тушинскому вору». Рязань находилась поблизости от столицы, и многие из местных помещиков участвовали в обороне Москвы. Царь Василий еще до прихода Лжедмитрия II в Тушино настойчиво советовал рязанским служилым людям, «чтобы они для воровского приходу жен своих и детей присылали б к нам к Москве с людьми своими». Многие люди последовали его совету. Союз между столицей и Рязанским краем имел неоценимое значение для «царствующего града». Из Рязани в Москву постоянно шли обозы с хлебом и отряды ратных людей. Государь не раз благодарил за усердие и верность воеводу Прокофия Ляпукова.

К исходу зимы 1609 г. ситуация вновь осложнилась. Среди рязанских дворян, оборонявших столицу, обнаружилась «шатость».

Первая осадная зима принесла тяготы и нужду московскому населению. Враги царя решили использовать момент и совершить переворот. Заговор возглавили князь Роман Гагарин-Стародубский, вождь рязанских дворян Григорий Сумбулов и московский дворянин Тимофей Ильин (последний происходил из известной опричной семьи Грязных). Заговор был хорошо подготовлен. В нем участвовали до 200 дворян. Столько же было у Василия Шуйского, когда он сверг Лжедмитрия I. Но среди заговорщиков не было бояр, что сказалось на исходе дела.

25 февраля 1608 г. заговорщики проникли в Кремль и ворвались в думные палаты, где заседала Боярская дума. «Придя в верх к бояром, — повествует летописец, — и начаша говорить, чтоб царя Василия переменить». Действия Гагарина и его сообщников не были собственно мятежом. Они пытались низложить

царя законным путем, черездуму. Для этого надо было настоять на том, чтобы Боярская дума подтвердила свое прежнее решение об отрешении Шуйского в случае, если к 1 октября он не добьется вывода иноземных войск из страны.

Летописец уверяет, что бояре «отказаша» Гагарину. Правда заключается в том, что дума не выступила в защиту Шуйского и не приняла мер для вызова войск и подавления бунта. Вместо энергичных действий члены думы поспешно разъехались по своим дворам.

Гагарин с дворянами не были обескуражены. Из дворца они отправились в Успенский собор, где патриарх Гермоген вел богослужение. Прервав службу, они «ведоша его на Лобное место», где уже собралась большая толпа. Мятежники объявили владыке, что восстали на Шуйского за его тайные казни: «и топере, де, повели многих, нашу братию сажать в воду, за то, де, мы стали».

Патриарх вступил в спор с мятежниками и постарался убедить народ, что царь Василий не собирается никого казнить.

Гагарин и дворяне отнюдь не были сторонниками «царя Дмитрия», в противном случае они заявили бы, что Шуйский отнял трон у прирожденного государя. Заговорщики подчеркивали, что Василий не был избран всей землей. Им и в голову не пришло выпустить из тюрьмы арестованных агентов Лжедмитрия II.

Взывая к патриотизму жителей столицы, патриарх заявил, что государь избран Московским государством, которое всегда все «государства Русской земли слушали». Что касается кровопролития, оно есть кара Божья русским людям за грехи, особенно за измену законному государю.

Настроение толпы стало меняться. Гермоген покинул площадь и укрылся на своем подворье.

Царь Василий был выкрикнут в цари толпой. Гагарин и дворяне намеревались низложить государя таким же способом. Гермоген помешал им выолнить их план. Мятежники пытались вызвать на площадь бояр. На их призыв откликнулся один князь Василий Юлишин. Он наблюдал за происходящим, но в дело не вмешался.

По словам Гермогена, кроме Гагарина с товарищами на площади объявились тушинские эмиссары, которые «учали честь грамоту, писано ко всему миру из литовских полков от русских людей» с призывом свергнуть царя Василия. Однако сторонники Шуйского успели вызвать в Кремль войска из лагеря на Ходынке.

Царь решился покинуть хорошо охраняемый дворец и вышел к народу. Он не стал разгонять толпу силой, а вступил в переговоры с ее вожаками. Самодержец поклялся на кресте, что через три недели на помощь Москве придут рать его племянника Скопина и войско Федора Шереметева. Обещание было невыполнимо, но толпа послушала монарха и разошлась.

Окончание мятежа получило неодинаковое освещение в русских и иностранных источниках. По летописи, Гагарин и 300 дворян после провала мятежа бежали в Тушино. Согласно записи Дневника Салеги от 20 февраля (2 марта) 1609 г., в таборах Лжедмитрия II «прибыло несколько десятков простолюдинов, которые от всего мира привезли повинную грамоту... прося о милосердии». Речь шла о волнениях черни, происшедших за пять дней до выступления Гагарина. Тогда в Тушино отправились простолюдины с «посольством».

Следующая запись заключала сведения о мятеже в столице 25 февраля (7 марта) 1609 г.: «7 марта весь мир хотел выдать, связавши, Его Милости Царю (Лжедмитрию II) Шуйского». Сделать это не удалось, и москвичи отправили в Тушино «двести сынов боярских с повинной грамотой от всего мира» к «царьку». 2 (12) марта перебежчики предупредили Салегу, что «все дети боярские и немцы, чернецы и попы несколько человек, которые отъехали в царский лагерь из Москвы, устроили торжества измены и некоторые с ведома Василия Шуйского».

Тушинцы использовали любую возможность, чтобы спровоцировать беспорядки в Москве. Среди их агентов выделялись поп Иван Зубов и сын боярский Кирилл Хвостов. Этот последний получил от Салеги крупную сумму денег для «подкупления» москвичей. В свою очередь, царь Василий использовал любой повод, чтобы заслать своих людей ко двору «царька».

Гагарин и его сообщники бежали в Тушино после провала мятежа. С ними в «воровской» лагерь пробрались царские лазутчики.

Вскоре в столице произошли новые волнения. 2 апреля собравшийся на площади народ потребовал отречения царя Василия, не желая дальше терпеть трудности осадного времени. К народу вышли несколько думных бояр и купцы, представлявшие посадскую общину. В феврале — марте царь поклялся, что Скопин окажет помощь столице через три недели. Обещание не было выполнено. Но в начале апреля думные люди зачитали толпе грамоты от Скопина и Шереметева о выступлении в поход на Москву. Толпа дала себя уговорить.

Перебежчики уверяли тушинцев, что царь Василий не раз прибегал к хитрости. Его слуги сами изготовляли и подписывали ложные грамоты от Скопина. Гонцы тайно выезжали через одни ворота, а затем торжественно въезжали в другие, «чтобы мир видел». Грамоты содержали фантастические сведения о том, что Скопин ведет 200 000 шведов.

В марте царь объявил, что прощает всех участников заговора, как уехавших с Гагариным к «вору», так и оставшихся в столице. Прощение было своевременным. Князь Гагарин недолго пробыл в Тушине и уже в начале мая 1609 г. вернулся в Москву.

За попытку государственного переворота и измену в пользу «вора» Гагарина надлежало пытать и казнить. Но он явился с повинной, и его встретили с распростертыми объятиями.

Во время новых волнений в Москве 5 мая Гагарин выступил перед народом с горячей речью. Он засвидетельствовал, что «Дмитрий» — «прямо и истинной вор», и призвал москвичей не прельщаться «на дьявольскую прелесть». Он сказал также, что виновник беды, литовский король, хочет поправить православную веру. Его выступление помогло успокоить народ, но ненадолго.

Положение в государстве быстро ухудшалось, и от царя отворачивались даже его ближайшие сподвижники.

Окольничий Михаил Татищев оказал Василию Шуйскому неоценимые услуги при избрании на трон, но ожидаемых выгод не получил. Царь не пожаловал ему боярства и не допустил

в Ближнююдуму. Более того, в 1608 г. он выслал окольного из Москвы на воеводство в Новгород Великий, что было несомненным знаком опалы. Там он стал жертвой доноса и погиб.

Новгородский дьяк Иван Тимофеев был очевидцем происшедшего. Он хорошо знал и Татищева, и тех, кто донес на него. Тимофеев не жалел черных красок для обличения Михалки Татищева, но даже он не принимал всерьез версию об измене окольного в пользу «вора». Татишев, по авторитетному свидетельству очевидца, очень старался вернуться из изгнания (из Новгорода) в Москву, «некими злоухищрениями» вновь приблизиться к царю Василию, добиться высшей чести, сравняться честью с «первыми по цари в синглитех» (боярах), чтобы приступить к осуществлению своих дальнейших честолюбивых планов.

Татишев и Скопин были самыми решительными и отважными среди заговорщиков, свергших Растргу. Когда к Новгороду подошли тушинцы, Татишев просил Скопина послать его с «посылочным отрядом» на Московскую дорогу против «воров». В этот момент князю Михаилу донесли, будто Татишев идет для того, что хочет царю Василью изменить».

Получив донос в конце 1608 г., боярин Скопин избавился от «предателя» без суда и следствия. В Новгороде не прекращались волнения, и Скопин выдал Татищева на расправу толпе, объявив «вику его вслух всем людям». Поборами и притеснениями воевода Татишев успел навлечь на себя ненависть народа. Слова Скопина пали на готовую почву. Толпа возопила: «Да извергнется такой от земли!» Татишев был мгновенно расгерзан, труп брошен в Волхов.

Этот эпизод весьма характерен. Скопин действовал на манер Грозного. Он нарушил крестоцеловальную запись царя Василия, запрещавшую «мстить» и чинить расправу без боярского суда, в особенности когда речь шла о влиятельном члене Боярской думы.

Скопин тотчас послал в Москву гонца, чтобы известить государя о казни Михаила Татищева. Не зная, что предпримет московская дума, воевода на всякий случай стал искать оправдания для себя. Он «в притворе церковне» прилюдно объявил, что по-

винен в происшествии некий новгородский дьяк, который был «не мал советник и совещатель на убийство». Козлом отпущения должен был стать, кажется, дьяк Ефим Телепнев.

В глазах Тимофеева Скопин был героем. Оправдывая его, Тимофеев высказывал догадку, будто Татишев тайне готовил почву для низложения государя: «Мню, паче и самого своего сн царя, его же посади, коварствы некими дщася, дошед, низложити», «яко возможе того (царя Василия. — Р.С.) на престоле посадити, мошен, мняшеся, того и низвергнути, клюкам своим належа». «Мню» — так пишет Тимофеев, но не ссылается на свидетелей и не приводит никаких доказательств.

Страшная расправа с Татишевым произвела сильное впечатление в Москве. Встревожились прежде всего лица, принадлежавшие, как и Татишев, к кругу ближайших советников государя. В этом круге возник заговор, во главе которого встал дворцовый боярин Иван Крюк-Колычев. Заговорщики намеревались убить царя Василия и совершить переворот в Вербное воскресенье — 9 апреля 1609 г., во время церемонии въезда патриарха в Кремль. Во время шествия царь «вел ослять» под владыкой и не был плотно окружен стражей. Мятежники надеялись использовать момент и убить государя. Волнения в столице вспыхнули за неделю до назначенного дня, что спутало планы заговорщиков.

Дворецкого Ивана Крюка-Колычева погубил чашник Василий Бутурлин. Чашник имел рспугацию доносчика. В списке «ушников» царя Василия о нем сказано: «А такова вора и доводчика нет, и на отца своего родного доводил». Возможно, царь получил не один донос. Под начальством Крюка служили дворцовые дьяки. Опала дворецкого не сказалась на их карьере. Более того, они попали в список «ушников»: «Днаки дворцовые Филип да Афиноген Федоровы дети Голенишева. Злые шептуны». Шептунами называли лиц, шептавших в уши государю доносы.

На протяжении двух десятилетий Колычев был едва ли не самым верным сторонником Шуйских. По словам Исаака Массы, в народе Крюк пользовался большим уважением. Заговор

угрожал жизни монарха, и тот не пощадил прежнего любимца. Воеводу вывели на Пожар и казнили.

Заговор был обезглавлен, но сообщники Крюка не отказались от своих намерений. 6 мая Сапега получил весть о новых волнениях в Москве. Тотчас после этого в Тушино бежал молодой подьячий Чубаров, служивший в Судном приказе. Он сам знал мало и не мог ответить на простейшие вопросы, заданные ему в Тушине: преданных Шуйскому бояр назвал приверженцами «Дмитрия». Однако перед побегом Чубаров имел беседу с участником заговора, сыном боярским Саввой Таракановым. Этот человек, видимо, и послал молодого подьячего к «вору» с важными вестями.

Савва поведал Чубарову, что «из их думы» казнен Колычев, который один был на пытке, но «ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили»; «и оне же своим старым заговорам умышляют и хотят его (царя Василия. — Р.С.) убить на Вознесенев день из самопала». Итак, уцелевшие участники заговора отложили покушение на последнюю декаду мая. Тараканов подтвердил, что в заговоре с Колычевым были бояре, дворяне и посадские торговые люди. Судя по способу убийства, в заговор были вовлечены стрельцы из кремлевской охраны государя.

Секретари Сигизмунда III в январе 1610 г. записали в Дневнике: «...в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского. Множество бояр, а мир чуть ли не весь, хотели иметь князем Голицына, пока не узнали о нашествии короля». Вторжение началось в сентябре 1609 г., а значит, приведенное известие относилось к весне — лету 1609 г. Не Голицын ли был сообщником Колычева, и не ему ли заговорщики предполагали передать корону? Заслуживает внимания родство Крюка с Голицыными: он был женат на княжне А.А. Голицыной.

Шуйский не стал распутывать клубок измены, так как не хотел множить раздоры с боярами.

В период гражданской войны система управления утратила некоторые черты самодержавного режима. Подданные могли призвать монарха к ответу, открыто заявить о своих требованиях, обсуждать вопрос об отрешении государя от власти.

После восшествия на престол царь Василий допустил в Ближнюю думу, кроме своих братьев и племянника, также бояр Василия, Ивана и Андрея Голицыных, окольных Ивана Крюка-Колычева и Василия Головина. Приведенные имена Сапега собственноручно записал на карте Московии, выделив «ближних людей» царя. Двусмысленное поведение Голицыных привело к их изгнанию из Ближней думы. Выбыли из Ближней думы также Скопин и Колычев.

Сразу после свержения Шуйского некий московский чиновник — приспешник короля — составил список «ушников» Шуйского, якобы повинных в смущении Московского государства. Автор документа был, возможно, Федор Андронов. В середине августа 1610 г. он обратился к канцлеру Сапеге с предложением удалить и заменить деятелей предыдущего царствования.

Андронova отличали язвительная речь и цинизм. Образцом его стиля может служить письмо канцлеру Льву Сапеге. Андронов так прокомментировал обещания Жолкевского московитам, данные при подписании московского договора и избрании Владислава: «...где было не учинить тех договоров по их воле, тогда было, конечно, пришло на то, доставать саблю и огнем... лугчи ся с ними тепере обойтись по их штукам; те их штуки к часу нарушим, их на иную сторону, на правдивую наворотим». Список «ушников» был составлен в тех же целях: «наворотить» события в свою пользу, водворив в Москве послушную клиентуру.

Среди «ушников» Шуйского были бояре князь Иван Куракин и Борис Лыков. Куракин был отличным воеводой и не раз доказывал преданность царю. За это ему была пожалована богатейшая вотчина боярина Петра Басманова, отписанная в казну после смерти вельможи. Братья князя Ивана Куракина получили от царя Василия обширные вотчины из дворцовых земель.

Ближними советниками царя были окольные князь Данила Мезецкий и Артемий Измайлов, думные дворяне Василий Сужин и Иван Чепчугов, постельничий Иванис Ададуров, а также спальник Иван Измайлов («ближе его и не было»), «отливной чашник» Тимофей Измайлов и стольник Василий Измайлов, «а братья его и племянники — ближние стряпчие».

В числе «ушников» и «шептунов» царя названы великородный стольник князь Иван Одоевский, князя Ярославского дома кравчий Семен Прозоровский и Алексей Львов («великий шептун и нанозшик Шуйскому»), князь Григорий Хворостинин.

Князь Курбский смеялся над царем Иваном зато, что тот, не доверяя знати, ищет «есрников» среди «худородных» приказных людей. Шуйский также приближал приказных. В числе его «ушников» значились родня царицы думный дьяк Василий Янов из московского Разрядного приказа, дьяк Василий Телепнев из Посольского приказа, Томило Луговской из новгородского Разрядного приказа, дьяк Михаил Бегичев («А диачество ему дано за шепталье»), дьяки дворцовые Юленишевы («Злые шептуны»).

Среди сановников составитель списка особо выделил Сукина: «Думной дворянин Василей Борисов сын Сукин. Сидел в Челобитной избе и людей втайне сажал в воду по Шуйского веленью и сам замышлял». Знатный дворянин Сукин получил думный чин от Бориса Годунова. Царь Василий поставил его во главе Челобитного приказа. В окружении Шуйского Василий Сукин играл, по-видимому, ту же роль, что Малюта Скуратов при Грозном или Семен Годунов при Борисе.

Созданный при Иване IV Челобитный приказ был предназначен для того, чтобы донести до царя жалобы населения на сановников и приказных. В конце правления царя Василия этот приказ стал едва ли не главным сыскным ведомством государства. В него стскались, помимо жалоб, бесчисленные доносы.

Соратником Сукина был окольныйчий Артемий Измайлов («Был у воровских дел у Шуйского»). Под «воровскими делами» подразумевались розыск и искоренение государственной измены. Постельничий Иванис Адауров ведал внутренней дворцовой стражей и также был причастен к розыску и казням. О нем в списке сказано: «А такова вора и на Москве нет».

Самодержавный режим, сложившийся при Грозном, имел характерные особенности. Сыскное ведомство и Пыточный двор приобрели значение, которого не имел ни один другой приказ. Иван IV дневал и ночевал на Пыточном дворе, чего нельзя сказать о Василии Шуйском. Он не был жестоким от природы

человеком. Но ему довелось править в обстановке гражданской войны, отличавшейся крайней жестокостью.

Первые массовые казни были проведены в Москве в декабре 1606 г. Болотниковцев, сдавшихся в плен, верстали на службу. Тех, кто отказывался сложить оружие, казнили. Репрессии не прекращались до времени царской свадьбы в начале 1608 г. По словам очевидца Исаака Массы, арестованных, «как это видели, каждый день топили»; такая казнь «совершалась в Москве уже два года кряду», «и когда весной наступило половодье, то вместе со льдом выносило на равнину трупы людей, наполовину съеденные жуками»; «и эти мертвые тела лежали там по берегам и гнили тысячами, покрытые раками и червями»; «все это я сам видел в Москве».

Авраамий Палицын горько порицал царя Василия, угодившего гонимому зверю, который «хапает обоюду, не ведая что», вместе с повинными казня невинных. В обстановке мятежей многие люди, зная истину о замышлявшейся измене, «не возвешаху на них (изменников. — Р.С.) ни царю, ни вельможам». Возвешавших же называли так — «клеветники и шепотники».

По масштабам репрессии Шуйского не уступали опричному террору Грозного. Но были и существенные различия. Царь Иван разгромил Новгород, ложно обвинив новгородцев в заговоре и измене. Царь Василий столкнулся не с мифическими, а с реальными заговорами и мятежами, угрожавшими его власти и жизни.

Казни в отношении простолюдинов и дворян были неодинаковы. Простой народ казнили беспощадно, с дворянами обращались милостиво. В Московском государстве с давних пор за государственную измену полагалась смерть. Царь Василий если не отменил смертную казнь, то, во всяком случае, очень редко прибегал к этой мере, коль скоро речь шла о московской знати и дворянах. Крестоцеловальная запись, составленная при воцарении Шуйского, не была ключком бумаги.

И московский государь, и «тушинский вор» старались любыми средствами привлечь на свою сторону высшие сословия. До Тушина было рукой подать, и немало дворян бежали к «вору»

в поисках богатства и чести. Лжедмитрий II жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на земли. Щедрый на обещания, «царек» не имел денег, чтобы хорошо платить перебежчикам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в столицу. Случалось, что они по нескольку раз переходили от царя к «царьку» и обратно. Ни беглецы, ни их родня не подвергались преследованиям в Москве. «Перелеты», будучи государственными преступниками, нисколько не боялись того, что с их плеч слетит голова. Бессилие власти плодило измену.

Царствование Василия Шуйского было бесславным для монарха и гибельным для народа. Это всецело определило оценку личности царя современниками.

Иван Тимофеев написал, быть может, самую пристрастную биографию Шуйского. Дьяк успешно служил в столичных приказах. Он выделялся среди приказных острым умом и литературным талантом и мог рассчитывать на блистательную карьеру — думный чин. Он сопровождал царя под Тулу. После похода он не только не получил наград, но был отправлен «в изгнание» в Новгород. Карьера его была безвозвратно загублена. Писатель имел все основания негодовать на монарха.

Царь Василий, писал дьяк, царствовал в пролитии невинной крови; сокровища прежних российских государей расточил; отбирал у церкви драгоценную утварь, чеканил из нее деньги и тратил на распутство и пьянство. «Царь Василий, — писал один из его современников, — возрастом (ростом. — *Р.С.*) мал, образом же нелесным, очи подслепы имея; книжному почитанию доволен и в разсуждении ума зело смыслен, но скуп велми и неподатлив». Внешность Шуйского была далеко не царственной.

Неверно было бы утверждать, что Шуйский был полностью лишен качеств, необходимых для управления государством. Знаяшие государя люди утверждали, что он довольно много читал и, по меркам своего времени, был образованным человеком. Его «рассуждения ума» отличались глубиной и опровергали молву о глупом царе. При всей своей предубежденности, Тимофеев признавал, что, будучи боярином, среди сверстников — равных ему по чину — Шуйский занимал выдающееся положение первосоветника, был первым указчиком в собрании всего синклита.

та — Боярской думы — обо всех подлежащих управлению мирских делах. Лишь став царем, он «развратился» умом.

В мирное время Шуйский был бы неплохим монархом. Но ему пришлось воевать все четыре года царствования. В таких условиях венценосцу более всего требовались такие качества, как отвага и воинские способности.

Род Шуйских-Суздальских дал России ряд выдающихся полководцев. В их числе были покоритель Казани князь Александр Горбатый, герой псковской обороны князь Иван Шуйский. Храбрым воеводой был молодой Андрей Шуйский. Горбатый был убит Грозным, а Иван и Андрей — Борисом Годуновым. Не чувствуя склонности к военным подвигам, царь Василий перепоручал высшее военное руководство бездарному брату Дмитрию.

Современники приписывали Шуйскому все возможные грехи. Он якобы «царствовал в блуде» и все деньги, положенные на годовое жалованье воинам, «прожил с блудницами».

Заняв трон, Шуйский всего полтора года оставался вдовцом, а затем стал вести жизнь семейного человека. Средневековые владетельные особы далеко превосходили в блуде библейского царя Соломона, примером чему была жизнь Грозного. Жизнь Шуйского не шла ни в какое сравнение с жизнью «благочестивейшего» Иоанна Васильевича.

Шуйский предчувствовал грядущую катастрофу и задумывался над тем, как обеспечить свою жизнь после утраты власти. В свои замыслы он посвятил думного дьяка Григория Елизарова. Против его имени в списке «ушников» государя помечено: «Сидел в (приказе. — Р.С.) Новгородской четверти. Сам еретик и еретики ему приказаны. Да у него ж многая Государева казна, и ведает, где казна кому раздавана и рохоронена». Ближний слуга Елизаров якобы завоевал доверие царя «ересью» — гаданиями и волшебством. С помощью дьяка Шуйский спрятал в тайниках многие сокровища царской казны. Другие ценности были розданы верным людем.

В конце жизни царь Василий под влиянием сплошных неудач все чаще впадал в отчаяние. Подобно Борису, он предался «богомерзким гаданиям». По его приказу во дворце были ус-

роены особые палаты, в которых поселились ведуны и ведьмы, «ради непрестанного, ночью и днем, с теми колдовства и совершения волшебных дел».

Кудесниками во дворце ведал особый чиновник, пользовавшийся исключительным доверием государя. В списке «ушников» царя значится: «Спальник Иван Васильев сын Измайлов. Был у Шуйского у чародеев и у кореньщиков. Ближе его и не было». Кореньщиками называли колдунов, которые могли «портить» людей с помощью волшебных корней.

Посредством магии царь Василий пытался избавиться от врагов и повлиять на ход событий. В глазах богобоязненных людей, он оставил Господа и прибегнул к помощи бесов.

Даже в кругу ближних бояр царь не находил людей, которым мог бы довериться вполне. В думе все «друг друга ненавидяху и друг другу завидоваху». Государь не открывал своих истинных помыслов даже «первоначальствующим державы своей», «двоемыслен к ним разум имея». Ближние бояре платили ему той же монетой.

Польское вторжение

Повторное «спасение» мнимого сына Грозного заставило вспомнить об опричнине. Лежедмитрий II охотно принимал в свою думу выходцев из старых опричных фамилий. Лев Салтыков был опричным дворецким. Михаил Салтыков фактически являлся главой тушинской думы. Михаил Черкасский был первым боярином из опричнины. Князь Дмитрий Черкасский стал видной фигурой в «воровском» лагере. Трубецкие возглавляли «двор» Грозного. Князь Дмитрий Трубецкой получил боярство от «вора». Басмановы-Плещеевы выступили как инициаторы опричнины. Плещеевы слетелись в Тушино стаей. Боярство получили Федор Плещеев, Иван Глазун-Плещеев, окольниковство — Михаил Колодкин-Плещеев. Видную роль в опричнине и на «дворовой» службе играли Нагие, Бузурлины и Годуновы. Андрей Нагой, Михаил Бузурлин и Иван Годунов числились

боярами «вора». Один из Наумовых был опричным постельничим. Иван Наумов заслужил у Лжедмитрия II боярство.

Ситуация складывалась столь неблагоприятно для царя Василия, что «воровские» бояре имели шанс овладеть всем Московским царством.

Появление на троне Шуйского рано или поздно должно было привести к пересмотру всей системы местничества в пользу княжеской суздальской знати. Противники царя Василия не желали допустить такого поворота дела. Но в Тушинский лагерь каждого из них привели свои особые обстоятельства.

Хорошо обученное наемное войско, ядро которого составляли польские гусары, неоднократно одерживало верх над московским дворянским ополчением. Но содержание наемников требовало огромных средств, которых у «царька» не было.

В начале 1609 г. сейм Речи Посполитой должен был обсудить вопрос о вторжении в Россию. На сейм прибыли послы наемного войска из Тушина. В их инструкциях имя «царя Дмитрия» вовсе отсутствовало. Войско называлось самозванца «тем, которого они (москвиты. — *Р.С.*) теперь носят на руках, которого мы (солдаты) выдвигаем на престол Московский».

Мнишск вызвался руководить действиями тушинских послов в Польшу, за что Лжедмитрий II заплатил ему 3000 рублей, а «царице» Марине «пожаловал» удельное княжество Калужское. В апреле Лжедмитрий II выслал Юрию Мнишеку жалованную грамоту на города Северской и Смоленской земель, в свое время обещанные сенатору Отрепьевым.

Сигизмунд III выслушал послов от тушинского наемного войска. Вместе с послами «рыцарства» в Польшу прибыли Лопухин и другие послы от Лжедмитрия II. Король отказал им в аудиенции и приказал выпроводить из Речи Посполитой. Он лелеял планы захвата Смоленска и Северских земель и присоединения их к коронным владениям.

Окружавшие Лжедмитрия II поляки с презрением отзывались о его образе жизни, достоинствах и привычках. В королевском Дневнике, который вели секретари Сигизмунда III, можно найти яркую характеристику «обманщика»: «он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, страшный хульник,

пьяница, развратник... не бывает ни на каком богослужении»; «у него после побега нашли Талмуд».

Жизнь во «дворце» не прошла для шкловского учителя даром. Он быстро усвоил привычку к роскоши. Гетман Жолкевский пренебрежительно именовал обманщика «этот франт». «Вор» не жалел денег на изукрашенные камнями и золотом одежды и собольи шубы.

Траты самозванца вызывали раздражение у наемных солдат. По их расчету, государь задолжал им 5 миллионов рублей, или 17 миллионов злотых. 1 февраля 1609 г. солдаты подняли бунт. Они потребовали у «царька» выплаты всех заслуженных денег, грозя ему расправой. Собрав войсковое коло, пашники избрали из своей среды десять депутатов — «децемвиров». Они должны были в течение трех недель собрать начисленную сумму. Децемвиры не могли исполнить это решение. Но они установили жесткий финансовый контроль за доходами и расходами самозванца.

Лжедмитрий II уразумел, что пора спасать голову. Однако слуги «вора» выдали его планы Ружинскому. Польское командование отдало приказ о взятии самодержца под домашний арест.

Контроль децемвиров резко ограничил права «воровской» думы, приказов и уездных тушинских воевод. Эволюция тушинского движения завершилась. «Воровской» режим стал дискордацией для кровавого режима иноземных завоевателей.

Самозванец контролировал огромную территорию. Но в глазах народа тушинские порядки все больше утрачивали привлекательность. Лжедмитрий II не продержался бы и года, если бы общий хаос не подрывал силы правительства.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распоряжались во владениях «царька», как в завоеванной стране. Они не добивались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец не мог оплатить им «наем» и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной «царька» стоят иноземные захватчики. На собственном опыте народубеждался в том, что литовские люди и тушинские воеводы несут и еще худшие притеснения, чем старая власть.

«Литва» и поляки разбирали города в кормления — «приставства». Солдаты забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Сбор провианта и податей сопровождался неслыханным произволом. Тушинская власть была бессильна установить на подвластных ей территориях хотя бы какой-нибудь порядок, защитить население от грабежа и разбоя. Сохранилось множество челобитных от детей боярских, крестьян, посадских людей с жалобами на грабежи, истязания и убийства и с мольбами о защите от панов, солдат и казаков из Тушина. Произвол, насилия и убийства носили повсеместный характер.

В Подмоскovie долгое время орудовал атаман Наливайко. Его казаки многих людей, дворян и детей боярских побили «до смерти, а жон и детей позорили и в полон имали». Предводитель шапки побивал людей «до смерти своима рукама». Тушинские дворяне повесили его. Но такое случалось нечасто.

Насилия вызвали отпор со стороны населения. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Воложан поддержали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Галич, но успех их был непрочен. Получив поддержку от царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 г. отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве как в клетке, не мог использовать наметившийся успех. Пассивная и бездеятельная впасть не внушала никому ни страха, ни уважения. Утратив опору даже в ближайшем окружении, царь Василий стал возлагать

надежды на шведскую помощь. Три года король Карл IX слал в Москву гонцов с предложениями и направить в Россию воинские силы. Его хлопоты наконец увенчались успехом.

28 февраля 1609 г. посольство от князя Михаила Скопина и представители шведского короля подписали в Выборге союзный договор. Король обязался прислать в помощь Москве наемное войско — 3000 пехоты и 2000 конницы. Царская казна брала на себя все содержание армии. Жалованье наемников было определено в 32 000 рублей ежемесячно. Взамен шведы потребовали от русских территориальных уступок. Скопин обязался передать шведам крепость Корелу с уездом.

Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX надеялся разгромить поляков в России, избежав больших потерь. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и спешно переправляли их на русскую границу, где они переходили на содержание царя.

10 мая 1609 г. Скопин покинул Новгород. С ним было до 3000 русских воинов и 5-тысячный шведский корпус. Тушинцы пытались остановить Скопина под Тверью, но были разгромлены.

Наемники тотчас потребовали вознаграждения. Не получив денег, они немедленно взбунтовались и ушли к границе. В армии Скопина осталось 300 шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Опираясь на земское движение, Скопин развил наступление. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала 3-тысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 тысяч человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления тушинцам оставался Троице-Сергиев монастырь. Гетман Ян Сапега тщетно осаждал лавру в течение 16 месяцев. Монастырь имел высокие башни и мощные стены. Стрельцы, монахи и крестьяне отразили все приступы врага. Окрестное население помогало гарнизону монастыря людьми и продовольствием. Приближе-

ние армии Скопина вызвало тревогу в стане под Троицей. Сапега попытался разгромить воеводу в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 г.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а затем Речи Посполитой.

После смерти Лжедмитрия I Шуйский направил в Крым посла, с тем чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но посол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Восстание в южных городах прервало русско-крымские дипломатические сношения. С весны 1609 г. Крымская орда приняла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, совершив грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве неспеша, сжигая по пуги села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Боровска.

Положение в Москве было неустойчивым, и Василий Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против польского короля.

Население разоренных пограничных поселений громко проклиняло царя, призвавшего «поганых» и тем потубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у западных стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции на севере под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с Юга.

Положение России было критическим. В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили начать открытую интервенцию против Русского государства. Найти повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить Тушинский лагерь и изгнать с рус-

ских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он присвоил его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX сверг Сигизмунда III и занял шведский престол. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон.

Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар по династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь пожертвовал государственными интересами Польши в угоду навязчивой идее. Увязнув в войне с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии.

Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали сопротивление в польском обществе. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов.

Никто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта получит обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них не доставало средств для их осуществления. Польская шляхта отнеслась к идее «крестового похода» без всякого энтузиазма. Никто не выражал так много сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой, в народе и даже среди сенаторов, предупреждал гетман, многие не одобряют этой войны и считают, что король стремится извлечь выгоду лично

для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей насчет колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств.

Польские послы, вернувшись из Москвы, уверяли короля, будто знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 г. отряды Льва Сапегги подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать насчитывала немногим более 12 тысяч человек. В ней было больше кавалерии, чем пехоты. Артиллерийский парк состоял не более чем из полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в начале XVI в. вошел в состав Русского государства. Через Смоленск пролегали торговые пути, связывавшие Россию с Западом. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6000 дворов. Население превышало 20 000 человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, надежно защищающим Русскую землю. Смоленские стены имели протяженность почти шесть верст, а их толщина превышала пять метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С начала военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека из горожан, вооруженных ружьями и саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян.

Со времен войны с первым самозванцем московское командование собрало в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затянув поход на Смоленск, Сигизмунд III особым указом (универсалом) объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью.

Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспрецедентная 20-месячная оборона города.

12 октября королевская армия предприняла штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраамиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Насмешники подвели мины под крепостную стену. С помощью подкопа смоляне нейтрализовали угрозу. Они тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Среди бела дня кучка храбрцов переправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Михаила Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и поляков замосковские волости и города. Соперничавшие гетманы Ружницкий и Ян Сапега осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую восводой, но потерпели неудачу.

Вторжение войск Речи Посполитой побудило Москву искать более тесного союза со Швецией. 17 декабря 1609 г. царь заключил со шведами новое соглашение, предусматривавшее оплату дополнительной военной помощи со стороны Швеции, а также возможность новых территориальных уступок со стороны России.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Мощь России была подорвана гражданской войной. Но ее армия отразила нападение королевской рати.

Распад Тушинского лагеря

Воеводы Лжедмитрия II сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в Тушинском лагере. «Боярская дума» «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Насмешники не прочь были вернуться на королевскую службу. Помехой была алчность. Наемное воинство и слышать не желало оботкзасот «заслуженных» миллионов. В конце 1609 г. самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили «царька» даже визита вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа «Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленском. Переговоры зашли в тупик.

Воспользовавшись моментом, в Тушино тайно пробрался Адам Вишневецкий, «маршалк» Лжедмитрия II. Встреча закончилась попойкой. На радостях «царек» подарил старому «другу» саблю, коня с богатой сбруей и свою парадную одежду. Вест об этом вызвала возмущение солдат. Ружинский выставил дверь царской избы и стал бить палкой пьяного папа Адама, пока палка не сломалась в его руке. Затем он обозвал «самодержца» сукиным сыном и бросил ему в лицо: «Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так давно проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще». Шкловский бродяга едва избежал побоев.

Переговоры с королевскими послами усугубили раздор между поляками и русскими тушинцами.

Дела в «воровском» лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Гетман и прежде не церемонился с «царьком». Теперь он обращался с ним, как с ненужным хламом. Лжедмитрию II перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Население предместий тушинской «столицы» продолжало верить в справедливое дело «Дмитрия». Оно укрывало «царька», когда тому удалось покинуть «дворец». Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером 27 декабря 1609 г. к южной заставе подъехали казаки с телегой, груженной тесом. Не усмотрев ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне повозки лежал, съезжившись в комок, московский «самодержец». Он был завален дранкой. Подле «вора» на дне повозки лежал его шут.

Прибыв в окрестности Калуги, Лжедмитрий II обратился к жителям с воззванием. Он жаловался на измену Ружинского, который обещал королю Северскую землю. «Вор» клялся, что не отдаст полякам ни пяди русской земли, но вместе со всем народом умрет за православную веру.

Гарнизон Калуги тут же открыл ворота и встретил «царя» хлебом-солью.

Едва в Тушине распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии самозванца. Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил «царька». Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Вскоре в Тушине узнали, что «царек» жив и находится в Калуге. Гонцы привезли его воззвание к войску. Лжедмитрий II извещал наемников о том, что Ружинский вместе с боярином Салтыковым явно покушались на его жизнь, и требовал отстранения гетмана.

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как Отрепьев. Брошенная мужем на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своими женскими прелестями. Она «распугно проводила ночи с солдатами в их палатках, забыв стыд и добродетель». Так писал в дневнике ее дворецкий.

Старания Мнишек не привели к успеху, и она отправилась в лагерь Сапеги в Дмитров.

Разнородные силы, с трудом уживавшиеся в одном стане, пришли в открытое столкновение после исчезновения Лжедмитрия II. Низы инстинктивно чувствовали, какую угрозу для страны таит в себе соглашение с завоевателями, осадившими Смоленск.

Польские наемники готовились перейти на службу к Сигизмунду. Казаки не желали следовать их примеру и намеревались пойти за «государем» в Калугу. Тщетно Заруцкий звал их в королевский лагерь. Рядовые казаки отказывались повиноваться ему.

Глава Казачьего приказа продолжал преданно служить гетману Ружинскому и тушинским боярам. Столкнувшись с неповиновением, он попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого. Более двух тысяч донцов миновали Тушинские заставы и с развернутыми знаменами двинулись по направлению к Калуге.

Заруцкий привык добиваться своего, какой бы кровью это ни стоило. Он бросился к палатке Ружинского. Гетман вывел в поле конницу и напал на отходивших пеших казаков. Дорога от Тушина до Калуги была усеяна трупами.

Однако наемникам вскоре пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровопролитие ускорило размежевание сил внутри Тушинского лагеря. Сопротивление возглавил ближайший соратник Болотникова, атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, стоявшему в Серпухове, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Восстало население нескольких других городов, верных Лжедмитрию II.

В хаосе гражданской войны давно спугались привычные пути-дороги. Зброшенные судьбой в Тушинский лагерь, повстанцы оказались поистине в трагическом положении. Им не было места в стане тех, кто разгромил армию Болотникова. У них не осталось иного пути, кроме как идти за «царьком» в Калугу.

Опыте Ружинским ничему не научил «вора». Более всего он боялся остаться без помощи иноземных покровителей. В Калуге самозванец окружил свой двор немецкими наемниками.

Скопин нанес поражение Сапеге и предпринял штурм Дмитрова. При обороне крепости отличилась Марина. Видя малодушие солдат, она бросилась на вал с криком: «Злодеи, я женщина, и то не испугалась!» Сапеге не желал отпустить «царицу», но она пригрозила, что будет защищаться от него с тремя сотнями и донских казаков. Переодевшись в мужское платье, Мнишек бежала в Калугу, столицу своего удельного княжества.

Порвав с Ружинским, «царек» обратился за помощью к Яну Сапеге и добился его поддержки.

К великому своему неудовольствию, казаки увидели, что их «государь» усердно возрождает старый Тушинский лагерь. Пресытившись войной, донцы толпами покидали Калугу и возвращались в свои станицы.

В Тушине события развивались своим чередом. Сигизмунд III велел своим эмиссарам вступить в переговоры с Филаретом и русскими тушинцами и предложить им отдаться под его власть. Послы убеждали патриарха и бояр, что король пришел в Россию с единственной целью — взять русских под свою защиту и освободить их от власти тиранов. Авантюра близилась к бесславному концу, и «воровские» бояре готовы были пуститься во все тяжкие, лишь бы продлить игру.

Даже они не решались объявить себя подданными короля-католика. В глазах русских людей государь был прежде всего главой православного царства. Патриарх и «воровская» дума благодарили Сигизмунда III за милость, но сообщали, что при всем желании видеть на московском престоле короля с его потомством они не могут решить столь важного дела без совета всей земли. Таким образом, «тушинская» дума уклонилась от принятия подданства Речи Посполитой.

Как только самозванец бежал из лагеря, Филарет и бояре тотчас укрепились договором и вошли в соглашение с польско-литовскими командирами: не отъезжать «к Шуйскому и Михайле Скопину», а также «ни Шуйских, ни иных бояр московских никого на государство не хотеть».

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда III. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела злое значение в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избранник польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распадался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Михаил Салтыков с сыном, князь Василий Мосальский, князь Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Михаил Молчаев и дьяки — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Предлагая возвести на царский трон королевича, Михайла Салтыков «с плачем» говорил о необходимости сохранить в неприкосновенности православную веру и традиционные порядки Московского государства, а сын боярина высказывал надежду, что король умножит «права и вольности» народа.

Статьи об унии, представленные Тушинскими послами, не сохранились. Но известен «отказ» (ответ) короля на эти статьи, датированный 4 февраля 1610 г. Этот документ был вручен тушинцам, а также распространен в Речи Посполитой и отправлен боярам в Москву. Сигизмунд III согласился с тем, что Московское царство, вступив в тесный военный союз с Речью Посполитой, сохранит полную автономию.

Русские статьи соглашения предусматривали, что Владислав Жигимонтович «произволит» принять греческую веру и будет коронован московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

По тушинскому проекту, Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской собор-

ной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без соборов. Королевицу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, с высшим духовенством, с боярами и со «всей землей». Под «всей землей» тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Составители договора ни разу не упомянули о «московских княжеских родах». Подобное умолчание объяснялось тем, что княжеская знать, включая суздальских князей, в массе сохраняла верность династии Шуйских.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станов» (мелких дегей боярских) по заслугам. Владислав не должен был «никого поневоле» выводить из Московии в Польшу. Русским дворянам разрешалось ездить для науки в другие государства. Договор гарантировал им сохранность поместий и «животов».

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Они настойчиво рекомендовали Владиславу «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служить им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

Филарет Ромаков одобрил заключенное соглашение и, покинув «воровскую» столицу, отправился в королевский лагерь.

Каким бы ни было содержание смоленского договора, сам договор оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд отказался представить тушинцам гарантии его выполнения. Впрочем, казюбности в гарантиях не было: тушинское правительство распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском. Они окончательно превратились в прислужников иноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и ускорить завоевание пограничных земель.

Смоленский договор еще более осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича.

ча. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаловал тушинцам земли, ему не принадлежавшие.

В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению Московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению блистательных планов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить гарнизон к сдаче крепости. Оряды Ружинского и Яна Сапеги не сумели удержаться в Подмоскovie. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег Тушинский лагерь и ушел к Волоколамску.

Смерть Скопина

Военные успехи князя Михаила Скопина были впечатляющими. Он неуклонно приближался к столице, громя тушинцев. Дворяне не верили в неудачливого царя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника.

Прокофий Ляпунов раньше других выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину-Шуйскому он писал о царе Василии «со многими укоризнами», зато молодого воеводу «здороваше» на царство. По словам поляков, в войске, которое Скопин вел к Москве, его звали царем.

Свою грамоту Ляпунов отправил Скопину в Александровскую слободу. Рать Скопина освободила Александровскую слободу в октябре 1609 г. А это значит, что вождь рязанских дворян пришел к мысли о низложении царя Василия сразу после вступления Речи Посполитой в войну.

По местным меркам, Скопины стояли очень высоко. При обороне Пскова от войск Батория князь Василий Скопин числился старшим воеводой крепости, а Иван Шуйский формально ему подчинялся. Лжедмитрий I не мог произвести в бояре 19-летнего юношу, но пожаловал ему боярский оклад.

- Поляк Станислав Немоевский хорошо знал польских секретарей «царя» и был принят при дворе. Накануне переворота он

задержался в комнате у «Дмитрия» до часа ночи. Его осведомленность не вызывает сомнений. Согласно дневниковым записям Немоевского, высшие оклады при дворе «Дмитрия» были положены «Шуйским: первому — Михаилу Скопину — 600 рублей, Василию — 600, Дмитрию — 600, Ивану — 500, Татишеву — 300, Воротыньскому — 300». Даже не будучи боярином, Скопин числился «первым» из Шуйских и получал такой же оклад, как старший боярин Василий Шуйский и его брат.

Превосходя трех братьев Шуйских знатностью, Скопин обладал неоспоримыми правами на трон.

Молва о расприх среди Шуйских распространилась по всей стране. Как заметил псковский летописец, братья государя стали клеветать на Скопина уже в то время, когда воевода находился в Александровской слободе. Василию Шуйскому со всех сторон поступали доносы, что народ хвалит Скопина, «яко достоин сицевын князь и сильный муж и храбрый быти царем».

Молодой воевода готовился идти прямо к Смоленску, но получил от царя Василия повеление спешить в Москву.

Рязань готова была поднять мятеж против самодержца. Ляпунов помог государю справиться с Болотниковым, за что получил чин думного дворянина. Трезво оценив последствия польского вторжения, Ляпунов пришел к выводу, что страну ждет катастрофа, если Шуйский останется на троне. Чтобы избежать губительных потрясений, Ляпунов предполагал добиться отречения Василия в пользу его племянника — Скопина. Передвижка власти должна была пройти внутри династии, в виде законного перехода власти от дяди к племяннику.

Скопин-Шуйский не одобрял планов дворцового переворота и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Боярин под присягой обязался доносить обо всех «лихих» замыслах против государя, о которых узнает. Но он нарушил клятву и ничего не сообщил царю.

Можно указать на следующий многозначительный факт. После занятия Слободы Скопиным царь Василий спешно отправил туда двух своих главных «ушников» (доносчиков) — бояр Ивана Куракина и Бориса Лыкова. Шуйскому не доставало сил для надежной защиты столицы. Тем не менее он отослал из Москвы в

Слободу крупный отряд войск. Очевидно, в окружении Скопина нашлись соглядатаи, донесшие государю о грамоте Ляпунова.

Чтобы сохранить власть, Шуйским надо было сберечь единство клана. Донос на Скопина положил начало семейной распри, получившей широкую огласку. В письме Сигизмунду III от 17 февраля 1610 г. гетман Роман Ружинский сообщал: «Василий Шуйский в распри с Михаилом Скопиным и каждый из них промышляет сам о себе... по именным мною от лазугчиков уведомлениям, нетрудно было бы его привлечь на сторону В. К. В.» (Вашего Королевского Высочества. — *Р.С.*). Ружинский считал желательным пригласить Скопина на королевскую службу, а это значит, что речь шла не о мимолетной размолвке, а о глубоком конфликте.

Очевидец событий Исаак Масса с нескрываемой иронией отзывался о затянувшемся освободительном походе Скопина и соединившегося с ним Шереметева: «...против всякого чаяния Москва больше года выдерживала осаду, пока эти освободители подходили к ней и соединялись вместе; неприятель тем временем опустошил всю окрестную страну».

Князь Михаил Скопин медлил с возвращением в столицу из-за недостатка сил. Налицо были и другие причины. При господстве местнических порядков воевода по прибытии в Москву имел мало шансов удержать нити высшего военного командования в своих руках. В столице ему неизбежно пришлось бы терпеть мелочную опеку со стороны государя, его постоянное вмешательство в военные дела.

Дело не ограничивалось соображениями личной карьеры. У воеводы были все основания опасаться, что плоды его побед исчезнут в неловких руках старших Шуйских.

Царь Василий не лукавил, когда обещал москвичам, что воевода Скопин со дня на день освободит столицу. В критические моменты он не раз посылал боярину настоятельные приказы спешить на выручку «царствующему граду», но добиться послушания от воеводы не мог. Между тем при любом промедлении Скопина монарх мог лишиться трона.

Скопни полтора года вел войну по своему плану и разумению, пренебрегая приказами из Москвы.

Рознь между царем и его племянником становилась все более заметной. До Александровской слободы было рукой подать. Однако прошло пять долгих месяцев, прежде чем рать Скопина прибыла в столицу.

Снагуплением весны князь Михаил Скопин и Яков Делагарди в сопровождении союзной армии торжественно вступили в Москву. 12 марта 1610 г. Скопин ввел к царю шведского полководца, которому в качестве особой милости позволено было явиться в залу с саблей в ножнах.

Столица оказала поистине царский прием герою, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине, царь Василий попытался объяснить с племянником начистоту. В пылу семейной ссоры Скопин-Шуйский будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить страну.

Если все так и было, Скопин сам подписал себе смертный приговор. В роду московских государей мало кто из удельной родни умирал естественной смертью.

В силу своей исключительной знатности Скопин-Шуйский мог претендовать на трон или по крайней мере на удельное княжество. Его претензии были подкреплены выдающимися воинскими заслугами.

Василий Шуйский все больше опасался честолюбивых замыслов племянника и отнюдь не был склонен еще больше возвышать его. Получил ли Скопин удел, неизвестно. Не стал ли удел яблоком раздора? Источники не дают ответа на этот вопрос.

Авраамий Палицын подчеркивал, что лица из ближайшего окружения государя (в их числе князь Дмитрий) всячески интриговали против славного воеводы: «...с клятвою подходят в тайных думех самодержца, яко вся земля Росийская почитают князя Михаила паче тебя, великий царю, еще же и скипетроносца хотят его видети».

Рознь между Скопиным и монархом была замечена не только поляками, но и шведами, находившимися в столице. Командующий союзным шведским войском Яков Делагарди настой-

чиво советовал боярину как можно скорее покинуть Москву, видя кругом «ненависть и злобу».

Московское командование спешно готовило армию к решашему сражению с королевскими войсками. На выручку Смоленску должны были выступить главные силы. В соответствии с традицией главную армию могли возглавить либо сам царь, либо старшие бояре думы. Таковыми были князь Федор Мстиславский и конюший боярин князь Дмитрий Шуйский.

Царю Василию предстоял трудный выбор. Народ чествовал Скопина как героя и ждал, что он будет назначен главнокомандующим. Но было очевидно, что новые победы Скопина неизбежно увеличат его шансы на обладание короной.

Братья царя не скрывали тревоги. Царь Василий не имел детей, и его брат Дмитрий готовился использовать это обстоятельство. Чин конюшего боярина, пожалованный Дмитрию, имел особое значение. В качестве «начального боярина» конюший в периоды междуцарствия наделялся особыми прерогативами. По свидетельству папского легата Антонио Поссевино, в Московском государстве конюшне обладали правом выбора царя, когда трон был вакантен. Еще более определенно высказался знаток московских порядков дьяк Григорий Котошихин: «А кто бывает конюшим, и тот первый боярин чином и чатью; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем кроме того конюшего? Иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания».

Конюший Дмитрий Шуйский надеялся унаследовать трон после смерти брата. Однако стремительная карьера Скопина грозила расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Дмитрий использовал все средства, чтобы скомпрометировать воеводу. Явившись к монарху, он обвинил Скопина в стремлении захватить власть и в том, что он по собственному усмотрению принял решение о передаче шведам ряда замков и земель в обмен на военную помощь. Такое обвинение затрагивало патристические чувства народа. Договор, заключенный Скопиным со шведами, предусматривал передачу им Карелии. Покушение

на территориальную целостность страны всегда влекло за собой обвинение в государственной измене.

Царь Василий защищал воеводу. Дело дошло до ссоры, и самодержец якобы ударил брата посохом. Вскоре монарх поручил Скопину и еще двум боярам разработать вместе с Делагарди план предстоящей военной кампании (Ю. Видекинд). Шведы потребовали предварительно передать им все обещанные земли. Под этим предлогом Делагарди отказался участвовать в совещании. Демарш шведского главнокомандующего поставил Скопина в затруднительное положение.

Боярская Москва задала в честь Скопина пир, длившийся много дней. В конце апреля, после очередного празднества, воевода почувствовал себя плохо и вскоре скончался.

На страницах Дневника похода Сигизмунда III под Смоленск находим самое раннее известие о кончине Скопина. 3 мая 1610 г. составитель Дневника пометил: «...жена Дмитрия Шуйского отравила его на крестинах, каким образом, это еще не известно, но он болел две недели и не мог оправиться». Сведения были получены поляками от двух московских детей боярских, перебежчиков, прибывших из Можайска.

Князь Михаил умер, согласно папикидной записи кремлевского Архангельского собора, 23 апреля, а, значит, заболел 9 апреля 1610 г. Гетман Жолкевский в «Записках» воспроизвел версию о насильственной смерти Скопина: он «умер отравленный (как сперва носились слухи) по изветам Шуйского, вследствие ревности, бывшей между ними». Позднее гетман сделал важную оговорку: «Между тем, если начнешь расспрашивать, то выходит, что он умер от лихорадки». Первые известия Жолкевский получил из тех же источников, что и Сигизмунд III. Но в сентябре 1610 г. по прибытии в Москву он виделся с Воротынским, Шуйскими и с женой Дмитрия Екатериной. Жолкевский увез братьев Шуйских и Екатерину в Польшу. В пути он имел возможность подолгу беседовать с ними. Понятно, что пленники старались оправдать себя.

Московские Сказания сохранили некоторые подробности происшествия. Из «Рукописи Филарета» следует, что Скопин был в доме Воротынского на крестинах его сына: «...разболеся

сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михаил Васильевич, и умре, глаголютубо неции, яко отравлен бысть, на крестинном пиру, у князя Ивана Михайловича Воротынского, егда крести сына своего Алексея, от князя Дмитриевы жены Иванова Шуйского, от княгини Екатерины, в вине на перепиванье. И тако едва дойде до монстырню пазуху, потом пусться руда из носа и изо рта...» В окончательной редакции «Рукописи Филарета» все сведения об отравлении Скопина были тщательно вычеркнуты.

Если верить русским источникам, дочь Малюты — Екатерина Скуратова с ведома других Шуйских поднесла князю Михаилу кубок вина с ядом «на перепиванье», когда гость основательно выпил.

Именно такую смерть царь Иван IV некогда выбрал для своего двоюродного брата князя Владимира Старицкого, последнего из членов династии, который мог оспаривать трон у царских сыновей. По его приказу Малюта Скуратов, отец Екатерины, поднес князю Владимиру чашу с отравленным вином.

Может быть, Скопин не выдержал многодневных пиров в его честь и умер с перепоя? Такое предположение сомнительно. Князю исполнилось 24 года, и он был в расцвете сил. Молодой человек был рослым и обладал недюжинной физической силой. Для умершего не сразу нашли подходящий гроб, так как даже самые большие из готовых гробов оказались малы.

Почувствовав себя плохо, Скопин сумел добраться до монастыря, где к нему были вызваны немецкие доктора. Проболев две недели, он скончался. По польской версии, причиной смерти была лихорадка — жар, высокая температура. Но почти все русские источники упоминают о сильном кровотечении из носа и рта как непосредственной причине смерти.

Придворный летописец Романовых записал толки о гибели героя, но оговорился, что истины он не знает. Столь же осторожен Авраамий Палицын. Недолго поболел, отметил он, воевода «к Господу отъиде, но не всмы убо, како рещи, Божий ли суд нас постиже, или злых человек умышление совершися. Единый создавый нас весть». Враждебный царю Василию псков-

ский летописец винил в смерти Скопина не самого государя, а его братьев.

Монарх пролил слезы над гробом племянника и приказал похоронить его в Архангельском соборе Кремля с царскими почестями.

Память о Скопине осталась в исторических песнях. В 1618 г. в Москву прибыл священник Ричард Джеймс, бакалавр Оксфорда, сопровождавший королевских послов. Для него была сделана запись русских песен, одна из которых — плач по Скопине. В народе о нем плакали и москвиты, и «свейские немцы». Князья Мстиславский и Воротынский горюют о славном воеводе, однако приговаривают, что взлетел он высоко, но летал недолго:

Высоко сокол поднялся
И о сиру матери землю ушибся.

В другой песне описаны крестины у Воротынского, на которых кум — «правитель царства Московскаго» князь Скопин, а кума — жена князя Дмитрия Шуйского. За столом бояре хвалились силой и богатством, а Скопин — тем, что очистил Московское царство. Обиженные бояре подсыпали зелья в кубок со сладким медом, а жена Дмитрия Шуйского поднесла отравленную чашу.

Смерть Скопина-Шуйского роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Прокофий Ляпунов обратился с посланием к городам. Он возложил всю ответственность за смерть Скопина на царя Василия и призвал не повиноваться ему. Рязань и ее пригороды, занятые ратниками Ляпунова, отложились от Москвы.

Гражданская война расколола рязанское дворянство. Ляпуновы подняли мятеж, Измайловы остались верны трону, Сунбулов осел в «воровском» лагере.

Прокофий Ляпунов нашел союзников в Москве. Среди них первенствовал князь Василий Голицын. В дни мятежа против Бориса под Кромами Голицын велел связать себя, чтобы оправдаться в случае неудачи, а Ляпунов с оружием в руках возглавил бунт.

После кончины Скопина думный дворянин Ляпунов составил новый заговор с Юдищынскими. По летописи, он стал думать думу большую с Телицыным на Шуйского.

Поражение под Клушином

Вместе с князем Михаилом Скопиным в Москву прибыли шведы. Дело близилось к решающему столкновению. Под командой Делагарди был отряд в 1500 человек. С севера на помощь к нему спешили подкрепления. Король Карл IX отправил в Россию своих лучших полководцев. В конце концов численность шведского корпуса была доведена до восьми — десяти тысяч солдат.

Не имея в казне денег, власти прибегли к новым займам у купцов. Царь Василий заложил собственные золотой ковш и чарку. По его приказу было изъято много золотых и серебряных вещей из государственной сокровищницы. Среди других предметов в переплавку на Монетный двор были отправлены статуи 12 апостолов (якобы «ростом с человека»), сделанные из чистого золота. С мая 1610 г. Монетный двор в Москве стал чеканить золотые копейки, по стоимости превосходившие серебряные копейки в 10 раз. «Червонные золотые» предназначались для выплаты жалованья наемникам. Но солдаты неохотно принимали их, считая завышенной объявленную стоимость золотых.

Царь Василий возлагал на шведскую армию большие надежды. За плечами у шведов был долгий поход. Они ожидали, что после освобождения Москвы получат деньги в полный оклад. Шуйский клялся, что в течение трех — шести месяцев завершит расчет. Солдатам вручили письменное обязательство царя. Дмитрий Шуйский обещал солдатам, что будет у них «в заложниках», пока они не получат всех денег. Обещания не удовлетворили наемников.

На соединение с армией Дмитрия Шуйского двигался трехтысячный отряд фельдмаршала Эверта Горна. В пути солдаты Горна, не получив обещанных денег, подняли мятеж и заявили, что отказываются подчиняться, пока им не заплатят. Зачинщи-

ками бунта были два полковника. Под покровом ночи 80 англичан перешли на сторону поляков. Шведский военачальник повесил нескольких солдат. Мятеж был подавлен.

Жолкевский завязал сношения с недовольными, обратившись с тайным воззванием к французским наемникам в армии Горна. Француз-перебежчик, доставивший письмо, попал в руки шведов и был казнен.

Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. В мигн битвы в полки прибыл дьяк Разрядного приказа Яков Демидов с казной в 10 000 рублей, а также с соболями и сукнами на сумму в 20 000 рублей. Казна была передана Делагарди, но он задержал раздачу жалованья. Солдаты отказывались брать в счет денег меха и сукна. Расчет не удовлетворил их.

В войске вспыхнул мятеж. Главный виновник был казнен военным судом, а остальные ослушники вынуждены были покориться.

Оправдывая шведского военачальника, Петр Петрей утверждал, что тот не успел раздать солдатам присланные царем деньги и товары из-за того, что его торопили с выступлением в поход. Русские власти были склонны обвинять Делагарди. Позже, на переговорах с ним, они заявляли: «Ты тех денег, что к тебе Василей послал, ратным людям не выдал, а хотел дати после боя, умысля, которых людей побьют и ты теми деньгами хотел закорыстоватца». Командиры наемных войск нередко именно так и поступали. Пронрав сражение, Делагарди поспешил раздать шведским солдатам задержанные деньги и товары на сумму 12 450 рублей.

Незадолго до битвы Делагарди снарядил обоз во главе с Меншиком Борановым (Берендом), чтобы доставить в Швецию документы походной канцелярии, царскую подтверждающую грамоту договора со Скопичым, всю военную добычу, причитавшиеся лично ему деньги и царские подарки. Приготовления вождя были истолкованы наемниками по-своему и вызвали крайнее негодование.

Снарядив рать, монарх назначил главнокомандующим брата — Дмитрия Шуйского, рожденного, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии.

Помощниками Дмитрия Шуйского были боярин князь Андрей Голицын и окольный Данила Мезецкий. Старшие бояре в лице Федора Мстиславского и Ивана Воротынского в походе не участвовали.

Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но одни только братья не вызывали у него подозрений в измене.

С наступлением лета московское командование после многих хлопот собрало дворянское ополчение и довело численность армии до 30 000 человек. Командованию пришлось разделить силы и значительную их часть оставить для обороны столицы. Москве грозило нападение войск Лжедмитрия II и его гетмана Яна Сапеги, находившихся подле столицы, в Калуге.

Передовыми силами армии Дмитрия Шуйского командовал сподвижник Скопина Григорий Валуев. В его подчинении находилось до пяти-шеститысяч воинов. По словам очевидца Петра Петрея, то был цвет русской армии.

Действуя с исключительной отвагой и стремительностью, Валуев освободил Можайск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища. Там он стал ждать подхода главных сил.

Дмитрий Шуйский замешкался, ожидая подхода шведов. Тем временем неприятель окружил войско Валуева. Воевода поспешил обнести свой лагерь тыном. Поляки теснили его со всех сторон. У русских кончился провиант. В лагере «негде было достать куска хлеба». Во время ежедневных вылазок русские потеряли до 500 солдат.

Каждой ночью Валуев посылал гонцов к Шуйскому с просьбой о помощи.

Князь Дмитрий двинулся к Цареву Займищу не напрямик — по Большой Смоленской дороге, но сделав небольшой крюк к Клушину, «ибо с той стороны ему было удобнее иметь сношения с Валуевым». От Клушина до острожка было всего 20 верст.

Польский гетман Станислав Жолкевский воспользовался разделением сил противника. Он разбил ложный лагерь вокруг острожка Валуева и, оставив малочисленные заслоны, выступил навстречу русско-шведской армии.

К вечеру 23 июня 1610 г. войска Дмитрия Шуйского и Делагарди расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники предполагали атаковать поляков и соединиться с Валуевым.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности польское войско. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединились Заруцкий с казаками.

Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он с конницей совершил ночной переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди весь вечер допоздна пировал с Дмитрием Шуйским.

Поляки одерживали верх над русскими и над шведами. Во время военных действий в Ливонии Делагарди попал в плен к Жолкевскому и получил от него в дар рысью шубу. В шатре у Шуйского Делагарди похвалялся, что пленит гетмана и отдастся собольей шубой.

Русские и шведы расположились на ночлег поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда лагерь спал, показались польские разъезды. Гетман застал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница поднялась к месту боя.

Русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждое впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные плетни,

переторазживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для атаки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

Бой под Клушином длился более четырех часов. Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Был ранен передовой воевода Василий Бутурлин, дрогнул полк Андрея Голицына. Настало время ввести в дело главные силы, но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Голицына бросились бежать и спрятались в лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат отошла к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными.

Шведские командиры Делагарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им закончить перестроение и бросились в атаку. Мушкетеры смешались и отступили. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с остатками своего полка. Более пяти тысяч стрельцов и ратных людей готовилось к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал. В сражении настала долгая пауза.

Острожек Валуева находился поблизости от Клушина. Сопратник Скопина был опытным воеводой. Его войско по численности намного превосходило польские заслоны. Пехоте достаточно было одного-двух часов, чтобы соединиться с Шуйским. Удар с тыла свежих сил мог изменить ход битвы. Эта возможность не была использована. Валуев узнал о битве лишь с наступлением ночи.

Жолквский оставался в нерешительности. Его кавалерия понесла большие потери. Вся пехота оставалась у острожка Валуева. При Жолквском находилось, по его словам, не более сотни польской пехоты и 400 украинских казаков. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, ошестинившийся жерлами орудий.

Но от персбежчиков поляки знали о затруднениях в войске союзников. В разгар битвы Деллагарди и Горн, руководившие неудачной кавалерийской атакой, покинули пехоту. В их отсутствие наемное воинство заволновалось.

Оценив ситуацию, гетман послал в шведский лагерь племянника с предложением перейти на сторону Речи Посполитой. Гетман не скупился на обещания. Его обращение подтолкнуло солдат к мятежу.

Первыми на сторону врага перешли отряды французских наемников. Затем заколебались немецкие ландскнехты, стоявшие в резерве.

Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский прислал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслыханного вознаграждения.

Вернувшись в свой лагерь, шведские военачальники попытались покончить с бунтом. Но дело зашло слишком далеко. Стремясь спасти шведскую армию от полного распада, Деллагарди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолквским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских.

Тем временем его роты с развернутыми знаменами прошли мимо своего главнокомандующего и присоединились к полякам.

Деллагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, прислаанные ему накануне царем. Английские и фран-

цузские наемники требовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и увидели там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск.

Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Но прежде он велел разбросать по всему лагерю собольи меха из доставленной царской казны, одежду, драгоценности. Расчет был правильным. Наемные солдаты бросились грабить лагерь. Время для преследования было упущено.

Поляки потеряли во время битвы до 215 солдат убитыми и ранеными. Потери шведской армии составили, согласно польским данным, от 700 до 1200 человек. Потери русских неизвестны.

Отступление полков превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, воевода едва выбрался из леса. В Можайск он явился без армии. Там он оставался некоторое время в монастыре.

Писатели Смутного времени, сравнивая князя Дмитрия со Скопиным, замечали: «...отъя от нас Богтакового зверогонителя бодрого, и в его место дал воеводу сердца не храброго, но женствующими облажена вешьми, иже красоту и пишу любящего».

Бунт в шведской армии не был следствием одной лишь неспособности или ошибок командиров. В армии Скопина наемники подняли бунт и ушли за рубеж из-под Твери, в самом начале похода. Попытки вести войну с помощью наемников многократно терпели неудачу и в стане царя, и в «воровском» лагере. История наемных войск на Руси была историей мятежей и предательства.

Россия могла содержать поместное войско, которое служило с земли и довольствовалось ничтожным годовым жалованьем или же несло гарнизонную службу «без денег». В Западной Европе ставки на наемных солдат превышали в десятки раз царское жалованье дворянам.

Русские власти имели представление о преимуществах западных наемных армий. Но опыт войны показал, что Россия не имела средств для содержания армии европейского образца. Царская казна не обеспечивала регулярную выплату денег наемникам, а потому не могла рассчитывать на их стойкость. В этом заключалась одна из главных причин военной катастрофы.

Поражение поставило под вопрос будущее династии. Братья Шуйские, видимо, сознавали это. В списке «ушников» царя Василия можно прочесть такую запись: «Дворянин с Москвы Иван Матвеев сын Бутурлин здетми. В тайных гонцах с Москвы в Можайск от князя Василья от Шуйсково ко князю Дмитрею Шуйскому гонял и от князя Дмитрия из Можайска к Москве к Шуйскому гонялъ. Оставаясь в Можайске, Дмитрий Шуйский тшетно ждал подхода войска Валуева и подкреплений из Москвы.

Не имея вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел вылазку из острога. Весть о гибели русской армии под Клушином поколебала его мужество. Гетман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем.

В лагере под Царевым Займищем Валуев присоединился к договору об избрании Владислава на московский трон, подписанному под Смоленском. Жолкевский подписал клятвенную запись о том, что Польша не будет рушить православную веру, король отступит от Смоленска, как только защитники города сложат оружие, и все русские пленные будут возвращены в Россию. Запись включала десяток других пунктов, исключительно выгодных и почетных для русских.

«Варваров» обвели вокруг пальца. Договор, заключенный без согласия нато короля, не имел никакой силы.

Дипломатические ухищрения принесли успех. Жолкевский добился того, что войско Валуева присоединилось к его рати. Он рассчитывал склонить на свою сторону также Яна Сапегу. Но наемники Сапегы, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось с каждым днем. Получив поддержку от Салегги, Лжедмитрий I возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приблизилась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10000 всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Навстречу союзникам царь выслал гонца с богатыми дарами. Бояре Иван Воротынский и Борис Лыков с войском выступили навстречу союзникам.

По русским источникам, татары атаковали тушинцев, и те едва «усидели в своих таборах на реке Нара». Однако записи из Дневника Сапеги рисуют совсем иную картину. Стычки между татарами и тушинцами продолжались до 14 июля. Гетман, по его утверждению, пытался навязать бой крымцам, но не добился успеха. 15 июля тушинцы узнали, что татары ушли в степи. По пути они захватили в полон множество русских людей.

Дни династии были сочтены. Напрасно самодержец посылал гонцов в Рязань, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне ответили дерзким отказом на его обращение.

Шуйского могло спасти разве что чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

Низложение Шуйского

Прокофий Ляпунов опасался лично явиться в столицу, где его ждала участь Крюка-Кольчева. Но он прислал сына боярского Алешку Пешкова к Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову, чтобы поторопить их с выступлением. Братья Ляпуновы затеяли рискованную авантюру. Переворот должна была осуществить кучка заговорщиков. Из знати в заговоре участвовали, по-видимому, не многие лица, в числе их Голицыны и Иван Никитич Салтыков. Прочие заговорщики, вроде помещика из Великих Лук Федора Хомутова, были неродословными людьми. В Москве находилось немало рязанских дворян, и братья Ляпуновы постарались втянуть их в заговор.

Безрадостными были последние дни царствования Василия Шуйского. С того момента, как он утратил поддержку думы и столичного населения, власть его стала призрачной.

Как только бывшие руководители «воровской» думы повали с «тушинским воров» и подписали договор с королем, у них появилась возможность договориться с вождями польской партии в Москве. Кандидатура Владислава казалась одинаково приемлемой как для главы думы князя Федора Мстиславского, так и для бывшего руководителя «тушинской» думы — боярина Михаила Глебовича Саптыкова.

Филарет поддержал соглашение с Сигизмундом III. Он выехал из Тушина с последними польскими отрядами с тем, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Гермоген поспешил объявить Романова пленником и жертвой Лжедмитрия II и признал его право на прежний сан митрополита Ростовского.

Возвращение Филарета в столицу положило начало возрождению былого влияния романовского круга. При поддержке бояр — братьев и племянников — Филарет вскоре стал, по словам очевидца, самой большой властью под патриархом. В его лице Шуйские приобрели опасного врага.

Пока речь шла о низложении Шуйского, союзниками Мстиславского выступали и Романовы, и сторонники Голицына.

Князь Василий Васильевич Голицын давно протягивал руки к короне. Он наблюдал за казнью царя Федора Годунова, затем руководил расправой с Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского.

Среди кандидатов на трон самую мощную поддержку имел Владислав. За его спиной стояла королевская армия, осаждавшая Смоленск. В конце июня к королевской рати присоединился Валуев. Его измена показала, что царь Василий утратил поддержку армии.

Медленно продвигаясь к Москве, гетман Жолкевский, по его собственному признанию, посыпал тайные письма боярам. Одни письма адресовались сторонникам Владислава, другие разбрасывались по улицам. Письма обличали Шуйского и сулили населению щедрые милости после воцарения королевича.

Царь Василий ожидал верной службы от Мстиславского. Он сохранил за ним пост главы Боярской думы и значительно расширил границы его удельного княжества. Князю Федору в дополнение к его старым владениям была пожалована обширная Ярополческая волость.

В решающий момент удельный князь предал царя. В письмах Сигизмунду III Жолкевский подчеркивал, что в избирательной борьбе в Москве Мстиславский «сильнодействует в пользу королевича». В ответных письмах король старался через гетмана обнадежить боярина «в большой награде».

Поляки позаботились о том, чтобы переслать в Москву договорную запись Валуева с Жолкевским. Документ произвел большое впечатление. Среди москвичей тотчас возник план идти на Красную площадь, огласить запись, после чего «поймать Шуйского и отослать» его королю.

Ратные люди не желали сражаться за несчастливого царя. Дворянское ополчение после шести лет гражданской войны пришло в полный упадок. По словам очевидцев, «воинствующих чин конечно изнеможе всяческими нужи, элсйши же всего — безконны сташа». Дворяне обнищали, кавалерия лишилась лошадей.

После того как крымцы ушли в степи, посланные на южную границу воеводы Воротынский и Лыков получили приказ вернуться в столицу. Отступление проводилось в спешке, бояре «едва снаряд (пушки. — Р.С.) везоша от воровских людей». В Дневнике Сапеги записано, что 15 июля часть ратников из отряда Воротынского переметнулись к Лжедмитрию II. Войско разваливалось на глазах.

16 июля Лжедмитрий II с «литвой» и казаками подступил к стенам столицы. На другой день Москва заволновалась. Прошло всего полгода с того дня, когда Скопин, казалось бы, навсегда освободил столицу от тушинской блокады. Теперь над городом

нависла угроза со стороны «воровской» рати. Горожане требовали объяснений.

Государь еще сшел на троне, а народ толпами собирался под окнами дворца и кричал: «Ты нам больше не царь!»

Заговорщики поспешили использовать момент. Голицын предложил остаться в тени, но Захар Ляпунов и Федор Хомутов «на Лобное место выехаша, и з своими советники, завопиша на Лобном месте, чтоб отставить царя Василья».

«Новый летописец» сообщает, будто толпа захватила бояр и насильно потащила их за Москву-реку к Серпуховским воротам. Но из других летописей следует, что мятежникам незачем было волочить бояр, потому что те находились при войске в Замоскворечье — в «обозе» у Серпуховских ворот.

Враги Шуйского не думали штурмовать дворец, окруженный стражей. Но патриарший двор в Кремле не охранялся военной силой, и мятежникам удалось захватить Гермогена. С ним они отправились в военный лагерь.

Враги Шуйского были уверены, что полки, деморализованные поражениями, не окажут помощи гибнущему царю. Они не ошиблись в своих расчетах.

Бояре, захватившие власть после переворота, изображали дело так, будто Василия Шуйского сместил Земский собор, включавший представителей всех чинов — от дворян до посадских людей. «Всяких чинов люди всего Московского государства», «поговоря меж собой», били челом царю Василию, чтобы он «государство отставил».

Утверждение, будто в «обозе» у Серпуховских ворот заседал Земский собор, сомнительно. Толпа мятежников, явившаяся в лагерь с Красной площади, действительно включала людей разных чинов. Но их деятельность менее всего напоминала заседание собора.

Толпа шумела и не давала говорить сторонникам Шуйского. Патриарх Гермоген мог бы повлиять на исход дела, если бы получил поддержку священного собора. Однако Гермогену противостояли Филарет Романов и другие духовные лица. С авторитетом Романова считались и духовенство, и дума. Митрополит Ростовский действовал, оставаясь в тени. Ноего позиция по-

влиятельно на исход переворота. Гермоген покинул «обоз» до окончания дела.

Из бояр лишь немногие «постояше» за Шуйского. В списке «ушников» царя Василия значится: «Олексей Захарьев сын Шапилов. Сидел в Казанском дворце со князем Дмитрием Шуйским. В походе стояли против Государя (королевича Владислава. — Р.С.) со князем Дмитрием же. Да Семен Ефимьев, сидел с ними же и умышлял заодно». Последней службой Дмитрия Шуйского был поход против «вора» к Серпуховским воротам. В качестве конюшего — местоблюстителя царского престола — Дмитрий тщетно «стоял» против избрания на трон королевича Владислава. Его поддержали немногие бояре и приказные люди. Их голоса были заглушены криками толпы.

Агитация в пользу Владислава дала свои плоды. Избрание королевича казалось делом почти решенным, и члены думы боялись, что возражения навлекут на их головы немилость нового монарха.

Утвердив приговор, Мстиславский с товарищами, повествует летописец, «послали от себя из обозу из-за Москвы-реки к царю Василью Ивановичу всеа Руси и боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтоб он, государь царь Василей Иванович всеа Руси... государство Московское отказал и посох царьской отдал для (из-за) пролития междуусобные крови христьянской».

Душой переворота был князь Василий Голицын. Но, подобно Филарету Романову, он предпочитал вершить дела, оставаясь в тени.

Выполнение беззаконной миссии было возложено на свояка Шуйских Воротынского, человека безликого и малоавторитетного. Вместе с ним водворец отправился боярин Федор Шереметев. Посланцы постарались добром уговорить самодержца покинуть трон.

От имени думы бояре обещали «промыслить» Шуйскому особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Бояре кстати вспомнили о происхождении государя от высокородных великих князей Суздальских и Нижегородских.

Согласно Разрядным записям, «на том ему (царю Василью) бояре и вселюди крест целовали по записи, что над ним никакогодурна не учинить и из московских людей на государство никого не обирать». Последние препятствия к избранию на трон чужеземною принца были устранены.

Царь Василий отказался признать законным приговор о его отрешении от власти. Такое решение могла принять Боярская дума. А в лагере у Серпуховских ворот были отдельные бояре, но не было ни думы, ни Священного собора в полном составе. Однако самодержец давно уже выпустил из рук бразды правления. Зачинщики мятежа беспрепятственно прошли во дворец, захватили царскую семью и силой свели на старый двор бояр Шуйских. Братьям царя запретили показываться в думс, позже взяли под стражу.

Положение оставалось крайне неопределенным, и заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали князь Петр Засекин, думный дворянин Гаврила Пушкин, князь Василий Тюфякин-Оболенский, князь Василий Туренин-Оболенский, князь Федор Волконский, «иные дворяне мелкие» и немногие стрельцы.

Чудов монастырь вновь был вовлечен в водоворот политических страстей. 19 июля Ляпунов и его сообщники явились на двор к Шуйским в сопровождении чудовских монахов. Они предложили низложенному царю принять постриг. Тот отказался подчиниться. Тогда его постригли насильно. Дворяне держали бывшего в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. Клятву за Шуйского дал князь Василий Туренин. От царя Туренин получил чин чашника. Но он плохо помнил благоденствия. Туренины совершили второе насилие над членами дома князей Шуйских.

Участь царя Василия разделила царица. Ее принудительно постригли в монахини.

Переворот резко осложнил обстановку. Наступила минута общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции.

Строптивый князь Василий твердил, что клобук к голове не гвоздями прибит. Патриарх Гермоген признал незаконным свер-

жение царя и его заточение в монастырь. По приказу пастыря в церквях продолжали молиться за здравис царя Василия Ивановича. Глава церкви обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол государя.

Начальник Стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить кремлевских стрельцов к решительным действиям. Шуйский старательно насаждал своих людей в приказах. Высшая бюрократия готова была выступить на его стороне. Список «ушников» царя Василия Шуйского точно очертил круг лиц, выступивших на стороне низложенного монарха вместе с патриархом Гермогеном: «Постельничей Иванис Григорьев сын Одогуров... умыслив с Измайловыми и со князем Данилом Мезецким, и с Васильем Сукиным, и с Васильем Бутурлиным, по приказу князя Василья Шуйскова и брата ево, чтобы опять сидети на Моекве князю Василью Шуйскому, а не хотя государя нашего королевича, говорил и вмещал на Москве во многие люди: Государь де наш князь Василей не пострижен!»

Шуйские не смогли склонить на свою сторону руководство Боярской думы и проиграли дело. Никто из бояр, даже «ушники» Куракин и Лыков, не выступил на защиту самодержца.

Попытка вернуть царя Василия на трон вызвала тревогу в стане победителей. Прошел слух, будто знать намерсна поступить с Шуйским так же, как и с двумя его предшественниками, убитыми боярскими заговорщиками. 23 июля 1610 г. Жолкевский сообщил королю, что обратился с письмом к московским боярам в защиту низложенного царя после того, как Иван Шуйский тайно просил его, гетмана, оборонить дом Шуйских от бояр.

После пострижения царя Василия — «инока Варлаама» выташили из хором и в крытой телеге отвезли в Чудов монастырь, где к нему приставили стражу. Его жену Марию определили в Ивановский монастырь. Жена Дмитрия Шуйского избежала этой участи: бояре пощадили дочь Малюту Скуратова.

Из Москвы в Польшу постуливали известия, что Шуйские обраны до нитки, им оставлены одни платья, в которые они одеты.

Ссмибоярщина

Трон опустел, и оспаривать власть стали многие знатные лица. Нарвский купец, вернувшийся из Новгорода 6 августа 1610 г., сообщил, что в числе кандидатов фигурируют польский королевич, трое бояр — князья Воротынский, Мстиславский и Василий Голицын — и даже некий татарский хан (вероятно, речь шла о служилом татарском царе). Воротынский хлопотал об отрешении Шуйского на глазах у всей столицы, а потому его имя называли первым. Однако Воротынский и Мстиславский, двое старших бояр, вскоре выбыли из игры. Короны домогались князь Василий Голицын, сын Филарета Михаил Романов и, наконец, Лжедмитрий II.

Положение самозванца было затруднительным вследствие того, что король категорически отказывался иметь с ним дело. 10 июля 1610 г. наемное войско потребовало от самозванца, чтобы он признал себя вассалом Сигизмунда III. «Артикулы», выработанные поляками, предусматривали две возможности. Если Москва признает короля, «обманщик» получит удел в пределах Речи Посполитой. Если же русские изберут «Дмитрия», он станет вассалом короля, что поможет избежать войны с Речью Посполитой.

Наемные солдаты старались сохранить «царька» по понятным причинам. С исчезновением «Дмитрия» они теряли «заслуженные» миллионы. «Вор» готов был пуститься во все тяжкие, чтобы сделать свою кандидатуру приемлемой для Речи Посполитой и Москвы. Он объявил, что согласен занять царский трон как вассал короля Сигизмунда III. При этом он обещал платить полякам 700 000 злотых ежегодно в течение 10 лет, завоевать для них Ливонию, дать армию для покорения Швеции.

Одна из записей в Дневнике Сапегу удостоверяет, что еще в конце июня 1610 г. самозванец получил грамоту из Москвы от патриарха и бояр с сообщением, что жители Москвы готовы целовать ему крест. Совершенно очевидно, что грамота исходила не от патриарха Гермогена, смертельного врага «вора». Для тушинцев существовал один патриарх — Филарет. Именно от него и от «воровских» бояр и получено было письмо.

После бегства Лжедмитрия II из Тушина Филарет и Салтыков предали «царька» и выработали договор об избрании на трон Владислава. Что побудило их вновь завязать сношения со шкловским бродягой?

Романов был честолюбив и успел привыкнуть к сану патриарха. Возвращение на скромную провинциальную кафедру в Ростове его не устраивало. Отношение «патриарха» к самозванцу изменилось после того, как Калужский лагерь подкрепило наемное войско гетмана Сапеги.

Тушинцы, еще недавно отвернувшиеся от «царька», готовы были признать «Артикулы», выработанные польскими командирами. Пребывание под Смоленском убедило Михаила Салтыкова и Василия Рубца-Мосальского, что с ними никто не будет считаться, коль скоро они никого не представляют и за их спиной нет военной силы.

Перемены в Калужском лагере подали надежду Филарету и Салтыкову. Возрождение Тушинского лагеря под покровительством короля Сигизмунда III отвечало их интересам. Бывшие руководители тушинской думы могли рассчитывать на высшие посты, если бы им удалось посадить на царство «Дмитрия» в качестве королевского вассала.

Самозванец рассчитывал захватить столицу хитростью. Накануне переворота, рассказывает автор романовской летописи, московские бояре «начаша съезжаться с воровскими полками» и сообщили, что готовы «ссадить» несчастливого царя Василия, если тушинцы «отстанут» от «вора». После низложения Шуйского посланцы московской думы снарядили послов в «воровской» лагерь и потребовали от Дмитрия Трубецкого и других калужских бояр в соответствии с уговором свести с «трона» своего «царька», после чего явиться в Москву, чтобы вместе со всей землей избрать царя. В ответ «воровская» дума предложила москвичам открыть столичные ворота перед истинным государем.

Польские источники позволяют утверждать, что переговоры с тушинцами не сыграли особой роли в низложении царя Василия.

17 июля в Дневнике Сапеги появилась запись о том, что в Москве произошел большой переполох. В тот же день самозва-

нец послал письмо в столицу ко всем боярам и к миру, требуя присяги. Под вечер Сапега вместе с «царьком» ездили к стенам столицы, где к ним вышли Мосальский и Салтыков (они были в день переворота в столице). Бывши тушинцы сообщили «царьку», что у Шуйского отобран скипетр, и предложили на другой день начать переговоры.

Когда на рассвете 18 июля «тушинский вор» вновь появился у стен города, москвичи предложили «воровским» боярам: «Если мы своего царя сбросили, и вы своего сбросьте». Итак, никакого предварительного соглашения между московскими и тушинскими боярами не было. Призыв к свержению Лжедмитрия II запоздал.

Сразу после полудня 18 июля московские пушкари открыли огонь по кладбищу, излюбленному месту прогулок самозванца.

19 июля в «воровском» лагере узнали о том, что Шуйский постригся в монахи. В этот день московские власти предложили «царьку» отложить переговоры под тем предлогом, что в столице по случаю Ильина дня (а вернее будет сказать, по случаю переворота) много пьяных.

Москва действительно готовилась избрать нового самодержца. В самый день переворота Захар Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставить». Агитация не имела успеха. Юдицын остался в тени в день переворота. Заговорщики не смогли склонить на свою сторону думу.

Филарет спешил использовать новую ситуацию, чтобы возобновить борьбу за царский венец. Гермоген, как говорили, склонялся в его пользу. Как лицодуховное, Филарет не мог вернуться в мир и надеть корону. Но он надеялся посадить на трон своего 14-летнего сына Михаила. В глазах современников Михаил имел наибольшие права на трон как двоюродный племянник последнего законного царя.

Никто из претендентов не добился поддержки большинства в думе. Если бы Скопин был жив, отместил поляк Николай Мархоцкий, «его в государи согласились бы выбрать все».

Между тем пропольская партия готовила почву для коронации Владислава. Руководство думы выступило на ее стороне.

Однако православное духовенство и посадские низы с недоверием относились к кандидатуре иноверного королевича.

Василий Шуйский был избран без участия провинции, и бояре не желали повторять прежние ошибки. Они постановили отложить выборы до того времени, когда в столицу съедутся представители всей земли.

Созыв представителей земли в обстановке гражданской войны натолкнулся на большие трудности. Извещая страну о перевороте, бояре в грамоте к населению Перми от 20 июля выразили пожелание избрать нового государя «всем за один всюю землею, сослався со всеми городами». Четыре дня спустя, уже после появления поляков под Москвой, власти отправили в Сургут наказ, чтобы оттуда «прислали к Москве из всех чинов, выбрав, по человеку и к нам отписали».

Подавней традиции дума выделяла в период междуцарствия особую комиссию из своего состава для управления страной. Следуя обычаю, власти постановили поручить дела — впредь до съезда представителей от провинции — семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее входили Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В дальнейшем некоторые из членов были из состава комиссии, и тогда их место заняли другие лица — князь Андрей Голицын и Иван Куракин.

Суздальская аристократия не смогла удержаться у власти, хотя и имела наибольшие права на трон. Ее сменила знать литовского происхождения. В семибоярщине преобладали Гедиминовичи — Мстиславский, Голицыны, Куракин и Трубецкой. Что касается Воротынского, его ближайшие предки также выехали в Москву из Литвы.

Противники Бориса Годунова не смогли ввести в стране боярское правление. Это удалось сделать врагам Шуйского.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и черные люди принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей землей».

22 июля в предместьях Москвы появились войска Жолкевского, а 23 июля бояре обратились к Яну Сапеге с требованием чтобы его солдаты «перестали воровать в их земле и чтобы пошли в Литву». Переговоры с тушинским боярином Дмитрием Трубецким и Сапегой исчерпали себя.

Положение в столице оставалось неопределенным, и 2 августа 1610 г. Лжедмитрий II попытался захватить город, атаковав его со стороны Красного Села. Нападения возобновлялись трижды, но всякий раз москвичи отбивали приступ.

Военное положение столицы ухудшилось. Возникла опасность одновременного нападения на город тушинцев и королевского войска. Выступление черни в пользу «Дмитрия» внутри города грозило довершить катастрофу.

Из Дневника Сапегги следует, что 6 августа, после неудачной попытки захвата Москвы войсками Лжедмитрия II, в «воровской» лагерь выбежало до трех тысяч холопов. Летман велел загнать их обратно в город. Три дня спустя та же чернь вторично явилась к «вору», и тогда солдаты поделили беглецов между собой.

Вторжение поляков вызвало перемену в общественном сознании. Население стало видеть в «царьке» единственную силу, способную противостоять иноземным завоевателям. Ему присягнули Серпухов, Коломна, Суздаль, Владимир, Ростов, Псков, Ивангород. Народу остались неизвестны подлинные планы «Дмитрия».

Коронный гетман Жолкевский вел переговоры разом и с московскими боярами, и с тушинцами. Самозванцу он обещал, что король даст ему удельное княжество, если тот овладеет Москвой. Боярам предлагал присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу.

Стремясь предотвратить объединение неприятельских отрядов, Мстиславский отправился в ставку Жолкевского для переговоров.

Семибоярщина надеялась, что с избранием Владислава Москва с помощью королевской армии сможет навести порядок в стране. Немаловажное значение имело и другое соображение.

Королевичу едва исполнилось 15 лет, и семибоярщина надеялась править его именем

16 августа 1610 г. Мстиславский, Филарет Романов, Василий Юлицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения об избрании королевича. На другой день московские бояре и народ принесли присягу на верность царю Владиславу.

Семибоярщину невозможно было упрекнуть в отсутствии дипломатического опыта. Тем не менее ее действия поражали своей несообразностью. Москва принесла присягу королевичу, не заручившись письменным согласием Сигизмунда и не получив от поляков никаких гарантий. В спешке боярские правители утратили не только осторожность, но и здравый смысл.

Каким бы непопулярным ни был царь, олицетворением зла в глазах народа всегда были лихие бояре. Когда дума свергла Шуйского и потребовала присяги себе, возникло подозрение, что страна и вовсе может остаться без «надежи государя». Столичный гарнизон насчитывал до 15 тысяч человек, у самозванца было не более трех — пяти тысяч воинов. Но бояре слишком хорошо помнили триумфальное вступление Отрепьева в столицу. С законным царем они обороняли Москву от второго самозванца в течение почти двух лет. Без царя на троне бороться с «Дмитрием» было куда труднее. Потому бояре и решили не медлить ни дня с провозглашением Владислава царем всея Руси.

Объявив об избрании Владислава, верхи окончательно оттолкнули от себя народ. Свидетели московских событий единодушно утверждали, что «черный» народ всячески противился намерению бояр возвести на трон иноверного королевича.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибоярщину, чем столица. Бояре приняли меры к тому, чтобы вызвать в Москву представителей от городов для участия в выборах царя. 19 августа московские власти писали в Пермь: «...вам велено всех чиновлюдем ехать к Москве, чтобы выбрать государя на Московское государство». К тому времени договор с поляками был подписан, так что бояре собирались созвать собор для формального подтверждающего акта избрания.

Жолкевский привел с собой под Москву многотысячное наемное войско, перешедшее на его сторону под Клушином. Гетман не имел денег, чтобы расплатиться с солдатами. В войске назревал мятеж. Положение было безвыходное. Поляков спасла семибоярщина, приславшая Жолкевскому казну.

Принеся присягу Владиславу, Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Посольство по настоянию гетмана возглавил князь Василий Юлицын, один из главных претендентов на трон. В состав посольства были включены также Филарет Романов и ряд духовных особ. Поляки подумывали о том, чтобы отослать к королю также Михаила Романова, но тот был слишком мал для роли посла. Филарет стал заложником в руках короля.

В состав великого посольства входили пять членов думы, 42 дворянина из 34 городов, шесть купцов, семь московских стрельцов, представители духовенства и других московских «чинов». Гетман позаботился о том, чтобы отправить в королевский лагерь самых активных членов московского избирательного Земского собора, со стороны которых можно было ждать противодействия польской интриге.

Послы должны были подписать окончательный текст договора об унии между Речью Посполитой и Руссией и привезти в Москву царя Владислава. Но мирные переговоры под Смоленском сразу зашли в тупик. Сигизмунд III отказался подтвердить договор, заключенный гетманом под Москвой. Он был преисполнен решимости овладеть Смоленском и присоединить Смоленскую и Сверхскую земли к коронным владениям.

Король не захотел отпустить в Москву сына и намеревался сесть на московский престол по праву завоевателя.

После провала мирных переговоров главные послы были взяты под стражу и как пленники отправлены в Польшу. Круг замкнулся. Боярская крамола имела неожиданный исход. Филарет Романов и Василий Юлицын — самые выдающиеся государственные деятели России своего времени — добились низложения Шуйского, но сами вскоре оказались в польском плену вместе со свергнутым царем.

Избрание Владислава не принесло умиротворения стране, а вызвало новую вспышку гражданской войны. Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни популярной династии, и народ отвернулся от него окончательно. Всякий, кто побывал в Москве в те дни, мог наблюдать это своими глазами.

Угроза мятежа черни побудила семибоярщину пригласить польские войска для несения охраны внутри Москвы. Инициатива исходила от князя Федора Мстиславского, Ивана Романова и двух других бояр. Патриарх Ермоген, бояре Иван Воротынский и Андрей Ёдлицын протестовали против решения семибоярщины. 17—19 сентября в городе произошли волнения. Руководители думы усмотрели в происшедшем «козни Шуйских». Если верить Жолкевскому, Шуйским угрожала большая опасность от бояр, но гетман, спасая их жизнь, добился выдачи ему Дмитрия и Ивана Шуйских.

Жолкевский искажил события, так как определенно известно, что московские власти выдали Шуйских полякам ранее 12 сентября.

Справившись с волнениями, польское командование в ночь на 21 сентября 1610 г. приступило к размещению войск в Москве. Польские роты вошли в крепость без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

С боярским правительством можно было больше не считаться. Как отметил наблюдательный русский современник, после Шуйского «прияша власть государства Русскаго седьм московских бояринов, но ничто же им правльшим, точию два месяца власти насладишася».

Партия мира при королевском дворе потерпела поражение. Сигизмунд III не сомневался в том, что ему удастся поставить Россию на колени. Для начала надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 г. королевская рать возобновила штурм русской крепости. Гром пушек под Смоленском подтвердил решимость короля продолжать завоевательную войну.

Сговор бояр с завоевателями посеял возмущение в низах. Агитация в пользу истинного «Дмитрия» вновь усилилась. Под предлогом борьбы с изменой поляки ввели свои отряды в Кремль.

Владения калужского «царька» Лжедмитрия II стремительно сокращались. В начале зимы 1610 г. он был убит своими охранниками-татарами. С гибелью самозванца единственным царем в стране остался Владислав. Но москвичи не видели его в глаза.

Польская интервенция, осада Смоленска придали гражданской войне новое направление. В стране развернулось земское освободительное движение. Его возглавили Прокофий Ляпунов и рязанские дворяне. Ляпунов, первым бросивший вызов царю Василию, теперь объявил войну боярскому правительству, предавшему свой народ и превратившемуся в пособников иноземных завоевателей.

Осознав необходимость объединения патриотических сил, Ляпунов вступил в союз с казацким войском в Калуге. К нему присоединилась рать князя Александра Репнина из Нижнего Новгорода. Земские люди предприняли наступление на Москву, чтобы изгнать польские войска из столицы.

В Москве шла необъявленная война. 19 марта 1611 г. в городе вспыхнуло восстание. Польские роты учинили кровавую резню на улицах столицы, но принуждены были отступить перед восставшим народом. Не в силах справиться с москвичами, поляки по совету боярина Михаила Салтыкова подожгли город. В течение трех дней Москва выгорела дотла.

Восстание в столице было преждевременным. Передовые силы Земского ополчения уже прибыли в окрестности столицы. Им пришлось вступить в бой до подхода главных сил, и они были разбиты поляками.

Семибоярщина удержала Кремль и Китай-город. Ополченцы заняли почти всю территорию Белого города и Замоскворечье.

В июне 1611 г. королевские войска предприняли новый штурм и захватили Смоленск.

Избрание на царский трон Владислава дало повод шведскому королю для вторжения в Россию. Вожди Земского ополчения пытались остановить войну и заключить союз со Швецией, направленный против Речи Посполитой. Они повторили ошибку Василия Шуйского. В июле 1611 г. шведы захватили

Новгород Великий. Бояре и митрополит вступили в переговоры со шведским командующим Делагарди о призвании шведского принца на «Новгородское государство». Новгород Великий отложился от России и разместил в своих крепостях шведские гарнизоны.

С конца 1611 г. в Нижнем Новгороде началось формирование Второго земского ополчения под командованием князя Дмитрия Пожарского и посадского старосты Кузьмы Минина. Ополчение начало наступление на Москву, но вынуждено было задержаться на полгода в Ярославле.

При боярском правительстве Россия пережила национальную катастрофу, которая по масштабам и последствиям далеко превзошла беды времени правления Василия Шуйского.

Эпилог

22 июля 1610 г. гетман Жолкевский получил известие об аресте Шуйских в Москве и тотчас отправил Мстиславскому со товарищи послание, которое поразило бояр. Гетман забыл о том, как порочил царя Василия в предыдущих грамотах. Теперь он встал в позу защитника русской знати: «...мы от сего (известия о Шуйских. — *Р.С.*) в досаде и кручине великой и опасаемся, чтобы с ними не случилось чего худого». Подчеркивая заслуги Шуйских и русской знати вообще перед государством, Жолкевский просил вельмож охранять Шуйских, «не деля никакого покушения на их жизнь и здоровье и не попуская причинять им никакого насилья». Король с сыном, продолжал гетман, будет держать в чести и Шуйских, и «вас всех великих бояр», когда вы будете служить им верой и правдой.

Гетман Жолкевский не забыл того, что бояре Шуйские многие десятилетия возглавляли пропольскую партию в Москве. Конечно, письмо его было уловкой, на которые гетман был большой мастер. Роль арбитра в конфликте между династией и боярами была выгодна гетману.

Москва присягнула Владиславу, и Жолкевский тотчас уведомил Сигизмунда III, что думные бояре обещали ему выдать

всех Шуйских при условии, что король не окажет им никакой милости.

Обещания и лесть не убедили патриарха Гермогена и его сторонников в думе. Они категорически возражали против выдачи бывшего государя Сигизмунду III.

Низложенный царь еще жил в Чудовом монастыре «под началом», а уж начались переговоры о том, чтобы переправить его в один из зарубежных монастырей. Сразу после подписания московского договора тушинский думный дворянин Федька Андронов известил литовского канцлера, что в Москве собираются отправить Шуйского к королю в осажденный лагерь, чтобы затем поместить его под стражу в монастыре в Кисве или в другом монастыре в Литве.

Гермоген настаивал на том, чтобы перевести «инока Варлаама» на Соловки или в Кирилло-Белозерский монастырь. Но поляки добились от Мстиславского решения о передаче бывшего царя в их руки. Жолкевский приставил к Шуйскому стражу и отправил его в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Иосифо-Волоколамский монастырь был занят польским гарнизоном. Начальник гарнизона поместил узника в Германову башню, в которой издавна содержали государевых опальных. Бывшему царю положено было самое скудное питание.

Покинув Москву, гетман Жолкевский по пути к Смоленску заехал в Иосифо-Волоколамский монастырь. Застав князя Василия в простом чернеческом платье, он велел ему надеть мирское одеяние — «изрядные ризы». Шуйский сопротивлялся, так как иночество гарантировало ему некоторую защиту. Но Жолкевский желал передать в руки короля не чернеца, а пленного царя. Поэтому он велел насильно переодеть пленника.

Братья Василия были отправлены в крепость Белую, занятую королевскими солдатами. Бояре, как следует из польских источников, настойчиво просили, чтобы Шуйские не были допущены к королю и «чтобы их держать в строгом заключении».

Забрав братьев Шуйских, Жолкевский отвез их в королевский лагерь под Смоленском. Шуйским разрешено было взять с собой 13 человек прислуги.

В лагере гетман передал королю пленника. Представ перед Сигизмундом III, Шуйский стоял молча, не кланяясь. Придворные требовали поклона, но узник, согласно легенде, гордо отвечал, что московскому царю не положено кланяться королю и что он хотя и приведен пленником, но не взят руками короля, а «отдан московскими изменниками».

Следуя ритуалу, король одарил Шуйского, пожаловав ему небольшую серебряную братину и ложку. Дары никак не соответствовали сану москвитя и не шли ни в какое сравнение с царскими сокровищами, привезенными из Москвы Жолкевским. В письме папскому нунцию Сигизмунд III признался, что не питает сострадания к судьбе братьев Шуйских.

В Варшаве король дал Шуйским повторную аудиенцию на заседании сейма. По этому случаю братьям были сшиты парадные платья из парчи. Сигизмунд III и паны сидели в шапках, московский царь отдал поклон и стоял с непокрытой головой, сняв шапку. Речь Жолкевского была исполнена похвалы. Гетман не упомянул лишь о том, что обманом добился выдачи ему царя Василия. Он поклялся не увозить царя в Польшу и грубо нарушил клятву.

Королевская речь не заключала в себе никаких намеков на московский договор и унию двух государств. Россия повержена, «ныне и столица занята и в государстве нет такого угла, где бы польское рыцарство и воин великого княжества Литовского коня своего не кормил и где бы руки своей не обагрят кровью наследственного врага».

Выслушав речи, пленный царь низко поклонился, а его братья били челом до земли. После того как Сигизмунд III великодушно объявил о «прощении» Шуйских, те униженно целовали ему руку. Младший из братьев, Иван, не выдержал напряжения и разрыдался.

Свидетелем позора царя был Юрий Мнишск, присутствовавший в сейме как сенатор.

Когда Шуйских взяли в королевский замок, на улицах польской столицы собиравшись толпы народа. Из Варшавы Шуйские были отправлены в Гостынский замок. При них находилась стра-

жа, насчитывавшая 40 солдат. Столовых денег на содержание московитов шло 35 рублей, или 228 злотых, в месяц.

Однажды посол Османской империи пожелал видеть царя, что и было ему разрешено. Турок вздумал хвалить удачливость Сигизмунда III, который держал в плену сначала Максимилиана Габсбурга, а теперь «всемогущественного русского монарха».

Василий Шуйский держался с большим достоинством. На слова посла он будто бы сказал: «Не удивляйся, что я, бывший властитель, сижу здесь, это дело непостоянного счастья, а если польский король овладеет моей Россией, он будет таким могущественным государем в мире, что сможет посадить и твоего государя на то же место, где сижу сейчас я». Язвительная фраза князя Василия выдавала в нем опытного дипломата.

Юрию Мнишкеку пришлось давать отчет сенату о своей причастности к интриге Лжедмитрия I, замыслившего послать войско против короля в 1606 г. Во главе войска предполагалось поставить князя Дмитрия Шуйского. По этому повелению король повелел привезти в Краков пленного князя, чтобы заслушать его показания.

В августе 1612 г. Сигизмунд III с сыном отправились в московский поход. В грамоте из Орши, писанной в сентябре, он известил московских бояр, что прежде не мог отпустить сына Владислава на царство якобы из-за его болезни и хворобы. Но теперь Владислав поправился, и король идет «венчати его царским венцом и диадемою».

Поход был связан с риском. Война ставила перед королевской семьей новые проблемы. Монарха более всего беспокоило будущее сына. Чтобы обеспечить его безопасность, отец готов был уничтожить всех его реальных и предполагаемых соперников. Шуйские, томившиеся в плену, были в их числе. Если бояре захотят ссадить Владислава, кто знает, не вспомнят ли они о его предшественнике — законном самодержце Шуйском?

Положение польского гарнизона, осажденного в Кремле, было критическим. Силы объединенного Земского ополчения добились крупных успехов в войне с королевскими войсками и отрядами семибоярщины. Сигизмунд III стоял на границе и своевременно получал известия обо всем происходившем в Рос-

сии. Не это ли обстоятельство роковым образом сказалось на судьбе бывшего царя?

Люди, видевшие князя Василия в Польше, так описали его внешность. Пленник был приземист и смугловат. Он носил бороду лопаткой, наполовину седую. Небольшие воспаленные глаза царя уныло глядели из-под густо заросших бровей. Нос с горбинкой казался излишне длинным, а рот чересчур широким на круглом лице.

Василия держали в тесной каменной камере над воротами замка. К нему не допускали ни его родственников, ни русскую прислугу. Князь Дмитрий Шуйский жил в каменном нижнем помещении. Братья имели разный возраст и обладали разным здоровьем. Но умерли они почти одновременно. Как видно, насильственной смертью. Царь встретил свой смертный час 12 сентября. Никто из близких не присутствовал при этом, Дмитрий скончался пять дней спустя. Тюремщики разрешили его жене и слугам наблюдать за агонией князя.

Страже запрещено было произносить имя узников. В акте о смерти Василия чиновник записал: «...покойник, как об этом носится слух, был великим царем московским». Не зная в точности возраста узника, составители акта записали: «...покойный жил около семидесяти лет». Согласно русским источникам, Василию исполнилось не более 60—65 лет. Тюремщики склонны были представить его глубоким старцем, которому пришла пора умирать.

Дмитрий Шуйский был казнен из-за титула. В качестве коногошего он в периоды междуцарствия обладал правами местоблюстителя царского престола. После смерти царя Василия он на законном основании должен был унаследовать шапку Мономаха.

Трупы казненных тайно предали земле, чтобы никто не догадался о местонахождении могил. Согласно самым ранним из польских свидетельств, Василия Шуйского закопали под воротами замка, а по другим сведениям, в подземелье башни.

На младшего из трех братьев — Ивана Шуйского — права престолонаследия не распространялись, и его пощадили. «Мне, — говорил князь Иван позже, — вместо смерти на-

ияснейший король жизнь да». Его слова подтверждали факт убийства двух старших Шуйских.

Помилованному князю была уготована судьба таинственного узника. Он должен был забыть свое подлинное имя и происхождение. Отныне он фигурировал под именем Ивана Левина. Расходы на его содержание урезали до трех рублей в месяц. Оставшиеся у него дорогие вещи были отобраны в королевскую казну.

Поход Сигизмунда в Россию кончился полной неудачей. Королевская рать бежала из-под Волоколамска, бросая на пути скарб и повозки. В феврале 1613 г. князь Иван Шуйский был освобожден из-под стражи и принят на службу «царем московским» Владиславом. Его положение при дворе королевича было скромным.

В 1620 г. Сигизмунд III приказал извлечь из земли и перевезти в Варшаву останки Василия и Дмитрия Шуйских. Тела перезахоронили в небольшом круглом здании из камня, с куполообразной крышей и шпилем. Мавзолей был воздвигнут у большой дороги, близ Краковского предместья, за городской чертой.

Ни захоронение у ворот Гостынского замка, ни второе погребение не сопровождалось надлежащей церковной церемонией.

На мраморной плите у входа в мавзолей первым было высечено имя короля Сигизмунда. Далее следовал полный перечень его блистательных побед над Россией: «как московское войско было разбито при Клушине, как взята московская столица и возвращен Смоленск... как взяты были в плен, в силу военного права, Василий Шуйский, великий князь Московский, и брат его, главный воевода Димитрий». Версия пленения Шуйских имела мало общего с истиной.

Мавзолей московского царя должен был стать памятником в честь воинской доблести Сигизмунда III. В Москве хорошо уразумели смысл происшедшего. Король поставил «столб каменной себе на славу, а Московскому государству на укоризну».

После неудачной для России Смоленской войны и подписания мирного договора с Речью Посполитой король Владислав отказался от титула московского царя.

Останки царя Василия поляки разрешили перевезти в Москву.

Царь Михаил Романов позаботился о том, чтобы города на всем пути следования траурного кортежа оказали высшие почести останкам польского узника. 11 июня 1635 г. Шуйские после большой панихиды были торжественно погребены в Архангельском соборе Кремля. По всей Москве звонили колокола. Россия простилась с Шуйскими.

Князь Василий Шуйский был последним из Рюриковичей, занимавшим московский трон.

ТРИ ЛЖЕДМИТРИЯ

Введение

В начале XVII в. Русское государство пережило неслыханно кровавую гражданскую войну. Современники назвали ее Смутой.

Война началась после вторжения в страну самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, младшего сына царя Ивана Грозного. Московские власти поспешили объявить, что подличной царевича скрывается беглый монах из Чудова монастыря Гришка Отрепьев. Большинство историков приняли версию, обнародованную царем Борисом Годуновым. Но известный исследователь Смутного времени С.Ф. Платонов пришел к заключению, что вопрос о личности самозванца не поддается решению. Подводя итог своим наблюдениям, историк с некоторой грустью писал: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина пока от нас скрыта».

Не менее осторожным в своих суждениях был В.О. Ключевский. Личность неведомого самозванца, отметил он, остается загадочной, несмотря на все усилия ученых разгадать ее; трудно сказать, был ли то Отрепьев или кто другой, хотя последнее менее вероятно. Исследовав ход Смуты, Ключевский с полным основанием заключил, что важна была не личность самозванца, а роль, им сыгранная, и исторические условия, которые сообщили самозванческой интриге страшную разрушительную силу.

Кем бы ни был Лжедмитрий I, он был убит боярскими заговорщиками. Но вскоре в Самборе, в Польше, появился но-

вый самозванец, назвавшийся Дмитрием. Интрига не удалась. Однако место пезадачливого царевича немедленно занял новый проходимец — Лжедмитрий II, обосновавшийся в Тушине, под Москвой. Когда «тушинский вор» разделил участь своего предшественника и лишился головы, доиграть спектакль взялся псковский бродяга Лжедмитрий III. Он кончил тем, что был посажен в клетку, а затем повешен.

Несчастный угличский князь, казалось, обрел бессмертие. Он трижды погибал и трижды воскресал, умножая бедствия народа. Обманщики нисколько не походили друг надруга ни внешне, ни по складу ума и характера. Тройная подмена царевича обнаруживает, сколь малую роль играла личность самозванца сама по себе.

Полагали, будто самозванные «царьки» и «царевичи» были героями Крестьянской войны, разразившейся в России в начале XVII в. Самозванство якобы родилось на почве социальной утопии, веры крестьян в «доброе» царя-мессию. Объяснения такого рода трудно согласовать с фактами.

Попытаемся возможно подробнее исследовать биографии трех Лжедмитриев, оставивших заметный след в истории Смутного времени. Для этого надо прежде всего воссоздать исторические условия, вызвавшие к жизни самозванство — одно из самых удивительных явлений русской средневековой истории.

Несчастливое имя

Среди неярких фигур первых московских князей — скопидомов с туго набитым денежным мешком, собирателей чужих земель — единственной героической личностью был князь Дмитрий Донской. В его честь наследник трона Иван Иванович, сын Ивана III, назвал первенца Дмитрием. После внезапной кончины Ивана Ивановича великий князь Иван III по настоянию Боярской думы короновал Дмитрия Внука шапкой Мономаха в Успенском соборе Кремля. Бояре стремились избежать повторения Смуты, потрясшей Московское государство при Василии II Темном, для чего надо было закрепить трон за старшей законной ветвью династии. Став соправителем деда, внук должен был править Россией под именем Дмитрия II. Но власть досталась не ему, а удельному князю Василию, сыну Ивана III от брака его с Софьей Палеолог, будущему отцу Грозного. Вследствие интриги Софьи Дмитрий II был брошен в тюрьму, а затем умерщвлен.

Иван IV принял титул царя, так что его сыновья были первыми в русской истории царевичами. Во время победоносного похода на Казань в семье государя родился первенец. Он получил имя Дмитрия. В 1553 г. монарх смертельно заболел. Его кончины ждали со дня на день. По завещанию трон должен был наследовать сын, которому предстояло управлять государством под именем Дмитрия III.

Бояре не желали уступать власть родне царицы Анастасии Романовым-Захарьиным. Они не забыли о кровавых распрях,

происходивших в Москве при правительнице Елене Глинской, и не желали подчиняться правительнице Анастасии Романовой. Боярский заговор против «пеленочника» Дмитрия возглавила мать удельного князя Владимира Ефросинья Старицкая-Хованская. Она помшила об успехе свекрови Софьи Палеолог, доставившей корону своему сыну, удельному князю. В заговоре участвовали знатные князья Ростовские, Оболенские, Куракины, немало лиц из Государева двора.

Но царь Иван выздоровел, и династический кризис миновал. Однако Дмитрию III не суждено было надеть на голову шапку Мономаха. К его гибели заговорщики не имели никакого отношения.

Когда царевичу минуло шесть месяцев, родители повезли его на богомолье в Кириллов монастырь. На обратном пути случилось несчастье. Передвижения наследника были сопряжены со сложной церемонией. Няньку, несшую ребенка, непременно должны были поддерживать под руки двое знатнейших бояр. Во время пугешествия из Кириллова царский струг пристал к берегу, и торжественная процессия вступила на сходни. Сходни перевернулись, и все оказались в реке. Ребенка, выпавшего из рук няньки, тотчас достали из воды, но он был мертв.

В конце жизни Грозный женился в седьмой раз. Он положился на совет временщика Афанасия Нагова, сосватавшего ему племянницу Марию Нагую.

Духовенство боялось гнева монарха и разрешило брак вопреки строжайшим церковным запретам. Показав «теплое умиление и покаяние», царь избежал церковного проклятия.

В браке с царицей Марией Нагой у Грозного родился сын, которого отец нарек тем же именем, что и первенца, — Дмитрием.

Жизнь с юной Нагой очень скоро стала тяготить монарха. Еще во времена опричнины Иван задумал в случае мятежа искать спасения в Англии. Лейб-медик Бомелей подал ему мысль посвататься к «пошлой девице» (старой деве) Елизавете, королеве Англии. Планы царя не встретили одобрения в Лондоне, и тогда он решил жениться на одной из родственниц королевы — Марии Гастингс. В глазах «жениха» его брак с Нагой не мог слу-

жить помехой для нового сватовства. Посол Писемский дал по этому поводу такие разъяснения английскому двору: «Государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь, а не по себе, а будет королеваина племянница дородна и того великого дела (брака с царем. — *Р.С.*) достойна и юсударь наш... свою оставя, зговорит за королевицу племянницу».

Грозный хлопотал о восьмом браке с исключительной энергией. По-видимому, он все чаще возвращался к мысли об отъезде за море. В случае успеха сватовства при английском дворе царицу Марию ждал монашеский клубок. Незавидной была бы и судьба ее младенца-сына.

Царевич Дмитрий рос болезненным мальчиком. Он страдал жестокой эпилепсией. Дитя седьмого брака, царевич был в глазах современников незаконнорожденным. Но пока жив был его отец, никто не смел сказать об этом вслух.

Царь Иван завещал престол сыну Федору. Младший сын царя, Дмитрий, имел бесспорное преимущество перед слабоумным братом. Он был умственно полноценным ребенком. Афанасий Нагой готов был употребить все средства, чтобы посадить на трон Дмитрия.

Сразу после кончины царя Богдан Бельский с согласия думы арестовал Афанасия Нагова и выслал его из столицы. Вскоре в Москве произошли волнения, приведшие к отставке Бельского. Власть перешла в руки бояр Никиты Романова и Бориса Годунова.

Еще до коронации Федора Ивановича бояре-правители отравили вдову Грозного вместе с сыном в столицу их удельного княжества город Углич. Родня царицы была оскорблена тем, что мачеха Федора не была допущена на коронацию пасынка.

Когда правитель Никита Романов из-за тяжелой болезни устранился от дел, власть попытались захватить высокородные князья Шуйские. Им удалось сплотить всех противников правителя, включая Нагих.

В 1586 г. Годунов рассказал английскому агенту Джерому Горсею о заговоре Шуйских и Нагих. Царь Федор обладал слабым здоровьем и мог умереть в любой момент, и тогда отсутствие утвержденного думой законного наследника могло при-

вести к смуте и кровопролитию. Дмитрию едва исполнилось четыре-пять лет, но это не имело значения.

Царевич Дмитрий стал представлять реальную угрозу для правителя, когда родня царевича объединилась с Шуйскими. Углич оказался втянут в опасную интригу. Нагие готовили царевича к грядущим переменам, старательно поддерживая в нем неприязнь к советникам царя Федора. В характере Дмитрия рано проявилась унаследованная от отца жестокость. Зимой мальчик лепил снежные фигуры и называл их именами ближних бояр. Окончив работу, он принимался лихо рубить им головы, приговаривая: «Это Мстиславский, это Юдунов». Характерно, что Нагие не учили царевича рубить голову Шуйскому, который был фактическим руководителем столичной Боярской думы.

При дворе Федора детские «глумления» царевича вызывали неудовольствие и страх. Взаимные подозрения достигли предела. Угличский двор распространял повсюду слухи, будто родственники Федора, рассчитывавшие заполучить трон в случае его бездетной смерти, пытались «окормить» Дмитрия зельем. Слухи эти были записаны в 1588—1589 гг. английским послом Флетчером. Они оказались живучими и попали на страницы поздних русских летописей XVII в.

Московский двор не остался в долгу. Ранее 1589 г. власти разослали по всем церквам приказ, воспрещавший упоминать на богослужениях имя Дмитрия на том основании, что он зачат в седьмом браке, а следовательно, является незаконнорожденным. Такой приказ, утверждал английский посол, отдал священникам сам царь вследствие происков Бориса Юдунова. Церковные правила строго воспрещали православным вступать в брак более трех раз. При жизни Грозного никто не смел усомниться в законности его седьмого брака. После его кончины все изменилось. Родне Дмитрия оставалось надеяться на царское завещание. Отцовское благословение само по себе утверждало взгляд на царевича как на законного наследника престола.

Борис Годунов, писал австрийский дипломат из Москвы, подавил раскрытый им боярский заговор, строго покарал повинных в крамоле душеприказчиков Грозного, а царское завещание, как юворят, разорвал. Уничтожение царского завещания

было по тогдашним меркам делом неслыханным. Что толкнуло Бориса на такой шаг? Уничтожение духовной лишило претензии угличского князя юридической базы.

Смерть царевича

Борис Годунов жестоко покарал князей Шуйских и постарался обезопасить себя от интриг царицы Марии и Нагих. По его наущению царь Федор прислал в Углич дьяка Михаила Битяговского, наделенного самыми широкими полномочиями. Фактически царевич Дмитрий и его мать Мария Нагая лишились почти всех прерогатив, которыми они обладали в качестве удельных владык. Все деньги удельная семья стала получать из рук дьяка. Его постоянная опека вызывала возмущение вдовы Грозного и ее братьев. На этой почве происходили постоянные ссоры и брань.

В полдень 15 мая 1591 г. царевич Дмитрий погиб в своей резиденции в Угличе. Гибель наследника престола поставила правителя в затруднительное положение. Слухи о покушениях на жизнь Дмитрия давно носились по Москве.

Годунов проявил обычную для него осторожность и предусмотрительность. Для розыска о причинах гибели царевича он согласился составить следственную комиссию, включавшую авторитетных членов Боярской думы. В Углич были посланы лица, придерживавшиеся абсолютно разной политической ориентации.

Руководить расследованием поручили боярину Василию Шуйскому, едва ли не самому умному и изворотливому противнику Годунова, незадолго до этого вернувшемуся из ссылки. Но в помощники ему был назначен окольный Андрей Клешнин, известный своей преданностью Борису. В то же время Клешнин доводился зятем Григорию Нагому, жившему при особе царицы Марии в Угличе.

Вся практическая организация следствия была возложена на главу Поместного приказа думного дьяка Елизария Вылузгина и его подьячих.

По прошествии времени следователь Василий Шуйский не раз менял свои показания относительно событий в Угличе, но комиссия в целом своих выводов не пересматривала.

Согласно выводу комиссии, царевич нечаянно нанес себе рану, которая оказалась смертельной. «Обыск» (следственное дело) Шуйского сохранился до наших дней. Но вид неловко разрезанных и склеенных листов невольно вызывает подозрение.

Следует ли рассматривать сохранившиеся угличские материалы как оригинал, или это беловая копия? По мнению А.А. Зимина, основная часть материалов следственного дела дошла до нас в виде белой копии.

Если это копия, а оригиналы допросов не сохранились, то легко заподозрить, что черновики подверглись при копировании фальсификации.

Палеографическое исследование рукописи выявило примерно шесть или даже восемь основных почерков писцов. Следственная комиссия очень спешила. Главных свидетелей допрашивала боярская комиссия, в распоряжении которой были лучшие писцы. Параллельно другие писцы протоколировали показания полтора сотен второстепенных свидетелей. Отмеченное обстоятельство объясняет наличие многих почерков в документе. При составлении беловика такого множества писцов попросту не потребовалось бы. Достаточно было бы двух-трех человек.

Следователи не только записывали допросные речи, но и заставляли свидетелей ставить свои подписи на обороте листа. В тексте обыска имеется по крайней мере 20 подписей угличан. Все подписи строго индивидуализированы и отражают разную степень грамотности писавших. Бисерный почерк Андрея Нагова несколько не похож на почерк полутрамотных дворцовых служителей или же на изысканные подписи двух угличских игуменов.

Комиссия провела огромную работу в течение примерно десяти дней, и ей некогда было изготавливать черновики, потом копировать их на беловики, меняя содержание в нужном духе, повторно отбирать подписи у свидетелей.

Следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Гибель Дмитрия была актом большого политического значения. Вопрос «кому выгодно?» служит проверкой любого крупного события. Непокколебимая уверенность в том, что устранение последнего отпрыска московской династии было выгодно одному Борису, начисто обесценивала угличский «обыск». Есть основания утверждать, что угличское дело стало жертвой ретроспективной оценки событий.

К моменту смерти царевича не исчезла полностью возможность рождения законного наследника в семье Федора. Никто не мог точно предсказать, кому достанется трон. Из близких родственников царя наибольшими шансами обладал не Годунов, а Романовы.

Ситуация, сложившаяся в Москве к моменту трагедии, носила критический для правительства характер. Над страной нависла непосредственная угроза вторжения шведских войск и татар. Власти готовились к борьбе не только с внешними, но и с внутренними врагами. За одну-две недели до смерти Дмитрия они разместили на улицах столицы усиленные военные наряды и осуществили другие полицейские меры на случай народных волнений. Достаточно было малейшего толчка, чтобы народ поднялся на восстание, которое для Годунова могло кончиться катастрофой.

В такой обстановке гибель Дмитрия явилась для Бориса событием нежелательным и, более того, крайне опасным. Факты опровергают привычное представление, будто устранение младшего сына Грозного было для Годунова политической необходимостью. Вместе с тем рушится предвзятая оценка угличского «обыска».

Следственные материалы сохранили по крайней мере две версии гибели Дмитрия.

Версия насильственной смерти всплыла в первый же день дознания. Ее выдвинули дядья царницы Нагие. Но среди них не было полного согласия.

Андрей Нагой сидел с царницей за столом, когда произошло несчастье. Он живо описал, как «закричали на дворе, что царе-

вича не стало». Нагая сбежала «сверху», и он, Андрей, «прибежал тут же к царице», а «царевич лежит у кормилицы на руках мертв, а сказывают, что его зарезали, а он того не видел, кто его зарезал».

Безо всякой паузы Андрей рассказал далее о припадках «черной болезни» у царевича и о том, что тот играл перед смертью ножом. Тем самым он косвенно подтвердил версию о нечаянной смерти Дмитрия. Показания Андрея принадлежали к числу самых важных: он видел мертвого царевича одним из первых и «был у царевичевателя безотступно и тело он царевича внес в церковь».

Дядья царицы, Михаил и Григорий Нагие, обедали у себя на подворье и не сразу явились к месту происшествия.

По словам Григория, они «прибежали на двор, ажно царевич Дмитрий лежит, и обрушился сам ножом в падучей болезни... и на двор прибежали многие люди... и почали говорить, неведомо кто, что будто зарезали царевича». Таким образом, Григорий прямо подтвердил версию нечаянной смерти внучатого племянника.

Показания Григория только в одном пункте расходились с показаниями Андрея. По словам Григория, когда он с братом прискакал ко дворцу, «царевич еще жив был и при них представился». Неточность в его показаниях может быть объяснена. Очевидцы говорили, что Михаил Нагой был «мертв пьян», «прискочил на двор пьян на коне». Григорий же пил за обедом вместе с Михаилом.

Из всех Нагих один Михаил категорически настаивал на том, что царевича убили: прибежал он «к царевичю на двор, а царевича зарезали» Волохов, Качалов и Битяговский-сын.

Однако Михаил не мог подтвердить свою версию ни одним свидетельским показанием.

Нагие напрасно отговаривались тем, что они не знают, кто первый заговорил об убийстве Дмитрия. Этим человеком, без сомнения, была мать мальчика. Ее слова подхватил Михаил Нагой.

По понятным причинам Нагие не хотели признать, что версию насильственной гибели княжича выдвинули они сами, не имея в своем распоряжении никаких тому доказательств.

Протоколы допросов позволяют установить с полной очевидностью, зачем понадобилась Нагим версия убийства Дмитрия. Таким путем они пытались оправдать расправу с государевым дьяком Битяговским.

В полдень 15 мая царица Мария отправилась обедать, а сына отпустила погулять и потешиться игрой с четырьмя сверстниками. Дети играли на небольшом заднем дворике — в углу между дворцом и крепостной стеной. Обед только начался, как вдруг на дворе громко закричали. Царица поспешно сбегала вниз и с ужасом увидела, что ее единственный сын мертв.

19 мая из Москвы в Углич прибыла комиссия боярина Василия Шуйского. С ним вместе приехал митрополит Геласий. В основу своих выводов комиссия положила подробные показания Василисы Волоховой. Фактически она была признана главным свидетелем. Объяснялось это достаточно просто. Василиса была хорошо известна при московском дворе. Она пользовалась полным доверием Ивана Грозного и много лет служила при нем постельницей. После его смерти она последовала за вдовой-царицей в Углич. При царевиче Дмитрие Волохова исполняла должность боярыни-мамки. В иерархии дворцовых чинов она стояла неизмеримо выше всех других лиц, непосредственных очевидцев происшествия.

Следователи выяснили, что возле Дмитрия в момент его смерти находились четверо жильцов. Титул «жилец» носили молодые дворяне, охранявшие покои и фактически исполнявшие службу телохранителей при особе монарха или княжича.

Водворе Кремля при Дмитрии находились юноши Петрушка Колобов, сын постельницы, Баженко Тучков, сын кормилицы, Ивашка Красенский и Гриша Козловский. Когда они предстали перед судной комиссией, им задали вопрос: «Хто в те поры за царевичем были?» Они отвечали, что на дворе с царевичем были «только они, четыре человека жильцов, да кормилица, да постельница».

Мария Нагая оставила сына с боярыней Волоховой, постельницей и кормилицей. Почему же мальчики не упомянули имени боярыни? Этот вопрос позволил исследователям усомниться в «доказательной силе» свидетельства очевидцев: «...ее-

ли «жилыцы» не упомянули о Василисе, то они могли «забыть» и о присутствии других лиц» (А.А. Зимин).

Предположение о том, что мальчики хитрили, не находит подтверждения в источнике. Они изложили то, что видели своими глазами. Если ребята не назвали боярыню, значит, в момент смерти Дмитрия ее не было во дворе. Она отлучилась либо на обед, либо по делам.

Слова мальчиков позволяют объяснить поведение царицы. Она передала сына на руки боярыне, которая несла всю ответственность за его жизнь. Волохова принадлежала к кругу самых близких к царице лиц. Но мамка покинула ребенка. За нерадивую службу, стоившую жизни питомцу, царица набросилась на мамку и, ухватив попавшееся под руку полено, стала бить по голове смертным боем.

Нагая не могла не чувствовать собственной вины за смерть сына. Незадолго до того, когда в руке у мальчика оказалась «свая», он во время припадка поколол мать. Казалось бы, само провидение предостерегло ее в тот момент. Царица не вняла предостережению. Избавиться от невыносимого чувства можно было лишь одним способом: переложить всю вину на кого-то другого. Кровь царевича требовала отмщения, и в голове у обезумевшей от горя женщины родилась идея мести. «Окаянная мамка» должна была испить ту же чашу — лишиться собственного сына. Нагая объявила, что Дмитрия зарезал Осип Волохов, что было равносильно смертному приговору.

По словам Волоховой, царица, избивая ее, приговаривала, «что будто се сын ее, Василисин, Осип с Михайловым сыном Битяговского, да Микита Качалов царевича Дмитрия зарезали».

Фактически главная свидетельница повгородила окончательную версию обвинения, выдвинутого Нагими. Но, судя по «обыску», эта версия возникла не сразу.

Нагие повелели бить в набат, чтобы созвать народ и оповестить город о несчастье. Немолчный гул колокола поднял на ноги весь город. Возбужденная толпа запрудила площадь перед дворцом. Михаил Битяговский, слышав звон, поспешил в Кремль. Но Нагие успели принять меры. Они запретили страже пускать в крепость главного дьяка. Наконец один из его приспешников

отпер ворота. Битяговский сразу почувал неладное и стал хлопотать о наведении порядка. Его суета раздражала Нагих.

Никто не приглашал дьяка в княжие покои, но он и не ждал приглашения. Он, «взбежав на двор, да вверх побежал, а чаял того, что царевич вверх». Оттуда Битяговский бросился в церковь и мимо тела царевича взбежал на колокольню. Дьяк ломился в звонницу и требовал, чтобы прекратили бить в колокола, но звонарь, по его словам, «ся запер и в колокольню его не пустил».

Толпа перед дворцом прибывала. Посадские люди и казаки спешили вооружиться роатинами, топорами и саблями. Ситуация осложнилась после того, как на площади появились Михаил Нагой с братом Григорием.

Нагие враждовали с Битяговским с того дня, как удельная семья утратила право распоряжаться доходами со своего княжества и стала получать деньги «на обиход» из его рук. Назначенное правительством содержание казалось царице мизерным, а зависимость от дьяка — унижительной. Стряпчий царицы и другие лица сообщили комиссии, что Михаил Нагой постоянно «прашивал вверх государева указу денег ис казны», а Битяговский «ему отказывал», из чего проистекали ссоры и брань. Последняя стычка между ними произошла утром 15 мая.

Уже после того, как толпа убила Битяговского, люди Нагих притащили водворецУличского городского приказчика Русина Ракова, и там Михаил Нагой, куражась, заставил его шесть раз подряд присягать на верность царице Марии. Михаилу незачем было повторять перед Раковым выдумку об убийцах царевича. Похваляясь победой над ненавистным дьяком, Нагой с полной откровенностью объявил приказчику, что это он, Михаил, велел убить Битяговского с сыном и что «Микиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей их велел побити я же для того, что они у меня отнимали Михаила Битяговского с сыном».

Откровения Михаила проясняют картину. По-видимому, Нагие сначала натравили толпу на одного только дьяка с сыном, а Качалов и Волохов были умерщвлены не как убийцы Дмитрия, а как защитники Битяговских.

Раков был ближайшим помощником дьяка и досконально знал все его дела с Нагим. В поданной митрополиту Геласию челобитной он объяснял смерть государева дьяка следующим образом: с утра 15 мая Михаил Нагой разбранился с дьяком, потом «напился пьян да велел убить Михаила Битяговского с сыном». Достоверность слов о состоянии Михаила не вызывает сомнений. Семь человек рассыльщиков (курьеров), видевшие расправу своими глазами, заявили, что Нагой «прискочил» на княжий двор «пьян на коне».

Рассыльщики служили в дьячей избе и не зависели от удельного двора. Их показания отличались откровенностью и полнотой. Они сообщили любопытные подробности о гибели Качалова и Волохова. По их словам, «Микыту Качалова убили за его шурина за жильца да за Осипа за Волохова, что Микыта учал говорить, чтоб его шурина не убили, и оне за Микыту Качалова и Осипа Волохова (убили) до смерти». Показания семи свидетелей страдали видимым противоречием: Качалова убили за Волохова, а Волохова — за Качалова. Но кажется, именно так и произошло в действительности. Качалов погиб не потому, что был заподозрен в убийстве царевича, а потому, что вступился за Волохова. Качалов бросился на помощь Волохову в то время, когда на площади еще бежал и распоряжался его всесильный дядя Битяговский. Осипа удалось защитить от самосуда. Убеджав с площади, Волохов укрылся на подворье Битяговских. Это было единственное место, где он мог спастись от гнева царицы.

Многие свидетели описали столкновение между Нагим и дьяком как очевидцы. На княжьем дворе Битяговский сначала попытался прикрикнуть на толпу, а затем принялся увещевать Нагова, «чтобы он, Михайла, унял шум и дурна которогоне зделал».

Избитая в кровь и брошенная на площади Василиса Волохова видела, как царица указала на Битяговских и молвила «миру: то-де душегубцы царевича». Пьяный Михаил Нагой взялся было руководить расправой с дьяком, но на помощь Битяговским пришли их родственники и холопы. Посадские люди также не сразу поверили Нагим. Плотник Савва, каменщик Мигя и мужик-белозерец кричали, что «царевич умер черною болез-

ню, а Михайло Нагой взводит на тех людей (Битяговских) за посмех, по недружбе». На помощь к дьяку прибежал посошный приказчик. Он просил посадских людей, чтобы «оне за посмех Михайла Битяговского с товарищи не побивали». В пользу Битяговского говорил посадский боиатей Баусов. Но люди Нагих тут же схватили его и поволокли в тюрьму. Приказчика с трудом отбили у толпы.

Однако настроение толпы становилось все более угрожающим, и Битяговским пришлось покинуть площадь. Вместе со своими сторонниками они заперлись в Дьячей брусняной избе. Это окончательно погубило их. Толпа выбила двери, выволокла укрывшихся там людей и растерзала их.

Даже служивший царице дворянин должен был признать перед комиссией, что приказных побилла всякая чернь «с Михайлова веленья Нагова».

Дело не ограничилось убийствами. Чернь разгромила приказную избу — канцелярию государева дьяка: «у дьячьи избы сени и двери разломаны и вокна выбиты». Нападавшие завладели немалой суммой денег, хранившихся в коробьях (сунлуках) у приказных.

Опасаясь за свою жизнь, служители приказа «с того страха разбежались розно и в город ходити не смели». Человек 20 посадских людей погнались за подьячыми, но те укрылись в чаще и несколько дней «ходили по лесу, в город иттить не смели».

После разгрома приказной избы толпа бросилась на подворье Битяговского и растащила все его имущество: «На Михайлов двор Битяговского пошли вселюди миром и Михайлов двор разграбили и питье из погрсба в бочках выпив, и бочки кололи; да с Михайлова же двора взяли Михайловых лошадей девятеро».

Жену дьяка, «ободрав, нагу и простоволосу поволокли» сдетишками ко дворцу. Туда же привели Осипа Волохова, найденного в доме Битяговских.

В разгар общего смятения в кремль явились два высших духовных лица — архимандрит Феодорити игумен Савватий. В тот день оба служили обедню в одном монастыре. Заслышав набат, они послали слуг в город, и те, вернувшись, доложили, что «слышали от посадских людей и от посошных, что будто се царевича

Дмитрея убили, а тово не ведомо, хто ево убил». Вслед за слугами в монастырь прибежал кутсейшик и именем царицы велел старцам ехать во дворец. По свидетельству игумена, он застал царицу в церкви Спаса возле сына: «ажно царевич лежит во Спасе зарезан и царица сказала: зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данилода Осип Волохов».

Царица Мария призвала монахов с умыслом. Битяговские и Качаловлежали побитые на площади перед церковью, и ей нужны были авторитетные свидетели, чтобы задним числом оправдать самочинную расправу.

Старцы посылали слуг в Кремль, из-за чего явились на место происшествия с большим опозданием. Однако они были первыми официальными лицами, услышавшими новую версию убийства Дмитрия. Согласно этой версии, роль главного убийцы отводилась Никите Качалову и Данилке Битяговскому, дьяк Михаил Битяговский был исключен из списка, а его место занял Осип Волохов.

Появление монахов на время приостановило самосуд. Толпа хотела взяться за дьячиху, но старцы, по их словам, «ухватили» Битяговскую с дочерьми «и отняли их и убити не дали».

Монахи видели в церкви Осипа Волохова. Он стоял неподалеку от тела царевича «за столпом», весь израненный. Василиса отчаянно боролась за жизнь сына. Она заклинала царицу «дати ей сыск праведной». Но Нагая была неумолима. Едва старцы покинули церковь, она выдала Осипа на растерзание толпе, объявив: «то деи убоица царевича».

Следует уточнить, что в момент появления игуменов непосредственной угрозы жизни Василисы Волоховой и ее сына не было. В противном случае старцы «ухватили» бы их вместе с женой и детьми Битяговского и спасли от расправы.

В отношении Осипа Волохова Нагие проявили колебания. Подготавливая улики, они положили окровавленные ножи на трупы Битяговских и Качалова, палицу — на труп Волохова. Но если Волохов перерезал горло царевичу, то как он мог сделать это с помощью палицы?

Итак, версия о злодейском убийстве Дмитрия возникла в ходе самосуда и претерпела метаморфозы.

Что побудило Нагих затеять рискованное дело и фактически поднять мятеж против главного дьяка, представлявшего в Угличе особу государя? Разумеется, причина не сводилась к тому, что Михаил Нагой напился допьяна.

Царицу раздражало то, что Битяговский распоряжался денежными доходами удельного княжества. Он также исполнял роль соглядатая при удельном дворе. Когда у царевича появились симптомы «черного недуга», царица Мария тотчас решила, что ее сына испортили недруги. Как показала мамка Василиса Волохова, царица велела убить некую угличскую юродивую, «будто та жонка царевича портила».

По свидетельству очевидцев, люди Нагих, прибежав на двор Битяговского, первым делом «жоночку Михайлову (дьяка. — *Р.С.*) розстреляв, да в воду посадили». Необычность расправы объяснялась страхом перед ведуньями, знавшими с нечистой силой.

Нагие надеялись, что царь Федор либо умрет, либо будет свергнут и трон унаследует Дмитрий. Кажется, они готовы были пустить в ход те же средства, что и их враги, использовавшие услуги юродивой. Угличские рассыльщики, подчиненные дьяка, в своей челобитной привели предсмертные слова Битяговского: «Михайло Нагой велит убить (его, дьяка. — *Р.С.*) для того, что... добывает ведунов, и ведуны на государя и на государыню, а хочет портить».

Битяговский не успел послать донос в Москву. Но это сделала его вдова, знавшая обо всем с его слов. Однако ее версия несколько отличалась от версии мужа. В челобитной на имя царя женщина утверждала, что ее муж многократно бранился с Михаилом Нагим из-за того, что тот добывает ведунов и ведуний к царевичу. Тут не было прямой вины Нагих, пытавшихся с помощью колдунов вылечить мальчика. Хуже обстояло дело с ведуном Андрюшкой Мочаловым. Он жил на дворе у Нагих и по их приказу ворожил, сколько проживут царь Федор и его жена. Вдова ссылалась на то, что слышала все от мужа. Таким образом, дьяк не говорил ей, что Нагие хотели известить царскую семью.

После розыска правитель приказал схватить и доставить в столицу ведуна Андрюшу Мочалова.

Итак, во время последней перебранки у стен дворца Битяговский нестатки упомянул о ведунгах, а Михаил Нагой уезжал в его словах прямую для себя угрозу. Он понимал, что ему не избежать дыбы и кнута, если дьяк подаст донос на счет порчи царя.

После расправы над Битяговским Нагие выдвинули версию о его причастности к убийству Дмитрия. Но их версия не выдерживала критики. Вдова дьяка рассказала на допросе, что члены ее семьи обедали на своем дворе, когда позвонили в колокол. Гостем Битяговских был в тот день священник Богдан. Будучи духовником Григория Нагова, Богдан изо всех сил выгораживал царицу и ее братьев. Но он простодушно подтвердил перед комиссией Шуйского, что сидел за одним столом с дьяком и его сыном, когда ударили в набат. Таким образом, Битяговские имели стопроцентное алиби. Комиссия Шуйского установила это абсолютно точно.

В день кровавого самосуда погибли 15 человек. Их трупы были брошены в ров у крепостной стены. На третий день к вечеру в Углич прибыл отряд правительственных войск. Похмелье прошло, и Нагие поняли, что им придется держать ответ за убийство главного должностного лица, представлявшего в Угличе особу царя.

Накануне приезда комиссии Шуйского Михаил Нагой глубокой ночью собрал преданных людей и велел им раздобыть ножи. Городовой приказчик Раков пошел в Торговый ряд и взял два ножа у посадских людей. Григорий Нагой принес «ногайский» нож. На подворье Битяговского нашли «железную палицу». Когда оружие было собрано, подручные Нагова зарезали в чулане курицу. Они измазали «ножи и палицы кровью», нацеженной в таз, и отнесли оружие в ров к обезображенным трупам. Непосредственным исполнителем этой акции Раков заявил комиссии: «Михаило мне Нагой приказал класти к Михаилу Битяговскому нож, сынуево нож, Миките Качалову нож, Осипу Волохову палицу».

Распределение оружия точно соответствовало последней версии злодейского убийства.

Нагие заготовили подложные улики, чтобы сбить с толку следователей. Но обмануть комиссию им не удалось. Раков повинился перед Шуйским и поведал ему о ночной проделке Нагих. Михаил Нагой пытался запереться, но немедленно был изобличен. На очной ставке с Раковым слуга Нагова, резавший курицу в чулане, подтвердил показания приказчика. В отличие от Михаила Нагова его брат Григорий не стал лгать и признался, что достал «ногайский» нож у себя дома из-под замка и участвовал в изготовлении других «улик».

Допрос главных свидетелей привел к окончательному крушению версии о преднамеренном убийстве Дмитрия.

Царевич погиб при ярком полуденном солнце, на глазах у многих людей. Комиссия без труда установила имена непосредственных очевидцев происшествия. Перед Шуйским выступили, после боярыни-мамки, кормилица Ариха Тучкова, постельница Марья Колобова и четверо «жильцов». По их свидетельству, царевич тешился игрой в тычку. Очевидцы кратко, но точно и живо описали то, что случилось на их глазах: «исрел-де царевич в тычку ножиком с ними на заднем дворе и пришла на него болезнь — падучей недуг — и набросился на нож». Придавая исключительное значение показаниям ребят, следователи дважды сформулировали один и тот же вопрос. Сначала они спросили: «Хто в те поры за царевичем былн?» Мальчики ответили, что «были за царевичем в те поры только они — четыре человеки жильцов да кормилица да постельница». Выслушав ответ, комиссия спросила в лоб: Осип Волохов и Данило Битяговский «в те поры за царевичем были ли»? На этот вопрос «робятки» ответили отрицательно.

Может быть, мальчики солгали в глаза царице? Может быть, они сочинили историю о болезни царевича в угоду Шуйскому, не убоившись гнева своей государыни? Такое предположение начисто опровергается показаниями взрослых свидетелей.

Трое видных служителей царицына двора — подключники Ларионов, Иванов и Гнидин — показали следующее: когда царица села обедать, они стояли «в верху за поставцом, ажно деи бежит в верх жилец Петрушка Колобов, а говорит: тешился деи царевич с нами на дворе в тычку ножом и пришла деи на него

немочь падушая... да в ту пору, как ево било, покололся ножом, сам и оттого и умер».

Петрушка Колобов был старшим из мальчишек, игравших с царевичем. Перед Шуйским он держал ответ за всех своих товарищей. Колобов лишь повторил перед следственной комиссией то, что сказал дворовым служителям через несколько минут после гибели Дмитрия.

Показания Петрушки Колобова и его товарищей подтвердили взрослые, приглядывавшие за игравшими мальчишками.

Может быть, угличский «обыск» все же был хитроумной подделкой? «Во всяком случае версия о «самозаклании» царевича могла быть измышлена сразу после убийства Дмитрия с целью самосохранения лиц, находившихся водворе вместе с ним» (А.А. Зимин).

О каком самосохранении могли думать дети, игравшие с Дмитрием, или же кормилица? Слова кормилицы Арины Тучковой отличались удивительной искренностью. В присутствии царицы и Шуйского она назвала себя виновницей несчастья: «она того не уберегла, как пришла на царевича болезнь черная... и он ножом покололся...» Признание подобного рода таило в себе угрозу. За провинность, повлекшую гибель члена царской семьи, полагалась казнь. Но кормилица не думала об этом. Она была потрясена смертью вскормленного ею ребенка.

Для опровержения данных угличских следственных материалов нужны серьезные основания, а их нет.

Никак не менее шести человек, стоявших подле царевича на дворе, видели своими глазами его гибель. Позже перед комиссией предстал восьмой очевидец. Но он нашелся не сразу.

Допрашивая приказного Протопопова, комиссия установила, что он впервые услышал о смерти Дмитрия во всех подробностях от ключника Тулубеева. Призванный к ответу, Тулубеев сослался на стряпчего Юдина. Им устроили очную ставку, которая окончательно прояснила дело.

В полдень 15 мая Юдин стоял в верхних покоях «у поставца» и смотрел сквозь окно во внутренний дворик. Несчастье произошло у него на глазах. По словам Юдина, царевич играл во

дворе в тычку и накололся на нож, «а он (Юдин. — *Р.С.*)... то видел».

Стряпчий поделился увиденным с приятелями. Но он знал, что царица толковала об убийстве, и счел благоразумным уклониться от дачи показаний перед следственной комиссией. В конце концов свидетеля обнаружили, правда, случайно.

Показания главных уголовских свидетелей совпадают по существу и достаточно индивидуальны по словесному выражению. Это говорит в пользу их достоверности. Иное впечатление производят показания второстепенных свидетелей, число которых перевалило за сотню. Их показания пазойливо стереотипны. Это давно смущает исследователей. Если несколько лиц пользуются одними и теми же речевыми оборотами, тотчас возникает подозрение в лжесвидетельстве. Однако появление штампов в следственном деле все же можно объяснить. Допрос основных свидетелей позволил нарисовать достаточно полную картину происшествия. Показания тех, кто знал о смерти Дмитрия с чужих слов, не прибавили ничего нового. Перед комиссией предстали в основном дворовые люди, в массе своей некультурные и косноязычные. Чтобы получить от них толковые ответы, надо было потратить массу времени. Но временем следователи не располагали, и потому комиссия фиксировала ответы второстепенных свидетелей с помощью стереотипа, заключенного в самом вопросе. В тогдашней приказной практике такой прием часто использовался.

А.А. Зимин поставил под сомнение выводы комиссии Шуйского и склонился «скорее к версии об убийстве, чем к версии о «самозаклании». Но первую версию доказывают лишь фальшивые улики и злонамеренные показания убийц Битяговского.

Версия нечаянной гибели царевича, опиравшаяся на показания главных свидетелей, заключала в себя два момента, каждый из которых может быть подвергнут всесторонней проверке.

Первый момент — болезнь Дмитрия, которую свидетели называли «черным недугом», «падучей», «немочью падучею». Судя по описаниям припадков и по их периодичности, царевич страдал эпилепсией. Как утверждали рассылщики, «и прежде тово... на нем (царевиче. — *Р.С.*) была ж та болезнь по меся-

цам безпрестанно». Сильный припадок случился с Дмитрием в Великий пост, потом за месяц до гибели, перед самой Пасхой (в 1591 г. Пасху праздновали 4 апреля). Перед «великим днем», показала мамка Волохова, царевич в той болезни «объел руки Ондрееве дочке Нагова, едва у него... отняли». Андрей Нагой подтвердил это, сказав, что Дмитрий «ныне в великое говенье у дочери его руки переел», а прежде «руки едал» и у него, и у жильцов, и у постельниц: царевича «как стануг держать, и он в те поры ест в нецывенье, за что попадетца». О том же говорила и вдова Битяговского: «многожды бывало, как ево (Дмитрия. — *Р.С.*) станет бити тот недуг и стануг ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони и он... им руки кусали ли за что ухватит зубом, то отъест».

Последний приступ эпилепсии у царевича длился несколько дней. Он начался во вторник, на третий день царевичу «маленко стало полехче», и мать взяла его к обедне, потом отпустила на двор погулять. В субботу Дмитрий во второй раз вышел на прогулку, и тут у него внезапно возобновился приступ (показания мамки).

Буйство маленького эпилептика внушило такой страх его нянькам, что они не сразу подхватили его на руки, когда припадок случился в отсутствие царицы во дворе. Как иначе объяснить тот факт, что ребенка бросило оземь и «было его долго»? Факт этот засвидетельствовали очевидцы. Мальчик корчился на земле, а возле него кружились няньки и мамки. Когда кормилица подняла его с земли, было слишком поздно.

Второй момент — царевич играл в ножички. Его забаву свидетели описали подробнейшим образом: царевич «играл через черту ножом», «тыкал ножом», «ходил по двору, тешился сваею (остроконечным ножом. — *Р.С.*) в кольцо». Игра втычки состояла в следующем: игравшие поочередно бросали нож в очерченный на земле круг, нож обычно брали сострия, метнуть его надо было так ловко, чтобы нож описал в воздухе круг и воткнулся в землю.

Жильцы, стоявшие около мальчика, сказали, что он «набросился на нож». Василиса Волохова описала происшедшее так: «...бросило его о землю, и тут Царевич сам себя ножом поколол

в горло». Прочие очевидцы утверждали, что царевич поколосся «бьючися» или «летячи» на землю. Никто не знал, в какой именно момент царевич нанес себе рану — при падении или когда бился в конвульсиях на земле. Достоверно знали лишь одно: эпилептик ранил себя в горло.

Могла ли небольшая горловая рана привести к гибели ребенка? На такой вопрос медицина дает недвусмысленный ответ. На шее непосредственно под кожным покровом находятся сонная артерия и яремная вена. Если мальчик проколол один из этих сосудов, смертельный исход был не только возможен, но неизбежен.

Почему взрослые не бросились к ребенку и не попытались остановить кровотечение? Такой вопрос вовсе не учитывает возможностей медицины XVI столетия. Даже если бы во дворе угличского дворца оказался лучший европейский медик, и он не спас бы мальчика.

Иногда высказывают мысль, что смерть царевича все же не была нечаянной, что в подходящий момент кто-то коварно вложил нож в его руку. Такое предположение беспочвенно, ибо оно не учитывает привычек и нравов знати, никогда не расстававшейся с оружием. Сабля и нож на бедре служили знаком благородного происхождения. Сыновья знатных фамилий привыкали владеть оружием с ранних лет. Маленький Дмитрий бойко орудовал сабелькой, а с помощью маленькой железной лалицы забивал насмерть кур и гусей. Ножичек не раз оказывался в его руке при эпилептических припадках. Где-то в марте месяце, показала Битяговская, «царевича изымал в комнате тот же недуг и он... мать свою царицу тогда сваею поколос». Об этом припадке, во время которого Дмитрий «поколос сваею мать свою царицу Марью», вспомнила и мамка Волохова.

Можно ли упрекнуть следственную комиссию в том, что она не смогла отыскать главную улику — злополучный ножичек, которым поколосся Дмитрий? Вряд ли.

Скорее всего Нагие, сфабриковав подложные улики, постарались уничтожить подлинную. Детская игрушка — ножичек царевича — очень мало напоминала орудие убийства, и Нагие подменили ее боевым оружием — «ногайским» ножом. Длин-

ные окровавленные ножи, подброшенные в ров, должны были окончательно убедить следователей в том, что под окнами дворца орудовала шайка заправских убийц.

Следователи допрашивали главных свидетелей перед царицей, которая могла опротестовать любое ложное или пуганое показание. Вместо этого она обратилась к помощнику Шуйского митрополиту Геласию со смиренной просьбой заступиться перед царем за «бедных червей» Михаила «с братею». «Как Михаила Битяговского с сыном и жилцов побили, — сказала царица «с великим прощением», — и то дело учинилось грешное, виноватое». Мария Нагая признала, что расправа с Битяговскими была делом преступным и незаконным, и больше не настаивала на том, что дьяк и жильцы убили ее сына.

Помимо угличского «обыска» Шуйского, сведения о гибели Дмитрия содержатся в записках иностранцев. Английский посланник Джером Горсей узнал о смерти Дмитрия, будучи в Ярославле, неподалеку от Углича. Полученную информацию он изложил в письме лорду Берли, датированном 10 июня 1591 г. Английский дипломат конфиденциально сообщил в Лондон о том, что 19 мая «случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет, сын прежнего императора и брат нынешнего, был жестоко и изменнически убит; его горло было пререзано в присутствии его дорогой матери, императрицы... После этого произошли мятежи и бесчинства».

Чтобы оценить достоверность английской информации, надо установить ее источники. Сделать это помогают записки Горсея, в которых ярославские впечатления автора получили более подробное отражение. На всю жизнь англичанин запомнил ночной эпизод, происшедший с ним в Ярославле в мае 1591 г. Глухой ночью кто-то громко постучал в его дом. Вооружившись пистолетами, Горсей выглянул на улицу и при свете луны узнал Афанасия Нагова, своего давнего знакомого. Он рассказал, что «царевич Дмитрий мертв, дьяки зарезали его около шести часов, один из слуг признался на пытке, что его послал Борис, царица отравлена и при смерти...». Очевидно, письмо Горсея от 10 июня 1591 г. лишь воспроизвело версию Нагих об убийстве Дмитрия людьми Годунова.

Говорят, что следствие не дало полной картины происшедшего: Шуйский не допросил царицу Марию, самого авторитетного свидетеля. Такой упрек основан на недоразумении. Боярин и его помощники не имели полномочий Допрашивать вдову Грозного. Мария Нагая подала весть царю Федору о гибели сына, следовательно, розыск начат был по ее просьбе. Именно поэтому главных свидетелей комиссия допрашивала «перед царицей». Конечно, на всех допросах Нагая присутствовать не могла. От страшного нервного потрясения ей сильно нездоровилось. В мае ее дядя Афанасий сообщил англичанам, что царица при смерти (это было преувеличением), что у нее вылезли волосы. Он умолял оказать больной врачебную помощь. Англичане снабдили Нагова склянкой чистого салатного масла.

Часто говорят и пишут, что показания о начаянном самоубийстве Дмитрия были получены посредством угроз и насилия. Нагих заточили в тюрьму, вдову-царицу — в монастырь. В Угличе пролилась кровь многих людей.

Факт жестоких преследований угличан засвидетельствован многими источниками. Но эти гонения, как удается установить, имели место не в дни работы следственной комиссии Шуйского, а несколько месяцев спустя. Комиссия не преследовала своих свидетелей. Исключение составил случай, точно зафиксированный в следственных материалах. «У распросу на дворе перед князем Васильем» слуга Битяговского «изымал» царицына конюха Михаила Григорьева, обвинив его в краже вешей дьяка. Обвинения подтвердились. Писчих Углицкого приказа, присутствовавший при расправе, показал, что конюх начал бить Михаила Битяговского и избил до смерти Данилку Битяговского. Вдова дьяка сообщила в своей челобитной, что именно конюх с сыном убили ее мужа. В своих показаниях Григорьев уточнил, что приказ убить дьяка исходил от царицы и Михаила Нагова.

Григорьевых взяли под стражу. На этом репрессии против угличан в дни следствия закончились.

22 мая митрополит Геласий отслужил молебен и предал земле тело Дмитрия. Царского сына похоронили не в родовой усыпальнице московских государей в Кремле, а в той церкви, куда

его внесли после роковой прогулки. Комиссия не дозволила переодеть мальчика: на нем оставили ту одежду, в которой он гулял перед смертью — рубаху с пояском, нижнюю белую рубашку, красные башмачки. По преданию, все восемь дней, покато лежало в храме, царица сидела подле него.

Смерть Дмитрия произвела в Москве сильное впечатление. Повсюдутаино шептались, что виновны во всем Годуновы. Слабоумный царь был испуган. При дворе ждали смуты.

Годуновы использовали московские события, чтобы навсегда избавиться от Нагих. 2 июня в Кремле собрались высшннедуховные чины государства, и дьяк Щелкалов прочел им полный текст угличского «обыска». Как и во всех делах, касавшихся царской семьи, в угличском деле высшим судьей стала церковь. Устами патриарха Иова церковь выразила полное согласие с выводами комиссии о нечаянной смерти царевича, мимоходом упомянув, что «царевичю Дмитрию смерть учинилась Божиим судом».

У комиссии Шуйского не было необходимости прибегать к пыткам и казням. Воссозданная следствием картина гибели Дмитрия отличалась редкой полнотой и достоверностью. Расследование не оставило места для неясных вопросов. Но наступило Смутное время, имя «царственного младенца» принял дерзкий авантюрист, овладевший московским тронем, и смерть Дмитрия превратилась в загадку.

При благоприятных обстоятельствах сын Марии занял бы трон под именем Дмитрия III или Дмитрия IV, но нелепая случайность оборвала его жизнь.

В роду Дмитрия Донского ни один из его потомков с именем Дмитрий не достиг высшей власти.

Царь Борис

Царь Федор, сын Грозного, умер 6 января 1598 г., не оставив наследника. Династия Ивана Калиты, правившая Россией в течение трехсот лет, пресекалась. Так возникла почва для появления самозванцев.

Федор Иванович не оставил после себя завещания. Официальная версия Годуновых сводилась к тому, что Федор «учинил» после себя на троне жену Иришу, а Борису «приказал» царство и свою душу. В действительности умирающий наказал царице Ирине «принять иноческий образ».

Каждый из родственников государя имел свои причины негодовать на поведение Федора. В итоге государь умер в полном небрежении. «Освятованный» царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения.

Борис отказался исполнить волю царя относительно пострижения вдовы-царицы. Он попытался закрепить за собой трон, но потерпел неудачу. Царице Ирине пришлось принять иноческий чин и удалиться в Новодевичий монастырь.

Среди претендентов на трон современники называли Федора и Александра Никитичей Романовых, двоюродных братьев умершего царя, а также главу Боярской думы князя Федора Мстиславского.

Борьба за власть расколола Боярскую думу. Романовы считали свои позиции столь прочными, что выступили с открытыми нападениями на правителя. В столице толковали, будто Годунов отравил царя Федора. В Боярской думе старший из братьев Романовых якобы обвинил Бориса в убийстве царевича Дмитрия и пытался собственноручно покарать злодея.

Опасаясь за свою жизнь, Годунов перестал ездить в Боярскую думу и укрылся в стенах хорошо укрепленного Новодевичьего монастыря. Бегство Годунова из Кремля предвещало его немедленную отставку с поста правителя.

17 февраля истекло время траура по Федору, и Москва тотчас же приступила к выборам нового царя. Патриарх созвал на своем подворье родню и сторонников Бориса Годунова. Они единодушно решили избрать на трон Бориса. В это же время руководство думы созвало особое совещание в Кремле. Боярская дума была высшим органом государственной власти в России, и только этот орган мог решить вопрос о престолонаследии. Но в думе царил раздор. Не только Мстиславский и Романов, но и другие великородные бояре метили на трон. Спорам не было конца. Наконец бояре пришли к компромиссному решению. Луч-

ший оратор думы дьяк Шейкалов вышел на Красное крыльцо и предложил народу присягнуть Боярской думе. Однако попытка ввести в стране боярское правление не встретила поддержки у населения.

Раскол в верхах привел к тому, что вопрос о престолонаследии был перенесен из думных и патриарших палат на площадь. Противоборствующие партии пускали в ход все возможные средства — от агитации до подкупа, — стараясь заручиться поддержкой столичного населения.

В феврале патриарху удалось организовать шествие в Новодевичий монастырь. Выйдя к толпе, Борис Годунов со слезами на глазах клялся, что и не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». На следующий день, после всенощной, народ вновь двинулся на Новодевичье поле. Духовенство вынесло из храмов самые почитаемые иконы.

На этот раз Годунов, выйдя к народу, обернул шею тканым платком, давая понять, что скорее удавится, чем согласится принять корону. Выждав некоторое время, правитель сделал вид, что не может более противиться воле народа, и объявил о своем согласии. Без промедления он был отведен в ближайший собор и наречен патриархом на царство.

В апреле Борис переехал из Новодевичьего монастыря в Кремль. Дьяки Годунова изготовили грамоту о его избрании на трон, но члены Боярской думы отказались скрепить грамоту своими подписями.

Бояре поняли, что им не удастся остановить Годунова, если они не примут немедленных мер. Выступление боярской оппозиции возглавили Богдан Бельский и Романовы. Они попытались склонить Боярскую думу к тому, чтобы временно передать трон Симеону Бекбулатовичу. По прихоти Грозногохан некогда занимал московский трон. Цель оппозиции сводилась к тому, чтобы ввести боярское правление, на этот раз при помощи подставного лица.

Борис не осмелился возражать думе, но постарался помешать ее деятельности. Он объявил, что стране угрожает вторжение Крымской орды, и лично возглавил выступление на южную границу. На воеводские посты он назначил своих самых опасных

противников. Бояре были поставлены перед выбором: либо занять высшие командные должности, либо отказаться от участия в обороне границ и навлечь на себя обвинения в измене. Они подчинились.

Отдав приказ о сборе под Москвой всегдворянского ополчения, Годунов в начале мая выехал в Серпухов. Армии не пришлось отражать нападение татар. На Оке православное воинство провело два месяца в пирах.

После похода Годунов венчался на царство в Успенском соборе Кремля. Патриарх Иов возложил на его голову шапку Мономаха. Новый государь дал пир на всю Москву. Торжества продолжались двенадцать дней. Служилые люди вновь получили денежное жалованье. Особых милостей удостоились Романовы и Бельские. Бояре получили гарантии против возобновления казней. Государь дал тайный обет не проливать крови в течение пяти лет. Обет не был ни для кого секретом.

Через полгода после коронации правительство созвало в столице новый Земский собор. Его участникам предложили подписать утвержденную грамоту об избрании Бориса царем.

Начало царствования Бориса было на редкость благополучным. На границах государства царил мир. Переицкий посол, совершивший путешествие по Московии, писал, что в стране «нет ни нищих, ни разбойников, потому что первым приказано давать пищу в изобилии, а других осуждают на вечное заключение». Польские послы в 1608 г. заявляли, что «мужиком черным за Бориса взвыше прежних господаров добре было, и они ему прямили».

При коронации Годунов поклялся, что в его царстве не будет нищих, но выполнить свое обещание он все же не смог.

В начале XVII в. на Россию обрушились стихийные бедствия, а затем началась Смуга. В 1601—1603 гг. страшный голод охватил всю страну. Два года подряд дожди и ранние морозы начисто истребляли все крестьянские посевы. Население быстро исчерпало имевшиеся у него запасы зерна. Чтобы заглушить муки голода, люди ели лебеду и липовую кору. Смерть косила народ по всей стране. Современники считали, что за три года «вымерла треть царства Московского».

Когда в России начался голод, Борис открыл царские житницы и стал раздавать голодающим хлеб. Множество крестьян хлынуло в столицу, надеясь на царскую милостыню. Столичные запасы были быстро израсходованы, и тогда Годунов велел разыскивать запасы хлеба по всей стране и везти их в Москву. Однако эти меры не помогли. В Москве от голода погибло 120 000 человек.

Верно ли, что в 1603—1613 гг. в России произошел взрыв классовой борьбы и разразилась первая Крестьянская война?

В 1602—1603 г. власти отправили более двух десятков дворян на борьбу с разбойниками. Осенью 1603 г. один из воевод разбил крупный отряд разбойников во главе с Хлопком в окрестностях Москвы. Полагают, что «восстание Хлопка» охватило огромное пространство и переросло в Крестьянскую войну, потрясшую основы феодального строя.

Факты опровергают эту схему. Современники четко указывали на то, что шайки разбойников возглавляли холопы. Никаких доказательств массового участия крестьян в разбое в источниках нет. Дворян посылали для поимки разбойников на короткие сроки и в разное время — за год, за полгода до появления Хлопка. Никакого единого мощного восстания не было и в помине.

Бедствие привело к тому, что на дорогах появилось множество разбойничьих шайк. Их действия усугубили голод в Москве. Разбойники захватывали обозы с продовольствием, двигавшиеся в столицу, и тем самым обрекали на голодную смерть городскую бедноту и беженцев-крестьян, собравшихся в столицу из окрестных уездов.

Во время голода Годунов дважды, в 1601 и 1602 гг., издавал указы о временном возобновлении выхода крестьян в Юрьев день. Таким путем он надеялся уменьшить недовольство народа. Однако действие указа не распространялось на владения бояр и церкви, а также на столичный уезд. Указ Годунова вызвал негодование провинциальных помещиков, не желавших подчиниться воле царя и силой удерживавших своих крестьян. Считаясь с волей землевладельцев, Борис в 1603 г. отказался возобновить Юрьев день.

Социальная ломка, связанная с утверждением крепостного права, болезненно отозвалась на положении народа и стала одной из главных причин Смуты начала XVII в.

Крепостничество не могло окончательно восторжествовать в центре, пока существовали вольные окраины, служившие прибежищем для беглого населения. На протяжении нескольких десятилетий правительство добивалось подчинения казачьих земель. С этой целью оно строило остроги на Дону, Северском Донце, Волге, Тереке и Яике. Казаки всеми силами противились властям. Они отказывались выдавать беглых людей, не принимали воевод в свои городки, не давали проводить перепись их земель. Когда появился самозваный Лжедмитрий I, вольные казаки выступили на его стороне. Борису Годукову пришлось расплачиваться за политику подчинения вольных казачьих окраин.

Явление самозванца

Гражданская война вспыхнула в России после вторжения в ее пределы Дмитрия самозванца с войском, набранным в Польше.

Одни историки исследовали вопрос личности самозванца, которого считали орудием польской интриги. Другие сосредоточили внимание на остром общественном кризисе начала XVII в., породившем самозванство. В Лжедмитрии стали видеть крестьянского царя, его успехи связывали с волной крестьянского движения или, во всяком случае, с появлением в крестьянской среде утопической веры в «доброе царя», с наивным монархизмом русских крестьян.

Веру в пришествие «хорошего» царя связывают с крестьянской утопией. Но монархические убеждения были широко распространены в Средние века среди всех слоев населения, так что в них не было ничего специфически крестьянского.

Иван Грозный пролил немало крови своих подданных. Он навлек на свою голову проклятие знати. Но ни казни, ни поражение в Ливонской войне не могли уничтожить популярность,

приобретенную им в народе и служилой дворянской среде после «казанского взятия». В фольклоре Иван IV остался грозным, но справедливым царем. В глазах народа он был не только представителем старой, законной династии Ивана Калиты, но и последним царем, при котором крестьяне не утратили традиционной «воли» — права выхода в Юрьев день.

Бедствия, обрушившиеся на страну при Годунове в начале XVII в., придали особую устойчивость воспоминаниям о благоденствии России при «хорошем» царе Иване Васильевиче. Чем мрачнее становилось время, чем меньше оставалось места для надежд, тем пышнее расцветали всевозможные иллюзии.

Выбор имени «Дмитрий» определялся одним-единственным обстоятельством. Он был сыном Ивана Грозного. То, что он страдал «черным недугом», то есть, по понятиям людей того времени, был одержим бесами, как и то, что после смерти великого государя духовенство стало считать царевича незаконнорожденным, не имело никакого значения. Обо всем этом знал узкий круг лиц, близких ко двору. Десять лет спустя об этом вообще забыли.

Смерть Дмитрия вызвала многочисленные толки в народе. Но в Москве правил законный царь, и династический вопрос никого не занимал. О царевиче забыли очень скоро. Однако едва умер Федор, как в народе вновь заговорили о Дмитрии. Литовские лазутчики подслушали в Смоленске и записали толки, в которых можно было угадать все последующие события Смугного времени. Одни говорили, будто в Смоленске были подобраны письма от Дмитрия, известившие жителей, что «он уже сделался великим князем» на Москве. Другие доказывали, что появился не царевич, а самозванец, «во всем очень похожий на покойного князя Дмитрия»; Борис будто бы хотел выдать самозванца за истинного царевича, чтобы добиться его избрания на трон, если не захотят избрать его самого.

Толки, подслушанные в Смоленске, носили недостоверный характер. Боярин Нагой, говоря о смерти Дмитрия, будто бы сослался на мнение своего соседа «астраханского тиуна» (?) Михаила Битяговского. «Тиуна» вызвали в Москву и четвертова-

ли после того, как он под пыткой признался, будто сам убил Дмитрия.

Литовский лазутчик записали скорее всего молву простонародья, имевшего самые смутные представления о том, что происходило в столичных верхах. Пересуды свидетельствовали о поразительном легковерии людей средневековой эпохи.

Как бы то ни было, слухи о царевиче порочили правителя Бориса Годунова и были проникнуты явным сочувствием к Романовым. ●чевидно, их распускали люди, симпатизировавшие Романовым.

Имя Дмитрия оживила борьба за обладание тронем и вызванные ею политические страсти. После избрания Бориса молва о самозваном «царевиче» лишилась почвы и умолкла сама собой.

Прошло два года, и весть о чудесном спасении сына Грозного вновь распространилась в народе. Служилый француз Яков Маржарет, прибывший в Москву в 1600 г., отметил в своих записках: «...прослышав в тысяча шестисотом году молву, что некоторые считают Дмитрия Ивановича живым, он (Борис. — Р.С.) с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу».

Бояре Романовы подверглись опале как раз в 1600 г. Не они ли сеяли слухи о спасении Дмитрия? Это сомнительно. Романовы пытались получить корону как ближайшие родственники последнего законного царя Федора. К сыну Грозного от седьмого брака они относились резко отрицательно. Пересуды о наличии законного наследника Дмитрия могли лишь помешать осуществлению их планов. В 1600 г. у Романовых было не больше оснований готовить самозванца «Дмитрия», чем у Бориса Годунова в 1598 г.

Дмитрия вспомнили во время смертельной болезни Бориса Годунова. Его кончины ждали со дня на день. Страна оказалась на пороге нового династического кризиса.

Если бы слухи о царевиче распространял тот или иной боярский круг, покончить с ними Годунову было бы нетрудно. Трагизм положения заключался в том, что молва сделалась народной.

Самозванец объявился в пределах Речи Посполитой в 1602—1603 гг. Им немедленно заинтересовался Посольский приказ. Не позднее августа 1603 г. Борис обратился к покровителю самозванца князю Константину Острожскому с требованием выдать «вора». Но «вор» уже переселился в имение Адама Вишневецкого. В Москве продолжали следить за каждым шагом самозванца.

Неверно мнение, будто Годунов назвал самозванца первым попавшимся именем. Разоблачению предшествовало самое тщательное расследование, после которого в Москве объявили, что имя царевича принял беглый чернец Чудова монастыря Гришка, в миру носивший имя Юрия Отрепьева.

Московским властям нетрудно было выяснить историю беглого чудовского монаха. В Галиче жила вдова Варвара Отрепьева, мать Григория, а его родной дядя Смирной Отрепьев служил в Москве как выборный дворянин. Смирной преуспел при новой династии и выслужил чин стрелецкого головы. Накануне бегства племянника он был «на Низу голова стрельцов». Как только в ходе следствия всплыло имя Отрепьева, царь Борис вызвал Смирного в Москву. Власти использовали показания Смирного и прочей родни Отрепьева и при тайном расследовании, и при публичных обличениях «вора». Согласно Разрядным книгам, Борис посылал в Литву «в гонцах на обличенье тому вору Ростриге дядю сво родного галеченина Смирного Отрепьева». Современник Отрепьева троицкий монах Авраамий Палицын определенно знал, что Гришку обличали его мать, родные брат и дядя и, наконец, «род его галичане вси».

Московские власти сконцентрировали внимание на двух моментах биографии Отрепьева: его насильственном пострижении и соборном осуждении «вора» в московский период его жизни. Но в их объяснениях по этим пунктам были серьезные неувязки. Одна версия излагалась в документах, составленных для внутреннего пользования, другая — в дипломатических наказах, адресованных польскому двору. В дипломатических письмах значилось буквально следующее: Юшка Отрепьев, «як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впад

в ересь и воровал, крал, играл в зерню и бражничал и бегал от отца многожды и заворовався, постригсе у чернцы...».

Нетрудно усановить, с чьих слов составлен был этот убийственный отзыв о Юрии Отрепьеве. Незадолго до посылки наказа в Польшу в Москву вернулся Смирной Отрепьев, ездивший за рубеж по заданию Посольского приказа для свидания с Григорием-Юрием. Сослов Смирного, очевидно, и была составлена назидательная новелла о беспутном дворянском сынке.

Юшка отверг сначала родительский авторитет, а потом авторитет самого Бога. После пострижения он «отступил от Бога, впал в ересь и в чорнокнижье и призыване духов нечистых, и отреченья от Бога у него выняли». Узнав об этих преступлениях, патриарх со всем Вселенским собором, по правилам святых отцов и по Соборному уложению, якобы приговорили сослать Гришку на Белоозеро в заточение на смерть.

Посольский приказ фальсифицировал биографию Отрепьева. Цели фальсификации предельно ясны. Властям важно было представить Отрепьева как одиночку, за спиной которого не было никаких серьезных сил, а заодно обосновать версию о соборном суде над преступником, чтобы иметь основание потребовать от поляков выдачи «вора».

С дружественным венским двором царь Борис поддерживал куда более доверительные отношения, чем с польским. Поэтому в письме австрийскому императору Годунов позволил себе некоторую откровенность по поводу Отрепьева. Русский оригинал послания Бориса Рудольфу II (ноябрь 1604 г.) хранится в Венском архиве и до сих пор не опубликован. Приведем здесь полностью разъяснения Бориса по поводу личности Отрепьева. До своего пострижения, утверждал Борис, Юшка «был в холопах у дворянина нашего у Михаила Романова и, будучи у него, учал воровати, и Михаиле за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуше прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертныя казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием».

Почему царь Борис решил связать имя Отрепьева с именем Романовых? Быть может, он желал скомпрометировать сво-

их противников? Но почему он не назвал тогда имена старших братьев — знаменитых бояр Федора и Александра Никитичей Романовых, — а указал на младшего брата Михаила, которого даже в России мало кто знал и который два года как умер в царской тюрьме?

В венском наказе видно то же настойчивое стремление, что и в польском. Царские дипломаты решительно опровергали самую возможность заговора и старались рассеять подозрения о том, что за спиной самозванца могли стоять влиятельные бояре. От поляков вовсе скрыли, что Отрепьев служил Романову. Австрийцев убеждали в том, что Романов не был пособником «вора», а, напротив, изгнал Юшку за его воровские проделки.

Внутри страны появление самозванца долго замалчивалось. Толки о нем пресекались беспощадным образом. Но когда Лжедмитрий вторгся в пределы страны и молчать стало невозможно, с обличением Отрепьева выступила церковь. Жизнеописание Отрепьева, составленное в патриаршей канцелярии, разительно отличалось от заявлений Посольского приказа.

Враг оказался гораздо опаснее, чем думали в Москве. Он терпел поражение в открытом бою, но посланная против него многочисленная армия не могла изгнать его из пределов страны. Попытки представить Отрепьева юным негодяем, которого пьянство и воровство довели до монастыря, мало кого могли убедить. Дипломатическая ложь рушилась сама собой. Патриаршие дьяки были вынуждены более строго следовать фактам. Патриарх Иов известил паству о том, что Отрепьев «жил у Романовых во дворе и заворовался, от смертные казни постригся в чернцы и был по многим монастырям», позже побыл водворе у него, патриарха, «а после того сбежал в Литву с товарищами своими с чудовскими чернцы».

Власти не настаивали на первоначальной версии, будто Отрепьева постригли из-за его безобразного поведения и восстания против родительской власти. Юшка заворовался, живя на дворе у Романовых. Как видно, патриарх умышленно не назвал имени окольного Михаила: он хотел бросить тень разом и на старших Романовых. Но подобные побуждения имели все же второстепенное значение. Царские опалы, казалось бы, навсегда

покончили с могуществом Романовых: старший из них принял монашество и сидел под стражей в глухом монастыре, трое его братьев погибли в ссылке. Никто не мог предвидеть, что один из уцелевших Никитичей взойдет со временем на трон.

Посольский приказ старался скрыть от иностранцев определенную связь между пострижником Отрепьева и службой его у опальных Романовых, но в разъяснениях патриарха уже можно уловить намек на такую связь.

После смерти Годунова и гибели Лжедмитрия I царь Василий Шуйский произвел новое дознание по поводу самозванца. Его следователи имели одно важное преимущество перед Борисовыми — они видели самозванца своими глазами. Новый царь опубликовал результаты расследования с большими подробностями, чем Борис. Однако разъяснения при польском дворе отличались сдержанностью: любые неточности в пояснениях Москвы могли быть легко опровергнуты в Кракове. Между тем сам вопрос о самозванце приобрел государственное значение.

В инструкциях дипломатам Посольский приказ больше не скрывал факта службы Отрепьева у Романовых. Царь Василий IV позволил сообщить полякам даже больше того, о чем поведала патриаршая канцелярия. Юшка, писали дьяки, «был в холопех у бояр у Микитиных детей Романовича и у князя Бориса Черкаскова и, заворовався, постригся в чернцы...». Выпад против Романовых и Черкасских носил политический характер. Едва приверженцы Шуйского выкрикнули на площади имя нового царя, как в боярской среде возник заговор. К нему примкнули Романовы, не оставившие надежду занять трон. Тогда на их голову посыпались удары. Филарет Романов, которого прочили в патриархи, лишился царской милости. Подозрение пало также на ближайших родственников Филарета, князей Черкасских.

Все это объясняет, почему Шуйский решился бросить тень не на одних Никитичей, но и на их шурина боярина Черкасского. Наказы Шуйского называют Отрепьева боярским холопом. Можно ли верить этому полемическому выпадку против лжесаря?

Юрий Отрепьев поступил на службу к Михаилу Романову как добровольный слуга. Однако царское Уложение о холопах

1597 г. предписало всем господам в принудительном порядке составить кабальные грамоты на всех добровольных холопов, прослуживших у них не менее полугода. Боярин Черкасский стоял в боярской иерархии значительно выше молодого окольного Михаила Романова. Поэтому Отрепьев имел причины для перехода во двор к Черкасскому. Там он, возможно, и дал на себя кабальную запись. Поздние летописи предпочитали умалчивать о службе Отрепьева у Романовых и их родни. В царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии «вора» и богоотступника. Вследствие этого история пострижения Юрия Отрепьева получила совершенно превратное истолкование в летописных сочинениях. Автор «Иного сказания» сочинил романтическую сказку о том, как 14-летний Юшка случайно повстречал в Москве безвестного игумена с Вятки Трифона и под влиянием душевспасительной беседы с ним принял схиму.

Отзвук подлинных событий можно найти в одном компилятивном «Сказании», автор которого пользовался какими-то ранними источниками. В «Сказании» причины пострижения Юшки изложены следующим образом. Царь Борис воздвиг гонение на великих бояр, послал в заточение и на смерть Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского. Юшка часто приходил в дом к Черкасскому и был у него в чести, «и тоя ради вины на него царь Борис негодова, той желукав съл, вскоре избежав от царя, утаився во един монастырь и пострижся...». В «Сказании» заметно старание смягчить неприятные Романовым факты. Автор умалчивает о том, что Юшка служил Михаилу Никитичу и его шурина Черкасскому. Юшка будто бы лишь бывал при дворе боярина Бориса Черкасского и в то же время от него «честь приобретал».

И все же в намеках «Сказания» проглядывает истина. Юшка не затерялся среди многочисленной холопской дворни, а сделал карьеру при дворе боярина Черкасского и дошел у него в честь. При боярских дворах дети боярские такого ранга и происхождения служили обычно дворецкими, конюшими, воеводами в боярских городках. После ареста Романовых и Черкасского их слуга Юрий Отрепьев, не желая разделить участь своих господ,

постригся в монахи и принял имя Григория. За пострижением последовали скитания по монастырям. Этот эпизод из жизни чернеца Григория Отрепьева стал предметом всевозможных легенд.

Поздние летописи противоречат друг другу, едва только начинают перечислять обители, в которых побывал новоиспеченный монах. Современники не знали толком, где постригся Юшка Отрепьев. Близкий к Романовым автор «Нового летописца» откровенно признает, что Юшка «во младости постригся на Москве, не вем где». Даже Посольский приказ, расследовавший дело по свежим следам, не мог добиться истины. При Шуйском установили только, что постригал Юшку «с Вятки игумен Трифон». Обряд был совершен, как видно, в спешке, на каком-нибудь монастырском подворье.

Трифон более 20 лет жительствовавший в основанном им монастыре в Вятке. Заслуги Трифона получили признание — его возвели в сан архимандрита. Но после 1602 г. он лишился сана. Что было причиной отставки? Пострижение ли Отрепьева, дружба с опальными боярами или старость? Трудно сказать.

Посольский приказ был лучше всего осведомлен о столичном периоде жизни чернеца Григория. Тут его жизнь протекала у всех на глазах. Имея под рукой множество свидетелей, приказ уточнил обстоятельства пребывания чернеца в Крестовском Чудовом монастыре. Отрепьев, значилось в посольской справке 1606 г., был «в Чудовом монастыре в дияконех 3 год». Это известие следует признать единственной достоверной хронологической вехой в ранней биографии Отрепьева.

Если обратиться к сказаниям современников, то можно увидеть, какие любопытные метаморфозы претерпели в них сведения о чудовском периоде жизни Отрепьева. «Пискаревский летописец» утверждал, будто Гришка «пребываша и безмолвствоваше в Чудове года два». Те же данные приводит «История о первом патриархе Иове», составленная после 1652 г. Троицкий монах Авраамий Палицын считал, что чернец Григорий два лета стоял на клиросе в Чудовом монастыре, а потом служил во дворе у патриарха более года. Тенденция приведенных свидетельств

очевидна. Летописцы продлили срок пребывания Отрепьева в столичном монастыре с одного года до двух лет.

Аналогичным образом современники описывали «житие» монаха Григория в провинциальных обителях. По свидетельству «Нового летописца», чернец Отрепьев жил год в Спасо-Ефимиевом монастыре и еще «двенадцать недель» в соседнем монастыре на Куксе. По словам другого летописца, Григорий прибыл «во обитель Живоначальные Троицы на Железный Борок ко Иакову святому и в том монастыре постризаеся, и пребыша ту три лета». Летописец ошибся, назвав монастырь на Железном Борку Троицким. На самом деле то был монастырь Иоанна Предтечи. Эта ошибка выдает малую осведомленность автора летописи.

Пребывание в провинциальных монастырях явилось в действительности лишь кратким эпизодом в жизни Григория Отрепьева. Посольская справка, составленная при Василии Шуйском, сообщала без особых подробностей о том, что «был он, Гришка, в чернцах в Суздале в Спаском в Еуфимьева монастыре, и в Галиче у Иоанна Предтечи, и по иным монастырем...».

Посольская справка 1606 г. не сообщает, сколько времени провел Отрепьев в провинциальных монастырях. Заполнить этот пробел биографии помогает хорошо осведомленный современник Гришки — автор повести, приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. Он категорически утверждает, что до водворения в столичном монастыре Григорий носил рясу очень недолго: «По мале же времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и таю донде пречистые обители архистратига Михаила». Обителью архистратига Михаила называли Чудов монастырь. Если верно то, что пишет названный автор, значит, Отрепьев не жительствовавал в провинциальных монастырях, а бегал по ним.

Приведенные факты позволяют установить главные хронологические вехи в жизни Отрепьева. Чудовский монах отправился в Литву в феврале 1602 г., после того как пробыл год в Чудовом монастыре. Значит, он обосновался в Чудове в начале 1601 г. Поскольку Отрепьев прибыл в Москву «по мале... времени» после своего пострижения, значит, он постригся в конце 1600 г., т.е. именно тогда, когда Борис Годунов разгромил заговор бояр Ро-

мановых и Черкасских. Но в таком случае приведенные факты полностью подтверждают версию, согласно которой Отрепьев вынужден был уйти в монастырь в связи с гонениями на Романовых в ноябре 1600 г.

В то время Отрепьеву было примерно 20 лет. По понятиям XVI в., молодые люди достигали совершеннолетия и поступали на службу в 15 лет. Это значит, что до своего пострижения Григорий успел прослужить на боярских подворьях около пяти лет.

Установив эти факты, попробуем заполнить самые первые страницы биографии Отрепьева.

Беглый монах

Юрий Богданович Отрепьев родился в небогатой дворянской семье. Предки Отрепьева приехали на Русь из Литвы. Прадед Юшки Матвей Третьяк служил в Боровском уезде и как дворовый сын боярский был записан в Дворовом списке в 1552 г. Между 1552 и 1566 гг. в тот же Дворовой список был занесен «Третьяковсын Замятия» — дед Юшки, в то время «новик». Прошло примерно 20 лет, и на службу поступили двое сыновей Замятии: Смирной и Богдан. Как установил И.А. Голубцов, отец Юшки Богдан Отрепьев получил поместье в Коломенском уезде в феврале 1577 г. В Боярском списке он назван «новиком неслужилым». В то время Богдану было не более 15—16 лет. Его определили на службу одновременно со старшим братом Никитой Смирным. Сын Богдана, Юрий, не мог родиться ранее чем на рубеже 70—80-х годов XVI в., а это значит, что он был примерно одного возраста с царевичем Дмитрием. Юшка достиг совершеннолетия в самые последние годы царствования Федора.

Отец Юшки служил в стрельцких войсках, но выслужил только чин стрельцкого сотника. Он рано умер. Согласно посольской справке 1606 г., Богдана зарезал литвин на Москве в Немецкой слободе. Там, где иноземцы свободно торговали вином, нередко случались уличные драки. Московские летописцы помнили, что Юшка «остался после отца своего млад зело» и воспитанием его

занималась мать. У нее мальчиш научился читать Божественное Писание, «Часовник и Псалмы Давидовы». Как видно, возможности домашнего образования были быстро исчерпаны, и Юшку послали «к Москве на учение грамоте». Семья Отрепьевых имела прочные связи в столице: там обретался дед Юшки, там служили его родной дядя Смирной и «свояк» семьи — дьяк Семейка Ефимьев. Видимо, кто-то из приказных и выучил Юшку писать. В приказах ценили хороший почерк, и при них существовали школы, готовившие писцов-каллиграфов. Отрепьев усвоил изящный почерк, что позволило ему позже стать переписчиком книг на патриаршем дворе.

Только ранние посольские наказы изображали юного Отрепьева беспуглым негодяем. При Шуйском такие отзвучив оказались забыты, а поздние писатели не скрывали удивления по поводу способностей Отрепьева. Правда, при этом они выражали благочестивые подозрения: не вступил ли Юшка в союз с нечистой силой, будучи еще подростком? Так, автор «Нового летописца» писал: «Грамота же ему даяся не от Бога, но дияволу сосуд учинися...» Авраамий Палицын отмечал: «Сей юн ещенавыче чернокнижию».

Учение, очевидно, давалось Отрепьеву очень легко. В непродолжительное время Юшка стал «зело грамоте горазд». Но бедность и сиротство отнимали у способного ученика надежды на выдающуюся карьеру. На царской службе он едва ли мог надеяться выслужить воеводский чин. Честолюбивый провинциал искал более легких путей и поступил на службу к брату царя Михаилу Никитичу. В то время многие считали Никитичей единственными законными претендентами на царский трон, и служба при их дворе сулила массу выгод.

Выбор Юшки кажется случайным. Так ли это на самом деле? Отрепьевы издавна сидели целым гнездом на берегах Моны, притока Костромы. Там же располагалась знаменитая костромская вотчина боярина Федора Никитича — село Домнино. Родители Отрепьева жили возле монастыря на Железном Борку. В десяти верстах от монастыря стоял романовский пошнок Кисели.

Все, что мы знаем о личности Отрепьева, заставляет предполагать, что за несколько лет службы у Никитичей он занял при их дворе достаточно высокое положение.

Взойдя на трон, Борис Годунов всеми силами стремился избежать столкновения с боярами Романовыми, двоюродными братьями царя Федора. Эти бояре были главными соперниками Бориса в дни царского избрания.

Старания Годунова не увенчались успехом. Раздор с боярами, прямо и косвенно, готовил почву для смуты.

Самым крупным политическим процессом времен Годунова стало дело об «измене» Романовых и Черкасских. Они стали жертвами колдовского процесса. Их обвинили в намерении «испортить» царскую семью с помощью волшебных корешков.

Из записей польского посольства следует, что отряд царских стрельцов совершил вооруженное нападение на подворье Романовых 26 октября 1600 г. Братья Романовы были арестованы. Боярская комиссия во главе с Салтыковым произвела обыск на захваченном подворье и обнаружила корни. Суд признал Романовых виновными в покушении на жизнь царя и государственной измене. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис долго колебался, не зная, как поступить с Романовыми. В конце концов Федор Никитич Романов был насильственно пострижен в монахи под именем Филарета, а его братья Александр, Михаил, Василий, Иван и зятья князья Черкасские и Сицкие отправлены в ссылку.

Причиной расправы с Романовыми и Черкасскими явился не столько «боярский заговор», сколько болезнь царя Бориса. Один из современников Бориса заметил, что тот находился на троне шесть лет, «не царствуя, а всегда болеющая». К осени 1600 г. состояние здоровья Годунова резко ухудшилось. В Москве ждали его кончины со дня на день. В столице поднялась тревога. Тогда Борис распорядился отнести себя на носилках из дворца в Успенский собор, чтобы покончить со слухами о своей кончине. Романовы поспешили вызвать в Москву многочисленную вооруженную свиту. Они надеялись вскоре вновь вступить в борьбу за обладание короной. Малолетний наследник Бориса царевич Федор имел совсем мало шансов удержать трон после смерти

отца. Новая династия не укоренилась, и у больного самодержца оставалось единственное средство ее спасения: он постарался избавиться от претендентов на трон и отдал приказ о штурме ромаковского подворья.

Вооруженная боярская свита оказала стрельцам отчаянное сопротивление. Под стенами романовского подворья произошло форменное сражение.

Опала на Ромаковых едва не погубила Юшку Отрепьева. Царь Иван поголовно истреблял дворню опальных бояр. Однако Годунов не хотел следовать его примеру. Он ограничился тем, что подверг пыткам и казни ближних слуг опальных Романовых. Подобная участь грозила и Юрию Отрепьеву. По словам патриарха, Отрепьев постригся в монахи, спасаясь «от смертных казни». Царь Борис выражался еще более определенно. Боярского слугу ждала виселица!

Не благочестивая беседа с вятским игуменом, а страх перед виселицей привел Отрепьева в монастырь. Двадцатилетнему дворянину, полному сил и надежд, пришлось покинуть свет и забыть свое мирское имя. Отныне он стал смиренным чернцом Григорием.

После пострижения Отрепьев побоялся остаться в столице и скрылся в провинции. Из посольской справки 1606 г. следует, что Отрепьев побывал в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре и в монастыре Иоанна Предтечи в Галиче. Оба монастыря лежат на одной прямой, связывавшей Москву с именным семейством Отрепьевых в Галичском уезде. Итак, чернец Отрепьев посетил названные монастыри не для жительства в них, а как места временного пристанища во время бегства из Москвы в свое имение.

Искал ли Отрепьев спасения в романовской вотчине близ Железного Борка? Или вернее будет другое предположение, что слуга опальных бояр искал спасения в родных краях?

Сохранились отрывочные сведения, будто во время пребывания Отрепьева в Суздальском Спасо-Ефимьевом монастыре тамошний игумен, видя сего «юна суца», отдал «под начал» духовному отцу. Жизнь «под началом» оказалась стеснительной, и

чернец поспешил проститься со спасскими монахами. В прочих обителях Отрепьев задерживался и вовсе ненадолго.

Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был разительным. Очень скоро чернец Григорий решил вернуться в столицу. Как мог опальный инок попасть в аристократический кремлевский монастырь? Поступление в такую обитель обычно сопровождалось крупными денежными вкладами.

Дьяки Шуйского дознались, что при поступлении в Чудов монастырь Гришка Отрепьев воспользовался протекцией: «... бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотию... (что ныне Кругицкой митрополит, добавили от себя дьяки. — *Р.С.*) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Дед Григория Елизарий Замятня был примечательной фигурой. Полгода спустя после коронации Бориса Годунова он получил самое ответственное в своей жизни поручение. Новый царь назначил его «объезжим головой» в Москве. Замятня должен был охранять порядок в «меньшой» половине Белого города — от Неглинной рехи до Алексеевской башни. «Объезжими головами» в столице служили обычно дворяне, хорошо зарекомендовавшие себя по службе и лично известные государю. Вскоре после московской службы Замятня, по-видимому по старости, удалился на покой в Чудов монастырь. Неизвестно, в каких отношениях находился Замятня с протопопом Кремлевского Успенского собора Евфимием. Но именно помощь Евфимия помогла Замятне определить внука Григория в Чудов.

Как свидетельствует посольская справка 1606 г., «архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взял его (Григория. — *Р.С.*) в Чудов монастырь».

Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре перевел его в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, закаялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, — рассказывал он знакомым монахам, — да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Пафнотий поспешил

отличить инока, не достигшего 20 лет, и дал ему чин дьякона. «... По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия, — писали летописцы, — (Отрепьев. — Р.С.) поставлен бысть во дьяконы рукоположеньем святейшаго Иова патриарха...»

История последующего взлета Отрепьева описана одинаково в самых различных источниках. Патриарх Иов в своих грамотах сообщал, что взял Отрепьева на патриарший двор «для книжного письма». На самом деле Иов заметил способного инока не только из-за его отличного почерка. Чернец вовсе не был простым переписчиком книг. Его ум и литературное дарование доставили ему более высокое положение при патриаршем дворе. У патриарха Григорий продолжал «сотворяти каноны святым».

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Отрепьев являлся во дворец в свите окольного Михаила Никитича, и перед ним вновь открылись двери кремлевских палат. В царскую думу и в совет князей церкви патриарх являлся с целым штатом писцов и помощников. Отрепьев оказался в их числе. Патриарх в письмах утверждал, что чернеца Отрепьева знают и он сам, и епископы, и весь собор. По-видимому, так оно и было. Отрепьев, беседуя с приятелями, говорил им, что «патриарх-де, видя мое досужество, учал на царские думы вверх с собою водити и в славу-де есми вшол великую».

Фраза Отрепьева насчет «славы» не была простым хвастовством. Карьера его на поприще монашеской жизни казалась феерической. Сначала он был служкой у монаха Замятни, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха. Чтобы сделать такую карьеру в течение одного только года, надо было обладать незаурядными способностями. Не подвиги аскетизма помогли выдвинуться юному честолюбцу, а необыкновенная восприимчивость к учению.

Природа щедро наделила юношу талантом перевоплощения. Но его успех невозможно объяснить одним лишь лицедейством. Его способность подчинять своему влиянию людей казалась почти мистической.

Достоинства чернеца были необычны для монашеской среды, в которую он попал нечаянно. В несколько месяцев он усваивал то, начто у других уходила вся жизнь. Примерно в 20 лет

Отрепьев стал заниматься литературными трудами, которые доверяли обычно убежденным сединой подвижникам.

При царе Борисе Посольский приказ пустил в ход версию, будто чернец Григорий бежал от патриарха, будучи обличен в ереси. Церковные писатели охотно подхватили официальную выдумку. Согласно «Истории о первом патриархе Иове», Отрепьев «рассмотрен бысть» как еретик «от неких церковных» (имена их не уточнялись), и тогда патриарх отослал чернца обратно в Чудов монастырь «в соблюдение до сыску» царя Бориса. Летописи снабдили описанный эпизод множеством подробностей. По «Пискаревскому летописцу», явление великого еретика предсказал Ростовский митрополит Варлаам. Автор «Нового летописца» вложил в уста Варлаама яркую обличительную речь. Но, сочинив суровое обличение, как нельзя лучше подходившее случаю, летописец не мог правильно назвать даже имени Ростовского митрополита. Он назвал Варлаама Ионой.

Последующая история осуждения Отрепьева сводилась к тому, что царь Борис поверил доносу митрополита и велел сослать чернца под крепкое начало. Получив царское повеление, дьяк Смирной Васильев поручил дело дьяку Семейке Ефимьеву, но тот, будучи свояком Гришки, умолил Васильева отложить на некоторое время высылку Отрепьева. Прошло время, и Смирной будто бы забыл о царском указе. После объявления в Литве самозванца Борис призвал к ответу Смирного, но тот, «аки мертв, пред ним стояша и ничего не мог отвещати». Тогда царь велел забить Васильева до смерти на правеже. История, которую поведал «Новый летописец», вполне легендарна.

Предания об осуждении Отрепьева не выдерживают критики. Борисова версия (наказ 1604 г.) сводилась к тому, что патриарх, узнав воровство чернца, «со всем вселенским собором, по правилу святых отец и по соборному уложению, приговорили сослати с товарищи его... на Белое озеро в заточенье на смерть». Однако уже при Шуйском власти сильно смягчили прежнюю версию. В новых посольских наказах весь эпизод изложен как бы скороговоркой в единственной строчке: злодей впал в еретичество, и его «с собору хотели сослати в заточенье на смерть». Тут нет и речи о формальном соборном суде и приговоре «по со-

борному уложению». Еретика хотели сослать, и не более того! Но одно дело — дипломатические разъяснения за рубежом, и другое дело — справки внутреннего назначения.

Сразу после переворота в пользу Шуйского посольские дьяки составили подборку документов, включавшую секретную переписку Лжедмитрия. Эту подборку они сопроводили следующей краткой справкой о самозванце: «...в лето 7110-го (1602 г. — Р.С.) убежал в Литву изобителю архангела Михаила, яжеся нарицает Чудов, диакон черной Григорей Отрепьев, и в Киеве и в пределах его и там во иноцех дьяконствующу, и в чернокнижестве обратиться, и ангельский образ сверже и обруа, и по действию вражью отступив зело от бога».

Итак, в документах, составленных для внутреннего использования, посольские дьяки вовсе отбросили ложную версию осуждения еретика. Отрепьев отступил от Бога и занялся чернокнижием после побега за рубеж, а следовательно, до побега у патриарха и освященного собора попросту не было оснований для осуждения Отрепьева «на смерть».

Почему же московские епископы и при Шуйском продолжали писать в Польшу, будто Отрепьев перед ними на соборе был обличен и осужден на смерть? Отцы церкви грешили против истины. В их показаниях закрадась неточность. Они в самом деле осудили и прокляли Отрепьева, но не в лицо, а заочно. Произошло это, когда в Польше объявился самозванец, которого в Москве называли именем Огрпьева.

Литовские скитания

На московском соборе выступили свидетели, «проводжавшие» Отрепьева за рубеж и общавшиеся с ним в Литве. Ими были бродячие монахи Пимен из Днепрова монастыря и Венедикт из Троице-Сергиева монастыря. Из их показаний следовало, что Отрепьев ушел в Литву не один, а в компании двух своих «товарищей» — попа Варлаама и крылошанина Мисаила. Пимен «познался» с Отрепьевым и его компанией в Спасском монастыре в Новгороде-Северском и сам проводил их в Стародуб, а отту-

да за литовский рубеж до села Слободки. Монах Венедикт стал свидетелем метаморфозы Отрепьева в Литве. Он видел «вора» Гришку в Киево-Печерском монастыре, в Никольском монастыре и в дьяконах у князя Острожского. Как видно, он довольно точно назвал места скитаний Отрепьева в Литве. Но в самом важном пункте его показаний угадывается вымысел. Бродячий троицкий монах, сбежавший в Литву, явно сочинил историю о том, как он пытался изловить «вора» Гришку. По его словам, печерский игумен послал старцев, слуг и его, Венедикта, «имать» Гришку, но тот ушел к Адаму Вишневецкому, по воровскому умыслу которого и стал зваться князем Дмитрием.

Помимо старцев, перед собором выступил еще один беглец, вернувшийся из-за рубежа, — Степанко-иконник. Когда-то он жил на посаде в Ярославле, но затем ушел в Литву и завел лавочку в Киеве. Степанко сказал, что Гришка заходил в его лавку, будучи в чернеческом платье, что он был в дьяконах в Печерском монастыре. Обо всем же остальном он знал, очевидно, с чужих слов.

Власти выступили с разоблачением самозванца как Гришки Отрепьева на основании показаний двух беглых монахов. Но бродяги, неизвестными путями попавшие из-за рубежа в руки властей, были ненадежными свидетелями. Если они и знали кремлевского дьякона, то плохо, в течение совсем недолгого времени. Монахи не внушали доверия никому, включая правительство, которое не церемонясь звало бродяг «ворами».

Нужны были более авторитетные свидетели, но они объявились вступивше только через два года, когда произошел переворот, окончивший с властью и жизнью Лжедмитрия I. Новому царю Василию Шуйскому нужны были материалы, неопровержимо доказывавшие самозванство свергнутого «Дмитрия». В этот момент в Москве появился чернец Варлаам, подавший царю Василию «Извест» с обличением зловредного еретика Гришки. Продолжительное время историки считали сочинение Варлаама литературной мистификацией, предпринятой в угоду властям предрешающим. Но под влиянием новых находок эти сомнения в значительной мере рассеялись. Прежде всего в старинных описях архива Посольского приказа обнаружилось прямое указание на

подлинное следствие по делу Варлаама: «Роспрос 113 (1605. — Р.С.) году старца Варлаама Ятцкого про Гришку ростриу, как он пошел с ним с Москвы и как был в Литве». Очевидно, Варлаам Яцкий именно в ходе «роспроса», или следствия, и подал властям знаменитую челобитную, которая получила не вполне точное наименование «Извет».

Со временем текст челобитной был включен в состав летописи, автор которой подверг его литературной обработке и снабдил обширными цитатами из грамот Лжедмитрия. Именно эти дополнения и побуждали исследователей считать «Извет» скорее любопытной сказкой, чем показанием достоверного свидетеля. Именно так оценивал «Извет» С.Ф. Платонов. Отношение к «Извету» решительно переменилось после того, как Е.Н. Кушева и И.А. Голубцов доказали, что «Извет» — подлинная челобитная Варлаама, и обнаружили текст челобитной в списке ранней редакции.

Историки выражали крайнее удивление по поводу того, что Варлаам помнил точную дату выступления самозванца из Самбора в московский поход — «августа в пятый надесять день». На этом основании автора «Извета» подозревали в использовании документов и в литературной мистификации. Ноточность Варлаама в этом случае легко объяснима. Старец не мог забыть день выступления самозванца из Самбора, так как именно в тот день за ним захлопнулись двери самборской тюрьмы.

В рассказе Варлаама можно обнаружить одну второстепенную деталь, которая позволяет окончательно опровергнуть предположение о том, что «Извет» — литературная мистификация. Речь идет о пятидесятилетнем сроке заключения Варлаама в самборской тюрьме. Варлаам считал, что своим освобождением из тюрьмы после пяти месяцев заключения он был обязан доброте жены Мнишка. Тюремный сиделец не догадывался о подлинных причинах происшедшего. Самозванец выступил из Самбора в середине августа, а через пять месяцев потерпел сокрушительное поражение под Добрыничами. Его армия перестала существовать. Казалось, аванюре пришел конец. При таких обстоятельствах вопрос о безопасности самозванца перестал волновать Мнишковых, и они «выкинули» Варлаама из самборской тюрьмы. Таковы

были подлинны причины освобождения московского монаха, оставшиеся неизвестными ему самому.

Варлаам оказался сущим кладом для московских судей, расследовавших историю самозванца. Выгораживая себя, Варлаам старался как можно точнее передать факты.

После перехода границы Отрепьев и его товарищи, по словам Варлаама, жили три недели в Печерском монастыре в Киеве, а затем «летовали» во владениях князя Константина Острожского в Остроге. Эти показания Варлаама подтверждаются неоспоримыми доказательствами. В свое время А. Добротворский обнаружил в книгохранилище Загоровского монастыря на Волыни книгу, отпечатанную в типографии князя Острожского в Остроге в 1594 г., со следующей надписью: «Лета от сотворения миру 7110-го, месяца августа в 14-й день, сию книгу Великого Василия дал нам, Григорию с братею с Варлаамом да Мисаилом, Константин Константинович, нареченный во святом крещении Василией, Божию милостию пресветлое княже Острожское, воевода Киевский».

Примечательно, что дарственная надпись на книге была сделана не Острожским, не его людьми, а самими монахами. Со временем неизвестная рука дополнила «дарственную» надпись на книге Василия Великого: над словом «Григорию» появилась помета «царевичу Московскому». Поправка к надписи чрезвычайно интересна, но сама по себе не может помочь установлению тождества самозванца и Отрепьева. Скорее всего надпись по поводу «царевича» сделал один из трех бродячих монахов. Надпись на книге замечательна как подтверждение достоверности рассказа Варлаама о литовских скитаниях Отрепьева.

Рассказ Варлаама находит поразительную аналогию в «Исповеди» Лжедмитрия, записанной его покровителем Адамом Вишневецким в 1603 г. В «Исповеди» самозванца причудливо соединялись наивные вымыслы и реальные сведения биографического характера.

Поначалу самозванец именовал себя «царевич Московский». Но Вишневецкому он рассказывал, будто царь Иван назначил ему «во владение Углич, Дмитров, Городец». В незаконченном

завещании Грозного в составе Угличского удельного княжества названы другие города.

«Царевич» знал очень многое из того, что ждалось угличской трагедии и дворцовых дел в целом. Но едва он начинал излагать обстоятельства своего чудесного спасения, как его рассказ превращался в искусственную сказку. По словам «царевича», его спас некий воспитатель, имени которого он не называет. Проведав о планах жестокого убийства, воспитатель подменил царевича другим мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Когда мать-царица прибежала в спальню, она смотрела на свищово-серое лицо убитого, обливаясь слезами, и не могла распознать гюдмены.

В момент, когда решалась судьба интриги, «царевич» должен был собрать воедино все доказательства своего царского происхождения, какие у него только были. Однако оказалось, что доказательствами он не располагал. «Дмитрий» не мог назвать ни одного свидетеля. Он имел возможность сослаться на мнение убитых или злоченных Борисом бояр, которые не могли опровергнуть его вымысел, но он не сделал и этого. В его рассказе фигурируют двое безымянных воспитателей, заблаговременно умерших до его побега в Польшу, да такой же безымянный монах, который «узнал» в нем царевича по царственной осанке!

Самозванный «царевич» избегал называть какие бы то ни было точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая его собственную мать, томившуюся в монастыре в России.

Знакомство с «Исповедью» самозванца обнаруживает тот поразительный факт, что он явился в Литву, не имея хорошо обдуманной и достаточно правдоподобной легенды. Как видно, на русской почве интрига не получила достаточного развития, а самозванец — достаточной подготовки. Его рассказы кажутся неложкой импровизацией. На родине ему успели подсказать одну только мысль о царственном происхождении.

В речах «царевича» были, конечно, и достоверные моменты. Он не мог скрыть некоторых фактов, не рискуя прослыть явным обманщиком. В частности, в Литве знали, что он явился туда

в монашеской одежде, служил в киевских монастырях службу и наконец сбросил рясу. Расстрижение ставило «претендента» в очень шекотливое положение. Не имея возможности скрыть этот факт, он должен был как-то объяснить возвращение в мир. Прежние все же он сочинил сказку, будто Годунов убедил царя Федора сложить с себя государственные заботы и вести монашескую жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре и будто Федор сделал это тайно, без ведома опекунов. Таким образом, младший «брат» лишь шел по стопам старшего «брата». О своем пострижении «царевич» рассказал в самых неопределенных выражениях. Суть его рассказа сводилась к следующему. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Следуя благому совету, юноша принял монашеский образ жизни, и так им пройдена была почти вся Московия. Когда один монах опознал в нем царевича, юноша решил бежать в Польшу.

Можно констатировать совпадение биографических сведений, относящихся к Отрепьеву и самозванцу, почти по всем пунктам. Оба воспитывались в дворянской семье, оба приняли вынужденное пострижение, оба исходили Московию в монашеском платье.

Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у князя Острожского в Остроге, о переходе сначала к пану Гавриле Хойекому в Гошу, а затем к Адаму Вишневецкому в Брачин. В имени Вишневецкого в 1603 г. и был записан его рассказ.

Замечательно, что спутник Отрепьева Варлаам, описывая странствия с ним в Литве, назвал те же самые места и даты. П. Пирлинг, впервые обнаруживший это знаменательное совпадение, увидел в нем бесспорное доказательство тождества Отрепьева и Лжедмитрия. В самом деле, с одной стороны, имеется полная возможность проследить за историей реального лица — Григория Отрепьева — вплоть до того момента, как он пересек границу. С другой стороны, хорошо известен путь Лжедмитрия от Брачина до Московского Кремля. Превращение бродячего монаха в

царевича произошло на отрезке пути от границы до Брачина. По словам Варлаама, Григорий Отрепьев прошел через Киев, Острог, Гошу и Брачин, после чего объявил себя царевичем. Лжедмитрий подтвердил, что он после пересечения границы прошел те же самые пункты, в той же последовательности и в то же время. Возможность случайного совпадения исключается, как и возможность сговора между автором «Извета» и Лжедмитрием. Варлаам не мог знать содержания секретного доклада Вишневецкого королю, а самозванец не мог предвидеть того, что напишет Варлаам после его смерти.

По образному выражению В.О. Ключевского, Лжедмитрий «был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Царь Борис нимало не сомневался в том, что самозванца подготовили крамольные бояре. Один из царских телохранителей, Конрад Буссов, передает, что Годунов при первых же известиях об успехах самозванца сказал в лицо своим боярам, что это их рук дело и задумано оно, чтобы свергнуть его, в чем он и не ошибся, добавил от себя Буссов.

Известный исследователь Смуты С.Ф. Платонов возлагал ответственность за самозванческую интригу на бояр Романовых и Черкасских. «...Подготовку самозванца, — писал он, — можно приписывать тем боярским домам, во дворах которых служивал Григорий Отрепьев». Мнение С.Ф. Платонова остается не более чем гипотезой. Отсутствуют какие бы то ни было данные о том, что Романовы непосредственно участвовали в подготовке Лжедмитрия. Однако следует иметь в виду, что именно на службе у Романовых и Черкасских Юрий Отрепьев получил весь запас политических взглядов и настроений. Именно от Никитичей и их родни Юшка усвоил взгляд на Бориса как на узурпатора и проникся ненавистью к «незаконной» династии Годуновых.

Множество признаков свидетельствует о том, что самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря. В то время Отрепьев уже не пользовался покровительством могущественных бояр и мог рассчитывать только на свои силы.

Авторы сказаний и повестей о Смутном времени прямо указывали на то, что уже в Чудовом монастыре чернец Григорий

«нача в сердце своем помышляти, како бы ему достигнути царского престола», и сам сатана «обеща ему царствующий град поручити». Автор «Нового летописца» имел возможность беседовать с монахами Чудова монастыря, хорошо знавшими черного дьякона ●трепьева. С их слов летописец записал следующее: «Ото многих же чудовских старцев слышав, яко (чернец Григорий. — Р.С.) в смехотворне глаголаше старцем, яко царь буду на Москве».

Кремлевский Чудов монастырь оказался подходящим местом для всевозможных интриг. Расположенный под окнами царских теремов и правительственных учреждений, он давно попал в водоворот политических страстей. Благочестивый царь Иван IV желчно бранил чудовских старцев за то, что они только по одежде иноки, а творят все как миряне. Близость к высшим властям наложила особый отпечаток на жизнь чудовской братии. Как и в верхах, здесь царил раскол и было много противников новой династии, положение которой оставалось весьма шатким.

Со слов монахов, знавших Отрепьева, летописец записал любопытный рассказ о том, что в Чудовом монастыре «окаянный Гришка многих людей вопрошаше о убиении царевича Дмитрия и проведаша накрепко». Однако Отрепьев мог знать об угличских событиях не только из рассказов чудовских монахов. В Угличе жили близкие родственники Григория Отрепьева. При поступлении на службу братья Смирной и Богдан Отрепьевы поручились за своего родственника Андрея Игнатьевича Отрепьева. Против имени Андрея в дворянском списке было помечено: «Служит с Углича». Имеются данные о том, что угличские ●трепьевы владели двором в Угличе и что Борис Годунов купил себе место дворовое подле их усадьбы. В 1598 г. голова Тихон Отрепьев, родной дядя Гришки, привез в Соловецкий монастырь вклад Бориса Годунова на помин души царя Федора. Это поручение свидетельствовало о том, что Годунов лично знал Отрепьевых и доверял им. Таким образом, можно полагать, что Отрепьевы обладали некоторым запасом семейных преданий об углической драме.

Зная традиционную систему мышления в Средние века, трудно представить, чтобы чернец, принятый в столичный монастырь «ради бедности и сиротства», дерзнул сам по себе выступить с претензией на царскую корону. Скорее всего он действовал по подсказке людей, остававшихся в тени.

В Польше Отрепьев наивно рассказал, как некий брат из монашеского сословия узнал в нем царского сына по осанке и «героическому нраву». Безыскусность рассказа служит известной порукой его достоверности. Современники записали слухи о том, что монах, подучивший Отрепьева, бежал с ним в Литву и оставался там при нем. Московские власти уже при Борисе объявили, что у Гришки Отрепьева «в совете» с самого начала были двое сообщников — Варлаам и Мисаил Повадьин. Из двух названных монахов Мисаил был, кажется, ближе к Отрепьеву. Оба жительствоваали в Чудовом монастыре, оба числились крылощанцами. Они договорились отправиться за рубеж, а Варлаам, по его собственным словам, лишь присоединился к ним.

Наибольшую осведомленность по поводу Мисаила проявил автор «Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве и о расстриге Гришке Отрепьеве». «Сказание» — единственный источник, назвавший полное мирское имя Мисаила — Михаил Трофимович Повадьин, сын боярский из Серпейска. Автор «Сказания» несколькими штрихами рисует портрет Мисаила. Когда Отрепьев позвал его в Северщину, тот обрадовался, так как был «прост сый в разуме, не угвержден». Сказанное рассивает миф, будто интригу мог затеять Мисаил. Чудовский чернец был первым простаком, поверившим в Отрепьева и испытывавшим на себе его влияние.

Варлаам был человеком совсем иного склада, чем Мисаил. Его искусно составленный «Извет» обличает в нем изощренный ум. Варлаам, по его собственным словам, постригся «в немощи». Отсюда можно заключить, что он был много старше 20-летнего Отрепьева. Подобно Мисаилу Повадьину и Юрию Отрепьеву, Варлаам Яцкий происходил из провинциальных детей боярских. Яцкие служили по Малому Ярославцу и Коломне. Любопытно, что в Коломенской десятне 1577 г. против имен двух Яцких (Романа Васильева и Бажена Яковлева) были сделаны однотип-

ные записи: «Бегают в разбѣе». Подлинные обстоятельства, заставившие Варлаама покинуть службу и постричься в монахи, неизвестны.

Официальное расследование в Москве позволило установить, что поп Варлаам Яцкий и крылощанин Мисаил Повадьин были «чюдовскими чернцы». В своей челобитной Варлаам намекал на то, что был вхож в самые знатные боярские дома столицы. С чудовским монахом Мисаилом он встретился в доме князя Ивана Ивановича Шуйского, подвергшись царской опалѣ двумя годами ранее.

Рассказ Варлаама о том, что он впервые увидел Отрепьева на улице накануне отъезда в Литву и что последний назвался царевичем только в Брачине у Вишневецкого, выглядит как неловкая ложь. «Извет» буквально проникнут страхом автора за свою жизнь. Ожидание суровой расправы как нельзя лучше подтверждает предположение, что именно Варлаам подсказал Отрепьеву его роль.

Низшая монашеская братия, скитавшаяся по обителям, имела возможность первой оценить народную молву о том, что сын царя Ивана IV жив и от него следует ждать избавления от всех несчастий. Кремлевские иноки поддерживали тесные связи с боярами. В «Извете» царю Василию Шуйскому Варлаам, по понятным причинам, назвал лишь имя князя Ивана Шуйского. Кем были другие покровители Варлаама и кто из них инспирировал его действия, установить невозможно. Враждебная Борису знать готова была использовать любые средства, чтобы в случае смерти царя решить династический вопрос в свою пользу. Монахи оказались подходящим орудием, чтобы обратить народную молву в политическую интригу. Однако эти планы потерпели полное крушение при первых же попытках практического осуществления.

Когда Отрепьев пытался «открыть» свое царское имя сотоварищам по монастырю, те отвечали откровенными издевательствами — «они же ему плеваху и на смех претворяху». В Москве претендент на «царство» не нашел ни сторонников, ни сильных покровителей. Отъезд его из столицы носил, по видимому, вы-

нужденный характер. Григория гнал из Москвы не только голод, но и страх разоблачения.

В своей челобитной Варлаам Яцкий старался убедить власти, будто он предпринял первую попытку изловить «вора» Отрепьева уже в Киево-Печерском монастыре. Но его рассказ не выдерживает критики. В книгах московского Разрядного приказа можно найти сведения о том, что в Киеве Отрепьев пытался открыть печерским монахам свое царское имя, но потерпел такую же неудачу, как и в Кремлевском Чудовом монастыре. Чернец будто бы прикинулся больным (разболелся «до умертвия») и на исповеди признался игумену Печерского монастыря, что он — царский сын, «а ходит будто в ыскусе, не пострижен, избегаючи, укрываяся от царя Бориса...». Печерский игумен указал Отрепьеву и его спутникам на дверь.

В Киеве Отрепьев провел три недели в начале 1602 г. Будучи изгнанными из Печерского монастыря, бродячие монахи весной 1602 г. отправились в Острог «до князя Василя Острожского». Подобно властям православного Печерского монастыря, князь Острожский не преследовал самозванца, но велел прогнать его.

С момента бегства Отрепьева из Чудова монастыря его жизнь представляла собой цепь унижительных неудач. Самозванец далеко не сразу приноровился к избранной им роли. Оказавшись в непривычном для него кругу польской аристократии, он часто терялся, казался слишком неповоротливым, при каждом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость».

Будучи изгнанным из Острога, самозванец нашел прибежище в Гоше. Лжедмитрий не любил вспоминать о времени, проведенном в Остроге и Гоше. В беседе с Адамом Вишневецким он упомянул кратко и неопределенно, что он бежал к Острожскому и Хойскому н «молча там находился». Совсем иначе западали дело иезуиты, заинтересовавшиеся делом «царевича». По их словам, «царевич» обращался за помощью к Острожскому-отцу, но тот якобы велел гайдукам вытолкать самозванца за ворота замка.

После того как самозванческая интрига вышла наружу, Острожский пытался уверить Годунова, а заодно и собственное пра-

вительство в том, что он ничего не знает о претенденте. Сын Острожского Януш был более откровенным в своих «объяснениях» с королем. 20 февраля (2 марта) 1604 г. он писал Сигизмунду III, что несколько лет знал москвитянина, который называл себя наследственным владельцем Московской земли: сначала он жил в монастыре отца в Дермане, затем у ариан. Письмо Януша Острожского не оставляет сомнений в том, что уже в Остроге и Дермане Отрепьев называл себя московским царевичем.

Самозванцу надо было порвать связь с прошлым, и поэтому он решил расстаться с двумя своими сообщниками, выступавшими главными свидетелями в пользу его «царского» происхождения. Побег из Дерманского монастыря объяснялся также тем, что Отрепьев изверился в возможности получить помощь от православных магнатов и православного духовенства Украины.

Покинув Дерманский монастырь, Отрепьев, по словам Варлаама, скинул с себя иноческое платье и «учинился» мирянином. Порвав с духовным сословием, он лишился куска хлеба. Иезуиты, интересовавшиеся первыми шагами самозванца в Литве, утверждали, что расстриженный дьякон, оказавшись в Гоше, вынужден был на первых порах прислуживать на кухне у пана Гаврилы Хойского.

Гоша была центром арианской ереси. Последователи Фауста Социна, гощинские ариане принадлежали к числу радикальных догматиков-антитринитариев. Местный магнат пан Хойский был новообращенным арианином. До 1600 г. он исповедовал православную веру. Отрепьев недолго пробыл на панской кухне — Хойский обратил внимание на московского беглеца. Из своих скитаний по монастырям Отрепьев вынес чувство раздражения и даже ненависти к православным ортодоксам — монахам. Проповеди антитринитариев, видимо, произвели на него потрясающее впечатление. По словам современников, расстриженный православный дьякон пристал к арианам и стал отправлять их обряды, чем сразу снискал их благосклонность.

В Гоше Отрепьев получил возможность брать уроки в арианской школе. Пословам Варлаама, расстриженного дьякона учили «по-латынски и по-польски». Одним из учителей Отрепьева

был русский монах Матвей Твердохлеб, известный проповедник арианства. Пронски ариан вызвали гнев у католиков. Иезуиты с негодованием писали, что ариане старались снискать расположение «царевича» и даже «хотели совершенно обратить его в свою срьсь, а потом, смотря по успеху, распространить ее и во всем Московском государстве». Те же иезуиты, не раз беседовавшие с Отрепьевым на богословские темы, признали, что арианам удалось отчасти заразить его ядом неверия, особенно в вопросах о происхождении Святого Духа и обряде причащения, в которых взгляды ариан значительно ближе к православью, чем к католичеству.

По словам Варлаама, Отрепьев жил у ерстиков в Гоше до марта—апреля 1603 г., а «после Велика дни [из] Гоши пропал». Судя по всему, самозванец нашел прибежище у запорожских казаков. По некоторым данным, Гришка будто бы бежал к запорожским казакам в роту старшины их Герасима Евангелика и был там с честью принят. Если приведенные сведения достоверны, то на основании их можно заключить, что связи с гошинскими арианами помогли Отрепьеву наладить связи с их запорожскими единомышленниками. Когда начался московский поход, в авангарде армии Лжедмитрия I шел небольшой отряд казаков во главе с арианином Яном Бучинским. Последний был ближайшим другом и советником самозванца до его последних дней.

Помощь ариан помогла Отрепьеву преодолеть последствия его разрыва с православным духовенством, но в то же время нанесла огромный ущерб его репутации. Православные люди, наслышанные о «царевиче», к великому своему смущению, убедились в том, что он пренебрегает обрядами православной церкви. Свидетель обвинения старец Венедикт, давший показания перед освященным собором в Москве, резко осуждал Отрепьева за то, что тот грубо нарушил пост. Примкнув к арианам, Отрепьев явно не предвидел последствий своего шага. В глазах русских людей «хороший» царь не мог исповедовать никакой иной религии, кроме православия. Для московских властей переход Отрепьева в арианскую веру был сущей находкой. Они навеки заклемили его как еретика.

Отрепьев не порвал с арианами. Ничто не мешало ему вернуться в Гощу и продолжать обучение в арианских школах. Однако самозванец должен был уразуметь, что он не имеет никаких шансов занять царский трон, будучи еретиком. Столкнувшись в первый раз с необходимостью уладить отношения с православным духовенством, «царевич» решил искать покровительства у Адама Вишневецкого — ревностного сторонника православия. «Новый летописец» подробно рассказывает, как Отрепьев прикинулся тяжелобольным в имени Вишневецкого и на исповеди открыл священнику свое царское происхождение. История о «болезни» самозванца, однако, слишком легендарна. В письме Вишневецкого нет никаких намеков на этот эпизод. Вишневецкий признал «царевича» не потому, что поверил его бессвязным и наивным басням. В затеянной игре у князя Адама были свои цели. Вишневецкие враждовали с московским царем из-за земель. Приняв самозванца, князь Адам получил сильное средство нажима на русское правительство.

В конце XVI в. отец Адама князь Александр завладел обширными украинскими землями по реке Сула в Заднепровье. Сейм утвердил за ним его приобретения на праве собственности. Занятия порубежных мест, издавна тяготевших к Черниговшине, привело к столкновению между Александром Вишневецким и царем. Вишневецкие отстроили город Лубны, а затем поставили слободу на Прилуцком городище. Прибывшие из Чернигова юловы прогнали их из Прилуцка, но вскоре сами подверглись нападению литовцев. Московские власти отдали приказ о прекращении военных действий, не желая провоцировать войну с Речью Посполитой.

После заключения русско-польского перемирия стороны вскоре приступили к уточнению линии границ. Размежевание рубежей сопровождалось многими спорами («задорами»). Работа по размежеванию началась в 1602 г. и в некоторых местах продолжалась в 1603 г. Разрядный приказ неоднократно направлял дворян с ратными людьми в Великие Луки, Торопец, Чернигов, Путивль и другие пограничные пункты. Московские дипломаты жаловались, что в ряде мест литовские судьи учинили при размежевании земель «кроворазлитие», «воинским обычаем» пере-

ходили рубсж «в нашу землю». В районе Белой, записал местный летописец, литовские люди «положили рубежи мимо договора... зашедши многие места московских городов». В свою очередь, литовские межевые судьи предъявили русской стороне аналогичные обвинения. Самые крупные инциденты произошли на Сверхинне из-за городков Прилуки и Снетино. Русские власти утверждали, что эти городки издавна «тянули» к Чернигову и что «Вишневецкие воровством своим в нашем господарстве в Северской земли Прилуцкое и Снетино городище освоюют». Дело закончилось тем, что в 1603 г. Борис Годунов велел сжечь спорные городки. Люди Вишневецкого оказали сопротивление. С обеих сторон были убиты и ранены.

Вооруженные стычки во владениях Вишневецкого могли привести к более крупному военному столкновению. Надежда на это и привела Отрепьева в Брачин. Самозванец рассчитывал, что Вишневецкий поможет ему втянуть в военные действия против России татар и запорожских казаков.

Борис Годунов обещал князю Адаму щедрую награду за выдачу «вора». Получив отказ, царь готов был прибегнуть к силе. Опасаясь этого, Вишневецкий увез Отрепьева подальше от границы, в Вишневец, где тот «летовал и зимовал».

Первыми домогательства самозванца признали армяне. Но их признание не принесло выгоды Отрепьеву, а, напротив, поставило его в затруднительное положение. В именинн Адама Вишневецкого Отрепьев добился более прочного успеха. Магнат велел прислуге оказывать московскому «царевичу» полагавшиеся ему по чину почести. По свидетельству Варлаама, он «учинил его (Гришку. — *Р.С.*) на колестницах и на конех и людно». Князь Адам имел репутацию авантюриста, бражника и безумца, но он был известен также как рьяный поборник православия. Семья Вишневецких состояла в дальнем родстве с Иваном Грозным. Родня князя Адама — Дмитрий Вишневецкий — был троюродным братом московского царя. Признание со стороны Адама Вишневецкого имело для Отрепьева неоценимое значение. Оно устраняло все сомнения в приверженности «царевича» православной вере и обеспечивало ему важные преимущества. Виш-

невещкий признал безродного проходимца «своим» по родству с угасшей московской династией.

Подготовка московского похода

В конце XVI в. Речь Посполитая переживала острый внутренний кризис. В 1591 г. гетман Косинский руководил восстанием казаков, продолжавшимся два года. Летом 1594 г. Наливайко и Лобода возглавили новый мятеж. С Украины движение перебросилось на Белоруссию. Речи Посполитой пришлось собрать крупные военные силы, чтобы нанести решительное поражение казакам.

К 1602—1603 гг. брожение вновь охватило украинские земли. Наибольшее беспокойство властей вызывала Запорожская Сечь — центр казацкой вольницы. Запорожцы закупали оружие, вербовали добровольцев, запасались продовольствием. Самозванец рассчитывал использовать недовольство казаков в своих целях.

Польское правительство опасалось, как бы выступление запорожцев не стало сигналом к новому мятежу на Украине. 2 (12) декабря 1603 г. Сигизмунд III издал грозный универсал, воспрещавший под страхом смертной казни продавать казакам оружие и боеприпасы. Власти пытались затруднить приток добровольцев в Сечь. Однако запорожцы не обратили на королевский универсал никакого внимания.

Появление претендента на русский трон в пределах Речи Посполитой стало вскоре причиной ожесточенной политической борьбы. Наиболее дальновидные политики Польши во главе с коронным гетманом Яном Замойским оценили действия Адама Вишневецкого как авантюру. Замойский пользовался огромным авторитетом в государстве, и князь Адам был вынужден представить ему свои объяснения. В письме от 27 сентября (7 октября) 1603 г. Вишневецкий принес свои извинения за то, что с запозданием дал знать гетману о появлении московского «царевича». «Поскольку в мой дом, — писал князь Адам, — попал человек, который доверился мне, что он сын Ивана, этого

тирана. и хочет попросить помощи [у короля]... прошу Вашего совета, что с этим делать». Оправдывая свои действия, Вишневецкий выдвинул на первый план два момента: получение из России новостей, благоприятных для претендента, и показания перебежчиков. «Причина того, — писал князь Адам, — что я не сразу оповестил Вас о нем, та, что я сам в этом весьма сомневался, а теперь, когда к нему прибежали совсем недавно более 20 москалей, признавшие, что царство по естественному праву принадлежит ему, то, воспринимая это как доказательство, посылаю Вашей милости новости из Московии».

Замойский немедленно посоветовал Вишневецкому известить обо всем короля, а затем отправить самого претендента либо к королю, либо к нему, гетману.

22 октября 1603 г. Сигизмунд III пригласил папского нунция Рангони и уведомил его о появлении в имени Адама Вишневецкого москвитянина, который называет себя царевичем Дмитрием и намеревается вернуть себе наследственный трон при помощи казаков и татар. Король приказал Вишневецкому привезти претендента в Краков и представить подробное донесение о его личности. Князь Адам переслал Сигизмунду III подробную запись рассказа Лжедмитрия. Однако переписка с Замойским убедила его в том, что правительство Речи Посполитой не склонно поддерживать самозванческую интригу, и поэтому он не спешил передать самозванца в руки официальных властей. Имеются сведения, что Вишневецкий уже в январе 1604 г. стал собирать армию для самозванца в пределах своей вотчины в Лубнах, на Суле. Собранных сил было слишком мало, чтобы помышлять о серьезном вторжении в Россию. Но Лжедмитрий и его покровитель рассчитывали найти союзников на Украине и за ее пределами. Особые надежды они возлагали на крымского хана.

Отношения между Россией и Крымом были неустойчивыми. В любой момент можно было ждать войны. Угроза татарского вторжения резко усилилась в 1604 г. В Москве уже весной получили известие о том, что крымский хан разорвал мир с царем и готовится идти на Русь.

Приступив к сбору армии в Лубнах, Вишневецкий планировал вогрннуться в пределы России в тот момент, когда ее воинские силы будут связаны борьбой с татарами или понесут серьезное поражение в этой борьбе. По-видимому, самозванец и его покровитель пытались завязать сношения с ханом. В 1604 г. крымский гононец сообщил царю, что Вишневецкий уведомил хана о прибытии к нему «царевича» и заявил, что он, в отличие от короля, не связан присягой о мире с Борисом и может действовать, не считаясь с мирным договором. Лубны находились на кратчайшем расстоянии от сожженных царскими воеводами Прилук. Вишневецкий вел свою особую войну с Борисом.

Однако его надежды на столкновение между Россией и Крымом не оправдались.

В значительной мере успех авантюры зависел от того, найдет ли идея «добротого царя» поддержку среди казацкой вольницы и православного населения Украины. Семья Вишневецких сохранила связи с казацкими старшинами и церковными православными иерархами. Эти связи были пушены в ход. Самозванец не жалел обещаний, чтобы привлечь на свою сторону запорожцев.

Однако вольные казаки не проявляли особого энтузиазма. Они предпочитали иметь дело с подлинным царем на Москве, откуда приходило государево жалованье. Отрепьев награждал их лишь на словах.

2 февраля 1604 г. годуновские агенты доносили с Украины, что «Дмитрий» вел переговоры с посланцами из Запорожья и «им имелся у Путивли за их службы их жаловат, как, кажет, мене на Путивль насадите». Видимо, военные планы Вишневецкого и Огрепьева определились в конце 1603 г. Самозванец рассчитывал с помощью казаков занять Путивль. Однако его обращение к казацкой вольнице не имело успеха.

Лжедмитрий пытался втянуть в авантюру не только запорожских, но и донских казаков. Он обратился к ним в Раздоры с грамотой. Содержание грамоты подробно пересказано в ответном послании атаманов. Аугентичность казацкого письма и грамоты не вызывает сомнения, однако текст письма сохранился в испорченном польском переводе. Послание с Дона было со-

ставлено от имени «донского низового атамана Ивашки Степанова, и всех атаманов казацких, и всего войска». Упомянутого Ивана Степанова можно отождествить со Смагой Степановым Чертенским — главным атаманом войска в годы Смуты. В своих грамотах в Москву атаман именовал себя Смагой Чертенским, а в письме Лжедмитрию назвал свое подлинное имя — Иван.

Самозванец ссылался на авторитет своего мнимого отца и обещал казакам «полную волю». Атаманы процитировали его обращение в своем письме: «Писал ты до нас через запорожских казаков: святой памяти отца своего, а нашего государя прирожденного царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии и всего достоинства царского относительно полных вольных лет, что тебя, государя, Бог укрыл от неповинной смерти». Обещание полной воли произвело большое впечатление на донских казаков. Судивительной наивностью они адресовали свой ответ «по воле и благословению Бога дарованному государю царевичу, воскресшему как Лазарь, из мертвых...». Донцы были готовы признать себя подданными законного царевича: «Мы, холопы твои или подданные твои, государя прирожденного, все радуемся такому долгожданному утешению и, выполняя волю Бога и твою, государеву.. послали до тебя, государя, двух атаманов...» В Литву выехали атаманы Корела, Михаил Межаков и пять казаков. При них находилась войсковая грамота, датированная 15 ноября 1603 г.

Когда послы с вольного Дона появились в пределах Украины, князь Януш Острожский велел арестовать их. «Некоторые из них, — писал о захваченных казаках Острожский, — лица важные, именно: один — старший среди них; другой — который ездил к нам (донским казакам. — *Р.С.*) за союзом (конфедерацией); третий — который их туда (на Дон. — *Р.С.*) провожал...».

Обнаруженные у послов пакеты Острожский немедленно отослал Замоискому. 2 (12) января 1604 г. князь Януш известил короля, что на Украине «ширяются волнения своевольных людей, которые собираются в Лубнах (резиденции Вишневецких за Днепром. — *Р.С.*) и желают возвести того москвитянина на московское княжество». 9 (19) февраля 1604 г. Острожекий сообщил королю об отобранных у донских атаманов документах,

сделав по этому поводу следующее пояснение: «... их, думаю, гетман переслал теперь к Вам... и Вы поэтому познакомились с содержанием союза (конфедерации), который он (Дмитрий — Р.С.) имеет с низовцами». Письмо, которое везли послы, было составлено от имени «донских низовых атаманов». Очевидно, их и имел в виду Острожский, упоминая о «низовках». Рассчитывая на поддержку Замоиского, Острожский предлагал королю принять срочные военные меры против казаков еще до того, как вскрыется лед на Днепре. Иначе, писал Острожский, произойдет «воровство», которое приведет к тому, что казаки, соединившись, или вторгнутся в Московскую землю, или получат возможность произвести великие беспорядки на Украине. Однако письмо Острожского осталось без ответа. В правительственных кругах Речи Посполитой произошли серьезные изменения. Немногочисленные, но влиятельные сторонники войны с Россией взяли верх при королевском дворе.

Неожиданно для своих подданных Сигизмунд III приказал освободить послов с Дона и доставить их в Краков к Лжедмитрию. 13 марта 1604 г. король обратился к коронному гетману Яну Замоискому за советом, а фактически предложил ему возглавить поход на Москву. Гетман, возглавлявший оппозицию королю в Польше, решительно отклонил это предложение.

В письме от 14 (24) марта 1604 г. Замоиский отверг план похода в Россию как «противозаконный» и отметил, что силы предполагаемой экспедиции, имевшей целью водворить «Дмитрия» в Россию, невелики, а русское правительство уже осведомлено об этом плане, так что дело может закончиться только поражением; успех был бы возможен, если бы против Бориса выступили сами бояре, но и в таком случае успех проблематичен. Будучи дальновидным политиком, Замоиский подчеркивал, что авантюра не принесет никакой пользы Речи Посполитой: «Самое большее, на что может рассчитывать князек, что тамошние бояре свергнут московского князя» (Бориса). «Однако, — продолжал гетман, — давно мы имеем о том сведения, что Борис одних видных людей приказал казнить, других посадил» (в темницу), что он хорошо платит двору, при поддержке которого сел на трон и которому принадлежит «вся земля сила». Замоиский призвал

короля трезво рассудить «о земле Московской, ее порядках и мощи ее князя».

Мирбыл настоятельной необходимостью не только для Русского государства, но и для Польши. Польско-литовские войска вели трудную борьбу со шведами в Ливонии. Канцлер Ян Замоиский уже в конце 1602 г. предложил заключить союз с Россией и скрепить его браком короля с Ксенией Годуновой. Однако Сигизмунд III решительно отклонил предложения канцлера. Король подозревал, что Москва попытается доставить шведскую корону своему ставленнику королевичу Густаву, сыну свергнутого шведского короля Эрика XIV. Подозрения были беспочвенными, поскольку в 1601 г. Густав был сослан из Москвы в Углич и подвергся царской опале. Следуя личным расчетам, Сигизмунд III постарался убедить сенат и шляхту, будто Россия угрожает Речи Посполитой и ее интересам в Ливонии.

Решительная позиция, занятая гетманом Замоиским и другими сенаторами, оказала влияние на королевский двор. Сигизмунд III вынужден был отказаться от официальной поддержки самозванца и не предлагал более послать свою армию в Россию. В письмах к разным лицам король не скрывал тревоги по поводу возможной войны с царем. В то же время Сигизмунд III старался убедить сенаторов в том, что вмешательство в русские дела сулит короне огромные выгоды: «Этот важный случай послужит к добру, славе и увеличению Речи Посполитой, ибо, если бы этот Дмитрий при нашей помощи был посажен на царство, много бы выгод произошло из этого обстоятельства: и Швеция в таком случае могла быть освобождена, и инфлянты были бы успокоены...» Выдвигая на первый план заботу о Речи Посполитой, Сигизмунд III в действительности преследовал свои династические интересы. Он готов был помочь самозванцу, чтобы облепить себе «возвращение» шведского трона.

Самым решительным сторонником немедленной войны с Россией выступил сенатор Юрий Мнишек. Гетман С. Жолкевский, наблюдавший за интригами сторонников войны, писал, что Мнишек действовал посредством лести и лжи, но особенно важна была для него помощь его родственника кардинала Б. Мациевского, имевшего в то время большой вес при дворе

короля. Мнишек помог самозванцу заручиться поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги. Канцлер во всеуслышание заявил, что «Дмитрий» очень похож на покойного царя Федора, и позже пообещал снарядить и прислать в помощь «царевичу» 2000 всадников.

Перед тем как представить королю самозванца, покровители Отрепьева организовали неловкую инсценировку.

На службе у Сапеги в течение двух лет подвизался некий холоп Петрушка, московский беглец, по происхождению лифляндец, попавший пленником в Москву в детском возрасте. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу. Петрушка («Петровский») был спешно отправлен к Вишневецкому, чтобы удостоверить личность претендента. Встреча произошла в Жаложницах, куда самозванца доставил зять Мнишека Константин Вишневецкий. По словам Мнишека, «Петровский» сразу признал москвитя за истинного царского сына, указав на знаки, «которые он на его теле видел». На самом деле встреча в Жаложницах едва не кончилась скандалом. При виде самозванца пап «Петровский» не нашелся что сказать. Тогда Отрепьев, спасая дело, громко заявил, что узнает бывшего слугу, и уверенно стал с ним беседовать. Холоп тут же «вызнал» царевича.

Встреча в Жаложницах имела место скорее всего в конце января либо в начале февраля 1604 г. Результаты были тотчас доложены королю. В письме от 4 (14) февраля 1604 г. Сигизмунд III известил об этом Замоиского, отметив, что «инфлянтца» («Петровский». — *Р.С.*) прислуживал царевичу Дмитрию и, более того, находился при нем, когда «совершили убийство истинного ли сына или подложного младенца».

Московские власти установили, что под именем «инфлянтца Петровского» скрывался беглый холоп Петрушка, в младенчестве увезенный сыном боярским И. Михневым из Ливонии и выросший в егозульском поместье. Когда Михневездил в Вильну в посольской свите, холоп бежал от него. Сапега взял Петрушку к себе взамен своего холопа, сбежавшего от него в Москве, и держал его в «худых людех». При Шуйском московские

дипломаты в глаза обличали Льва Сапегу за неловкий обман. «Тебе, Льву, — говорили послы, — самому про него ведомо: служил он на Москве у сына боярского у Истома Михнева, а звали его Петрушею, а не Юрьем Петровским... а на Угличе он николи не бывал, и царевича Дмитрия не видал, и у нас таких страдников ко государским детям не припускают».

Из Жаложниц князь Константин, не теряя времени, отвез самозванца в Самбор. Там провели новые «смотрины», о которых Мнишек рассказал следующее: «В Самборе некторый слуга господина воеводы (Юрия Мнишека. — *Р.С.*), который под Псковом пойман был и, несколько лет находясь в Москве в неволе, знал его (царевича Дмитрия. — *Р.С.*) еще в детстве и признал его (самозванца. — *Р.С.*) за того же».

При Шуйском произошло любопытное объяснение между царскими и королевскими послами. Изложив причины, побудившие короля поверить самозванцу, польские дипломаты отметили: «И для таковых всех мер, а не за свидетельством Петровского и двух чернцов (!) и хлопча пана воеводиного (Мнишека. — *Р.С.*) яко есте написали, склонившись веру дать тому» («Дмитрию». — *Р.С.*).

Несколько иначе очертил круг свидетелей старец Варлаам. Князя угличского, по его словам, узнали «пять братьев Хрипуновых, да Истомин человек Михнева Петрушка («Петровский». — *Р.С.*), да Ивашко, что вож, да мужики посадские киевляне». Братья Хрипуновы покинули Россию в 1603 г. Их измена и бегство не имели никакого отношения к самозванческой интриге. В Литве они были приняты на королевскую службу. После появления самозванца в Кракове Хрипуновы оказали услугу Сигизмунду III, «вызнав» в Отрепьеве царевича. По понятным причинам Варлаам не назвал в числе главных свидетелей «двух чернцов», каковыми были он сам и старец Мисаил. Показания двух бродячих монахов, двух холопов и нескольких изменников-дворян были двусмысленными и зыбкими. Но сторонники войны с Россией готовы были принять на веру любые свидетельства.

Юрий Мнишек пользовался дурной репутацией. Он снискал расположение слабого короля Сигизмунда II Август, оказывая

ему самые разные, подчас сомнительные услуги. После смерти короля из дворца исчезли все его драгоценности. Ораторы сейма открыто обвинили в грабеже Юрия Мнишека. Последнему с трудом удалось избежать судебного разбирательства.

В сенате пан Юрий занимал самое высокое положение. По свидетельству Посольского приказа, Мнишек «в коруне Польской пан-рада большой... четвертой человек». Сенатор носил титулы воеводы сандомирского и старосты львовского и самборского. Под его управлением находились доходные королевские имения в Червонной Руси.

Однако Мнишек распоряжался королевскими доходами столь плохо, а его страсть к роскоши и расточительству была столь велика, что к концу жизни он совершенно запугался в своих финансовых делах и оказался на грани полного разорения. Постоянные задержки с уплатой сборов в казну привели к тому, что в 1603 г. королевские чиновники явились в Самбор, угрожая наложить арест на имущество Мнишека. Воеводе пришлось спешно продать одно из своих имений, чтобы уплатить неотложные долги. Но поправить дела ему не удалось, и Мнишек обратился со слезным прошением к Сигизмунду III, умоляя позволить ему на год задержать выплату королевских доходов с Самбора.

Современники утверждали, что разорившийся магнат оказал покровительство самозванцу из меркантильных побуждений, «ослепленный корыстолюбием и гордостью». Зная замыслы короля, Мнишек надеялся вернуть себе его милость и тем самым разрешить вопрос о недоимках и долгах.

Сенатор спешил взять интригу в свои руки. Он не только принял Отрепьева с царскими почестями, но и решил породниться с ним. Поощряемый Мнишеком, самозванец сделал предложение его дочери Марине. Отец встретил новость благосклонно, но объявил, что даст ответ после того, как «царевич» будет принят королем в Кракове.

Сватовство дало Мнишеку благовидный повод для обращения Отрепьева в свою веру. Будучи ревностным католиком, воевода не желал иметь православного зятя. Находившиеся в Самборе бернардинцы пришли ему на помощь. Отрепьеву волей-неволей пришлось участвовать в ученых диспутах с ними. Отрепьев за-

щнил православие без всякого воодушевления и, более того, дал понять собеседникам, что за ним дело не станет и вопросы веры могут быть решены к общему удовольствию. В своей рискованной игре Мнишек добился бесспорного успеха. Воспитанник иезуитов, Сигизмунд III был ревностным поборником католической контрреформации. Обещания Мнишека относительно перехода московского «царевича» в католичество усилили интерес короля к интриге.

Признание самозванца означало войну. Но король не мог начать военные действия без совета сенаторов и постановления сейма. К началу марта 1604 г., когда Мнишек привез Отрепьева в Краков, большинство сенаторов четко выразили свое мнение по поводу затеваемой авантюры. Польский канцлер Замоиский решительно высказался за необходимость соблюдения мирного договора с Россией. Его мнение разделяли лучшие из польских военачальников (Я. Ходкевич и С. Жолкевский) и многие другие сенаторы. Со всех сторон король получал настойчивые советы немедленно созвать сенат для рассмотрения вопроса. Партия сторонников войны не могла рассчитывать на поддержку в правительстве и сенате, и король прибегнул к методам тайной дипломатии, действуя вразрез с конституцией Речи Посполитой.

Поначалу Сигизмунд III пытался использовать для осуществления своих планов авторитет папского нунция Рангони и иезуитов. Король надеялся, что они, рассмотрев вопрос о московском «царевиче», признают его истинным сыном царя Ивана и объявят недействительным мирный договор с Борисом. Однако Ватикан занял осторожную позицию в деле православного «царевича». Папа Римский, получив донесение из Кракова, сделал на его полях скептическую помету с упоминанием о португальских самозванцах. Иначе повел себя кардинал Мациевский, двоюродный брат Мнишека. Он виделся с Отрепьевым и вручил ему книгу о соединении церквей, едва тот прибыл в Краков. Католикам не пришлось оказывать давление на самозванца. Он сам выражал нетерпение принять истинную, римско-католическую веру, признал Папу главой христианской церкви, обещал выстроить костелы в Москве, клялся, что пешком отправится на поклонение католическим святыням в Ченстохов. Наряду с кра-

ковским епископом покровительство самозванцу стали оказывать духовник короля и в особенности краковский воевода Николай Зебжидовский.

Сигизмунд III вел дело к войне, не имея на то согласия сенаторов и сейма и грубо попирая интересы страны. 5 марта 1604 г. он велел арестовать московского «канцлера» дьяка А. Власьева, возвращавшегося из Дании в Россию через польские владения. Расчет состоял в том, чтобы осложнить русско-польские отношения. В тот же день Отрепьев получил частную аудиенцию в королевском замке в Вавеле.

Итальянец А. Читли был очевидцем переговоров в Кракове. По его словам, папский нунций Рангони лишь делал вид, будто не имеет к самозванческой интриге никакого отношения. В действительности именно он передал самозванцу предложение о встрече и устроил ему аудиенцию во дворце. Претендент поцеловал руку короля, после чего, «дрожа всем телом, рассказал ему в кратких словах, за кого себя считает...». Выслушав сбивчивый рассказ, Сигизмунд III отослал самозванца и стал совещаться с глазу на глаз с Рангони. Затем Отрепьева повторно ввели в зал, и король обратился к нему с милостивой речью, обещая свое покровительство. Претендент не смог вымолвить ни слова в ответ и лишь угодливо кланялся.

Сигизмунд III согласился предоставить «царевичу» помощь на определенных условиях, зафиксированных в письменных «кондициях». С помощью самозванца Сигизмунд III рассчитывал перекроить русские границы и добиться от России значительных территориальных уступок, а кроме того, получить от Москвы военную помощь для овладения шведской короной.

Как доносил в Рим нунций Рангони, претендент взял на себя обязательство предоставить Сигизмунду III войска для борьбы со шведами. В случае необходимости «царевич» должен был лично повести войска на Стокгольм.

Позже в инструкции польскому послу в Риме королевские чиновники дали подробные разъяснения по поводу истинных планов Сигизмунда III на востоке. Посол должен был напомнить, что в свое время Ватикан выделил огромные пособия королю Стефану Баторию в связи с его намерением покорить Мос-

ковию, а потом такое же намерение изъявил пресветлейший король Сигизмунд III «по другому случаю (в связи с появлением Лжедмитрия I. — *Р.С.*), который, можно сказать, был дан свыше, и тем с большим жаром, что, кроме других величайших выгод для всего христианства, которые могут быть от покорения Московии, он (король. — *Р.С.*) предвидит отсюда отчасти возможность возвратить королевство Швецию не столько под свою власть, сколько во власть сего святого апостольского престола».

Перспективы победы католической контрреформации в Швеции и насаждения католичества в Московии встретили понимание в католических кругах Кракова и Рима. 9 марта 1604 г. папский нунций Рангони имел длительную беседу с Отрепьевым. Воспользовавшись поддержкой Рангони и иезуитов, Ю. Мнишек и краковский воевода Н. Зебжидовский быстро завершили обращение самозванца в католическую веру.

Противодействие Яна Замойского, самого влиятельного из польских политиков, поставило в трудное положение покровителей самозванца. Весной 1604 г. Юрий Мнишек засыпал Замойского письмами. Некоторые из них были составлены за подписью «царевича». Владелец Самбора откровенно пытался прельстить гетмана выгодами, которые ему сулило участие в интриге. «Царевич, — писал Мнишек, — богобоязненный (письмо было написано после обращения Отрепьева в католичество. — *Р.С.*), легко соглашающийся на то, что ему разумно указывают; склонный к заключению всяких договоров и трактатов...»

Тайный договор, подписанный самозванцем в Самборе 2 июня 1604 г., вполне раскрывает смысл слов Мнишека. Согласно королевским «кондициям», самозванец обязался уступить короне Чернигово-Северскую землю. Обязательство было затем подтверждено особым договором о передаче короне и Речи Посполитой шести городов в княжестве Северском (очевидно, Чернигова, Новгорода Северского, Путивля и др.) «со всем, что к оным принадлежит». Однако раньше, как можно догадаться, Отрепьев обещал передать Северскую землю Юрию Мнишеку: «То мы ему (Мнишеку. — *Р.С.*) обещаем и ручаем и, что уже мы однажды присягою подтвердили, то ныне ни в чем неотменно

и ненарушимо подтверждаем». Оказавшись в трудном положении, Отрепьев решил любой ценой удовлетворить обоих своих покровителей. Было выработано соглашение о разделе Северской земли между королем и Мнишекком. Беглый монах согласился передать Мнишеку в виде компенсации за северские города Смоленскую землю. Тогда Сигизмунд III в нарушение «кондиций» потребовал себе половину Смоленской земли.

Поскольку Мнишек находился ближе к самозванцу, чем король, он мог удовлетворить свою алчность в полной мере и должен был получить большую добычу при грядущем разделе России. «Царевич» подписал грамоту о передаче Мнишеку и его наследникам на вечные времена Северской земли (без шести городов), Смоленской земли, включая «самый замок с городом Смоленском и со всем, что к половине онаго принадлежит», а также смежных земель «из другога государства, близь Смоленской земли, еще много городов, городков, замков». На какие именно города претендовал еще Мнишек — неясно. Как видно, он старался компенсировать «уступленную» королю половину Смоленщины.

Одним из пунктов «кондиций» Сигизмунда III был брак самозванца. Речь шла не столько о позволении, сколько об обязательстве Лжедмитрия жениться на подданной короля. «Позволяем ему жениться в наших государствах, чтобы с королевой (так Сигизмунд III привычным для него словом назвал будущую московскую царицу. — *Р.С.*) на то дал присягу». Имя будущей царской невесты не было названо в «кондициях». У короля были свои замыслы, но в конце концов он дал самозванцу и Мнишке «полную свободу располагать их личными делами», хотя тайне и выражал свое неудовольствие.

Соглашение в Кракове определило всю дальнейшую судьбу Марины Мнишек. По возвращении в Самбор Мнишек без помех довел дело до конца. Под страхом проклятия Лжедмитрий обязался жениться на панне Марине. «А не женюсь, — значилось в его записи от 15 (25) мая 1604 г., — яз проклятво на себя даю». Условия брачного контракта сводились к следующему. Самозванец обязался выплатить Мнишеку миллион польских злотых из московской казны на уплату долгов и переезд в Моск-

ву. Марина в качестве царицы должна была получить на правах удельного княжества Новгородскую и Псковскую земли с думными людьми, дворянами, духовенством, с пригородами и селами, со всеми доходами. Самозванец торжественно обещал Мнишкекам, что Новгород и Псков фактически будут выведены из-под управления Москвы. «А мне (царю. — *Р.С.*), — значилось в документе, — в тех обоих государствах, в Новгороде и во Пскове, ничем не владети и в них ни во что не вступаться». Удел закреплялся за Мариной «в веки». Царица получала право «приказати наместником своим (читай: родне. — *Р.С.*) владети ими (Новгородом и Псковом. — *Р.С.*) и судити», давать поместья и вотчины своим служилым людям с правом купли и продажи земли, строить католические монастыри и костелы, самой без помех исповедовать католическую веру.

В том, что касалось религии, набожные Мнишеки поставили беглому монаху самые строгие условия. Он должен был обратить все православное царство Московское в католическую веру за год. В случае несоблюдения срока Мнишек и его дочь получали право «развестися» с «царем», разумеется, сохранив при этом все земельные пожалования. Сандомирский воевода милостиво соглашался подождать обращения Московии в истинную веру «до другого году», но никак не позже. Таково содержание удивительного брачного контракта, подписанного самозванцем в Самборе 15 мая 1604 г. Осуществление контракта привело бы к расчленению России. Однако интересы собственного народа и государства мало заботили авантюриста. Подобно азартному игроку, он думал лишь о ближайшей выгоде.

Будучи в Самборе, чернец стал именовать себя так: «Мы, Дмитрий Иванович... царевич Великой Русии, Углетцкой, Дмитроижский и иных князь от колена предков своих и всех государств Московских государь и дедич». В качестве удельного князя Угличского «царевич» не мог подписывать договоры о передаче Смоленска и других городов и земель полякам. Заключая трактаты с беглым монахом, Мнишек, естественно, признал за будущим зятем права законного государя всей «Великой Русии». При этом титул «царевич» не был заменен титулом «царь». Си-

гизмунд III именовал претендента «князь Московский», игнорируя царский титул. Это решало дело.

Еще осенью 1603 г. претендент сообщил своему покровителю князю Вишневецкому, что отец назначил ему «во владение Углич, Дмитров и Городец». Иван Грозный завещал возможно-му сыну от царицы Анны Колтовской обширное княжество с городами Углич, Малый Ярославль, Кашин и Верея. Дмитрий получил, по-видимому, не менее обширный удел. Но последнее завешание царя было уничтожено. Боярское правительство пренебрегло волей Грозного и передало царевичу один Углич, где вскоре водворился государев дьяк Битяговский. В 1603 г. Расстрига жил в имении Вишневецкого. Князья Вишневецкие доводились родней Ивану IV и были прекрасно осведомлены о делах московской династии. Не они ли подсказали Отрепьеву его удельный титул?

Благодаря своим способностям и обаянию Отрепьев сумел завоевать благорасположение монарха. Сигизмунд III на досуге занимался резьбой по камню. В знак особой милости он подарил «московскому царевичу» свой портрет, вырезанный собственноручно. Не позднее весны 1604 г. король заказал для своего протеже парадную Угварь из серебра. На всех предметах сервиза были вырезаны московские гербы «молодого князя». По данным Посольского приказа, «вор» получил от монарха золотую цепь и несколько тысяч золотых.

После свидания с королем самозванец через своих покровителей заказал парадный портрет. Надпись к портрету была продиктована, по-видимому, им самим. Она гласила: «Дмитрий Иванович, великий князь Московии. 1604. В возрасте своем 23». Надпись доказывает, что Отрепьев не знал точного времени рождения Дмитрия Угличского, которому летом 1604 г. было бы менее 22 лет. Не указал ли самозванец в надписи к портрету собственный возраст?

На портрете изображен молодой человек с темными волосами и волсым лицом. Облик претендента несколько идеализирован по сравнению с гравированным портретом. Судя по сохранившимся словесным портретам и гравюрам, Отрепьев обладал характерной внешностью. Приземистый, гораздо ниже сред-

него роста, он был непропорционально широк в плечах, почти без талии, с короткой шеей. Руки его отличались редкой силой и имели неодинаковую длину. В чертах лица сквозили грубость и сила. Признаком мужества русские почитали бороду. На круглом лице Отрепьева не росли ни усы, ни борода. Волосы у него были светлые с рыжиной, нос наланиал башмак, подле носа росли две большие бородавки. Тяжелый взгляд маленьких глаз дополнял гнетущее впечатление.

Во время переговоров с королевскими чиновниками в Кракове Отрепьев выразил желание, чтобы король приставил к нему своего сенатора (Мнишека) и позволил продолжать военные приготовления — собирать казаков и добровольцев из числа польских подданных. Столкнувшись с противодействием сенаторов и сейма, Сигизмунд III не смог использовать королевскую армию для войны с дружественным соседним государством. Как писали польские хронисты, Юрий Мнишек, Константин Вишневецкий и другие паны собрали войско для самозванца «на свой счет». Однако меньше, будто армия Лжедмитрия снарядили на частные средства, не вполне точно. Ни Сигизмунд III, ни член сената Речи Посполитой Ю. Мнишек не были частными лицами, а прямая поддержка короля имела решающее значение для успеха авантюры. Король обещал «царевичу» 40 000 флоринов. Из них Отрепьев получил на руки немного. Основная сумма была получена Мнишеком в счет доходов с королевских имений, находившихся под управлением сенатора. Полученные деньги были употреблены на найм солдат в войско самозванца. Об этом русские дипломаты напомнили полякам после гибели Лжедмитрия.

Военные приготовления в Самборе и Львове приобрели широкий размах. Королевский гетман Ян Замойский потребовал у Мнишека объяснений, почему тот собирает солдат без ведома его, гетмана, как высшего воинского начальника, «чего никогда не бывало». Замойский строго предупредил сенатора, что его своевольные действия могут нанести большой ущерб Речи Посполитой.

Незаконные действия Мнишека компрометировали короля, что не могло не вызвать тревогу при дворе. Стремясь успокоить

Сигизмунда III, Мнишек писал ему 4 (14) июня 1604 г.: «Я смиренно прошу ваше величество быть уверенным в том, что я выполняю свои планы с такими предосторожностями, как будто я никогда не нарушал свой долг».

Самборская казна была постоянно пуста, и Мнишек не мог выделить Отрепьеву даже той небольшой суммы, которую король пожаловал «царевичу» на содержание. Тем не менее сенатору удалось получить кое-какие ссуды, и он приступил к формированию наемной армии. К середине августа 1604 г. покровители самозванца собрали в окрестностях Львова некоторое количество конницы и пехоты. Под знамена самозванца слетались наемники, оставшиеся бездела после прекращения боевых действий в Ливонии. Среди тех, кто готов был служить московскому «царевичу», можно было встретить и ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников. Ставки на наемных солдат были в Европе на очень высоком уровне, и Мнишеку трудно было оплачивать услуги наемного воинства. Не получая денег, «рыцарство» принялось грабить львовских мещан. Дело дошло до убийств.

Несмотря на заверения канцлера Льва Сапеги, самозванец не получил никакой помощи из Литвы. Не желая войны с Россией, литовские магнаты решительно отказались поддержать авантюру. Общее настроение повлияло даже на ревностного приверженца «Дмитрия» Льва Сапегу. Канцлер полностью отмежевался от его затей и заявил: «Царь извещен о готовящейся экспедиции (самозванца. — *Р.С.*) на Украину и готов в ответ послать войска на Литву».

Коронный гетман Ян Замойский не отвечал на обращения «царевича», но письменно предупредил Ю. Мнишека, что тот занимается противозаконным делом, за которое может быть призван к ответу. В последний момент даже главный покровитель Отрепьева предался малодушию. Януш Радзивилл, будучи подо Львовом, видел, как там собиралось войско самозванца. В своих письмах он живо описал столкновение между Мнишеком и наемниками. Когда Мнишек вдруг заколебался и был намерен отложить поход, писал Я. Радзивилл, собравшиеся для войны с Москвой шляхтичи и прямо заявили, что в таком случае

они разместятся в его имениях на зичовку В противовес знати мелкая шляхта с энтузиазмом поддержала планы войны с Россией. Обедневшие дворяне, находившиеся на грани разорения, надеялись поправить свои дела с помощью военной добычи и не желали слышать об отсрочке похода.

Московская дипломатическая переписка сохраняла известия о том, что Сигизмунд III предпринимал попытки подтолкнуть к войне с Россией крымского хана. Не позднее лета 1604 г. крымский мурза А. Сулешев известил Москву, что король виделся с крымским гонцом Д. Черкашенином и пообещал уплатить Крыму казну за два года, если хан согласится помочь тому, кого Польша решила «возвышать», т.е. московскому «царевичу». По возвращении в Крым гонец доложил о предложении короля, и Казы-Гирей «на той думе был».

По сведениям, полученным в Москве, король велел передать хану, что он признал царевича Дмитрия, отпускает его с войной на царя Бориса и посылает с ним свою рать.

Секретное обращение короля не имело успеха, ибо не было подкреплено посылкой денег в Крым. Без согласия сейма Сигизмунд III не мог выполнить своих щедрых обещаний.

Политика Сигизмунда III была двуличной и лицемерной. На словах глава государства выступал за соблюдение мира с восточным соседом, а на деле — готовил войну. Пока наемное войско стояло во Львове, король оставлял без ответа жалобы местного населения на грабежи и насилия. Лишь спустя полторы недели после того, как Мнишек покинул Львов и выступил в поход, Сигизмунд III издал запоздалое распоряжение о роспуске собранной им армии. Папский нунций Рангони получил придворе достоверную информацию о том, что королевский гонец имел инструкцию не спешить с доставкой указа во Львов.

Тем временем армия самозванца медленно приближалась к русским границам. Отряды проходили в день не более 2—3 миль. Сохранилась подневная записка похода, составленная неизвестным лицом изокружения Мнишека. Записка содержит полный перечень имений, в которых «рыцарство» останавливалось на постой. Мнишек владел селами в окрестностях Львова, но наемники отдыхали там не более одного дня. Значительно больше

времени они провели во владениях князей К. Вишневецкого и Ружинского, киевского католического епископа и других лиц.

Самозванец щедро одаривал кредиторов долговыми расписками. Погасить их предполагалось за счет богатой московской казны. Пока же все тяготы по содержанию наемников должны были нести украинские крестьяне из тех имений, где останавливались солдаты.

Лжедмитрий рассчитывал на то, что в пути его войско пополнится вооруженными отрядами крупных магнатов — князей Вишневецких, Салег, Ружинского и других, но его надежды не оправдались. Князь Ружинский письменно обязался присоединиться к Лжедмитрию с несколькими сотнями солдат. Пан Халецкий и пан Струсь обещали привести тысячу всадников. Однако выполнение своих обещаний они отложили на неопределенное время.

К концу первых двух недель похода самозванец оставался в пределах Львовщины. Во время остановки в Глинянах в начале сентября 1604 г. был проведен смотр. Рыцарство собралось в «коло» и произвело выборы командиров. В полном соответствии с волей Мнишека сам он был избран главнокомандующим, Адам Жулицкий и Адам Дворжецкий — полковниками, а сын Мнишека, Станислав, стал командиром гусарской роты. Таким образом, Мнишек, его ближайшие друзья и родственники сосредоточили в своих руках командование армией самозванца.

К началу сентября 1604 г. армия Мнишека насчитывала около 2500 человек. В нее входили 580 гусар, 500 человек пехоты, 1420 казаков и пятигорцев. К моменту перехода границы численность казаков увеличилась до 3000. В армию самозванца вступили некоторые «надворные» казаки, находившиеся на службе у магнатов. Таким образом, на долю украинцев приходилось две трети армии самозванца. Кроме православного украинского населения, вокруг самозванца начали собираться московские люди. Уже в конце 1603 г. А. Вишневецкий сообщил королю о прибытии к «царевичу» 20 москалей. Если бы среди них были дворяне, покровитель самозванца непременно бы указал на это. Видимо, первые приверженцы «царевича» были выходцами из простонародья. Источники подтверждают подобное предположение.

Один киевский житель, тайно служивший царю, жаловался черниговским воеводам в 1604 г., что не смеет возвращаться в Киев, где его разоблачил некий Васька, холоп сына боярского Чубарова. Холоп бежал в Литву из Монастыревского острога.

К началу похода в лагере самозванца собралось до 200 москвитов, бежавших за рубеж «из разных городов». Польские источники называют по имени лишь одного из московских предводителей — Ивана Порошина. Семья Порошиных не принадлежала к Государеву двору. Но некий Ждан Порошин выслужил дьяческий чин в приказе Большого прихода в 1592—1597 гг. После воцарения Бориса Годунова его карьера оборвалась. Не из дьяческой ли семьи происходил Иван Порошин? Среди дворян, узнавших «царевича», самыми видными были братья Дубенские-Хрипуновы. В России они служили как выборные дворяне из Зубцова. Не позднее лета 1603 г. дьяки сделали поместь в Боярском списке: «Иван, да Кирило, да Данило Путятини дети Хрипунова. Изменники». Хрипуновы бежали в Литву не потому, что решили поддержать Лжедмитрия, а потому, чтобы были подкуплены канцлером Львом Сапегой. Они снабжали канцлера всякого рода секретной информацией, но были разоблачены и, спасая жизнь, бежали за рубеж. Измена Хрипуновых была щедро оплачена: пять братьев — Иван, Кирилл, Данила, Прокофий и Иван Меньшой — получили земельные владения и 1000 злотых на год.

Православная церковь третиговала католиков как худших врагов истинной веры. Поэтому православные люди, оказавшись в лагере Лжедмитрия, с тревогой наблюдали за появлением в его окружении иезуитов и прочих «латынян». Неблагоприятные толки дошли до Юрия Мнишека, и он решил прибегнуть к строгостям, чтобы поставить москвитов на место. Воспользовавшись доносом одного из русских, Мнишек велел схватить сына боярского Якова Пыхачева и без суда казнить его. Мнишек сам сообщил об этой казни папскому нунцию Рангони в письме от 8 (18) сентября 1604 г. Согласно версии Мнишека, Пыхачев был подослан в Самбор Борисом Годуновым для убийства «царевича». Однако верить его утверждению трудно. Сандомирский воевода не упускал случая очернить тиранию Бориса, чтобы оп-

равдать войну с ним. По словам Варлаама, Пыхачев пострадал из-за того, что называл «царевича» Гришкоп Отрепьевым, иначе говоря, усомнился в его царственном происхождении.

Пособник самозванца Варлаам Яцкий поспешил в Самбор, привлеченный слухами о его успехе. Он рассчитывал пожать плоды затеянной интриги, но жестоко просчитался. Варлаам знач слишком много об Отрепьеве и его истинном происхождении, и тот решил отделаться от своего наставника. Уезжая из Самбора, самозванец приказал бросить Варлаама в тюрьму.

Соратники Лжедмитрия I из числа поляков скорее всего знали, с кем имеют дело, и, принимая участие в комедии, от самого «царевича» не скрывали, что вовсе не обманываются на его счет.

В действительности в Самборе была разыграна кровавая драма. «Вор» жестоко расправился со своим обличителем Пыхачевым и бросил в тюрьму благодетеля Варлаама. Клеймо самозванства не оставляло места для веселья.

Не позднее июля 1604 г. из Самбора на Дон выехал литвин Счастный Свирский с запорожцами. Он отвез казакам «царское» знамя — красное полотнище с черным двуглавым орлом посередине. Донцы снарядили в Польшу новых послов. Они явились в лагерь самозванца 25 августа 1604 г. В грамоте казаки вновь подтвердили свою готовность выступить на помощь своему «природному государю».

Московские власти своевременно узнали о появлении «воровских» гонцов на Дону и попытались предотвратить мятеж. С этой целью они направили к казакам дворянина Петра Хрущева. Последний был хорошо известен на Дону. Прошло лишь 12 лет с тех пор, как правитель Борис Годунов предлагал донцам принять Хрущева в столице их войска Раздорах в качестве головы. В то время вольные казаки категорически отвергли предложения Москвы. В 1604 г. миссия Хрущева также завершилась провалом. Казаки связали царского посланца и увезли в Польшу, где выдали Отрепьеву. Как выяснилось на допросах, Хрущев должен был склонить донцов к участию в войне с «царевичем».

Канцелярия Мнишека подвергла допросные речи Хрущева тенденциозной обработке, превратив их в памфлет. В Польше

памфлет был немедленно использован для воздействия на общественное мнение. Авторы памфлета приписали Хрущеву басню о том, что вдова Федора царица Ирина признала «царевича» прирожденным государем, за что была убита своим братом Борисом Годуновым. В Москве царь приказал умертвить «двух главных господ» — Смирного Васильева и Меньшого Булгакова — только за то, что те пили у себя дома за здоровье царевича Дмитрия.

«Главные господа» действительно были царскими дьяками: Васильев служил в приказе Большого двора, а Булгаков — в Казенном приказе, но оба благополучно пережили и Годунова, и самозванца. Примечательно, что Булгаков пользовался полным доверием царя Бориса до самой его смерти. 19 марта 1605 г. «подказначей» (так именовали дьяка англичане) Меньшой Булгаков привез английским послам царские подарки. Этот факт свидетельствует о лживости допросных речей Хрущева, составленных людьми Мнишека. Ни малейшего доверия не внушает воспроизведенная в памфлете запись разговора между Хрущевым и знатным воеводой Петром Шереметевым. «Трудно против прирожденного государя воевать», — якобы заявил Шереметев.

Небылицы насчет жестоких казней в Москве понадобились Мнишеку для того, чтобы изобразить Бориса тираном и оправдать вторжение в Россию, предпринятое будто бы в защиту справедливости, в интересах законного государя московского.

Противники войны с Россией (Ян Замойский и др.) не только протестовали против действий Мнишека, но и принимали практические меры, чтобы не допустить нарушения мирного договора с Москвой. Еще в мае 1604 г. Януш Острожский известил короля, что он употребит насилие, чтобы задержать продвижение отрядов самозванца к русской границе. У краковского кастеляна были собственные войска, и его поддерживали другие магнаты с Украины. Не позднее июня Острожский обратился к «царевичу» с предупреждением, что он не допустит его к Днепру. Острожский подкрепил свою угрозу тем, что собрал южнее Киева значительные воинские силы. Он действовал, видимо, в

полном согласии с Замойским. Один из Участников московского похода, служивший в «царской роте», записал в своем дневнике: «Идя к Киеву, мы боялись войска краковского каштеляна князя Острожского, которого было несколько тысяч и которое стерегло нас до самого Днепра, поэтому мы были очень осторожны, не спали по целым ночам и имели наготове лошадей».

Киевский воевода Василий Острожский и его сын Януш опасались, как бы соединение воинства самозванца с казаками не вызвало нового взрыва казацко-крестьянского восстания по всей Украине. Расположив свои войска к югу от Киева, князь Януш перерезал пути, которые вели через Запорожье на Дон. Военные меры Острожских преследовали и другие цели. Зная о насилиях паемников во Львове, они пытались предотвратить грабежи и бесчинства в Киеве и его округе. В своих письмах Януш Острожский не раз выражал опасения по поводу того, что «Дмитрий» втянет Речь Посполитую в войну с Москвой, а казацкие отряды, поддерживающие «царевича», затеют новый бунт на Украине. В посланиях королю Острожский предложил наказать «своевольников», нарушивших мир и спокойствие на Украине. Опасения вызвать гнев Сигизмунда III и присутствие сенатора Мнишека в армии самозванца помешали осуществлению этого намерения. Угроза не допустить Лжедмитрия к московской границе была выполнена лишь отчасти. Князь Януш Острожский вслеп угнал все суда и паромы с днепровских переправ под Киевом.

В течение нескольких дней войско «царевича» стояло на берегу Днепра, не зная, как поступить. Самозванца выручили те самые «киевские мужики» — православные жители Киева, которые еще раньше признали его истинным московским царем. В грамоте самозванца, подписанной им после переправы, значилось, что «для перевозу войска нашего через реку Днепр тые же мешане киевские коштом и накладом своим перевоз зготоваше».

Продлав за два месяца путь от Львова до Днепра, армия сенатора Мнишека собралась на берегах Десны, готовая к вторжению в пределы России.

Дворяне и Смута

Объединение земель вокруг Москвы оказало глубокое влияние на формирование дворянского сословия. Военная система, сложившаяся в период раздробленности, не отвечала потребностям влвовь возникшего обширного государства. Подчиняя княжества, Москва принимала на службу княжий двор и местных бояр. Иск. лючение было сделано лишь для новгородцев.

Новгородская республика не содержала войска, а местные бояре не имели навыков и опыта военной службы. Новгородцы цепко держались за свои традиции, и в их среде никогда не исчезала вражда к московским государям. Чтобы сокрушить республиканские порядки, Иван III вывел всех местных бояр из Новгорода, а их земли забрал в казну.

Новгородские экспроприации были тесно связаны с кризисом московской военной системы. Из-за дробления вотчин, из-за смуты второй четверти XV в. и непрерывавшихся войн низшее дворянство нишало и деградировало. Из состава старого боярства в XV в. выделился многочисленный слой детей боярских, отличительной чертой которого было малоземелье. Не будучи обеспечены землей, обедневшие дети боярские не могли нести службу в тяжеловооруженной коннице.

Докорение Новгорода повлекло за собой образование обширного фонда государственных земель, который был использован для обеспечения государственными имениями (поместьями) московских детей боярских, переселенных в Новгород. В отличие от вотчины (частная собственность) поместье было условным владением. Помещик владел им, пока нес службу в армии московского великого князя. Если он переставал служить и не мог определить на службу сына, земля подлежала перераспределению. Поместье не должно было выходить «из службы».

Дворянство оценило выгоды поместной системы, основанной на государственной собственности, и добилося ее утверждения по всей России. То был первый крупный успех нарождавшегося дворянского сословия. Благодаря поместной системе фундаментом всей военно-служилой системы России в XVI в. стала государственная земельная собственность.

В XVI в. наблюдалось усложнение московской иерархии, появились чины (думные, дворцовые чины, Государев двор, уездные дети боярские). Однако принцип обязательной службы с земли уравнил все чины перед лицом монарха и положил начало консолидации дворянства в единое сословие. Старое боярство, пользовавшееся правом отъезда, превратилось в военно-служилое дворянство.

Широкую известность получила концепция закрепощения русских сословий сверху. Согласно этой концепции государство закрепостило дворян службой, а крестьян — крепостным правом. Такая схема дает основание заключить, что Русское государство сродни азиатским деспотиям, что это «деспотическое самодержавие». Этот термин можно встретить в академических исследованиях последних лет.

Азиатские деспотии строились на принципе подчинения и насилия, а для государств европейского типа характерен принцип общественного договора.

Действительно ли принцип обязательной службы дворян с земли был насильно навязан российскому дворянству сверху?

Объединение земель вокруг Москвы сопровождалось конфискациями владений местных бояр. К началу XVI в. образовался избыток экспроприированных земель, а в результате казна смогла наделить государственными имениями — поместьями не отдельных лиц, не отдельные группы, а все сословие московских служилых людей. Сложился порядок, при котором казна обеспечивала поместьями не только служилых людей, но и их детей и внуков, едва те достигали совершеннолетия и поступали на государеву службу. Этот порядок превратился в традицию, не получив законодательного оформления, что было характерно для Московского царства и его юриспруденции.

Современи реформ Ивана IV власти стали проводить периодические смотры дворян по всем уездам государства. На смотрах молодым детям боярским, начинавшим службу, назначали «оклады» в соответствии с «окладами» их отцов.

Принцип обязательной службы дворян с земли был введен в результате своего рода «общественного договора». Суть его была такова: казна брала на себя обязательство обеспечить дворян и

их потомков в мужском колене поместьями, необходимыми для службы, а дворяне, со своей стороны, признали принцип обязательной службы с земли. В условиях постоянного дробления земельной собственности новый порядок был исключительно выгоден дворянам. Казалось, он избавлял дворян от кошмара обнищания.

По своему типу российское самодержавие не было ни деспотическим самодержавием, ни азиатской деспотией. Принудительное закрепощение дворян службой не более чем миф.

Распространение принципа обязательной службы на вотчины и наследование поместий (при условии службы) создал и почву для сближения поместья и вотчины. Наследование поместья в нескольких поколениях вело к тому, что поместье, оставаясь казенной собственностью, уже в XVI в. стало приобретать черты наследственного частного владения, перерождаясь в частную собственность. Опричнина грубо прервала этот процесс, задержав его на целое столетие. В годы опричнины царь конфисковал поместья у тысяч дворян, исправно несших службу и не причастных ни к какой «измене». Надежды дворян на то, что им со временем удастся закрепить за собой в собственность полученные из казны имения, развеялись в прах. ●причные конфискации доказали всем, что реальным собственником всех поместных земель остается государство.

Казна не была лишь титульным, номинальным собственником поместных имений. Господство государственной собственности повлекло за собой решительную перестройку всей налоговой системы в XVI в. Будучи собственником колоссального фонда поместных земель, государство реализовало право собственника, присваивая земельную ренту в виде высоких налогов. Царские подати непомерно выросли.

Господство государственной собственности породило первую «великую утопию» в истории России. При многодетности дворянских семей и отсутствии майората неизбежные разделы имения между сыновьями всегда грозили землевладельцу оскудением. Впервые в XVI в. государство взяло на себя обязательство обеспечить поместьями тех, кто несет государеву службу, на все обозримое будущее.

Созданная военно-служилая система не могла существовать без постоянных войн, без завоевания новых территорий. Так имперская политика получила необходимое обоснование. Фонд свободных земель внутри царства был исчерпан. Дворяне все чаще обращали взоры в сторону соседних государств. Уставы Ивана Пересветова они требовали завоевания «подрайской земли» — Казанского ханства. Казань была покорена, но распаханых земель там оказалось немного. Эти земли были тотчас же розданы московским помещикам. Завоевание Ливонии позволило Грозному приступить к раздаче поместий в Прибалтике. Однако война завершилась тягчайшим поражением. Попытка расширить фонд поместных земель на западе не удалась.

Опричнина Ивана Грозного расколола дворян. Позднее она уступила место «двору», благодаря чему раскол продолжался более двух десятилетий. Это обстоятельство, без всякого сомнения, замедлило процесс формирования дворянского сословия. Бывшие опричники и их сыновья не забыли о своих успехах на опричной службе, и многие из них оказались в стане самозванцев. Среди героев Смуты были Басмановы и их родственники Плещеевы, Бельские и Салтыковы.

Кризис дворянского сословия, разразившийся в конце XVI в., носил несравненно более разрушительный характер, чем в годы опричнины, так как повлек за собой разорение значительной части дворянского сословия.

Дворянские семьи были многодетными. Биологический процесс размножения далеко обгонял возможности наделения новых поколений казенными именьями — поместьями. Диспропорция увеличилась в результате разрухи, воцарившейся в стране в конце правления Грозного, и трехлетнего голода при царе Борисе. Поместный фонд в подавляющей своей части запустел.

Помещичьи крестьяне не в состоянии были платить военные налоги и бежали из поместий. Обедневшие дети боярские не могли купить боевого коня, кольчугу, шлем и запастись продовольствием на время похода.

Принцип государственного обеспечения и регулирования не мог приостановить процесс дробления и упадка поместий.

Имения нищали, заброшенная пашня зарастала лесом. Поместья подвергались такому же дроблению, как вотчины.

Поддержание поместного фонда в цветущем состоянии требовало от государства непомерных расходов. Бремя государственной земельной собственности оказалось непосильным для разоренной страны.

В момент присоединения к Москве Новгородская вотчина и в целом Новгородский край находились в цветущем состоянии. Сто лет господства государственной собственности превратили Новгородскую землю в огромный пустырь. Кризис поместной системы привел к социальной деградации низшего слоя дворянства. В середине XVI в. на каждое новгородское поместье приходилось 20—25 дворов, столетие спустя — всего 6 дворов.

Явные признаки упадка военно-служилой поместной системы обозначились уже в 60-е годы XVI в. В письме к царю А. Курбский мрачными красками рисовал положение обнищавшего дворянства: «Воинской же чин строев ныне худишии строев обретеса, яко многим не имети не токмо коней, ко бранем уготовленных, или оружии ратных, но и дневняя пищи...»

Новгородские писцовые книги создают картину полного разорения поместных земель, составлявших ядро государственного фонда.

Столкнувшись с проблемой оскудения мелкопоместного дворянства, власти оказались перед выбором. Они могли субсидировать обдневших дворян, обеспечить их оружием и лошадьми, ссудить деньгами. Для этого потребовались бы огромные средства, которых у казны не было. Но был и другой способ вернуть оскудевшего дворянина на военную службу.

Господство государственной земельной собственности изменило характер частной военной службы. В XV в. бояре владели вотчинами и держали боевых слуг на частной службе. В XVI в. землевладельцы и их боевые холопы жили в поместье — на государевой земле, помещики наделяли боевых холопов служней пашней. В таких условиях частная военная служба стала рассматриваться как государственная повинность.

В пору реформ в середине XVI в. военная служба холопов была регламентирована: каждый землевладелец был обязан вы-

ставить в поле по одному воину с каждой 100 четвертей земли. Такой порядок определил важнейшую особенность поместной армии — конного дворянского ополчения.

В 1601 г. Борис Годунов издал закон, согласно которому знать и дворяне должны были выставлять двух воинов со 100 четвертей земли. Удельный вес холопов в составе дворянского ополчения должен был существенно увеличиться. В руках многочисленной группы холопов оказалось огнестрельное оружие, что превратило их в серьезную боевую силу внутри ополчения.

Пересматривая нормы службы холопов с земли, власти пытались, избегая казенных трат, значительно увеличить численность вооруженных сил. Эта ближайшая цель была достигнута.

Возникла ситуация, при которой знать и дворяне испытывали острую нужду в военных слугах. Государство решительно стало на сторону богатых землевладельцев, жертвуя интересами мелкого дворянства. Оно узаконило практику обращения оскудевших детей боярских в холопство (рабство).

В годы реформ Грозного был издан указ, который подтверждал законность всех служилых кабал на сыновей дегей боярских старше 15 лет, не находившихся на царской службе.

Беспоместные дети боярские, не имея возможности нести полковую службу, определялись во дворы крупных землевладельцев, которые могли вооружить их, предоставить боевого коня, запас продовольствия в поход, служную пашню. С помощью таких мер казна перекладывала на состоятельных землевладельцев расходы по снаряжению в поход безземельных детей боярских.

В среднем сумма долга кабального редко превышала 5—6 рублей. Но кабальные слуги из детей боярских могли получить от господина имущество на более крупные суммы. Ограждая интересы знати, Судебник 1550 г. воспретил составлять служилые кабалы на сумму свыше 15 рублей. За выход из поместья крестьянин платил рубль пожилого, т.е. цену 140 пудов ржи. Холопа господин покупал за 2—3 рубля. Сумма в 15 рублей имела в виду не пашенных холопов-страдшков, а воинов из детей боярских, нуждавшихся в оружии, боевом коне, припасах.

К концу XVI в. кабальная служба приобрела видимые черты холопства — рабства. По Уложению 1597 г. кабальный послужилец потерял право на освобождение при условии выплаты господину долга. Но власти не могли не считаться с интересами военных послужильцев. Уложение 1597 г. гарантировало кабальным холопам свободу после смерти господина. Холоп продавался одному господину, и только имя владельца значилось в кабале. Смерть господина неизбежно вела к роспуску его вооруженной свиты, его военные слуги могли теперь перейти в государевы служилые люди либо запродаваться в свиту к другому господину, который мог их содержать. Разоренная служилая мелкота, по нужде расставшаяся со своей свободой, получила возможность сменить господина или даже вернуться на царскую службу.

Рсформа частной военной службы имела важные социальные последствия. Во все времена ядром поместного ополчения был Государев двор. Обычно двор изучают как институт, объединявший верхи дворянства. Но такой подход недостаточен.

По примерным подсчетам, 25-тысячное конное дворянское ополчение в XVI в. сопровождали не менее 20—30 тысяч боевых холопов. Государев двор был главной военной опорой трона. Но теперь половину дворянского ополчения составляли невольники. Результаты рсформирования армии грозили взорвать вооруженные силы изнутри. Государев двор как военная единица утратил свою социальную однородность и вместе с тем свою надежность. События гражданской войны начала XVII в. обнаружили это с полной очевидностью.

Военное дело перестало быть исключительной привилегией дворянского сословия. Внутри дворянского ополчения появился опасный двойник — холопское войско, вооруженное не только холодным, но и огнесредным оружием.

Дворянский писатель Иван Пересветов решительно протестовал против порабощения воинов богатыми и знатными вельможами. «В котором царстве люди порабощены, — писал он, — и в том царстве люди не храбры...» Вельможи царя Константина порабощали «лучших людей» (очевидно, дворян), что ввергло в погибель Византийское царство.

Авраамий Палицын писал, что в условиях «великого разорения», наступившего после катастрофического поражения в Ливонской войне, многие обнищавшие помещики вынуждены были по нужде идти на службу к боярам и становились их холопами.

При царе Федоре, повествует Палицын, Борис Годунов и другие вельможи пускались во все тяжкие, чтобы заполучить к себе на службу обедневших дворян: «многих человек в неволю к себе введше служить», в том числе лиц из честных родов, издавна владевших селами и вотчинами, «наипаче же избранных мещеносцов и крепких во оружии». Одни бояре добивались своей цели дарами и «ласканием», другие же, не имея крупных сумм на покупку кабальных, «в неволю порабощающе, с кого мощно и написание служивое (жабалу. — *Р.С.*) силой и муками емлюще».

Самыми искусными в воинском деле были «избранные мещеносцы», издавна владевшие селами, — иначе говоря, кабальные слуги из дворян. Они составляли костяк боярских свит.

В период «великого» голода 1601—1603 гг. опалы на бояр и оскудение дворян привели к тому, что множество боевых холопов стали добывать средства к существованию разбоем. Разбойников ловили и вешали. Спасаясь от воинских команд, взбунтовавшиеся холопы толпами бежали на степные окраины.

Палицын был одним из самых наблюдательных и вдумчивых современников. Его «Сказание» заключает поразительное признание. В ходе гражданской войны поместное ополчение распалось, и та его часть, которую составляли вооруженные рабы-холопы, почти целиком оказалась в стане мятежников, «не вкупе», не в одном, но в разных местах, однако неизменно в «воровском» лагере: с Болотниковым в Калуге, с царевичем Петром в Туле.

Среди «гадов», решительно поддерживавших самозванцев, одно из первых мест занимали кабальные холопы. В годы голода многие из них находили прибежище на Дону и Волге и становились казаками, а позже пополняли повстанческие армии.

Кризис низшего дворянства был одной из главных предпосылок Смуты. Удалось открыть новый социальный персонаж,

никогда не привлекавший внимания исследователей. Дробление вотчин привело к образованию многочисленного слоя «детей боярских». Столетие спустя упадок поместья и деградация низшего дворянства привели к появлению слоя «детей боярских спишалью».

Как следует из Разрядных книг, в конце XVI в. произошло разделение дворянской службы на «полковую службу», т.е. службу в коннице с рыцарским вооружением, и службу в пехоте «с пишалью».

Переход в пехоту не означал простой смены вооружения. В пехоте служили стрельцы и казаки, люди, принадлежавшие к низшим сословиям. Дети боярские «с пишалью» получали поместья, но их земельное обеспечение обычно было недостаточным, у них было мало крестьян или их вовсе не было. Им значительно урезали денежное жалованье. Разрядный приказ использовал детей боярских «с ружьем» для несения гарнизонной службы в пограничных крепостях и охраны засечных линий на южных границах.

В 1597 г. охрану засечной черты от Брянских лесов до Рязани несли 78 детей боярских полковой службы и 247 детей боярских «с пишальями». В южных степных крепостях детей боярских «с пишалью» было значительно больше, чем дворян конной полковой службы.

Власти насаждали поместную систему на степных окраинах, в окрестностях вновь построенных крепостей Белгорода, Валухек, а также в Воронежском, Курском, Путивльском уездах. Для успешного развития поместного землевладения требовались два непеременимых условия: наличие распаханых земель и крестьянского населения. Но эти условия отсутствовали. Дети боярские низшего разряда должны были сами обрабатывать отведенную им землю. Почвы на юге были плодородными, но даже с помощью тяжелого плуга было трудно поднять целину — «разодрать» проросший корневищами кустов и ковыля слой почвы.

Власти не могли набрать достаточное количество детей боярских, согласных переселиться в степи, и им приходилось верстать в службу и наделять небольшими поместьями людей из

самых различных чиновных групп — служилых казаков, посадских детей и прочих.

Правительству приходилось ежегодно завозить на плодородные черноземные земли в «диком поле» крупные партии хлеба. Стремясь избавить казну от лишнего бремени, Борис Годунов приказал завести во вновь присоединенных степных уездах государеву «десятинную пашню». Имеются точные и неопровержимые данные, что в некоторых степных городах детей боярских привлекали к отбыванию баршинных повинностей на государственной десятинной пашне.

Степные помещики сохраняли титул детей боярских, но не принадлежали к привилегированным высшим сословиям и сплошь и рядом были заняты тяжелым крестьянским трудом, отработывали баршину.

Нишенские условия жизни южных помещиков были причиной того, что мелкопоместное дворянство Юга России перестало быть надежной военной и социальной опорой московской власти.

Сословие дворян начала XVII в. не было классом в том значении, которое придал этому понятию Маркс. Мелкопоместные и беспоместные дети боярские не пользовались особыми привилегиями, а иногда их труд использовали на барщине. И дети боярские, и знать в челобитных обращались к царю со словами: «Мы, твои холопы». Эта формула этикета выросла из древней традиции. Во дворе у московских князей служили «слуги вольные» — бояре и «слуги под дворским» — невольный люд. Не только слуги вольные, но и воины из холопов вошли в состав Государева двора. В начале XVI в. поместное ополчение получило новое пополнение за счет холопов. Испытывая недостаток в опытных воинах, власти наделили некоторых боярских боевых холопов государевыми поместьями в Новгороде. Практику такого рода продолжал Борис Годунов, жаловавший холопов — детей боярских за особые заслуги.

Дворянское сословие не было отделено от воинского холопского чина непроницаемой стеной.

Появление категории боевых холопов из дворян и детей боярских «с пищалью» знаменовало крушение всей военно-служилой

системы России. Развал дворянского ополчения подорвал мощь вооруженных сил государства.

Важнейшей вехой в истории Московского царства было закрепощение крестьян. Как значилось в Уложении о крестьянах 1607 г., при царе Иване крестьяне выход имели вольный, а царь Федор, по наговору Бориса Годунова, выход крестьянам заказал (воспретил) и «у кого колико тогда крестьян где было, книги учинил» (велел провести перепись, закрепившую крестьян за землевладельцами-дворянами). Изложенная версия находит подтверждение в наиболее ранних и достоверных источниках. В 1595 г. старцы Пантелеймоновского новгородского монастыря сослались на указ Федора: «Ныне по нашему (царскому. — *Р.С.*) указу крестьяном и бобылем выходу нет».

Перепись, упомянутая в Уложении, была начата в Новгороде в 1582 г. Но валовое описание, охватившее всю страну, действительно имело место в царствование Федора Ивановича. Новгород был описан в первую очередь, потому что государственная собственность образовала тут громадный цельный массив, составлявший ядро всего поместного фонда страны. В Ярославском, Суздальском, Шуйском и Ростовском уездах до конца XVI в. сохранялось значительное число княжеских вотчин, а поместный фонд был ограниченным, поэтому в названных уездах описание не было проведено вообще. Установив этот факт, можно выявить наиболее характерную особенность валового описания конца XVI в.: власти проявляли заботу прежде всего об уездах с наиболее развитым государственным землевладением.

При царе Федоре в стране был установлен режим «заповедных лет», распространявшийся на тяглое податное население деревни и города. То была система временных мер («до государевых выходных лет»), призванная обеспечить сбор налогов в казну. В городах эти меры не прижились. Но сельское дворянство оценило все выгоды прикрепления, и именно под давлением массы провинциального поместного дворянства власти ввели крепостной режим.

Мелкие дворяне, которым грозила нищенская сума, добились от государства осуществления своих требований. Отныне

они могли удерживать крестьян в своих поместьях, что было для них вопросом жизни и смерти.

Все это ускорило формирование дворянства, которое все больше осознавало себя как сословие.

Но в начале XVII в. Россия пережила трехлетний голод. Власти дважды объявляли о временном восстановлении Юрьева дня. «И после от того, — значит в Уложении 1607 г., — начались многие вражды, крамолы и тяжи»; «чинятся в том великия разпри и насилия». Землевладельцы пускались во все тяжкие, чтобы заполучить крестьян и удержать их на своих землях, не останавливаясь перед насилием. Множившиеся раздоры из-за крестьян затруднили консолидацию господствующего сословия и подготовили почву для Смуты.

Кризис военно-служилой системы и катастрофическое обнищание дворянского сословия стали главными предпосылками гражданской войны в России в начале XVII в.

Вторжение

В 1604 г. на всех русских границах царил мир. Однако весной резко ухудшились отношения между Россией и Крымом. Русский посол в Крыму Ф. Барятинский 15 мая 1604 г. уведомил Бориса Юдунова о том, что «крымский царь Казы-Гирей на своей правде, на чем шертъдал, не устоял, разорвал с государем царем... вперед миру быть не хочет, а хочет идти на государя... украины». Одновременно из южных пограничных городов поступили донесения о том, что «на поля ходят крымские татаровя и станичников и сторожей громят, а татаровя конны и цветны и ходят резвым делом о дву конь, и чают их от больших людей».

Тревога оказалась ложной. Тем не менее она определила расстановку русских военных сил летом 1604 г. В марте Разрядный приказ направил воеводу М.Б. Шеина стрема полками в район Мценска, Новосиля и Орла. Царь Борис объявил о том, что он сам возглавит поход против татар, и произвел смотр артиллерии в Серпухове.

С наступлением лета воеводы П.Н. Шереметев и М.Г. Салтыков с отборными силами выступили в степи и заняли позиции в Ливнах, преградив в путь татарскому вторжению. Воинские люди были посланы к засекам на всем пространстве от Перемышля до Рязани. К осени военная тревога миновала. Служба в степных городах была утомительной. Командование не видело необходимости держать дальше армию на южных границах. Дворяне разъехались по своим поместьям.

С чисто военной точки зрения вторжение Лжедмитрия в пределы России имело мало шансов на успех. У самозванца не было ни осадной артиллерии, ни достаточного количества войск, чтобы принудить к сдаче хорошо укрепленные русские крепости. Планируя интервенцию, Мнишек и прочие покровители Огрепьева рассчитывали нанести удар России в тот момент, когда все ее военные силы будут скованы на южной границе крымским вторжением. Расчеты сторонников самозванца не оправдались. К тому же Мнишек не успел собрать к лету войско. Летнее время, наиболее удобное для начала военных действий, было безвозвратно упущено. Осенью шли дожди, и непролазная грязь затрудняла передвижение войск по дорогам.

В Москве знали о военных приготовлениях самозванца, но не придавали им значения, а кроме того, предполагали, что он не выступит в поход осенью. Московское командование всецело полагалось на свои пограничные крепости, укомплектованные гарнизонами и артиллерией. В Москве знали, что ведущие политические деятели Речи Посполитой (Ян Замойский и др.) были категорически против войны с Россией. Борис Годунов не предвидел того, что сторонники интервенции возьмут верх при королевском дворе, и считал, что ему удастся избежать войны с помощью дипломатических средств.

В 1604 г. в Краков выехал стрелецкий голова Смирной Отрепьев, дядя самозванца. Он должен был собрать сведения о своем беглом племяннике, а затем публично изобличить его, добившись личной с ним встречи. Летом казаки захватили и выдали самозванцу царского воеводу Петра Хрущева. После этого Борис направил в Польшу гонца Постника Огарева. Гонец заявил протест по поводу пограничных инцидентов, вызванных

действиями старосты Остра М. Ратомского. Он также передал требование освободить и отпустить на родину Петра Хрущева.

Царская грамота, составленная в сентябре 1604 г., не оставляет сомнения в том, что в то время в Москве не догадывались о близком вторжении самозванца. При любой угрозе нападения воеводы получали приказ сделать засеки на дорогах. В конце лета 1604 г. Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северной земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что «царевич в Литве есть, но войска его в Северной земле не ждут». Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания П. Хрущева.

Осенью 1604 г. московское командование не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Все это подтверждает вывод о том, что вторжение застало страну врасплох.

Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге — через Смоленск, а круглым путем — через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская.

Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Правительство предпринимало настойчивые попытки насадить на юго-западной и южной окраинах государства поместную систему землевладения. Но подобные меры не оправдали себя. Власти рассматривали окраину как подходящее место для ссылки опальных. В конце Ливонской войны царь Иван приказал ссылать в Севск и Курск и «писать» там в казаки опальных холопов, наказанных за доносы на своих господ. Указ относился не столько к пашенным холопам, сколько к военным послужильцам, чем и объясняется необычность наказания: доносчиков записывали на государеву службу.

Объясняя успех самозванца, царские дипломаты указывали на то, что «в совете с тем вором с розстригою з Гришкою с Огрепьевым» были «воры — казаки и беглые холопы». Ссылный люд и беглые холопы действительно принадлежали к тем группам населения юго-запада России, которые наиболее энергично поддержали Лжедмитрия.

Во время голода 1601—1603 гг. многие из «разбоев», уцелевших от расправы, нашли убежище в северских и южных городах. По словам очевидцев, старые «воры», «иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни» (боевые холопы), «отхождаху» в Севершину, где и выступили на стороне Лжедмитрия с оружием в руках: «за се же (за дело Дмитрия. — *Р.С.*) яхся крепче вси они вышепомянутые бегуны, северских и польских градов жители, вечныя холопы московския...»

Свои первые решающие победы самозванец одержал на Севершине. В северских городах было некоторое количество русских помещиков, имелись воинские контингенты, присланные из Москвы. Кроме беглых и ссыльных холопов, в северских городах осело немало беженцев из центральных уездов, пораженных голодом. В массе своей население Черниговщины было украинским.

В конце XVI в. власти Речи Посполитой подавили казацкие мятежи на Украине. Многие их участники бежали за Днепр в пределы России.

Появление православного «царевича» в пределах Литвы подало низам надежду на перемены к лучшему. Украинское население Северной земли поддерживало тесные торговые связи с Киевщиной. Поэтому слухи о пришествии «прирожденного» царя мгновенно распространились из Киева в северские города.

Говоря о причинах Смугы, русские власти заявляли, что с появлением Лжедмитрия I в пределах Северной земли «тутошние мужики — севрюки глупые — прельстились и поверили» ему. Севрюками называли украинцев, живших в пределах Чернигово-Северской земли. Говоря о мужиках-севрюках, московское правительство имело в виду низший слой местного населения. Объясняя сдачу северских городов, русские летописцы писали: «...северские мужики и всякие люди чаяли, что он прямой царевичь Дмитрей...»

В течение многих месяцев самозванец употреблял все возможные средства, чтобы привлечь на свою сторону жителей Чернигова и его пригородов. Центром агитации стал замок Остер, стоявший на Десне против Нового Монастыревского острога. Местный староста Михаил Ратомский не раз засылал ла-

зутчиков в Чернигов. По его приказу литвин Т. Дементьев привез в Монастыревский острог именное письмо «царевича» к тамошнему стрелецкому сотнику. Позже И. Лях и И. Били!! из Остра подплыли к острогу и разбросали по берегу грамоты от «Дмитрия».

Агитация в пользу «добророго» царя принесла свои результаты. Обрушивавшиеся на страну бедствия приучили население винить во всех своих бедах царя Бориса. Уповая на «Дмитрия», народ с нетерпением ждал его «исхода» из-за рубежа. На пуги из Львова в Киев немало крестьян «показались» и вступили в войско самозванца. Киевские мужики помогли ему переправиться за Днепр. Точно так же встречало войско «царевича» украинское население Северщины.

Юрий Мнишек был изощренным политиком, не чуравшимся обмана. В письмах к населению Северщины он уверял, что король Сигизмунд и сенаторы признали «Дмитрия» и «стояти за него хотят всюю Польшею и Литвою», из чего следовало, что восстание в пользу «Дмитрия» будет поддержано всюю мощью Речи Посполитой. Заверения такого рода должны были произвести большое впечатление на народ, так как пробуждали надежды украинского населения Северщины на воссоединение с Правобережной Украиной.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия, перейдя границу, стало медленно продвигаться к ближайшей русской крепости — Монастыревскому острогу. Предпринимая нападение на соседнее дружественное государство, главнокомандующий самозванца Ю. Мнишек сознавал, что не сможет в случае неудачи и пленения воспользоваться защитой Речи Посполитой. По этой причине он принимал всевозможные меры предосторожности.

Приказав атаману Белешко с казаками двигаться по дороге прямо к Монастыревскому острогу, Мнишек углубился в лес, раскинувшийся кругом на много верст. При нем находились самозванец, шляхта, отряды наемных солдат, экипажи и обозы. Сопровождавшие армию Мнишека иезуиты подтвердили в своих письмах, что шли к Монастыревскому острогу (Моровску) не по дороге, а «через леса и болота». Ротмистру С. Борше начало

похода запомнилось тем, что его солдаты нашли в лесу множество вкусных ягод.

Атаман Белешко беспрепятственно подошел к Монастыревскому острогу и выслал гонца для переговоров. Казак подъехал к стене крепости и на конце сабли передал жителям письмо «царевича». На словах он сообщил, что следом идет сам «Дмитрий» с огромными силами. Застигнутые врасплох воеводы Б. Лодыгин и М. Толочанов пытались организовать сопротивление. Но в городке началось восстание. Жители связали воевод и выдали их казакам. Однако при всем своем усердии народ не смог немедленно сдать острог «Дмитрию». Воинство Мнишека забилось в леса и болота так глубоко, что ему понадобилось несколько дней, чтобы выбраться из чащи на дорогу и попасть в городок. 18 октября 1604 г. казаки донесли Мнишеку о своей победе. На другой день жители крепости доставили «царевичу» захваченных воевод, и лишь 21 октября в 7 часов вечера Лжедмитрий вместе со своим главнокомандующим принял острог из рук восставших.

Захлестнувшие Северщину слухи о скором появлении избавителя — «хорошего» царя — расчистили путь самозванцу. Мнимый сын Грозного был встречен ликующими возгласами: «Встанет наше красное солнышко, ворочается к нам Дмитрий Иванович!»

Известие о сдаче Монастыревского острога и приближении «царевича» вызвало волнение в Чернигове. Простой народ требовал признать власть законного государя. Среди местных служилых людей царили разброд и шатаиия. Воевода князь И. А. Татев заперся со стрельцами в замке и приготовился к отражению неприятеля. Но он оставил посад в руках восставшего народа, что решило исход дела. Чтобы справиться с воеводой, черниговцы призвали на помощь прибывший в окрестности города казачий отряд атамана Белешко.

Русское командование использовало задержку самозванца на границе и проявило исключительную осторожность. На выручку к черниговским воеводам стремительно двигался окольничий П. Ф. Басманов с отрядом стрельцов. Он находился в 15 верстах от города, когда там произошло восстание.

Призванные черниговцами, казаки Белешко бросились к замку, но были отбиты залпами стрельцов. Раздосадованные потерями казаки и прибывшие следом наемные солдаты самозванца воспользовались тем, что горожане открыли им ворота, и бросились грабить посад. Все воинские заслуги армии Мнишска при взятии Чернигова свелись к грабежу города. События в замке развивались своим чередом. Князь Татев не смог удержать в повиновении находившихся при нем казаков, стрельцов и служилых людей.

Русские и иностранные источники одинаково описывают обстоятельства падения Чернигова. По свидетельству «Нового летописца», И.А. Татев пытался оборонять крепость, но среди гарнизона открылась измена, «и приидоша ж вси ратные люди и сво поимаше, и сами здалися к Ростриге...». Согласно Разрядным книгам черниговцы захватили и выдали самозванцу воевод князя И.А. Татева, князя П.М. Шаховского и Н.С. Воронцова-Вельяминова. Автор «Сказания о Гришке Отрепьеве» обвинил в «смуте» прежде всего «черных людей» Чернигова: «...смутисяа черные люди и персвязаша восвод...» Иезуиты, вступившие в Чернигов вместе с самозванцем, отметили, что восставшие черниговцы с ожесточением напали на восвод — кого-то ранили, кого-то повлекли в тюрьму. Среди дворян одни упорно сопротивлялись, другие тайком соглашались на сдачу. Самозванец вступил в Чернигов на другой день после его сдачи. Он выразил гнев по поводу разграбления города, но не смог или не захотел заславить солдат и казаков вернуть награбленное. Уже в Чернигове обнаружилось, сколь различным было отношение к самозванцу со стороны верхов и низов русского общества. Народ приветствовал вновь обретенного «царевича», невзирая на свои несчастья. Знатный дворянин Н.С. Воронцов-Вельяминов наотрез отказался признать Расстригу своим государем. Отрепьев приказал убить его. Казнь устрасила дворян, взятых в плен. Воеводы Татев, Шаховской и другие поспешили принести присягу ЛжеДмитрию.

Заняв Чернигов, Мнишск с самозванцем явно боялись углубляться на территорию России. Находившиеся при армии иезуиты писали 1 (11) ноября 1604 г.: «Два или три дня спус-

тя войско двинется отсюда в глубь Московии, где, как говорят, путь будет идти миль на 30 лесами к Белгороду». Верный себе Мнишек вновь решил углубиться в леса и, обходя крепости, двигаться вдоль кромки русских земель к Белгороду, где можно было ждать помощь с Дона. Однако под влиянием благоприятных вестей Мнишек вскоре изменил свои планы и выступил к Новгороду-Северскому. В авангарде его армии шли две сотни казаков во главе с Я. Бучинским. Казаки пытались завязать переговоры с городскими жителями, грозили воеводам жестокой расправой в случае неповиновения. Но в Новгороде-Северском они не добились успеха.

Оборону города возглавил энергичный воевода П.Ф. Басманов. Не успев оказать помощь Чернигову, он отступил в Новгород-Северский и в течение недели подготовил крепость к обороне. Число местных служилых людей в городе было невелико: 104 сына боярских, 103 казака, 95 стрельцов и пушкарей. Басманов привел с собой небольшой отряд. Не довольствуясь имеющимися силами, он запросил подкрепление из близлежащих крепостей. Гарнизон Новгорода-Северского был пополнен за счет 59 дворян из Брянска, 363 московских стрельцов и 237 казаков из Кром, Белева и Трубчевска.

Власти успели перебросить в крепость «даточных людей», наспех собранных крестьян из дворцовой Комарицкой волости на Брянщине. Если верить поздним Разрядным записям, в Новгород-Северский были присланы пять голов «з даточными людьми: Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угрюмов, Данило Яблочков, а с ними комаричаи по пятьсот человек». И.И. Смирнов понял приведенную запись буквально и рассчитал, что в Комарицкой волости было собрано 2500 «даточных людей». Однако имеются основания считать, что в копии Разрядной книги допущено искажение. Согласно подлинному наградиному списку Годунова, Борис Угрюмов и Данила Яблочков участвовали в обороне Новгорода-Северского, но первый числился сотником московских стрельцов, а второй — сотником белевских казаков. Андрей Бунаков в течение двух предыдущих лет служил головой в гарнизоне Рыльска, а Иван Биркин был в 1604 г. головой в Пронске.

Вполне возможно, что они прибыли на Северщину с подчиненными им ратными людьми. Один Андрей Восйков с 1603 г. числился головой в Новгороде-Северском. Не он ли был послан в Комарицкую волость за «даточными людьми»? Всего Басманов успел собрать в Новгороде-Северском до 1000 ратников и, возможно, 500 «даточных людей».

Когда казаки из армии Мнишека подступили к городу, воевода П.Ф. Басманов приказал стрелять по ним и отогнал от стен крепости. Узнав о неудаче, Мнишек два дня не решался идти вперед. Его армия стояла обозом в поле. Наконец он преодолел замешательство. 11 ноября 1604 г. войско самозванца расположилось лагерем у Новгорода-Северского. Три дня спустя солдаты предприняли попытку штурма, но потеряли 50 человек и отступили. В ночь с 17 на 18 ноября последовал генеральный штурм. Басманов имел лазутчиков во вражеском лагере и успел хорошо подготовиться к отражению нападения. Солдаты использовали «примет», чтобы поджечь деревянные стены замка, но приступ не удался.

Никогда прежде Отрепьев не нюхал пороху, и первая же неудача повергла его в уныние. Он был близок к обмороку, проклинал наемных солдат. Поражению посяло в его лагере страх и неуверенность. В войске назревал мятеж. После недолгих совещаний наемники решили немедленно отступить от города и вернуться на родину. Однако они не успели осуществить свое решение, поскольку в тот самый момент в лагере стало известно о сдаче Путивля.

Путивль был ключевым пунктом обороны Черниговской земли и единственным северским городом, располагавшим каменной крепостью. Лишь овладев Путивлем, самозванец мог добиться подчинения Северской Украины. Кто владел Путивлем — тот владел Северщиной. Отрепьев понимал это, и уже его первые военные планы, составленные в 1603 г., предусматривали занятие Путивля как первоочередную задачу. Вторгшись в Россию, Лжедмитрий не посмел напасть на Путивль, поскольку у него не было ни многочисленной армии, ни осадной артиллерии.

Падение мощной крепости поразило современников. Некоторые из них подозревали, что Путивль был сдан вследствие

измены воевод. Управляли Путивлем трое присланных из Москвы воевод — М.М. Салтыков, князь В.М. Мосальский и дьяк Б.И. Сутупов. Шведский резидент Петр Петрей записал сведения о том, что Борис Годунов поручил Мосальскому доставить в Путивль казну, а тот якобы отвез деньги в лагерь самозванца. Другой иностранный мемуарист — Исаак Масса — утверждал, что к Лжедмитрию бежал дьяк Сутупов, посланный с деньгами в Путивль. Записи Разрядного приказа позволяют уточнить картину. В Разряде, составленном не позднее лета 1604 (7112) г., против имени Б. Сутупова помечено: «Богдан послан з государевым денежным жалованьем в северские города». Итак, дьяк Сутупов прибыл в Путивль за несколько месяцев до вторжения самозванца и, следовательно, не мог по пути из Москвы захватить в его лагерь. Судя по Разрядам, В.М. Мосальский и Б.И. Сутупов прибыли к месту назначения раньше главного воеводы М.М. Салтыкова. Как значится в книгах Разрядного приказа, «в Путивль послал государь окольничево Михаила Михайловича Салтыкова, а там готовы князь Василей княж Михайлов сын Мосальской да дьяк Богдан Иванов».

Авторы русских сказаний давали разноречивые оценки поведению путивльских воевод. По словам автора «Нового летописца», «в Путивле окаянной князь Василей Рубец Масальской да дьяк Богдан Сутупов здумаша так же (как черниговцы. — Р.С.)... послаша с повинною». В «Сказании о Гришке Отрепьеве» можно прочесть, что Мосальский примкнул к изменщикам «черным людям» вместе с Сугуповым. Автор «Повести 1626 г.», напротив, считал, что Мосальский, как и Салтыков, противился мятежу и убеждал народ, что «Дмитрий» — это Гришка Отрепьев.

Письмо, написанное неизвестным поляком из-под Новгорода-Северского в дни мятежа в Путивле, не оставляет сомнения в достоверности второй версии. Поляк писал, что двое путивльских воевод (один из них сенатор и любимец Бориса) пытались противодействовать мятежу, но их связали и увезли в лагерь самозванца. Из письма следует, что только один воевода из трех примкнул к «черни» и добровольно встал на сторону Лжедмитрия. Этим воеводой был, очевидно, дьяк Сутупов, человек незнатного происхождения. Член Боярской думы М.М. Салтыков

решительно отказался присягнуть самозванцу, чем навлек на себя гнев народа. Путивляне поволокли воеводу к «царевичу» на веревке, привязанной к его бороде.

Путивль был главным торговым центром Северской Украины и имел многочисленное посадское население. Однако в путивльском восстании участвовали не только посадские люди, но и местный гарнизон. Крупнейшим воинским соединением гарнизона был приказ из 500 конных пищальников, которых называли на украинский манер самопальниками. Приказ был сформирован лет за 10 до Смуты. Власти предполагали укомплектовать приказ за счет мелкопоместных детей боярских, но им удалось организовать лишь одну дворянскую сотню. Прочие самопальники были набраны из числа местных казаков (севрюков), выходцев с Правобережной Украины (черкасы), стрельцов, пушкарей, посадских людей.

Путивльские служилые люди приняли участие в восстании, рассчитывая на то, что «прирожденный» царь облегчит их участь. Гарнизон Путивля встал на сторону восставшего народа. Верность Борису сохранили лишь московские стрельцы, присланные в город вместе с воеводами.

Самозванец узнал об аресте путивльских воевод 18 ноября 1604 г. День спустя жители города дали знать о «поймании 200 стрельцов московских». 21 ноября повстанцы выдали «царевичу» голову стрелецкого с сотниками. Приведенная запись из польского походного дневника дает основание предполагать, что посланные в Путивль московские стрельцы оказывали сопротивление восставшим в течение одного-двух дней.

Путивльские дворяне составляли малочисленную прослойку по сравнению с другими группами населения, но они были наилучшим образом вооружены и сохраняли значение ведущей политической силы. Московским воеводам, возможно, удалось бы подавить народные выступления, если бы они располагали поддержкой местных дворян. Однако имеется множество свидетельств о том, что путивльские дети боярские «всем городом» выступили на стороне «Дмитрия», и это определило исход восстания. Руководителями путивльского повстанческого лагеря стали местные дети боярские Ю. Беззубцев и С. Булгаков.

По-видимому, они сыграли выдающуюся роль в перевороте, чем и объясняется их последующая карьера.

В Путивле в восводской казне хранились крупные суммы денег; предназначенные для выплаты жалованья служилым людям. Во время восстания дьяк Богдан Сутупов уберег казну, а затем доставил ее в лагерь самозванца.

В иземной армии под Новгородом-Северским назревал мятеж. Восставшие путивляне спасли положение, снабдив самозванца деньгами. Последовав примеру черниговских воевод, В.М. Мосальский присягнул «царевичу». Довольно скоро Мосальский и Сутупов стали самыми деятельными помощниками Лжедмитрия.

Пять недель шла борьба за северские города, прежде чем восстание перебросилось из Северной Украины на смежные русские уезды. Расположенные поодаль от границы, русские города были затронуты агитацией самозванца значительно меньше, чем северские города. Тем не менее в них было много горячего материала. Из Путивля восстание перебросилось в Рыльск, Курск и далее на северо-восток. В самом начале кампании московское командование перебросило в Рыльск 300 московских стрельцов. Однако рыльский воевода А. Загряжский не сумел подавить восстание. Весть о событиях в Рыльске была получена в лагере под Новгородом-Северским 25 ноября 1604 г., а 1 декабря восставшие привели к «царевичу» пять воевод из Рыльска. В тот же день стало известно о восстании в Курске.

Летом 1604 г. Разрядный приказ назначил воеводой Курска князя Г.Б. Рошу-Долгорукого. Его помощником был голова Я. Змеев. Куряне связали воевод и доставили их к Лжедмитрию. Воеводам пришлось выбирать между милостями нового «государя» и тюрьмой, и они поспешили присоединиться к тем, кто согласился служить «вору». Прошло совсем немного времени, и Лжедмитрий назначил Г.Б. Долгорукого и Я. Змеева своими воеводами в Рыльск.

Полагают, что «уже осенью 1604 г. лозунг борьбы «за царя Дмитрия» оказался тесно связанным с призывами к истреблению бояр и дворян...». Факты не подтверждают такой вывод. В ряде северских городов дети боярские «всем городом» переходили

ли на сторону Лжедмитрия, что и определило легкость переворота. Восставший народ напал на воевод, московских стрельцов и других лиц, выступавших против «доброто» царя, но принимал их в свою среду и даже подчинялся их авторитету, коль скоро те переходили на сторону Лжедмитрия.

Источники сохранили мало данных о настроениях и действиях крестьян. Однако следует подчеркнуть один существенный момент. К осени 1604 г. деревня еще не преодолела последствий трехлетнего неурожая и голода.

В архивах Новодевичьего монастыря сохранились материалы, живо характеризующие положение крестьян в монастырских вотчинах на юге страны. Крестьяне Оболенских сел жаловались, что многие из них «пашен своих ко 112-му (1604. — Р.С.) году не сеяли, потому что хлеба на семена взяти негде». Проверка подтвердила, что пашня в Оболенских селах в 1604 г. продолжала сокращаться, что крестьяне терпят нужду: «у иного корова да кляча есть, а у иного нет, а хлебом добре нужны». Власти богатого столичного монастыря решили сложить с сел денежный оброк, чтобы «крестьяне в Оболенских селах скрепились и не разбежались». Однако казна продолжала неукоснительно взыскивать с разоренной деревни царские подати. Между тем оболенские крестьяне в своих челобитных 1604 г. жаловались на непосильные государевы поборы и повинности. Власти «правили» на них «ямским охотником подмоги хлебные и денежные», привлекали к трудовой повинности по строительству острога в Серпухове. С началом войны на деревню были возложены новые обременительные обязанности. За счет принудительных наборов среди крестьян были укомплектованы отряды «даточных людей» и многотысячная «посошная» рать, перевозившая войсковые обозы и артиллерию.

Положение на Брянщине и Орловщине мало чем отличалось от положения в Серпуховском округе, где находились Оболенские села.

Плодородные земли Северной Украины были затронуты неурожаем и голодом в меньшей мере. Но именно поэтому казна отказывала местным крестьянам в каких бы то ни было податных льготах, стремясь компенсировать огромные непоимки в других

уездах. Из-за осенней распутицы власти не имели возможности своевременно набрать «даточных» и «посошных» людей в отдаленных уездах государства, и поэтому тяжесть этой повинности испытали на себе прежде всего крестьяне юго-западных районов, ближе всего расположенных к театру военных действий.

Первой крестьянской волостью, примкнувшей к восстанию в пользу Лжедмитрия, явилась обширная Комарицкая волость на Брянщине. 25 ноября (5 декабря) 1604 г. автор подежной записки похода самозванца пометил в своем дневнике: «...из Комарицкой волости люди присхали с объявлением о подданстве и двух воевод привели». Борьба в волости продолжалась по крайней мере пять дней. 1 (11) декабря в дневнике появилась запись о том, что комаричи привели еще двух воевод «из Комарицкой волости».

Объясняя причины бунта в Комарицкой волости, историки высказали предположение, что еще при царе Федоре эта волость была передана во владение Борису Годунову, а тот олицетворял собой и боярина-феодала, и главу крепостнического государства. Однако документы не оставляют сомнения в том, что при царе Борисе Комарицкая волость была дворцовой. Дворцовые крестьяне находились в лучшем положении, нежели закрепощенные частновладельческие крестьяне. По словам Исаака Массы, Комарицкая волость была населена богатыми мужиками. Русские источники подтверждают это известие. Трехлетний неурожай сказался на положении и этой богатой волости, но все же комаричи не испытали тех бедствий, которые выпали надолу населения многих других районов, массово умиравшего от голода.

Для управления обширной дворцовой волостью власти еще в 1603 г. направили к комаричам голову: «во Брянском уезде в Комарицкой волости голова Иван Нарматцкой». Боярские списки подтверждают его назначение. Нарматцкий ранее служил дьяком в приказе, а потому имел опыт, необходимый дворцовому приказчику.

Невзирая на неурожай, комаричи должны были вылатить Казне и Дворцу подати и оброки. Еще более тяжелыми оказались натуральные повинности. Когда И. Нарматцкий обязал во-

лостных людей выставить для войны с «Дмитрием» 500 человек «даточных людей», негодование крестьян достигло предела. Какой бы обширной ни была Комарицкая волость, там не могло быть четырех воевод. Очевидно, автор польского походного дневника именует «воеводами» приказных людей детей боярских, захваченных в Комарицкой и в соседних волостях.

Характерно, что в 1603 г. одновременно с посылкой И. Нармацкого в Комарицкую волость власти назначили сына боярского У.А. Матова в Сомовскую волость, располагавшуюся на Орловщине, в 30 верстах от Карачева. Осенью 1604 г. воевода А.Р. Плещеев получил приказ спешно идти в Карачев и в Комарицкую волость. С ним были несколько десятков жильцов, «да конюхи, да псари». Необычный состав отряда позволяет высказать предположение, что Плещеев возглавлял карательные силы, предназначенные для подавления мятежа в карачевских и брянских волостях. Сомовская волость находилась в 40 верстах к северу от Комарицкой.

3 декабря 1604 г. в лагере Лжедмитрия стало известно, что «волость Кромы поддалась». Службу в Кромах несли в 1603—1604 гг. осадный голова Иван Матов и городовые приказчики Осип Виденьев и Иван Грудинов. Власти не ждали нападения на Кромы и ослабили и без того малочисленный гарнизон. Дело дошло до того, что Матову пришлось отослать в действующую армию четырех своих конных боевых слуг. Согласно польскому походному дневнику, на сторону «Дмитрия» перешла «волость Кромы». Иначе говоря, восстание в небольшой крепости было поддержано населением сельской округи.

Уцелевший фрагмент разрядных документов, посвященный военным действиям в районе Кром и Орла, показывает, какую роль играло сельское население в распространении восстания от уезда к уезду. В конце 1604 г. власти города Орла донесли в Москву, что пришли «на орловские места войною Околенские волости мужики и кромчане».

Кромы располагались к югу от Орла, на дороге Курск — Орел. Околенки — центр Околенской волости — находились к западу от Орла, на расстоянии 42 верст от Карачева. Через Околенки проходила прямая дорога из Орла на Карачев. Восста-

ние в Околенской волости создаю угрозу для Карачева. На помощь местному гарнизону был послан отряд правительственных войск: «В Карачев послан Алексей Романов сын Плещеев, а с ним посланы жильцы, да конюхи, да псаря».

Восставшие «мужики» из Околенской волости действовали очень энергично. Они объединились с отрядами из Кромской волости и попытались поднять против царя Бориса население Орла. Если бы кромчанам удалось «смугить» Орел, это открыло бы восставшим прямой путь на Москву. Оценив опасность, командование перебросило в Орел голов Г. Микулина и И. Михнева с дворянскими сотнями. Из-за недостатка сил в Орле были вызваны дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещовска, несшие годовую службу в Белгороде.

Царь Борис доверял Г. Микулину и в 1600 г. направлял его послом в Лондон. Микулин не допустил восстания в Орле, поскольку имел возможность опереться на сильные дворянские отряды. Высланная из города дворянская сотня наголову разгромила «мужиков» и отбросила их от Орла.

Несмотря на неудачу повстанцев под Орлом, восстание на Брянщине и Орловщине существенно изменило ситуацию на театре военных действий. Теперь самозванец имел обеспеченный тыл и возможность пополнить свои ресурсы.

Вести об успехах «истинного» царя проникли в осажденный Новгород-Северский и посеяли там семена смуты. Воеводе П. Ф. Басманову с трудом удалось справиться с кризисом.

После отступления Лжедмитрия власти щедро наградили всех участников обороны крепости. Не были забыты ни стрелецкие дети, ни бортники, ни монахи, ни слепой старец, ходивший лазутчиком в «воровской» стан, однако среди награжденных не было посадских людей и «даточных» — комаричей. С. Ф. Платонов склонен был объяснить этот факт отсутствием сколько-нибудь значительного посада в Новгороде-Северском. Однако с таким объяснением трудно согласиться. Современники отмечали, что Басманов, прибыв в город, приказал сечь примыкавший к крепости посад, а жителей загнал в острог. Запись дневника участника осады дает ключ к отмеченному С. Ф. Платоновым парадоксу. 28 ноября (8 декабря) 1604 г., записал автор поденной

записки, «передалось Москвы из замка 80». Как видно, среди населения Новгорода-Северского произошли волнения. Сторонники «царевича» пытались поднять мятеж, но потерпели неудачу и бежали из крепости.

Начиная с 1 декабря 1604 г. осаждавшие стали обстреливать Новгород-Северский из тяжелых орудий, привезенных из Путивля. Каноада не прескащалаь ни днем, ни ночью. Гарнизон нес большие потери. После недельного обстрела враги «разбиша град до обвалу земного».

Чтобы выиграть время, П. Ф. Басманов начал переговоры с Лжедмитрием и просил о предоставлении ему двухнедельного перемирия, будто бы необходимого для принятия решения о сдаче крепости. Мнишек и самозванец согласились на просьбу воеводы. Басманов использовал перемирие, чтобы получить подкрепления из городов, сохранивших верность Годунову. Отряд правительственных войск, действовавших неподалеку от Новгорода-Северского, предпринял успешную попытку прорваться в осажденную крепость. 14 (24) декабря, отметил автор польского походного дневника, «москвы 100 вошло в замок». Автор дневника называл «московью» всех русских ратников — и местных, и присланных из Москвы.

Не располагая крупными силами, московское командование было вынуждено посылать против Лжедмитрия и его сторонников разрозненные отряды. Вслед за П. Ф. Басмановым «в Северу» выступил воевода М. Б. Шсин. В Орел на помощь тамошним головам прибыл воевода Ф. И. Шереметев, вскоре переброшенный под Кромь. По словам Я. Запорского, осада Кром продолжалась в общей сложности 23 недели, иначе говоря, она началась в первых числах декабря 1604 г. В роспись главной армии 1604 г. дьяки включили списки, озаглавленные «Да в большом же полку з бояры и воеводами жильцов и дворян выборных из городов, которые были с воеводою с Федором Шереметевым...». Поименованные дворяне из отряда Шереметева не были учтены в итоговых цифрах росписи, составленной к концу ноября 1604 г. Это значит, что список шереметевских дворян был включен в общую роспись в декабре, во всяком случае, до 21 декабря, поскольку некоторые из этих дворян участвовали в неудачной

битве под Новгородом-Северским. Воевода Ф.И. Шереметев лишился даже собственной вооруженной свиты: еще до выступления в поход 60 его боевых холопов были отряжены в главную армию. Не располагая достаточными силами, Шереметев был вынужден прервать на время осаду Кром.

Борис Годунов объявил о мобилизации всего дворянского ополчения после того, как узнал о первых успехах самозванца. Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель. Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затруднила мобилизацию.

В октябре 1604 г. Разрядный приказ составил две росписи. Согласно первой князь Д.И. Шуйский с тремя полками должен был выступить к Чернигову, согласно второй — к Брянску. Однако даже армию из трех полков удалось укомплектовать лишь в ноябре. Д.И. Шуйский начал поход «на Северу» только 12 ноября, «на Дмитриев день». Участник похода Конрад Буссов называет ту же дату. По его словам, Борис сурово наказал тех, кто уклонился от службы: некоторых доставили к месту службы под стражей, у других отписали поместья, третьих наказали батогами. Дворяне собрались в Москве ко дню св. Мартина, т.е. к 12 ноября. В Брянске армия сделала длительную остановку, ожидая пополнений. Туда прибыл главнокомандующий князь Ф.И. Мстиславский. Собранная в Брянске армия была разделена на пять полков.

Анализируя первые распоряжения Годунова, С.Ф. Платонов сделал вывод, что его ошибки весьма способствовали успеху самозванца. Опасаясь вторжения войск самозванца со стороны Орши, царь назначил сборным пунктом для главной армии Брянск, одинаково близкий к Смоленску и к Орше, вследствие чего воеводы потеряли много времени. По-видимому, это не совсем верно. Брянск был выбран местом сосредоточения по той простой причине, что через этот город проходила большая дорога, издавна связывавшая Москву с Северной землей.

Несмотря на все старания Разрядного приказа, главные силы русской армии смогли войти в соприкосновение с войском

Мнишекалишь через два месяца после начала гражданской войны. Царские воеводы действовали вяло и нерешительно. Они прибыли в окрестности осажденного Новгорода-Северского 18 декабря 1604 г. и провели три дня в полном бездействии. 20 декабря войска выстроились друг против друга в поле, но дело ограничилось мелкими стычками. Самозванец старался оттянуть битву переговорами, и это ему отчасти удалось. Мстиславский ждал подкреплений и не спешил с битвой.

В архивах сохранилась Разрядная роспись полков Ф.И. Мстиславского с точными данными о численности царской армии. В росписи имеются пометы о гибели дворян, убитых в сражении с войсками самозванца. По мнению издателей росписи, эти пометы относились к битве под Добрыничами 21 января 1605 г. Но скорее всего их следует отнести к битве под Новгородом-Северским в декабре 1604 г., поскольку разгром и бегство армии самозванца в битве под Добрыничами исключали возможность пленения годуновских дворян. После 21 декабря 1604 г. роспись, по-видимому, не пополнялась новыми данными. Именно поэтому в нее не попали сведения о прибытии в армию в январе 1605 г. значительных подкреплений из Москвы во главе с боярином князем В.И. Шуйским, занявшим пост второго воеводы.

Боевой состав царской армии, по росписи, составлял 25 336 человек. Яков Маржарет считал, что у Мстиславского было до 40 000—50 000 человек. Видимо, в это число входили боевые холопы, «посошные люди» при обозе и пр.

По данным А. Гиршберга, армия самозванца насчитывала 38 000 человек. Указанная цифра лишена достоверности. Без сомнения, войско Мнишека в количественном отношении сильно уступало армии Мстиславского. Самозванец оказался в трудном положении, имея в тылу осажденную крепость, а перед фронтом — превосходящие силы неприятеля. Нажануне битвы Басманов велел палить из всех пушек и делал частые вылазки, вследствие чего Мнишек отрядил против крепости часть ~~мазац~~ мазацкого войска.

Между тем Мстиславский не сумел использовать всех выгод своего положения. Мнишек перехватил инициативу. 21 декабря

1604 г. польские гусарские роты стремительно атаковали правый фланг армии Мстиславского. Полк правой руки, не получив помощи от других полков, в беспорядке отступил, увлекая за собой соседние отряды. Среди общего смятения одна из гусарских рот, следуя за отступавшими русскими, повернула вправо и неожиданно оказалась позади расположения большого полка, подде ставки Мстиславского. Там стоял большой золотой стяг, укрепленный на нескольких повозках. Гусары подрубили древко и захватили стяг. Они сбили с коня Мстиславского и нанесли ему несколько ударов в голову. Безрассудно храбрый налет не мог дать больших результатов. Подоспели стрельцы. Те из гусар, кто успел вовремя поворотить коня, спаслись. Прочие же, вместе с капитаном Домарацким, попали в плен.

Царские воеводы имели возможность использовать свое численное превосходство, но они так и не ввели в дело главные силы. Ранение главнокомандующего вызвало растерянность. В.В. Голицын, А.А. Телятевский и другие воеводы поспешили отвести свои полки и полностью очистили поле боя.

Самозванец мог праздновать победу. По утверждению его соратников, поляки потеряли убитыми около 120 человек, тогда как русских полегло до 4 тысяч. Данные о русских потерях были сильно преувеличены. Кроме того, надо иметь в виду, что поляки считали всех убитых русских вместе — и государевых ратников, и «воровских» людей. Хоронили их без разбору в трех больших могилах. Опытный солдат Яков Маржарет, участвовавший в битве, отмегил, что обе армии после двух-трехчасовой стычки разошлись без особых потерь. Его слова подтверждаются малочисленными пометами об убитых дворянах в упомянутой выше росписи русской армии.

Успех Мнишека носил частный, преходящий характер. Общее положение на театре военных действий не изменилось. Мнишеку предстояло продолжить утомительную и бесплодную осаду Новгорода-Северского и ждать нового натиска многочисленной царской рати.

Самым неотложным для самозванца вопросом было безденежье. Одержав верх над Мстиславским, наемники немедленно потребовали у «царевича» плату. Казна, привезенная из Путив-

ля, была почти вся истрачена. Но «рыцарство» не желало слышать ни о каких отсрочках. Чтобы успокоить недовольных, Лжедмитрий тайно раздал деньги роте, заслужившей его особую милость. Об этом немедленно узнали другие роты. 1 января 1605 г. в лагере вспыхнул открытый мятеж. Наемники бросились грабить обозы. Они хватали все, что попадало им под руки. — запасы продовольствия, снаряжение, всякого рода скарб. Мнишек пытался прекратить грабеж, но добился немногого. Следующей ночью мятеж возобновился с новой силой. Тщетно самозванец ездил между солдатских палаток, падал на колени перед рыцарством и умолял не оставлять его. Наемники вырвали у него знамя, а под конец сорвали с него соболью ферязь. Отрепьева осыпали площадной бранью. Кто-то крикнул ему вдогонку: «Ей-ей, быть тебе на колу!»

Наемная армия стала распадаться. Большая часть солдат, по словам очевидцев, покинула лагерь и 2 января 1605 г. отправилась к границе. В тот же день самозванец сжег лагерь и отступил из-под Новгорода-Северского по направлению к Путивлю. Мнишек, еще недавно уговаривавший солдат остаться на «царской» службе, внезапно сам объявил об отъезде из армии. 4 января главнокомандующий и его люди «разъехались с его милостию царевичем». Престарелый магнат не желал более испытывать судьбу. Его отъезд в Польшу придавал новое направление самозванческой интриге. До поры до времени Отрепьев оставался не более чем куклой в руках польских покровителей. Теперь интрига стала ускользать из-под контроля Мнишека и тех, кто стоял за его спиной.

Отъезд Мнишека был связан не только с распадом собранной им наемной армии. В чисто военном отношении прибывшее сильное запорожское войско вполне компенсировало потерю наемников. Мнишека не устраивало другое. Его пугало то, что «царевича» поддерживали простонародье и мелкие служилые люди. Надежды на восстание недовольных Годуновым бояре не оправдались. Главные московские бояре прислали в лагерь под Новгород-Северский грамоты, адресованные лично Мнишеку и полные угроз. Королевский сенатор чувствовал себя неуютно среди восставшей русской черни. Он утратил надежду

склонить на сторону «Царевича» начальных бояр. Посольский приказ так прокомментировал отъезд гетмана из «воровского» войска: «Отошел воевода сеидомирский оттого вора собою после того, как ему был бой с бояры, а отходил для помочи тому вору, а не за королевским повелением, и староста остринский Михаил Ратомской, и Тышкевич, и ротмистры остались».

При отъезде Мнишек уверял нарщенного зятя, что на сейме, на котором ему надлежит быть, он будет защищать дело «царевича», пришлет ему подкрепления и пр. Вместе с гетманом Юрием Мнишекком, его главным полковником Адамом Жулицким, ротмистрами Станиславом Мнишекком и Фредрой за рубеж ушли около 800 солдат. Лжедмитрию удалось удержать при себе пана Тышкевича, Михаила Ратомского и некоторых ротмистров. Немалую помощь ему оказали иезуиты, находившиеся в войске. На развилке дорог они последовали не за Мнишекком, а за «царевичем». Их пример подействовал на многих колеблющихся солдат. Благодаря помощи ротмистров и капелланов Отрепьев удержал при себе от 1500 до 2000 солдат.

С отъездом Мнишека в окружении Лжедмитрия возобладали сторонники решительных действий. Покинув лагерь под Новгородом-Северским, самозванец мог затвориться в каменной крепости Путивля или уйти в Чернигов, поближе к польской границе. Вместо этого он двинулся в глубь России.

В начале января 1605 г. Лжедмитрий беспрепятственно занял Севск, располагавшийся в центре Комарицкой волости. Восставшая волость предоставила войску самозванца не только теплые квартиры, продовольствие и фураж, но и воинские контингенты. По словам Якова Маржарета, под Севском он «набрал доброе число крестьян, которые приучались к оружию». Данные о потерях в битве под Добрыничами показывают, что повстанческая армия достигла наибольшей численности как раз во время пребывания Лжедмитрия в Комарицкой волости. В ее составе было по крайней мере 4000 запорожцев, несколько сот донских казаков. Еще более многочисленными были повстанческие отряды, сформированные из мужиков и жителей восставших городов.

Армия Лжедмитрия была вновь готова к бою. По своему облику она заметно отличалась от армии Мнишека. Впервые в ее состав вошло значительное число крестьян. Однако руководили воинством самозванца те же силы, что и прежде. Наемные роты возглавляли польские шляхтичи. Отряды детей боярских из Путивля и других северских городов имели своих предводителей.

После неудачного столкновения под Новгородом-Северским царь Борис не только не объявил опалу Мстиславскому, но, напротив, пожаловал князя — «велел о здравии спросить» и прислал придворного врача для его излечения. В особом послании Годунов поблагодарил боярина за то, что тот, помня Бога и присягу, пролил свою кровь. Борис оказал честь всем ратным людям, участвовавшим в битве, повелев здравствовать их.

Прошел месяц, прежде чем Мстиславский оправился от ран. Разрядный приказ использовал затянувшуюся паузу для того, чтобы пополнить таявшую армию свежими силами. В январе 1605 г. на помощь Мстиславскому прибыл князь Васнлий Шуйский с царскими стольниками, стряпчими и «большими» московскими дворянами. Первостатейная столичная знать должна была разделить с уездным дворянством тяготы зимней походной службы. 20 января Мстиславский разбил свой лагерь в большом комарицком селе Добрыничи, неподалеку от Чемлыжского острожка, где находилась ставка Лжедмитрия.

Узнав о появлении царской рати, самозванец созвал военный совет. Наемные командиры предлагали не спешить с битвой, а начать переговоры с боярами. Но в повстанческой армии их голос уже не имел прежнего значения. Ротмистр С. Борша записал, что «царевич» перед битвой долго советовался, в особенности же с казаками, «потому что в них полагал всю надежду». Атаманы высказались за то, чтобы немедленно атаковать воевод, не вступая с ними ни в какие переговоры.

Повстанцы вели войну своими способами. С наступлением ночи комарицкие мужики только им известными тропами провели ратников Лжедмитрия к селу Добрыничи. Восставшие намеревались поджечь село с разных сторон и вызвать панику в царских полках накануне решающей битвы. Однако стража обнаружила их на подступах к селу.

Рано утром 21 января 1605 г. армии сблизились и завязался бой. Гетман Дворжецкий решил в точности повторить маневр, который обеспечил успех самозванцу под Новгородом-Северским. Гусары должны были опрокинуть правый фланг русских, а пехота, оставленная в тылу, довершить победу. Перед запорожской конницей стояла задача сковать силы русских в центре. Пешие казаки прикрывали пушки, стоявшие позади фронта.

Следя за передвижениями противника, Мстиславский выдвинул вперед полк правой руки во главе с Шуйским, а также отряды Маржарета и Розена, составленные из служилых иноземцев. Гетман Дворжецкий немедленно атаковал Шуйского, собрав воедино свою немногочисленную конницу. В атаке участвовало около 10 конных отрядов: 200 гусар, 7 рот конных копейщиков, отряд шляхты из Белоруссии и отряд русских всадников. Не выдержав яростной атаки, Шуйский дрогнул и стал отступать. Расчистив себе путь, конница Дворжецкого повернула к селу, на окраине которого стояла русская пехота с пушками. Тут она была встречена мощными орудийными и ружейными залпами и повернула назад. Отступление завершилось паническим бегством.

Взаимная ненависть и недоверие шляхты и вольных запорожцев раздирали армию самозванца изнутри. Ротмистры утверждали, что виновниками катастрофы были запорожцы. Когда ветер принес со стороны русского лагеря клубы дыма, писал С. Борша, запорожцы будто бы испугались и кинулись бежать, а гусары бросились вслед, убеждая их вернуться. По словам Г. Лазерле, казаки изменили и побежали, потому что были подкуплены Борисом, что открылось уже после битвы. Сам Лжедмитрий, пытаясь скрыть от своих покровителей личное участие в неудачной битве, в письме Рангони от 8 (18) апреля 1605 г. утверждал, будто недавно узнал о причинах прискорбного бегства к крепости Севск (в Комарицкой волости) третьей экспедиции под командованием стольника И. Папроцкого, которое «произошло из-за того, что запорожская пехота без всякой причины оставила поле боя... и бежала в смятении».

На самом деле в поражении повинны были не казаки. Свидетельство участника боя Маржарета позволяет точно опреде-

лить, кто первым побежал с поля битвы. Запп из 10—12 тысяч ружейных стволов, писал Маржарет, поверг атакующую польскую конницу в ужас, и она в полном смятении обратилась в бегство. Участники атаки единодушно утверждали, что пальба сама по себе причинила немного вреда нападавшим: было убито менее десятка всадников. Однако поляки хорошо помнили, чем кончилась безрассудно лихая атака капитана Домарацкого под Новгородом-Северским. На поддержку запорожцев они не рассчитывали, не доверяя им. Пословам Маржарета, оставшиеся у самозванца конница и пехота пытались поддержать атаку гусар и средним проворством двинулись им на помощь, думая, что дело выиграно. Однако, столкнувшись с отступавшими в полном беспорядке гусарами, казаки повернули вспять.

Вопреки утверждению самозванца, именно казаки предотвратили полное истребление его войска. Преследуя гусар, русские натолкнулись на батарею, которую прикрывала пехота. По признанию Борши, казаки, оставленные при орудиях, хорошо держались против русских. Брошенные на произвол судьбы, они почти все погибли на поле боя.

Самозванец потерял почти всю свою пехоту. Конница понесла меньшие потери, чем отряды казаков и мужиков. Поляки исчисляли свои потери 3 тыс. человек. Маржарет считал, что у противника было 5—6 тыс. убитых. В официальных отчетах воевод фигурировала еще большая цифра. Согласно Разрядной записи, на поле боя было найдено и предано земле 11,5 тыс. трупов. Большинство из них (7 тыс.) составляли «черкасы» (украинцы). В руки победителей попали 15 знамен и штандартов и вся артиллерия — 30 пушек.

Дмитрий возглавлял атаку гусар вместе со своим гетманом Дворжецким. Первая и последняя в его жизни атака закончилась позорным бегством. Во время отступления под ним была ранена лошадь, и он чудом избежал плена. Самозванец сначала укрылся на Чемлыже, а затем тайно покинул лагерь и ускакал в Рыльск. Запорожцы, узнав о его бегстве, пустились по его следам, «но под стенами Рыльска их встретили ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича». Некоторые русские источники подтверждают польскую

версию о том, что залорощы хотели расправиться с самозванцем и отомстить за своих погибших товарищей.

Дворянские полки устроили повстанцам кровавую бойню на поле боя. Но этим дело не ограничилось. В руки воевод попало множество пленных. Их разделили на две неравные части. Полякам была дарована жизнь, и их вскоре увезли в Москву. Всеж прочих пленных — детей боярских, стрельцов, казаков, комарицей — повесили посреди лагеря.

Воеводы не удовлетвоались казнью «воров», захваченных с оружием в руках. Как поведал Буссов, царские дворяне, заняв Комарицкую волость, «стапи чинить над бедными крестьянами, присягнувшими Дмитрию, ужасающую беспощадную расправу». По словам того же автора, экзекуции подверглось несколько тысяч крестьян, их жен и детей. Несчастных вешали за ноги на ветвях деревьев, а затем «стреляли в них из луков и пищалей, так что на это было прискорбно и жалостно смотреть».

Конрад Буссов возлагает ответственность за казни на русских вообще и ничего не пишет о приказе, исходившем от Годунова. Исаак Масса, будучи обличителем Бориса, обвиняет в кровопролитии именно его. По словам Массы, Годунов призвал к себе касимовского царя Симеона Бекбулатовича и велел ему истребить Комарицкую волость. Степень достоверности его рассказа, однако, невелика. Полуслепой Симеон жил в своем тверском селе и не участвовал в войне с самозванцем. Масса записал слухи, циркулировавшие в Москве. Достоверным в них было, по-видимому, лишь указание на участие в экзекуциях отрядов из Касимова. Согласно Разрядной росписи, в полку Мстиславского находилось «татар касимовских, царевадвора Исеитова полку старых и «новичков» 450 человек». После разгрома Лжедмитрия воеводы отдали им на разграбление мятежную крестьянскую волость.

Слухи о погроме в Комарицкой волости распространились по всей России. Автор «Иного сказания» записал, что царь приказал опустошить Комарицкую волость и в ярости убивал «не токмо мужей, но и жен и безлюбивых младенцев, ссуших млека, и поби от человек до скота». Волость была разграблена: «И

имения их расхищены быша и домы до конца разорены быша и огнем пожжены быша, вся в прах преврати».

То был первый случай в истории Смуты, когда мужики подняли оружие против властей, пренебрегли присягой московскому царю, взяли под стражу его воевод и приказных людей. **Власти проявили неслыханную жестокость при подавлении мужицкого бунта.**

Мятеж на Брянщине можно считать первым массовым бунтом крестьян в Смутное время. Он охватил не одну, а несколько волостей. Но вопреки мнению авторитетных исследователей, то не была вспышка крестьянской войны, точно так же как поход самозванца не был формой интервенции «польских феодалов». **Польское вмешательство послужило внешним толчком к гражданской войне в России. Королевская армия в войне не участвовала.**

Даже на первом этапе, в особенности после отъезда Мнишека в Польшу, силы вторжения играли ограниченную роль. После поражения под Севском остатки иноземных наемных отрядов бежали за пределы России.

Разгром Комарицкой волости и прекращение внешнего вмешательства неизбежно сказались на дальнейшей истории Смуты. **Единодушие московских дворян, выступивших против иноземного вторжения, пришел конец.**

Мятеж в южных крепостях

Воеводы Мстиславский и Шуйский одержали победу над самозванцем, но не осмелились преследовать его армию и довершить ее уничтожение. Иезуиты Чижевский и Лавицкий, находившиеся в лагере Лжедмитрия под Севском, записали в своем дневнике: «Враг мог гнаться за нами, догнать, перебить и сжечь лагерь, но он остановился от нас, не дойдя мили, и не решился воспользоваться своей удачей». Причиной медлительности явилось не предательство, а, скорее, бездарность бояр. **Князь Мстиславский, хнязя Василий и Дмитрий Шуйские бы-**

ли представителями самых родовитых семей, но они не обладали никакими воинскими доблестями.

Воеводы могли двинуться к границе, чтобы изгнать самозванца из пределов страны. Но, оставаясь под впечатлением одержанной победы, бояре считали, что самозванцу не удастся собрать новое войско и что война практически закончена.

Мстиславский прибыл в окрестности Рыльска на другой день после бегства отсюда Отрепьева. Лишившись армии, Лжедмитрий не мог укрепить гарнизон Рыльска сколько-нибудь значительными силами. Покидая город, он поручил его оборону местному воеводе князю Г. Б. Долгорукому. В распоряжении Долгорукого было несколько казачьих и стрелецких сотен. Имея несколько десятков тысяч человек, бояре рассчитывали быстро покончить с сопротивлением Рыльска. Но они ошиблись. В обороне города участвовало все население Рыльска. Горожане знали, что им нечего ждать пощады, и сражались с исключительной стойкостью. На все предложения о сдаче они отвечали, что стоят «за прирожденного государя». В течение двух недель царские воеводы бомбардировали город, пытаясь поджечь деревянные стены крепости. Однако выстрелы пушек с городских стен не позволили им придвинуться вплотную к городу. Общий штурм крепости не удался, и на другой день после приступа Мстиславский снялся с лагеря и отступил к Севску.

После того как воеводы покинули окрестности Рыльска, жители города произвели вылазку и разгромили русский арьергард, который должен был оставить лагерь в последнюю очередь. В их руки попало немало имущества, которое воеводы не успели вывезти из лагеря. Самозванец поспешил распустить слух о том, что Мстиславский понес серьезное поражение, потеряв до 1000 убитыми и 200 пленными.

Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей. Трудности усугублялись тем, что армии приходилось действовать в местности, охваченной восстанием, среди враждебно настроенного населения. Находясь в окрестностях Рыльска, армия не имела надежных коммуникаций. Она оказалась в полукольце крепостей, занятых неприятелем. Сторонники Лжедмитрия удерживали в

своих ружьях на севере — Кромы, на юге — Пугивль, на западе — Чернигов. Они отбивали обозы с продовольствием, чинили помехи заготовке провианта и фуража.

После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая «отпуска» у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям. В таких условиях главные воеводы — Мстиславский, Шуйские и Голицын — приняли решение вывести армию из восставшей местности и распустить ратных людей на отдых до новой летней кампании.

Отступление воевод от Рыльска вызвало гнев царя Бориса. Не теряя времени, царь направил в полки окольного П.Н. Шереметева и главного дьяка А. Власьева с наказом сделать выговор воеводам: «...ленить и роспрашивать, для чего от Рыльска отошли». Годунов строжайше запретил боярам распускать ратных людей, что вызвало открытый ропот в армии.

Царские воеводы разгромили плохо вооруженную армию Лжедмитрия в открытом полевым сражении. Но все их попытки занять восставшие крепости неизменно терпели неудачу. То, что произошло под Рыльском, повторилось под Кромами.

В мирное время гарнизон Кром не превышал нескольких сотен ратных людей. В первые недели войны власти отозвали сотню кромских казаков для обороны Новгорода-Северского. К моменту восстания в Кромах было совсем немного ратных людей.

После нападения повстанцев из Кром на Орел московское командование решило направить туда воеводу Ф.И. Шереметева с отдельным корпусом. Однако Шереметев не смог своевременно ввести в дело свой отряд. Назревало столкновение под Новгородом-Северским, и Разрядный приказ, отобрав у Шереметева часть подчиненных ему сил, передал их Мстиславскому.

В Кромах засел видный дворянин Григорий Акинфиев. Подобно рыльскому воеводе Долгорукому, он успел доказать преданность самозванцу. Силы кромского гарнизона были невелики, пока на помощь ему не прибыли донские казаки. Если верить Конраду Буссову, атаман Корела с 400—500 донскими казаками отступил под Кромы после битвы под Добрыничами

(21 декабря 1604 г.). Приведенное известие вызывает сомнение. После поражения Лжедмитрий намеревался бежать в Польшу, считая свое дело проигранным. В такой ситуации Корела едва ли стал бы искать убежища в крепости, располагавшейся вдали от границы. Кромы могли легко превратиться для него в мышеловку. Поданным Исаака Массы, Кореле пришлось пробиваться в Кромы через осадный лагерь царских воевод. По-видимому, Лжедмитрий направил казаков в Кромы сразу после перехода из-под Новгорода-Северского в Комарицкую волость.

Кромы превратились в форпост повстанческих сил задолго до битвы под Добрыничами. Правительственные войска осадили эту крепость в течение многих недель, теряя людей. В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию. Отряду Ф.И. Шереметева были приданы две мортиры — «верховые пищали» и пушка «Лев Слободской». Из Мценска на помощь Шереметеву прибыл воевода князь И.Г. Шербатый. В феврале Ф.И. Мстиславский направил под Кромы стольника В.И. Бутурлина с сотнями из всех полков. Однако подкрепления оказались недостаточными. В ходе длительной осады отряд Шереметева понес большие потери, и его положение стало критическим. В таких условиях московское командование направило к Кромам армию Мстиславского.

Отвод главной армии из-под Рыльска к Кромам был связан не столько с поражением отряда Шереметева, сколько с неблагоприятным положением, постепенно складывавшимся на южной окраине государства. На начальном этапе гражданской войны главным очагом повстанческого движения стали Северская Украина и прилегающие к ней брянские земли. С юго-запада восстание распространилось не на центральные уезды, где основную массу населения составляли помещичьи крепостные крестьяне и многочисленный посадский люд, а на южные степные уезды с незначительным крестьянским и посадским населением.

Политика освоения «дикого поля» принесла к началу XVII в. свои плоды. С основанием крепостей Воронеж, Ливны (1585—1586), Елец (1592), Белгород, Оскол, Валуйки (1593) и Царев-Борисов

(1599) границы государства были отодвинуты далеко на юг. Началось заселение крестьянами района старых засечных линий. Однако в районе новопостроенных крепостей крестьянские поселения отсутствовали, и их место занимали редкие заимки вольных казаков. После основания Царева-Борисова царские писцы провели первую перепись казацких «юртов» на Осколе и Северском Донце и ввели в обязанность станичникам несение сторожевой службы. Вольные казаки не примирились с новыми для них порядками. Брожение в их среде подготовило почву для восстания на южных окраинах.

Южные города отличались от северских по составу своего населения. Лишь Воронеж имел более или менее значительное посадское население. Небольшие посады были в Ельце и Белгороде. Прочие южные крепости были типичными военными городками с крупными гарнизонами и с малочисленным городским населением. В степных гарнизонах, наспех сформированных в конце XVI в., преобладали стрельцы и казаки. Через год после основания Ельца в его гарнизоне числилось 150 детей боярских, 200 стрельцов и 600 казаков.

Стрелецкие и казацкие контингенты набирались из низших сословий. По указу 1592 г. елецкие воеводы получили разрешение вербовать на службу помещичьих крестьян (если те могли оставить замену на своем пашенном наделе), вольных людей с посадов, вольных казаков, казачьих и стрелецких детей. Помещики южных уездов завалили жалобами Москву. Тогда власти уточнили предыдущий указ и предписали воеводам брать на службу «из вольных людей». Эти люди, недавно поступившие на государственную службу, приняли самое активное участие в мятеже на южных окраинах.

Из-за нехватки ратных людей в южных крепостях Разрядный приказ периодически посылал туда стрельцов из других городов. Они несли службу с весны до осени, после чего возвращались домой. Такие посылки надолго отрывали стрельцов от их промыслов и семей, вследствие чего в их среде неизбежно возникало недовольство.

Не только провинциальные, но и столичный гарнизон должен был периодически направлять контингенты для службы в

пограничных крепостях. Один из столичных стрелецких приказов (около 500 человек) нес службу в Цареве-Борисове.

Московские стрельцы жили отдельными слободами, держали торг и промыслы. Они пользовались значительно большими привилегиями, нежели городовые стрельцы. Неудивительно, что посылку в глубь с «дикого поля», во вновь построенную крепость, они рассматривали как наказание. Негодование стрельцов на Бориса усилилось, когда власти вынуждены были задерживать их в Цареве-Борисове на неопределенное время. Появившийся в Северной земле «прирожденный государь» должен был помочь им вернуться к своим семьям и промыслам, брошенным в столице. Дворовые стрельцы, служившие Годунову верой и правдой в Москве, примкнули к мятежу в надежде вернуть себе утраченные привилегии.

Сколь бы многочисленными ни были контингенты стрельцов и казаков в степных крепостях, ядро их гарнизонов составляли дворянские отряды. По данным, относящимся к первому десятилетию после Смуты, 627 детей боярских несли службу в Ельце, 431 — в Ливнах, 221 — в Воронеже, 164 — в Белгороде, 155 — в Осколе. Значительное число детей боярских служило в Цареве-Борисове, располагавшем одним из самых крупных гарнизонов.

Правительство пыталось форсировать развитие поместной системы в южных уездах, но дворяне неохотно переселялись в степи. Власти проводили наборы и отправляли «на житье» в южные уезды детей боярских из мелкопоместных семей: «от отцов — детей, от братии — братьев, от дядей — племянников».

Условия службы в степных крепостях были исключительно тяжелыми, и присланные туда служилые люди покидали гарнизоны при первой возможности, не получая «отпуска» у воевод. Разрядный приказ пытался пресечь их побег с помощью строгих наказаний. В 1595 г. в Ливны было прислано следующее предписание: «А которые дети боярские и казаки, не дождавса перемены, с поля збежат, и вы б тех воров велели искать и, бив их кнутъем, велели сажать в тюрьму до нашего указа, да о том к нам писали, и мы тех воров велим казнить смертною казнью».

Южные помещики были обеспечены землей так же плохо, как северские. Агитация сторонников Лжедмитрия нашла живой отклик в их среде. ●фициальные источники не могли сослаться на то, что мятеж в степных крепостях учинили мужики, «чернь», поскольку в Цареве-Борнсове и ряде других южных крепостей почти вовсе не было посадского населения. Разрядные записи кратко сообщали о том, что «польские» (выстроены в «диком поле») зорода «смутились» и целовали крест «вору». По-видимому, мелкие помещики «польских» городов повели себя так же, как пугивльские дети боярские, перейдя на сторону Лжедмитрия «всем городом».

Самые ранние и достоверные сведения о восстании на юге заключены в письмах иезуитов Чижсвского и Лавицкого, написанных в феврале — марте 1605 г. Названные лица, входившие в ближайшее окружение самозванца, сообщили в письме от 26 февраля (8 марта), что в Путивль приведены побежденные из пяти крепостей, сдавшихся светлейшему князю: из Оскола, Валуск, Воронежя, Борисовграда и Белгорода. Города Воронеж, Царев-Борисов, Белгород разделены были большим расстоянием. Чтобы собрать воедино пленных воевод из пяти отдаленных крепостей и доставить их в Путивль по территории, занятой правительственными войсками, требовалось много недель. Следовательно, восстание охватило южную «украину» не в момент написания письма 26 февраля, а значительно раньше — в январе или начале февраля 1605 г.

Разрядные записи подтверждают известие о том, что захваченные в степных крепостях воеводы были отведены в Путивль. «Польские» города, значится в Разрядах, принесли присягу самозванцу и «воевод к нему в Пугивль отвели: из Белгорода князя Бориса Михайловича Лыкова да голов, из Царева Нового города князя Бориса Петровича Татсва да князя Дмитрия Васильевича Туренина».

Приведенная Разрядная запись требует некоторых уточнений. Князь Д.В. Туренин служил воеводой не в Цареве-Борнсове, а в Валужках. Во время мятежа он был арестован вместе с головой А. Поводовым. В Осколе служили воевода Б.С. Сабуров и голова И.И. Загряжский; в Белгороде — князь Б.М. Лыков,

головы князь Ф. Волконский, П. Извольский, М. Зиновьев; в Цареве-Борнсове — князь Б.П. Татев, головы И.Н. Ржевский, И.В. Левашов, М.Б. Зыбин; в Воронеже — князь Б.Н. Примков-Ростовский и голова Ф. Лодыжеиский. Пленение полутора десятка знатных воевод и дворянских голов само по себе свидетельствует о масштабах событий, разыгравшихся в степных уездах.

Успеху восстания на юге способствовало то, что к началу 1605 г. часть воинских людей была отозвана из южных гарнизонов в действующую армию. Впрочем, эти меры затронули преимущественно тыловые крепости — Воронеж, Елец, Ливны. Из Воронежа командование отрядило в полки 100 стрельцов, из Ливен 200 конных казаков, из Елыа — 100 стрельцов и 400 конных казаков с пищальми. Одновременно власти усилили гарнизон Царева-Борисова. Из Белгорода в Царев-Борисов были переведены «для польской посылки» (действий против мятежников «в поле») воевода А. Измайлов и дворянский голова Б. Хрущев.

Царев-Борисов служил форпостом московской обороны на Юге, и командование постоянно держало там крупные военные силы. Падение крепости поразило Бориса как гром среди ясного неба. Годунов возлагал особые надежды на приказ дворовых стрельцов, находившийся в Цареве-Борисове. Но стрельцы сами приняли участие в мятеже и после ареста воевод немедленно покинули Царев-Борисов. По свидетельству очевидцев, дворовые стрельцы, носившие красные кафтаны, явились в Путивль и присягнули там на верность Лжедмитрию.

При Борисе Годунове южные пограничные города были связаны между собой единой системой обороны. Переход в руки повстанцев Курска создал опасность для засечной черты в районе Воронежа и Оскола. Мятеж в Кромах и поражение отряда Шереметева в ходе осады этой крепости поставили под угрозу оборонительные линии в районе Ливен и Ельца. Польские источники позволяют установить, что восстание в Ельце и Ливнах запоздало по сравнению с восстанием в дальних степных крепостях по крайней мере на одну-две недели. 7 (17) марта 1605 г. Чижевский и Лавицкий сообщили своим корреспондентам свежую новость о том, что власть «Дмитрия» признали крепости

Елец и Ливны. От себя иезуиты добавили, что Ливны не уступают по размерам Путивлю и что значение этого города в военное время исключительно велико.

В Разрядных книгах есть известие о том, что во время мятежа в Ливнах повстанцы захватили воеводу князя Д. М. Бярятинского и отправили его к «вору» в Путивль. В действительности Д. М. Бярятинский служил в сторожевом полку у Мстиславского и попал пленником в Пугаль после неудачной стычки под Новгородом-Северским. В Ливнах и Ельце в момент мятежа служили воеводы князя С. А. Татев и А. В. Хилков, головы князь М. П. Волконский и Б. Селиверстов.

Если бы воеводы южных крепостей могли опереться на поддержку городских детей боярских, мятеж неизбежно привел бы к большому кровопролитию. В действительности воеводы оказались в изоляции и не смогли помешать быстрому распространению восстания по всей территории степных уездов. Данные о казнях воевод, сохранивших верность Борису Годунову, отсутствуют. Жертвами народного гнева стали лишь некоторые из дворян, активно пытавшихся противодействовать мятежу. В дворянских родословцах можно обнаружить сведения о том, что в дни восстания в Белгороде был убит дворянин Д. Е. Хитрово «за то, что вору Разстриге креста не целовал».

Восстание в южных крепостях изменило всю военную ситуацию, смешав планы московского командования. Ввиду распространения смуты на южную «украину», воеводы так и не смогли осадить лагерь Лжедмитрия в Путивле. Из-под Кром Шереметев слал в Москву отчаянные призывы о помощи. Русское командование вовремя оценило опасность. В случае окончательного поражения Шереметева и снятия осады с Кром возникла бы угроза слияния двух очагов восстания — в Севершине и в южных крепостях «на поле».

4 марта 1605 г. армия Мстиславского разбила лагерь в районе Кром, воевода князь И. М. Бярятинский, находившийся в Карачеве, получил приказ везти всю осадную артиллерию к Кромам, чтобы соединиться с главными воеводами, «не доходя Кром версты за три или четыре, где пригоже». Позиция под Кромами имела большие преимущества. Путь через Орел и Тулу на-

дежно связывал главную армию с Москвой, откуда можно было беспрепятственно получать подкрепления и провиант. Армия Мстиславского имела возможность прикрыть подступы к Москве в том случае, если бы восстание перебросилось из района Ливен и Ельца еще дальше на север.

Кромы были небольшой крепостью. Ее стены были выстроены из дуба за 10 лет до осады. Главное преимущество городка состояло в его исключительно выгодном положении на местности. Крепость стояла на вершине холма подле реки, и ее со всех сторон окружали болота и камыши. Наверх вела единственная узкая тропа. С наступлением весны топи вокруг Кром становились непроходимыми.

Следуя приказу из Москвы, воеводы Мстиславский и Шуйские предприняли попытку штурма Кром еще до того, как была введена в дело вся тяжелая артиллерия. По свидетельству летописи, деревянные стены Кром были подожены не огнем артиллерии, а пехотой. Ночью боярские холопы, казаки и стрельцы подобрались к стенам крепости и «зажогши град». Атаман Корела с донскими казаками принуждены были покинуть горящий город и отступили в острог. Ратные люди заняли вал с обрушившейся стеной. Но закрепиться на пожарище им не удалось. Вал и посад простреливались с цитадели. Штурмующие несли огромные потери.

Боярин М.Г. Салтыков, руководивший штурмом, не стал дожидаться приказа главных воевод и свел людей с вала, чтобы спасти отряд от полного истребления. Летописец подозревал, что Салтыков «норовил» окаянному вору Гришке Огрепьеву. Однако подлинные причины неудачи были другими. Кромы занимали столь выгодное положение, что Мстиславский и Шуйские были лишены возможности использовать все находившиеся в их распоряжении громадные силы. В армии Мстиславского М.Г. Салтыков был вторым воеводой передового полка. А это значит, что в штурме участвовали лишь отряды из состава передового полка.

Неудача повлияла на дальнейший ход осады. Воеводы устроили батареи, придвинули пушки к городу и стали бомбардировать Кромы изо дня в день, не жалея пороха. Никто не спе-

шил повторить опыт Салтыкова и предпринять новый кровопролитный штурм.

В Кромах сгорело все, что могло гореть. Цитадель была разрушена до самого основания. На месте, где проходил пояс укреплений, осталась одна земляная осыпь. Но донские казаки решили не даваться живыми в руки воевод и сражались с яростью обреченных. Они углубили рвы и вырыли лабиринт окопов. С помощью глубоких лазов они могли теперь незаметно покидать крепость и возвращаться внутрь. Свои жилища — «норы земные» — казаки устроили под внутренним обводом вала. Во время обстрела они отсиживались в лазах, а затем проворно бежали в окопы и встречали атакующих градом пуль.

В ходе боев не только осаждавшие, но и осажденные несли большие потери. Атаман Корела предупредил Лжедмитрия, что ему придется сдать крепость, если он не получит подкреплений. Руководители повстанческих сил в Путивле уяснили значение Кром и не побоялись пойти на риск. Собрав как можно больше ратных людей, они отправили их на помощь Кромам. Главный центр восстания — Путивль — остался почти без воинских сил, необходимых для его собственной обороны. Лжедмитрий назначил командовать отрядом пугачевского сотника Юрия Беззубцева.

В лагерь Мстиславского, занимавший огромное пространство, постоянно прибывали подкрепления. Караулы приняли казаков Беззубцева за своих, и отряд беспрепятственно проскользнул в крепость, проведя обозы с продовольствием. Бои под Кромами продолжались несколько недель, но затем атаман Корела был ранен, и осажденные прекратили вылазки. Со своей стороны воеводы отказались от попыток возобновить штурм. В военных действиях наступило затишье.

Власти использовали все возможные средства, чтобы удержать дворян в лагере под Кромами. Сохранились сведения, что в 1605 г. под Кромами воевода князь М. Кашин по приказу из Москвы «верстал» дворян деньгами и землями. Некоторые служилые люди получили значительные прибавки к поместьям. Так, «во 113 году за кромскую службу» Д. В. Хвостов получил к

помесью в 350 четвертей дополнительно 100 четвертей. И.Н. Ушакову «за кромскую службу» было придано 150 четвертей.

Но приказ царя Бориса, воспретивший Мстиславскомупустить дворян на отдых, вызвал в полках такое возмущение, что никакие милости и пожалования не могли исправить положение. Дворяне роптали. Вместо долгожданного отдыха им предстояли бои посреди болотистой местности, в пору весенних дождей и половодья. Весной в лагере вспыхнула эпидемия дизентерии («мыта»). Невзирая на грозные приказы из Москвы, дворяне покидали полки и разъезжались по домам. Рано или поздно в столице должны были понять, что власти Годуновых грозили не столько отряды самозванца, запертые в Путивле и Кромах, сколько восстания населения и гарнизонов в южных уездах. Держать огромные силы под стенами крохотной крепости было явно нецелесообразно, и с марта 1605 г. Разрядный приказ начал рассылать воевод и голов с сотнями (преимущественно из армии Мстиславского) для укрепления гарнизонов в таких городах, как Данков, Епифань, Новосиль, Одоев, Тула и др. Всего власти произвели назначения воевод и голов не менее чем в 16 крепостей.

Охваченные восстанием южные города давно уже превратились в главный театр военных действий. Однако война шла не только в пределах России, но и на Северном Кавказе, где войско воеводы И.М. Бугурлина понесло тяжелое поражение. Внешнеполитические затруднения осложнили внутренний кризис.

В «воровском» лагере

После битвы под Добрыничами Лжедмитрий намеревался бежать из России вслед за своим наемным воинством. Самозванец подвергся такому разгрому, что, «говоря собственными его словами, — свидетельствовал А. Чилли, — он ни о чем более не помышлял, как о спасении жизни, и не воображал, что мог когда-либо собрать какое-нибудь войско». В феврале 1605 г. Отрепьев неоднократно спрашивал совета у иезуитов, не следует ли ему прекратить войну и укрыться в Польше.

Жители Пугивля помешали осуществлению его планов. Они «со слезами» просили «царевича» остаться, говорили, что не желают разделить участь комаричей, претерпевших «лютые и горькие муки» за поддержку, оказанную ими «царевичу». Лжедмитрий не внял их просьбам. Тогда повстанцы пригрозили, что силой задержат его в Путивле, чтобы «добити челом, а тобою заплатити вину свою». Самозванец подчинился, опасаясь, что путивляне выполнят свою угрозу и выдадут его правительству.

Восставший народ заявил о своей готовности продолжать борьбу. Путивляне заверили Лжедмитрия, что готовы служить «царевичу» с оружием в руках: «Пойдем мы с тобой все своими головами». Торговые люди, по словам летописцев, откликнулись на призыв о добровольном пожертвовании средств. Некоторые якобы принесли по сто и даже по тысяче рублей.

Можно установить имена главных руководителей повстанческих сил в Путивле. Ими были путивльские дети боярские Сулеш Булгаков и Юрий Беззубцев, владевшие небольшими поместьями. Лжедмитрий в критической для него ситуации послал Сулеша Булгакова за помощью в Польшу, а Юрию Беззубцеву приказал идти на выручку гарнизона Кром.

Отрепьев был далек от понимания того, что только народное восстание может помочь ему одолеть Бориса Годунова. В Путивле самозванец вернулся к своим старым планам, суть которых сводилась к тому, чтобы поднять против России Крымскую орду и Речь Посполитую.

Столкновение России с Османской империей на Северном Кавказе подало Лжедмитрию надежду на то, что ему удастся подтолкнуть Крым к нападению на Русское государство. В конце апреля 1605 г. посланцы Отрепьева повезли дары крымскому хану. Еще раньше его гонцы выехали к князю Иштереку в Большую Ногайскую орду.

Борис Годунов поддерживал распри внутри Ногайской орды, чтобы не допустить ее усиления. Он велел доставить из России в орду Анарслана-мурзу — главного соперника Иштерек-ка — и обаял соперников жить в мире и кочевать вместе. Опасаясь за свою власть, Иштерек принял путивльского гонца и принес присягу на верность Лжедмитрию. Самозванец приказал по-

гайцам перенести свои кочевья к Цареву-Борисову, с тем чтобы использовать их конницу для наступления на Москву. Русские хронографы отметили, что Иштерек, признав власть Лжедмитрия, намеревался прислать ему в помощь войска.

Будучи в Пугивле, Отрепьев предпринимал отчаянные усилия, чтобы добиться вмешательства Речи Посполитой в русские дела. Он послал к королю Сигизмунду III пугивльского сына боярского Сулеша Булгакова в качестве представителя восставшей Северской земли. Позже польские власти напомнили московским дипломатам, что при «царе Дмитрие» к королю приезжал посол «ото городов и месг, яко от Пугивля и инших, от духовных и свецких людей московских Шутеш Булгаков з грамотою».

Текст письма от имени северских городов сохранился в копии. В конце письма имеется помета: «Из Путивля лета 7113, месяца января 21 дня». Публикуя грамоту, А. Гиршберг выразил сомнение насчет аутентичности указанной в тексте даты. По его предположению, дата на письме была искажена при копировании русского оригинала: переписчик прочел 27 января как 21 января из-за сходства в написании единицы и семерки. Однако Гиршберг не учел, что русские употребляли буквенную систему цифр, в которой единица несколько не напоминает семерку.

Представляется, что самозванец сознательно обозначил в письме неверную дату. 21 января 1605 г., в день неудачной битвы под Добрыничами, Лжедмитрий находился не в Путивле, а под Севском. Подлог был связан с ложной версией, согласно которой битву под Добрыничами проиграли люди самозванца в его отсутствие. Очевидно одно: письмо было составлено в момент наибольших неудач Отрепьева, когда он прибыл в Путивль, потеряв всю свою армию. Грамота заканчивалась призывом к королю, чтобы «соизволил как можно быстрее дать помощь нам (городам Северской земли. — *Р.С.*) и государю нашему».

Текст письма был составлен от имени «жителей земли Северской и иных замков, которые ему («царевичу». — *Р.С.*) поклонились». Однако жители Путивля и прочих восставших городов ничего не знали о тайном договоре Лжедмитрия с Сигизмундом III, и для них смысл обращения был совсем иным, чем для Расстриги. В грамоте к королю «убогие сироты и природ-

ные холопы государя Дмитрия Ивановича» просили с плачем, покорностью и унижением, чтобы король смиловался над ними и взял их, убогих, «под крыло и защиту свою королевскую». Письмо жителей заканчивалось словами: «При том сами себя и убогие службы наши под ноги вашего королевского величества отдаем». Самозванец был связан с королем обязательством о передаче под власть короны главных северских городов. Теперь он давал понять королю, что готов выполнить свое обязательство. Авантюрист сознательно старался разжечь конфликт между Россией и Польшей. В случае если бы Сигизмунд III принял под свое покровительство отвоеванные Лжедмитрием города, конфликт между Речью Посполитой и Русским государством стал бы неизбежен.

Вторжение самозванца, поддержанное королем, закончилось полным крахом. Это мешало все планы и расчеты военной партии при королевском дворе. Не только Мнишек, но и Сигизмунд III оказался в двусмысленном положении. Опозоренный Мнишек подвергался нападкам с разных сторон. Доверившиеся его обещаниям кредиторы жалели о деньгах, потраченных на самозванца. Ведущие политические деятели спешили напомнить о своих предостережениях против участия в аванюре, повлекшего за собой нарушение мирного договора с Россией.

В таких условиях Сигизмунд III не осмелился использовать благоприятную ситуацию и на основании тайного договора присоединить к коронным владениям северские города.

Лжедмитрий направил в Варшаву для переговоров с Сигизмундом III и членами сейма князя Ивана Татеева. Однако посла демонстративно задержали на границе до окончания сейма.

Польский сейм, открывшийся 10 января 1605 г., решительно высказался за сохранение мира с Россией. Канцлер Замойский резко осудил авантюру Лжедмитрия. Этот враждебный набег на Московию, говорил он, губителен для блага Речи Посполитой. Самозванца канцлер осыпал язвительными насмешками: «... тот, кто выдает себя за сына царя Ивана, говорит, что вместо него погубили кого-то другого. Помилуй Бог, это комедия Плавта или Теренция, что ли? Вероятное ли дело, велеть

кого-то убить, а потом не посмотреть, тогли убит... Если так, то можно было подготовить для этого козла или барана».

Литовский канцлер Лев Сапега поддержал Замоиского. Он осудил затею Мнишека и заявил, что не верит в царское происхождение «Дмитрия», ибо законный наследник царя Ивана нашел бы иные средства для восстановления своих прав. Воевода Януш Острожский требовал, чтобы сейм наказал виновных.

Подготовленный сеймом проект предусматривал наказание тех, кто нарушает мир с соседями. Но король не утвердил проект. Московский посол П. Огарев потребовал объяснений по поводу очевидного нарушения польской стороной договора о перемирии с Россией. Отвечая ему, литовский канцлер Лев Сапега сказал совсем не то, что говорил перед членами сейма. Согласно заявлению Сапеги, король не помогал «Дмитрию», а лишь хотел выведать о его намерениях и сообщить о них в Москву; из королевских владений «Дмитрий» бежал к запорожским казакам, и королю неизвестно, совершал ли он с ними набег на русские земли. Сапега мистифицировал русского посла, пользуясь тем, что тот покинул Россию в сентябре 1604 г. и содержался в Польше в строжайшей изоляции, не получая никаких вестей с родины.

Из-за противодействия сейма Сигизмунд III не мог принять предложения самозванца и оказать ему прямую военную поддержку. Гонец с письмом от города Путивля был принят при дворе, но его миссия закончилась безрезультатно.

Как бы то ни было, эмиссары Лжедмитрия имели возможность свободно действовать в пределах Речи Посполитой. В то самое время, когда литовский канцлер объяснялся с русским послом, в Польшу прибыли из Путивля ротмистры С. Борша и Е. Бялоскорский. Самозванец поручил им возобновить вербовку наемников. Ротмистрам удалось убедить некоторых участников московского похода вернуться на службу к «царевичу». Но число их было невелико.

Отрепьев предпринимал настойчивые попытки втянуть Речь Посполитую в военные действия против России. С этой целью он направил в Краков Яна Бучинского. Свидание «секретаря» с королем состоялось не ранее 14 мая 1605 г. В этот день король

составил письмо Мнишеку с известием о прибытии гонца от московского царя. Гонец проделал путь из России в Польшу за две-три недели или более того. Очевидно, самозванец отрядил гонца Бучинского к королю в апреле, когда сам еще находился в Путивле.

Секретарь самозванца своей рукой сделал приписку на обороте королевского письма Мнишеку. Для верного истолкования приписки надо иметь в виду, что известие о мятеже под Кромами еще не достигло Речи Посполитой.

Запись Бучинского является своего рода финансовой ведомостью. Она зафиксировала, кому и сколько пообещал Лжедмитрий I за немедленную военную помощь. На первом месте стоит «его милость король». В свое время Сигизмунд III пообещал самозванцу 40 000. Отрепьев желал превзойти его щедростью и обещал 80 000 злотых. Необходимо было склонить польское общественное мнение к войне. «На общество» самозванец посулил 55 000. Лишь на третьем месте стояло обязательство «царя» по отношению к невесте — деньги на ее приданое.

Из записи Бучинского следует, что Отрепьев возобновил сватовство в Польше уже весной 1605 г., может быть, после смерти Бориса Годунова. Та же запись раскрывает мотивы его поступков. За пометой о приданом следовали строки, посвященные найму польских войск. Жолнерам «царь» обещал по 100 злотых, гайдукам — по 50 в квартал (три месяца). Отдельно была помещена статья «страва» — по всей видимости, корм для солдат в размере 20 злотых на человека.

Запись была слишком откровенной, и секретарю пришлось заменить слово «жолнерам» на слово «приятелям». Невеста должна была явиться на собственную свадьбу не с солдатами, а с «приятелями», или друзьями (свадебный чин). Как видно, мысль вызвать из Самбора вместе с невестой наемное войско возникла у самозванца уже весной 1605 г.

Предложенная наемникам плата была фантастически велика. Невеста должна была получить в счет приданого 100 000 злотых, или 30 000 рублей. Гусарам («приятелям») предлагали оклад 30 рублей в квартал, а это значит, что всего за три месяца службы на содержание лишь одного гусарского отряда в 1000 всад-

ников ушло бы 30 000 рублей, и еще столько же — на отряд из 2000 гайдуков.

Переговоры в королевском дворце сопровождались торгом. В результате запись была пополнена двумя пунктами. Бучинский от имени царя обязался выплатить для покрытия долгов более 100 000 злотых. Имя Юрия Мнишека в записи не упоминалось, но главным кредитором Отрепьева был именно он.

Король имел основания печется о долгах своего сенатора. Хозяева Самбора задолжали королевской казне огромную сумму. Деньги, обещанные Мнишеку, должны были тут же перейти в королевскую казну.

Последним аккордом было обязательство Лжедмитрия уплатить Его Королевской Милости еще 50 000 на «веселье», по случаю его намечавшейся свадьбы.

Запись Бучинского явилась, по существу, первой черновой сметой грядущих расходов «царя Дмитрия». Предполагалось потратить 500 000 злотых на единовременные выплаты королю, семье Мнишеков и «обществу». Наем польского войска должен был повлечь за собой еще большие затраты — никак не менее миллиона злотых, коль скоро речь шла о найме войска на год. Такие расходы не соответствовали возможностям московской казны.

Из Кракова Бучинский уехал в Самбор, откуда летом 1605 г. был отпущен Юрием Мнишеком с письмами и поручениями к «царю».

Отрепьев находился в Путивле и едва сводил концы с концами. Обещание миллионов было с его стороны обычной мистификацией.

Попытка подкупа короля и «общества» не удалась. Польша не желала ввязываться в войну с Москвой.

Не осложненная вмешательством извне, гражданская война с весны 1605 г. вступила в новую фазу. Восставшие жители Путивля, Курска и других городов помогли самозванцу развернуть агитацию по всей южной окраине. Гонимые с письмами Лжедмитрия появлялись в казачьих станицах, пограничных городах и даже в столице.

В «прелестных» письмах Лжедмитрия трудно уловить какие-то социальные мотивы. Всех подданных, без различия чина и состояния, «Дмитрий» обещал пожаловать «по своему царскому милосердному обычаю, и наипаче свыше, и в чести держати и все православное христианство в тишине и в покое и во благоденственном житии учинить». Тяжесть царских податей и натуральных повинностей, трехлетний голод и разорение породили в народе глубокое недовольство, а потому люди воспринимали обличения самозванца против злодея-царя, сидевшего в Москве, как откровение. Вчерашний боярин Борис Годунов был, как утверждал «царевич», изменником и убийцей, желавшим предать «злой смерти» их законного, «прирожденного государя».

Уставшее от бедствий население охотно верило посулам Лжедмитрия и связывало с именем «законного» царя надежды на перемены к лучшему.

Участие в восстании принесло определенные материальные выгоды податному населению. Сбор государственных податей был сорван по всей Северной земле. С наступлением весны казаки северских и южных степных городов перестали пахать государеву десятинную пашню. Отрепьев раздавал самые щедрые обещания дворянам и детям боярским, оказавшимся в его лагере.

Самозванец обладал редкими способностями, но не получил достаточного образования. В дни своего недолгого монашества он успел выучить Новый Завет и некоторые другие священные книги. В других областях его познания были отрывочными и путанными. Пользуясь досугом в Пугивле, «царевич» решил заняться своим образованием. 10 апреля 1605 г. он вызвал в избу своих тайных духовников-иезуитов и объявил им, что намерен брать у них уроки. С утра час отводился изучению философии, вечером наступала очередь грамматики и литературы. Во время занятий Отрепьев стоял с непокрытой головой, прилежно повторяя урок, слово в слово, за своими учителями. Лжедмитрию хватило терпения и прилежания на три дня, после чего он распростился со школой раз и навсегда.

После трапезы Отрепьев охотно проводил время в обществе польских «товарищей» и капелланов. Чаще всего он и обсуждал с

ними две темы. Первой было невежество, праздность и беспутная жизнь русских монахов, о которых он не мог говорить без отвращения. Второй темой являлась необходимость просвещения. В России, говорил самозванец, следует насадить школы и академии, для чего он выпишет в Москву множество учителей, а заодно и учеников. Русских молодых людей он отправит для обучения за границу и пр.

Лжедмитрий вел двойную жизнь, рассчитывая обмануть всех разом. При русских он прилежно играл роль ревнителя православия, при поляках — столь же усердно поклонялся католическим святыням, пил за здоровье генерала Ордена иезуитов.

Еще будучи в Севске, самозванец в письмах к своим покровителям в Польшу сетовал на то, что среди русских распространился слух о его отречении от православия. Чтобы прекратить неблагоприятные для него толки, Лжедмитрий в Путивле стал выказывать особое почтение православным святыням. Когда из Курска в Путивль привезли икону Божьей Матери, он вышел на встречу к ней и велел устроить крестный ход. Затем он поместил эту икону в своих покоях.

Между тем московскому правительству удалось заслать в путивльский лагерь лазутчиков. Сведения об этом эпизоде можно обнаружить в письмах иезуитов из Путивля и записках Г. Паэрле.

В письме от 7 (17) марта 1605 г. иезуиты Чижевский и Лавицкий сообщали о том, что неделю назад, т.е. 1 марта, в Путивль явились три монаха, подсланные Годуновым. Они доставили грамоты от царя и патриарха. Иов грозил путивлянам проклятием за поддержку беглого Расстриги. Борис Годунов обещал им полное прощение и милость, если они убьют «вора» и окружающих его ляхов или выдадут его в цепях законным властям.

Однако монахи были арестованы еще до того, как успели обнаружить привезенные грамоты. Лжедмитрий велел пытать их, и они во всем сознались.

Г. Паэрле, использовавший рассказы находившихся в Путивле поляков, воспроизвел более подробную версию происшедшего. По его словам, Борис прислал в Путивль трех монахов Крестлевского Чудова монастыря, хорошо знавших Отрепьева.

Монахи должны были обличить перед населением беглого дьякона. После ареста два монаха были подвергнуты пытке, но ни в чем не признались. Третий лазутчик, чтобы избегнуть пытки, донес, что его сотовариши имели поручение отравить «царевича». Монахи якобы успели втянуть в свой заговор двух придворных самозванца. Последний велел выдать изобличенных изменников — «бояр» — на расправу народу. Их привязали к столбу посредине рыночной площади, и путидляне расстреляли их из луков и пищалей.

О казнях в Пугивле упоминают как иностранные, так и русские источники. По данным А. Поссевино, «царевич» передал на суд народу одного из находившихся при нем москвитов, который в секретном письме к Борису просил дать ему войско и обещал живьем захватить самозванца. Путивляне убили его. В русских источниках можно обнаружить данные о том, что в 1605 г. в Путивле был казнен тульский дворянин Петр Хрушев. Он попал в плен к самозванцу еще в сентябре 1604 г. и тогда же признал его царевичем. Таким путем он попал в число придворных Лжедмитрия. Подлинные обстоятельства его гибели, однако, неизвестны.

В Самборе Мнишек велел обезглавить сына боярского Пыхачева, обвинив его в покушении на жизнь «царевича». В Путивле Отрепьев действовал так же жестоко и вероломно. Он велел казнить своего «придворного», чтобы терроризировать тех, кто знал правду о его происхождении и тайном обращении в католичество.

Отрепьев понимал, что одни жестокости и преследования не помогут ему рассеять неблагоприятные для него слухи. Поэтому он прибегнул к новой мистификации. Будучи в Путивле, Отрепьев попытался отделаться от своего подлинного имени с помощью двойника. 26 февраля (8 марта) 1605 г. иезуиты, бывшие с Лжедмитрием в Путивле, записали: «Сюда привели Гришку Отрепьева, известного по всей Московии чародея и распутника... и ясно стало для русских людей, что Дмитрий Иванович совсем не то, что Гришка Отрепьев».

Факт появления Лжеотрепьева был широко известен современникам. Польские дипломаты в переговорах с Василием

Шуйским не раз ссылались на то, что подлинного Отрепьева «ставили в Путивле «перед всеми, явно обличаячи в том неправду Борнсову». Появление «Отрепьева» в лагере самозванца стало еще одной загадкой в истории Лжедмитрия. Французский историк де Ту отметил, что знаменитого чародея Гришку Отрепьева захватили в Лихвине и оттуда привели в Путивль. Но француз писал с чужих слов. А очевидцы происшествий иезуиты, близкие к особе самозванца, предпочли выразиться неопределенно: Отрепьева привели невесть откуда.

Появление Лжеотрепьева при особе самозванца на время прекратило нежелательные для Лжедмитрия толки. Капитан Маржарет, служивший позже телохранителем при «царе» Дмитрие, писал: «...дознано и доказано, что Разстриге было от 35 до 38 лет; Дмитрий же вступил в Россию юношею и привел с собой Разстригу, которого всяк мог видеть...» Как видно, инициаторы фарса не позаботились о том, чтобы придать инсценировке хотя бы внешнее правдоподобие. Отец истинного Отрепьева был всего лишь на восемь лет старше Лжеотрепьева. В конце концов истинный Отрепьев решил упрятать своего двойника в путивльскую тюрьму, чтобы лучше укрыть обман. Со временем московские власти дознались, что подличником Лжеотрепьева скрывался некий старец-бродяга Леонид.

Самозванец позаботился и о том, чтобы о появлении «истинного» Отрепьева стало известно в Москве. Наконец он нанес последний удар властителю Кремля. Прощенные им монахи написали письмо Борису и патриарху Иову о том, что «Дмитрий есть настоящий наследник и московский князь и поэтому Борис пусть перестанет восставать против правды и справедливости». Мистификация с Лжеотрепьевым произвела огромное впечатление на народ. Но она привела в замешательство также и Годуновых. Официальная пропаганда с ее неизменно повторявшимися обвинениями против Разстриги оказалась парализованной. В борьбе за умы самозванец одержал новую победу над земской династией.

Отрепьев овладел северскими городами благодаря восстанию низов и местных служилых людей. Однако его нисколько не привлекала роль народного вождя. При первой же возмож-

ности он стал формировать свою «Боярскую думу» и «двор» из захваченных в плен дворян. Не следует представлять себе дело так, будто народ бил и вязал воевод, тащил их к самозванцу, а последний тут же возвращал им воеводские должности, жаловал в бояре и пр. Не все пленные дворяне сделали карьеру при «дворе» Лжедмитрия, а некоторые из них были казнены за отказ присягнуть «истинному государю». Среди пленников Отрепьевых только один М.М. Салтыков имел думный чин окольного и далеко продвинулся по службе. Он рано попал в руки «воровских» людей, но не оказал самозванцу никаких услуг и не удостоился его милостей.

В Путивле Лжедмитрий пытался опереться на людей, которые были всецело обязаны ему своей карьерой. Самой видной фигурой при его «дворе» стал князь Мосальский. В отличие от высокородного Салтыкова Мосальские, несмотря на свой княжеский титул, не принадлежали к первостатейной знати. Они давно были из думы, и при Грозном лишь один из них выслужил чин земского казначея. Заместничавший с ним опричник заявил в то время, что не ведает, «почему Мосальские князи и кто они». Казначей стерпел обиду и ответил, что «своего родства Мосальских князей не помнит». При дворе царя Федора князь В.В. Мосальский служил стряпчим с платьем. Царь Борис послал его на самую глухую сибирскую окраину, приказав выстроить городок в Мангазее.

Про Мосальского говорили, будто он спас самозванца, отдав ему своего коня во время бегства из-под Севска. Скорее всего этот рассказ является легендой. Беседуя с Конрадом Буссовым и другими наемниками, Лжедмитрий I признался, что в битве под Севском едва не попал в плен, но раненый конь вынес его с поля сражения. По приказу самозванца конь был затем вылечен и приведен в Москву. Так или иначе, Мосальский не покинул Лжедмитрия после разрома. Лжедмитрий оценил это, тем более что при нем осталось совсем немного старых советников. Мосальский едва ли не первым получил от «вора» чин ближнего боярина.

Дьяк Богдан Сузупов занимал самое скромное положение в московской приказной иерархии. В 1600—1603 гг. он служил

помощником у дворянских голов, поддерживавших порядок в столице. Сутупов добровольно перешел в «воровской» лагерь, за что был удостоен неслыханной чести. Отрепьев сделал его своим «канцлером» — главным дьяком и хранителем «царской» печати.

Благодаря подобным пожалованиям дворяне, различными пугами попавшие в Путивль, вполне оценили возможности, которые открывала перед ними служба у новоявленного «царя».

Воевода князь Г.Б. Роша-Долгорукий был арестован народом в Курске. После присяги самозванцу его направили на воеводство в Рыльск. По приказу царя Бориса бояре вешали всех изменников, поступивших на службу к «вору». Страхась опалы и казни, Долгорукий упорно оборонял Рыльск. За это самозванец пожаловал его в окольные чины. Козельский дворянин князь Г.П. Шаховской в начале войны собирал детей боярских в Курске. Вероятно, там он и попал в плен к повстанцам. К моменту восстания в Белгороде Шаховской успел прослужить Лжедмитрию несколько месяцев. Самозванец пожаловал Шаховскому чин воеводы и послал управлять Белгородом. Знатный дворянин чашник князь Б.М. Лыков и головы А. Измайлов и Г. Микюлин, захваченные в Белгороде, после присяги были оставлены Лжедмитрием в Путивле. Со временем они также получили от самозванца думные или воеводские чины.

К началу XVII в. знать сохраняла прочные позиции в государстве. Борис Годунов должен был считаться с этим фактом. Его крестьянская политика ограждала интересы боярской аристократии и дворянских верхов, удовлетворяла нужды состоятельных землевладельцев в ущерб интересам низших слоев господствующего класса — мелкопоместных городских дегеев боярских. Гражданская война расколола дворянское сословие. Пока Борис Годунов занимал престол и положение династии оставалось достаточно прочным, боярская аристократия и Государев двор служили верной опорой трона. Напротив, мелкопоместные дети боярские из южных уездов вскоре оказались вовлеченными в восстания против Годуновых. Случаи измены представителей боярских семей и членов Государева двора носили единичный характер. Большинство дворян, получивших от Лже-

дмитрия думные и придворные чины, попали в повстанческий лагерь как пленники.

Если в первые месяцы войны Отрепьев именовал себя царевичем и великим князем всея Руси, то в Путивле он присвоил себе титул царя. Именно этот титул употреблен в письме Лжедмитрия Сигизмунду III, написанном из Путивля в конце января 1605 г.

Первые Достоверные разряды путивльского «государя», содержащие сведения о пожаловании думных чинов, датируются концом мая — июнем 1605 г. Пленные воеводы из южных крепостей были привезены в Путивль не ранее второй половины марта 1605 г. Если большинство из этих пленников (князя Б. М. Лыков, Б. П. Татев и Д. В. Туренин, голова А. Измайлов) получили от самозванца думные чины два месяца спустя, то на это были свои причины.

Весной 1605 г. политическая ситуация в государстве претерпела разительные перемены. Борис Годунов умер, и зять подняла голову. Многие бояре, прежде поневоле терпевшие худородного царя, стали искать способ избавиться от выборной земской династии. Лжедмитрий сумел использовать наметившийся поворот. Спешно формируя свою «думу» из знатных московских пленников, он старался расчистить себе путь к соглашению с правящим московским боярством.

Смерть Бориса

В течение 20 лет Годунов управлял Россией — сначала как правитель, а затем как самодержец. В последние годы его жизни все большую роль в делах государства играл «Тайный совет» — Ближняя дума. После смерти конюшего Дмитрия Ивановича главой Ближней думы фактически стал Семен Никитич, руководитель Сыскного ведомства. В Москве он слыл крайне жестоким человеком.

Польские послы, побывавшие в России в дни суда над Романовыми, писали, что у Бориса среди подданных много недоброжелателей, строгости по отношению к ним растут с каждым

днем, так что москвитянин шалу не сделает, чтобы за ним не следили два-три соглядатая.

Власти старались держать в тайне все, что творилось на Пыточном дворе. Но их старания приводили к обратным результатам. По стране распространялись самые преувеличенные слухи о жестокостях Годуновых.

По уверениям Исаака Массы, стоило человеку произнести имя Дмитрия, как царские слуги хватили его и предавали ужасной смерти вместе с женой и детьми: «и вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед». Яков Маржарет обвинял Бориса в том, что после появления «Дмитрия» тот «целые дни только и делал, что пытал и мучил по этому поводу», «тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены».

Некогда Годунов снискал симпатии земщины, положив конец опрично-дворовой политике. В обстановке начавшейся гражданской войны он поневоле должен был возродить репрессивный режим. Для судьбы его династии это имело роковые последствия.

Вдумчивый наблюдатель дьяк Иван Тимофеев отметил, что к концу жизни Бориса всем надоело его притеснительное, с лезвием, кровожадное царство, и не из-за податных тягот, а из-за пролития крови многих невинных.

После расправы над атаманом разбойников Хлопком в 1603 г. пытки и казни превратились в повседневное явление. Взбунтовавшиеся холопы, посадские люди, крестьяне не могли рассчитывать на снисхождение. Государство старалось виселицами оградить себя от мятежников. В наиболее жестоких формах террор применялся в отношении низов. Власти вполне оценили опасность, когда в лагере самозванца появились комарицкие мужики. В наказание за «воровство» Комарицкая волость была подвергнута неслыханному погрому.

Преследования дворян были менее жестокими. И московский самодержец, и самозванец понимали, что верх возьмет тот, кто сможет привлечь на свою сторону дворянское сословие.

Крайние меры применялись лишь к перебежчикам и к посланцам «вора», подстрекавшим народ к мятежу. Их вешали без суда на первом попавшемся дереве.

Сыскное ведомство вновь выдвинулось на авансцену. Его глава Семен Годунов, как толковали, настаивал на казни подозреваемых в измене членов Боярской думы. Но Борис отверг его советы.

Борис безмерно возвысил род Годуновых. Но этот род не дал государству талантливых и популярных деятелей, кроме самого Бориса. В критический момент сын Бориса не смог найти помощи и опоры у многочисленных Годуновых, носивших высокие титулы и занимавших почетные места в Боярской думе.

Преждедеятельный и энергичный, царь Борис в конце жизни все чаще устранился от дел. Он почти не покидал дворец, и никто не мог его видеть. Прошло время, когда правитель охотно благодетельствовал сиротам и убогим, помогал им найти справедливость, давал управу на скляных. Теперь он лишь по великим праздникам показывался народу, а когда челобитчики пытались «зручить» ему свои жалобы, их разгоняли палками.

Фатальные неудачи порождали в царя подозрительность, столь чуждую ему в лучшие времена. Круг лиц, всю жизнь поддерживавших его своими советами и помощью, стремительно сужался. Годунов «полон чар и без чародеек ничего не предпринимает, даже самого малого, живет их советами и наукой, их слушает...» — писал в 1600 г. польский дипломат из Москвы. Однажды Борис пригласил астролога из Ливонии. В небе тогда появилась яркая комета, и царь просил колдуна составить ему гороскоп. Звездочет посоветовал ему «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие, крепко стеречь рубежи».

Годунов велел привести во дворец знаменитую в столице юродивую Алену. Та предсказала ему близкую кончину. Другая ведунья, Дарьница, уже после смерти Бориса призналась, что ворожила ему во дворце. Прорицательница, по ее собственным словам, нагадала, что «Борису Федоровичу быти на царстве не многое время».

Польские послы записали молву об одном из предсказаний волхвов. Пулая царя близким падением, колдуны советовали ему

на время покинуть государство: «коли б на час сступил з земли Московской, а сын его Федор царем ся именовал, тогда б под титлом его то царство здержалось...» Поверив кудесникам, Годунов велел объявить повсюду о своей смерти. Предварительно он опоял зельем двойника и выставил его гроб на всеобщее обозрение. Вслед за тем Борис взял много золота и «дорогих чепей» и уплыл в Англию под видом торгового человека. Даже дети царя не догадывались об обмане.

Члены английского посольства, видевшие Годунова в последние месяцы его жизни, отметили некоторые странности в его характере. Будучи обладателем несметных сокровищ, царь стал выказывать скупость и даже скарденность в мелочах.

Живя отшельником в Кремлевском дворце, он временами покидал хоромы, чтобы лично осмотреть, заперты и запечатаны ли входы в дворцовые погреба и в кладовые со съестными припасами. Скупость, по наблюдению англичан, стала одной, при том не самой последней, из причин его падения.

Многие признаки в поведении Бориса указывали на его преждевременно наступившее одряхление. Пршмая посла английского короля Якова I, царь впал в слезливый тон, когда речь зашла об умершей королеве Елизавете I.

Государь тревожился за будущее сына и держал его при себе неотступно, «при каждом случае хотел иметь его у себя перед глазами и крайне неохотно отказывался от его присутствия». Придворные из числа ученых иностранцев пытались убедить Годунова, что ради долголетия царевича и просвещения ума ему надо предоставлять некоторую самостоятельность в занятиях. Однако монарх неизменно отклонял такие советы, «говоря, что «один сын — все равно что ни одного сына», и он не может и на миг расстаться с ним».

В конце жизни Годунова томили воспоминания об угличской драме. Твердо зная, что младший сын Грозного мертв, он по временам впадал в сомнение, «почти лишался рассудка и не знал, верить ли тому, что Дмитрий жив или что он умер».

Терзаемый страхом перед самозванцем, Годунов не раз засылал в его лагерь тайных убийц. Позже он приказал привезти

в Москву мать Дмитрия и пытался у нее правду: жив ли царевич или его давно нет на свете?

Предчувствуя близкий конец, Борис мучительно размышлял над тем, может ли он рассчитывать на спасение в будущей жизни. За разрешением своих сомнений он обращался то к православным богословам, то к ученым иноземцам. Царь просил, чтобы они, невзирая на различие веры, «за него молились, да сподобится он вечного блаженства». После таких бесед государь нередко приходил к мысли, что для него «в будущей жизни нет блаженства».

Под влиянием неудач и тяжелой болезни Годунов все чаще погружался в состояние апатии и уныния. Физические и умственные силы его быстро угасали.

13 апреля 1605 г. царь Борис скончался. Недруги распространяли всякого рода небылицы по поводу его смерти.

Согласно одной версии, Борис будто бы принял яд ввиду безвыходности своего положения. По другой версии, он упал с трона во время посольского приема.

Осведомленные современники описывали кончину монарха совсем иначе: «...царю Борису вставши из-за стола после кушанья, и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, в два часа в той же болезни и скончашь». Согласно «Хронографу», Годунов умер после обеда: «по отшествии стола того, мало времени минувшую, царь же в постельной храмине сидящу, и внезапно случися ему смерть». Самодержец умер скоропостижно, и монахи лишь «успели запасными дары причастити» умирающего.

Члены английского посольства описали последние часы Бориса со слов лечивших его медиков. По обыкновению, врачи находились при царской особе в течение всего обеда. Годунов любил плотно поесть и допускал излишества в еде. Доктора посчитали его хороший аппетит признаком улучшения здоровья и разъехались из дворца. Но через два часа после обеда царь внезапно почувствовал дурноту. Перебрав в спальню хоромы, он лег в постель и велел позвать врачей. Доктора не успели на вызов. До их приезда у Бориса отнялся язык, и он умер.

Стоявшие подле умирающего бояре спросили, не желает ли он, чтобы дума всего присутствия присягнула наследнику. Царь, дрожа всем телом, успел промолвить: «Как Богу угодно и всему народу». Видимо, Борис Годунов понимал, что без соборного избрания его несовершеннолетний сын не удержит корону на голове.

Близкий к царскому двору Яков Маржарет передает, что Годунов скончался от апоплексического удара.

Смерть монарха дала новый импульс гражданской войне в России.

Мятеж под Кромами

Бояре и духовенство нарекли царевича Федора Борисовича на царство через три дня после кончины Бориса. Записи в книгах Разрядного приказа наводят на мысль о том, что в этом акте участвовали все чины, обычно входившие в состав Земского собора. «Того же месяца апреля, — значит в Разрядах, — патриарх Иев Московский и всеа Руси и, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным собором вселенским, да бояре и окольные, и дворяне и стольники и стряпчие, и князи, и дети боярские, и дьяки и гости, и торговые люди, и все ратные и черные люди всем Московским царством и всеми городами, опричь Чернигова и Пугивля, нарекли на Московское государство государем царевича князя Федора Борисовича всеа Руси».

Разрядные записи находят аналогию в епископских посланиях, разосланных по городам сразу после наречения Федора. Отцы церкви подробно описывали, как патриарх с Освященным собором, весь царский синклит — Боярская дума, гости и торговые люди и «всенародное множество Российского государства» просили царицу Марию Григорьевну, чтобы она «была на царстве по-прежнему», а сына великого государя царевича князя Федора благословила «быти царем и самодержцем всей Русской земли». Царевич не презрел «слез и моления» чинов и по благословиению и приказу отца «произволил» быть царем.

В действительности наречению царевича Федора не предшествовали ни «моления» чинов Земского собора, ни шествия «всенародного множества».

После своего избрания Борис Годунов сделал сына соправителем и приказал именовать его государем царевичем «всёа Руси». Царевич самостоятельно сносился с иноземными дворами. Очевидно, сам Борис позаботился о том, чтобы заблаговременно подготовить всю процедуру передачи власти наследнику. В обращении патриарха к народу было сказано, что царь Борис, умирая, после себя приказал на царство сына и благословил его крестами, которыми «венчаютца на царство», после чего Федор Борисович «з божьей помощью на своих государствах сел». Патриарх с освященным собором благословили нового царя, а члены Боярской думы, дворяне, дети боярские, приказные люди, гости и всех сотен торговые люди в присутствии патриарха принесли присягу на верность Федору Борисовичу.

Очевидцы свидетельствуют, что именно так все и произошло. Бояре, дворяне, купцы и простой народ были вызваны в Кремль и приведены там к присяге.

Вслед за тем царица Мария и царь Федор Борисович разошлись в города наказ, повелев созвать в церкви дворян, служилых людей, посадских людей, пашенных крестьян и всяких «черных» людей и привести их к присяге по специальной записи. Приказные люди записывали имена присягнувших в особые книги, которые надлежало затем отправить в Москву.

В главных юродах — Новгороде, Пскове, Казани, Астрахани, в городах Замосковья, Поморья и Сибири присяга прошла без затруднений. Составленные там книги были спешно присланы в столицу. В царском архиве хранилась «свяска, а в ней записи целовальные... после царя Бориса царице Марье и царевичу Федору всяким людем по чином, и записи шертовальные по чином иноземцом». Православные целовали крест, иковерцев приводили к шерти.

Текст подкрестной записи царя Федора полностью повторял текст, составленный при воцарении Бориса Годунова. Он содержал непомерно длинный перечень обязательств, ограждавших безопасность царской семьи. Подданные обещали кад царицей

и ее детьми «в еде и питье, ни в платье, ни в ином чем лиха никакого не учинить и [их] не испортить, и зелья лихого и коренья не давать»; «и людей своих с ведовством и со всяким лихим зельем и с кореньев не посылать, и ведунов не добывать на [царское] лихо»; когда государь куда пойдет, «на следу [его] всяким ведовским мечтанием не испортить и ведовством по ветру никакого лиха не насылать».

Проекты возведения на трон Симеона Бекбулатовича давно утратили актуальность. Тем не менее советники Федора упомянули его имя в тексте присяги, запретив подданным всякие сношения с ним. Реальная угроза династии исходила от самозванца. Но пояснения насчет самозванца в «целовальной записи» были краткими и маловразумительными. Подданные клятвенно обязывались «к вору, который называется князем Дмитрием Углицким, не приставать и с ним и с его советники ни с кем не ссылатись ни на какое лихо и не изменить и не отъехати...».

Текст присяги отразил замешательство, царившее среди властителей Кремля. Длительное время церковь предавала анафеме зловредного еретика Гришку Отрепьева. Затем все узнали, что в Путиале «царевич» выставил на всеобщее обозрение колдуна Гришку Отрепьева. Чудовские монахи, посланные для обличения Расстриги переджителями Путивля, прислали царю Борису письмо, подтверждавшее истинность сына Грозкого. В Москве не могли сразу разобраться в новых мистификациях самозванца и не знали, что думать. Вместо того чтобы следовать раз принятой линии обличения «вора», царица и ее советники решили вовсе не упоминать в «записи» имени Отрепьева. Составители присяги сделали худшее, что могли. Они свели на нет вседостижения официальной пропаганды. Присяга не только не внесла успокоения в умы, а усилила брожение.

Династия Годуновых имела мало шансов на то, чтобы уцелеть в обстановке кризиса и гражданской войны. Федор получил превосходное для своего времени образование, но в 16 лет ему не доставало политической опытности и самостоятельности. Царица Мария Григорьевна была фигурой крайне непопулярной. Знать и население столицы не забыли массовых избиений и казней, в свое время организованных ее отцом — опричным пала-

чом Малютой Скуратовым. По Москве ходила молва о крайней жестокости царицы.

Борис наводнил Боярскую думу своими родственниками. Но к началу 1605 г. все наиболее значительные деятели из рода Годуновых сошли со сцены, а оставшиеся не пользовались никаким авторитетом, несмотря на свои блистательные титулы. В трудный час подле Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой поддержать пошатнувшуюся власть.

Прошло несколько дней после присяги, и бессилие правительства перед началом глубокого кризиса обнаружилось с полной очевидностью. Крушению власти немало способствовало то, что в решающий момент у царя не оказалось достаточных военных сил: в течение многих месяцев царь Борис отправлял в действующую армию всех способных носить оружие, включая стольников, жильцов (дворцовую охрану), конюхов и псарей.

Еще при жизни царь Борис стал жертвой политической клеветы. Его обвиняли в убийстве последних членов законной династии, включая царя Ивана, царя Федора и царевича Дмитрия. Клевета подготовила почву для торжества сторонников Лжедмитрия. По Москве распространялись самые невероятные слухи. Упорно толковали, будто Борис сам наложил на себя руки в страхе перед «сыном Грозного».

Волнения в Москве нарастали с каждым днем. Следуя традиции, новый царь объявил о прощении всех преступников и опальных. Однако амнистия не распространялась на политических противников Годунова. Столица не желала мириться с такой несправедливостью. Как записал очевидец, «народ становился все бесчинней, большими толпами сбегался ко дворцу, крича о знатных боярах, бывших при Борисе в немилости и ссылке, другие кричали о матери Дмитрия, старой царице, что ее надобно посадить у городских ворот, дабы каждый мог услышать от нее, жив ли еще ее сын или нет». Власти были вынуждены уступить требованиям народа. Они вернули в столицу Б.Я. Бельского, находившегося в ссылке в деревне, удельного князя И.М. Воротынского, бывшего в опале и изгнании, и других лиц. В лице Бельского династия приобрела опаснейшего противника, вели-

кого мастера политических интриг, озлобленного преследованиями со стороны царя Бориса.

Правительство могло бы использовать старицу Марфу (Марию) Угличскую для обличения самозванца. Но царица Мария Годунова и слышать не желала о ее возвращении в Москву.

Воеводы расставили заставы на всех дорогах и отдали приказ вешать гонцов Лжедмитрия без промедления. Тем не менее лазутчики продолжали проникать в столицу и доставлять «презгненные» листы.

Царь Федор предпринимал отчаянные усилия, чтобы удержать контроль за положением в столице. Казна раздала населению огромные суммы на помин души Бориса, на самом же деле — чтобы успокоить народ. Но щедрая милостыня не достигла цели.

Не видя иного выхода, царица Мария и ее сын срочно вызвали из армии в Москву руководителей Боярской думы Ф.И. Мстиславского и братьев Шуйских, чтобы прекратить беспорядки в столице. «...Князь Мстиславский был отозван из стана в Москву помочь молодому царю решать и вершить дела правления...» — полагал Конрад Буссов. За боярами под Кромы был послан жилец К. Карамышев. Подобная мера казалась вполне оправданной. Страх перед назревающим выступлением низов побуждал бояр заботиться о порядке в столице и действовать в интересах династии, невзирая на собственные политические симпатии.

Когда толпа в очередной раз заполнила площадь перед Кремлевским дворцом, князь В.И. Шуйский вышел на крыльцо и долго увещевал народ одуматься и не требовать перемен, которые приведут к распаду царства и ниспровержению православия. Боярин поклялся самыми страшными клятвами, что царевича Дмитрия давно нет на свете, что он своими руками положил его в гроб в Угличе, а путивльский «вор» — это беглый монах и расстрига Отрепьев, подученный дьяволом и посланный в наказание за грехи.

Возвращение главных бояр в Москву и речи Шуйского внесли успокоение в умы. Волнения в столице на время утихли.

Почти сразу после смерти Бориса правительство осуществило смену высшего командования в армии под Кромами. Среди Годуновых и их родни не оказалось никого, кто мог бы взять на себя руководство военными действиями, и царь Федор поневоле должен был верить свою судьбу людям, ничем не связанным с династией, кроме милостей умершего царя. Новым главнокомандующим в армию был назначен князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, его помощником — боярин Петр Федорович Басманов.

М.П. Катырев получил боярство одним из первых, сразу после коронации Бориса. Катырев ничем не успел проявить себя на военном поприще, и его назначение было продиктовано формальными местническими соображениями. До опричнины Катыревы-Ростовские занимали высокое положение в думе. На этом основании М.П. Катырев, получив боярство, пытался местничаться главой думы Ф.И. Мстиславским.

Наибольшие надежды Годуновы возлагали на П.Ф. Басманова. В столице Басманов знали как первого щедрого среди дворян и человека, популярного в народе. По словам современников-англичан, простой народ «считал его единственным своим защитником». Басманов сделал карьеру в считанные месяцы благодаря успешной обороне Новгорода-Северского. Царь Борис вызвал его ко двору, столица чествовала Басманова как героя. Из-за ран воевода не мог ехать верхом, и Борис выслал ему навстречу свой выезд. В царских санях Басманов проследовал через всю столицу в Кремль. Годунов пожаловал Басманову боярский чин, земли, 2000 рублей денег и множество подарков.

Старшим воеводой в Новгороде-Северском был боярин князь Н.Р. Трубецкой. Однако больше всего наград за оборону города получил не он, а Басманов. Услуги, оказанные Басмановым Годунову, носили особый характер. Старший воевода осуществлял общее военное руководство обороной крепости. Заслуга же Басманова состояла в том, что он своевременно обнаружил измену в гарнизоне Новгорода-Северского и железной рукой подавил мятеж.

После возвращения в Москву Басманов неоднократно просил царя отправить его в действующую армию. Но Борис неиз-

менно отказывал ему, ссылаясь на то, что воевода еще не оправился от тяжелых ран. Невзирая на болезнь, Годунов надеялся сам возглавить летнюю кампанию против самозванца и обещал дать Басманову назначение в своей армии. Исаак Масса утверждал, что правительство решило послать Басманова в лагерь под Кромь еще при жизни Бориса, когда последний увидел, что измена ширится день ото дня, и заподозрил в предательстве самого Мстиславского. Басманов будто бы поклялся, что захватит «вора» или сам сложит голову.

По своему местническому положению Басманов никак не мог претендовать на руководство главными силами русской армии. Бояре, находившиеся в полках, были много старше его по рангу и службам. Правительство имело немало соглядатаев в лагере и своевременно получало сведения о «шатосги» в людях. Басманову отводилась та же роль, которую он уже сыграл однажды при обороне Новгорода-Северского.

Явившись в лагерь под Кромь, Катырев и Басманов привели полки к присяге. Патриарх Иов по немощи не мог покинуть Москву, и поэтому церемонией присяги руководил Новгородский митрополит Исидор — второе в церковной иерархии лицо. Никто не оказал воеводам открытого неповиновения. Но, по свидетельству русских летописей, некоторые ратные люди в общей сутолоке уклонились от церемонии крестоцелования. В Москве Церковное руководство оказало немалую помощь новому царю, но на действующую армию влияние духовенства не распространялось. Бояре поспешили выпроводить Исидора из лагеря под Кромами, едва закончилась присяга.

После смерти Бориса вопрос о единстве в думе и высшем военном командовании приобрел первостепенное политическое значение. В свое время Годунов, питавший особое доверие к бывшему опричнику князю Андрею Телятевскому, приставил его к Мстиславскому в качестве помощника. Попытка подчинить большой полк Телятевскому вызвала негодование многих воевод. После того как царевич Федор отозвал в Москву Ф.И. Мстиславского и В.И. Шуйского, большой полк фактически перешел в распоряжение Телятевского: «...воем же начальницы оставася князь Ондрей Телятевской...».

Вмешательство Семена Годунова, главы Сысского ведомства, в дела Разрядного приказа привело к полной неразберихе в полках. После отъезда П.Ф. Басманова под Кромь Семен Годунов настоял на назначении князя А.А. Телятевского главным воеводой сторожевого полка, что доставило тому большие местные преимущества. Новый главнокомандующий князь М.П. Катырев привез под Кромь одну роспись, а через три дня в лагерь прибыл гонец с новым Разрядом, не согласованным ни с Катыревым, ни с Басмановым. Разрядные дьяки утверждали, будто новый государь ничего не знал о втором Разряде. По их словам, «то-е-де роспис, как бояром и воеводам велено быть по полком, послал Семен Годунов для зятя своего князя Ондreja Телятевского, а царевич-де князь Федор Борисович то-е росписи не ведает».

Вмешательство Сысского ведомства посеяло раздор среди воевод, на которых династия возлагала наибольшие надежды. П.Ф. Басманов с головой погрузился в местническую тяжбу с А.А. Телятевским. Воевода полка левой руки З.И. Сабуров отказался подчиняться М.П. Катыреву и отослал ему полковые списки «для того, не хочети быть меньше князя Ондreja Телятевского». К тому же второй воевода полка правой руки князь М.Ф. Кашин-Оболенский «бил челом на Петра Басманова в отечестве, и на съезде не ездил, и списков не взял».

В армии назревал заговор, и местнические распри способствовали его успеху. Душой заговора были братья Голицыны. Свой род князь Голицыны вели от литовской великокняжеской династии. По знатности они превосходили главу Боярской думы Ф.И. Мстиславского — потомка младшей линии литовской династии. Но к концу XVI в. местническое положение Голицыных пошатнулось. Попытки тягаться с Трубецкими и Шуйскими закончились для них полной неудачей. После смерти царя Федора Ивановича Голицыных не было среди претендентов на трон. Кончина Бориса Годунова пробудила в них честолюбивые надежды. Положение династии стало непрочным, и Голицыны первыми из бояр покинули ряды ее сторонников.

Некоторые летописи причисляли к числу организаторов заговора воеводу боярина М.Г. Салтыкова. Однако очевидец мяте-

жа Яков Маржарет утверждал, что М.Г. Салтыков был захвачен изменниками. Слова Маржарета находят подтверждение в Разрядных книгах просгранной редакции. Другой осведомленный современник — Петр Петрей также писал, что заговорщики захватили М.Г. Салтыкова и жестоко терзали его.

Выдающуюся роль в организации мятежа сыграли Прокофий Ляпунов и его братья. Ляпуновы занимали видное положение среди выборных рязанских дворян. Они обладали неукротимым нравом, и легионы не прочь были подчеркнуть их склонность к авантюрам.

После смерти Грозного Ляпуновы вместе с другими рязанцами участвовали в московских беспорядках, едва не поубивших правителя Бориса Юдунова. За год до войны с самозванцем царь Борис велел наказать Захара Ляпунова кнутом за посылку заповедных товаров к вольным казакам на Дону. Мятежные алексинские дворяне выдвинули из своей среды Захара Бибикина. Он числился выборным дворянином от Алексина и имел оклад в 500 четвертей земли. После переворота Лжедмитрий I пожаловал ему за особые заслуги рязанское поместье в 200 четвертей, взятое у И.П. Вельяминова.

Возникновению заговора в годуновской армии способствовали многие обстоятельства, но два из них имели решающее значение. Первым было появление знати в путивльском лагере, вторым — смерть Бориса. Конрад Буссов записал слухи о том, что изменники Бориса затеяли переписку с самозванцем сразу после его поражения под Севском. Они советовали «царевичу» не отступать от своего и обещали тайную поддержку. Достоверность этих слухов сомнительна. Скорее всего заговорщики установили связь с Путивлем позднее. Лжедмитрий многократно посылал листы к царским воеводам, но последние откликнулись на них лишь после того, как обращения самозванца поддерживали хорошо известные им лица.

Родовитая знать не смирилась со своим поражением в период династического кризиса, и ей не всегда удавалось скрыть свое истинное отношение к выборному земскому царю Борису. За два-три года до вторжения самозванца власти получили доносы о том, что князь Борис Михайлович Лыков, «сходясь с Голицы-

ными да с князем Борисом Татевым, про него, царя Бориса, рассуждает и умышляет всякое зло». Названные лица были связаны тесной дружбой, а отчасти и родственными отношениями.

В силу превратностей гражданской войны одни члены этого кружка оказались заброшенными в пугивальский лагерь, где их обласкал самозванец, другие же остались в царских полках. В былые времена злые речи Голицыных и их друзей против царя Бориса не были подкреплены никакими практическими шагами, а потому Годунов не придал доносу никакого значения. После смерти Бориса ничто не помешало им претворить помыслы в действие.

Князя Борис Петрович Татев и Борис Михайлович Лыков, как видно, оказали Лжедмитрию исключительные услуги, поскольку первый вскоре получил боярство, а второй стал кравчим самозванца. Вероятно, Лыков поддерживал наиболее тесные связи с заговорщиками, поскольку именно ему Лжедмитрий поручил организовать присягу в сдавшихся царских полках.

Следует отметить, что князь Б. П. Тате в владел крупным поместьем в Рязани. Рязанское дворянство было охвачено брожением и сыграло особую роль в событиях под Кромами. В отличие от детей боярских южных городов, дети дворян рязанских городов несли службу в Государевом дворе. Участники боярского заговора Ляпуновы и Измайловы принадлежали к высшему и наиболее влиятельному слою землевладельцев Рязани. За Прокофием Ляпуновым числилось 550 четвертей пашни в поместье и небольшая вотчина. Измайловы владели обширными родовыми вотчинами в Рязанском уезде. В числе других лиц в южных городах был захвачен Артемий Измайлов. За считанные недели этот рязанский дворянин из пленника превратился в дворецкого, думного дворянина и ближнего человека «царевича». Измайлов был приятелем Ляпунова. Многие родственники Измайлова служили в армии Мстиславского. Скорее всего именно Артемий Измайлов помог организовать заговор среди рязанских дворян, за что и был удостоен исключительных милостей. Переговоры между путивальскими «советниками» самозванца и заговорщиками в армии под Кромами были окружены глубочайшей тайной. Но некоторые подробности все же стали известны в Поль-

ше. Некто Петр Арсудий, подвизавшийся в Польше в качестве доверенного лица Ватикана по делам восточной церкви, получил подробные сведения о секретных переговорах «царевича» с боярами от виленского епископа Войны. На начальном этапе организации самозванческой интриги покровители Лжедмитрия попытались заручиться поддержкой Войны. Епископ занял двусмысленную позицию. Королю он советовал известить Годунова об экспедиции как «частном предприятии своевольных людей», но одновременно считал необходимым послать гонца к «царевичу, чтобы таким известием не был нарушен его покой». С тех пор Война имел возможность получать доверительную информацию от лиц, окружавших «царевича».

По словам епископа, заговорщики обещали «истинному» Дмитрию престол на следующих условиях: православная вера остается нерушимой, самодержавная власть сохраняется, и Дмитрий будет пользоваться теми же правами, что и его отец Иван IV, царь не может жаловать боярский чин иноземцам и назначать их в Боярскую думу, но волен принимать их на службу ко двору и дать им право приобретать земли и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иноземцы могут строить себе костелы на русской земле.

По-видимому, соглашение о будущем устройстве Русского государства было в основных чертах выработано в результате переговоров между членами «воровской» Боярской думы и польскими советниками самозванца. Вместе с Мнишеком лагерь Отрепьева покинула почти вся польская знать, принимавшая участие в авантюре. Это обстоятельство должно было облегчить сговор. Московская знать, оказавшаяся в Пугивле, заботилась о сохранении своих привилегий. Немногие польские советники (Бучинский, Дворжецкий, Иваницкий), оставшиеся при особе «царевича» в Пугивле, старались выговорить себе право служить при царском дворе, владеть вотчинами и поместьями, а также строить церкви по своему вероисповеданию. Самозванец постоянно совещался с находившимися при нем иезуитами.

В последних числах апреля 1605 г. к самозванцу в Путивль из-под Кром прискакал сын боярский арзамасец Абрам Бахметов и сообщил, что царь Борис умер, что Петр Басманов при-

был под Кромы и 19 апреля привел полки к присяге. Войско Отрепьева получило аналогичное известие из Кром. Казаки сообщили, что они сделали вылазку из крепости и захватили языков, от которых узнали, что «Бориса не стало и что в войске их великое смятение: одни держатся стороны Борисова сына, а другие — нашей».

Положение в царском лагере стало критическим к началу мая.

Когда П. Ф. Басманов прибыл под Кромы, он горячо убеждал войско служить Федору Годунову. Одновременно он начал охоту за тайными приверженцами Лжедмитрия. Что ни день, воевода рассылал «по всему лагерю людей, которые подслушивали, что там говорили, и доносили обо всем ему, так что открылось, что больше людей на стороне Дмитрия, чем на стороне москвитов». Сведения Басманова полностью совпадали с показаниями языков, захваченных казаками Корелы. Воеводе предстояло железной рукой покарать сторонников Лжедмитрия в интересах Годуновых. Но положение династии было шатким.

Сохранив верность Годуновым, Басманов должен был пролить потоки крови. В числе первых ему пришлось бы арестовать воевод князей Голицыных — истинных вдохновителей заговора. Однако по матери Голицыны доводились братьями Басманову, и он издавна привык считаться с авторитетом старшей по знатности родни. Все это не могло не повлиять на исход дела.

Голицыны понимали, что рискуют головой, и не жалели сил, чтобы втянуть Басманова в заговор. Кроме милостей Бориса, ничто не привязывало Басманова к правящей династии. Переход власти к царице Марии Скуратовой и Семену Годунову не мог не поколебать его верность трону. Между родом Бельских и родом Басмановых существовала кровная вражда. Именно отец царицы Малюта Скуратов положил конец блестящей карьере Басмановых в опричнине. По его навету инициатор опричнины А. Д. Басманов был казнен, а его сын Ф. А. Басманов умерщвлен в тюрьме. П. Ф. Басманов не имел оснований шадить дочь Малюты и его внука царевича Федора Борисовича. Получив предложение примкнуть к заговору, он недолго колебался. Сын знаменитого опричника, Басманов был всецело поглощен соб-

ственной карьерой и плохо помнил благодеяния. После взлега в опричнине Плещесвы-Басмановы надолго сошли со сцены, и воеводе предстояла жестокая борьба, чтобы возродить былую «честь» фамилии. Разрядная роспись, присланная в полки после присяги, нанесла удар по честолюбивым надеждам П.Ф. Басманова. Когда-то он огласил роспись в присутствии бояр и воевод, Басманов, «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе, а встав с стола, евялял и бил челом боярам и воеводам всем: “Отец, государи мои, Федор Алексеевич точма был дважды больше деда князя Ондревеа... а ныне Семен Годунов выдает меня зятю своему в холопи князю Ондрию Телятевскому, и я не хочю жив быти, смерть прииму лутче тово позору”».

Басманов не мог смириться с «потерькой» фамильной чести. Но вернее будет предположить, что он искал благовидный предлог для предательства. Примкнув к заговорщикам, Басманов быстро привел дело к решительной развязке.

Силы заговорщиков были невелики. Большинство дворян принесли присягу царевичу Федору и сохраняли верность династии. Мятеж кучки заговорщиков посреди вооруженного лагеря мог быть легко подавлен. И тем не менее заговор в лагере имел успех.

После трех месяцев, прошедших в бесполезной осаде Кром, в правительственной армии произошли большие перемены. Дисциплина в ней держалась, пока дворянское ополчение громило «воров» — казаков и комарицких мужиков. Неудача под Кромами и бездеятельность деморализовали полки.

Дворяне осуждали приказ Бориса, воспретившего воеводам распустить ратных людей на отдых. Они не понимали, зачем царю понадобилось держать 50-тысячную армию под стенами крохотной крепости, для осады которой было достаточно небольшого отряда.

Мелкие помещики не успели оправиться от последствий трехлетнего голода. Многие опасались, что из-за их длительного отсутствия дела в их поместьях придут в полное расстройство. С наступлением весны бегство землевладельцев из армии усилилось. Немало столичных дворян использовали смерть Бо-

риса в качестве предлога для отъезда в Москву «на царское погребенье».

В то время как дворянское ополчение таяло, число «даточных людей» и «посошных» мужиков в лагере росло. Под Кромы был досгавлен огромный артиллерийский парк, большие запасы порожа и ядер. Лагерь оказался наводнен «посошными людьми», занятыми перевозкой пушек, подвозом боеприпасов и пр.

Поначалу северские города получили от правительства льготы. Их освободили от обязанности выставять в поле ратных людей. Однако ко времени осады Кром Борис отменил эту льготу.

Начиная с февраля 1605 г., писал Масса, через Москву каждодневно проходило много ратников, отправлявшихся на помощь войску Мстиславского. Многочисленные отряды снарядили города Тотма, Устюг Великий, Вычегла и др. Монастыри набирали отряды «даточных людей» из крестьян и служек. При военном лагере возникло торжище. Каждый день окрестные и дальние крестьяне везли на продажу продукты питания и разные товары. Вместе с ними на торг беспрепятственно проникали лазутчики из Путилы с «воровскими» листами. Чем больше ратники в ссрмягах заполняли лагерь, тем успешнее шла агитация в пользу «истинного царя» Дмитрия.

При Василии Шуйском Посольский приказ объяснил происшедшее под Кромами следующим образом: многие бояре и дворяне разъехались из-под Кром, остались же там «немногие бояре и воеводы, а с ними только ратные люди северских и украинских городов — стрельцы и казаки и черные люди; и те люди... смуту в полках учинили». В предназначенных для поляков объяснениях дьяки намеренно исказили картину, отрицая причастность некоторых бояр и дворян к мятежу. Но они довольно точно уловили роль мелких служилых людей, «посохи» и «мужиков» в последовавшем перевороте.

Отрепьев не имел ни сил, ни решимости, чтобы отважиться на новое сражение с воеводами. Тем не менее он оценил важность полученных из Кром сообщений и в начале мая отдал приказ о выступлении в поход. Участник похода С. Борша писал: «Мы... не дождавшись из Польши на помощь ни одного человека, пошли с царевичем против того войска». Уже после вы-

сгупления армии хорунжие привели из Путивля подкрепление: около 500 конных шляхтичей — «пятигорцев».

Русские официальные представители отметили прибытие к самозванцу значительных подкреплений из Польши. Они припомнили полякам, как в Путивль к «вору» приехал Ратомский со многими людьми. Отвечая на этот упрек, польские послы заявили, что «Ратомский, отъехавши от него (Лжедмитрия. — *Р.С.*), долгий час при нем не был» и вернулся к нему в Путивль, когда «ему вже вси люди московские здавались». Вся миссия Ратомского и вновь прибывших войск свелась якобы к тому, что они «проводили» Лжедмитрия до Москвы.

До прибытия Ратомского численность наемных солдат в путивльском лагере не превышала 300 человек. Несмотря на настойчивые просьбы Корелы и Беззубцева о помощи, Лжедмитрий смог послать к Кромам лишь небольшой отряд Яна Запорского. В письмах из Путивля иезуиты сообщали, что перед походом Запорский принял у них благословение и что вместе с ним выступили 200 рейтарс конями и 100 пеших поляков. Поляки имели самое приблизительное представление о численности повстанческих отрядов. По их словам, к отряду Запорского присоединилось то ли 10 тыс., то ли 3 тыс. московитов. Однако сам Ян Запорский в письме из-под Кром сообщал, что с ним было всего 200 конных копейшиков и 800 донских казаков.

На пути к Кромам Запорекий получил подтверждение относительно смерти Бориса. 30 апреля 1605 г. он направил донесение об этом гетману А. Дворжецкому. В начале мая Запорский ждал удобного случая, чтобы прорваться в Кромы и соединиться с казаками. Ради достижения этой цели он послал в Кромы трех «шпигов» с письмами, в которых сообщал, что он ведет на выручку 20 тыс. копейшиков и 20 тыс. казаков при 300 орудиях. Вскоре Запорский имел стычку с отрядом татар, несшим сторожевую службу на подступах к Кромам. Поляки разогнали отряд и взяли в плен 150 человек.

Запорский считал, что именно его хитрость и победа вынудили правительственные войска сложить оружие и принести присягу Лжедмитрию. Его оценку приняли С. Борша и Г. Паэрле. В действительности и письма Запорского, и стычка с тата-

рами оказали небольшое влияние на события, происходившие в лагере под Кромами.

Как повествуют русские источники, «в полках под Кромами, немного время погода после крестного целованья, рязанцы Прокофей Лепунов з братьею и с советники своими и иных заречных городов втайне вору крест целовали... и, собрався, приехали к разрядному шатру, где бояре и воеводы сидели...». Итак, заговорщики приняли решение о выступлении сразу после завершения церемонии присяги в полках. Тогда же они вошли в тайный сговор с Корелой в Кромах. Весть о приближении войска самозванца укрепила их решимость.

Записи Разрядного приказа не оставляют сомнения в том, что дворяне и дети боярские Рязани и ес пригородов, Тулы, Алексина, Каширы и ряда других заокских уездов выступили на стороне Лжедмитрия «всем городом», т.е. так же, как ранее выступили дети боярские Путивля и южных степных уездов. Различие заключалось в том, что, во-первых, в Рязани сохранялось крупное вотчинное и поместное землевладение и «лучшие» рязанские дворяне издавна несли службу в составе Государева двора; во-вторых, рязанское и тульское дворянство было значительно многочисленнее, чем мелкое поместное дворянство Юга. В Разрядных книгах можно обнаружить следующую запись: «И украинских городов дворянс и дети боярские резанцы, тулския, коширеня, олексинцы и всех украинских городов, удумав и сослався с крамчаны, вору Ростриге крест втайне целовали и бояре и воевод на съезде переимали...». В Разрядных записях пространной редакции сведения об участниках мятежа дополнены некоторыми подробностями: Голицыны и Петр Басманов «подговорили князей и дворян и детей боярских Северских и Резанских всех городов до одного человека; да новгородских помещиков и псковских и лугских князей и детей боярских... немногих, и крест Ростриге целовали...».

Исаак Масса, многократно ссылавшийся на свои беседы с немцами-наемниками, описал события под Кромами с их слов. Заговорщики, писал Масса, подняли мятеж 7 мая до рассвета. По условному сигналу казаки из Кром произвели нападение на

лагерь. Вслед затем Басманов приказал связать по рукам и ногам всех начальников и отправил их с «дмитровчачи».

Судя по Разрядам, П.Ф. Басманов в самом деле предполагал, используя свои прерогативы, созвать всех воевод в шатре главнокомандующего и «переимать» их на съезде. Но его план не удался.

Наибольшего успеха заговорщики добились в передовом полку, где им удалось захватить и связать дядю нового царя И.И. Годунова, а также воеводу боярина М.Г. Салтыкова. Этот успех нетрудно объяснить. Во-первых, в течение всей кампании против самозванца передовым полком командовал глава заговора князь В.В. Юлицын. Полк был передан И.И. Годунову за несколько дней до переворота. Во-вторых, в отряде, непосредственно подчиненном Юлицыну, с начала войны числилось 1,5 тыс. дворян и детей боярских, но из них 1 тыс. приходилась на долю рязанцев и более 200 человек на долю алексинцев. В отряде М.Г. Салтыкова служили четыре сотни рязанских детей боярских.

Братьям Ляпуновым удалось увлечь за собой служилых людей из Рязани и Тулы. По Разрядам, 700 тульских детей боярских служили в полку левой руки. Главным воеводой в полку был преданный династии З.И. Сабуров. Мятежникам не надо было вязать его, потому что он лежал «конешно (тяжело. — Р.С.) болен». Второй воевода полка, князь Л.О. Шербатый, видимо, примкнул к заговору, ибо самозванец вскоре дал ему более высокий воеводский пост.

В полку правой руки, который В.В. Голицын незадолго до того принял от Д.И. Шуйского, дела шли намного хуже. Второй воевода полка князь М.Ф. Кашин-Оболтенский решительно отказался поддержать планы мятежников. Служившие в полку дети боярские из Суздаля, Нижнего Новгорода и других городов также сохраняли верность присяге. Среди дворян и воевод, оставшихся верными царю Федору Борисовичу, автор «Иного сказания» особо упоминает Семена Чемоданова. Последний, как можно установить, был самым видным из выборных дворян по Суздалью.

Опасаясь провала мятежа, В.В. Голицын на всякий случай велел слугам связать себя, чтобы в дальнейшем избежать каких бы то ни было обвинений в измене.

В большом полку события развивались совсем не так, как рассчитывали Басманов и Юлицын. С начала кампании в полку служили 300 детей боярских из Каширы. Подобно служилым людям из соседних «зарских» (заокских) городов, они приняли участие в «воровстве» все поголовно. Но в большом полку несли службу также сотни новгородских и псковских помещиков. Из них заговорщиков поддержали лишь отдельные лица. Автор «Иного сказания» утверждал, будто к заговорщикам присоединились «многие дети боярские новгородские». Однако его свидетельство решительно расходится с показаниями всех остальных источников.

Басманову не удалось арестовать главнокомандующего князя М.П. Катарева-Ростовского. Околыничий В.П. Морозов был смещен Борисом с поста главного воеводы полка левой руки и переведен «в ряд» в большой полк. Обида на Годунова, однако, не поколебала его верности присяге. Морозов поддержал Катарева. Главному воеводе непосредственно подчинялся начальник артиллерии воевода «у наряда» В.Б. Сукин, имевший чин думного дворянина. Он сопротивлялся мятежникам до последнего момента, как и главный воевода сторожевого полка князь А.А. Телятевский. Под командой последнего служили дети боярские из Владимира, Переяславля, Можайска, Углича, не участвовавшие в заговоре. Князь Телятевский, повествует Масса, «до последней возможности осматривался у пушек, крича: "Стойте твердо и не изменяйте своему государю!"»

Мятеж в расположении многотысячной армии казался безрассудной авантюрой. Верные воеводы без труда раздавили бы его, если бы армия не вышла у них из повиновения. События в лагере развивались той же неумолимой последовательностью, что и в Северщине.

Интенсивный процесс дробления поместья в уездах рязанской и тульской «украин» привел к тому, что земельное обеспечение уездных детей боярских стало ухудшаться. Симптомы кризиса дворянского сословия приобрели в южных уездах наиболее резкую форму. Заговорщикам удалось привлечь на свою сторону многих детей боярских из Рязани, Тулы и северских городов.

В Москве, Новгороде, замосковных городах кризис поместной системы недостижтой остроты, как в южных уездах. Поэтому местные дворяне поддерживали царское правительство в борьбе с мятежниками.

Действия верных династии воевод были парализованы тем, что на стороне заговорщиков выступила лагерная «чернь» — многочисленные «посошные» мужики, холопы, казаки и пр. Большая часть армии, по-видимому, оставалась на стороне Годуновых, но верные присяге отряды оказались разобщены и дезорганизованы в обстановке хаоса, воцарившегося в лагере в момент восстания. Рязанские дворяне и прочие заговорщики первыми бросили клич: «Да здравствует царь Дмитрий!» Клич был тут же подхвачен «посохой», «даточными людьми», казаками, частью стрельцов. Заговорщики сделали все, чтобы посеять в полках панику. Их люди подожгли лагерные постройки в нескольких местах. Ратные люди выбегали из палаток и землянок, не успев как следует одеться. Поднялась страшная суматоха. Как говорили Массеочевидцы, никто «не мог уразуметь, как и каким образом это случилось, и не знали, кто враг и кто друг, и металсь, подобно пыли, ветром вздымаемой». Одни кричали: «Да хранит Бог Дмитрия!», другие: «Да хранит Бог нашего Федора Борисовича!» По свидетельству Петра Петрея, «те, которые кричали «Дмитрий», вставали на одну сторону, а те, которые кричали «Федор», — на другую...» Очень многие старались как можно быстрее покинуть лагерь. Они бросали оружие, оставляли повозки и телеги, выпрягали лошадей, чтобы бежать.

Ляпуновы позаботились о том, чтобы захватить наплавной мост через реку Крому и соединиться с войском, выступавшим из Кром. Вскоре на мосту собралось так много народу, что он стал тонуть. Много людей оказалось в воде. Конные пытались переправиться за реку вплавь.

Среди общего хаоса одни немцы-наемники сохраняли некоторый порядок. В большом полку с начала кампании числилось до тысячи иноземцев. Они выстроились под знаменем и приготовились к отпору. Басманов послал свой шишак со знач-

ками капитану иноземцев Вальтеру фон Розену и потребовал, чтобы он присягнул «законному» государю. Немцы, бежавшие в Москву, рассказывали, что капитан не хотел подчиниться приказу Басманова, но, «когда его много раз призвали к тому, он передался вместе с другими». Однако поляки утверждали иное. По их словам, Басманов и Голицын вели переговоры с Розеном накануне переворота. Розен не сразу поверил воеводам и заподозрил, что те желают испытать его верность. Убедившись в обратном, он будто бы дал свое согласие.

В день переворота немцы колебались и выжидали, прежде чем перешли на сторону Лжедмитрия. Верные воеводы не сумели использовать их сомнения. Басманов оказался расгоропнес их.

Воеводы А.А. Телятевский и В.Б. Сукин распоряжались на батареях. Они могли пустить в ход пушки, разбить наплавной мост, рассеять собравшуюся на нем толпу и помешать соединению мятежников с гарнизоном Кром. Однако Телятевский не решился начать кровопролитие.

По молчаливому согласию обе стороны, по-видимому, так и не пустили в ход оружие. Переворот был бескровным. Мятежники беспрепятственно переправились за реку Крому и соединились с кромчанами, «даша им путь скрозь войско свое».

Пропустив нестройную толпу ратников, Корела с донскими и лугивльскими казаками и «с кромляны» ворвался в лагерь и «на достальную силу московскую ударишася». По совету заговорщиков казаки «напали на тех воинских людей, у которых была артиллерия и которые размещались по левую сторону от крепости, ибо там были самые ярые противники Гришки».

Даже после соединения восставших отрядов с кромским гарнизоном численное превосходство оставалось на стороне верных правительству войск. По словам современников, мятежников было полторы сотни на тысячу. Однако нападение казаков усугубило панику в полках и помешало Катыреву, Телятевскому и другим воеводам организовать сопротивление и удержать лагерь за собой. Характерно, что Корела отдал приказ не применять оружия. Деморализованные изменой ратники «плещидаша

и побегоша», донцы же «гоняше их, сетчи же их шадяху», «в сечи же и убиства место плетми бьюше их и, гоняше, глаголюще: “Да потом на бой не ходите противу нас!”» Как отметил Пегрей, казаки выбили воевод из лагеря, воспользовавшись возникшей там смугой и суматохой.

Воеводы М.П. Катырев, А.А. Телятевский, В.П. Морозов, М.Ф. Кашин, В.Б. Сукин бежали в Москву. Вместе с ними лагерь покинули много тысяч дворян, детей боярских и прочих ратных людей. В течение трех дней беглецы шли через Москву расстроенными толпами, возвращаясь в замосковские и северские города. Когда бояре спрашивали их, почему они так поспешно бежали из-под Кром, они «не умели ничего ответить».

Руководители мятежа предпринимали энергичные усилия для того, чтобы удержать инициативу в своих руках. Безармии династия Годуновых была обречена на гибель. Голицыны и Басманов сделали все, чтобы ускорить ход событий в Москве. Они отправили в столицу с тайной миссией к столичным боярам — противникам Годуновых — несколько знатных лиц, чтобы привлечь к делу и население на свою сторону.

Голицыны убедили захваченного в плен М.Г. Салтыкова присоединиться к ним, после чего тот был освобожден из-под стражи. Кажется, им удалось привлечь на свою сторону Ф.И. Шереметева, находившегося с ратными людьми в Орле, и князя И.С. Куракина, бывшего главным воеводой в Туле. Оба названных воеводы вскоре присоединились к Лжедмитрию.

Выступление дворянских заговорщиков под Кромами, по существу, привело в действие тот же механизм, который позволил сторонникам Лжедмитрия поднять мятеж и одержать победу в Путивле и других южных крепостях. В событиях под Кромами новым было то, что против годуновецкой династии впервые выступили «всем городом» дворяне и дети боярские целых уездов, таких как Рязань, Тула, Кашира и Алексин. Наряду с провинциальными детьми боярскими службу в этих городах несли «большие дворяне» из состава Государева двора. Раскол двора имел роковые последствия для земской выборной династии.

Победное шествие

Главные вожди переворота не спешили на поклон к самозванцу. Располагая многотысячной армией, они имели все основания считать себя хозяевами положения. Самозванец сознавал это и сделал все, чтобы не попасть в западню. Как отметил С. Борша, в походе на Москву «царевич», не доверяя «тому войску (бояр Юлициных и Басманова. — Р.С.), приказывал ставить его в полумиле от себя, иногда на расстоянии мили, около царевича при остановках и в пути до самой столицы были мы — поляки; ночью мы ставили караул по 100 человек».

Настроения в лагере под Кромами были неопределенными и изменчивыми. В первый день в лагере толковали, будто «царевич» находится совсем близко: то ли в Курске, то ли в Рыльске. Затем узнали, что он еще не покинул Путивля. Через несколько дней в лагере произошло брожение. Многие говорили, что «Дмитрий» бежал в Польшу, что он «не истинный [Дмитрий], злой дух, смугливый всю землю». После пира наступило похмелье. Многие ратники не скрывали сожаления о том, что им не удалось уйти из лагеря в Москву. Трудно сказать, от кого исходили неблагоприятные для самозванца слухи. Голицын и прочие бояре, унимая ратников, были весьма немногословны. «Дождитесь конца, — будто бы говорили они, — до тех пор молчите».

На пятый день после переворота в Путивль прибыл брат В.В. Голицына князь Иван. Он не имел думного чина и по своему положению в полках далеко уступал прочим руководителям заговора. С Юлициным прибыло несколько сот дворян, стольников и «всяких чинов людей», представлявших дворян разных «поветов» — уездов и городов.

В Путивле И.В. Голицын проявил крайнюю угодливость перед самозванцем, стремясь завоевать его доверие. Оправдывая свое предательство, он ссылался на двусмысленность присяги, данной им и другими воеводами царевичу Федору Годунову. Прежде и патриарх, и царь Борис неизменно называли «царевича» Отрепьевым. В присяге это имя вовсе не было названо. Если «царевич» — не Гришка, то почему он не может быть настоящим сыном царя Ивана Васильевича? Юлицын клеймил Бориса Го-

дунова самыми бранными словами, клялся в вечной верности «прирожденному» государю и умолял немедленно идти в Москву и занять престол.

Отрепьев, как видно, не слишком доверял словам Юлици-на и принял все меры предосторожности, прежде чем выехать в Кромь. Через несколько дней после переворота он прислал в русский лагерь посланца князя Б. М. Лыкова, который привел к присяге полки и объявил милостивый указ «царя Дмитрия». Отрепьев сделал то, чего ждали от него уставшие ратники. Он приказал немедленно распустить на отдых (на три-четыре недели) всех дворян и детей боярских, у которых были земли «по эту сторону от Москвы». Иначе говоря, роспуску подлежали прежде всего дворяне из заокских городов — Рязани, Тулы, Алексина, Кашныри и пр. Именно эти дворяне были главной опорой заговора в полках.

Лжедмитрий распустил из лагеря также многих стрельцов и казаков, что имело самые губительные последствия для Юдуновых: «А стрельцов и казаков, приветчи к крестному целованью, отпустили по городом и от того в городех учинилась большая смуга».

Теперь хозяином положения был самозванец, а не бояре-заговорщики, поскольку половина их армии была распущена по домам, а оставшаяся часть отправлена из лагеря на Орел и далее на Тулу. Названные города были заняты без всякого сопротивления, и их воеводы присягнули на верность Лжедмитрию.

Отрепьев покинул Путивль 16 мая 1605 г., на девятый день после мятежа. 19 мая он прибыл в лагерь под Кромами, где уже не было никаких войск. Сопровождавший самозванца капитан С. Борша утверждал, будто в войске у «царевича было 2000 поляков копейщиков и могло быть около 10 тыс. русских». В своих записках Борша стремится доказать, что именно поляки сыграли решающую роль в московском походе, и потому преувеличивал цифры. На самом деле силы Отрепьева были весьма невелики. При нем находилось не более 600—700 польских всадников, 800 донских казаков и некоторое количество других ратных людей. Я. Маржарет утверждал, что «царь Дмитрий» держал при се-

бе поляков и казаков и лишь «немного» русских, так что общая численность его войск не превышала 2000 человек.

Самозванца окружали его «думные» люди, которые, однако, не занимали никаких постов в его польско-казацком войске. Согласно «воровскому» разряду, при нем были «бояре» князя Б. Татев, В. Мосальский и Б. Лыков, окольный князь Д. Туренин, думные дворяне А. Измайлов и Г. Микулин.

Что касается бояр-заговорщиков, то они присоединились к свите Лжедмитрия где-то на пути между Пугивлем и Орлом. Первыми явились к самозванцу бояре П.Ф. Басманов и М.Г. Салтыков, имевшие при себе 200 дворян. Орловский воевода Ф.И. Шереметев и боярин В.В. Голицын встрестили Лжедмитрия скорее всего под Орлом.

В Кромах самозванец оставался несколько дней. Его спутники с удивлением разглядывали лагерные укрепления, множество палаток и брошенные русскими пушки. Лжедмитрию досталось 70 больших орудий, крупные запасы пороха и ядер, войсковая казна, много лошадей и прочее имущество. Во время остановки в Кромах к самозванцу привели «из достальных (севских и украинских. — *Р.С.*) городов воевод и осадных голов и приказных людей».

В рязанском городе Шацке воеводой служил стольник князь Ю.П. Ушатый. Очевидно, после сдачи Шацка Ушатый получил воеводский чин от Лжедмитрия. Окольный М.Б. Шейн сдал самозванцу Новгород-Северский, Я.П. Барятинский — крепость Новосиль.

Воеводы дальних городов появились в лагере, когда Отрепьев сделал остановку в Орле. По свидетельству родословцев, в числе других в лагерь Лжедмитрия были приведены воеводы и головы из Поволжья: «Во 112 (1604. — *Р.С.*) году послан был Наум Плещеев на службу в Царицын город, и как вор Растрига пришел в Пугивль во 113 (1605. — *Р.С.*) году, в низовых городах Растриге крест целовали, и в те поры Наума Плещеева царицынские казаки, связав, привели к Растриге под Орел, как Растриг шол под Москву...»

Будучи под Орлом, Отрепьев устроил судилище над теми из воевод, которые, попав в плен, отказались ему присягать:

«...придоша ж под Орел и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститься, оне же ему оклеветанны быша, тех же повеле перенести и разослати по темницам». Среди прочих в тюрьму был отправлен боярин И. И. Годунов.

На всем пуги до Орла бесчисленное множество людей всех сословий и званий собирались большими толпами, чтобы увидеть новообращенного государя.

Затевая заговор под Кромами, В. В. Голицын установил тесные связи со своими сторонниками в Москве. Эти последние стали теперь действовать почти открыто.

Среди «торговых мужиков» Москвы наибольшим доверием самозванца пользовался Федор Андронов. Видимо, он переметнулся на сторону «вора» раньше других.

Имеются сведения о том, что первая делегация от москвичей явилась к Отрепьеву уже во время его остановки в Орле. Посланцы из Москвы заявили, что столица готова признать своего «прирожденного государя».

Миновав Орел, Отрепьев сделал остановку недалеко от Тулы, в Крапивне. По русским известиям, именно из Крапивны «с реки Плавы» он решил послать в Москву своих гонцов с обращением к московской думе и чинам.

Посылка грамоты в Москву была сопряжена с большим риском. За опасное поручение взялся дворянин Гаврила Григорьевич Пушкин. В начале войны с самозванцем он был послан в Белгород помощником князю Б. М. Лыкову. Оттуда его пленником привезли в Пугиваль. Русские разряды и летописи подчеркивали, что Г. Г. Пушкин сам напросился («назвался») на «воровство»: «...над царицею Марьею и над царевичем Федором промышлять, и московских людей прельщать, и на ростригино имя их крестному целованью Москву подводить».

Лжедмитрий поручил Пушкину доставить в Москву грамоту, в которой он требовал от москвичей покорности и старался убедить их, что провинция уже прекратила всякое сопротивление. «А поволжские города нам, великому государю, — писал самозванец в 20-х числах мая 1605 г., — добили ж челом и воевод к нам привелн, и астраханских воевод Михаила Сабурова с

товарищи к нашему царскому величеству ведут, ныне они в дороге в Воронеже».

Заявления Отрепьева не соответствовали истине. Положение на Нижней Волге оставалось неопределенным. Весной 1605 г. казаки пытались захватить Астрахань, но были отбиты. Воевода М. Сабуров продолжал оборонять город от повстанцев. Чтобы подтвердить ложь, Лжедмитрий послал вместе с Г. Пушкиным захваченного царицынского воеводу Н. Плещеева, велев ему «на Москве объявить, что ему («Дмитрию». — *Р.С.*) низовые города добили челом».

Между тем отряды самозванца попытались из Тулы продвигнуться к Серпухову. В распоряжении правительства оставалось несколько тысяч дворовых стрельцов. Царь Федор отпустил их на Оку и приказал им занять все переправы. 28 мая 1605 г. стрельцы дали бой отрядам Лжедмитрия и отбили все их попытки перейти Оку. По словам очевидцев, московские стрельцы, «пробывая верными до конца, еражались за Москву».

Приведенные из-под Кром войска обнаружили полную небоеспособность. Войскам самозванца, выступившим на завоевание Москвы, пришлось выдержать одно сражение, но и его они проиграли.

Переворот

Власти ждали волнений в столице со времени великого голода. Начавшаяся в стране гражданская война и смерть Бориса Годунова ускорили развязку. Весной 1605 г. в Москве сложилась опасная ситуация. Народ оказывал прямое неповиновение властям. 30 мая в столице вспыхнула внезапная паника. Поводом послужила весть о приближении к городу неприятельского войска. Толпа москвичей, собравшаяся подле Серпуховских ворот, внезапно обратилась в бегство, увлекая встречных: «всяк бежал своим путем, полагая, что враг гонится за ним по пятам, и Москва загудела, как пчелиный улей». Царевич Федор Годунов и его мать царица Мария долго не могли узнать толком, что происходит в городе. Наконец они выслали ближних бояр

к народу на Красную площадь. Последолгих увещеваний толпа нехотя разошлась по домам.

Неприятель, которого ждали 30 мая, появился в окрестностях столицы на следующий день. Казачий отряд атамана Корелы обошел заслоны правительственных войск на Оке и 31 мая разбил лагерь в 6 милях от города.

Если бы у стен Москвы появились полки Басманова и братьев Голицыных, они не произвели бы такого переполоха, какой вызвали казаки. Само имя Корелы было ненавистно начальным боярам и столичному дворянству, пережившим много трудных месяцев в лагере под Кромами. Власть имущие имели все основания опасаться того, что вступление казаков в город послужит толчком к общему восстанию. Как только «лучшие» люди узнали о появлении Корелы, они тотчас начали прятать имущество, зарывать в погребях деньги и драгоценности. Правительство удвоило усилия, чтобы как следует подготовить столицу к обороне. Как отметили очевидцы, в городе проводились демонстративные военные приготовления, «для того чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве...».

Фактически столица была переведена на военное положение. Царские посыльные объезжали Пушечный двор и оружейные кладовые в поисках пригодных к бою пушек. Весь день 31 мая москвичи наблюдали за тем, как ратные люди свозили отовсюду пушки и устанавливали их на крепостных стенах.

С некоторой долей наивности Исаак Масса повествует о том, как 1 июня 1605 г. в столицу смело въехали два гонца Лжедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». На площади гонцы огласили грамоту самозванца, после чего толпа пала ниц и признала его своим царем. Совершенно так же описывают события русские летописцы, назвавши по именам гонцов Лжедмитрия. По их утверждению, Москву «смутили» дворяне Г. Пушкин и Н. Плещеев, которые привезли и зачитали народу «прелестные» грамоты «вора».

Приведенный рассказ превратился в историографическую легенду. Лжедмитрий не раз посылал своих гонцов в Москву,

но все они неизменно оказывались в тюрьме или на виселице. Что же позволило Пушкину пройти через стрелецкие заслоны на Оке, проникнуть внутрь крепостных сооружений столицы и добиться успеха? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить последовательность основных событий. 31 мая 1605 г. в окрестности Москвы прибыл отряд Корелы. На другой день утром Пушкин вошел в город. Очевидно, эти события находились в неразрывной связи между собой. Именно казаки доставили посланцев Отрепьева в Москву, что и позволило тем избежать расправы в городе, напоминавшем вооруженный лагерь. Многие вопросы получают объяснение, если предположить, что самозванец, задумав «смутить» столицу, поручил дело Пушкину вместе с казаками Корелы.

Пушкин и Плещеев прибыли в Подмоскowie из района Орла и Тулы. Но в столицу они вошли не по Серпуховской или Рязанской дороге, а по Ярославской, из района Красного села, которое располагалось за рской Яузой, к северо-востоку от Москвы. Отмеченный факт можно напрямую связать с действиями отряда Корелы. По свидетельству Якова Маржарета, «Дмитрий» послал войско к столице, чтобы «отрезать съестные припасы от города Москвы». Заокские города были охвачены смутой, и столица не могла рассчитывать на подвоз хлеба с юга. Зато замосковские города сохраняли верность династии, так что обозы шли оттуда непрерывным потоком. Особенно оживленной была дорога из Ярославля, проходившая через Красное село. Чтобы выполнить приказ Дмитрия, Корела должен был перерезать прежде всего эту дорогу. По-видимому, он так и сделал.

По некоторым сведениям, Лжедмитрий обратился к жителям Красного села с особым посланием. Самозванец писал, что не раз посылал своих гонцов к ним, в село, и в Москву, но все они были убиты. В конце он требовал, чтобы красносельцы явились к нему «с повинной», и грозил в случае сопротивления истребить их всех, включая детей во чреве матери.

Присутствие казаков Корелы спасло Пушкина и Плещеева от участи предыдущих гонцов. Красносельцы, повествует Конрад Буссов, с уважением выслушали послание «Дмитрия» и решили собрать народ, чтобы проводить его гонцов в столицу. Как

значится в Разрядных записях, Пушкин и Плещеев приехали «с прелестными грамотами сперва в Красное село и, собрався с мужики, пошли в город...». По русским летописям, гонцы Лжедмитрия «стали в Красном селе и почали грамоты Ростригины честь... что он прямой царевич, и иные многие воровские статьи». Обращение «прирожденного государя» привело к тому, что «красносельцы, смутясь сами, и приехали их (гонцов. — Р.С.) к Москве на Лобное место с теми воровскими грамотами».

Каким бы ни было Красное село, население его по столичным масштабам было невелико. Возникает вопрос: как удалось горстке селян провести Гаврилу Пушкина через тройное кольцо крепостных сооружений Москвы, пройти через трое ворот (Земляного и Белого города и, наконец, Китай-города), охранявшихся стражей?

В Москве власть оставалась в руках Федора Годунова. В его распоряжении находилось несколько тысяч верных дворян и стрельцов. Власти заблаговременно подготовились к отражению казаков. В день восстания Годуновых своевременно известили о том, что красносельские «мужики изменили и хотяху быти в городе» (Москве). Тем не менее посланные в Красное село дворяне недошли до села. «испужався, назад воротитася». Невероятно, чтобы воевод испугала горстка красносельских мужиков, вооруженных чем попало. Остается предположить, что они столкнулись с войском Корелы, силу которого они испытали под Кромами.

На столичных улицах к красносельцам «пристал народ многой». Однако следует учитывать, что массовое восстание москвичей началось позже, уже после оглашения письма Лжедмитрия на Красной площади. До того посланцам «вора» надо было прорваться через усиленно охраняемые городские укрепления. Без казаков Корелы они бы не добились успеха.

Прошло три недели с тех пор, как Корела со своими казаками ворвался в лагерь под Кромами и с помощью заговорщиков, а также «посошных» мужиков и прочего люда принудил к бегству главного воеводу и верных присягедворян, не пустив вход оружие. Возникает вопрос: не повторили ли казаки в Москве то, что ранее проделали под Кромами? Не они ли, смешавшись с тол-

пой мужиков-красносельцев, провели эмиссаров самозванца на Красную площадь, разогнав по пуги стражу у крепостных ворот и опрокинув заслоны, выставленные московскими воеводами?

Казак доставили Пушкина и Плещеева на Красную площадь около 9 часов утра.

С Лобного места Гаврила Пушкин огласил послание «истинного» царя. Письмо было адресовано Мстиславскому, Шуйским и прочим боярам, дворянам московским и городовым, дьякам, гостям, торговым «лучшим» людям, а также и всему народу — «средним и всяким черным людям». Самозванец клеймил Бориса Годунова как изменника и возлагал на его сына вину за происшедшее «кроворазлитие». Стремясь привлечь на свою сторону бояр, Отрепьев снимал с них всякую ответственность за разоренные северских земель и разгром его войска. Все то, писал Лжедмитрий, бояре делали по незнанию («неведомостью») и боясь казни. Царица Мария и ее сын Федька не жалели о земле, «да и жалети им было нечево, потому что чужим владели».

Самозванец напоминал боярам, какое «утснение» претерпели они от Бориса; какие «разорение и ссылки и муки нестерпимые» были от него дворянам и детям боярским; каким поборам подвергал он купцов, лишая их «вольности» в торговле и забирая в счет пошлин «треть животов ваших, а мало не все иманы». Обещания Лжедмитрия были рассчитаны главным образом на власть имущих. Боярам было обещано не трогать их прежних вотчин, а также учинить им «честь и повышение»; дворянам и приказным самозванец посулил царскую милость, торговым людям — льготы и снижение пошлин и податей.

Что касается народа, то ему Лжедмитрий кратко и неопределенно обещал «тишину», «покой» и «благоденственное житье».

Щедрые посулы в письме самозванца перемежались с угрозами. Непокорным «вор» грозил тем, что им «нигде не избыть» наказания от его «царские руки».

Толпа, собравшаяся на Красной площади, жадно слушала обличения Годуновых и верила, что «прирожденный государь» избавит страну от междоусобиц, чрезвычайных поборов, обременительной военной службы. Вскоре у Лобного места собралось «Московского государства всяких чин» в людей многое

множество»: «Пожар полон людей и у Троицы на рву (церкви Василия Блаженного. — *Р.С.*), и по лавкам и до Кремля-города и до Фроловских ворот...».

В Кремле с утра находились не только ближние люди («Тайный совет»), но и вся Боярская дума. Узнав о появлении толпы на площади, бояре поспешили к патриарху и известили его о «злом совете московских людей». Престарелый Иов со слезами на глазах умолял их сохранить верность присяге, но «ничего не успевашу».

Источники сохранили несколько версий относительно позиции Боярской думы в день переворота. По одной версии, народ ворвался в Кремль («миром же приидоша во град») и, захватив бояр, привел их на Лобное место.

Разрядные записи содержат известие, согласно которому сигнал к мятежу подали окольныйчий Богдан Бельский. Он будто бы поднялся на Лобное место и «учал говорить в мир: “Яз за царя Иванову милость ублюю царевича Дмитрия, за то я и терпел от царя Бориса”». Это свидетельство, однако, не находит подтверждения в записках очевидцев и современников.

Конрад Буссов, находившийся в Москве, писал, что царица Мария Григорьевна сама выслала на площадь бояр, сохранивших верность ее сыну. Чтобы пресечь агитацию посланцев «Дмитрия», бояре пригласили их в Кремль. Однако толпа помешала попытке убрать Пушкина и Плещеева с площади.

Ни русские летописи, ни иностранные авторы (К. Буссов, Я. Маржарет, И. Масса) не упоминают о переходе на сторону восставшего народа кого-нибудь из бояр. По словам Якова Маржарета, «Мстиславский, Шуйский, Бельский и другие были посланы (на площадь к народу. — *Р.С.*), чтобы усмирить волнения». Несмотря на появление бояр, письмо «Дмитрия» было оглашено и вызвало мятеж.

Записки Буссова позволяют установить происхождение ошибки в русских Разрядных записях. Окольныйчий Богдан Бельский в самом деле выходил к народу на Лобное место и, поцеловав крест, поклялся, что государь — прирожденный сын царя Ивана Васильевича, говоря, что «он сам укрывал его на своей груди до сего дня...». Однако эта сцена, описанная очевидцем, имела

место не в момент появления в Москве Гаврилы Пушкина, а три недели спустя, когда в Кремль прибыл сам Лжедмитрий. Авторы Разрядов перепутали последовательность событий.

Подробные сведения о московском восстании заключает в себе опубликованное в 1605 г. английское сочинение, созданное на основе записей и рассказов членов английского посольства, только что вернувшегося из Москвы. Суть этих сведений сводится к следующему.

Народ, собравшийся на Красной площади, потребовал к ответу думных бояр, особенно же бояр Годуновых. Поначалу царевич Федор им отказал, но затем некоторые из бояр все же выехали из Кремля на площадь, так как простой народ грозил привести их насильно. На Лобное место взошел дьяк Афанасий Власьев — лучший в Москве оратор. Он спросил у москвичей о причине необычного сборища. Затем бояре просили толпу разойтись, указывали на то, что в государстве объявлен траур. Они обещали разобрать любые просьбы и ходатайства народа после коронации царевича Федора. Англичане отметили, что речи бояр были двуличными. Сановники говорили таким безразличным тоном, «что видно было, что при этом участвует один язык». На самом деле бояре, и так не отличавшиеся красноречием, лишились дара речи при виде разбушевавшегося народа.

Англичане подробно описали инцидент, послуживший толчком к восстанию. Гаврила Пушкин не успел прочесть грамоту Лжедмитрия и до половины, когда москвичи доставили на площадь двух прежних «воровских» гонцов, вызволенных ими из тюрьмы.

Свидетельство англичан позволяет объяснить один непонятный факт, сообщенный Буссовым. По его словам, в письме к москвичам «Дмитрий» требовал ответа на вопрос, куда они дели его предыдущих посланцев: убили ли их сами, или это сделали тайком господа Годуновы и пр. Парадокс состоит в том, что в подлинной грамоте самозванца не говорилось ни слова ни о каких гонцах. Очевидно, в памяти Буссова события сместились, и он стал приписывать освобождение заключенных воле Лжедмитрия.

Дополнительные сведения о роли тюремных сидельцев в восстании можно обнаружить в польских источниках. Иезуит А. Лавицкий, прибывший в Москву в свите самозванца, сообщает, что в день восстания народ «открыл тюрьмы, благодаря чему «наши поляки, взятые в плен во время боя под Новгородом-Северским и заключенные в оковы Борисом, избавились от темничных оков и даже оказали содействие народу против изменников».

Приведенные факты имеют решающее значение для реконструкции событий, послуживших непосредственным толчком к выступлению народа в столице. Согласно английскому источнику, тюремных сидельцев освободили еще до того, как Пушкин дочитал грамоту Лжедмитрия и собравшийся на площади народ взялся за оружие. Отсюда следует, что восстание в Москве началось с разгрома тюрем. Кому принадлежал почин в этом деле? На этот вопрос источники не дают прямого ответа.

Можно предположить, что нападение на тюрьмы осуществили те же люди, которые опрокинули охрану в городских воротах и провели Пушкина на Красную площадь, т.е. атаман Корела с донскими казаками. В московских тюрьмах к лету 1605 г. собралось огромное число «воров» из простонародья, а также пленных поляков и других лиц, захваченных на поле боя. Освобожденные от оков, они немедленно присоединились к казакам. Их появление на площади произвело на толпу огромное впечатление. «Воры», подвергавшиеся избиению и пыткам в царских застенках, стали живым обличением гоудуновской тирании. Недаром англичане писали, что появление узников на площади явилось как бы искрой, брошенной в порох.

В московском восстании участвовали представители самых различных социальных слоев: «чернь вся, и дворяня, и дети боярские, и всякие люди москвичи». С военной точки зрения, участие хорошо вооруженных служилых людей оказало существенное влияние на исход выступления. Пушкин, Плещеев, другие дворяне, перешедшие на сторону самозванца, сыграли немалую роль в московских событиях. Но подлинными героями восстания были все же не они, а атаман вольных казаков Корела и его сподвижники.

Годуновы могли затвориться в Кремле. Крепость была заранее подготовлена к осаде. Но атаман Корела оказался расторопнее Годуновых.

Мятежный отряд, вступивший в столицу, был невелик в количественном отношении. Тем не менее его действия обеспечили успех восстанию.

Взявшись за оружие, восставшее население Москвы действовало с большой решимостью. Собравшаяся на площади толпа разделилась надвое: «одни учили Годуновых дворы грабить, а другие воры с миром (все вместе. — *Р.С.*) пошли в город (Кремль. — *Р.С.*), и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили».

Согласно летописям, восставшие захватили во дворце царевича Федора и его мать царицу Марию, отвели их на старый двор Бориса Годунова и приставили к ним стражу.

Однако более достоверным следует признать свидетельство англичан. По их словам, царица Мария воспользовалась суматохой и в самом начале мятежа покинула дворец, укрывшись в безопасном месте. По пуги с нее сорвали жемчужное ожерелье. Этим и ограничили ее злоключения в день восстания. Федору Борисовичу, совещающемуся с думой, помогли укрыться его рабы, т.е. дворцовые служители.

Низложенный царевич и его семья подверглись аресту, по-видимому, не в самый день восстания, а позже.

Дворцовая стража разбежалась, не оказав нападавшим сопротивления. Толпа ворвалась в опустевший дворец и принялась в ярости крушить «храмины» и уничтожать все, что попадалось под руку. В прошальной грамоте патриарх Иов с особым возмущением писал о том, что москвичи, в числе других вещей, захватили во дворце и разодрали в мелкие клочки златотканую материю, подготовленную на «господню плашаницу», и лоскуты, «на копыя и на рогатины встыкая, по граду и по торжищуносяку». Народ разгромил не только дворец, но и старое подворье Бориса Годунова. Не обнаружив нигде царскую семью, восставшие бросились в вотчины Годуновых, находившиеся в окрестностях столицы. Там они «не токмо животы пограбили, но

и хоромы разломаша и в селах их и в поместьях и в вотчинах: также пограбиша».

Вслед за тем толпа напала на дворы, принадлежавшие боярам Годуновым. Тесно связанные с династией, бояре Годуновы олицетворяли в глазах народа власть и богатство. Труднее объяснить нападение на Сабуровых и Вельяминовых. К моменту восстания никто из них не входил в Боярскую думу и не принадлежал к высшему правительственному кругу. В грамоте к московскому населению Лжедмитрий обличал одних Годуновых и не называл имени ни Сабуровых, ни Вельяминовых. Вся их вина заключалась в отдаленном родстве с низложенной династией. Погрому подверглись не только подворья Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, но и многие другие богатые дворы, вовсе не принадлежавшие родне Годуновых. Как записали дьяки Разрядного приказа, люди «миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили».

Сколь бы малочисленными ни были казачьи сотни Корелы, они не затерялись в массе восставшего московского населения. Участие «черного» посадского населения, «меньших людей», а также холопов, с одной стороны, и повстанческого казачьего отряда — с другой, привело к тому, что движение сразу же приобрело яркую социальную окраску. Как писали англичане в своем отчете, «весь город был объят бунтом: и дома, и погреба, и канцелярии думных бояр, начиная с Годуновых, были преданы разгрому»; «московская чернь, без сомнения, сделала все возможное»; «толпа сделала, что только могла и хотела; особенно досталось наиболее сильным мира, которые, правда, и были наиболее недостойными»; «более зажиточные подвергались истязанию, жалкая голь и нищета торжествовала»; с «богатых срывали даже одежду».

Во время других восстаний народ, доведенный до отчаяния притеснениями, требовал выдачи ненавистных ему чиновников и расправлялся с ними. Переворот 1605 г. имел свои отличительные черты. Несмотря на все обличения самозванца, у народа было собственное представление о правлении Годуновых. Как видно, столичное население не считало их ни жестокими угне-

тателями, ни кровопийцами. По этой причине в день восстания никого не убивали и не казнили. Правительство, со своей стороны, не сделало никаких попыток к вооруженному подавлению мятежа. И все же в день переворота не обошлось без жертв.

Добравшись до виновных погребов, люди разбивали бочки и черпали вино кго шалкой, кто башмаком, кто ладонью. «На дворах в погребах, — записал летописец, — вина опилися многие люди и померли...» Исаак Масса, любивший всякого рода подсчеты, сообщал, что после мятежа в подвалах и на улицах нашли около 50 человек, упившихся до смерти. Англичане утверждали, что после бунта в Москве было не менее 100 умерших и помешавшихся от пьянства людей. Внезапно вспыхнув, восстание так же внезапно улеглось после полудня того же дня. На улицах появились бояре, старавшиеся навести порядок.

Восстание в Москве стало важной вехой в политическом развитии Русского государства. Царевич Федор Годунов и царица Мария были низложены и взяты под стражу. Первая выборная земская династия рухнула под напором народных выступлений, охвативших южную окраину, а затем перебросившихся в столицу.

Всего семь лет минуло с того времени, как «всенародное множество» — столичный народ — помогло Борису Годунову взойти на трон. Что изменилось с тех пор? Вступая на престол, Борис обещал, что покончит с нищетой, будет править по справедливости, будет искать «всем — всего народа людям — полезная», чтобы все его подданные имели «изобилowanie, житие немятежное и неповредимый покой у всех ровно». Годунов был первым царем, обещавшим благоденствие всему народу. Но голод рассеял в прах иллюзии, навеянные его обещаниями. Проекты искоренения бедности и нищеты оказались неисполнимыми. Страна не имела достаточных запасов хлеба, и власти, истощив казну, отказались от попыток спасти голодающий народ. Случилось так, что при Годунове население пережило бедствия, затмившие все его прежние несчастья. Вслед за неурожаем страна испытала ужасы гражданской войны, в итоге которой Годуновы окончательно лишились поддержки народа.

И все же выборная земская династия не стала предметом ненависти «всенародного множества». По этой причине бунт 1605 г. в Москве оказался самым бескровным из всех московских восстаний «бунташного века».

Бояреи самозванец

В день восстания Москва оказалась в руках народа, который не знал, что делать с властью, а потому и утратил ее очень скоро. Поскольку москвичи взялись за оружие во имя царя Дмитрия, власть подхватили люди, которые стали вершить дела его именем.

После смерти Бориса Годунова его вдова царица Мария Годунова-Скуратова вернула в Москву своего двоюродного брата Богдана Бельского. По словам очевидцев, Бельский в качестве опального сразу оказался «в большой чести у простого народа, нему, поскольку он больше всех других преследовал Годуновых (в момент восстания. — Р.С.), поручили управление в Кремле от имени Дмитрия».

Прошло 20 лет с тех пор, как народ сверг Бельского, видя в нем ненавистного опричного правителя. Теперь любимец Грозного вернулся в Кремль и заявил о своем праве на власть в качестве бывшего опекуна Дмитрия. Бельский позаботился о том, чтобы затворить ворота и выставить караулы по всему Кремлю. Распоряжения оказались нелишними. Посреди ночи в городе ударили в набат, и толпа вновь собралась у ворот Кремля. Распространился слух, будто сторонники Годуновых приготовили 400 лошадей, чтобы увести из столицы царскую семью. Убедившись в том, что никто не собирается похищать низложенного царя, толпа разошлась.

Автор русского «Хронографа» считал, что Боярская дума принесла присягу Лжедмитрию в день восстания: «... бояре и всяких чинов люди крест ему целовали, иные волею и иные неволею, бояся смертного убойства».

В действительности дело обстояло значительно сложнее. В день переворота противники династии исподтишка направля-

лиярость народа на Годуновых, их родню и приверженцев. Уже на другой день утром стало ясно: с земской выборной династией покончено раз и навсегда. Наступило короткое междуцарствие.

Прошло два дня, прежде чем Боярская дума приняла решение направить своих представителей к «царевичу». Никто из старших и наиболее влиятельных бояр не захотел ехать на поклон к нему. Со времени избрания Бориса Годунова Боярская дума во второй раз должна была согласиться на передачу трона неугодному и, более того, неприемлемому для нее кандидату. Как и в 1598 г., вопрос о престолонаследии был перенесен из дворца на площадь. Но передача власти из рук в руки была осложнена кровопролитной гражданской войной.

Борису Годунову помогли шествия «всенародного множества» на Новодевичьем поле. Лжедмитрия привели к власти востания на южных границах и в столице. Годунов не смог добиться присяги от бояр после наречения на царство в Новодевичьем монастыре. Отрепьев пересилил бояр и заставил их явиться к нему в лагерь. Английские источники довольно точно очертили круг лиц, добившихся от думы признания самозванца. Соответствующее решение, по словам англичан, было принято внезапно, «благодаря тому что члену Боярской думы Богдану Бельскому с некоторыми другими частным образом стало известно об отъезде Дмитрия из лагеря». Видимо, именно Бельский поддерживал тайные связи с боярами, перешедшими на сторону Лжедмитрия. У Бельского было мало приверженцев в годуновской думе. Тем не менее ему удалось запугать членов думы известием о наступлении Лжедмитрия на Москву.

Наученный бегством из-под Севска, Отрепьев старался держаться подальше от своих полков, продвигавшихся к Москве. Лишь получив новость о перевороте в столице, Отрепьев 5 июня 1605 г. перешел в Тулу. Там его встречали духовенство с крестами, воеводы, дворяне и народ. Прежде Лжедмитрию преподносили хлеб-соль. В Туле его поздравляли как признанного на Москве царя и, по обычаю, вручали драгоценные подарки.

Самозванец поручил командование авангардом П.Ф. Басманову и Я. Запорскому. По словам последнего, в их полках, кро-

ме поляков, было 30 000 «москвы» и донских казаков. По свидетельству Разрядов, самозванец «как пришел на Тулу и с Тулы послал в Серпухов воевод по полкам: в большом полку боярин и воевода Петр Федорович Басманов, в передовом полку князь Василий Григорьевич Долгорукий Чертенюк, в сторожевом полку воевода князь Алексей Григорьевич Долгорукой же Чертенюк». Приведенный Разряд не оставляет сомнений в том, что в подчинении П. Ф. Басманова находилось немного воинских людей. За несколько лет до войны с самозванцем главный помощник Басманова В. Г. Долгорукий служил вместе с Гаврилой Пушкиным в крохотной сибирской крепости Пестыме. Его брат А. Г. Долгорукий вообще не имел воеводского чина.

Разрядные данные подтверждают известие современников о том, что Лжедмитрий, будучи в Туле, «распустил по домам много войска». Поражение на переправах под Серпуховом убедило Отрепьева, что сдавшиеся под Кромами войска деморализованы и не способны встать во главе восстания в обстановке гражданской войны.

Лжедмитрий потребовал, чтобы Ф. И. Мстиславский и прочие бояре немедленно ехали к нему в лагерь. Дума постановила послать в Тулу князя И. М. Воротынского, бывшего 20 лет не у дел, и таких второстепенных бояр и окольничих, как князь Трубецкой, князь А. А. Телятевский, Ф. И. Шереметев, а также думного дьяка А. Власьева и представителей других чинов — дворян, приказных и гостей.

3 июня делегация из Москвы выехала в Серпухов. Вместе с представителями столичных «чинов» туда отправились все Сабуровы и Вельяминовы, чтобы вымолить себе прощение Лжедмитрия. П. Ф. Басманов, распорядившись в Серпухове именем своего государя, не пропустил родню Юдуновых в Тулу. Несмотря на то что Сабуровы и Вельяминовы целовали крест Лжедмитрию, их «недруг» Басманов велел взять их под стражу, «потому что, — поясняют Разряды, — Петру Басманову у Растриги время было». Басманов заслужил милость у самозванца тем же способом, что и у Юдунова. Он повсюду искал изменников и беспощадно карал их. По его навету Сабуровы и Вельяминовы (всего 37 человек) были ограблены и брошены в тюрьму. Этот факт, от-

меченный Разрядными росписями, находит подтверждение в челобитных грамотах Вельяминовых, поданных правительству после Смуты. «И нас, — писали Вельяминовы, — Рострига, пограбя, сослал на Низ, а поместья наши роздал в роздачу».

Между тем П. Ф. Басманов был отозван из Серпухова в Тулу. Там ему представился случай расправиться с другим своим недругом — А. А. Телятевским.

Отрепьев был взбешен тем, что главные бояре отказались подчиниться его приказу и прислали в Тулу второстепенных лиц.

На поклон к Лжедмитрию в начале июня приехал с Дона атаман вольных казаков Смага Чертенский. Чтобы унижить посланцев Боярской думы, самозванец допустил к руке донцов раньше, чем бояр. Проходя мимо бояр, казаки ругали и позорили их. «Царь» обратился к Чертенскому с милостивым словом, а допущенных следом Воротынского с товарищами «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын».

Боярина А. А. Телятевского фактически выдали казакам на расправу. Казаки жестоко избили его, а затем едва живого отвели в тюрьму. Сцена, разыгравшаяся в Туле, была последним отголоском того периода самозванщины, когда поддержка восставшего народа и донцов имела для «вора» решающее значение.

Из Тулы Лжедмитрий выступил в Серпухов. Дворовыми воеводами при нем числились князь И. В. Голицын и М. Г. Салтыков; ближними людьми — боярин князь В. М. Мосальский и окольный князь Г. Б. Долгорукий; главными боярами в полках — князь В. В. Голицын, его родня князь И. С. Куракин, Ф. И. Шереметев, князь Б. П. Татев и Б. М. Лыков. Навстречу Лжедмитрию в Серпухов выехали князь Ф. И. Мстиславский, князь Д. И. Шуйский, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки и столичные купцы — гости.

Московские верхи сделали все, чтобы облегчить соглашение с путивльским «вором», которого они в течение семи месяцев безуспешно пытались уничтожить. Бояре велели и звать на свет Божий огромные шатры, в которых Борис потчевал дворян в дни серпуховского похода накануне своей коронации. Шатры имели вид крепости с башнями и были весьма вместительными. Изнутри стены главного шатра были расшиты золотом. В Сер-

пухов заблаговременно прибыли служители Сытенного и Кормового дворцов, многочисленные повара и прислуга с запасами. Бояре и московские чины дали пир Лжедмитрию. По словам очевидцев, на пиру присутствовали разом 500 человек.

Пиры и приемы были не более чем декорацией, скрывавшей от посторонних глаз переговоры междусамозванцем и боярами. Переговоры завершились соглашением. По некоторым сведениям, была составлена запись, скрепленная подписями 12 «послов» Лжедмитрия (6 московитов и 6 поляков) и советом всех бояр. Степень достоверности польского источника, сообщающего подробности об этом соглашении, не слишком велика.

Прибытие в Тулу главного дьяка А. Власьева и других приказных людей привело к тому, что управление текущими государственными делами начало переходить в руки самозванца. Получив от А. Власьева полную информацию о последних дипломатических переговорах, Лжедмитрий распорядился задержать английских послов, готовившихся покинуть Россию. Агент Московской компании Джон Мерик был вызван самозванцем в Серпухов. «Царь» предложил возобновить союз, некогда заключенный его мнимым отцом с королевой Елизаветой. Грамота была подписана в Туле 8 июня 1605 г.

Находясь в Туле, Лжедмитрий известил страну о своем восшествии на престол. Рассчитывая на неосведомленность дальних городов, Отрепьев утверждал, будто его «узнали» как рожденного государя патриарх Московский Иов, весь освященный собор, дума и прочие чины. 11 июня 1605 г. Лжедмитрий был еще в Туле, но на своей грамоте пометил: «Писана на Москве». Вместе с окружной грамотой самозванец разослал по городам текст присяги. Она представляла собой сокращенный вариант присяги, составленной при воцарении Бориса Годунова и Федора Борисовича. Самозванец повторил прием, к которому прибег Борис Годунов, а затем его сын. Добиваясь трона, Борис велел сразу после смерти Федора Ивановича принести присягу на имя вдовы царицы Ирины и на свое имя. Федор Борисович поставил на первое место имя вдовы-царицы Марии Годуновой, когда потребовал присяги от думы и народа.

Ни в Самборе, ни в Путивлесамозванец не ссылался на возможное свидетельство «матери», заточенной в глухом северном монастыре. После переворота в Москве он решил использовать авторитет вдовы Грозного, чтобы навязать свою власть стране. Присяга на имя вдовы Грозного была еще одной попыткой самозванца мистифицировать страну. После смерти Федора Ивановича Борис Годунов пытался править страной от имени вдовы-царицы. Пострижение царицы Ирины положило конец ее карьере как правительницы. Равным образом не могла царствовать и старица Марфа Нагая — вдова царя Ивана.

Отрепьев знал о вражде старицы Марфы к Годуновым и не без основания рассчитывал на ее помощь. Готовясь к неизбежной встрече с мнимой «матерью», самозванец приблизил первого же ее родственника, попавшего к нему в руки. В Туле он пожаловал чин постельничего дворянину Семену Ивановичу Шапкину потому, «что он Нагим племя».

Дьяки самозванца исключили из текста присяги запреты добывать ведунов на государя, портить его «на следу всяким ведовским мечтанием», насылать лихо «ведовством по ветру» и пр. Подданные кратко обещали не «испортить» царя и не давать ему «зелье и коренье лихое». Вместо пункта о Симеоне Бекбулатовиче и «воре», назвавшемся Дмитрием Углицким, в тексте присяги появился пункт о «Федьке Годунове». Подданные обещали «не подыскивать царство под государями» «и с изменники их, с Федькою Борисовым сыном Годуновым и с его матерью и с их родством, и с советники не ссылатся письмом никакими мерами».

Членам низложенной царской семьи удалось спастись в день восстания. Но вскоре их убежище было открыто, и тогда Боярская дума распорядилась заключить их под домашний арест. «Царицу же и царевича и царевну, — записал летописец, — поимаша и сведоша их на старой двор царя Бориса и даша их за приставы».

Московская знать, презиравшая худородного Бориса, пожелала посмертно лишить его царских почестей. Свская могила Годунова в Архангельском соборе была раскопана, тело умершего вынесено из церкви. Очевидец событий Яков Маржарет

эксидетельствовал, что все это сделано было «по просьбе вельмож». По словам «хранителя» царских гробов в Архангельском соборе, произошло это 5 июня 1605 г. Очевидец события епископ Архангельского собора Арсений отметил, что тело Бориса вынули из гроба «ради поругания». Автор «Нового летописца» говорит о том же: «...яко же и мертвенное тело поругано бысть». И лишь поздний «Морозовский летописец» сообщает подробности: «Царя Бориса извергоша из храма архистратига Михаила и повелеша извлечь на сонмише с великим поруганием: и камене на него метати, и ногами пхати тело его, поверженное и на земле лежащее».

Руководители думы надеялись заслужить милость самозванца. Фактически же их действия развязали руки Отрепьеву.

По словам Конрада Буссова, в Серпухове «царь Дмитрий» объявил, что он не присдет в Москву, «прежде чем не будут уничтожены те, кто его предал. Все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги также и молодого Федора Борисовича с матерью, только тогда он присдет и будет им милостивым государем».

Известие Буссова находит неожиданное подтверждение в английском сочинении 1605 г. Автор сочинения весьма неловко скомпоновал черновые записки, полученные им от членов английского посольства. Поэтому сведения о письме самозванца оказались некстати включенными в рассказ о прибытии в Москву Г. Пушкина. По словам англичан, в письме «царя Дмитрия» значилось, что он отправил к москвичам «лиц знатного происхождения, как-то: князя Федора Ивановича Мстиславского и князя Дмитрия Ивановича Шуйского — и поручил им лишить его врагов закиданных ими мест и заключить в неволю Годуновых и иных, пока он не объявит дальнейшей своей воли, с тем чтобы истребить этих чудовищ кровопийц и изменников...».

Ф.И. Мстиславский и Д.И. Шуйский были как раз теми боярами, которые ездил в Серпухов. Английский автор попытался смягчить смысл приказа «Дмитрия», которого он всячески восхвалял. Однако рассказ Буссова доказывает, что в письме из Серпухова самозванец требовал казни низложенного царя и прочих

Годуновых (требовать их «заклучения в неволю» не имело смысла, потому что все они уже находились под стражей).

Взявшись выполнить поручение Лжедмитрия, руководители думы фактически санкционировали расправу над царской семьей.

Первыми эмиссарами самозванца в Москве были Гаврила Пушкин и атаман Корела. Но у Пушкина не было думного чина, а Корела не располагал достаточными силами, чтобы принудить к подчинению высший орган государства — думу.

Завершив переговоры с Ф.И. Мстиславским, Лжедмитрий отправил в столицу особую боярскую комиссию. Формально ее возглавлял князь В.В. Голицын, обладавший необходимым чином. Фактически же главными доверенными лицами самозванца в московской комиссии стали члены путильской «воровской» думы В.М. Мосальский и дьяк Б. Сутупов. Вместе с комиссией в Москву был направлен П.Ф. Басманов.

В «Сказании о Гришке Отрепьеве» упоминается о том, что посланцы Отрепьева явились в Москву «со многими людьми служивыми и с казаками». «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства» уточняет, что Лжедмитрий вскоре «с ратию посла Петра Басманова». В «Новом летописце» тот же текст читается иначе: «вор» отрядил в Москву «на злое свое умышление» Голицына и двух других лиц, «а с ратию посла Петра Басманова».

По «Новому летописцу», миссия Басманова заключалась в том, чтобы навести страх на столицу и искоренить там измену.

Голицын и Басманов привезли в Москву обращение Лжедмитрия к освященному собору, Боярской думе и «всему народу великой Москвы». Послание касалось судеб низложенной царской семьи и, по словам очевидцев, «было исполнено яда».

Прибыв в Москву, боярская комиссия тотчас выполнила приказ самозванца. Экзекуцией непосредственно руководили дворяне М. Молчанов и А. Шерешевцов из бывших опричников. Они явились на старое подворье Бориса Годунова в сопровождении отряда стрельцов, захватили царицу и ее детей и развели «по храминам порознь». Царица Мария Годунова-Скуратова обмерла от страха и не оказала палачам никакого сопротивления. Фе-

двор Годунов отчаянно сопротивлялся — стрельцы долго не могли с ним справиться. После казни боярин В. В. Голицын велел созвать переддомом народ и, выйдя на крыльцо, объявил «миру», что «царица и царевич со страстей испиша зелья и помроша, царица же едва оживе». Новые власти сделали все, чтобы утвердить официальную версию смерти царя Федора и его матери. Но столичное население не поверило им. Когда два простых гроба с убитыми были выставлены на общее обозрение, народ нескончаемой толпой двинулся на подворье Годуновых. Как записал шведский агент Петр Петрей, он видел собственными глазами вместе со многими тысячами людей следы от веревок, которыми были задушены царица Мария и царь Федор Годуновы.

Следуя версии осамубийстве, бояре запретили традиционный погребальный обряд. Труп вдовы-царицы Марии Годуновой отвезли в женский Варсонофьев монастырь на Сретенке и там зарыли вне стен церкви, внутри монастырской ограды. В одну яму с ней были брошены тела Бориса и Федора Годуновых.

Распорядившийся в Кремле Б. Я. Бельский не принимал непосредственного участия в расправе над царицей Марией, которая приходилась ему двоюродной сестрой. Басманов тоже оставался в стороне. Но именно эти лица довершили разгром Годуновых, их родни и приверженцев в Москве.

Имущество Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых было отобрано в казну. Бояре Годуновых отправили в ссылку в Сибирь и в Нижнее Поволжье. Исключение было сделано лишь для недавнего правителя С. М. Годунова. Его отправили в Переяславль-Залесский с князем Ю. Приимковым-Ростовским. Пристав имел приказ умертвить его в тюрьме. По некоторым сведениям, С. М. Годунова уморили голодом. По свидетельству Разрядных книг, в тюрьме был умершвлен и старший из Годуновых — Степан Васильевич, который ранее в чине дворецкого возглавлял Дворцовый приказ.

15—16 июня 1605 г. в Серпухове был получен приказ везти арестованных Сабуровых и Вельяминовых в Казанский и Астраханский край. Спустя четыре дня из Москвы повезли жен и детей опальных. Семьи должны были присоединиться к своим родным в местах ссылки.

Самозванец не мог занять трон, не добившись покорности от Боярской думы и церковного руководства. Между тем патриарх Иов не желал идти ни на какие соглашения со сторонниками Лжедмитрия. Неразборчивый в средствах, Отрепьев пытался вести двойную игру: провинцию он желал убедить в том, что Иов уже «узнал» в нем прирожденного государя, а в столице готовил почву для расправы с непокорным патриархом.

Одна из провинциальных летописей сохранила тексты двух грамот «вора» к церковникам. По словам автора летописи, одну из этих грамот, адресованную патриарху, привез в Москву князь В.В. Голицын. Содержание послания наводит на мысль, что оно не могло быть написано в тульский период, к которому относится посылка В.В. Голицына в Москву. Во-первых, в грамоте нет и намек на произошедший в Москве переворот. О восшествии на трон самозванец упоминает как о неопределенном будущем. Во-вторых, Лжедмитрий именвал Иова «первым всеа Русии изменником», неслышим советником («совещателем»), искоренителем «царского корени» и пр. и вместе с ним, не выбирая слов, бранил весь московский освященный собор. Патриарх, писал он, желал «нас лишити проклятием своим и ложным собором нашего праротеческого царьского престола, еще на нас... богоненавистным своим собором вооружился еси проклятию вдати нас...».

Приведенное послание Отрепьева скорее всего явилось ответом на прежние грамоты Иова и постановления освященного собора, обличавшие «вора». Оно было составлено, вероятно, до московского восстания и привезено в столицу с запозданием.

Свое второе послание Лжедмитрий адресовал рязанскому архиепископу Игнатию. Едва П. Ляпунов и прочие мятежники вернулись в Рязань из лагеря под Кромами, Игнатий немедленно примкнул к победившей стороне. Он первым из иерархов признал «царя Дмитрия» и поспешил на поклон к нему в Тулу. В письме Лжедмитрий благодарил его за службу: «...твоими молитвами и благословеньем Рязань и Кошира и все иные города нашему величеству добили челом...»

Патриарх Иов сохранял верность Годуновым до последнего момента и потому должен был разделить их участь. В прошаль-

ной грамоте 1607 г. Иов живо описал свои злоключения в день переворота 1 июня. «...Множество народа царствующего града Москвы, — писал он, — внидоша во святую соборную и апостольскую церковь (Успенский собор. — Р.С.) с оружием и дреколием во время святого и божественного пения... и внидоша во святыи олтарь и мсяя, Иова патриарха, из олтаря взяша и во церкви и по площади таская, позориша многими позоры...»

С красочными подробностями описывает расправу «История о первом патриархе». Когда Иова притащили на Лобное место, повествует автор «Истории», «мнози» в толпе «плакаху и рыдаху», тогда как другие ругали и били пленника; те, кто хотел убить Иова, стали одолеваять тех, кто плакал, потуг на площадь прибежали «воры», побывавшие на патриаршем дворе; они кричали: «Богат, богат, богат Иов патриарх, идем и разграбим имения его!» Толпа бросилась грабить патриаршине палаты, и жизнь Иова была спасена.

Достоверность приведенного рассказа невелика, поскольку первая биография («Житие») Иова была составлена позднее (после 1652 г.), и в ней, как отметил С.Ф. Платонов, невозможно обнаружить непосредственных впечатлений очевидца и современника Смуты.

Можно предположить, что сторонники Лжедмитрия, захватив патриарха в Успенском соборе, в дальнейшем постарались изолировать его, для чего заключили под домашний арест, как и семью низложенного Федора Годунова. Получив весть о перевороте в Москве, Лжедмитрий решил окончательно избавиться от Иова, предварительно использовав авторитет его имени. 5 (15) июня 1605 г. иезуит А. Лавицкий, близкий к особе самозванца, писал в письме следующее: «Теперь новость: московский патриарх признает светлейшего Дмитрия наследственным государем и молит о прощении себе, но москвитяне так на него распалились, что упрямому старцу ничего, кроме смерти, не оставалось...»

Известие насчет признания «Дмитрия» патриархом Иовом было ложью, обычной в устах Отрепьева. Эта ложь предназначалась прежде всего зарубежным корреспондентам самозванца, а также узданным городам России. Пустив в ход версию, будто

москвичи едва не убили Иова, самозванец желал подготовить умы к расправе с главой церкви. Он действовал, не заботясь о формальностях. Судьба патриарха решилась, когда Лжедмитрий был в 10 милях от столицы.

Самозванец поручил дело Иова той самой боярской комиссии, которая должна была произвести казнь Федора Годунова. Церемония низложения Иова как две капли воды походила на церемонию низложения митрополита Филиппа Колычева царем Иваном и его опричниками. Боярин П.Ф. Басманов препроводил Иова в Успенский собор и там проклял его перед всем народом, назвав Иудой и виновником «предательства» Бориса по отношению к «прирожденному государю Дмитрию». Вслед за тем стражники содрали с патриарха святительское платье и «положили» на него «черное платье». Престарелый Иов долго плакал, прежде чем позволил снять с себя панцирь. Местом заточения Иова был избран Успенский монастырь в Старице, где некогда он начал свою карьеру в качестве игумена опричной обители.

Казнь низложенного царя Федора Годунова и изгнание из Москвы главы церкви расчистили самозванцу путь в столицу. По дороге из Тулы в Москву путивльский «вор» окончательно преобразился в великого государя. В Серпухове его ждали царские экипажи и 200 лошадей с Конюшенного двора. На пути к Коломенскому бояре привезли Отрепьеву «весь царский чин»: кое-какие регалии и пышные одесья, сшитые по мерке в кремлевских мастерских.

В окрестностях Москвы Лжедмитрий пробыл три дня. Он постарался сделать все, чтобы обеспечить себе безопасность в столице и выработать окончательное соглашение с думой.

В московском манифесте Лжедмитрий обязался пожаловать бояри и окольничих их «прежними отчинами». Это обязательство составило основу соглашения между самозванцем и думой. Другие пункты соглашения касались состава думы. Самозванцу пришлось удовлетвориться изгнанием Годуновых. Зато он получил возможность пополнить думу своими ближними людьми.

Гражданская война принесла с собой чрезвычайные потрясения. Возникла особая атмосфера, способствовавшая распространению всевозможных слухов.

Невзирая на двукратные похороны Бориса, сграну захлестнули слухи о его чудесном спасении. Толковали, будто Годунов жив, а вместо него в могилу положили его двойника. На улицах люди клятвенно утверждали, будто своими глазами видели старого царя в подвале на подворье у Годуновых; будто Годунов бежал то ли в Англию, то ли в Швецию, то ли к татарам.

Толки о спасении Бориса достигли Тулы. Самозванцу они едва ли внушали тревогу. Подлинную опасность для него представляли иные слухи.

Обличения зловредного Расстриги, угратившие влияние на умы в форме правительственных обращений, неожиданно возродились после падения Годуновых. За время пребывания в Кремлевском Чудовом монастыре Отрепьев успел обратить на себя внимание не только своими редкими способностями, но и своей запоминающейся внешностью. Некоторые из чудовских монахов якобы сразу же узнали его. Масса отметил в своих записках, что уже при вступлении в Кремль «царевич» приметил изумленные взгляды некоторых кремлевских монахов и «может быть, хорошо их зная, на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку».

Согласно свидетельству «Повести 1626 г.», Лжедмитрий после низложения патриарха Иова «мнихов многих» из Чудова монастыря «в расточение посылает, понеже знаем ими бывате...». Чудов монастырь был личным монастырем патриарха, и гонениям подверглись чудовские монахи, известные своей особой близостью к Иову. Когда «вор» вступил в Москву, повествуют летописцы, некоторые из москвичей «сво узнали, что он не царский сын, а прямой вор Гришка Отрепьев рострига...».

Оценивая известия об опознании самозванца, надо иметь в виду, что все они были составлены задним числом, уже после гибели Лжедмитрия I.

Опасность разоблачения в наибольшей мере угрожала Отрепьеву в Путивле. Там он жил в небольшом городке, у всех на глазах, не имея возможности отгородиться от людей дворцовыми стенами. Там его преследовали поражения и неудачи. Можно установить, что уже в Путивле самозванец столкнулся лицом к

лицу с некоторыми дворянами, хорошо его знавшими. Но это не имело и не могло иметь никаких последствий.

В росписи армии Ф. И. Мстиславского против имени дворянина И. Р. Безобразова имеется помета: «В полон взят». Пленный под Новгородом-Северским Безобразов неожиданно для себя столкнулся лицом к лицу с бывшим товарищем детских игр. Со слов Безобразова поляк Я. Собеский записал в своем дневнике следующее: «Дом отца и деда Отрепьева был в Москве рядом с домом Безобразова — об этом говорил сам Безобразов. Ежедневно Гришка ходил в дом Безобразова, и всегда они вместе играли в детские годы, и так они вместе росли». Если бы Безобразов попытался обличить своего давнего приятеля, его мгновенно бы уничтожили. Но он не помышлял о раскрытии обмана и сделал превосходную карьеру при дворе Лжедмитрия.

Утверждение летописцев, будто москвичи, опознав Отрепьева после его водворения в Кремле, горько плакали о своем преступлении, не соответствует истине. Напротив, в столице после переворота преобладала атмосфера общей экстаза по поводу обретения истинного государя. Народ мог лицезреть его лишь издали.

Впрочем, даже среди общего ликования ничто не могло заглушить убийственную для Лжедмитрия молву. Эта молва возродилась не потому, что кто-то «вызнал» в царя беглого чудовского дьякона. Причина заключалась совсем в другом. В борьбу включились могущественные силы, стремившиеся помешать Лжедмитрию занять трон. Бояре не для того избавились от «худородных» Годуновых, чтобы передать власть темному проходимцу. Отрепьев понимал, что в думе и среди столичных дворян у него больше врагов, чем сторонников. Опасаясь попасть в западню, он три дня стоял у ворот Москвы.

Наконец 20 июня 1605 г. самозванец вступил в Москву. Во время движения стража внимательно осматривала путь, чтобы предотвратить покушение. Гонцы поминутно обгоняли «царский» кортеж, а затем возвращались с донесениями. Самым знатным боярам Отрепьев велел быть подле себя. Впереди и позади «царского» поезда следовали польские роты в боевом порядке. Очевидцы утверждали, будто кругом «царя» ехало не-

сколько тысяч поляков и казаков. Боярам не дозволено было иметь при себе вооруженную свиту. Дворяне и войска растянулись в хвосте колонны. По приказу самозванца строй московских дворян и ратников был распущен, едва кортеж стал приближаться к Кремлю.

Узкие городские улицы были забиты жителями. Чтобы лучше разглядеть процессию, люди забирались на заборы, крыши домов и даже на колокольни. При появлении самозванца толпа потрясала воздух криками: «Дай Господи, государь, тебе здоровья!» Колокольный звон и приветствия москвичей катились за царской каретой подобно волне. Как писал один из участников процессии, люди оглохли от колокольного звона и воплей.

На Красной площади возле Лобного места Лжедмитрия встретило все высшее московское духовенство. Архиереи отслужили молебен посреди площади и благословили самозванца иконой. По словам Массы, «царь» приложился к иконе будто бы не по православному обычаю, что вызвало среди русских явное замешательство.

Приведенное свидетельство сомнительно. Будучи протестантом, Масса не слишком разбирался в тонкостях православной службы и не понял того, что произошло на его глазах. Архиепископ Арсений, лично участвовавший во встрече, удостоверил, что все совершилось без каких бы то ни было отступлений от православного обряда. Возмущение москвичей вызвали бесчинства, но не «государя», а поляков. Едва православные священнослужители запели псалмы, музыканты из польского отряда заиграли на трубах и ударили в литавры. Под аккомпанемент веселой польской музыки самозванец прошел с Красной площади в Успенский собор. Русские священники, писал иезуит А. Лавицкий, подвели «царя» к их главному собору, но «в это время происходила столь сильная игра на литаврах, что я, присутствуя здесь, едва не оглох». Музыканты старались произвести как можно больше шума, радуясь замешательству москвичей. Вопреки легендам никаких речей при встрече Лжедмитрия сказано не было. Лишь в Архангельском соборе Отрепьев собрался с духом и произнес несколько слов, которых от него все ждали.

Приблизившись к гробу Ивана Грозного, он сказал, «что отец его — царь Иоанн, а брат его — царь Федор!»

Православных немало смутило то, что новый царь привел «во церковь многих ляхов» и те «во церкви божий ставши с ним».

Отрепьев опасался расставаться с телохранителями даже в соборах. Из церкви самозванец отправился в Тронный зал дворца и торжественно уселся на царский престол. Польские роты стояли в строю с развернутыми знаменами под окнами дворца.

На Красной площади собралось все столичное население. Толпа не желала расходиться. Самозванец был обеспокоен этим и выслал на площадь Б.Я. Бельского с несколькими другими членами думы. Бельский напомнил, что именно его царь Иван назначил опекуном при своих детях, и тут же поклялся, что укрывал царевича Дмитрия «на своей груди». Бельский призвал народ служить верой и правдой своему прирожденному государю. Москвичи встретили его слова криками одобрения.

Опасаясь за свою безопасность, самозванец немедленно сменил всю кремлевскую стражу. Как записал Масса, «казаки и ратники были расставлены в Кремле с заряженными пищальями, и они даже вельможам отвечали грубо, так как были дерзки и ничего не боялись».

В истории гражданской войны в России наступил, быть может, самый знаменательный момент. Повстанческие силы, сформированные в ходе восстаний в Северной земле и сославшие из вольных казаков, ратных людей Пугивля и других мятежных гарнизонов, холопов, посадских людей, мужиков и пр., заняли Кремль и взяли под контроль другие ключевые пункты столицы. Они привели в Москву своего царя, а потому чувствовали себя полными хозяевами положения.

Расправа с Шуйскими

Отрепьев знал, какую власть над умами имеет духовенство, и спешил сменить церковное руководство. Не доверяя русским иерархам, самозванец решил поставить во главе церкви грека Игнатия. Выходец с Кипра, Игнатий прибыл в Россию

в 1595 г. Грек сумел завоевать доверие Бориса Годунова и патриарха Иова. В 1602 г. он получил в управление Рязанское архиепископство. И русские писатели, и находившиеся в Москве иностранцы с крайним осуждением отзывались о личных качествах Игнатия. Игнатий первым из церковных иерархов предал Годуновых и признал путивльского «вора». В награду за это Лжедмитрий сделал его патриархом.

На другой день после переезда во дворец самозванец вслел собором священников, чтобы объявить о переменах в церковном руководстве. Низложение первого русского патриарха было актом вопиющего произвола и беззакония. Собравшись в Успенском соборе, сподвижники и ученики Иова погановили: «Пусть будет снова патриархом святейший патриарх господин Иов». Восстановление Иова в сане патриарха понадобилось собору, чтобы придать процедуре вид законности. Следуя воле Отрепьева, отцы церкви далее постановили отстранить от патриаршества Иова, потому что он «великий старец и слепец» и не в силах пасти многочисленную паству, а на его место избрать Игнатия. Участник собора грек Арсений подчеркивал, что Игнатий был избран законно и единогласно. Никто из иерархов не осмелился протестовать против произвола царя.

Арсений не отметил точную дату избрания Игнатия. Но он знал, что «Дмитрий» созвал епископов на другой день после прибытия в Кремль, а поставление Игнатия совершилось в воскресенье. Аналогичные сведения сообщает автор «Иного сказания». Согласно «Сказанию», избрание Игнатия произошло в первое воскресенье после прибытия «вора» в Москву, «в неделю июня, в 24 день». Автор «Сказания» допустил небольшую неточность: первое воскресенье после 20 июня приходилось не на 24, а на 23 июня 1605 г.

В начале московского похода Отрепьев, будучи во Львове, слушал проповеди иезуита Адриана Радзиминьского и клялся ему в своей преданности Папе Римскому и Ордену иезуитов. Львовский епископ Федеон и перемышльский епископ Михаил сообщили об этом патриарху в Москву. Но после переворота львовское православное братство отправило ему в Москву Биб-

лию вместе с просьбой о вспомоществовании. Прощение было удовлетворено, во Львов послано 300 рублей.

Среди московского духовенства одним из первых примеру Игнатия последовал Терентий. Будучи протопопом семейного храма царя, он был близок к особе Бориса Юдунова, что не мешало ему переметнуться на сторону Лжедмитрия I. Московское духовенство живо помнило о споре, «больше есть священство царства» или наоборот. Грозный положил конец прениям такого рода. Но идеи первенства «священства» не умерли в духовной среде. Поп Терентий напомнил о них, подав челобитную «Дмитрию». Челобитная начиналась с цитаты из Юстиниана о том, что священство имеет попечение о Божественном, а «царство» — о человеческом. Что выше — Божеское или человеческое, — было ясно всем. Величая Игнатия «державы отцом, о Господе исходатаем к Богу», Терентий все же ставил на первое место «преянейшего торжественника и украсителя премудрейшего» царя Дмитрия Ивановича.

Рвение протопопа не было оценено, и он оказался в опале. Терентий поспешил подать «государю» новую челобитную с просьбой о помиловании.

В беседе с папским послом самозванец горделишо утверждал: «...у меня подведены под мою руку патриарх, и митрополиты, и архиепископы, и епископы, и бояре, все же миня и весь мир слушают — что велю сделать... сделают скоро».

Поставив во главе церкви своего приспешника Игнатия, Лжедмитрий произвел перемены в высшем боярском руководстве. Наибольшим влиянием в думе пользовались князь Василий Шуйский и его братья. На их головы и обрушился удар. Поводов для расправы с Василием Шуйским было более чем достаточно. Доносы поступили к самозванцу через П.Ф. Басманова, польских секретарей и телохранителей.

Василий Шуйский некогда расследовал обстоятельства смерти царевича Дмитрия. Поэтому к нему постоянно обращались, с тех пор как в Литве объявился самозванец. В кругу доверенных лиц князь Василий допускал откровенность даже после того, как Лжедмитрий сел на трон. Однажды на двор к князю Василию явились некоторые из московских купцов и горожан,

чтобы поздравить его с царской милостью. Шуйский будто бы просхал по улицам столицы с «царем» в его экипаже. В ответ на поздравление одного купца, пользовавшегося полным доверием хозяина, Шуйский в сердцах сказал про нового государя: «Черт это, а не настоящий царевич; вы сами знаете, что настоящего царевича Борис Годунов приказал убить. Не царевич это, а расстрига и изменник наш». Стоявший поодаль купец подслушал разговор и поспешил донести о нем. Русские источники называют имена купцов и посадских людей, с которыми Шуйский вел неосторожные разговоры. Самым влиятельным из них был Федор Савельевич Конь — крупнейший архитектор и строитель своего времени. В поздних русских сказаниях дело представлено так, будто великий поборник православия князь Василий призвал к себе Федора Коня и другого известного московского человека — Костю Лекаря и сказал им, что государь — злой враг, богоотступник и еретик Гришка Отрепьев. Шуйский якобы сам наказал Коню: «Поведайте тайно в мире с разсуждением, чтобы христьяне... еретика познали». Федор Конь и Костя Лекарь поведали «про еретика без рассуду многим людям», после чего о крамоле узнал Петр Басманов.

Получив донос от Басманова, Лжедмитрий приказал без промедления арестовать трех братьев Шуйских. Приставами, или тюремщиками, Шуйских стали бояре П.Ф. Басманов и М.Г. Салтыков. При Борисе Годунове М.Г. Салтыков руководил розыском о заговоре Романовых, при самозванце расследовал заговор Шуйских. Боярин усердствовал, чтобы доказать свою преданность новому государю. Но главным инициатором розыска был все же не он, а боярин П.Ф. Басманов.

Шуйским было предъявлено обвинение в государственной измене. Однако официальная версия их дела заключала в себе слишком много неясного. Даже близкие к особе Лжедмитрия люди по-разному излагали вину знатного боярина. Шуйского обвиняли то ли в распространении слухов, порочивших «государя», то ли в организации форменного заговора с участием многих тысяч лиц.

В письме из Москвы от 4 (14) июля 1605 г. иезуит А. Лавицкий сообщал, что Шуйского осудили за то, что он называл «Дмит-

рия» врагом и разрушителем истинной православной веры, орудием в руках поляков. Один из секретарей самозванца, поляк С. Слонский, рассказывал, что он передал государю донос одного московского купца, подслушавшего, как Шуйский называл царя расстригой и изменником. Яков Маржарет, ставший одним из главных телохранителей Лжедмитрия, писал, что Шуйского обвинили в «преступлении оскорбления величества».

Другую версию изложили командиры польского наемного войска С. Борша и Я. Вислоух, находившиеся в Москве в момент суда над Шуйскими. В июле 1605 г. Я. Вислоух сообщил в письме к брату, что в Москве открылась измена: Шуйские начали убеждать народ, что «Дмитрий» — не истинный царь, а польский королевич, который хочет православную веру разрушить, а лютеранскую ввести; заговорщики хотели истребить поляков и уговорили для этого 10 000 детей боярских; поляков должны были сжечь с дворами (трактирами) и перебить, но поляки узнали об этом и известили «царя». Ротмистр С. Борша воспроизвел ту же версию, но в более кратком варианте. По его словам, Шуйские разработали план переворота, в котором должен был участвовать народ, — они задумали «ночью зажечь Москву и учинить над царем и над нами (польскими солдатами. — Р.С.) предательство».

Опираясь на преданные Лжедмитрию казачьи и польские отряды, П.Ф. Багманов арестовал множество лиц, которых подозревали в заговоре с Шуйскими. Розыск проводился с применением изощренных пыток. Свидетельства современников о результатах расследования расходятся в самом существенном пункте. Телохранитель самозванца Буссов утверждал, будто бы многие духовные лица и стрельцы, взятые к пытке, подтвердили измену боярина Шуйского. Совсем иначе изложил дело Масса. По его словам, никто из предполагаемых сообщников боярина не мог привести надежных доказательств его вины. Некоторые из арестованных под пытками признались в преступлении — прочие же все отрицали. Согласно русским источникам, из страха москвичи «друг на друга клеветяху», Расстрига же «многих поймав и разными пытками пытаху: иные же, не

стерпев пыток, на себя говоряху, а иные же крепяхуся, а иные и впрямь ево, ростригу, обличаху».

В конце концов инициаторы розыска отказались от намерения организовать крупный политический процесс с участием многих видных лиц. Лжедмитрий распорядился привлечь к суду вместе с Шуйскими лишь нескольких второстепенных лиц. В их числе были Петр Тургенев, Федор Калачник и некоторые другие купцы. Род Тургеновых пользовался известностью в Москве. До опричнины дядя Петра Тургенев служил ясельничим в дворцовом ведомстве у царя Ивана Грозного. Петр Никитич служил головой в дворянских сотнях. Он так и не получил воеводского чина, но имел один из высших поместных окладов — 500 четвертей земли — и числился «выборным» дворянином из Воротынска. Федор Калачник, судя по прозвищу, был пекарем.

Чтобы устрашить столичное население, Отрепьев велел предать названных лиц публичной казни. Дворянина Петра Тургенева вывели на пустырь (Пожар) и там обзглавили. Сообщение о казни Тургенева имеет документальное подтверждение. В подлинной челобитной Дениса Петровича Тургенева подчеркнута, что отца челобитчика, Петра Тургенева, убил «вор-рострига». Автор «Нового летописца» ни словом не упоминает о мученичестве Тургенева. Лишь монах Авраамий Палицын называет его мучеником и обличителем «вора». Сохранилось предание, что торговый человек Федор Калачник, идя на казнь, во все горло кричал, что новый царь — антихрист и все, кто поклоняется этому посланцу сатаны, «от него же погибнут».

Лжедмитрий и его окружение не желали раздражать дворянство. Зато с простонародьем они не церемонились. В первые же дни правления нового царя, записал Масса, пострадало много простых людей в Москве, так что ночью и втайне только и делали, что пытали и убивали людей.

Автор «Иного сказания» утверждал, что князь Василий Шуйский и его братья были арестованы на третий день после вступления Лжедмитрия в Москву, а 25 июня 1605 г. их передали в руки палача. Приведенная дата ошибочна. Достоверно известно, что казнь Шуйских была назначена на воскресенье, 30 июня.

Как бы то ни было, очевидцы единодушно подтверждают, что суд над Шуйскими занял несколько дней.

Установив хронологию заговора Шуйских, С.Ф. Платонов писал: «Трудно понять причины той торопливости, с какою они постарались отделаться от нового царя»; «...Шуйские необыкновенно спешили и... все их «дело» заняло не более десяти дней. Очевидно, они мечтали не допустить «розстригу» до Москвы, не дать ему сесть на царство». С.Ф. Платонов принял на веру официальную версию заговора Шуйских. Между тем эта версия заключает в себе слишком много неясного и едва ли заслуживает доверия.

В массе своей московское население приветствовало нового царя. На его стороне была военная сила. Лжедмитрий находился на вершине успеха. Планировать в таких условиях переворот было безумием. Шуйские же всегда были трезвыми и осторожными политиками. Спешили не столько Шуйские, сколько Лжедмитрий. Даже если заговора не было и в помине, ему надо было выдумать таковой.

В Польше коронный гетман Ян Замойский, выступая перед сеймом в начале 1605 г., резко высмеял рассказы самозванца и заявил, что если уж поляки хлопчут о возведении на московский трон старой династии, то им надо иметь в виду, что законным наследником Московского княжества «был род Владимирских князей, по прекращении которого права наследства переходят на род князей Шуйских». О речи гетмана говорили по всей Польше, и самозванец не мог не знать о ней.

Изначальных бояр только один Василий Шуйский отказался подчиниться приказу Лжедмитрия и не явился в Серпухов. Это усилило подозрения самозванца, который имел все основания беспокоиться, что князь Василий предъявит претензии на трон при первом же подходящем случае.

Отрепьев мог расправиться с Шуйским тем же способом, что и с Федором Годуновым. Но с некоторых пор он был связан договором с Боярской думой. Следуя традиции, Лжедмитрий объявил о созыве собора для суда над великим боярином.

Историки возражают против отнесения июньских событий 1605 г. к разряду Земских соборов. Скорее то был акт полити-

ческой расправы, облеченный в форму соборного приговора. По существу, такая оценка представляется вполне верной. Нет данных, которые бы позволили реконструировать состав соборного суда. Однако имсющиеся свидетельства принадлежат непосредственным очевидцам и могут быть подвергнуты взаимной проверке.

Находившийся в те дни в Кремле поляк А. Лавицкий писал, что Шуйских судили на большом (многочисленном) соборе, состоявшем из сенаторов, духовенства и других сословий. Капитан Маржарет, персшедший на службу к Лжедмитрию, утверждал, что Шуйские подверглись суду «в присутствии лиц, избранных от всех сословий». Следуя рассказам полтяков из окружения самозванца, Г. Паэрле записал, что в суде участвовали как «сенат» («дума»), так и народ.

Свидетельства иностранцев полностью совпадают с данными русских источников. Как подчеркнул автор «Нового летописца», Лжедмитрий «повеле собрати собор» с приглашением духовных «властей», бояр и лиц «ис простых людей».

Самозванец пришел к власти на войне народных восстаний. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в первые дни своего пребывания в Москве он продолжал видеть в восставшем народе союзника. Представители столичного населения были приглашены на соборный суд, чтобы нейтрализовать возможные выступления приверженцев Шуйских. В высшем государственном органе — Боярской думе — Шуйские имели много сторонников, и самозванец опасался их происков.

С обвинениями против Шуйских на соборе выступил сам Лжедмитрий. По «Новому летописцу», он объявил членам собора: «...умышляют сии на меня». С. Немоевский записал со слов секретаря Лжедмитрия обширную обвинительную речь «государя». Род князей Шуйских, утверждал самозванец, всегда был изменническим по отношению к московской династии: блаженной памяти отец Иван семь раз приказывал казнить своих изменников Шуйских, а брат Федор зато же казнил дядю Василия Шуйского. Фактически Лжедмитрий отказался от версии о наличии разветвленного заговора. Трое братьев Шуйских, заключил он, намеревались осуществить переворот своими силами:

«...подстергали, как бы нас, заставши врасплох, в покое убить, на что имеются несомненные доводы».

«Царь» утверждал, что имеет несомненные доказательства заговора Шуйских, а потому на соборном суде не было никакого разбирательства с допросом свидетелей и другими формальностями. Авраамий Палицын отметил, что Василия Шуйского осудили тотчас после публичной казни Петра Тургенева и Федора Калачника.

Под впечатлением убийств и казней даже близкие к Шуйским члены «думы» и освященного собора не посмели выступить в их защиту. Инициатива полностью перешла в руки «угодников» Лжедмитрия — патриарха Игнатия, бояр Б.Я. Бельского, П.Ф. Басманова, М.Г. Салтыкова, новоиспеченных думных людей из путивльской «думы». Как с горечью отметил автор «Нового летописца», «на том же соборе ни власти, ни из бояр, ни из простых людей никто же им (Шуйским. — *Р.С.*) пособствующе, все на них кричаху».

Опытному царедворцу Василию Шуйскому удалось пережить грозу в правление Бориса Годунова, которая едва не стоила ему головы. Он знал, чем можно заслужить снисхождение, и повинился во всех преступлениях, которые ему приписывали. «Виноват я тебе... царь государь: все это (о Расстриге и пр. — *Р.С.*) я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» — будто бы сказал Шуйский. В заключение князь Василий смиренно просил патриарха и бояр жалиться над ним, страдником, и просить за него «рыцаря». По словам поляков, Василий признался во всем в самом начале розыска, «боясь быть на пытке».

Собор осудил Василия Шуйского на смерть, а его братьев на заключение в тюрьму и ссылку. Лжедмитрий спешил с казнью и назначил экзекуцию на следующий день. Все было готово для казни. По существу, самозванец ввел в столице осадное положение: «...по всему городу уготовлены быша все стрельцы, вооружены во всем оружии, яко на битву» (по словам Массы, стрельцов было 8 тыс.).

На Пожаре распоряжался новый глава Стрелецкого приказа — боярин П.Ф. Басманов. Несколько тысяч стрельцов оце-

пили всю площадь полукругом. Преданные самозванцу казацкие отряды и поляки с копьями и саблями заняли Кремль и все ключевые пункты города. Были приняты все меры безопасности против возможных волнений. Выхав на середину площади, Басманов прочел приговор думы и собора о преступлениях Шуйского. Вслед за тем палач сорвал с осужденного одежду и подвел его к плахе, в которую был воткнут топор. Сообщение Массы, будто Василий Шуйский продолжал обличать еретика Гришку, будучи на эшафоте, а московский народ рыдал, слушая его речь, относится к числу вымыслов. На площади осужденный вел себя совершенно так же, как и на суде. Стоя подле плахи, он с плачем молил о пощаде. «...От глупости выступил против пресветлейшего великого князя, истинного наследника и прирожденного государя своего», просите «за меня — помилует меня от казни, которую заслужил...» — зывал князь Василий к народу.

Во время казни Петра Тургенева и Федора Калачника москвичи «ругахуся» на них. Из толпы кричали, что судим «по-делом» был. Шуйские пользовались популярностью в народе, и их осуждение вызвало среди москвичей разные толки. По свидетельству поляков, даже сторонники Шуйских боялись обнаружить свои чувства, чтобы не попасть под подозрение. По словам же Массы, народ выражал явное недовольство. С казнью медлили. Отмена казни не входила в расчеты П. Ф. Басманова, и он проявлял видимое нетерпение. Дело кончилось тем, что из Кремля на площадь прискакал один из телохранителей «царя», остановивший казнь, а следом за ним появился дьяк, огласивший указ о помиловании.

В Москве много говорили о том, что прощения Шуйскому добились вдова Грозного старица Марфа Нагая, полтяки братья Бучинские, Слонский и др.

Отрепьев впервые увидел в глаза свою мнимую мать 18 июля 1605 г., когда ее привезли в Москву. Очевидно, Нагая просила за Василия Шуйского не при первом, а при втором его помиловании, когда Лжедмитрий вернул Шуйских из ссылки.

Секретарь самозванца Бучинский был решительным противником Шуйских и в отличие от Нагой категорически возражал против освобождения их из ссылки. В собственноручном

письме Лжедмитрию Бучинский напомнил: «Коли яз бил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хрестьянской крови не пролилося».

Авторы записок и сказаний воспроизвели обнародованную Лжедмитрием версию помилования Шуйского, соответствовавшую определенному политическому расчету. Самозванец желал подтвердить свое родство с вдовой Грозного еще до ее присяда. Он также стремился закрепить за польскими советниками репутацию боярских заступников.

Сподвижник Лжедмитрия С. Борша точнее других объяснил причины помилования Василия Шуйского. «Царь даровал ему жизнь, — писал он, — по ходатайству некоторых сенаторов». Бояре не посмели открыто перечить «царю» на соборе. Но после собора они сделали все, чтобы не допустить казни князя Василия. Ни один из предшественников Лжедмитрия на троне не решал дела без участия Боярской думы. Самозванец, заняв престол, должен был следовать традиции. Отмена казни Шуйского явилась первым успехом думы.

Имущество Шуйских, их вотчины и дворы подверглись конфискации. Князь Василий и его братья Дмитрий и Иван были заключены в тюрьму в галицких пригородах. Круг советников, настаивавших на жестких мерах в отношении бояр-«заговорщиков», потерпел поражение. Лоборник опричных методов Богдан Бельский должен был отступить в гень. Лжедмитрий вознаградил усердие Бельского, произведя его в бояре, но вскоре отослал из Москвы в Новгород.

Коронация

Еще будучи в Туле, Отрепьев послал гонца в «казанские города» за Нагими. Мятеж в Угличе, инспирированный Нагими, положил конец их карьере. Ближайшие родственники вдовы царицы Нагой лишились имущества и много лет провели в тюрьме и ссылке. Лишь после коронации Бориса Годунова о них

вспомнили и вернули на службу. М.Ф. Нагой стал воеводой в захолустном городке Санчурске, А.А. Нагой — в Арске, М.А. Нагой — на Уфе. Самозванец вызвал Нагих в столицу и «подовал им боярство и вотчины великие и дворы Годуновых и з животы». Нагис лучше всех других знали, что царевич Дмитрий мертв. Но они охотно «вызнали» в Отрепьеве внучатого племянника, открыв себе путь к почестям и богатству.

Монах понсволс, Филарет Романов не оставлял надежд на возвращение в мир. От странников-богомольцев он знал об успехах самозванца и уже в начале февраля 1605 г. грозил посохом своим тюремщикам-монахам, говоря: «...увидят они, каков он вперед будет». Филарст перестал жить «по монастырскому чилу», часто смеялся «нсведомо чему» и постоянно вспоминал «про мирское житье, про птицы ловчие и про собаки, как он в миру жил».

В свое время Отрепьев служил в свите у окольничего М.Н. Романова, а затем у боярина Б.К. Черкасского. Оба умерли в опале, и бывший кабальный слуга не опасался разоблачения. Уцелевшие Романовы и Черкасские были освобождены из ссылки.

Находясь в Туле, самозванец приказал вернуть в Москву всех Головиных. Казначей Пстр Головин окончил дни в тюрьме в правление Бориса. Его сына В.П. Головина держали на воеводстве в Сибири, а затем в Уржуме. Лжедмитрий вызвал В.П. Головина в столицу вместе с его братом П. Головиным и сделал их окольничими. Такой же чин получил опальный дьяк В.Я. Шелкалов.

При царс Борисе наибольшим влиянием в думе пользовались Годуновы и Шуйские. Обе эти группировки были разгромлены и удалены из столицы. Думу пополнили «воровские» бояре, получившие чин в Путивле, а также опальные бояре и дворяне. Обновив состав Боярской думы, Лжедмитрий добился послушания бояр и стал готовиться к коронации.

Самозванец пожелал дождаться возвращения в Москву старицы Марфы Нагой. Его расчет был безошибочным. Признание с стороны мнимой матери должно было покончиться сомнениями тех, кто все еще не уверовал в его царское происхождение.

Сохранилось предание, что из Москвы Лжедмитрий «наперед» послал на Белоозеро в монастырь к Нагой «постельничего своего Семена Шапкина, чтоб его назвала сыном своим царевичем Дмитрием... да и грозить ей велел: не скажет — и быть ей убитой». Никто не знает, о чем говорили между собой опальная вдова Грозного и ее родственник Шапкин. «Тово же убо не ведяше никго же, — писал автор «Нового летописца», — яко страха ли ради смертнаво, или для своего хотения назва себе ево, Гришку, прямым сыном своим, царевичем Дмитрием».

Однако совершенно очевидно, что Шапкину достаточно было поговорить с опальной монашкой по-родственному. Обещания неслыханных милостей подействовали на вдову сильнее слобых угроз. После убийства самозванца Нагая, спасая свое доброе имя, объявила, будто Отрепьев ее «устрашил смертью»: «...коли он с ней говорил, и он ее захлял и под смертью приказал, чтоб она того никому не сказывала».

В середине июля 1605 г. Марфу Нагую привезли в село Тайнинское. Отрепьев отправил навстречу ей племянника опальных Шуйских князя Михаила Скопина, чтобы отвести подозрение насчет сговора. 17 июля Лжедмитрий выехал в Тайнинское под охраной отряда польских наемников. Его сопровождали бояре. Местом встречи стало поле у села Тайнинского. Устроители комедии позаботились о том, чтобы заблаговременно собрать многочисленную толпу. Обливаясь слезами, вдова Грозного и беглый монах обняли друг друга. Простой народ, наблюдавший сцену издали, был тронут зрелищем и выражал свое сочувствие криками и рыданиями. После 15-минутной беседы Нагая села в экипаж и не спеша двинулась в путь. Карету окружала огромная свита. Сам «царь» шел некоторое время подле повозки лешком, с непокрытой головой. Стало смеркаться, и всей компании пришлось остановиться на ночлег в предместьях столицы.

18 июля Марфа Нагая прибыла в Москву. Отрепьев сшел верхом возле кареты. Праздничная толпа заполнила Красную площадь. По всему городу звонили колокола. Отслужив службу в Успенском соборе, мать с «сыном» роздали нищим милостыню и скрылись во дворце. Коронация Отрепьева состоялась через три дня после возвращения в Москву вдовы Грозного.

К услугам Лжедмитрия были царские регалии — «четыре короны, а именно, три императорские и четвертая — та, в которой короновались некогда великие князья», шапка Мономаха. Самозванец избрал новую корону Бориса Годунова, созданную в глубокой тайне венскими мастерами и привезенную Афанасием Власьевым в 1604 г. Венец был изготовлен по образцу императорской короны Габсбургов. Царь Борис планировал построить храм «Святая Святых» — новый Иерусалимский храм, средоточие мирового православия. Не думал ли он принять титул императора?

На золотой монете, изготовленной в Москве, Лжедмитрий I изображен в высокой шапке, похожей на корону Габсбургов. В «высокой короне» Отрепьев сидел на троне во время коронации Марины Мнишек. Завладев императорской короной, Отрепьев надумал присвоить себе титул императора.

Воцарение «вора» сопровождалось пышными праздниками. Кремлевский дворец был разукрашен, а путь через площадь в Успенский собор устлан златотканым бархатом. Оказавшись в соборе подле алтаря, Отрепьев допустил отступление от ритуала. Он повторил затверженную речь о своем чудесном спасении. Патриарх Игнатий надел на головусамозванца венец Бориса Годунова, бояре поднесли скипетр и державу.

Самозванец старался внушить всем мысль, что его всеначие означает возрождение законной династии. Поэтому он приказал короновать себя дважды: один раз — императорской короной Бориса Годунова в Успенском соборе, а другой — всликоняжеским венцом у гробов «предков» в Архангельском соборе. Облобызав надгробия всех великих князей, самозванец вышел в придел, где находились могилы Ивана IV и Федора. Там его ждал архиепископ Архангельского собора Арсений. Он возложил на голову Лжедмитрия шапку Мономаха. По выходе из собора бояре осыпали нового государя золотыми монетами.

Со временем Отрепьев позаботился о сооружении нового трона, достойного императорского титула. Поляк Немоевский весьма точно определил идею, воплощенную в новых символах власти: «В целом этот трон — подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии».

Кресло было сделано из серебра с позолотой. Над балдахином высился золотой орел с распростертыми крыльями. Два серебряных льва с позолотой, служившие опорой для колонн, держали в лапах подсвечники. (На ступеньках трона Соломона стояло 12 пар львов.) Перекрытие балдахина поддерживали грифоны. Внутри балдахина висели Распятис и икона Божьей Матери. К трону вели несколько ступенек, засланных парчой. По оценке ювелиров, трон стоил не менее 50 000 рублей.

Роспуск войска

Коронация Лжедмитрия не могла быть осуществлена без согласия Боярской думы. Это согласие, по-видимому, было связано с рядом условий.

Бояре стремились к тому, чтобы как можно скорее вернуться к традиционным методам управления страной. Главной помехой на пути к этому были повстанческие отряды и наемные роты, приведенные самозванцем в Москву. Пока чужеземные солдаты и «воры»-казаки охраняли царскую особу и несли караулы в Кремле, бояре не чувствовали себя в безопасности.

● Трепьев долго не решался расстаться со своей наемной гвардией. Но обстоятельства оказались сильнее его. Ставки на наемных солдат были в Западной Европе весьма высоки. Гусарам и жолнерам надо было платить полновесной монетой. Однако золота в царской казне было немного.

Прикидая на службу иноземцев, русское правительство обычно наделяло их поместьями. Этот традиционный для России способ обеспечения служилых людей оказался неприемлемым для наемников. Ветераны московского похода считали себя хозяевами положения и желали сами диктовать условия. Со своей стороны, бояре были весьма далеки от того, чтобы предлагать полякам вотчины и поместья. Они желали как можно быстрее расформировать наемные роты и выпроводить их за рубеж.

Лжедмитрий «сыпал своих ротмистров щедрыми милостями. Некоторым из них он пожаловал русское дворянство. Ветеран московского похода Станислав Борща именовал себя «рот-

мистром и дворянином великого князя московского Дмитрия Ивановича». Дворянский титул, однако, не сделал Боршу московским землевладельцем. Не желая раздражать русскую знать и дворянство, Отрепьев отказался от намерения пожаловать земли своим польским соратникам.

Иноземные наемные войска не сразу проявляли ненадежность в критической обстановке. Солдаты грозили «царьку» расправой, когда он не мог заплатить им заслуженные деньги. В Москве Лжедмитрий мог сформировать из польских рот придворную гвардию. Но набранные в Польше наемники не слишком подходили на роль преторианцев.

Ветеран похода Ян Бучинский, которого трудно заподозрить в предвзятости, живо описал времяпрепровождение своих товарищей в Москве. Наемники пропивали и проигрывали полученные деньги. У кого прежде не было и двух челядинцев, набрали себе больше десятка, раздели их в камчатое платье.

Будучи во Львове, «рыцари» Лжедмитрия не щадили подданных своего короля, чинили грабски и насилия. Вступив в Москву в качестве победителей, они обращались с москвичами совершенно так же. Ното, что терпели львовские мещане, не оставалось безнаказанным в русской столице. Прошло два месяца с тех пор, как москвичи с оружием в руках поднялись против правительства Годунова. В ходе восстания народ осознал свою силу. Дух возмущения продолжал витать над столицей. Поводов к столкновениям между «рыцарством» и москвичами было более чем достаточно. Негодование населения достигло критической точки и в любой момент могло привести к новым волнениям.

Вскоре после коронации Лжедмитрия произошел инцидент, который привел к настоящему взрыву. Московские власти арестовали шляхтича Липского. В глазах других наемников его преступление было «маловажным». Но суд следовал действующим в государстве законам и вынес решение подвергнуть шляхтича торговой казни. Липского вывели на улицу и стали бить батогами. Наемники бросились на выручку к своему товарищу и нустили в ход оружие. Толпа москвичей усредила на помощь приставам. Началась драка, которая вскоре переросла в побоище. «В этой свалке, — писал участник драки С. Борша, — мно-

гие легли на месте и очень многие были ранены». Хорошо вооруженные наемники поначалу без труда потеснили толпу, но затем им пришлось укрыться в своих казармах на Посольском дворе. Весть о кровопролитии подняла на ноги всю Москву. Борща утверждал, что на прилегающих улицах собралось несколько десятков тысяч москвичей, угрожавших полякам расправой.

Лжедмитрий знал, как трудно справиться с разбушевавшейся народной стихией. К тому же инцидент произошел тотчас после коронации, а царь избегал всего, что могло нанести ущерб его популярности. Москвичи считали «Дмитрия» своим царем, и ему нельзя было не считаться с народным настроением. По всей Москве был оглашен царский указ о наказании шляхтичей, виновных в избиении народа. Государь объявил, что пришлет к Посольскому двору пушки и снесет двор со всеми наемниками, если те окажут сопротивление. Обращение царя носило демагогический характер, но столичное население ликовало. Отрепьеву надо было удержать москвичей от штурма Посольского двора и предотвратить восстание в столице. И он достиг своей цели.

Как всегда, самозванец вел двойную игру. Успокоив народ, он тут же прислал к наемникам доверенных лиц и просил, «пусть они окажут повинности для того, чтобы успокоить русских». Солдат заверили, что им не будет сделано ничего дурного, хотя они и совершили кровавое преступление. «Рыцарство» было удовлетворено обещаниями царя и выдало его посланцам трех шляхтичей, отличившихся в расправе с толпой. В течение суток их держали под стражей в тюремной башне, а затем освободили втайне от народа. Волнения в Москве помогли боярам добиться роспуска иностранных наемных рот. В письме от января 1606 г. Ян Бучинский упомянул о том, что жолнеры жили «на Москве без службы полгода». Отсюда следует, что Лжедмитрий рассчитал наемное войско в июле 1605 г., иначе говоря, сразу после волнений в Москве. Казенный приказ взял на себя оплату всех расходов, сделанных Лжедмитрием в ходе войны с московскими войсками.

В мае 1605 г. Михаил Ратомский привел на помощь самозванцу несколько сот «пятигорцев» — мелких белорусских шляхтичей. Фактически они не принимали участия в боях, и для них

поход на Москву был не более чем увеселительной прогулкой. «Пягигорцы» прослужили десять с небольшим недель, за что получили из казны по 37 злотых, или по 12 московских рубльей. Знатные русские дворяне получали столько же за год службы.

Ратомский «вборзе» уехал из Москвы в Польшу, где подал жалобу на «царя» Сигизмунду III. Оправдывая высылку Ратомского, Лжедмитрий подробно перечислял обиды «людям своим (москвичам. — Р.С.) от Ратомского». Король велел произвести «обыск» по поводу взаимных обид Лжедмитрия и Ратомского.

Гусарам Казенный приказ платил восемь раз по 40 злотых, более 100 рублей на коня. По общему правилу, гусары имели по два коня, а некоторые по три-четыре. Они получали такое жалованье, какое в России платили лишь советникам царя и членам Боярской думы.

Из-за недостатка денег казначеи прибегли к традиционному в России способу оплаты. В счет денег наемники получали пушнину. Всем им был назначен обильный «корм», включавший разного рода натуральное обеспечение. Солдаты могли пользоваться пайком в течение всего времени пребывания в Москве. По словам Яна Бучинского, он сам видел и слышал от других, что те паны, которые не старались завести как можно больше челядинцев и вели скромную жизнь, за полгода выручили от продажи «корма» до 1000 злотых.

Одновременно с иноземцами Лжедмитрий велел расчитать находившиеся в Москве отряды вольных казаков. Многие московские дворяне участвовали в осаде Кром. Казачьи сотни, отразившие многотысячную царскую рать, внушали им страх и ненависть. Поэтому казакам Корелы недолго пришлось нести караулы в Кремле. Боярская дума использовала коронацию Лжедмитрия I, чтобы добиться роспуска всех прибывших в Москву казачьих войск. По словам очевидцев, все казаки были щедро одарены и распущены, но даже награды не могли заглушить их ропот.

Отрепьев не захотел расстаться лишь с верным Корелой. Он пожаловал донскому атаману чины и деньги. Вместе с ним остались в Москве казаки его станицы, вынесшие все тяготы обороны Кром.

Корела был выдающимся предводителем повстанцев. Во главе восставшего населения он чувствовал себя на своем месте. Зато в толпе царедворцев он оказался чужаком. Тут у него было слишком много врагов, и они делали все, чтобы изгнать донского атамана из Кремля. Корела невысоко ценил доставшиеся на его долю почести. В московских кабаках, среди черни он находил себе больше друзей, чем в парадных залах дворца.

Вольные атаманы сделали свое дело, и их карьера должна была оборваться рано или поздно. Корела без счета тратил в кабаках полученные от казны деньги и в конце концов спился. Другой вождь казачьего войска — Постник Лунев — покинул дворец по иным причинам. Послушав совета монахов, он принял пострижение и удалился на покой в Соловецкий монастырь.

С роспуском казачьих отрядов вооруженные силы, возникшие в ходе массовых антиправительственных восстаний на юго-западных и южных окраинах Русского государства, были окончательно расформированы.

Дума

Полагают, что Лжедмитрий провел реформу управления, преобразовав Боярскую думу в «сенат». В доказательство ссылаются на список «сената», написанный рукой Бучинского весной 1606 г. В подлинном польском тексте дума названа «Радой», а ее члены — не сенаторами, а боярами. И лишь на обороте документа имеется помета: «Роспись московским сенаторам».

Дума цепко держалась за старину. Но бояре согласились на учреждение новой должности по польскому образцу. Чин «мечника великого» был пожалован юному князю Михаилу Скопину.

Самозванец значительно расширил состав думы. При Грозном дума насчитывала немногим более 30 членов, при царе Федоре — до 50, при Борисе — 40. По списку «сенаторов» в думе Лжедмитрия числилось 59 членов, а вместе с не названными в этом документе лицами — более 70 человек.

По словам Якова Маржарета, число членов царской думы было неопределенно: при «Дмитрии» оно доходило до 32. Капитан мушкетеров своими глазами наблюдал за деятельностью думы, и не верить ему нет оснований. Видимое противоречие объясняется тем, что добрая половина членов думы служила на восводстве в городах и на полковой службе. Но и из тех, кто находился в столице, монарх приглашал на заседание не всех. Традиционный состав думы при Грозном немногим превышал 30 человек. Власти следовали традиции.

Дьяк Иван Тимофеев упрекал Расстригу за то, что тот не по достоинству раздавал царские чины, не сообразуясь с породой и возрастом, не по родству и не ради заслуг по службе, но ради услуг весьма постыдных.

В действительности расширение думы было следствием того, что самозванец объединил московскую думу с «воровской». Именно это имел в виду Тимофеев, говоря о постыдных услугах. Государственные преступники, возглавившие мятеж, достойны были виселицы, а вместо этого стали заседать в думе.

Желая иметь послушную думу, самозванец постарался назначить на ключевые посты своих людей. При Грозном постбоярина дворцового занимали представители знатной семьи Романовых. Князья Мосальские не имели права на этот чин. Но князь Василий Рубец-Мосальский за особые заслуги был пожалован Лжедмитрием в дворцовые, и московская дума не посмела протестовать.

На пост конюшого боярина могли претендовать лишь самые знатные фамилии России или ближайшие родственники государя. Самозванец навязал думе в качестве конюшого Михаила Нагой, бражника, не пользовавшегося авторитетом и не имевшего никаких заслуг перед государством. Его братья Андрей, Михаил и Афанасий Александровичи Нагие, а также Григорий Федорович Нагой стали боярами и заняли в думе высокое положение.

Надев на себя личину сына Грозного, Отрепьев невольно воскресил тень опричнины. В его окружении появились люди, принадлежавшие к самым известным опричным фамилиям, — Бельский, Басманов, Нагие, Татищевы, Пушкины, Зюзины, Во-

ейковы, князя Хворостинины, Григорий Микулин, Михалка Молчанов и др.

Басманов снискал доверие самозванца, и тот поставил его во главе Стрелецкого приказа. Иначе говоря, Петру Басманову было вверено командование стрелецким гарнизоном столицы.

Не менее важную роль играл поначалу племянник Малюты Скуратова Богдан Бельский, знаменитый опричный врсменщик Грозного. Вернувшись вдуму после смерти Бориса Годунова, он поспешил завязать изменнические сношения с самозванцем и стал передавать ему сведения о планах и решениях московских бояр. Его происки помогли Отрепьеву поставить на колени Боярскую думу.

Даже Иван Грозный не решился пожаловать любимцу высший думный чин ввиду его «худородства». Отрепьев не посчитался с традицией и даровал племяннику Малюты боярский чин.

После смерти Грозного Богдан Бельский предложил ввести опричные порядки. При Лжедмитрии он вновь выступил сторонником политики неограниченного насилия по отношению к крамольной знати. Фактически речь шла о возрождении репрессивного режима.

Если бы Бельскому удалось настоять на казни Василия Шуйского, его влияние упрочилось бы. Помилование Шуйского стало для бывшего опричника политической катастрофой.

Богдан Бельский был последним оставшимся в живых душеприказчиком Грозного. Он обладал огромным опытом интриг и в качестве спасителя «царевича Дмитрия» имел шанс занять пост правителя государства. Что помешало ему добиться власти?

Бельский был связан тесным родством с династией Годуновых и не принял участия в убийстве своей двоюродной сестры царицы Марии Бельской-Годуновой. Он примкнул к «вору» в самый последний момент, перед падением Москвы. Знати было ненавистно самое имя богомрзких Скуратовых-Бельских. Носилась молва, что Бельский отравил царя Ивана. Царица Мария Нагая не забыла, что именно Бельский высладал ее с сыном Дмит-

рием прочь из столицы перед самой коронацией царя Федора Ивановича. Теперь она могла расквитаться с ним.

Когда Лжедмитрий окончательно утвердился в Москве, его боярину и великому оружничему пришлось уйти в тень. Расстрига выслал Богдана из столицы, назначив вторым воеводой в Новгород Великий. Единственный человек, способный обуздать «боярское своеволие», навсегда покинул двор Лжедмитрия.

Неверно было бы думать, будто самозванцу удалось провести в думу всех ближних людей, окружавших его в «воровском» лагере. В наибольшей мере Отрепьев был обязан победой атаману Андрею Корсле. Но пожаловать ему думный чин он не осмелился. Первым боярином из казаков стал позднее Иван Заруцкий.

Ранее других чин боярина получил от «вора» князь Петр Шаховской. Но ни он, ни его сын Григорий не попали в список «сената», составленный польскими секретарями царя. Не числились в этом списке ни Михаил Толочанов, в числе первых принятый в «думу» самозванца, ни Прокофий Ляпунов, возглавивший мятеж под Кромами, ни Наум Плещеев, ни Михалка Молчанов, задушивший царя Федора Борисовича.

Бесстрашный Гаврила Пушкин вел род, подобно Челяднинным, от Ратши, соратника Александра Невского. По знатности он далеко превосходил Богдана Бельского, но в отличие от него не получил боярства и должен был довольствоваться одним из низших думных чинов. Лжедмитрий сделал его своим ловчим. Между тем именно Пушкин «смутил» Москву, возглавил переворот в столице. Современники опричники видную роль в царской думе играл постельничий. Отрепьев назначил главой Постельного приказа Семена Шапкина, но и он в польский список не попал.

В соответствии с местными порядками, право заседать в думе имел ограниченный круг представителей знатных фамилий, издавна входивших в думу. Отступления от этого правила были достаточно редкими. В думе Лжедмитрия в подавляющем большинстве заседали члены старых думных фамилий.

Боярская дума осталась по составу органом высшей аристократии, при этом представительство знати в думе значитель-

но расширилось. Список «сената» позволяет выделить те группы Государева двора, на долю которых достались наибольшие милости монарха.

Некогда Федор Мстиславский наголову разгромил самозванца, но тот простил его и сохранил за ним пост главы думы. Царь Борис запретил Мстиславскому жениться, рассчитывая после смерти князя забрать его обширный удел в казну. Лжедмитрий не жалел усилий, чтобы снискать дружбу первого из бояр. Он подарил вельможе старый двор Бориса Годунова в Кремле, пожаловал ему огромную вотчину в Велеве, наконец, женил на своей мнимой тетке из рода Нагих.

Отрепьев вернул из ссылки и пожаловал боярство князю Ивану Воротынскому, долгие годы бывшему не у дел. С Мстиславским Воротынского роднило то, что его предки приехали из Литвы.

Предки Отрепьева были выходцами из Литвы. В Речи Посполитой самозванец пользовался покровительством литовской знати. Будучи ставленником короля, он и в Москве пытался сделать ставку на знать литовского происхождения. Этой знати он жаловал чины, не считаясь с возрастом и службами. Широкое представительство в думе получили Яедеминовичи Патрикसेвы: Голицыны (четыре боярина), Куракины (три боярина), а также Трубецкие (двое бояр).

В составе Государева двора литовская знать числом далеко уступала суздальской знати. В дворовых списках Грозного значилось 286 князей Суздальских-Шуйских, Ростовских, Ярославских и Стародубских. Из них 17 носили думные чины. К суздальской знати Расстрига благоволил значительно меньше, чем к литовским родам. Трое Шуйских поначалу были изгнаны из думы и лишь со временем возвращены туда. Согласно польско-мусписку в думе числились мечник Скопин, Ростовские (один боярин), Ярославские (один боярин и два окольных) и Стародубские князья (один боярин, один окольный). Представительство суздальской аристократии в думе не соответствовало ее численности и политическому влиянию.

Старый боярин Михаил Катырев-Ростовский, противник «вора», находился в Новгороде и не был упомянут в сенатском

списке. В думу не были допущены ни Лобановы-Ростовские, ни Троекуровы-Ярославские, ни Хилковы-Стародубские, представители старших ветвей княжеских домов.

Опала царя Бориса сокрушила Романовых и отняла у них надежду занять трон. Из старших Романовых уцелел, кроме Филарета, один Иван Никитич. Самозванец пожаловал ему боярство, но отвел в думе одно из последних мест. Лжедмитрий осыпал милостями Романовых после того, как положение его стало шатким. С запозданием, 31 декабря 1605 г., Лжедмитрий I повелел перевезти и похоронить в родовой усыпальнице тела Романовых, умерших в ссылке. Филарет Романов смог покинуть Ахтокиев-Сийский монастырь.

Филарет был деятелен и честолюбив. Самозванец побоялся оставить его в столице и отослал в Троице-Сергиев монастырь, где старец жил до апреля 1606 г. Лишь в последние недели правления Отрепьев вновь вспомнил о «родственнике».

Лжедмитрий не церемонился с духовенством: он отправил на покой Ростовского митрополита Кирилла, а митрополитичью кафедру тут же передал Филарету Романову.

По словам архиепископа Арсения, самозванец будто бы намеревался вернуть Романова в Боярскую думу. Через греков Игнатия и Арсения и «синод» он якобы передал Филарету необычное предложение: сложить с себя монашескую одежду, надетую на него силой, вернуться в мир и принять жену. Арсений закончил мемуары в то самое время, когда отец царя Михаила Романова вернулся из Польши в Москву. Рассказ Арсения имел очевидной целью прославить подвиг Филарета. Сообщив об отказе Филарета вернуться в мир, Арсений без всякой паузы замечает, что «царь» и патриарх снова пригласили Романова и посвятили его в сан Ростовского митрополита. Известно, что Филарет получил сан митрополита лишь в мае 1606 г.

Самозванец не оставил своими милостями даже малолетнего сына Филарета. В царской казне хранились «посохи... рога опрaвлены золотом с чернью». Согласно казенной описи, один посох был снабжен ярлыком. «а по ерлыку тот посох Гришка Отрепьев Рострига поднес... Михаилу Федоровичу».

Из старомосковской знати в думе сидели двое бояр Шереметевых, несколько Морозовых (Салтыковы, Шейн, Морозов), двое Плещеевых.

«Государь» переусердствовал в стремлении утвердить свое родство с Нагими. Он посадил их в думе выше Юлицыных, Шереметевых, Романовых, что вызвало негодование знати.

Отрепьев усвоил роль государя кроткого и милосердного. Его амнистии должны были покончить с воспоминаниями об убийстве членов семьи Бориса Годунова и жестоких преследованиях его родни. Михаил Сабуров храбро защищал от «вора» Астрахань. Государь не только простил его, но и пожаловал в бояре. Сабуровы и Вельяминовы, отправленные с семьями в изгнание, были все возвращены на службу.

Государь милостиво объявил о прощении Годуновых и назначил их воеводами в Тюмень, Устюг и Свияжск. Самые ревностные сторонники царя Бориса один за другим получали назидательные чины и служебные назначения.

Самозванец четко уловил настроение общества. Не только дума, но и все население отвергало опричные методы управления. Время опричных кровопролитий миновало.

Секретари и стража

Отрепьев усвоил доктрину, которую охотно излагал ближним людям и придворным. «Два способа у меня к удержанию царства, — говорил он секретарю Буцинскому, — один способ быть тираном, а другой — не жалеть кошту, всех жаловать; лучше тот образец, чтобы жаловать, а не тиранить».

Главная проблема, с которой столкнулся Лжедмитрий, заключалась, конечно же, не в том, казнить или жаловать подданных. Гражданская война и появление двух царей в государстве поколебали систему самодержавной власти. Отрепьеву предстояло решить вопрос, каким путем можно возродить великолепие и мощь самодержавия.

Иван Грозный, негодовавший на «самовольство» бояр, пытался искать опору у бюрократии, появившейся в России вмес-

те с приказной системой управления. Курбский желчно бранил царя за то, что тот, недоверая знати, вершит дела с «худородными» писарями или дьяками.

Лжедмитрий пытался использовать те же средства, что и его мнимый отец. Впрочем, его бюрократия имела свои отличительные черты. В ближайшем окружении самозванца преобладали «секретари» поляки.

Будучи в Самборе, Лжедмитрий заключил договор с Юрием Мнишеком как царевич. При этом он обещал подтвердить соглашение, когда займет царский трон: «И мы то все... в канцлерии нашей... напишем и печать свою царскую к тому приложим». Личная Канцелярия «царевича» стала действовать уже в период московского похода, но окончательно сложилась в Москве.

В числе «ближних» людей Лжедмитрия были капитаны Мацей Домарацкий, Михаил Скупиньский, Станислав Борша, личные секретари царя Ян Бучинский, Станислав Слоньский, Липницкий. Доказывая щедрость «Дмитрия», Бучинский сослался на исключительно высокие оклады Склиньского и его самого — Бучинского. После переворота Исаак Масса перечислил имена «самых важных убитых» поляков: Склиньский, Вонсович, Домарацкий Старший, Липницкий, Иваницкий. Те же лица названы в Дневнике Мнишека. Поляк Немоевский составил «Список главнейших лиц нашего народа... наперед слуг великого князя», убитых во время мятежа. В списке фигурирует примерно тот же круг лиц. В нем и следует искать членов польской Канцелярии.

Полагают, что прежняя «Канцлерия» Лжедмитрия с воцарением претендента слилась с Посольским приказом и через этот приказ «оказывала решающее влияние на выработку политического курса» (А.В. Лаврентьев). Так ли это?

Обычная дипломатическая переписка шла через Посольский приказ, секретная — исключительно через личную Канцелярию.

Посольский приказ имел собственное помещение вне двorca. Польские советники — члены Канцелярии занимали помещение подле личных покоев царя, в комнатах «наверху». Рус-

ские современники бранили Расстригу за то, что «в Верху при нем были поляки и литва». «В Верху» испокон веков помещалась Ближняя дума. При самозванце тут расположилась его личная Канцелярия, в которой даже писцы были поляками. В письме государю Бучинский упомянул некоего Горского, который «в комнате у тебя... пишет грамоты Вашей... милости».

Согласно заявлениям русских властей, секретари Бучинские жили в Москве «в Верху у того Вора у тасные его думы, у всяких тайных его дел». Тайная дума стала исполнять некоторые обязанности Ближней думы.

Личного вмешательства монарха требовали самые разнообразные дела. По этой причине функции «тайной» Канцелярии были широки и неопределенны. В первую очередь к тайным делам причислено было все, что касалось личных дел государя, его замыслов, трат, прихотей, веры.

Финансовые дела были сопряжены для Расстриги с наибольшими затруднениями. Канцелярия принимала в них самое непосредственное участие. Через секретарей очень крупные денежные суммы были переправлены в Польшу. По свидетельству дьяка Андрея Иванова, царь забирал себе в казну многие купеческие товары, привезенные из-за рубежа, а «были у того вора у Ростриги приставлены у тех дел, и принимали и роздавали, поляки и литва». Таким образом, Канцелярия вела переговоры с иностранными купцами, принимала товар и ведала личными расходами царя.

Ближняя канцелярия изготовляла всевозможные документы. По свидетельству купца Георга Пазрле, он предпринял путешествие в Москву после того, как тайный советник Дмитрия Ян Бучинский вручил немецким купцам «грамоту, за своеручною великого князя подписью и за большой его печатью», с приглашением прибыть в Москву. Польские секретари не желали считаться с московской традицией, воспрещавшей государю подписывать документы.

В наказах, адресованных королевскому двору, дьяки Пюсольского приима живо описали делопроизводство Канцелярии: «Листы глентовные посылал вор Розстрига, а писаны по латыне, писали у него ваши же поляки; и государственные пе-

чати, все побрав, тот вор ис приказы, где они бывають, к себе, и писал и печатал, и делал все с поляки, как хотел».

Как заявляли московские приказные, поляки, жившие при Лжедмитрии, писали ему грамоты по-латыни, «а печатал тот Вор те грамоты у себя, взяв все печати ис Посольские полаты». Как видно, польские секретари свободно распоряжались государственными печатями.

Московские дипломаты старательно подчеркивали, что Канцелярия самозванца вела дела незаконно, в обход Боярской думы и Посольского приказа: «А сенатари никто ни один того не ведали, и в Посольском приказе ничего того не объявилось».

Не только москвиты, но и некоторые из польских наблюдателей называли «неразумным» правление Лжедмитрия I, поскольку он не был посвящен в это искусство и следовал советам «потакавших ему пропойц и шутов». Отзыв весьма любопытен: видимо, секретари были людьми того же склада, что и самозванец.

Перейдя в католичество, чернец Григорий сблизился с иезуитами, последовавшими за ним в Россию. Однако в Москве руководить личной Канцелярией стали не католики, а протестанты в лице братьев Бучинских. По сравнению с католической верой протестантская была меньшим грехом в глазах православных.

Иезуиты не простили своему протеже того, что он отдал предпочтение лютеранам. Беседуя со шведом Петром Петреем, один из иезуитов произнес жестокие слова в адрес царя: «Нами он приведен к власти, нами же может быть лишен ее».

Канцелярия служила местом обсуждения и незначительных вопросов, и дел первостепенной государственной важности. К числу последних относился вопрос о свержении Сигизмунда III и передаче польского трона Лжедмитрию.

Канцелярия использовала всевозможные рычаги власти. Шведский агент в Москве Петр Петрей отметил, что москвиты негодовали на Лжедмитрия за то, что «он не пускает к себе ни одного русского, высокого или низкого звания, без воли и согласия поляков, которые скоро заберут себе все что ни есть в казне, и она вскоре совсем опустеет». Без ведома секретарей

невозможно было получить аудиенцию у государя, и это было немаловажное обстоятельство.

Толковали, будто самозванец замыслил во время военных игр истребить всю московскую знать. Противником этого плана будто бы выступил Бучинский. Он якобы советовал Дмитрию не допускать кровопролития, что против воли Бога, не избивать бояр, «а привлекать к себе ласкою и давать им такие должности, чтобы они не могли войти в силу, и со временем свыклись бы с тем».

Самозванец спорил с секретарем, говоря, что лучше знает московские «обычай»; «таким образом нельзя править московитями, и надобно управлять ими со строгостью... ибо московитов можно удержать (в повиновении. — *Р.С.*) только страхом и принуждением». Царь принял твердое решение «устрашить бояр, чтобы потом распорядиться дурным, глупым народом по своему желанию и привести его к тому, что он (монарх. — *Р.С.*) найдет полезным».

Надо иметь в виду, что речи Бучинского были составлены после переворота с целью обличения «злодейств» Дмитрия. Подлинные письма Бучинского рисуют иную картину. На проведении жесткого курса наставлял не Расстрига, а его польский советник, возражавший против освобождения из ссылки Шуйских.

В недрах Канцелярии был составлен список думы, или «сената». Его составитель Ян Бучинский как никто знал думские порядки. Тем удивительнее, что в списке «сената» отсутствуют какие бы то ни было указания на Ближнюю думу царя. Что такая дума существовала, сомнений нет. Автор одного из московских «Хронографов» заметил: «И тот вор Гришка Рострига, будучи на Московском государстве, изнел себе угодников в ближние люди и с ними и всяческоезлое дело дела». Современник точно подметил особенность системы власти, созданной самозванцем. При нем Боярская дума была многочисленной и почти никогда не созывалась в полном составе. Дела же вершил самодержец вместе с небольшим кругом «ближних людей». Состав этого круга не был постоянным и менялся по прихоти монарха и согласно с обстоятельствами. В разное время в Ближнюю думу входили

князь Василий Рубец-Мосальский, Богдан Бельский, Петр Басманов, Нагие, кравчий Иван Хворостинин, казначей Афанасий Власьев, печатник Богдан Сутупов.

Ближняя дума русских монархов не имела строго определенного состава и регламента деятельности. В отличие от своих предшественников Лжедмитрий I допустил в царские покои, издавна служившие местом совещания Ближней думы, лиц, не имевших думного сана, и более того, людей неправославных — иноверцев и еретиков — польских секретарей.

Присутствие иноверцев бросало тень подозрения на ближних людей из русских. Царь Михаил Романов издал указ об Иване Хворостинине: «...известно всем людям Московского государства, как ты был при Ростриге в приближении, то впал в ересь и в вере пошатнулся, православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил».

Среди русских любимцев Расстриги выделялся Михалка Молчанов, которого также подозревали в отпадении от Бога и чернокнижии. Про него говорили, что он большой плут и льстец, не боявшийся ни Бога, ни людей.

Не следует забывать, что резко отрицательные отзывы о Канцелярии были достаточно тенденциозны и имели целью скомпрометировать польских советников «вора». Истина заключается в том, что польские секретари и русские любимцы узурпатора сотрудничали в стенах Канцелярии самым тесным образом. Согласно позднейшим дипломатическим разъяснениям, во все тайны Расстриги, помимо польских секретарей, был посвящен «советник его вражий и изменник» Петр Басманов.

При Лжедмитрии число бояр в думе увеличилось вдвое, и можно было ожидать, что увеличится также количество думных приказных. В правление Бориса Годунова в Боярскую думу, по свидетельству английского посла Джильса Флетчера, входили канцлер Андрей Шелкалов и четверо думных дьяков. В 1606 г. Ян Бучинский внес в список «сената» лишь двух «секретарей великих». Польские советники из состава Канцелярии потеснили высшую московскую приказную бюрократию, чтобы обеспечить себе подобающее место в системе управления государством.

Атмосфера во дворце была проникнута лестью. Лжедмитрий I настойчиво культивировал идеи о величии царской власти. Беседуя с польскими послами, он утверждал, что получил титул императора от самого Бога, и «ни ассирийские, ни индийские, ни самые цесари римские не имели на него более нас прав и преимуществ»; «нам нет равного в краях полных, никто нами не управляет, кроме Бога, но мы еще другим раздаем права... являемся высшим законодателем и даже самим законом в обширнейшей нашей империи».

Яков Маржарет, наблюдавший механизм управления изнутри, подвел итог своим заметкам в таких выражениях: «Если говорить начистоту, нет ни закона, ни думы, кроме воли императора... Я считаю его («Дмитрия». — *Р.С.*) одним из самых неограниченных государей из существующих на свете». Маржарет следовал тем же представлениям, что и царь. Отрепьев же был пленником представлений о собственном всемогуществе.

Польская Канцелярия должна была стать одним из инструментов утверждения неограниченной личной власти самодержца. Польские «дьяки» оставались в тени, но оказывали огромное влияние на управление, потому что действовали именем царя.

Наряду с Боярской думой важную роль в системе управления играл Государев двор, включавший думу, удельных князей, сузальскую знать, верхи дворянства. Грозный пенял на то, что не только бояре, но и Государев двор ограничивают его власть. Как бы то ни было, именно Государев двор осуществлял функции охраны царя и его семьи. Дворяне повсюду сопровождали государя, несколько сот жильцов каждую ночь несли караул на крыльце царского дворца.

Лжедмитрий I порвал с традицией и осуществил меры, неслыханные в русской истории. Он учредил гвардию, состоявшую из иноземных наемников. Яков Маржарет, один из капитанов гвардии, засвидетельствовал, что иноземцев наняли, когда Афанасий Власьев отпраздновал в Кракове помолвку «Дмитрия» с Мариной Мнишек в конце 1605 г.

В состав гвардии входило 100 человек под командой Маржарета и 200 алебардчиков. Маржарет называл своих солдат стрел-

ками, или мушкетерами. Но наемник Конрад Буссов считал их копейщиками, потому что гвардейцы повсюду сопровождали государя, держа в руках бердыши. Одежда на них была из бархата и золотой парчи, а бердыши увенчаны чеканным золотым орлом, с древком, обтянутым красным бархатом.

Сотня алебардшиков датчанина Матвса Кнутсона была обряжена в фиолетовые кафтаны, сотня шотландца Альберта Вандтмана — в камзолы зеленого бархата.

Капитаны и лейтенанты были наделены поместьями, им было положено очень большое жалование.

Особое негодование членов думы и двора вызвало то, что иноземной гвардии была передана одна из важнейших функций Государева двора — обеспечение личной безопасности монарха. Отныне не русские дворяне, а наемники сопровождали «государя» повсюду, охраняли дворец днем и ночью.

Самозванец постарался внушить окружавшей его знати уважение к иноземной страже. Одной из его любимых забав были военные игры. Зимой в окрестностях Москвы, в бывшей резиденции Бориса Годунова селе Вяземы, была сооружена снежная крепостица. Оборонять ее «царь» поручил «своим князьям и боярам». Штурмовать вал должна была «немецкая стража» — гвардия. Оружием были снежки.

Впреки общим ожиданиям, «государь» взял под свою команду не православное воинство, а еретиков-иноземцев. Такая диспозиция предопределила исход сражения. Главный воевода крепости был взят в плен самим монархом.

В Вяземы Лжедмитрия сопровождали «все бывшие при дворе князья и бояре», а также два отряда польских конников. Гусары были поставлены в поле неподалеку от места боя. Они были вооружены и могли в любой момент оказать помощь гвардии.

Немцы использовали случай, чтобы продемонстрировать свое воинское искусство и превосходство над русскими. Для этого все средства были хороши. Заготавливая снежки, наемники облепляли снегом всякие твердые предметы, нарушая правила игры. Во время штурма они «насажали русским синяков под глазами».

Когда крепость была взята, «царь» на славу угостил всех вином и пивом и велел готовиться к продолжению игры. Но тут подошел боярин и доверительно сказал государю, что русские обозлены на немцев из-за твердых снежков и что у них под верхним платьем спрятаны длинные ножи, так что лучше прекратить забаву, а иначе «может случиться большое несчастье».

Если верить Буссову, по возвращении в Москву Лжедмитрий I узнал, что во время игры предатели готовились прикончить немцев вместе с самозванцем. Чтобы оправдать кровопролитие, заговорщики будто бы собирались объявить, что немцы и поляки сами намеревались истребить в Вяземах всех князей и бояр. После смерти Расстриги такое обвинение действительно было выдвинуто московскими властями, опубликовавшими показания Бучинских.

Если верить братьям Бучинским, «Дмитрий» подумывал о расправе с боярами и обсуждал с ближайшими советниками последствия такого шага. Самозванец чувствовал надвигавшуюся смертельную опасность и в присутствии секретарей говорил Константину Вишневецкому: «...начальное де дело то, что бояр побити, а не побить деи бояр, и мне де самому от них быть убиту». В угоду царю Василию Шуйскому Бучинские снабдили свой рассказ фантастическими подробностями. «Вор» будто бы намеревался истребить всех бояр, а равно и дворян. Противореча самому себе, Ян Бучинский признал, что Расстрига намеревался убить «бояр, которые здесь владеют, 20 человек». Гонениям подверглось бы от половины до трети членов Боярской думы. Бывших «воровских» бояр и прочих верных людей репрессии, конечно, не должны были коснуться. Непосредственное руководство казнями должны были осуществить поляки, что и вовсе неправдоподобно. Так, Шуйских должны были убить капитан Домарацкий, пан Тарло и Стадницкие.

Бучинские признали, что советники, обсуждавшие этот вопрос, в принципе согласились с мнением царя: «И они де Бучинские молили: великое то дело надобе начати да и совершити; а только не совершитца, ино самим нам будет худо». Лжедмитрий на это заметил: «Верьте де мне однолично, что то совершитца».

По-видимому, в окружении царя вопрос о казни бояр обсуждался, но в самой общей форме. Утверждение, будто избение было назначено на 18 мая, понадобилось Шуйским для того, чтобы доказать, что переворот 17 мая был актом обороны. В действительности царь в конце мая намеревался выступить в Крымский поход. Начинать поход с казни главных воевод было бы безумием.

Финансовый крах

Самозванцу пришлось потратить огромные суммы на жалованье членам думы, Государева двора и уездным дворянам. По традиции государи при восшествии на трон жаловали дворянам двойное или даже тройное жалованье. Секретарь Лжедмитрия Ян Бучинский с похвалой отзывался о его щедрости к дворянам. По его словам, «служивым, кто имел десять рублей жалованья, дано 20, а кто тысячу, две дано». Названный секретарем десятирублевый оклад положен был многим членам Государева двора, а тысячный оклад — боярам и думным людям. Членов думы было более 70, членов двора — до 2000. Выдача двойных окладов должна была опустошить казну.

С помощью членов Канцелярии самозванец переправил деньги в Речь Посполитую. По заявлению русских дипломатов, Расстрига отослал в Польшу «деньгами, и золотыми, и ефимками, и судами серебряными, и собольми, и всякою мяхкою рухлядью больше 500000 рублей», а потом в Москве пожаловал Мнишекку деньгами и рухлядью еще 300000 рублей, истратив, таким образом, 800 000 рублей, или 2 400 000 злотых. Обличая «вора», дума, по всей вероятности, преувеличила цифры. Из Дневника слуги Мнишекков следует, что в Москве сенатор получил 100 000 злотых, которые он должен был отправить в Польшу для оплаты неотложных долгов.

В том же Дневнике значится, что Бучинский привез пану Юрию в Краков 300 000 злотых, а другой гонец — еще 50 000 для брата царской невесты. Однако сам Бучинский засвидетельствовал, что обнаружил в привезенном обозе всего 200 000 злотых:

«В мешках много недоставало и вместо денег вздором (узоро-чем? — Р.С.) наполнено». Пример наглядно показывает, как московские чиновники распорядились казенными деньгами и как исполняли приказы самозванца. Лжецарь пускал деньги на ветер, и немалая их часть была попросту разворована его советниками и приказными.

Чтобы оценить масштабы трат «вора», надо вспомнить, что Иван Грозный истратил 100 000 рублей из земской казны на учреждение опричнины.

Для оплаты долгов самозванец использовал драгоценности из древней царской сокровищницы. По подсчетам голландского купца Исаака Массы, цена отправленных в Речь Посполитую сокровищ составляла 784 568 флоринов, или 130 761 рубль.

Слуха Мнишека отметил в Дневнике, что по приезде в Москву в апреле Марина получила от жениха шкатулку с драгоценностями, цена которых (как говорили) достигала 500 000 рублей, или полутора миллиона злотых. Ссылка на молву заставляет усомниться в достоверности означенной цены.

Польские советники из Канцелярии столкнулись со сложной задачей: поддержать баланс расходов и доходов монарха. В тайном письме, предназначенном одному Лжедмитрию, Бучинский назвал впечатляющую цифру расходов «государя»: «Да и так уже Ваша царская милость, роздал, как сел на царство, полосма милеона, а милеон один поруски тысяча тысячев рублей». Комментарий насчет значения числа миллион был адресован московскому населению. После переворота царь Василий Шуйский, обнародовав послание Бучинского, должен был пояснить народу, что такое «милеон», и чтобы сделать письмо понятным, его дыяки перешли на рублевый счет.

Отрепьев адресовал сведения о своих тратах полякам, а потому в письме Бучинского счет шел, очевидно, в злотых. 7 500 000 злотых равны были 2 300 000 рублей. В польском тексте значилось: «Во mi powiedzial CJM, ze pulosma myliona rozdal jaco na Panstwie usiadl». Итак, секретарь получил сведения об израсходованных деньгах из уст Его Милости Царя. В хвостовстве самозванцу не было равных. Можно заподозрить, что он преувеличил сумму расходов в несколько раз.

После трехлетнего голода и разрухи, вызванной гражданской войной, в царской казне просто не могло быть миллионов. На заседании Боярской думы окольниковый Михаил Татищев объявил в присутствии польских послов, что после смерти Бориса в казне осталось всего 200 000 рублей. Текущие налоги должны были дать 150 000 рублей. С монастырей было собрано еще 40 000 рублей. Следовательно, всего в распоряжении царя было не более полумиллиона рублей наличности. После переворота русские приставы заявляли арестованным полякам: «В казне было 500 тысяч рублей, и все это, черт его знает, куда Расстрига раскидал за один год». Речь шла о полугора миллионах злотых.

Израсходованные при Расстриге суммы, видимо, включали денежное жалованье «воровскому» войску, московской думе и дворянскому ополчению, вновь набранным в Польшу наемным войскам, а также отправленные в Польшу деньги для Мнишек, многочисленные вещи, изъятые из кремлевской сокровищницы, и еще один вид платежей — долговые расписки царя.

Будучи в Самборе у Мнишек, самозванный царевич раздавал векселя направо и налево. Суммы, обозначенные в них, как правило, многократно превосходили полученные субсидии.

Взойдя на трон, Расстрига не отказался от старых привычек. Близко знавшие «императора» иностранцы не без иронии отметили, что он был щедр, но более на словах, чем на деле, так как «без долгого размышления мог обещать несколько десятков тысяч, на 30 тыс. доходов, на 100 тыс. и более наличными и в удостоверение подписывал», но затем также легко отказывался оплачивать векселя.

Вопрос об оплате долгов «царевича» стал предметом дипломатических разъяснений за рубежом. Ян Бучинский заверил поляков, что государь не отбирает долговые письма у кредиторов. «А слышел яз то не одинова из ваших уст, что и те обогатятца, которые письмо твое имеют, хотя ныне и в Польше, только б вам панну пустили...» — писал секретарь Лжедмитрию I. Речь шла о поляках, которые покинули Отрепьева после первых же поражений и уехали в Польшу. Бучинский придумал для оправдания своего господина следующий аргумент. Царь «ите все иным заплатил, что панны не выпустят». От имени самодержца

он обещал оплатить все долги после приезда царской невесты в Москву.

Заполучив в свое распоряжение сокровища московских государей, Отрепьев заразился страстью к стяжанию. Прозябавший всю жизнь в бедности, а иногда и в нужде, монарх упивался всемогуществом и не намерен был ограничивать свои траты. Самозванец стал скупать драгоценности, которые попадались ему на глаза. Прослышав о его страсти к покупкам, в Москву слетелось множество купцов из Польши, Германии и других стран. Имея весьма поверхностные представления о ценах, царь соглашался платить любые суммы. Когда у самозванца кончились деньги, он стал рассчитываться сторговцами векселями.

Лжедмитрий I не умел считать деньги, и его личные долги фантастически разрослись. Боярская дума использовала все его промахи и легкомысленные денежные операции. Под конец Казенный приказ отказался оплачивать бесцеленные царские векселя по причине отсутствия наличности. Лжедмитрию пришлось смириться с тем, что дума через Казенный приказ ввела ограничения на оплату его векселей и тем самым установила контроль за его расходами.

Невообразимые траты самозванца были следствием не только тщеславия и легкомыслия, но и расчета. Лжедмитрий сознавал, что нужен своим знатым подданным, пока осыпает их деньгами и титулами. Когда серебряный дождь иссякнет, он будет не нужен.

Своими тратами новоявленный император привел государство к финансовому банкротству, чем ускорил свою собственную гибель.

Законы Лжедмитрия I

Составить сколько-нибудь точное представление о правлении Лжедмитрия весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы. Тем большую ценность представляют немногие экземпляры, которые случайно сохранились в глухих сибирских архивах. В далеком

Томске затерялась грамота царя «Дмитрия Ивановича» от 31 января 1606 г. Великий государь оказал милость населению сибирского городка, велел объявить «служилым и всяким людям, что царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривати чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотренем и жалованием по его царскому милосердию жили безо всяких нужды».

Свое правление самозванец начал с приказа заменить старых чиновников — дьяков и подьячих. Такая мера была обычной при смене монарха на троне. Лучше ли были те, кто заменил отправленных в отставку приказных, трудно сказать. Традиции кормлений довели над приказной практикой. Подьячие продолжали кормиться за счет подсудного населения.

Лжедмитрий разослал по приказам строгий указ, повелев, чтобы приказные и судьи «без посулов решали дела, творили правосудие и каждому без промедления помогали найти справедливость». Вновь назначенные чиновники должны были собрать у населения все жалобы на прежних воевод «в насильствах, и в продажах, и в посулах или в каких обидах», чтобы «безволочитно» дать населению суд и управу на неправедных чиновников.

Приказные, к которым царь был расположен, пользовались поблажками. Зато дьяков, к которым государь не благоволил, били палками, вводя по улицам города. На шею осужденным вешали кошель с деньгами, если взятка была принята деньгами, или меха, жемчуг, даже соленую рыбу, другие предметы, составлявшие подношнис. По словам современников, самодержец обломал не одну трость о спину воров и взяточников.

Дворян избавляли от батогов, но налагали на них большие штрафы. Чиновники искали и находили способы обходить законы. У себя дома православные украшали иконы подарками к праздникам. Новая выдумка, по словам Маржарета, заключалась в том, что искатели привешивали свои подношения к иконе в доме человека, которого надо было подкупить. Возникла своего рода такса. Если цена подарка не превышала семи-восьми рублей, дело могли замять.

Меры, принятые властями, не достигали цели, и государь пустил в ход более суровые кары. Двое подьячих Поместного приказа, получив взятку, помогли одному помещику оттягать у другого землю, для чего приказные «почи нивали в старых писцовых книгах слова, прибавливали вновь воровски». За «воровство» старший подьячий Дашков «был кажен, отсечена рука».

Это наказание ужаснуло приказной мир. Но лихоимство продолжалось. Однако Лжедмитрий снискал в народе славу справедливого государя.

По всей столице, записал К. Буссов, было объявлено, что великий государь и самодержец будет два раза в неделю — по средам и субботам — принимать жалобы у населения на Красном крыльце в Кремле, чтобы все обиженные могли без всякой волокиты добиться правды. Даже непримиримый противник Отрельева Исаак Масса признавал, что установленные им законы были безупречны и хороши.

Самозванец старался убедить подданных, что в его лице государство приобрело не только непобедимого императора, но и мудрого гражданского правителя. Близко знавший его архиепископ Арсений Елассонский писал, что тот подражал прежним царям, «чтобы превзойти их во всяком царском деянии и успехе».

В первые же месяцы своего царствования Лжедмитрий уразумел, что его власть лишь тогда будет прочной, когда он заручится поддержкой всего дворянства. Выходец из мелкопоместной семьи, Отрельев хорошо знал нужды и потребности русского дворянского сословия. Даже «бличители «мерзкого еретика» изумлялись его любви к «воинству». На присмах во дворце Лжедмитрий не раз громогласно заявлял, что по примеру «отца» он рад жаловать «воинский чин», ибо «все государи славны воинами и рыцарями (дворянами. — *Р.С.*): ими они держатся, ими государство расширяется, они — врагам гроза».

Следуя традиции, самозванец отправлял воевод в уезды для проведения дворянских смотров. Целью смотров были проверка боеспособности дворянского ополчения, раздача денежного жалованья и упорядочение поместного обеспечения детей боярских и «новилов». Таким путем, утверждали современники,

царь желал «всю землю прельстить», и «всем дворянам милость показать», и «любимым быть».

Весной 1606 г. Лжедмитрий I вызвал в Москву новгородских дворян для похода на Азов. Надо иметь в виду, что силы новгородского поместного ополчения использовали для обороны северо-западных рубежей. Власти могли послать на дальние южные окраины лишь часть ополчения. Смотр вызванных в Подмосковье детей боярских можно было провести в столице. Но надо было позаботиться о тех, кто остался в своих новгородских поместьях.

Перед походом царь направил в Новгород грамоту с наказом «дворяном идетем боярским всем из Деревскзя пятины vybrати дворян и детей боярских к Москве с челобитными о поместном верстании и денежном жалованьи, и бити челом государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичу всея Руссин». Выборные должны были собрать челобитные от помещиков своей волости, которые таким образом получали возможность заявить о своих нуждах и требованиях. Выборные представители могли вручить прошения непосредственно государю. Власти сами подталкивали служилых людей к подаче жалоб и заявлений о своих нуждах. Это отвечало цели новой власти — смещению старой Годуновской администрации.

Принцип выборности расширял сословные права военно-служилого поместного дворянства.

Старания властей приносили скромные результаты. Новгородская земля была разорена. Население Лишенской волости, получив грамоту царя, отвечало, что во всей волости у них остался один сын боярский, да и тот вызван в столицу. Спасти обнищавшее дворянство могли лишь крупные государственные субсидии. Но такие траты не входили в расчеты самозванца.

Исследователи Смуты высказали предположение, что Лжедмитрий, пришедший к власти на гребне народного движения, готовился провести в жизнь социальную меру исключительного значения — восстановить право выхода крестьян в Юрьев день. Но мог ли самозванец удовлетворить разом и крепостников-дворян, и закрепощенных крестьян? Если бы он попытался освободить крестьян, то разом восстановил бы про-

тив себя все высшее сословие. Примечательно, что даже в самые трудные для него периоды гражданской войны Огрепьев ни разу не обещал крепостным волю.

В начале XVII в. в недрах приказных канцелярий была начата работа по составлению Сводного Судебника. В основу его был положен Судебник 1550 г., дополненный указами царей Федора, Бориса и Лжедмитрия I. Если бы Свод появился при Борисе, он дошел бы до нас во многих копиях. Скорее всего работа была проведена при Лжедмитрии I. Он правил недолго, а после его гибели Шуйский, вынужденный воевать с новым самозванцем, велел приказным уничтожить все законы и прочие документы еретника. Работа над Сводным Судебником была прекращена.

Составители Сводного Судебника сохранили в неприкосновенности статью Судебника Грозного о крестьянском выходе в Юрьев день и указы царя Бориса о частичном восстановлении выхода в 1601—1602 гг. Но в Сводном Судебнике отсутствовал закон об отмене Юрьева дня, определивший судьбу крестьян. На основании этого факта историки заключили, что Лжедмитрий готовился освободить крестьян от крепостной неволи.

Однако надо иметь в виду, что при жизни самозванца дьяки успели лишь составить подборку законов, но так и не приступили к их согласованию и унификации, вследствие чего Сводный Судебник не получил официального утверждения.

«Заповедные годы» были введены в правление Бориса Годунова как чрезвычайная мера. Такая мера, вследствие своего временного характера, не нуждалась в развернутом законодательстве. Если дьякам не удалось разыскать текст указа об отмене Юрьева дня, то это наводит на мысль, что такой указ никогда не был издан. В рамках режима «заповедных лет» всех крестьян, покинувших землевладельцев, стали рассматривать как беглых. В 1597 г. власти издали закон о пятилетнем сроке сыска беглых, законодательно оформивший крепостное право. Дьяки Лжедмитрия не только включили этот закон в текст Сводного Судебника, но и руководствовались им при разработке нового закона о крестьянах, утвержденного 1 февраля 1606 г. Лжедмитрий предписал возвращать владельцам крестьян, бежавших от них за год до голода и после «голодных лет». Возврату подлежа-

ли также те крестьяне, которые бежали в голодные годы «с животы» (имуществом), следовательно, не от крайней нужды и не от страха голодной смерти. Действие закона не распространялось на тех крестьян, которые бежали в годы голода от нужды «в дальние места из замосковских городов на украины и с украины в московские города... верст за 200, и за 300 и больше». На указанном расстоянии к югу от Москвы находятся рязанская, тульская и черниговская окраины. На первый взгляд новый закон гарантировал равные возможности московским дворянам и южным помещикам: первые не имели права вернуть крестьян, бежавших на юг; а вторые — бежавших на север. Однако надо помнить, что голод поразил нечерноземный Центр значительно сильнее, чем плодородные южные окраины, вследствие чего голодающие крестьяне устремились не на север, а на юг — в черниговские, тульские и рязанские земли.

Закон 1606 г. закреплял беглых крестьян за новыми владельцами, «хто его (бежавшего от нужды крестьянина. — Р.С.) голодное время прокормил». Этот закон был выгоден южным помещикам, которые первыми поддержали дело самозванца и теперь были им вознаграждены.

В целом по отношению к крестьянам Лжедмитрий придерживался еще более консервативного курса, чем Борис Годунов. Отстаивая интересы дворянства, самозванец не допускал мысли о возможности даже временного восстановления Юрьева дня. Беглые, покинувшие своих землевладельцев в голодные годы, не подлежали освобождению. Их закрепляли за новыми господами.

Полагают, что Лжедмитрий заботился не только о южных помещиках, но и о податном населении южных районов, освобожденном им от уплаты государственных податей. Этот вывод нуждается в уточнении. Английский современник, составивший записку о состоянии Русского государства в 1606—1607 гг., сообщает об освобождении от податей населения не всех южных районов (городов и уездов), а только Путивля. Описав восстание жителей Путивля против Шуйского, он пояснил: «Они поступили так еще более потому, что Дмитрий, за особые ему заслуги, освободил эту область от всех налогов и податей в течение десяти

ти лег». Путивль был много месяцев столицей Лжедмитрия. Его жители оказали «царевичу» неоценимую помощь. Они понесли наибольшие расходы и потери. За все это самозванец и предоставил им особые льготы. Определяя срок действия льгот, Лжедмитрий следовал примеру Бориса Годунова: когда шведы вернули России разоренный дотла город Корелу, правитель Борис освободил его жителей от всех налогов на десять лет.

Экономическое положение страны при Лжедмитрии улучшилось. Воспоминания о голоде ушли в прошлое вместе с царствованием «несчастливого» царя Бориса. На рынках вновь появился дешевый хлеб. Но финансовая система по-прежнему отличалась неустойчивостью. Разоренное население не могло исправно платить налоги. Образовались большие недоимки. Трудности неизбежно отразились на податной политике Лжедмитрия. В 1606 г. его чиновники, отправленные в Томск, получили задание собрать татар и остяков — «лучших людей» по несколько человек от каждой волости, узнать об их нуждах, собрать жалобы, после чего обложить налогом. Царь «велел ясаки имать рядовые (обычные. — Р.С.), а на какому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам; а на ком будет ясак положен не в силу (непосильный. — Р.С.) и впредь того ясака платить немочно и государь то велел сыскать, да будет ясак положен не по делу и в том им тягость... велел им в ясаках льготить, а з бедных людей, кому платить ясаку немочно, по сыску имать ясаков не велел, чтоб им сибирским всяким людем ни в чем нужи не было... чтоб жили в царском жалованье в покое и тишине безо всякого сумнения».

В своих манифестах царь выступал как радатель народного блага, защитник народа... от собственных агентов. Какими бы добрыми ни были намерения Лжедмитрия, подати оставались столь же обременительными, как и прежде. К маю 1606 г., когда сбор налогов в казну завершился, наблюдательные современники отметили, что «Дмитрий стал тяжел подданным в податях».

Сохранились любопытные распоряжения Лжедмитрия I относительно холопов, поверстанных поместьями и принятых на дворянскую службу задоносцы. В муромской десятне 1605 г. упомянуты двое детей боярских — Антонов и Филатов, поверстан-

ные «по Борисову велению Годунова» в дети боярские «из холопей за доводы», или доносы. В.И. Ульяновский установил, что названные дворяне несли службу по Мурому уже в 1597 г., т.е. до доносов царю Борису.

Верстать поместьями боевых боярских холопов начал еще Иван III в момент зарождения поместной системы. Эта традиция не была утрачена в последующие десятилетия. Что касается указов Лжедмитрия, в них была четко обозначена та группа холопов, на которую распространилось действие закона. А именно речь шла о холопах-доносчиках. Очевидно, подобного рода указы следует рассматривать как часть антигодуновской агитации Отрепьева. Закон отвечал ожиданиям бояр, пострадавших от холопских изветов.

Военно-служилое дворянское сословие стремилось избавиться не только от холопов, но и от выходцев из посадского сословия и детей пашенных крестьян.

7 января 1606 г. дума утвердила новый приговор о холопах. Некогда Борис Годунов запретил господам передавать кабальных холопов по наследству. Смерть господина рвала пути зависимости. Такой порядок оказался неудобным для дворян, и они находили множество способов нарушать его. В кабалу господин рядом со своим именем вписывал имена сына или братьев в качестве совладельцев холопа. Подобные злоупотребления вызывали возмущение кабальных, отказывавшихся считать себя пожизненными рабами-холопами. Новый закон категорически запрещал писать кабалы на имя двух владельцев сразу и предписывал освободить кабальных, ставших жертвами подобного рода злоупотреблений.

Закон о холопах интересен в двух откошелениях. Со временем дьяки вымарали из его текста имя Расстриги. Но едва ли можно усомниться в причастности лжецаря к составлению указа. Отрепьев сам служил в холопах у бояр и, может быть, поэтому проявлял о них заботу, стараясь оградить от самых вопиющих злоупотреблений. Закон распространялся на все разряды холопов, но в первую очередь на боевых холопов. Послабления в отношении этой группы населения вполне объяснимы. Боевые холопы были единственной группой зависимого населения, которая

располагала оружием, имела боевой опыт и составляла неотъемлемую часть вооруженных сил страны. Как утверждали очевидцы, боевые холопы сыграли значительную роль в восстании Хлопка. Позже многие из них бежали в Северскую Украину, где поддержали движение в пользу самозванца. Новый закон отвечал их интересам. Уступки холопам противоречили интересам господ. Из-за последовавшей вскоре смерти самозванца закон о холопах не был претворен в жизнь.

Император Юрий I

В период борьбы с Годуновым «воровские» бояре в Путивле и бояре-заговорщики под Кромами согласились принять «Дмитрия» на трон как самодержца. Выступления вольных казаков и населения южных городов, мятеж в армии, переворот в столице и, наконец, суд над боярским руководством в лице Шуйских — все эти события вырвали нити правления у Боярской думы и необычайно усилили власть нового царя. Стремясь закрепить успех, Лжедмитрий принял императорский титул. Отныне в официальных обращениях Отрепьев именовал себя так: «Наияснейший и непобедимейший самодержец и великий государь Дмитрией Иванович... цесарь и великий князь всея России и всех татарских царств и иных многих государств, московской монархии подданных, государь, царь и обладатель»; или «Мы — непобедимейший монарх Божьей милостью император, и великий князь всея России, и многих земель государь, и царь-самодержец, и прочая, и прочая, и прочая». Полонизмы («подданный») и отступление от традиционного для Москвы царского титула наводят на мысль, что новый титул родился в недрах польской Канцелярии самозванца.

Мелкопоместный галицкий сын боярский Юрий Отрепьев, принявший имя Дмитрия, стал первым в русской истории императором. Правда, соседи России не признали его таковым.

Объясняя смысл своего титула, самозванец объявил иностранным послам, что он обладает огромной властью и нет ему равного в полочных (северных) краях. В самом деле, боярская

знать поначалу должна была считаться с «необъятной властью» новоявленного императора, тем более что на его стороне была сила.

В Путивле Отрепьеву нетрудно было разыгрывать роль самодержца, сидя в восводской избе. В Москве его обязанности неизмеримо усложнились. Но и тут он вскоре овладел ситуацией.

Однако сколь бы успешно ни исполнял свою роль Лжедмитрий, его отношения с думой неизбежно стали меняться, когда он распустил повстанческие отряды и стал управлять страной традиционными методами.

Некогда Иван IV похвалялся, что российские самодержцы вольны казнить, вольны миловать своих холопов-подданных. Но даже в устах Грозного подобные заявления были всего лишь эффектной фразой. Лишь опричнина позволила ему избавиться от опеки со стороны думы и казнить знать без боярского суда. Оказавшись на троне, Отрепьев столкнулся с теми же трудностями, что и его мнимый отец. В «воровском» лагере самозванец повелевал жизнью и смертью бояр, попавших к его двору пленниками. В Москве ситуация претерпела разительные перемены. Подготавливая опричнину, царь Иван упрекал думу и духовенство, что те «покрывают» изменников-бояр, «которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны». Такой же упрек Лжедмитрий мог адресовать своей думе.

Самозванец внимательно следил за настроениями верхов и пытался предотвратить нежелательное развитие событий. После смерти царя Федора Ивановича Романовы и Бельский выдвинули проект введения в стране боярского правления. Они предложили посадить на трон служилого татарского хана Симеона Бекбулатовича, чтобы править его именем.

Опасаясь возрождения старой интриги, Лжедмитрий в феврале 1606 г. поручил двум дьякам провести розыск, после чего приказал сослать Симеона в Кирилло-Белозерский монастырь. 3 апреля служилый царь был пострижен в монахи и принял имя Стефана.

Из-за раздора с правящим боярством Иван Грозный удалился в опричнину. Лжедмитрий не решился последовать его примеру. Иностранцы наблюдатели поражали московские поряд-

ки, при которых царь шагу не мог ступить без Боярской думы. Бояре не только решали с самодержцем государственные дела, но и сопровождали его повсюду. Государь не мог перейти из одного дворцового помещения в другое без бояр, поддерживавших его под руки. Некоторые из членов думы оставались в постельных хоромах царя до утра. Несмотря на все усилия, Отрепьев не удалось разрушить традиции, которые связывали его с боярским кругом подобно паугине.

На первых порах самозванец пытался упразднить наиболее неудобные для него дворцовые порядки. Он запретил непрерывно кропить себя святой водой при каждом выходе из дворца, запросто беседовал с боярами, заходил без слуг и телохранителей в ювелирные лавки, в аптеки и другие места.

Польские секретари видели, что их влияние падает вместе с влиянием их государя, и горько сетовали на московские порядки, вынуждавшие самодержца большую часть времени проводить в кругу бояр. Стремясь положить конец общению самодержца со знатью, полки обсуждали различные пути достижения этой цели, включая перенесение столицы из Москвы в какое-нибудь другое место. Эти проекты показывают, сколь плохо иностранные советники понимали действие русского государственного механизма. Ивану Грозному понадобилась опричнина, чтобы ослабить влияние знати на дела управления. Не обычаи сами по себе, а могущество знати определяло политические порядки в Русском государстве. Что касается Лжедмитрия, то он нередко нарушал обычаи и ритуалы.

Отрепьев был, без сомнения, от природы одарен большими способностями. Он удивительно быстро учился и так же быстро приспособлялся к менявшимся обстоятельствам. Самозванец процарствовал слишком недолго. Его опыт был невелик. Тем не менее он разучил роль выдающегося государственного мужа, и его игра впечатлила некоторых современников.

Маржарет с восхищением писал о том, что монарх давал подданным «пониманию распробовать, что такое свободная страна, управляемая милостивым государем». Прежде российские подданные почти не смели говорить в присутствии царя, «сказанный император умел иначе являть величие и достоинство, при-

сущее такому, как он, государю, к тому же он был мудр, достаточно образован, чтобы быть учителем для всей думы».

Конрад Буссоволично сидел, как царь ежедневно заседал с боярами в думе, требовал обсуждения государственных дел, внимательно следил за каждым высказыванием, а затем начинал, улыбаясь, говорить: «Сколько часов вы совещались и ломали себе над этим головы, а все равно правильного решения еще не нашли. Вот так и так это должно быть». Экспромтом он мог найти лучшее решение, чем все его советники за много часов.

Надо думать, самозванец тщательнее готовился к экспромтам, которые поражали двор. Будучи хорошим оратором, он вводил в свои речи тонкие удачные сравнения и достопамятные истории о происходивших у всевозможных народов событиях, которые он пережил или видел сам на чужбине, так что его слушали с охотой и удивлением.

Чтобы оценить эти отзывы, надо учитывать, от кого они исходили. Иноземные наемные солдаты Маржарет и Буссов на роли не занимали скромное положение. В России они были допущены ко двору в качестве царских телохранителей. Тут они получили земли, богатства и почести, что и определило их взаимоотношения с властью. Им недоставало ни образования, ни опыта, чтобы оценить то, что происходило у них на глазах. К тому же они плохо знали московские порядки и не вполне владели русским языком.

То, что производило самое благоприятное впечатление на телохранителей, задевало бояр, порождало неприязнь. В думе 24-летний царь лущал и высмеивал своих «сенаторов», которые годились ему в отцы и даже в деды.

«Дмитрий», по свидетельству Буссова, часто укорял «своих знатных вельмож в невежестве, в том, что они необразованные, несведущие люди, которые ничего не видели, ничего не знают и ничему не учились, помимо того, что казалось им, с их точки зрения, хорошим и правильным».

Царь предлагал великородным боярам ехать к сретикам «в чужие земли, испытать себя, кому где захочется, научиться кое-чему, с тем чтобы они могли стать благопристойными, учтивыми и сведущими людьми».

Подобного рода советы унижали знать, ожесточали против государя истинно православных русских людей.

Аристократия не терпела покушений на свои прерогативы даже при прирожденных государях. Когда же трон занял безвестный проходимец, отторжение власти стало неизбежным.

Заняв Московский трон, Лжедмитрий пытался выполнить свои обещания польскому королю, записанные в «кондициях». Он приказал готовить войска для похода против шведов. Однако Боярская дума решительно воспротивилась попыткам круто изменить внешнеполитическую ориентацию. Бояре не желали нарушать «вечный мир» со Швецией, и самозванец должен был подчиниться их воле.

Отрепьев обещал Сигизмунду III насадить католицизм в России. Вскоре после коронации в думе обсуждался вопрос: разрешить ли полякам построить в Москве костел. Царь заявил, что приличнее разрешить это католикам, чем протестантам, которым прежде Боярская дума позволила построить и школу, и кирху. Но духовенство и бояре думали иначе. Лжедмитрию пришлось забыть о тайном договоре с Мнишекком, обязывавшем его за год обратить православную Россию в католичество. Дело ограничилось тем, что после долгих проволочек полякам разрешили устроить костел в доме у церкви Сретенья на Переходе близ двorca.

Поначалу бояре не смели открыто перечить самодержцу. Но со временем они пригляделись к самозванцу, изучили его слабости и страстишки и перестали церемониться с ним. Отрепьев привык лгать на каждом шагу. Эта привычка стала его второй натурой. Но ложь слишком часто всплывала на поверхность, и это приводило к неприятным эксцессам в думе. Красочное описание их можно найти в дневнике поляка С. Немоевского, свидетельства которого отличаются высокой степенью достоверности. Бояре не раз обличали «Дмитрия» в мелкой лжи, говоря ему: «Великий князь, царь, государь всея Руси, ты солгал». Ожидая прибытия в Москву семейства Мнишек, царь («стыдясь наших» — прибавляет от себя автор дневника) воспретил боярам такое обращение. Тогда сановники с завидной простотой задали ему вопрос: «Ну как же говорить тебе, государь, царь и великий

князь всея Руси, когда ты солжешь?» Поставленный в тупик, самозванец обещал думе, что больше «лгать не будет». «Но мне кажется, — завершает свой отчет С. Немоевский, — что слова свосго перед ними не додержал...»

Пышный дворцовый ритуал, заимствованный из Византии, рабослпное поведение придворных создавали видимость несслыханного могущества московских государей. Сама Доктрина самодержавия, казалось бы, исключала возможность открытой оппозиции самодержцу. На самом деле Боярская дума после недолгого замешательства вновь сосредоточила в своих руках все нити управления государством и сплошь и рядом навязывала свою волю царю.

В апреле 1606 г. на званом пиру во дворце Отрепьев потчевал бояр изысканными блюдами. Среди других яств на стол подали жареную телятину. Василий Шуйский стал потихоньку пенять царю за нарушение церковных правил. Государь оборвал его. Но тут в спор вмешался Михаил Татишев, считавшийся любимцем царя. (Отец Татишева оказал большие услуги Грозному, за что получил в опричнине чин думного дворянина. Михаил Татишев служил ясельничим при царе Борисе. Будучи послан в Грузию, он не участвовал в войне с Лжедмитрием, за что и был обласкан по возвращении в Москву и вошел в думу с чином окольничего.) На пиру Татишев не только принял сторону Шуйского, но и в грубой, оскорбительной форме публично выбранил царя за приверженность к нечистой пище.

В наказание за дерзость Отрепьев велел сослать Татишева в Вятку и содержать в тюрьме в колодках, «потавив имя его». При Грозном окольничий лишился бы головы. При Лжедмитрии в дело вмешались бояре. За ревнителя благочестия вступилась вся дума, включая любимца царя П. Ф. Басманова. Лжедмитрию пришлось отменить приговор и без промедления вернуть опального в Москву. Инциденте Татишевым обнаружил полную зависимость самозванца от бояр.

Отрепьев шел к власти напролом, не останавливаясь перед убийствами и казнями. Он показал себя человеком жестоким и вероломным. Если в Москве самозванец надел маску милостивого монарха, решительно чуждавшегося кровопролития, то

причина была одна. Он не имел сил и средств для сокрушения своевольного боярства.

Сразу после свадьбы с Мариной Мнишек самозванец поведал секретарю, какой невыразимый страх испытал во время торжественной церемонии: «Как я венчался, и у меня в ту пору большое опасенье было, потому что по православному закону сперва надо крестить невесту, а потом уже вести ее в церковь, а некрещеной иноверке и в Церковь не войти, а больше всего боялся, что архиереи стану гупрямиться, не благословяти миром не помяжут». Огрпьев обладал пронцательностью и слишком хорошо знал людей, чтобы не догадываться об истинном отношении к нему отцов церкви и бояр. Иногда ему казалось, что терпение подданных вот-вот истощится и они положат конец затянувшейся комедии.

В свое время Иван Грозный в страхе перед боярской крамоллой приказал перевезти сокровищницу в Вологду и вступил в переговоры с Лондоном о предоставлении ему и его семье убежища в Англии. Аналогичным образом поступил Борис Годунов в период острого конфликта с Шуйскими и прочей знатью. Огрпьев шел по их стопам. Начальник личной стражи самозванца Яков Маржарет, посвященный в его тайные планы, писал с полной определенностью: «Он (царь. — *Р.С.*) решился и отдал уже своему секретарю приказание готовиться к тому, чтобы в августе минувшего 1606 года отплыть с английскими кораблями» из России. Лжедмитрий избрал иной предлог к отъезду, чем его мнимый отец. Он утверждал, что хочет посмотреть Францию. В действительности самозванцу приходилось думать о спасении собственной жизни.

Борис Годунов потратил немалосил, чтобы посредством системы договоров обеспечить России мир. Лжедмитрий, заняв трон, приступил к подготовке большой войны.

Планы самозванца свидетельствовали о его честолюбии. Но в них был определенный расчет. С помощью победоносной войны Лжедмитрий надеялся упрочить свой шаткий трон.

Дума не позволила царю вновь втянуть Россию в Ливонскую войну. Отказавшись от планов войны со Швецией, «непобедимый император» решил обратить оружие против турок и татар.

Османская империя вела кровавую и долгую войну, целью которой было завоевание Венгрии. Занятые войной с венграми, крымские татары целос десятилетие не тревожили Русь. Продолжали нарушать мир одни азовские татары. Они много раз грабили русские «ухранны» и причиняли немало вреда поселениям донских казаков. На южных границах шла необъявленная война. В конце 1605 г. казаки достигли крупного успеха в этой войне. Они захватили в плен азовского агу Досмагмета и привезли его в Москву.

Победа донцов окрылила Лжедмитрия. Его давно манила перспектива решительного наступления на турок и татар. Тайный католик — православный царь не раз обращался в Ватикан с призывом создать коалицию против турок, в которую вошли бы католические государства — Габсбургская империя, Испания и Речь Посполитая — и православная Русь. Момент был не слишком удачен, и Папа Римский отвистил Лжедмитрию: «Пускай царь первый выступит на арену, пусть он увлечет за собой Европу и покроет себя бессмертной славой».

Габсбурги готовились к мирным переговорам с Османской империей и потому не помышляли о присоединении к антитурецкой лиге. Сигизмунд III подталкивал Лжедмитрия к войне с турками, но при этом не желал связывать себя союзническими обязательствами. В 1606 г. в Москве узнали о том, что король отказался присоединиться к антитурецкой коалиции. Оставшись без союзников в Европе, Лжедмитрий тем не менее не отказался от своих воинственных планов.

Началом их осуществления стало переименование крепости Царев-Борисов в Царьград. Эта крепость была выстроена на Северском Донце, в глубинах «дикого поля». Отрепьев не прочь был взять на себя миссию освободителя балканских христиан от турецкого ига, для чего надо было изгнать басурман из Константинополя...

С тех пор как самозванец водворился в Кремле, он говорил о своих прожектерских замыслах лишь в тайных и сугубо доверительных беседах с немногими советниками. Во время секретного свидания с патером Савицким в Кремле Лжедмитрий согласился с тем, что в Москве надо учредить иезуитский коллегium,

а также собрать на казенный кошт подготовленных ребят для определения их в школы. Самозванец не раз выражал намерение послать русских людей в страны Западной Европы для получения образования. При царе Борисе первые русские студенты были отправлены в Англию, Францию, Германию. Самозванец не осмелился последовать примеру Годунова и не выполнил своих намерений.

Любые новшества наталкивались на противодействие со стороны бояр и князей церкви. Получив власть благодаря народному восстанию, Лжедмитрий оставил в неприкосновенности традиционные порядки, служившие оплотом влияния знати и духовенства. Поэтому он не мог найти в русском обществе сил, которые поддержали бы нововведения. Проникшись недоверием к подданным, самозванец искал сочувствия у окружающих его иноземцев, отводил душу в беседах с иезуитами, уповая на их преданность. Между тем для иезуитов «Дмитрий» был не более чем пешкой в их собственной игре.

Проекты самозванца были подчинены конкретным политическим целям. Отрепьев мечтал о том времени, когда он сможет сместить с высших государственных постов бояр и передать эти посты иностранцам, на верность которых наивно рассчитывал.

Понятно, что планы такого рода самодержец держал в тайне. Подобно тестю Юрию Мнишеку, он любил толковать о расширении прав московской знати. В письме боярам от 11 августа 1605 г. Мнишек обещал «быть помощником размноженью прав ваших». Не раз беседовавший с Лжедмитрием I поляк Немоевский писал, что тот «желал было дать новые права и писанные законы... и дать некоторую свободу боярам».

Конечно же, самозванец вовсе не намеревался вводить в Россию польские порядки. В Польше королевская власть была выборной. Короля выбирал сейм, принимавший законы и решавший важнейшие из государственных дел. Монарх должен был служить Речи Посполитой. Он предлагал проекты сенату, но сенаторы могли отвергнуть их. При избрании король приносил присягу на верность шляхте, обещал править милостиво, быть благодарным шляхте за избрание на трон, вести достойную жизнь.

При Грозном на Руси были заведены типографии. Лжедмитрий I следовал по столам «отца» и оказал покровительство печатнику Ивану Андронову сыну Невежину. Получив от нового царя субсидии, мастер уже 5 июля 1605 г. приступил «в царской его величества друкарне» к печатанию нового издания «Апостола». Работа шла весьма успешно и была завершена 18 марта 1606 г. В Послесловии мастер указал, что книга создана повелением «благочестия поборника, и божественных велений изрядна ревнителя, благоверного и христоролюбивого, исконнаго Государя всея великия России, крестоносного царя и великого князя Дмитрия Ивановича всея Росени самодержца».

Прошло время, когда Отрепьев дрожал от страха, попав в парадные покои королевского замка в Кракове. Современники, видевшие Лжедмитрия в Кремле, утверждали, что он выглядел как «воин и герой».

В Милане лучшие мастера получили заказ на изготовление парадных рыцарских доспехов для московского царя. На придворных балах великий государь любил щеголять в одежде польского гусара.

Самозванец питал страсть к воинским играм и артиллерии. По его приказу было изготовлено множество мортир и других орудий, которые предполагалось использовать под Азовом. Знаменитый мастер Андрей Чохов отлил орудие, на стволе которого обозначил имя царя Дмитрия Иоанновича. Пушкари проводили учебные стрельбы за Стретенскими воротами «к Напрудиному на поли». При этом Отрепьев сам палил из пушек.

Московские мастеровые построили по приказу самозванца потешную крепость из повозок — «гуляй-город». Дошчатые стены, укрепленные на повозках, были расписаны изображениями чертей и геенны огненной. Изамбразурторчали стволы пушек. Русские прозвали крепость «адом». Нередко «ад» устанавливали на льду Москвы-реки под стенами Кремля. Русские дворяне обороняли «гуляй-город», а польская рота из состава дворцовой стражи брала ее приступом. Отрепьев наблюдал за маневрами из окон Кремлевского дворца.

В отличие от других властителей Кремля Отрепьев не любил ездить в карете и предпочитал выезжать верхом. В царской ко-

нюшнсбыло многочислогкровных скакунов, и недавний чернец выбирал себе самых норовистых.

Власть вскружила голову Лжедмитрию. Он стал нетерпелив и высокомерен. На свадебном балу гости после каждого танца должны были склоняться к его ногам. Если же кто нарушал это правило, самозванец не скрывал раздражения. Его тщеславие не знало границ. Чтобы прибавить себе росту, Отрепьев носил непомерной высоты меховые шапки и сапоги на огромных каблуках.

Некоторые современники писали, будто Лжедмитрий не ложился спать трезвым. Так ли это, трудно сказать. В присутствии официальных лиц из Речи Посполитой он производил впечатление человека, умеренного в питье. Поляки, допущенные во дворец, подчеркивали, что государь даже в дни свадебных пиров «при нас никогда не выпил лишнего». Подчеркнем — «при нас»!

Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Этой мудрости Лжедмитрий не забывал. Инстинкт самосохранения был в нем чрезвычайно развит. Самозванцу приходилось постоянно быть начеку.

К чему был склонен Отрепьев — так это к шегольству. Пируя, он не раз покидал залу, чтобы переменить платье. На последнем балу он был вначале в русском армяке и в мехах, а затем надел пестро-красный бархатный жулан с зелеными и синими цветами и красную бархатную епанчу с шестью сердечками на месте петлиц. Голову его украшала венгерская шапочка с пером.

В Кремле Отрепьев выстроил себе просторный дворец, возвышавшийся над крепостными стенами. Из окон он мог обозревать столицу. Стены бревенчатой постройки были обиты бархатом и парчой, печи выложены изразцовыми плитками, в хоромах устроено множество потайных дверей и выходов.

Самозванец отменил некоторые запреты, имевшие целью подчеркнуть могущество самодержца и подчиненное положение высшей знати. Даже при царе Борисе некоторым удельным князьям и знатнейшим боярам было запрещено жениться. Лжедмитрий I сам сосватал невест Федору Мстиславскому и неко-

торым другим боярам. Бояре получили разрешение строить в Москве высокие светлицы, что запрещалось прежде.

Лжедмитрий не прочь был поохотиться в поле на лисиц и волков. Еще больше он любил медвежьих потехи. В огороженном загоне на лесного исполина спускали свору лучших охотничьих псов, либо искусный охотник, вооруженный рогатиной, вединоборстве побеждал свирепого зверя.

Дневные потехи сменялись ночными. Казалось, бывший чернец и Расстрига стремился наверстать упущенное время. В компании с Басмановым и Михаилом Молчановым он предавался безудержному разврату. Царь не щадил ни замужних женщин, ни пригожих девиц и монахинь, приглянувшихся ему. Его клеветы не жалели денег. Когда же деньги не помогали, они пускали в ход угрозы и насилие. Женщин приводили под покровом ночи, и они исчезали в неведомых лабиринтах дворца. Тут лжецарю нечего было заботиться о репутации трезвенника. Описывая тайную жизнь дворца, голландец Исаак Маса утверждал, будто Лжедмитрий оставил после себя несколько десятков внебрачных детей, якобы появившихся на свет после его смерти.

Доверять его подсчетам, впрочем, не приходится. Никто не считал девиц, совращенных самозванцем. Скорее всего он вел весьма распутную жизнь. Но ему едва ли удалось превзойти в этом мнимого отца. Лжедмитрий бесповоротно загубил свою репутацию, надругавшись над несчастной Ксенией Годуновой. Лишившись отца, а затем матери, Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского. Вместе с другими трофеями царевна стала добычей самозванца.

Царь Борис нежно любил дочь и позаботился о ее воспитании. Ксению научили «писанию книжному» и чтению. Она получила музыкальное образование и любила петь. Современников восхищала скромность царевны и чинность ее речей. Судя по их описаниям, она была настоящей русской красавицей. Возле стройной царевны Отрепьев казался маленьким уродцем. Нетрудно представить, какие чувства питала Ксения к человеку, который свел в могилу ее отца, убил мать и брата.

Несчастная судьба Ксении пробудила сочувствие к ней народа. При жизни Годуновой в Москве был записан «плач», полный жалосги к погубленной сироте:

Сплачется мала Птичка, белая перспелка:

●х-ти мнс, молодой, горевати!

Сплачется на Москве царевна:

●х-ти мнс, молодой, горевати!

Что едет к Москве изменник,

Ино Гришка ●трепьев расстрига,

Что хочет мсня полонити,

А полонит мменя, хочет постричи,

Чернический чин наложити!

Да хочет теремы помати,

Мсня хочет, царевну, понмати,

А на Успожну на Железную отослати.

Мменя хочет, царевну, постричи,

А в решетчатый ад засадити.

Ино ох-ти мне горевати:

Как мнс в тснну ксьлю ступати?!

В сетях заговора

Отрепьев не принадлежит к числу загадочных авантюристов, унесших в могилу тайну своего происхождения. Его истинное имя было названо почти сразу после того, как он принял имя Дмитрия. Минутная неуверенность властей, вызванная его фантастическими успехами, рассеялась, едва лишь столичный двор увидел Отрепьева вблизи. Самозванец велел доставить в Москву старца Леонида, которого он с успехом выдал за истинного Отрепьева в бытность свою в Путивле. Но в столице комедия с переодеванием провалилась. Тут было слишком много людей, знавших семью Отрепьева. Бродягу — старца Леонида — поспешно убрали с глаз долой. Некоторое время его держали в Ярославле, после чего он исчез.

Лжедмитрий постарался удалить из Москвы свою подлинную родню, чтобы рассеять всякие подозрения насчет родства с Отрепьевым. По этой причине воцарение Юрия обернулось

большой бедой для всех его родных и близких. «Милостивый» государь возвел в конюшне мнимого дядю Нагова. А родному дяде — Смирному Отрепьеву — была уготована сибирская ссылка. Царь осыпал ласками мнимую мать, а родная жила в нужде в Галиче.

Самозванец тщетно пытался порвать нити, связывавшие его с прошлым. Слишком многим в Москве была известна его характерная внешность. Слишком могущественные силы были заинтересованы в его разоблачении. Отрепьеву приходилось выдумывать всевозможные уловки, чтобы вновь и вновь доказывать свое «истинное царское» происхождение. Одна из таких уловок и погубила его.

Благословение мнимой матери — царицы Марфы — помогло Лжедмитрию утвердиться на троне. Но «семейное согласие» оказалось непрочным. Когда толки о самозванстве возобновились, царь задумал устроить новую инсценировку, чтобы показать народу, будто в Угличе по ошибке был зарезан нский попovich, а он — царевич Дмитрий — жив и сидит на родительском троне.

После гибели Отрепьева за мошами царевича в Углич была послана боярская комиссия. В нее входили бояре князь Иван Воротынский, Петр Шереметев и двое Нагих, а также митрополит Ростовский Филарет Романов, объявленный патриархом, и Астраханский митрополит Феодосий.

Угличане не могли указать точное место захоронения Дмитрия. Могила «долго не обрели и молебны пели и по молебны само явилось тело: кабы дымок из стороны рва копанова показался благовонен, тут скоро обрели». Устранив с этого известия географический налет, писал С.Ф. Платонов, получим бесспорный факт — заброшенной, даже потерянной могилы. Бесспорность этого факта, однако, вызывает сомнения.

Дмитрия похоронили в Преображенском соборе, и если его могилу не могли найти, значит, она была разорена. Отрепьев не осмелился осуществить публичную инсценировку с телом «поповича». Но он тайне повелел выбросить тело царевича из собора. Гроб закопали во рву, за стенами угличского кремля, не поставив даже простого креста.

Планы самозванца оскорбили Марфу Нагуюдо глубины души. Чтобы не допустить надругательства над прахом единственного сына, она обратилась за помощью к боярам. Вмешательство бояр заставило Лжедмитрия отказаться от публичной инсценировки. Но его повеление было выполнено без лишней огласки.

Бояре оказали услугу Марфе отнюдь не бескорыстно. Царица стала орудием их интриг. Заступившись за сыновнюю могилу, она должна была признаться, что царь — не ее сын. С лица старницы спала маска любящей матери.

События в Угличе показали, что Марфа Нагая обладала сильным характером и неукротимым нравом. По-видимому, ее влияние на мнимого сына было очень велико.

Накануне опричнины царь Иван велел вставить в летопись свои речи к думе, записанные им по памяти. Тяжелобольной государь будто бы обратился к верным людям с такими словами: «...чего испужались? али чаєте бояре вас пощадят? вы от бояр первыя мертвцы будете!.. не дайте боярам сына моего извести».

Страх перед боярской крамолой обуревал также и мнимого сына Грозного. В Москве много говорили о том, что прощение Шуйскому выхлопотали вдова Грозного, братья Бучинские и другие польские советники «Дмитрия». Молва лишь отчасти соответствовала действительности.

Сохранилось тайное письмо главы Канцелярии Яна Бучинского к царю. Советник напомнил самодержцу недавний разговор: «Коли язбил челом вашей царской милости о Шуйских, чтоб их не выпускал и не высвобождал, потому как их выпустить, и от них будет страх... и вы мне то отказали, что наперед всего Богу ты обещал того ся беречи, чтоб ни одной хресътянской крови не пролилося».

Будучи личным другом самозванца, Бучинский объяснялся с полной откровенностью. Он решительно противился освобождению Шуйских по той причине, что «от них будет страх».

Лжедмитрий I сделал все, чтобы покончить с могуществом Шуйских. Обладая развитой интуицией и чувствуя страх, самозванец по собственной воле никогда бы не вернул опальных из ссылки, если бы в дело не вмешались влиятельные лица. Сovre-

менники указывали на Марфу Нагую. Отрепьев понимал, сколь опасна для неголюбая размолвка, а тем более раздор с названной матерью.

Отрепьев не только простил Шуйского, но и сосватал ему свойственницу Нагих, назначив свадьбу через месяц после своей. Боярин получил из рук Лжедмитрия, кроме своих старых вотчин, и волость Чаронду, ранее принадлежавшую Д.И. Годуну. Родство с Шуйскими отвечало честолюбивым устремлениям Марфы.

Марфа должна была заплатить высокую цену за помощь бояр в деле с могилкой сына в Угличе. Бояре использовали авторитет ее имени, чтобы скомпрометировать самозванного царя в глазах короля. События развернулись одновременно или вскоре после освобождения из тюрьмы Шуйских.

Польский гетман Жолкевский сообщил в своих записках, что Марфа Нагая через некоего шведа подала королю весть о самозванстве царя. Можно установить имя шведа, исполнившего поручение Марфы и ее единомышленников. Им был Петр Петрей. Бояре выбрали его потому, что Петрей был лично известен Сигизмунду III и к тому же находился на царской службе в Москве. При свидании с Сигизмундом III Петрей заявил, что Лжедмитрий «не тот, за кого себя выдает», и привел факты, доказывавшие самозванство царя. Швед рассказал королю о признании царицы Марфы, а также сослался на мнение посла Гонсевского, только что вернувшегося из Москвы и «имевшего такие же правдивые и достоверные сведения о Гришке, как и сам Петрей».

Разговор двух шведов был коротким. Выслушав гонца, король молча вышел из комнаты. Вскоре он через канцлера Льва Салегу приказал Петрею, если ему дорога жизнь, помалкивать.

Петрей получил аудиенцию в первых числах декабря 1605 г., когда король праздновал свадьбу с Констанцией. Сам Сигизмунд подтвердил, что именно в дни свадьбы московские бояре вступили с ним в переговоры насчет свержения Отрепьева.

Невозможно усомниться в том, что Нагая ничего не предпринимала без ведома братьев. У них она искала помощь в первую очередь, когда предприняла отчаянные попытки спасти могилу сына. Нагие занимали особое место в думе. В списке «сена-

та» Лжедмитрия значились конюший великий Михаил Федорович Нагой и четверо бояр Нагих.

Шуйские попали в самую гущу заговора. Князь Василий не только присоединился к заговорщикам, установившим тайные контакты с Марфой Нагой, но и возглавил дело. Шуйский стяжал славу мученика, борца против зловердного еретика. Будучи мастером интриг, он постарался ускорить развязку.

Союз Нагих и Шуйских имел давнюю историю. В правление Бориса Годунова они объединились, чтобы отстранить от власти правителя. Однако ситуация изменилась. Нагие были безмерно возвышены «вором» и не желали его гибели. Заговорщики Шуйские и Голицыны не имели оснований посвящать Нагих во все свои планы.

Вскоре после шведа Петрся в Краков прибыл царский гонец Иван Безобразов. Он должен был вручить Сигизмунду III грамоты московского царя. Кроме официального поручения, ему предстояло выполнить секретное задание, которое он получил от бояр, тайных врагов Лжедмитрия. Любая огласка могла привести на эшафот и гонца, и его покровителей.

Безобразов был принят в королевском дворце и от имени своего государя испросил у Сигизмунда III «опасную» грамоту на проезд в Польшу московских великих послов. Грамота была вскоре изготовлена, но гонец, следуя инструкции, отказался принять ее из-за того, что в ней был пропущен императорский титул «Дмитрия». Перед отъездом москвитин, улучив момент, дал знать королю, что имеет к нему особое поручение от бояр Шуйских и Голицыных. Король доверил дело пану Гонсевскому. Его свидание с Безобразовым было окружено глубокой тайной. Но ближайшие советники Сигизмунда III получили своевременную информацию о переговорах. Гетман Жолкевский поведал о них миру в своих мемуарах. Устами Безобразова московские вельможи извещали короля о намерении избавиться от обманщика и предлагали царский трон сыну Сигизмунда Владиславу. Гонец говорил о царе в таких выражениях, которые поразили Гонсевского. Бояре укоряли короля в том, что он дал Москве в цари человека низкого и легкомысленного, жаловались на жестокость Лжедмитрия, его распутство и пристрастие к роскоши и под ко-

нец заключали, что обманщик недостойн Московского царства. Гонец Иван Безобразов не имел нужды прибегать к околичностям и дипломатии, так как бояре еще раньше установили прямой контакт с королем и успели оказать ему некоторые услуги.

Самозванец не мог выполнить своих обещаний королю. Оправдывая себя, он ссылаясь на «нужу» и «измену подданных», которые догадываются о его тайных сношениях с Речью Посполитой и планах передачи «х коруне Польской» некоторой части «земли государственныхных». Во время подготовки похода на Москву самозванец нашел поддержку не только у короля, но также и у магнатов и шляхты, недовольной Сигизмундом III. К их числу принадлежали будущие вожди мятежа 1606 г. против королевской власти краковский воевода Николай Зебжидовский, родня Мнишека Стадницкие и пр. Оказав помощь Лжедмитрию в свержении династии Годуновых, эти люди теперь рассчитывали использовать поддержку царя, чтобы свергнуть неугодного им Сигизмунда III. Оппозиция сулила царю польскую корону.

В кругу польских советников Отрепьев охотно обсуждал новые блестящие перспективы. «Будешь, Ваша царская милость, королем польским», — сказал ему однажды секретарь Ян Бучинский. Вскоре же Бучинский был послан в Краков. Царь передал ему «на общество» 55 000 рублей из царской казны. При втором посещении Кракова в начале 1606 г. Бучинский был встревожен тем, что тайные планы московского двора стали известны в Польше. Он поспешил написать об этом Лжедмитрию. При польском дворе, писал он, каким-то образом довелись о его миссии и «дали понять, что я сам говорил в Польше с кем-то, что Ваша царская милость будет вскоре нашим королем, и как я в этом имел успех».

Сигизмунд III был взбешен и через сановников намекнул Бучинскому, что не остановится перед разоблачением своего ставленника. На приеме во дворце секретарю пришлось выслушать речь, полную угроз. Бучинский дословно записал предсказания воеводы Познанского о близком разоблачении Лжедмитрия: «По твоей, деи (Дмитрия. — *Р.С.*), той великой спеси и гордосги подлинно тебя Бог сохнет с столицы твоей, и надобе

то указать всему свету в Москве самой, какой ты человек и что им хочешь сделать».

Королевский двор был возмущен титулом «непобедимый», присвоенным Лжедмитрием: «Коли б тебе (Лжедмитрию. — *Р.С.*) хто иной писал непобедимым, ино бы то было не диво, а то ты сам себя так пишешь; а такое де слово Богу одному подобает».

Среди польских оппозиционеров интрига самозванца нашла благоприятный отклик прежде всего у таких лиц, как Ю. Мнишек. Он задолжал королевской казне огромные суммы денег. Король мог в любой момент отобрать у него его староства и имения за долги. Передача королевского трона зятю в один миг решала его трудности.

Претензии Москвы встревожили короля. В марте 1606 г. на сейме литовский канцлер Лев Салегга открыто заявил следующее: «...находятся у нас такие люди, которые входят в тайное соглашение с московским властителем»; один из них — некий член Краковской академии «писал к московскому государю, что теперь приходит время заполучить польскую корону»; царь собирает войско против неверных, но как тут ему доверять; не для того ли он присвоил титул императора, чтобы затем «легче добиваться киевского княжества».

В Польше циркулировали слухи, будто Дмитрий готов поддержать польскую оппозицию, послав против короля одного из Шуйских с войском. Можно предположить, что Шуйские сами позабылись о распространении подобных слухов. Бояре-заговорщики постарались разжечь честолюбивые мечты Лжедмитрия I. Одновременно они предупредили обо всем Сигизмунда III и постарались убедить его, что царь намерен отобрать у него польскую корону. Таким путем они старались лишить самозванца польской помощи. И они вполне добились своей цели.

Лжедмитрий I возродил планы унии России и Польши, давно ставшие предметом дипломатических переговоров двух стран. Но на этот раз речь шла о поглощении Речи Посполитой Московским царством, а осуществление планов унии связывалось с тайным заговором и войной.

Бояре в Москве давно дознались о том, что Речь Посполитая требует от царя выполнения секретного договора о территориальных уступках в пользу короля. Отрепьев использовал первый подходящий случай, чтобы отвести от себя подозрения. Шумный спор с королем из-за титулов должен был, как полагал самозванец, успокоить бояр и народ. Тайный католик, Лжедмитрий откровенно объяснил мотивы своих чрезмерных домогательств посланцу Ватикана. «Пронесся слух, — сказал он, — что я обещаю уступить несколько областей польскому королю. Крайне необходимо категорически опровергнуть их. Вот почему я настаиваю на моих титулах».

Клубок интриг запутался окончательно. Польские заговорщики рассчитывали использовать помощь царя, чтобы лишить трона Сигизмунда III, а московские бояре искали соглашения с королем, чтобы избавиться от самозванца.

Душой боярского заговора были князья Василий, Дмитрий и Иван Шуйские, бояре братья Голицыны, князья Михаил Скопин-Шуйский и Борис Татев-Стародубский, Михаил Татищев, окольничий Иван Крюк Колычев, дети боярские Андрей Шерефединов, Григорий Валуев и Воейков, московские купцы Мыльниковы и другие лица.

Даже некоторые из самых близких лиц спешили покинуть самозванца, предчувствуя его скорое падение. В стане заговорщиков оказался друг детских игр Отрепьева Иван Безобразов. В Путивле он помалкивал, благодаря чему вошел в милость к Лжедмитрию. В Москведворянин примкнул к Шуйским и стал решительным противником самозванца.

Несколько приближенных царя, формально не участвуя в заговоре, искали благорасположения заговорщиков. Сохранилось известие, будто «Дмитрий» слишком рано открыл своему маршалку князю Василию Михайловичу планы насаждения в России католичества, а тот сообщил обо всем боярам. Речь шла о князе Василии Михайловиче Рубце-Мосальском. Иностранный автор искажил фамилию князя, назвав его Можайским, но такие искажения обычны у иностранцев. В официальных бумагах Посольского приказа князя Рубца именовали маршалком. Весной

1606 г. поляки, ехавшие на царскую свадьбу, убили родного брата дворецкого, что не могло не повлиять на его взгляды.

Боярам удалось подкупить некоторых наемных офицеров из дворцовой стражи, среди них Андрея Бону. Ходили слухи, что в интригу был вовлечен капитан Яков Маржарет.

Военные планы самозванца побуждали заговорщиков спешить с выступлением. Некогда Иван Грозный сокрушил ордынские владения на Нижней Волге. Лжедмитрий решил продолжить его дело и нанести удар по Азову с тем, чтобы изгнать турок из устья Дона. Помощь Войска Донского была ему обеспечена. Опорной базой азовского похода стал Елец. Присланный туда дворянин Г. Акинфов получил приказ дополнительно укрепить и расширить эту пограничную крепость. Туда спешно отправили из Москвы осадную и полевую артиллерию, там создали склады с огромным количеством военного снаряжения и продовольствия. На реке Вороне у ее владения в Дон были построены суда. Позднее русские послы, следовавшие в Константинополь, получили наказ разыскать на Дону корабли, выстроенные «для Ростриги в 7114 году». На этих кораблях им предписывалось идти в Азов и далее, по морю, в Турцию.

С весны 1606 г. подготовка к походу вступила в решающую фазу. С разных концов страны к Ельцу шли отряды ратных людей.

Посольский приказ должен был приноровиться к дипломатическим приемам и манерам самодержца. В Крым были посланы гонцы, которые должны были объявить войну татарам. Но прежде они, если верить Исааку Массе, предъявили хану требование о возвращении Москве «всех податей, которые пржде Московское государство принуждено было заплатить хану, а не то он («Дмитрий». — Р.С.) оброет хана и весь народ его наголо». Ультиматум был подкреплён, как повествует Авраамий Палицын, «бесчестными» дарами — шубой «от кож свиных».

Планы объединения христианских государств для войны с неверными были более популярны в Речи Посполитой, чем в России. Русское дворянство сознавало, что война с турками и татарами будет долгой и кровопролитной. Лжедмитрий I должен был считаться с тем, что его планы не пользуются поддержкой

дворян. Поход Грозного на Казань вызвал подлинный энтузиазм среди дворян и детей боярских. Планы похода на Азов натолкнулись на скрытое сопротивление. Польский современник писал: «Хотя государь приказал во всех областях заготавливать военные снаряды и припасы и собирать войско... однако не весьма многие показали ему уважение и страх, напротив, подблаговидными предложениями и извинениями уклонялись от исполнения воли Дмитрия». Самозванец должен был учитывать настроения дворянского сословия.

В марте 1606 г. Разрядный приказ послал князя Ивана Шуйского с отрядом войск во Мценск. Большим воеводам — Мстиславскому, Василию и Дмитрию Шуйским, Василию Голицыну — предстояло занять позиции на Оке.

В марте Лжедмитрий известил тестя Юрия Мнишека, что по прошествии Пасхи 20 апреля «путь воспрять намерены в лагерь («боз») и там через все лето пребывать имеем». Лето было наиболее подходящим временем для военной кампании, но поход, похоже, был задуман как военная демонстрация, раз царь собирался провести в лагере все лето.

Лжедмитрий I помнил о триумфальном выступлении Бориса в Серпухов при избрании на трон. Не намеревался ли он повторить удачный ход Годунова?

Отдавая приказ о сборе дворянского ополчения на Оке, Растига надеялся, что в полевом лагере, в окружении верных войск, он будет чувствовать себя в полной безопасности. Он и не догадывался, сколь глубоко измена проникла в его ближайшее окружение. Полк правой руки в походе на Оку должен был возглавить князь Василий Шуйский, передовой — его брат Дмитрий, сторожевой — Василий Голицын. Все трое старших воевод готовили переворот.

Побывавший однажды в руках палача Василий Шуйский вел дело с величайшей осторожностью. Попытки развернуть агитацию против царя в народе могли привести к разоблачению заговорщиков. Поэтому они предпочитали иные средства.

В первых покушениях на жизнь Отрепьева участвовали чудовские монахи. С их кознями он столкнулся еще в Путивле. В Москве все повторилось заново. По словам Петра Петрея, один

чудовский инок смушал народ, заявляя во всеуслышание, что на троне сидит беглый чернец Григорий, которого он сам учил грамоте. Его арестовали и подвергли допросу, но монах так и не отказался от своих слов. Тогда его утопили в Москве-реке вместе с несколькими другими чудовскими иноками. Польские источники излагали иную версию. Власти арестовали несколько духовных особ, одного из них пытали, и он признался, что его подкупили. Он должен был подать государю чашу с отравленным вином во время причастия. Как видно, в заговор были втянуты лица из семейного храма государя. Только они могли поднести царю святые дары.

Сведения о тайных казнях духовных особ распространились не только в Москве, но и за рубежом. В инструкции, составленной шведской королевской канцелярией 5 (15) февраля 1606 г., значилось: «Как утверждают взаправду, в начале своего царствования Дмитрий велел казнить и лишить жизни нескольких православных монахов».

Дознание о покушении на жизнь царя проводилось в сентябре 1605 г. К заговору Шуйских оно не имело отношения, поскольку Шуйские еще не вернулись из ссылки.

Тайная казнь монахов нанесла немалый ущерб репутации Лжедмитрия. В начале 1606 г. шведские дипломаты, получив из Москвы ложное известие о смерти царя, высказали предположение, что его убили сами русские, так как «Дмитрий» исповедовал папистскую религию и вскоре после начала своего царствования велел казнить нескольких православных монахов.

Новый розыск о покушении на жизнь монарха начался после того, как во дворце нашли колдовское зелье. На этот раз розыск не дал результатов.

В январе 1606 г. случилось другое происшествие. Глубокой ночью неизвестным лицам удалось пройти через всестрелеческие караулы и подобраться к царской спальне. Во дворце поднялась суматоха. Не успев как следует одеться, самозванец схватил оружие и в сопровождении двух стрелеческих голов — Федора Брянцева и Ратмана Дурова — бросился искать злоумышленников. Удалось схватить трех человек, но они ни в чем не признались, и их поспешили казнить.

Вскоре после этого события аресту подвергся дьяк Андрей Шерефединов. И. Масса утверждал, что дьяк, покупленный боярами, готовил убийство царя. Более подробно обстоятельства дела изложил начальник дворцовой стражи Яков Маржарет. По подозрению в заговоре, писал Маржарет, был схвачен один секретарь или дьяк, его пытали в присутствии Петра Басманова, но он не сознался и не выдал главу заговора, кем был, как позднее стало известно, Василий Шуйский.

Противники самозванца опасались разоблачения. Арест Шерефедина поперг их в ужас. Но дело за отсутствием улик было прекращено, а дьяка отправили в ссылку: Боярская дума была высшей инстанцией, расследовавшей государственные преступления. Поскольку некоторые из ее руководителей сами участвовали в заговоре, сыскное ведомство оказалось парализованным. Нити следствия, тянувшиеся наверх, бояре мгновенно обрывали.

Царь велел конфисковать несколько дворов на Арбате и в Чертолье у самых стен Кремля и поселил в них иноземную гвардию. Отныне он мог вызвать охрану в любой час дня и ночи.

Свадьба

Отрепьев не имел возможности нанять в Москве сколько-нибудь значительное число наемников. Когда события приняли опасный оборот, он вновь, как и год назад, вспомнил о нареченной невесте Марине Мнишек и ее отце Юрии Мнишке. Гусарская конница, жолнеры и гайдуки — таких необычных гостей задумал пригласить на свою свадьбу Лжедмитрий. Бывший главнокомандующий самозванца Юрий Мнишек получил поручение привести в Москву наемное войско, без которого царю трудно было усидеть на троне.

Сигизмунд III тщетно добивался от Лжедмитрия выполнения тайного договора. Однажды он велел принести в кабинет шкатулку с «кондициями», подписанными «царевичем» после посещения Вавеля. Королевский секретарь доложил о состоянии дел и сделал соответствующие пометы в тексте «кондиций».

Итоги были неутешительными. Царь отказался передать Польше Чернигово-Северскую землю и Смоленск, хотя и обещал некую денежную компенсацию. Он не выполнил и других своих обещаний: не помог королю в войне со Швецией. Последний пункт «кондиций» заключал обязательство «царевича» жениться на подданной короля — Отрельев согласился исполнить волю короля в этом пункте. В тексте «кондиций» появилась пометка: «Хочет взять дочь воеводы Сандомирского».

Невыполнение договоров на первых порах не вызвало заметных перемен во взаимоотношениях Сигизмунда III и его протезе. 23 августа 1605 г. король направил царю «уверения в дружбе» вместе с формальным приглашением на собственную свадьбу, которую готовились отпраздновать 30 октября в Кракове. Со своей стороны, «непобедимый император» через послов «по братской любви» пригласил Сигизмунда III на свою свадьбу с Мариной в Москву.

Весьма дружественный характер носила переписка Лжедмитрия I с Мнишеками.

Чем затруднительнее становилось положение самозванца, тем больше нетерпения проявлял он в переговорах с будущим тестем.

Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало потрудились, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным. Тонкие губы, обличавшие гордость и мстительность, вытянутое лицо, слишком длинный нос, не очень густые черные волосы, тщедушное тело и крошечный рост не отвечали тогдашним представлениям о красоте. Подобно отцу, Марина Мнишек была склонна к авантюре, а в своей страсти к роскоши и мотовству она даже превзошла отца. Она умела писать, но за всю долгую разлуку с суженым ни разу не взяла в руки пера, чтобы написать ему письмо.

Боярская дума и православное духовенство и слышать не желали о браке царя с католической «девкой». Мнишек была во всех отношениях незавидной партией. Ее семье недоставало

знатности, к тому же эта семья погрязла в долгах и давно стояла на пороге разорения.

Отстрелъев полностью отстранил бояр и князей церкви от брачных переговоров. Он сделал своим святом дьяка Афанасия Власьева, «худородство» которого не соответствовало характеру его миссии. Вместе с дьяком в Польшу выехал секретарь С. Слоньский, член тайной Канцелярии.

Дьяк Афанасий Власьев был послан в Польшу с официальной миссией. Он должен был провести церемонию обручения царя с Мариной. Члену Канцелярии Яну Бучинскому поручены были тайные дела, связанные со сватовством. В конце 1605 г. он отправился в Самбор и передал Мнишеку настоятельную просьбу «Дмитрия» добиться от латского легата разрешения, «чтобы ее милость панна Марина причастилась на обедне у патриарха нашего, потому что без того венчана не будет». Царской невесте надо было получить разрешение ходить в греческую церковь, есть в субботу мясо, а в среду печеное. Особый наказ предписывал Марине, чтобы «волосов бы не наряжала», чтобы за столом ей служили кравчие.

Московское посольство, насчитывавшее 300 человек, доставило в Польшу поистине царские подарки. Власьев передал Юрию Мнишеку шубу с царского плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Подарки невесте, выставленные в королевской резиденции, вызвали всеобщее изумление. Тут были жемчужный корабль, несущийся по серебряным волнам (его оценивали в 60 000 злотых), шкатулка в виде золотого вола, полная алмазов, перстни и кресты с камнями, огромные жемчужины, золоченый слон с часами, снабженными музыкальным устройством и движущимися фигурками, воях парчи и кружев.

Сигизмунд III не пожелал, чтобы обручение Марины Мнишек было проведено во дворце в Завеле или в кафедральном соборе Кракова. Церемония состоялась в «каменице» Мнишеков возле Рынка. Каменное здание оказалось тесным, и царскому тестю пришлось потратить деньги на покупку смежных зданий. В них была устроена и спешно освящена «калица».

На торжестве присутствовали король Сигизмунд III и примап Польши кардинал Мациевский, родня Мнишек.

В конце 1605 г. польская знать торжественно отпраздновала обручение царя с Мнишек. По польским представлениям, эта церемония была равнозначна венчанию.

Особу царя в доме Мнишека представлял дьяк Афанасий Власьев. Несмотря на внешнее величие, церемония прошла негладко. Стоя подле католического алтаря в окружении худших еретиков, Власьев произнес приветственную речь жениха без всякого воодушевления. Когда кардинал задал ему вопрос, не давал ли царь обещаний другой женщине, дьяк не моргнув глазом заявил: «А мне как знать: о том мне ничего не наказано!» Ответ вызвал смех в зале.

Власьев заслуженно считался знающим дипломатом. В одной краковской брошюре 1605 г. значилось: «Посланник — человек очень хитроумный, очень рассудительный, ему 40 лет, и можно удивляться, что под таким мрачным небом, как Москвы, существуют такие люди острого ума». На портрете Власьева, помещенном в той же брошюре, имеется надпись: «...сей муж обладал благородным и большим умом, каких давно из Москвы не посылали». Восторженные отзывы свидетельствовали о достоинствах дьяка, а также о том, что он приехал в Польшу не с пустыми руками.

Юрий Мнишек слал будущему зятю письма с докучливыми просьбами насчет денег и погашения всевозможных долгов. Узнав о связи царя с Ксенией Годуновой, он немедленно обратился к нему с выговором. «Поелику, — писал он, — известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите, вняв советублагоразумных людей, от себя ее отдалить». Самозванец не стал перечить тестю и пожертвовал красавицей Ксенией. Царевну постригли в монахини и спрятали от света в глухом монастыре на Белоозере.

Лжедмитрий I наказал дьяку везти невесту в Москву сразу после обручения. Но выполнить это распоряжение не удалось. В январе 1606 г. Власьев пенял сенатору на то, что «вседелаетца не по тому, как вы со мною договорились». Проволочки были

вызваны не только желанием Мнишесков получить дополнительные денежные субсидии от зятя.

В дни королевской свадьбы в Кракове получили известие о том, что положение «Дмитрия» осложнилось и события могут приобрести неблагоприятный оборот.

Царь должен был уступить домогательствам гестя. Его посланцы отвезли в Самбор 200 000 злотых, а затем еще 6000 золотых дублонов.

Наем армии потребовал больших денег, и Мнишек разрывался на части. В Самборе спешно шили новые платья и собирали приданое, достойное царской невесты. Одновременно люди Мнишесков закупали большими партиями оружие и повсюду вербовали ландскнехтов. Денег не хватало, и Мнишеки заняли 14 000 злотых у царских посланцев и набрали на 12 000 злотых мехов и сукон у московских купцов.

Родня Мнишека поддерживала тесные связи с оппозицией, готовившей вооруженное выступление против короля и рассчитывавшей на помощь русского царя. Семья Мнишесков вела себя более чем двусмысленно, и Сигизмунд не препятствовал отъезду сенатора из Речи Посполитой. Король объявил об отсрочке в уплате долгов Юрия Мнишека. Вместе с Мнишеком Польшу покинули многие шляхтичи и безработные наемники, которые едва ли остались бы в стороне от назревавшего мятежа.

В России Мнишесков встречали по-царски. На границе их встретил боярин и дворецкий князь Василий Мосальский. В миле от Москвы были разбиты шатры, чтобы невеста и ее родня могли отдохнуть. Когда Мнишеки сделали остановку, сенатор, оставив дочь в лагере, отправился в столицу, чтобы воочию убедиться, что полякам не грозит опасность. В Москве сенатор переговорил с Лжедмитрием, а затем вернулся в лагерь на царской лошади. Сбруя лошади была изукрашена золотом.

2 мая 1606 г. царскую невесту посадили в золоченую колымагу и повезли в Москву. В столице вдоль улиц были расставлены войска Лжедмитрий, обрядившись в простое платье, в красной шапочке, тайно покинул дворец и в сопровождении князя Василия Шуйского и одного поляка объехал «все войска и всех поляков», чтобы лично расставить их «в добром порядке». Иса-

ак Масса сам видел царя, готовившего церемонию. Поведение самодержца свидетельствовало о том, что он считал свое положение прочным и забыл об осторожности.

Толпы москвичей восторженно приветствовали государя. Узкие улицы были запружены народом. Колымага с Мариной двигалась очень медленно, так что въезд завершился лишь к концу дня.

На Красной площади был устроен высокий помост для оркестра. При появлении царицы музыканты принялись играть на флейтах, трубить в трубы и бить в литавры.

С площади Марину увезли в девичий Вознесенский монастырь в Кремле, где жила «мать» государя Мария Нагая. Тут ее тайно навестил Лжедмитрий. Когда за Мариной захлопнулись монастырские ворота, она не в силах была скрыть своего отчаяния и долго плакала.

Свадебный кортеж произвел глубокое впечатление на москвичей. Они не могли отделаться от ощущения, что в город вошла армия, а не свадебная процессия. Впереди следовала пехота с ружьями. За ней ехали всадники, с ног до головы закованные в железные панцири, с копытами и мечами. По улицам Москвы горделиво маршевали те самые гусары, которые сопровождали самозванца в самом начале его московского похода. За каретой Марины следовали шляхтичи в нарядных платьях. Их сопровождали толпы вооруженных слуг. За войском ехал обоз. Гостям услужливо показали дворы, где им предстояло остановиться. Москвичи окончательно были сбиты с толку, когда прислуга принялась выгружать скарб: вместе с сундучками и узлами гайдуки выгружали из повозок ружья и охалками вносили их наверх.

Лжедмитрий чувствовал, что трон его шаток, и инстинктивно ждал спасения от тех, кто некогда помог ему расправить крылья и взлететь. Доносы поступали во дворец со всех сторон, и Огрёьеву не приходилось выбирать. Он пытался начать сначала ту рискованную игру, в которой ставкой были его власть и нечто большее — его голова.

Православные святители не забыли, как предавали анафеме злого расстригу и еретика. Увидев самозванца волизи, они

не избавились от старых подозрений. Лжедмитрий не решился оставить возле себя никого из своих друзей-католиков. Однако он предоставил им помещение для богослужения.

Окруженный всеми атрибутами призрачного могущества, царь горько жаловался иезуитам на свое одиночество.

До поры до времени церковники прощали самозванцу его подозрительные связи с католиками и протестантами. Но они окончательно прониклись недоверием к царю, когда тот решил поправить за счет церкви свои финансовые дела. У Иосифо-Волоколамского монастыря он взял 3000 рублей, у Кирилло-Белозерского — 5000. С мелких монастырей, которых было великое множество, трудно было получить такие суммы. Зато из казны крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря Лжедмитрий позаимствовал 30 000 рублей. Духовенство опасалось, что такого рода займы были лишь началом. В самом деле, в кругу польских советников-протестантов Отрепьев охотно обсуждал проекты частичной секуляризации доходов церкви и обращения их на нужды казны и дворянства. Подобного рода меры, без сомнения, нашли бы поддержку среди скудеющего дворянства, с жадностью взиравшего на несметные богатства монастырей.

Помолвка царя с Мариной Мнишек подлила масла в огонь. Фанатики честили царскую невесту как еретичку и язычницу. Казанский митрополит Гермоген требовал вторичного крещения польской «девки». Но патриарх Игнатий не поддержал его. В угоду царю лстивый грек соглашался ограничиться церемонией миропомазания, которая должна была сойти за отречение от католичества. Лжедмитрию удалось сломить сопротивление духовенства. 10 января 1606 г. близкие к нему иезуиты сообщили, что противники царского брака подверглись наказанию, но никто из них не предан казни. Лжедмитрий сам поведал об этом вернувшемуся из Польши Бучинскому в таких выражениях: «Кто из архиепископов начали было выговаривать мне, упрямиться, отказывать в благословении брака, и я их поразослал, и ныне никаков человек не смеет слова молвить и во всем волю мою творять». Первым наказанию подвергся неугомонный Гермоген. Митрополита отослали в его епархию в Казань и там за-

ключили в монастырь. Церковная оппозиция приумолкла, но ненадолго. Агитация против самозванца не прекращалась. Ее исподволь разжигали бояре-заговорщики, князья церкви и монахи.

После прибытия в Москву свадебного кортежа по городу распространилась молва о пророчестве старицы Алены, весьма почитаемой народом юродивой. Она стала предсказывать царю смерть. Это навело страх на заговорщиков. Но потом они успокоились. Лжедмитрию тотчас сообщили обо всем. Он не придавал значения пророчеству юродивой.

В Путивле самозванец с успехом мистифицировал немногочисленное население и ратных людей. Взойдя на трон, он попытался обмануть весь народ. Эта задача оказалась несравненно более трудной. Опасность положения Отрепьева заключалась в том, что его самозванство перестало быть тайной как для его противников, так и для приверженцев. О самозванстве «Дмитрия» толковали и в России, и за рубежом.

Некогда изменники, братья Хрипуновы, сбежавшие в Литву, «вызнали» в беглом монахе Дмитрия. После воцарения Отрепьева Хрипунов захотел вернуться в Россию и заручился ходатайством короля. Лжедмитрий уведомил Сигизмунда III, что милостиво примет беглеца.

Братья Хрипуновы не были противниками самозванца. Напротив, они в числе первых признали в бродяге «царевича».

На границе Хрипунов встретил давнего знакомого — капитана С. Боршу, проделавшего с «царевичем» путь от Путивля до Москвы. Взяв с Борши клятву молчать, Хрипунов сообщил ему, что в Москве уже дознались, что царь — не истинный Дмитрий и скоро с ним поступят как с самозванцем.

Подобные разговоры велись не только в дорожных трактирах, на улицах, но и во дворце, в покоях ближайших слуг движников царя. Однажды после дружеской попойки царский телохранитель Конрад Буссов задержался в доме у Петра Басманова. Гости разошлись, и, оставшись наедине с хозяином, немец спросил его, действительно ли царского происхождения их государь. Басманов ответил: «Молись за него, хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...»

Заглушить убийственную молву можно было разве что истребив половину населения. У Расстриги не было иного выхода, кроме как закрыть глаза на «измену» и продолжать разыгрывать роль милостивого государя.

Самозванец еще сидел на троне, а его знатные противники готовы были перессориться из-за того, кто наследует корону. Из дипломатических соображений бояре подумывали о том, чтобы преподнести шапку Мономаха Владиславу. Кандидатура приика могла преотвратить раскол, который неизбежно пришел бы к крушению заговора.

В московском гарнизоне числилось несколько тысяч стрельцов. Пока эти стрельцы, охранявшие Кремль, были преданы царю, заговорщики не могли рассчитывать на успех. Однако к началу марта 1606 г. среди кремлевских стрельцов была замечена «шатость». Многие открыто толковали, что царь — не истинный Дмитрий; когда разговоры дошли до слуха Басманова, тот тайно учинил розыск. Семеро стрельцов были взяты под стражу. Обычно власти избавлялись от «изменников» без лишней огласки. На этот раз царь решил устроить показательный суд. В назначенный день стрельцы получили приказ собраться в Кремле без оружия. Государь появился перед ними в окружении немецкой стражи. Он вновь, в который раз, повторил заученную речь о своем чудесном спасении и спросил, есть ли у них доказательства, что он не истинный царь. Много раз слышанные слова не производили прежнего впечатления. Однако все насторожились, когда самодержец предложил присутствующим открыто высказать причины недоверия к нему.

Наказание всех причастных к тайной агитации привело бы к массовым казням стрельцов. Самозванец не решился на такую меру, опасаясь лишиться военной опоры, и ограничился тем, что велел арестовать и подвергнуть пытке семерых смутьянов. Процедура казни стрельцов была расписана заранее. Палачи могли снести «изменникам» головы, но стрельца решил отдать виновных на расправу их товарищам. Перед тем как собрать стрельцов на площади, Лжедмитрий призвал думного дворянина Григория Микулина и дал указание, «как ему туто говорити и что над теми стрельцами учинити». После того как осужденным объявили их

вину, Микулин произнес заранее заготовленную речь: «учал говорить, освободи, де, государь, мне, я у тех изменников не только что головы покусую, и чрева из них своими зубами вытаскаю». Речь должна была устроить всех присутствующих.

Вслед за тем Микулин «мигнул» верным стрельцам, и осужденные были мгновенно растерзаны, иссечены «на малые части». Трупы казненных провезли в открытой телеге по всему городу для устрашения заговорщиков. Противники самозванца на время притихли.

Пока во главе государства стоял узурпатор и обманщик, воспользовавшийся жосом гражданской войны, чтобы захватить трон, возобновление Смуты было неизбежно.

Весной 1605 г. яицкие казаки отправились в разбойный поход в Среднюю Азию, не откликнувшись на призыв Лжедмитрия оказать ему помощь. Менее чем через год вольные казаки на Тереке задумали идти походом в Закавказье и «громить турецких людей на судах». После долгих обсуждений они отказались от этих планов и решили искать царского жалованья в Москве. Войско выдвинуло из своей среды «царевича Петра», выдав его за сына царя Федора и Ирины Годуновой.

Вольные казаки посадили на трон Лжедмитрия, многие явились вместе с ним в Москву и получили за службу неслыханное жалованье. Однако по настоянию «лихих» бояр царь рассчитал служившие ему казачьи отряды и отослал из Москвы по домам. Вопреки надеждам, вольные казаки лишились из-за бояр и царского жалованья, и царской службы. Ветераны похода говорили об этом открыто и на Дону, и на Волге, и на Тереке.

Снарядив струги, атаманы с «царевичем Петром» прошли на Волгу и двинулись к Царицыну. «Царевичу» не приходилось заботиться о пополнении своих сил. «Чернь» стекалась к нему со всех сторон. Повстанцы заняли три волжских городка и забрали найденные там пушки. Вскоре под знаменами «Петра» собралось до 4000 человек.

В Русском государстве назревала новая Смута. Тем временем осложнилась внешнеполитическая ситуация. Сигизмунд III был встревожен интригами своего ставленника в Кремле. Принятие Лжедмитрием императорского титула, превосходившего

королевский, переполнило чашу терпения. Из Кракова в Москву было направлено посольство, главой которого был назначен А. Гонсевский. Именно он вел переговоры с гонимыми московскими бояр-заговорщиками Безобразовыми. Когда Гонсевский прибыл в русскую столицу, ничто не могло помешать ему установить прямые контакты с руководителями тайного боярского заговора.

На приеме в Кремле польские послы подвергли московского самодержца неслыханному унижению. Сигизмунд приказал им именовать «Дмитрия» великим князем, отказав недавнему протекже не только в императорском, но и в царском титуле. Дипломатический демарш должен был убедить заговорщиков, что Сигизмунд III на их стороне.

Захватив трон, Отрепьев не раз указывал думе на свои особые отношения с повелителем могущественного соседнего государства. На приеме в Кремле послы нанесли Лжедмитрию хорошо рассчитанный удар. Шаткий трон лишился еще одной опорки. Знать, теснившаяся в дворцовых палатах, едва скрывала свои подлинные чувства. Заговорщики не сомневались более в том, что в случае переворота Сигизмунд не окажет «Дмитрию» никакой поддержки.

Преирательства в парадном зале дворца длились более часа. В запальчивости «непобедимый император» грозил послу Олесницкому войной: «Московский меч достигнет того, кто не склонится перед ним; вместо того, чтобы разить турок, он сокрушит поляков!»

Через несколько дней самозванец пригласил на частную аудиенцию одного из своих друзей иезуитов и заявил ему, что под царскими знаменами в Ельце стоит 100 000 человек и достаточно его знака, чтобы армия обрушилась на неприятеля; он сам еще не решил, направить ли эту армию против турок или против кого-нибудь другого. Безо всякой паузы Лжедмитрий тут же стал жаловаться на обиды, нанесенные ему польским королем. Его слова, очевидно, были переданы по назначению.

Прибытие Мнишек с воинством ободрило Лжедмитрия. Но успех связан был с такими политическими издержками, которые далеко перекрыли все ожидавшиеся выгоды. Брак Отрепьева с

Мариной, заключенный вопреки воле Боярской думы и духовенства, окончательно осложнил положение.

Царскую свадьбу предполагалось отпраздновать в воскресенье 4 мая 1606 г. Но в назначенный день свадьба не состоялась. Духовенству и ближним боярам понадобилось еще несколько дней, чтобы выработать приемлемую процедуру коронации Марины Мнишек. Втайне жених просил у Папы Римского разрешения на миропомазание и причащение Марины по православному обряду. Без подобного акта Мнишек не могла стать московской царицей. Ватикан отвечал царю решительным отказом.

Опасаясь скандала, Огрепьев решил соединить церемонии свадьбы и коронации воедино. Православное духовенство и дума согласились исполнить его волю лишь после долгих препирательств и споров.

Лжедмитрий разработал церемонию встречи невесты, которая должна была поразить своей пышностью и великолепием. Боярам раздали (на время церемонии) золотые цепи, боярыням — платки издрагоценных тканей. Юрий Мнишек и его дочь должны были целовать руку царю. При этом самодержец сделал бы вид, «что будто хочет ее (невесту. — *Р.С.*) в руку поцеловать, и она б не дала целовать».

Коронация и свадьба были назначены на 8 мая 1606 г. Собственно, брак был уже заключен в Кракове 12 ноября 1605 г., но церемония прошла по католическому обряду и невеста отнюдь не отреклась от «латинства». В глазах московских богословов брак не имел законной силы. Патриарх грек Игнатий исполнил волю царя и отклонил требование Гермогена о крещении невесты-католички по православному обряду. И церемония свадьбы, и ритуал коронации требовали миропомазания. Решено было, что миропомазание заменит акт обращения невесты в православие и отречения от католичества. Такая замена была более чем двусмысленна.

Коронационные торжества начались в Грановитой палате. Поугру молодых привели в столовую избу, где придворный протопоп Федор торжественно обручил их. Князь Шуйский крат-

ко приветствовал невесту, после чего все перешли в Успенский собор.

Впервые главный собор Московского царства широко распахнул двери перед иноверцами — католиками. Родня невесты и польские дворяне явились в храм целой толпой. Вышше духовенство встретило процессию у входа в собор.

Марина заняла место подле царя на приготовленном для четы помосте. Патриарх торжественно короновал царицу, предварительно совершив обряд миропомазания. Он возложил на голову Марины корону, а на плечи — царские регалии.

Церемония коронации была разработана духовенством и расписана в деталях. После богослужения архидьякону надлежало пригласить государыню к алтарю, чтобы она получила причастие из рук патриарха. «Дмитрий» должен был сопровождать Марину, как то и было записано в утвержденной царем росписи. Очевидцы по-разному описывают, что произошло в действительности. Наиболее авторитетным следует признать свидетельство архиепископа Арсения, стоявшего подле патриарха и царственной четы: «После венчания ни тот (царь. — *Р.С.*), ни другая (царица. — *Р.С.*) не выразили желания причаститься свя-тых тайн; это смутило многих присутствующих».

Коронация Марины в Успенском соборе явилась невиданным нарушением всех норм и приличий. Православным царицам даже многолетие стали петь лишь со времен Годунова. Но такое безобидное новшество современники воспринимали как неслыханное бесстыдство. Отказ Марины принять причастие вызвал негодование и ропот среди православных. Зато послы и польские гости были довольны. Самозванец достиг своей цели. Он внес изменение в обряд, чтобы удовлетворить польских покровителей и товарищей.

Едва коронация закончилась, как дьяки под разными предлогами выставили послов и иноземцев из церкви и заперли двери за их спиной.

Как только нежелательные свидетели удалились, патриарх обвенчал царя с Миншек по православному обряду. Польские дамы, задержавшиеся возле невесты, со смехом описывали мужьям, как молодые приняли от патриарха вместе с бла-

гословением по кусочку хлеба и глотку вина. Присутствующие приветствовали обращение царицы в православную веру. В тот день Марина показала себя достойной ученицей иезуитов. Не смотря на запрет Ватикана, она приняла православное причастие без тени смущения или колебания. Вероотступничество не слишком тревожило Минишеков. Куда больше царицу занимало, хороша ли она в русском платье, в которое ее обрядили по настоянию бояр.

Заговорщики присутствовали на пиру в высших свадебных чинах. Князь Василий Шуйский был «тысяцким боярином», главным распорядителем свадьбы, а Дмитрий Шуйский — главным дружкой жениха. Главной свахой самозванца выступала Екатерина Скуратова, жена Дмитрия Шуйского. У «мыльни» с Расстригой были Иван Крюк Колычев и «мовник» Михаил Скопин. Приглашение на свадьбу получили бояре Василий и Андрей Голощипы, Головины.

Вельможи давко уже знали, что за птица их государь. Но они все еще усердно разыгрывали свои роли. Стоило Гришке кивком подать знак Василию Шуйскому, и тот раблепно склонялся к трону, чтобы удобнее устроить на скамеечке его ноги, не достававшие до пола. Могушество «непобедимого» монарха было, однако, призрачно. Историческая драма давно превратилась в фарс. Бояре свысока взирали на низкорослую пару, не имевшую и тени законных прав на престол и тшившуюся изобразить величие. Хотя образа висели невысоко, молодые не могли приложиться к ним, и слугам пришлось расставить скамеечки под иконами.

Из Грановитой палаты к храму царскую невесту вели подружку польский посол и жена князя Мстиславского, по выходе из собора — император «Дмитрий» и Василий Шуйский. Князь Василий представлял руководство Боярской думы, и именно по этой причине на его долю выпала столь важная роль.

Многие решения самодержца, неугодные думе, были отменены под нажимом бояр. Но вдни коронационных и свадебных торжеств руководители думы избегали противоречить царю.

С давних пор московские государи выступали как главные поборники православных обрядов и святых. Лжедмитрий их

дерзко нарушил. Можно догадаться, что глава заговора Шуйский потакал капризам и прихотям государя, чтобы скомпрометировать его и погубить. Дума не заступилась за Гермогена и не воспрепятствовала его ссылке.

Парадная церемония затянулась, и свадебный пир царь и бояре перенесли с четверга на пятницу. На этот день приходился Николин день, один из самых почитаемых православных праздников. Но самозванцу трудно было остановиться. Махнув рукой на приличия, он затеял брачный пир в неподобающее время.

Польские послы требовали, чтобы на свадьбе их посадили за один стол с царем. Когда вельможи отвергли их требование, послы отказались присутствовать на свадебном пиру. Опасаясь гнева короля, Юрий Мнишек последовал примеру послов. Он покинул пир под предлогом подагры.

К великому негодованию московской знати, царь усадил за свадебный стол прибывших из Польши солдат и паискую челядь.

Свадебный ритуал закончился, и государь отпустил бояр и свиту. Удалившись во внутренние покои, он остался в окружении одних поляков. Свадьба сменилась дружеской пирушкой. Отрепьев лицедействовал без устали. Он изображал то солдата-рубаку, то великого государя и непобедимого императора. Монарх не в силах был остановиться. Но шутки его были плоскими и не производили желаемого впечатления. Дело спасал придворный шут Антонио Риати, подхватывавший остроты самодержца и изображавший в лицах жертв царских насмешек. Царь щедровознаградил шута за его старания, пожаловав ему две увесистые золотые чарки. Еще одну золотую чарку он подарил польскому послу, с которым ранее жестоко поссорился.

Бестактные насмешки царя не могли не задеть поляков. Пошутив над слабостями Сигизмунда III, самозванец тут же заметил, что австрийский император еще больший дурак, чем польский король. С почтением он отозвался лишь об Александре Македонском, с которым готов был помериться силами, если бы был его современником.

Лицедейство не могло скрыть от окружающих подлинных чувств самодержца. Очевидцы отметили, что в дни свадебных

пиршеств жених был угрюм и подавлен, по временам его страх прорывался наружу припадками беспричинного раздражения и гнева. На третий день после венчания посол Олесницкий почтил своим присутствием праздник во дворце. Когда заиграла музыка, посол пустился в пляс, не снимая шляпы. Царь тотчас велел персдать ему, что велит снести голову всякому, кто осмелится остаться в шляпе в его присутствии. Посол немедленно сдержнул шляпу.

На свадебных пирах присутствовали в большом числе польские гусары. В первый день они заполнили все внешние помещения дворца. В разгар праздника Лжедмитрий велел открыть двери зала и произнес речь. Царь объявил, что пожелует каждому из гусар по 100 рублей. Бояре с трудом скрывали свое раздражение. Они-то знали, что царская казна давно пуста.

Солдаты с энтузиазмом приветствовали императора и тут же просили разрешить им устроить рыцарский турнир. В первом же поединке один гусар был ранен, а подругим убита лошадь. Турнир пришлось прекратить.

На царской свадьбе все было непривычно для русского взора. Бояр и лиц духовного сана шокировали наряды царицы. Дворцовые портные старались изо всех сил, чтобы угодить царице Марине. Но шитое ими русское платье пришлось ей не по вкусу. Мнишек сбросила его тотчас после венчания и надела привычное платье. Она нисколько не заботилась о том, что скажут о ней москвичи. Толпа с жадным любопытством разглядывала государыню в те недолгие минуты, когда она покидала дворец. Марина нисколько не походила ни на прежних цариц, ни на знатных московских боярынь.

Невзирая на злобное шипение монахов, народ встретил новую царицу достаточно дружелюбно. В день свадьбы большая толпа москвичей собралась под окнами дворца и стала громко рукоплескать Марине, приглашая ее выйти на крыльцо. Но новобрачной было недо москвичей. Она не желала оторваться для них отух даже на минуту. Следуя ее наставлению, Лжедмитрий выслал к народу придворных с приказом, чтобы не смели более орать.

Гибель самозванца

Лжедмитрий и его польские советники бросили открытый вызов Боярской думе. Приглашение иноземного войска из-за рубежа и размещение его внутри крепостных стен русской столицы было делом неслыханным.

Не прошло и года с тех пор, как поляки вступили в Москву на правах завоевателей вместе с казаками и русскими повстанческими отрядами. И что же? По улицам города горделиво гарцевали те же гусары, которые привели царя в столицу.

Весной 1606 г. стало известно о том, что на Москву движется «царевич Петр» с мятежными казаками. Бунт вызвал тревогу в Боярской думе. Власти не забыли, к каким последствиям привело появление казаков в столице годом ранее. Надлежало остановить мятежников на Волге и не допустить их к «царствующему граду». Однако Лжедмитрий думал иначе.

Мятежные казаки направили к царю гонцов. В летописи поздней редакции содержится малодостоверное известие о том, что Петрушка «писал Ростриге, претя ему нашествием своим ратию, да не медля сидет с царекого престола». На самом деле переписка повстанцев с Лжедмитрием носила в целом дружественный характер.

Отрепьев длительное время сам возглавлял повстанческое движение и на этот раз рассчитывал повернуть его в нужное русло. В конце апреля 1606 г. Лжедмитрий послал к «Петру» доверенного дворянина Третьяка Юрлова с письмом. По словам Станислава Немоевского, самозванец определенно признал «царевича» своим племянником и пригласил его в Москву, обещая владения. Скорее всего, пишет Немоевский, Лжедмитрий хотел заполучить в свои руки нового самозванца, опасаясь затруднений, а может быть, царь намерен был хорошо с ним обойтись. Яков Маржарет излагает содержание письма несколько иначе. По его словам, «Дмитрий» с некоторой уклончивостью писал казацкому «царевичу», что если он — сын его брата Федора, то пусть будет желанным гостем; если же он не истинный, то пусть удалится прочь. К грамоте прилагалась подорожная, предписывавшая выдавать «царевичу Петру» корм на всем пути в Москву.

Сам «Петр» изложил смысл царского обращения ездующим образом: «Из под Астрахани казаки пошли вверх Волгою к Гришке ростриге (ко) двору и дошли до Самары, и тут де их встретили от ростриги под Самарою с грамотою, и Третьяк Юрлов велел им идти к Москве наспех».

Едва ли вольные казаки и приставшая к ним чернь извержились в Лжедмитрии уже в конце его недолгого царствования. Мятежников воодушевляла жажда посчитаться с «лихими боярами». Последнее обстоятельство дало повод московской Боярской думе обвинить Лжедмитрия (после его смерти) в том, что он «сам вызвал человека («царевича Петра» — *Р.С.*), который в крайней нужде мог оказать ему помощь», после того как «со множеством казаков явился на Волге».

Возможно, в планах Лжедмитрия I «Петрушке» действительно отводилась особая роль. Казаки были готовы к тому, чтобы расправиться с изменниками государя — боярами. На них потом можно было возложить всю ответственность за кровопролитие.

Расстрига не мог править «с грозой», как некогда правил его мнимый отец. Самодержавные устремления императора, попытки опереться на иноземное наемное войско и мятежных казаков были обречены на неудачу. Народ мог принять «прирожденного государя Дмитрия», стоявшего на недоступной его взору высоте. Но аристократия не желала терпеть на троне бродягу и проходимца.

15 мая бояре пригласили поляков для переговоров о готовившейся войне с турками. Посол Олесницкий начал с похвал царю Дмитрию, а затем потребовал, чтобы русские изложили план кампании, огласили данные о численности воинских сил, выделенных для похода, и сообщили другие подробности. Бояре отказали полякам. Когда они явились к государю с докладом, тот обещал лично довести переговоры до конца.

Юрий Мнишек привел с собой несколько отрядов гусар, с которыми самозванец начинал свою военную кампанию. Наемники рассматривали поход как второе завоевание Москвы. Отресьсь размстил воинство Мнишека на постой во дворах богатых купцов, епископов и дворян. Солдаты не церемонились

с хозяевами, уповая на покровительство царя. Свадебные пиршества сопровождались множеством уличных инцидентов. Пьяные наемники затевали уличные драки, бесчестили женщин, пускали в ход оружие, если встречали сопротивление. Об этих безобразиях пишут одинаково и русские, и польские очевидцы. Бесчинства наемных солдат вызывали крайнее возмущение столичных жителей. Восстание против чужеземцев могло вспыхнуть в любой момент.

10 мая государь потчевал гостей польскими блюдами. Ссора с Шуйским из-за телятины была забыта, и польские повара приготовили среди других кушаний блюда из телятины. Когда в столице узнали об этом, поднялся ропот. В тот же день в Кремле перед немецкой гвардией выступил с проповедью лютеранский священник. Раньше такне проповеди разрешено было произносить только в Немецкой слободе.

В середине мая государь дал аудиенцию польскому иезуиту Савицкому и подтвердил давние обещания относительно деятельности Ордена Святого Иисуса в пределах России. Патер передал Лжедмитрию личное послание генерала Ордена иезуитов Аквавивы вместе с индульгенциями — золотыми пластинками с изображением Папы Римского.

Прошло время, когда самозванец старался встречаться с иезуитами как можно реже и окружал их визиты строжайшей тайной. Савицкий просил разрешения посещать царя в любое время. Император ответил согласием. Он открыл двери в соседнюю комнату, где располагалась «Канцлерия», и отдал нужное распоряжение польскому секретарю. После прибытия иноземного войска Отрепьев считал свое положение вполне прочным.

Однако ситуация в столице становилась все более тревожной. По словам Конрада Буссова, с 12 мая в народе открыто стали говорить, что царь — поганый, что он — некрещеный иноземец, не почитает святого Николая, не усерден в посещении церкви, ест нечистую пищу, оскверняет московские святыни.

В ночь на 15 мая бояре-заговорщики приготовились произвести переворот. Но царь своевременно получил предостережение от иноземной стражи и принял меры. По городу были рас-

ставлены воинские силы, а поляки всю ночь палили из ружей, чтобы устрашить московитов.

Как утверждал Исаак Масса, заговорщики держали под ружьем тысячи своих сторонников, но в последний момент отложили выступление.

Заговор, организованный боярской верхушкой, носил строго конспиративный характер, и число его участников было невелико. Не могло быть и речи о тысячах вооруженных людей, якобы собранных Шуйскими. Иезуиты, находившиеся в Москве в те дни, с полным основанием утверждали, что Шуйские привлекли на свою сторону бояр, но «между народом имели очень мало соучастников». Назревавшее в столице народное восстание не угрожало непосредственно власти Лжедмитрия, поскольку возмущение и гнев москвичей вызывал не царь, а иноземное наемное войско. Цели народа и бояр, планировавших убийство самозванца, явно не совпадали. Тем не менее бояре рассчитывали в нужный момент использовать выступления посадских людей.

В сочинениях современников можно прочесть, что Лжедмитрий проявил редкую беспечность и легкомыслие, не обратив внимания на доносы и предупреждения насчет готовившегося переворота. В действительности самозванец и его советники, не жалея сил, готовились к тому, чтобы железной рукой подавить назревавший мятеж.

Под предлогом готовившейся войны с турками царь вызвал в окрестности Москвы отряды детей боярских из Пугивля и Рязани. Эти отряды доказали свою преданность ему в начале Смуты. В распоряжении монарха был многотысячный стрелецкий гарнизон. Вместе со столичными стрельцами караулы в Кремле несли стрельцы из Северекой земли, оставленные в столице после коронации Расстриги. В Кремле и крепостях разместилось польское наемное войско, приведенное Мнишкой. К Москве спешно двигалось казацкое войско «царевича Петра».

Заговорщики располагали несколькими сотнями вооруженных людей. Подавляющее превосходство сил было на стороне Лжедмитрия.

Почему самозванец запретил принимать от народа доносы и даже грозил доносчикам наказанием?

Бесчинства шляхты привели к тому, что Ближняя канцелярия оказалась завалена жалобами москвичей на «рыцарство» и встречными жалобами солдат. Запрет принимать челобитные относился прежде всего к этим жалобам. Что касается дел об оскорблении царя, их разбирали без всякого промедления. Лжедмитрий получил власть из рук восставших москвичей менее чем за год до описываемых событий. Неудивительно, что он не допускал и мысли о выступлении столичного населения против него.

Бояре вели хитрую игру. Они били в набат, чтобы отвлечь внимание самозванца от подлинной опасности, грозившей ему со стороны заговорщиков. В конце концов и Мнишек с польскими советниками, и ближние люди Лжедмитрия Петр Басманов и Михаил Салтыков, и сыскное ведомство сосредоточили все свое внимание и все усилия на охране поляков и предотвращении столкновений между москвичами и иноземными наемниками.

Вскоре после свадьбы царь задумал развлечься военными играми. С этой целью его потешная крепость была заблаговременно отправлена в Котлы. Для проведения стрельб Лжедмитрий велел наряд «волоčiti за город», после чего «весь наряд большой, и середней, и городской, и полковой» сняли со стен и вывезли в поле. За потехами угадывались более серьезные цели. Лжедмитрий намерен был идти с полками на Елец, а оттуда к Азову со всей артиллерией и «туляй-городом». Заговорщики попытались обратить военные приготовления Лжедмитрия против него самого. Повсюду распустили слух, будто на играх «литва» намерена перебить бояр.

Первые крупные волнения в Москве произошли 14 мая. В тот день вечером гайдук Вишневецкого избил посадского человека и скрылся за воротами. Народ осадил двор и потребовал от Вишневецкого выдачи виновного. К ночи подле двора собралось до 4000 человек. Посадские грозили разнести хоромы в щепы. Всю ночь возмущенные толпы москвичей заполняли площади и улицы столицы.

С аналогичной ситуацией Лжедмитрий уже сталкивался в первые дни после коронации, и тогда ему сравнительно легко удалось справиться с народными волнениями.

15 мая в Москве воцарилась зловещая тишина. Торговцы отказывались продавать иноземцам порох и свинец. Вечером несколько гайдуков остановили колымагу и вытащили оттуда боярыню. Народ немедленно бросился отбивать женщину. В городе ударили в набат. Царю вручили жалобу на лиц, повинных в бесчестии боярыни, но дело так и не было рассмотрено.

16 мая царица Марина была занята подготовкой к маскараду, а Лжедмитрий провел вечер со Станиславом Немоевским. Поляк привез в Москву драгоценности сестры короля Сигизмунда Анны, с тем чтобы продать их царю. Самозванец долго рассматривал их, потом велел принести изсокровишницы камни, доставшиеся ему от Грозного. С видом знатока он пустился в пространные рассуждения об их магических свойствах. Последний перед переворотом день царствования Лжедмитрия закончился.

Прямая открытая агитация против царя имела не слишком большой успех в народе, тогда как насилия со стороны солдат Мнишека вызывали мгновенный отпор населения. Описывая поимку на рыночной площади одного из тех, кто открыто агитировал против Расстриги, телохранитель К. Буссов ни словом не обмолвился о попытках народа отбить его у немцев из личной охраны царя. Когда Лжедмитрию донесли о случившемся, он приказал пытать арестованного. Но бояре, руководившие допросом, донесли ему, что смутьян болтал, будучи пьян и скудоумен; теперь же, протрезвев, он ничего сказать не может.

В течение четырех дней Лжедмитрий получил несколько предостережений от капитанов, командовавших придворной стражей. 16 мая один служилый немец, оказавшись возле государя, когда тот осматривал лошадей на Конюшеском дворе, подалему записку с предупреждением о том, что изменники выступят на следующий день, 17 мая. Вскоре во дворец явились братья Стадницкие с аналогичным предупреждением. Поскольку Стадницкие заявили, будто москвичи «собираются напасть на

великого князя и поляков», секретари отклонили их представление и объявили, что народ предан государю.

Вслед за Стадницкими ко двору явился Мнишек. Среди московских жителей у Лжедмитрия было много доброхотов. Не имея доступа к царю, они пытались действовать через нового первосоветника — царского тестя. Оставшись наедине с зятем, Мнишек передал ему донос, поступивший от его солдат, а перед уходом вручил пачку челобитных от москвичей.

Будучи опытным политиком, Мнишек в отличие от самозванца трезво оценивал опасность, угрожавшую царской семье. Лжедмитрий остался глух к настоятельным советам тестя. Он укорял сенатора в малодушии, отвергал любые сомнения в преданности народа, а под конец заявил, что если кто и посмеет выступить против него, то в его власти «всех в один день лишить жизни». Даже на краю пропасти император оставался в плену иллюзий.

Постаравшись убедить Мнишека в отсутствии поводов к беспокойству, Лжедмитрий тут же отдал приказ о чрезвычайных военных мерах. Басманов поднял на ноги стрельцов и расставил усиленные караулы в тех частях города, где можно было ожидать нападения народа на солдат Мнишека. В Кремле было введено чрезвычайное положение. Стража получила приказ убивать на месте любых подозрительных лиц, которые попытались бы проникнуть внутрь Кремля. В ночь на 16 мая люди Басманова захватили иезуитов «ипионов». Трое были убиты на месте, трое замучены пытками. Басманов действовал с исключительной жестокостью, потому что власти получили точные доказательства существования заговора. К несчастью для себя, Огурьев даже не подозревал, что в заговоре участвовала его названная мать, которую он освободил из монастырского заточения и осыпал несслыханными милостями, а также другие любимцы, вроде Василия Шуйского и Василия Голицына. Готовясь нанести царю смертельный удар, бояре бессовестно пресмыкались у его ног и старались усыпить все его подозрения.

Заговорщики несколько раз откладывали переворот, поскольку не были уверены в том, как поведет себя население. В конце концов они решили выступить под маской сторонников

царя. Планы Шуйских отличались вероломством. Бросив в толпу крик «Поляки бьют государя!», заговорщики намеревались спровоцировать уличные беспорядки, нейтрализовать силы, поддерживавшие Лжедмитрия, а тем временем проникнуть во дворец и убить самозванца.

В связи с готовившимся походом против турок власти вызвали в Москву новгородское войско. Его численность, по польским данным, превышала 18 000 человек, а в действительности составляла не более одной-двух тысяч. Под покровом ночи бояре впустили через крепостные ворота своих сообщников из новгородцев. В решающий момент в распоряжении заговорщиков оказалось около 200—300 дворян. Они-то и осуществили дворцовый переворот. Столичный гарнизон и дворянское ополчение в целом оставались в стороне от заговора.

На рассвете 17 мая Шуйские собрали у себя на подворье участников заговора, после чего двинулись через Красную площадь к Кремлю. Бояре приурочили свои действия к моменту, когда во дворце происходила смена ночного караула. Послухам, Яков Маржарет был посвящен в планы заговорщиков и сам отвел от царских покоев внешнюю стражу. Поводом для таких слухов послужило то, что командир первой дворцовой роты по болезни не явился во дворец.

Командовал сменой караула иноземец Андрей Бона. Он, как говорили, был посвящен в планы заговора. После развода во внутренних покоях оставалось не более 30 человек стражи. К тому времени стрельцы, стоявшие на карауле у польских казарм, закончили ночное дежурство и были распущены по домам.

По обыкновению, Отрепьев встал на заре. Петр Басманов, ночевавший во внутренних покоях, доложил, что ночь прошла спокойно. На Красном крыльце государя поджидал дьяк Афанасий Власьев. Поговорив с ним, Лжедмитрий ушел в покои, не заметив ничего подозрительного. Стрелецкие караулы несли стражу по всему Кремлю. Они не выказали никакой тревоги, когда во Фроловских воротах появились главные бояре — братья Шуйские и Голицыны, хорошо известные им в лицо. За боярами в ворота ворвались вооруженные заговорщики. Их нападение застало стрельцов врасплох. Стража бежала, не оказав

сопротивления. Завладев воротами, Шуйский велел поднимать на ноги посад. Посланные им люди собрали большую толпу на Красной площади и в торговых рядах.

Ударили в колокола в Ильинской церкви, затем по всему городу. Заслышав набат, Лжедмитрий послал Басманова спросить, отчего поднялся шум. Дмитрий Шуйский, с утра не спускавший глаз с самозванца, отвечал, что в городе, верно, начался пожар. Командир стражи Андрей Бона также сказал, что трезвонят из-за пожара.

Между тем шум нарастал. По всему городу забили в «набаты градские», затем ударили в колокола в Успенском соборе. Повсюду слышались крики: «Горит Кремль! В Кремль, в Кремль!» Горожане со всех сторон спешили на Красную площадь. Шум поднял на ноги не одних только противников самозванца. Схватив оружие, ко дворцу бросилась «литва». Роты, стоявшие поблизости от Кремля, выступили в боевом порядке с развернутыми знаменами. Лихая атака еще могла выручить самозванца из беды. Но бояре успели предупредить опасность. Они обратились к народу, призывая его бить поганых «латынян», постоять за православную веру. С площади во все стороны поскакали глашатаи, кричавшие во всю глотку: «Братья, поляки хотят убить царя и бояр, не пускайте их в Кремль!» Призывы падали на подготовленную почву. Толпа бросилась на шляхтичей и их челядь. Улицы, ведущие к Кремлю, были завалены бревнами и рогатками. Разбушевавшаяся стихия парализовала попытки «литвы» оказать помощь гибнущему Лжедмитрию. Наемные роты свернули знамена и отступили в свои казармы.

Водворце события развивались своим чередом. На рассвете, повествуют авторы Сказаний, в царские хоромы явился дьяк Тимофей Осипов, перед тем причастившийся как человек, идущий на смерть. Защитник православия совершив подвиг, обличив царя как расстригу Гришку Отрепьева, еретика и чародея. Эту легенду, призванную освятить мятеж авторитетом человека почти что святой жизни, сочинили сами заговорщики. С их слов ее записал также Исаак Масса. Но в этой легенде слишком много несообразностей.

Глава заговора Василий Шуйский был человеком трезво-мыслящим и практичным. Он меньше всего заботился о театральных эффектах в деле, из-за которого мог лишиться головы. Совершенно очевидно, что известный столичному населению дьяк принес бы гораздо больше пользы, обличая самозванца перед народом на площади, чем в спальнях хоромов, оказавшись с глазу на глаз с царем. Из всего этого можно сделать лишь один вывод.

Осипов проник в спальню царя с более серьезными намерениями, нежели словесные обличения. Располагая небольшими силами, заговорщики не были уверены, что им сразу удастся сломить сопротивление дворцовой стражи. Поэтому они и разработали запасной план действий, выполнить который взялся Осипов. Дьяк должен был потихоньку пробраться в царскую спальню и убить там Лжедмитрия еще до того, как начнется общий штурм Дворца:

Осипову удалось выполнить только первую часть плана. Как повествует один из царских телохранителей, злоумышленник проник через все караулы (а всего во дворце было пять дверей с караулами) и добрался до спальни, но тут был убит Басмановым. Судя по разным историческим источникам, Осипов успел избрать царя, назвав его недоноском. По русским источникам, он произнес целую речь против еретика и расстриги. На самом деле у него попросту не было времени для речей.

Прикончив Осипова, Басманов тут же велел выбросить его труп из окна на площадь. Дьяк вел праведную жизнь, и в народе о нем шла добрая молва. Кровявая расправа во дворце не оставила безучастной толпу, собравшуюся на площади.

Шум на площади усилился, и Лжедмитрий вновь послал Басманова узнать, что происходит. Вернувшись, тот сообщил, что народ требует к себе царя. Самозванец не отважился выйти на крыльцо, но с бердышем в руках высунулся в окно и, потрясая оружием, крикнул: «Я вам не Борис!» В ответ раздалось несколько выстрелов, и Лжедмитрий поспешно отошел от окна. Басманов пытался спасти положение. Выйдя на Красное крыльцо, где собрались все бояре, он принялся именем царя увещевать народ успокоиться и разойтись. Наступил критический момент. Мно-

гие люди прибежали ко дворцу, ничего не ведая о заговоре. Тут же находилось немало стрельцов, готовых послушать Басманова, главу Стрелецкого приказа.

Заговорщики заметили в толпе неуверенность и поспешили положить конец затянувшейся игре. Подойдя сзади к Басманову, Татишев ударил его ножом. Дергающееся тело было сброшено с крыльца на площадь. Расправа послужила сигналом к штурму дворца. Толпа ворвалась в сени и обезоружила копейщиков. Василий Шуйский вошел в первые покои во главе мятежников.

Отрепьев заперся во внутренних покоях с 15 немцами. Шум нарастал. Двери трещали под ударами нападавших. Самозванец рвал на себе волосы. Наконец он бросил оружие и пустился наутек. Подле покоев Марины Отрепьев успел крикнуть: «Сердце мое, измена!» Струсивший царь даже не пытался спасти жену. Из парадных покоев он бежал в баньку (ванную комнату, как называли ее иностранцы). Воспользовавшись затем потайными ходами, самозванец покинул дворец и перебрался в каменный зал. Русские источники уточняют, что царь попал в каменные палаты на «взруб». Палаты располагались высоко над землей. Но Отрепьеву не приходилось выбираться. Он прыгнул из окна с высоты около 20 локтей (К. Буссов считал, что окно располагалось на высоте 15 сажен). Обычно ловкий, Отрепьев на этот раз мешком рухнул на землю, вывихнул ногу и потерял сознание.

Неподалеку от каменных палат стражу в воротах несли верные Лжедмитрию караулы. По словам поляков, царь, на свою удачу, попал в руки «украинских стрельцов» — приведенных с Северной Украины повстанцев, принятых в дворцовую охрану. Фортуна в последний раз повернулась лицом к самозванцу. Придя в себя, Лжедмитрий стал умолять стрельцов «оборонить» его от Шуйских. Слова самозванца обнаруживают, что он знал точно, с какой стороны придет удар. Подняв царя с земли, стрельцы внесли его в ближайшие хоромы.

Между тем мятежники, не обнаружив Лжедмитрия во дворце, принялись искать его по всему Кремлю. Вскоре им удалось обнаружить его убежище. Украинские стрельцы были единственными из всей кремлевской стражи, кто пытался выручить самозванца. Они открыли пальбу и застрелили одного-двух дворян-заговорщиков.

Но силы были неравны. Толпа заполнила весь двор, а затем во-
рвалась в покои. Стрельцы сложили оружие.

Самозванца привели в разгромленный дворец. В снях он
увидел обезоруженных телохранителей. Один из них, ливонец
Фюрстенберг, проскользнул во внутренние покои и стал подле
монарха, но был тут же убит ударом копья.

Попав в руки врагов, Огрепьев понял, что проиграл. И все
же он продолжал отчаянно цепляться за жизнь. Глядя с земли
на окружавшие его знакомые лица, самозванец униженно мо-
лил позволить ему свидание с «матерью» или отвести на Лоб-
ное место, чтобы он мог покаяться перед всем народом. Враги
были неумолимы. Один из братьев Голицыных отнял у Гришки
последнюю надежду на спасение. Он объявил, что Марфа Нагая
давно отреклась от Лжедмитрия и не считает его своим сыном.
Слова Голицына положили конец колебаниям. Дворяне содрали
с поверженного самодержца царское платье. Огтеснив стрель-
цов, заговорщики окружили плотным кольцом скорчившуюся
на полуфигурку. Те, что стояли ближе к Гришке, награждали его
тумаками. Те, кому не удавалось протиснуться поближе, осыпа-
ли его бранью. «Таких царей у меня хватает дома на конюшке!»,
«Кто ты такой, сукин сын?» Василий Голицын не мог отказать
себе в удовольствии наблюдать за расправой над самозванцем.

Василий Шуйский понимал, что успех затеянного дела зави-
сит оттого, как поведет себя народ. На первых порах ему удалось
увлечь за собой толпу, принявшуюся громить и грабить дворцо-
вые покои. Теперь он обратился к народу с новым призывом.
Разъезжая по площади перед Красным крыльцом, боярин пред-
лагал черни потешиться над «вором».

Даже такие противники Лжедмитрия, как Исаак Масса,
признавали, что самозванец, если бы ему удалось укрыться в
толпе, был бы спасен, ибо «народ истребил бы всех вельмож и
заговорщиков». Не зная о заговоре, многие москвичи полага-
ли, что поляки вознамерились умертвить царя, и бросились в
Кремль спасать его.

Толпа москвичей продолжала расти, и заговорщики, опасаясь
вмешательства народа, решили покончить с самозванцем. После
переворота много говорили о том, что первый удар Лжедмитрию

нанесто лидворянин Иван Воейков, толи сын боярский Григорий Валуев. Однако точнее всех смерть Отрепьева описал Конрад Буссов, служивший в дворцовой охране. По его словам, решительнее всех в толпе, окружившей самозванца, действовал московский купец Мыльник. На повторные просьбы Отрепьева дозволить ему говорить с народом с Лобного места купец закричал: «Нечего давать еретикам оправдываться, вот я дам тебе благословение!» С этими словами он разрядил в него свое ружье. После переворота Василий Шуйский щедро награждал своих сообщников — торговых людей Мыльниковых, пожаловав им столичный двор одного из ближайших фаворитов Лжедмитрия.

Заговорщики спешили довершить дело. Они набросились на окровавленного, бывшего в агонии Отрепьева, как стая воронья, и продолжали рубить распростертое на полутело и стрелять в него даже после того, как он перестал подавать признаки жизни. Страхась народного осуждения, бояре немедленно объявили с Красного крыльца, будто убитый перед смертью сам повинился в том, что он не истинный Дмитрий, а расстрига Григорий Отрепьев. Обнаженный труп царя выбросили из палаты на площадь, а потом поволокли от дворца к терему вдовы Грозного Марфы Нагой. Толпа призвала Марфу к ответу. Старица не простила Отрепьеву разорения сыновней могилы. Втайне она давно отреклась от мнимого сына. Бояре вовлекли ее в заговор. Теперь вдова-царица открыто назвала убитого «вором».

Наемники не оправдали возлагавшихся на них надежд. Невкогда они покинули Лжедмитрия близ границы в самый трудный час. В Москве они проявили не больше желания умереть за того, кто платил им деньги. Лишь немногие пытались пробиться во дворец. Они подверглись избиению. Заодно толпа чинила расправу над чужеземцами, случайно оказавшимися на улице. Толпе помогали иноки и попы. Осажденные в своих домах поляки наблюдали из окон за суетой монахинь. Старицы проворно сновали в толпе, то и дело кричали: «Бей поганых!»

За рубежом толковали, будто в дни восстания в Москве погибло от одной до двух тысяч человек. Несколько поляков, очевидцев мятежа, составили свои именные списки убитых. Сопоставление этих списков позволяет установить, что жертвами

стали 20 шляхтичей, близких ко двору самозванца, и около 400 их слуг и челядинцев. Те же цифры назвали в письмах из Москвы иезуиты из окружения самозванца.

Стрелецкий гарнизон лишился руководства с убийством П. Басманова. Стрелецкие сотни не выполнили приказа об охране польских казарм, но они не участвовали в уличных избиениях, как и дворянские отряды. Данные о потерях служат тому доказательством. На польские дворы напала неорганизованная, вооруженная чем попало уличная толпа. В столкновении с нападавшими наемные солдаты перебили около 300 москвичей. Раненых было значительно больше. Подняв посажских людей на «латынян», бояре-заговорщики спровоцировали неслыханное кровопролитие.

В резне повинны были не одни бояре, но и король Сигизмунд III, который давно поддерживал тайные сношения с заговорщиками в России и, по-видимому, использовал миссию посла А. Гонсевского в Москву, чтобы ускорить решительную развязку. В свите Мнишкова было немало фрондеров — противников короля. Их судьба мало тревожила королевских посланцев. Авторы иностранных записок указали на это с полной определенностью. Когда несколько поляков, прибывших с Мнишеками, постучали в ворота посольского двора и слезно просили спасти их от неминуемой смерти, Гонсевский ответил им отказом. Послы и их свита не понесли ущерба. Василий Шуйский и другие заговорщики позаботились о том, чтобы уберечь членов посольства от нападений. Сразу после переворота они прислали войска для их охраны. Затеяв самозванческую интригу, Мнишеки мечтали завладеть сказочными богатствами московской короны. Посеяв ветер, они пожали бурю. Не одни Мнишеки, но и вся их родня были ограблены до нитки.

Передавали, что в день переворота Марину спасла ее рослая и тучная фрейлина, спрятавшая государыню у себя под платьем. Этот рассказ легендарен. Когда шум поднял царицу с постели, она едва успела надеть юбку, оставшись неприбранной и непричесанной. Это ее и спасло. Сначала она пряталась в подвале, потом, никем не узнанная, возвратилась в верхние покои.

Поляки из окружения Марины с удивлением отмечали, что Юрий Мнишек печалится о смерти «Дмитрия» куда больше, чем его дочь. Московская царица втедни громкосетовала на то, что у нес отняли любимого арапчонка.

Мятеж в столице сопровождался грабежами. По словам «Нового летописца», толпа «многие дворы разграбиша и русских людей». Без согласия великих бояр, свидетельствовали очевидцы, народ отнял имущество и оружие у многих бояр, боярынь, детей боярских и воинов. Иначе и быть не могло. Поляки занимали квартиры на подворьях у столичных бояр и дворян. Грабя дворы, чернь не разбирала, кому принадлежит имущество — полякам или москвичам.

Как обычно, мятежники бросились громить винные погреба, что усугубило хаос, царивший в столице.

Как только самозванец был убит, бояре предприняли попытку прекратить кровопролитие и навести порядок на улицах Москвы.

Бояре предали останки Лжедмитрия неслыханному поруганию. Его нагое тело выволокли из Кремля и бросили в грязь посреди рынка на том самом месте, где годем раньше палач должен был обезглавить Шуйского. Рядом с самозванцем положили труп боярина Басманова. Народ теснился подле убитых с утра до ночи.

Власти распорядились принести из торговых рядов прилавок длиной около аршина и положить на него царя, чтобы народ мог лучше его рассмотреть. Тело боярина Басманова осталось на земле под прилавком. Исаак Масса побывал на площади и имел возможность разглядеть «Дмитрия». Он вблизи видел его раздробленный череп и насчитал на теле 20 ран. Не одни поляки утверждали, что в народе сожалели о смерти царя. Враг самозванца Масса видел своими глазами, как некоторые москвичи, находившиеся в толпе, искренне плакали. Чтобы искоренить в народе сочувствие к Лжедмитрию, бояре посмертно подвергли его торговой казни. Выехавшие из Кремля дворяне хлестали труп кнутом, приговаривая, что убитый «вор» и изменник — Гришка Гретьев. Водворис были найдены маски и костюмы, приготовленные для маскарада. Самую безобразную «харю» (маску) привезли на торг и бросили на вспоротый живот Лжедмитрия, в рот

ему сунули дудку. Народу было объявлено, что еретик и чародей Гришка поклонялся идолу — нагло смеющейся «харе», которую нашли под царской постелью во дворце, а теперь положили на его тело. По слухам, на площадь был приведен брат Отрепьева, весьма похожий на убитого царя. На другой день после переворота дьяки зачитали народу историю жизни Григория Отрепьева, дословно совпадавшую с посольским наказом, составленным при Борисе Годунове. «Жизнь свою от юности, — объявляли они, — Гришка проводил в бездельничестве, играл в карты и кости», потом постригся в чернецы и пр.

Со временем во дворце был найден тайник, в котором Лжедмитрий хранил секретные договоры с Сигизмундом III и Мнишеком, переписку с Папой Римским и иезуитами. Бояре тотчас объявили об этой находке народу, хотя они и не сразу разобрались в содержании документов, требовавших перевода. Тайник был указан Яном Бучинским, попавшим в руки мятежников при штурме дворца. В страхе за свою жизнь, главный секретарь готов был подтвердить клевету, которую бояре давно распускали по городу. «Дмитрий», заявил он, велел вывезти весь московский наряд (пушки) за посад, чтобы во время стрельбы «литва» могла перебить бояр и «лучших» дворян. (В грамоте к уездным городам список жертв был расширен: к боярам прибавлены приказные люди, купцы и «лучшие» посадские люди. Провинция могла поверить чему угодно, но в столице такая откровенная ложь не могла пройти.) Истребив бояр, Расстрига, по свидетельству Бучинского, намеревался «разорить веру» и ввести «люторство и латинство» (хатолчество). Показания Бучинского оправдывали мятеж бояр, преступивших присягу на кресте. По этой причине они заняли непомерно большое место в обвинительных грамотах Шуйского.

Знамена

После убийства Лжедмитрия бояре заседали в Кремле всю ночь, до рассвета. Торг из-за власти длился три дня. При жизни Отрепьева бояре-заговорщики тайно обещали царскую корону Владиславу, сыну короля Сигизмунда III. Избиение поль-

ских наемников в Москве привело к тому, что вопрос о передаче трона королевичу-иноверцу отпал сам собой. Борьба за власть в любой момент грозила вызвать смуту. Корону оспаривали Шуйские и Голицыны, Мстиславский и Романовы.

В конце концов трон достался боярину Василию Шуйскому. Трое братьев Шуйских, их племянник Скопин, Крюк Колычев, Головин, Татишев, купцы Мыльниковы, Крутицкий митрополит Пасфнутий собрались на подворье Шуйских, составили грамоту об избрании на царство князя Василия и отвели его на Лобное место для представления народу. Среди столичного торгового населения у Шуйских было много сторонников. Это обстоятельство помогло им и в дни мятежа, и в дни царского избрания. На вопрос, достоин ли Шуйский — известный страдалец за православие — царствовать, москвичи ответили возгласами одобрения.

Князь Василий не стал созывать Земский собор, потому что руководство любым собором осуществляли дума и священный собор, где преобладали противники нового царя. Князь Василий, подобно Борису Годунову, вынужден был апеллировать к народу, чтобы преодолеть сопротивление бояр и князей церкви.

Приверженцы Василия составили крестоцеловальную запись. В.О. Ключевский считал ее актом, ограничивавшим власть самодержца в пользу бояр.

По традиции Боярская дума являлась высшей судебной инстанцией в государстве. Грозному пришлось ввести опричнину, чтобы узаконить произвольные опалы и конфискации. Запись Шуйского символизировала возврат к традиционной системе управления.

Царь Василий отказался от права бессудной царской опалы и клятвенно обещал, что никого не казнит смертью, «не осудя истинным судом с бояры своими». Опалы вели к переходу родовых земель в казну, что противоречило интересам аристократии. Дума добилась четкого указания на то, что без боярского суда царь не мог отобрать вотчины, дворы и пожитки у братьев опальных, их жен и детей.

Лжедмитрий I предпринял попытку в обстановке гражданской войны возродить неограниченную самодержавную власть, не возвращаясь к опричнине и массовым репрессиям. Финал был трагическим. Шуйский не желал разделить участь Расстриги, и ему по воле пришлось учесть его опыт. В этом и крылась причина того, что князь Василий согласился составить ограничительную кресцеловальную запись.

В день избрания царь Василий велел убрать тело Лжедмитрия с площади. Труп привязали к лошади, выволокли в поле и там закопали у обочины дороги. Князь Иван Голицын испросил у думы, в виде особой милости, разрешение похоронить брата, Петра Басманова, в церковной ограде на его дворе.

В день переворота боярам удалось использовать выступления посадских людей в своих целях. Народ был утрачен жестоким убийством царя. Но вскоре положение стало меняться. Прошло несколько дней после мятежа, отметил Я. Маржарет, а в городе слышен был лишь ропот; одни плакали, горевали, а другие, наоборот, радовались. Перемена в народных настроениях привела к тому, что столицу захлестнули слухи о зловещих знаменьях. Когда труп Расстриги везли через крепостные ворота, налетевшая буря сорвала с них верх. Потом грянули холода, и вся зелень в городе пожухла. Высохли вершины и ветви сосен. Холода длились восемь дней.

На третью ночь люди видели голубые огни, поднявшиеся подле трупа «Дмитрия» прямо из земли. Когда стража приближалась, огни исчезали. Тело чародея увезли с площади и заперли в скудельнице, но наутро его обнаружили перед дверями, и у трупа сидели два голубя. Когда к «Божьему Дому» приближались люди, голуби улетали, а затем прилетали вновь. По понятиям того времени, голуби были вестниками небесных сил.

Повсюду толковали, что над телом чернокнижника каждую ночь пляшут бесы, что убитый — «сам дьявол, поэтому он и напускает свои наводнения на христиан». Земля не принимала тела чародея, его пришествию радовался «сам сатана»; звери и птицы гнушались его телом; с небес не падал дождь и солнце не светило «смира ради трупа того».

Духовенство было встревожено и долго совещалось, как бы вернуть покончить с мертвым колдуном и чародеем. По совету монахов труп Лжедмитрия выкопали из ямы, в последний раз протащили по улицам города, после чего доставили в село Котлы к югу от Москвы и там сожгли. Новый царь желал убедить народ, будто Лжедмитрий намеревался истребить бояр и знать во время военных потех в поле у стен Гуляй-города — у подвижной крепостицы, прозванной москвичами «адам». В силу этих обстоятельств тело самозванца было сожжено вместе с «адам».

Каким бы посмертным унижениям ни подвергали Отрепьева власти предержавшие, народ не желал всречь в смерть «прирожденного» царя. Толки о том, что он спасся от «лихих» бояр, не прекращались ни на один день. Через неделю после переворота на улицах столицы появились подметные письма, якобы составленные самим Дмитрием. «Прелестные листы» были прибиты на воротах многих боярских дворов. Поистине «бессмертный» царевич объявлял своим подданным, что «ушел от убийства и сам Бог его от изменников спас».

В воскресный день 25 мая в Москве произошли волнения. Народ требовал от бояр ответа, почему умерщвляет государя.

Шуйские заподозрили, что к составлению подметных писем от имени Дмитрия были причастны влиятельные лица, в том числе Филарет Романов.

Отрепьев замыслил извлечь из земли прах Дмитрия Угличского, что ускорило его гибель. Шуйский осуществил замысел самозванца, но придал ему совсем иное значение. На третий день после коронации Филарет доставил из Углича останки Дмитрия. Государь и бояре отправились пешком в поле, чтобы встретить за городом мощи истинного сына Грозного. Царя сопровождали духовенство и внушительная толпа москвичей. Марфе Нагой довелось в последний раз увидеть сына, вернее, то, что осталось от него. Потрясенная вдова Грозного не могла произнести слов, которых от нее ждали. Чтобы спасти положение, царь Василий сам возгласил, что привезенное тело и есть мощи истинного Дмитрия. Ни молчание царицы, ни речь Шуйского не тронули народ. Москвичи не забыли отрогательной встрече Марии Нагой с «живым сыном». И князь Василий, и Марфа слишком

много лгали и лицедействовали, чтобы можно было поверить им снова. Едва Шуйский произнес положенную речь, носилки с трупом поспешно закрыли. Процессия после заминки развернулась и проследовала на Красную площадь. Гроб с покойным Дмитрием некоторое время стоял на Лобном месте, а затем его перенесли в Архангельский собор, куда были допущены одни бояре и епископы.

Церковь надеялась заглушить слухи о знаменьях над трупом Отрепьева чудесами нового великомученика. Останки Дмитрия были выставлены на всеобщее обозрение. Некогда Шуйский клялся, что Дмитрий зарезал себя нечаянно, играя ножичком. Самоубийца не мог быть святым, и власти выдвинули новую версию. На мощи царевича положили свежие орешки, испачканные кровью. Всякий мог видеть своими глазами, что будущий мученик в момент смерти играл орешками, а не ножичком.

Благочестивые русские писатели с восторгом описывали чудеса, творившиеся у гроба дивного младенца. В первый же день исцеление получили тринадцать больных, во второй — двенадцать и пр. Однако находившиеся в Москве иноземцы утверждали, что исцеленные калеки были обманщики и пришлые бродяги, подкупленные людьми Шуйского. При каждом новом чуде в городе били в колокола. Трезвон продолжался несколько дней. Паломничество в Кремль напоминало реку в половодье. Огромные толпы народа теснились у дверей Архангельского собора. Царская канцелярия поспешила составить грамоту с описанием чудес Дмитрия Угличского. Грамоту многократно читали в столичных церквях.

Стремясь завоевать симпатии столичного населения, Шуйский решил потревожить также прах Годуновых. По решению думы и духовенства их тела выкопали из ямы в ограде убогого Варсонофьева монастыря и отправили для торжественного захоронения в Троице-Сергиев монастырь. Двадцать троицких монахов несли их гробы по улицам столицы. В траурной процессии участвовали бояре. Они отдали последний долг свергнутой династии. Ксения Годунова, облаченная в черное монашеское платье, шла за гробом отца, рыдая и громко жалуясь на свою не-

счастную судьбу. «Ах, горе мне, одинокой сироте, — причитала она, — злодей, назвавшийся Дмитрием, обманщик, погубил моих родных, любимых отца, мать и брата, сам он в могиле, но и мертвый он терзает Русское царство, суди его Бог!»

Агитация против Расстриги произвела впечатление на столичное население, но брожение в народе не прекращалось. В день перенесения в Москву мощей Дмитрия, как только царь Василий оказался посреди бесчисленной толпы, он, по словам Якова Маржарета, вторично подвергся опасности и едва не был побит камнями. Царя спасло присутствие множества дворян.

Обретение нового святого внесло успокоение в умы, но ненадолго. Недруги Василия позаботились о том, чтобы испортить ему игру. Они притащили в собор больного, находившегося при последнем издыхании, и тот умер прямо у гроба Дмитрия. Толпа в ужасе отхлынула от дверей собора, едва умершего вынесли на площадь.

Многие стали догадываться об обмане, и тогда власти закрыли доступ к гробу царевича. Колокола смолкли.

Недовольство в народе и вслужилой среде, распри вдуме дедали положение новой династии крайне непрочным. По словам современников, на стороне царя Василия выступали дворяне из Москвы, Новгорода и Смоленска. Смоленские дворяне, как и новгородцы, выразили преданность новому государю. Но в армии царил разброд, как и повсюду.

Наибольшей популярностью Лжедмитрий I пользовался среди мелких помещиков Юга России. В их среде переворот вызвал негодование. В одном из списков «Сказания о Гришке Отрепьеве» рассказ о присяге Шуйскому завершается словами: «...а черниговцы, и пугицы, и кромичи, и комарицы, и вси рязанские городы за царя Василья креста не целовали и с Москвы всем войском пошли на Рязань: у нас-де царевич Дмитрий Иванович жив». Военские люди и жители Путивля, Чернигова, Кром, Комарицкой волости составляли ядро повстанческой армии, с которой самозванец летом 1605 г. вступил в Москву.

Сведения о военном мятеже находят подтверждение в Записках Я. Маржарета. После избрания Шуйского, записал Маржарет,

взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, «перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов».

Смуга явилась первой в русской истории гражданской войной. На начальном ее этапе власть досталась Лжедмитрию I. Едва на трон взошел Василий Шуйский, по всей стране распространилась весть о том, что царь Дмитрий вторично сплелся от бояр и ждет помощи от своего народа. Мятеж на южной окраине положил начало следующему периоду гражданской войны. В стране появились новые самозванцы. Но ни одному из них не довелось сыграть такую же роль в истории Смуты, какую сыграл Юрий Богданович Отрепьев.

Самборский призрак

Тело самозванца было так обезображено, что узнать его было трудно. По словам очевидца Конрада Буссова, «поляки в первый же день мятежа распространили слух, что убитый не царь Дмитрий».

Агитация поляков имела мало шансов на успех. Население не простило явившимся на царскую свадьбу полякам их высокомерие и бесчинства. Во время волнений в Москве, записал секретарь Мнишека в своем Дневнике, народ требовал выдать на расправу поляков, толковавших о спасении «Дмитрия».

Постепенно властям удалось справиться с кризисом. Как отметил Маржарет, до его отъезда из столицы в июле мятежники из Рязани, Путивля, Чернигова «прислали в Москву просить о прощении, которое получили, извинив себя тем, что их известили, будто император Дмитрий жив».

Царь Василий употребил все силы, чтобы положить конец мятежу в Путивле. Он прислал в город гонца — сына боярского Григория Шипова. Ему поручено было убедить жителей, что новый царь будет жаловать их своим царским жалованьем «свыше прежнего». Путивлю было предложено прислать в столицу «лучших людей человек трех или четырех» для изложения своих нужд. Власти просили жителей Путивля, чтобы они «сумнения

себе не держали никоторого» и жили «в покое и тишине». Убитый самозванец, уверяли они, перед смертью сам объявил «всем людям вслух, что он прямой вор Гришка Отрепьев».

Путивль был замирен. Примеру пугивлян последовали другие мятежные города. Противники Шуйского должны были осознать, что успех их затей зависит от того, смогут ли они представить обществу «Дмитрия», иначе говоря, нового самозванца.

После переворота из столицы бежали Михаил Молчанов и Богдан Сузупов. Власти установили, что в те дни из царских конюшен исчезло несколько лошадей. Прошел слух, что вместе с Молчановым столицу покинул спасшийся «Дмитрий». Яков Маржарет дознался, что лошадей из царской конюшни потребовали «от имени императора Дмитрия». Служитель Конюшенного приказа, выдавший лошадей, был подвергнут пытке. Видимо, служитель подчинился приказу от имени «спасшегося» царя, за что его как изменника замучили до смерти.

Ян Бучинский сообщил Якову Маржарету, что «один молодой русский вельможа, весьма любимый и жалуемый Дмитрием, который весьма на него походил... совершенно исчез». Речь шла о Молчанове. И Маржарет, и Бучинский хорошо знали этого человека. Если Молчанов был хотя бы отдаленно похож на государя, то заговорщикам не надо было тратить время на поиски нового претендента. Кандидат в цари был у них под рукой.

Камердинер Лжедмитрия I Хвалибог сообщил в 1607 г., что побег Молчанова и исчезновение лошадей из царской конюшни породили слух о чудесном спасении «Дмитрия». Толки о том, что «царь» сбежал вместе с Молчановым, записали также голландский купец Исаак Масса и поляк Станислав Немоевский.

Некоторые из современников говорили, будто вместо царя был убит его двойник. Называли имя поляка Борковского. Бывшие члены польской Ближней канцелярии и Юрий Мицешек старательно поддерживали слухи о чудесном спасении «царя Дмитрия». Бучинский уверял всех, что у убитого не было знака на левой груди, который он видел собственными глазами, когда мылся с государем в бане.

Центром интриги вновь стал Самбор, где после переворота появился человек, выдававший себя за «Дмитрия». Новый само-

званец пользовался покровительством хозяйки Самбора — жены Юрия Мнишека. Кажется невероятным, что пани Мнишек могла действовать на свой страх и риск, предоставляя убежище и помощь человеку, слегка похожему на ее зятя. По-видимому, интрига была санкционирована Юрием Мнишеком и царицей Мариной.

Мнишек и окружавшие его люди были пленниками в России. Но, даже находясь в ссылке в Ярославле, поляки имели при себе оружие, челядь, могли свободно передвигаться по городу. Мнишек поддерживал тайную переписку с Самбором.

Следуя указаниям Мнишека, его жена стала спешно вербовать сторонников «царя». Во Львове и других местах польские офицеры получили от нее письма с категорическими заверениями, что «Дмитрий» жив и находится в Самборе.

Достоверно известно, что Михаил Молчанов после бегства из Москвы нашел прибежище в Самборе.

Молчанов происходил из рядовой дворянской семьи, выдвинувшейся в опричнину. В самом начале Смуты Михалка по приказу царя Бориса был бит кнутом на пытке, видимо, за тайные сношения с «вором». Он успел оказать важные услуги самозванцу и завоевал его полное доверие.

Русские послы князь Григорий Волконский с товарищами, выехавшие из Москвы 16 июня 1606 г., произвели розыск о самозванце, объявившемся в замке Мнишеков в Польше. На вопрос, каков новый «Дмитрий» «рожем и волосом», польские приставы отвечали послам: «...он рожем смугол, а волосом черен, ус не велик, и бороды выседает и он стрижет; а по-польски говорить горазд и по латыне знает».

Послы настаивали на том, что по всем приметам это Молчанов, и он несколько не похож на убитого в Москве «вора»: «...прежний был вор Рострига обличьем бел, волос рус, нос широк, бородавка подле носа, уса и бороды не было, шея короткая; а Михалко Молчанов обличьем смугол, волосом черен, нос покляп, ус невелик, брови велики нависли, а глаза малы, бороду стрижет, на голове волосы курчавы, взгляивает вверх, бородавица на щеке».

По пути послы расспрашивали людей, видевших нового «Дмитрия», и те сообщили важную деталь: тот «возрастом (ростом. — Р.С.) не мал». Таким образом, самборский «вор» даже фигурой не был похож на убитого Лжедмитрия I, который был совсем мал ростом.

Все сходство исчерпывалось тем, что у обоих была бородавка на щеке или возле носа.

Волконский брался разоблачить самозванца, говоря, что у «него есть лятно» — старые рубцы на спине, оставшиеся после истязаний на Пыточном дворе, где он был «кнугом бит, и кнутные бои на нем знать» (видны).

Участие Молчанова в самозванческой интриге неоспоримо. Но он был, по суги дела, мелким авантюристом. Среди его сообщников выделялся князь Григорий Шаховской.

Шаховские происходили из сильно разросшейся и захудалой ветви Ярославского княжеского дома. Они не входили в думу и были записаны в княжеском списке Дворовой тетради последними.

Князь Петр Шаховской с сыном принесли присягу Лжедмитрию I после мятежа в Чернигове. Петр был едва ли не первым из князей, попавшим в руки «вора». По некоторым данным, он получил от самозванца боярский чин. Но его имени нет в польском списке «сената».

Сын князя Петра, Григорий, казалось бы, мог рассчитывать на самую блестящую карьеру при дворе «Дмитрия». Но Отрельев отправил его воеводой в Курск. На свадьбе «Дмитрия» он довольствовался скромной должностью «поезжанина».

Внимание историков давно пришло к рассказу Конрада Буссова о заговоре князя Григория Шаховского. После гибели Лжедмитрия I Шаховской бежал из Москвы в Путивль вместе с двумя другими лицами. При нем была большая золотая печать, украденная из дворца. В дороге князь доверительно рассказывал людям, что один из двух его спутников — чудесно спасшийся от убийц царь Дмитрий. Григорий остался на воеводстве в Путзеле, а два его спутника, отделившись от него, уехали в Самбор.

Оценивая известие Буссова, надо иметь в виду, что он служил Лжедмитрию II и черпал сведения из рассказов тушинских

ветеранов. Когда князь Григорий Шаховской явился в Тушино, «вор» даровал ему высший титул «слуги и боярина», видимо, за то, что тот его спас. Такова была официальная версия тушинского двора.

Буссов упоминал о краже Шаховским государственной печати. Однако у князя Григория не было необходимости в похищении печати. Согласно показаниям патера Савицкого, из Москвы в Польшу бежал некий секретарь царя «Дмитрия» по имени Богдан или Иван, который якобы и принял имя Дмитрия. Секретаря Богдана можно отождествить с дьяком Богданом Сутуловым. Сведения о его участии в новой интриге имеют исключительное значение.

В списке «сената» Лжедмитрия I он записан как «печатник и секретарь великий», иначе говоря, канцлер. «Второй» канцлер Афанасий Власьев записан ниже Сутулова. Благодаря службам дьяка Ивана Висковатого и дьяка Андрея Щелкалова — ближайших сподвижников Грозного — должность печатника («канцлера») стала одним из высших постов в государстве.

Богдан Сутулов был честолюбив и после убийства самозванца не захотел расставаться со своим саном и с печатью. Он бежал из Москвы, чтобы спастись от тюрьмы.

В 1604 г. Сутулов находился в мятежном Путивле не менее трех-четырёх месяцев. Он составлял царские рескрипты и отправлял их в разные города. Заняв место в московской Боярской думе, Сутулов в течение почти года продолжал составлять и запечатывать царские грамоты. В Самборе дьяк вел привычную деятельность.

После того как Михалка Молчанов и его спутники обосновались в замке Мнишек, грамоты «Дмитрия» хлынули на Русь потоком.

Какую печать захватил с собой канцлер при бегстве из Москвы? Московские государи имели «большую» и «малую» государственные печати. Большой печатью скрепляли международные договоры и грамоты, «что посылаютца во окрестные государства» (Г. Котошихин). Лжедмитрий I не успел изготовить для себя большую печать. Грамоты, посланные им за рубеж в связи

со свадьбой, были скреплены большой царской печатью Ивана Грозного.

Самозванец использовал для зарубежных сношений «среднюю печать», находившуюся в распоряжении главы Посольского приказа Афанасия Власьева. Существовала еще малая печать. Ею скрепляли грамоты разного рода, а носили «на вороту» — в мешочке на шее. Этой печатью, очевидно, и распорядился печатник Сутупов. Печать заменяла царскую подпись.

Когда гонцы стали доставлять грамоты воскресшего «Дмитрия» в города, воеводы не имели ни малейшего основания усомниться в их подлинности. Это обстоятельство способствовало успеху заговора.

Хозяйка Самбора надеялась на поддержку польских властей. Избиение поляков в Москве служило поводом для немедленной войны с Россией. Согласно королевской инструкции сеймикам, власти предполагали открыть военные действия против России уже в конце 1606 г. Царский посол Волконский, направленный царем Василием в Речь Посполитую, был задержан в пути. Мнишеки надеялись использовать войну для того, чтобы освободиться из плена и вернуть утраченные богатства.

В начале августа 1606 г. литовский пристав объявил Волконскому, что прежде он знал по слухам, а теперь узнал доподлинно от Ефстафия Воловича, что «государь ваш Дмитрий, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины (Мнишека. — *Р.С.*) жены: она ему и платье, и людей подавала». Информация исходила от «добрых панов», родни и приятелей Мнишеков.

О самборском «царе» заговорили в России. Восставшие северские города направили в Киев послов, чтобы пригласить «царя» в Путивль. Послы были уверены, что «Дмитрий» находится в одном из польских замков.

Владения Мнишеков располагались в Западной Украине. Посетивший эти места итальянский купец сообщал в августе 1606 г., что московский «царь» бежал из России с двумя спутниками и ныне живет здоров и невредим в монастыре бернардинцев в Самборе; даже прежние недруги признают, что Дмитрий ускользнул от смерти.

В первых числах августа литовские приставы поведали царским послан, что в Самбор к государю стали съезжаться его давние соратники: «и те многие люди, которые у него были на Москве, его узнали, что он прямой царь Дмитрий, и многие русские люди к нему пристали и польские и литовские люди к нему пробираются; да к нему же приехал князь Василей Мосальской, которой при нем был на Москве ближней боярин и дворецкой».

Приставы явно желали произвести впечатление на русских послов. Их информация о появлении в Самборе дворецкого Василия Рубца-Мосальского не соответствовала истине. Рубец находился в ссылке. Слова о том, что царя узнали многие люди, были преувеличением. Спасшийся «царь» изредка появлялся в парадных покоях самборского замка в пышном облачении. Но на такие приемы допускались только тщательно отобранные люди, никогда не видевшие Отрепьева в глаза.

В начале сентября русский посол со слов пристава узнал, что Молчанов стал являться людям уже не в царских одеждах, а в «старческом платье». Он шел по стопам первого самозванца, явившегося в Литву в иноческом одеянии.

В октябре 1606 г. канцлер Лев Сапега направил в Самбор слугу Гридича, чтобы тот «досмотрел» хорошо ему известного «Дмитрия», «подлинно тот или не тот?». Гридич ездил в Самбор, но «вора» не видел, при этом ему сказали, что «Дмитрий» «живет де в монастыре, не кажетца никому». В октябре в Самбор наведася бывший духовник Лжедмитрия I. Он также вернулся ни с чем. Тогда католический Бернардинский орден направил к Мнишекам одного из своих представителей. По всей Польше толковали, что «Дмитрий» «в Самборе в монастыре в чернеческом платье за грехи каетца». В связи с этим эмиссар ордена произвел досмотр монастыря. В ходе досмотра он получил от самборских бернардинцев заверения, что «Дмитрия» нет в их монастыре и они не видели царя с момента его отъезда в Россию. Католическая церковь осталась в стороне от сомнительной авантюры.

Самозванческая интрига гложла на глазах. Причиной неудачи было то, что король Сигизмунд III отказался от планов войны с Россией. В Польше назревал мятеж. Собравшись на съезд,

рокошане ждали, что «Дмитрий», объявившийся в Самборе, со дня на день явится на съезди ему удастся быстро сформировать армию.

Вожь рокоша Зебжидовский был родственником Мнишек-ков. Среди рокошан не все были приверженцами московского царя. Ветераны негодовали на государя за то, что тот не дал им обещанных богатств. Другие потеряли родственников во время избиения поляков в Москве. Недовольные не стали бы молчать, увидев перед собой нового обманщика.

Если бы владелица Самбора успела занять деньги и собрать наемное войско. Молчанов, может быть, и рискнул бы появиться среди рокошан. Но после майских событий в Москве мало кто желал давать деньги на новую авантюру. В конце концов в замке у Мнишек-ков собралась небольшая горстка вооруженных людей. Мнимая теща «царя» «людей к нему приняла з 200 человек». Самым знатным из слуг нового самозванца был некий московский дворянин Заболоцкий, имя которого не удается выяснить.

Мятежная шляхта решила отложить начало военных действий против Сигизмунда III до следующего года. Угроза рокошан не исчезла, и король круто изменил свой внешнеполитический курс. Чтобы справиться с оппозицией, ему нужен был мир на восточных границах. Польские власти уже в середине июля разрешили царскому послу Волконскому въезд в Польшу. Комendanтам пограничных крепостей воспрещено было пропускать в Россию польских наемных солдат.

Самборский «вор» назначил своим главным воеводой Заболоцкого и послал его с воинскими людьми в Северскую Украину. Канцлер Лев Сапега задержал отряд и помешал Заболоцкому вторгнуться в пределы России.

Жена Юрия Мнишека не осмелилась показать нового самозванца ни католическому духовенству, покровительствовавшему Отрепьеву, ни королю, ни рокошанам. Появление «царя» среди рокошан явилось бы прямым вызовом Сигизмунду III, на что Мнишеки никак не могли пойти. Мартина Мнишек вместе с отцом находились в плену, и освободить их могло лишь вмешательство официальных властей Речи Посполитой.

Чиновники короля прибегли к нехитрой дипломатической игре. Они отказались вести переговоры с послом Волжонским о самозванце под тем предлогом, что им ничего о нем не известно: «А что, де, вы нам говорили про того, который называется Дмитрием, будто он живет в Самборе и в Сеидомире у воеводины жены, и про то не слыхали».

Тон заявлений изменился, когда чиновники завели речь о немедленном освобождении сенатора Мнишека и других задержанных в России поляков. В их заявлениях звучала прямая угроза: «Только государь ваш вскоре не отпустит всех людей, ино и Дмитрий будет, и Петр прямой будет, и наши за своих с ними заодно станут». Дипломаты грозили тем, что Речь Посполитая окажет военную помощь любым самозванцам, выступающим против царя Василия Шуйского.

Первый самозванец, по словам В.О. Ключевского, был испечен в польской печке, но заквашен в Москве. Новый «вор» также не миновал польской печки, но его судьба была иной. Его недопекли и не вынули из печки. Когда Отрепьев убедился, что его покровитель Адам Вишневецкий не собирается из-за него воевать с Москвой, он сбежал из его замка. Молчанов был сделан из другого теста, и перед его взором маячил окровавленный труп первого «вора».

Самозванец таился в темных углах самборского дворца в течение года, не осмеливаясь показать лицо не только полякам, но и русскому народу, восставшему, чтобы восстановить на престоле «законного государя».

Двадцатичетырехлетнему Отрепьеву не приходилось беспокоиться, похож ли он на восьмилетнего царевича, забытого даже теми немногими людьми, которые видели его в Угличе. Для нового самозванца трудность заключалась в том, что он не был двойником убитого, характерную внешность которого не успели забыть за несколько месяцев. Роль воскресшего царя оказалась не по плечу Молчанову. Результатом было новое и весьма своеобразное историческое явление — «самозванщина без самозванца».

В конце 1606 г. в Москве прошел слух, что Молчанов готовится выступить с большим войском на помощь русским по-

встанцам. На этот раз авантюрист должен был взять на себя роль воеводы «царя Дмитрия», а не самого «Дмитрия». Однако ему не довелось сыграть даже и эту роль.

Самборские заговорщики не оставляли попыток подчинить себе северские города. Первоначально они предполагали направить в Лугивль одного из дворян, а затем остановили свой выбор на казачьем атамане Иване Болотникове.

Бунт Болотникова

Болотников, по всей видимости, происходил из обнищавших детей боярских. Запродавшись в холопы князю Андрею Телятевскому, он служил в его вооруженной свите как боевой холоп, а затем бежал от господина. Беглый холоп нашел прибежище на вольных казацких окраинах. Считается, что Болотников был атаманом донских казаков. Но это не так. Автор английской записки о России 1607 г., указавший на Молчанова как главного инициатора восстания против Шуйского, прямо называет Болотникова «старым разбойником с Волги». Не значит ли это, что Болотников участвовал в разбое и грабежах холопов в 1602—1603 гг.?

Англичане вели большую торговлю на Нижней Волге, где их суда не раз подвергались нападениям волжских казаков.

Самые подробные сведения о жизни Болотникова сообщают два иностранных автора — Исаак Масса и Конрад Буссов. Их свидетельства противоречат друг другу, и примирить их невозможно. Но Буссов служил под начальством Болотникова и располагал более надежными источниками информации.

В «Записках» Исаака Массы можно найти упоминание о том, что Болотников явился в Россию во главе 10-тысячного казацкого войска, а до того он «служил в Венгрии и Турции». На основании этого свидетельства историки заключили, что Болотников стал предводителем не потому, что во главе войск его поставил самозванец, а потому, что он привел в Самбор многочисленное казацкое войско, что и обеспечило ему роль народного вождя.

Болотников был захвачен в плен татарами и продан в рабство туркам. Как гребец-невольник он участвовал в морских сражениях и был освобожден из плена итальянцами. Возвращаясь в Россию, казак побывал в Германии и Польше. Слухи о спасении «Дмитрия» привлекли его в Самбор.

Буссов ни словом не упоминает о прибытии в Самбор вместе с Болотниковым войска. Его версия заслуживает большего доверия, чем версия Массы.

Молчанов следовал своему расчету, когда остановил выбор на казачьем атамане. Он искал людей, которые были бы всецело обязаны его милостям и, кроме того, искренне верили бы, что имеют дело с прирожденным государем. Болотников прибыл в Польшу с запада после многолетних скитаний. Он никогда не видел в лицо Отрепьева. Его нетрудно было обмануть.

Болотников был принят в самборском дворце. Самозванец долго беседовал с ним, а под конец снабдил письмом к князю Григорию Шаховскому и отправил в Путивль в качестве своего личного эмиссара и «большого воеводы».

Молчанов не мог предоставить в распоряжение Болотникова солдат. «Большой воевода» получил мизерную сумму в 60 дукатов вместе с заверениями, что в Путивле Шаховской выдаст ему деньги из казны и даст под начальство несколько тысяч воинов.

По утверждению летописца, главную ответственность за мятеж в Путивле летом 1606 г. нес князь Григорий Шаховской: «Первое же зачало крови христианские: в Путивле городе князь Григорей Шеховской измени царю Василью со всем Путивлем и сказа путивцем, что царь Дмитрий жив есть, а живет в прикритс...»

Многие преданные самозванцу люди были сосланы на восточную окраину и не приняли участия в новом мятеже. Князь Григорий Шаховской не обладал ни авторитетом, ни характером, но попал на бурлившую южную окраину, что решило исход дела.

Повстанческая армия возродилась в южных уездах в считанные дни. Если бы Шаховскому пришлось заново формировать войско, на это ушло бы много времени.

У мятежников не было ни опытных воевод, ни польских наемников. Шуйский располагал внушительными силами, собранными в Москве для похода против турок. Его армия включала «от пятидесяти до шестидесяти тысяч человек и всех иноземцев».

Главные военные действия развернулись у стен Кром и Ельца, оказавшихся в руках мятежников. Главный воевода князь Иван Воротынский наголову разгромил отряд сотника Истома Пашкова у стен Ельца.

В Кромах стоял небольшой гарнизон. Пугивль направил ему на помощь Болотникова. Воевода Михаил Нагой перехватил атамана и разбил. Болотников не оправдал надежд, которые возлагал на него самборский самозванец. Он понес поражение до того, как воеводы подтянули к Кромам свои главные силы.

4 сентября 1606 г. Маржарет, будучи в Архангельске, получил из Москвы сведения о поражении повстанческих войск на всех направлениях. До Архангельска вести дошли с запозданием по крайней мере на месяц. А это значит, что воеводы разгромили мятежников в конце июля или начале августа.

Одержав победу, воеводы царя Василия получили возможность двинуться к Путивлю, главной базе восстания. Но Путивль располагал каменной крепостью. Взять город без осадной артиллерии было невозможно. Доставка пушек и провианта через охваченную мятежом местность была затруднена.

Шуйский поступил совершенно так же, как Борис Годунов. Вместо удара по главному опорному пункту врага он приказал воеводам продолжать осаду Кром и Ельца.

Невзирая на поражения, мятеж, подобно пожару, охватил огромную территорию. Тяжеловооруженная дворянская конница, обладавшая подавляющим перевесом, легко одерживала верх над плохо вооруженными и в основном пешими повстанцами. Но все попытки воевод овладеть опорными пунктами «воров» не давали результатов. Сторонники «Дмитрия» верили, что посаженный ими на трон государь спасся от «лихих» бояр, и стояли насмерть.

Армия Годуновых распалась после двухмесячной осады Кром. Восволам Воротынскому и Трубецкому пришлось осаждать Елец

и Кромы примерно столько же времени. В августе 1606 г. правительственные войска отступили к Москве.

Какие причины вынудили воевод царя Василия к отступлению? Весной 1606 г. хлеба в разгар цветения были погублены заморозками. Из-за неурожая цены на продукты питания стали расти. Командование не сумело обеспечить снабжение армии, и в полках начался голод. По словам очевидцев, в лагере невозможно было купить сухарей из-за страшной дороговизны. Между тем войска, осаждавшие Елец и Кромы, сами оказались в кольце восставших городов.

Дворянское ополчение в который раз обнаружило свою ненадежность. С приближением осени дворяне стали разъезжаться по своим поместьям. Силы Шуйского таяли, тогда как силы повстанцев росли. Болотников, разгромленный Нагим, к концу лета сформировал новое войско и предпринял второе наступление на Кромы. Повстанцы «оттолкнули» воеводу и пробились в Кромы. Болотников добился ограниченного успеха, но царские воеводы дрогнули.

Воевода Юрий Трубецкой отвел полки от Кром к Орлу, но в городе вспыхнул мятеж. Воеводу не пустили в крепость. Ворытский отступил в Тулу, но тут его армия стала разваливаться: «дворяня и дети боярские все поехали без отпуску по домам, а воевод покинули, и на Туле заворовали, стали крест целовать вору». Падение Тулы открыло перед повстанцами путь на столицу.

Мятежники вышли к Москве между 14 и 17 сентября 1606 г. Наибольшие опасения царю Василию внушала армия Болотникова, наступавшая от Орла к Калуге. Царь направил против него брата Ивана с крупными силами.

23 сентября 1606 г. Болотников попытался переправиться за реку Угру под Калугой, но был разгромлен Иваном Шуйским. Воевода не мог развить успех. Гражданская война имела свою логику и свои законы. Население Калуги восстало в тот самый момент, когда Болотников потерпел поражение.

Тем временем Пашков занял Серпухов и остановился на Пахре, в 30—40 верстах от столицы. Тут он был разбит стольником Михаилом Скопиным-Шуйским.

Сентябрьское наступление повстанцев потерпело неудачу. Правительственные войска разгромили их армии поочередно, одну за другой.

К октябрю 1606 г. Истома Пашков соединился с рязанским войском Прокофия Ляпунова в районе Коломны.

Царь Василий поспешил собрать все наличные силы и отправил их к Коломне. Командование армией было поручено боярину Мстиславскому, Дмитрию Шуйскому, Ивану Воротынекому, братьям Голицыным, боярам Нагим. Сражение произошло в 40 верстах от стен Москвы, под селом Троицкое-Лобаново. Войско Шуйского обладало численным перевесом. Под Троицким сражалось то же самое войско, которое только что разгромило повстанцев под Калугой и Серпуховом. Тем не менее оно потерпело полное поражение.

Действиями повстанцев руководил Прокофий Ляпунов. Это он возглавил мятеж в армии Годунова под Кромами. Тогда заговорщики — сторонники «Дмитрия» перемещались в лагере со своими противниками, и чтобы уберечь от потерь своих, Ляпунов приказал не проливать лишней крови, а разогнать рать плетью. По-видимому, нечто подобное произошло и под Троицким. Нет сомнений, Ляпунов был одним из самых способных военных вождей Смутного времени.

Недолгое правление Лжедмитрия упрочило популярность его имени в дворянской среде. Ко времени наступления на Москву в народе росла уверенность, что «Дмитрий» жив. В конце осени восставшие широко оповещали население, что «государь, деи, наш царь и великий князь Дмитрий Иванович всея Руси ныне в Коломне». Известия такого рода вызвали замешательство в полках Василия Шуйского. После битвы Ляпунов и Пашков распустили пленных по домам. Исключение было сделано лишь для знатных дворян. Их отослали в Пугивль.

28 октября отряды Ляпунова заняли село Коломенское в окрестностях Москвы и стали готовиться к осаде столицы. В начале ноября войска Болотникова присоединились к ним.

При Лжедмитрии I службу в Москве несли несколько тысяч стрельцов. Шуйскому пришлось удалить из столицы самые преданные самозванцу стрелецкие сотни. Много московских

стрельцов было послано против мятежников в действующую армию и в гарнизоны. Сотни, посланные в Коломну, перешли на сторону восставших. Таким образом, к началу осады стрелецкий гарнизон столицы оказался ослабленным.

Главной опорой трона во время осады Москвы оставался Государев двор. Ядром двора были 200 стольников и еще несколько сот больших московских дворян, жильцов и стряпчих. Власти пытались вызвать подкрепления из провинции, но их усилия не дали результатов.

Царь Василий не имел ни казны, ни запасов хлеба, чтобы предотвратить голод в столице. Его положение казалось безнадежным. Осложнились его взаимоотношения с Боярской думой. «Государь не люб боярам» — эти слова точно отразили ситуацию.

Не прекращалось брожение в низах. В город постоянно проникали лазутчики с «прелестными» письмами от имени «Дмитрия». Но спровоцировать бунт в столице не удалось.

Московские посадские люди участвовали как в убийстве Лжедмитрия I, так и в избрании на трон Василия Шуйского. Умело используя это обстоятельство, царь Василий постарался убедить посадских, что никому не удастся избежать наказания в случае успеха сгоронников «Дмитрия». Находившийся в столице Исаак Масса писал, что некоторые из жителей Москвы верили, что «Дмитрий» жив, тем не менее по настоянию властей «московиты во второй раз присягнули царю в том, что будут стоять за него и сражаться за своих жен и детей, ибо хорошо знали, что мятежники поклялись истребить в Москве все живое, так как (москвичи. — *Р.С.*) все повинны в убийстве Дмитрия».

Перед царем было два пути. Он мог, с помощью самых жестоких мер, пресечь всякие сношения москвичей с «воровским» лагерем. Монарх предпочел путь переговоров. По его приказу москвичи всем «миром» снарядили в лагерь Болотникова делегацию.

Народ три дня лицезрел труп «Дмитрия», а потому заявления о его спасении вызывали у большинства сомнения. В ходе переговоров московские депутаты просили устроить им очную ставку с «Дмитрием», чтобы затем принести ему повинную.

Болотников поклялся, что говорил с «законным государем» в Польше. Но его увверения, естественно, не могли удовлетворить москвичей.

Делегация включала отобранных царем лиц. Иначе и быть не могло. Но надо иметь в виду, что в критических условиях осады и голода массы не стали бы слушать тех, кто не пользовался авторитетом в народе.

Права столичной посадской общины в период осады расширились. Москвичи сначала вели переговоры, а затем просили царя дать сражение повстанцам, когда «народу стала невозможна дороговизна припасов».

Царь Василий пошел на неслыханный шаг. В условиях гражданской войны он приказал вооружить все столичное население.

Посадские люди, ездившие в Коломенское, оказали неоценимую услугу Шуйскому. Они использовали переговоры, чтобы посеять сомнения в лагере восставших. Когда Болотников пытался убедить их, что сам видел «Дмитрия» в Польше, посланцы посады заявляли: «Нет, это, должно быть, другой: Дмитрия мы убили».

Москвичи помогли властям установить контакты со знатными дворянами в повстанческом лагере. Им удалось склонить на свою сторону Ляпунова с рязанцами.

15 ноября 1606 г. мятежники подступили к Замоскворецью и попытались ворваться внутрь крепости. В разгар боя Прокофий Ляпунов с рязанцами переметнулся на сторону царя, и повстанцы отступили.

Казачи разбили укрепленный лагерь в деревне Заборье, неподалеку от Серпуховских ворот. Воевода Скопин окружил их острожек и предпринял штурм. Казачи запросили помощь у Болотникова.

Решающее сражение произошло 2 декабря, когда Болотников послал в Заборье Истома Пашкова, а сам выступил из Коломенского следом за ним. В разгар боя Истома Пашков перешел на сторону царя Василия. Его измена определила исход боя.

Болотников спешно отступил. Восводы имели возможность преследовать его и одержать полную победу. Но они не реши-

лись оставить у себя в тылу казаков. Три дня в Заборье шли ожесточенные бои. Часть казаков была истреблена, другие взяты в плен и определены на царскую службу.

Благодаря сопротивлению казаков в Заборье Болотников сохранил главные силы своего войска.

Пашков первым поднял знамя восстания, одержал победу под Троицким и приступил к осаде Москвы. Под Коломной Прокофий Ляпунов уступил старшинство сотнику Пашкову, чтобы не множить раздоров. В осадном лагере они не захотели подчиняться беглому холопу Ивашке Болотникову.

Во время московского похода Болотников был разбит под Калугой и присоединился к Ляпунову и Пашкову в селе Коломенском с запозданием.

Добиваясь первенства, Болотников ссылался не на свои победы, а на «царскую» грамоту. Сам «царь Дмитрий» назначил его главнокомандующим.

Василий Шуйский знал о распрях в Коломенском и постарался использовать момент. Его люди вручили Пашкову большую сумму денег. Золото развязало язык сотнику. Он заверил посланцев Шуйского, что до сих пор никто не видел живого «Дмитрия» и даже в Путивле о нем знают не больше того, что было сообщено в первые дни восстания Шаховским.

Пашков заявил, что не знает, жив ли «Дмитрий» или поляки вследствие происков Шаховского выдвинули нового самозванца. Автор английского донесения подтверждает достоверность приведенных сведений Буссова. Согласно английской версии, царь добился от Пашкова признания, что слух о спасении «Дмитрия» является «ложной выдумкой».

Развал «воровского» лагеря был ускорен причинами социального характера. Осадив Москву, Ляпунов, Болотников и Пашков потребовали выдачи братьев Шуйских. Переговоры с москвичами убедили мятежников, что все бояре и «лучшие люди» поддерживают царя Василия. Тогда они «написали в город письма, требуя по имени разных бояр и лучших граждан, чтобы их выдали», а затем попытались спровоцировать мятеж столичной черни.

В ноябре 1606 г. патриарх Гермоген известил паству, что «воры», засевшие в Коломенском, «пишут к Москве проклятые свои листы, и велят боярским холопом побивати своих бояр и жены их. и вотчины. и поместья им сулят, и шпыням и безымянником вором велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити...».

Аналогичные сведения можно обнаружить в английском донесении начала 1607 г. Мятежники не смогли замкнуть блокаду, и тогда они стали писать «письма к рабам в город, чтобы те взяли за оружие против своих господ и завладели их имением и добром».

Программа, выдвигая беглым холопом Ивашкой Болотниковым в конце осады столицы, была проста и понятна низам. Бояре, поддерживавшие узурпатора Шуйского и потворствовавшие «измене», подлежали смерти, их имущество — разделу. Осуществление этой программы вскоре привело к неслыханно кровавым избиениям знати и дворян в Путилье, а позднее в Туле.

Чтобы окончательно запугать благонамеренных жителей Москвы, патриарх утверждал, будто повстанцы намеревались раздать безымянным «шпыням» — городской черни — боярских жен, ввести чернь в думу, сделать воеводами в полках, поставить над приказами («хотят им давати боярство, и воеводство, и околичество, и дьячество»). Пока «сатанинскую» рать в Коломенском возглавляли «большие» воеводы наподобие Болотникова, патриарх имел все основания опасаться переворота.

Две недели, проведенные в лагере Болотникова, отрезвили рязанских дворян. Призывы атамана пришлись не по вкусу не только Ляпунову, но и Истоме Пашкову, тем более что попытки спровоцировать мятеж черни в столице не удались.

Под знаменами Пашкова, как полагают новейшие исследователи, собрались дети боярские, вследствие чего это требование носило продворянский характер, тогда как Болотников собрал сермяжную рать и выдвинул антикрепостническую программу.

Одержав верх над восставшими под Москвой, Шуйский 5 декабря 1606 г. обратился с грамотой к городам, в которой писал, что «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне,

колодники, алексинцы, колужане, козличи, мещане, лихвинцы, белевцы, болховичи, боровичи, медынцы и всех городов всякие люди нам добились челом и к нам все приехали, а в городех у себя многих воров побиили и живых к нам привели и город(а) очистили». Царь не очень заботился об истине, выдавая желаемое за действительное. В начале декабря 1606 г. восставшие прочно удерживали в своих руках Тулу, Калугу, Козельск, Белев, Болхов, Рязань и Мещовск сдались позже, после прибытия в эти города правительственных войск.

Грамота Шуйского, при всей ее тенденциозности, является важнейшим документом по истории бунта Болотникова. В публичном заявлении царь вынужден был признать крайне неприятный для него факт массового участия в бунте дворян и детей боярских южных уездов. В воззвании Шуйского упоминалось 13 мятежных городов. Из них лишь 4 лежали в полосе наступления Пашкова. Через остальные наступал Болотников, а отсюда следует, что дворяне и дети боярские из этих уездов подкрепили его войско.

Мелкое дворянство добилось закрепощения крестьян при Борисе. Полагать, будто дети боярские из рати Болотникова выдвинули антикрепостническую программу, нет ни малейших оснований.

Утверждают, будто в полосе наступления Пашкова дворянские руководители не казнили дворян и предпочитали оставаться в рамках «законности», тогда как в полосе наступления Болотникова на Москву истребление помещиков приняло массовый характер.

Факты разрушают эту схему. Отряд Пашкова был таким же пестрым по составу, как и войско Болотникова. Он включал как детей боярских, так и казаков и стрельцов. Характерной чертой гражданской войны была тесная связь вождей с выдвинувшими их городами. Епифанские дети боярские и казаки избрали воеводой Пашкова в начале восстания. Они же последовали за Истомой в царский лагерь.

Репрессии носили примерно одинаковый характер и там, где шел Пашков, и там, где двигался Болотников.

Дворяне уступали по численности низшим слоям населения, но были военными людьми по профессии, сплоченными в корпорации («служилый город») и имевшими лучшее вооружение. Все это определяло их роль в любой войне.

Причиной Смуты начала XVII в. были не классовые битвы между дворянами и низшими сословиями, а в первую очередь кризис и раскол в среде служилого дворянства.

На страницах исторических сочинений мелькает величественная фигура народного вождя Болотникова, который вел угнетенных от успеха к успеху и наконец оказался у стен столицы. В действительности вождь неизменно терпел поражение, предоставленный своим силам.

Он был отброшен от Кром боярином Нагим, разгромлен Иваном Шуйским сначала под Калугой, а потом в Коломенском.

«Царевич Петр»

Самозванный царевич Петр Федорович, появившийся на Тереке еще при жизни Отрепьева, сам рассказал историю своей жизни: первый раз — во время своих зарубежных странствий в декабре 1606 г. и во второй раз — перед боярским судом год спустя. Первая версия подробно изложена в польских источниках начала 1607 г. Оршанский староста Андрей Сапега записал рассказ «Петра» сразу после беседы с ним. Показания самозванца перед боярским судом были обнародованы московскими властями в приложении к царской грамоте от 19 октября 1607 г. Сопоставление двух версий позволяет составить подробное жизнеописание мнимого внука Грозного.

В отличие от Григория Отрепьева «Петр» был выходцем из простолюдов и не имел подле себя ни кремлевских монахов, ни царских придворных, которые могли помочь ему в новой роли. Попав за рубеж, «Петр» изложил следующую историю. Родителями его были царь Федор Иванович и царица Ирина Годунова. В момент рождения царица подменила ребенка, чтобы спасти его от покушений со стороны Бориса Годунова. Желая

надежнее укрыть сына от грозившей ему смерти, мать передала младенца на воспитание бабе-вдове.

Самозванец не мог сказать, от кого он узнал о своем царском происхождении. Такой вопрос не приходил ему в голову. Какие бы фантастические сведения о себе ни сообщал «Петр», он все же не мог уйти от опыта собственной жизни. Перед боярским судом в 1607 г. самозванец назвал свое подлинное имя — Илейка Коровин и показал, что родился и воспитывался в семье бабы Ульяны, вдовы торгового человека Тихона Юрьева из Муром. Живя в Муроме, вдова «без венца» прижила сына Илью от посадского человека Ивана Коровина. Илейка остался сиротой после того, как Иван Коровин умер, а мать по приказу сожителя постриглась под именем старицы Улицы в девичьем Воскресенском монастыре. Торговый человек Т. Грозильников подобрал сироту едва ли не на дороге и увез в Нижний Новгород, где определил сидельцем в свою лавку. Через три года Илейка сбежал от купца и стал служить наймитом-казакон на стругах, плававших с товарами по Волге из Астрахани в Казань и Вятку.

Перед судом Илья вспомнил, как годовал в Астрахани, а жил у астраханского стрельца Харитона. (За рубежом самозванец нарочно искажил имя своего астраханского благодетеля.) Позднее Илья плывал на торговом судне в Нижний Новгород, а затем на стрелецком судне на Терек. Там он нанялся в стрелецкий приказ и участвовал в походе на Тарки 1604 г., а по возвращении из похода запродавался в холопы на двор к сыну боярскому Григорию Елагину. Подобно Отрепьеву и Болотникову, «Петрушка» также был беглым боярским холопом.

В Польше самозванец должен был учитывать, что польские власти не желали вступать в какие бы то ни было соглашения с болотниковцами и не позволяли вербовать солдат для московского «царя». Поэтому, повествуя о своей жизни, «царевич» ни слова не сказал об участии в повстанческом движении в России.

Давая показания в Москве, «Петр» придерживался той же линии. Перезимовав надворе у Елагина, Илейка бежал под Астрахань, где его «взяли казаки донские и волжские». Исаак Масса отметил, что с зимы 1604/05 г. Астрахань была осаждена ка-

заками, выступившими на стороне Лжедмитрия I. Осада продолжалась до весны. Не позднее мая 1605 г. астраханский воевода известил терских воевод, «что у них в Астрахани от вор^{ов}, от казаков стала смута великая и для того им людей послать (на Терек. — *Р.С.*) немочно».

Илейка отличался непостоянством и то и дело менял хозяев. Он вспоминал, как «из-под юртов, от казаков, ушел в Астрахань, и в Астрахани побыл с четыре недели, а из Астрахани вышел к казакам же и пришел де яз к казаку Нагибе...». Таким образом, беглый холоп либо не сразу примкнул к повстанцам, либо был послан ими в Астрахань как лазутчик. Старый казак Нагиба стал впоследствии одним из самых видных атаманов в войске Болотникова.

Гулящий человек на Волге, боярский холоп, а потом вольный казак — такая биография была обычна для казаков. Однажды Илейке удалось побывать в Москве. Эта поездка относится к числу загадочных эпизодов его жизни. За рубежом «Петр» утверждал, что решил пробраться из Астрахани в Москву, когда там на трон взошел его «дядя» «Дмитрий». Он упросил купца Козла взять его с собой в столицу и даже открыл ему свое царское имя. В Москву он якобы прибыл на другой день после гибели «Дмитрия» (т.е. 18 мая 1606 г.) и почти четыре месяца прожил у мясника Ивана на Покровской улице.

Перед судом «Петрушка» поначалу умолчал о поездке в Москву и, лишь давая дополнительные показания, признал, что приезжал в столицу из Нижнего Новгорода и жил там от Рождества Христова до Петрова дня у церкви Владимира в Садах, на дворе у подьячего Дементия Тимофеева.

Илейка не уточнил времени поездки в Москву, но в его рассказе можно обнаружить примерно полугодовой пробел — от времени «зимовки» у Елагина и бегства под Астрахань до времени возвращения в Астрахань с воеводой Хворостининым летом 1605 г. Самозванец лишь кратко упомянул, что служил тогда «в товарищах» у Нагибы, который «отказал» его казаку Намегке, а дальше отправился вверх по Волге с казаком Неустройко.

Внезапное немногословие Илейки объяснялось тем, что в первой половине 1605 г. донские и волжские казаки приняли

участие в важных событиях. Они захватили воевод в Царицыне и привезли их в лагерь Огрельева под Орлом, а затем вместе с Лжедмитрием I вступили в Москву.

Средкой наивностью Илейка старался доказать посредством умолчаний и лжи, что он никогда не сражался на стороне Гришки. Коровин утверждал, будто на Волге присоединился к войску князя Ивана Хворостинина, якобы посланного в Астрахань Борисом Годуновым. На самом деле Хворостинин был послан в поход Лжедмитрием I против астраханских воевод, оставшихся верными династии Годуновых.

Если Илейка не перепутал дат и действительно покинул Москву в Петров день, то отсюда следует, что он вступил в столицу вместе с отрядами сторонников Лжедмитрия I, а покинул ее с Иваном Хворостининым.

Хворостинин прибыл в Астрахань в конце лета 1605 г., а затем направил казачий отряд на Терек. Илейка попал в этот отряд и вместе с терскими казаками зимовал на Тереке. Деньги, полученные на царской службе, быстро разошлись, и с наступлением весны казаки стали думать о том, где раздобыть деньги и пропитание.

Войсковой круг стал обсуждать план похода на Каспийское море, «чтоб итти на Курь реку, на море, громить турских людей на судех; а будет, де, и там добычи не будет, и им, де, было казакком к кизылбашскому Шах-Аббасу служить». В случае удачи казаки намеревались вернуться на Терек либо уйти в Персию.

Вскоре атаман Федор Бодырин собрал свой круг в 300 казаков и предложил идти в поход на Волгу. Поход в глубь России как две капли воды походил на задуманный каспийский поход. Согласно показаниям Илейки Муромца, «стали де те казаки триста человек опроче всего войска тайно приговаривати, чтоб итти на Волгу, громить судов торговых». Целью похода было грабить купеческие караваны. Но на Волге стояли многочисленные крепости с судовой ратью. Вязываться в войну с ними казаки опасались. Поэтому они решили объявить, что среди них находится царевич Пётр, который намерен идти в Москву на службу к дяде — царю «Дмитрию».

Вольные казаки помогли Лжедмитрию занять Москву, но по настоянию бояр их выпроводили из столицы. Ветераны похода не смирились с такой несправедливостью. Взбунтовавшиеся казаки роптали: «Государь, де, нас хотел пожаловати, да лихи, де, бояре, переводят, де, жалованье бояря, да не дадут жалованья». Показания «царевича Петра» не оставляют сомнений в том, что казаки решили выдвинуть из своей среды самозванца, чтобы оправдать затеянный разбой.

Кандидатами в царевичи стали сын астраханского стрельца Митька и Илейка Коровин. Оба служили у казаков в «молодых товарищах», исполняли всякую черную работу в казацких куренях.

Из двух претендентов только Илейка бывал в Москве, что и решило дело в его пользу. Так излагал обстоятельства своего избрания сам Илейка-Петр. Однако можно догадаться, что его избрание было связано также и с другими причинами. Он служил в войсках Лжедмитрия I и, может быть, участвовал в московском походе.

Затею атамана Федора Бодырина поддержал атаман Гаврила Пак. Их отряды соединились на реке Быстрой. Время было смутное, и терский воевода Петр Головин не посмел силой подавить зревший мятеж. Воевода послал «царевичу» приглашение прибыть в город, но казаки отклонили такую честь. Тогда Головин смиренно просил казаков не покидать Терек, а оставить хотя бы половину людей «для приходу воинских людей». Но казаки не послушали его и ушли войском к Астрахани. Находившийся в Астрахани воевода Иван Хворостинин отказался «для грабежу» пустить в город «царевича» и не дал мятежникам разграбить Астрахань. Но он не решился предпринять против них военные действия, тем более что многие астраханские казаки присоединились к терскому войску.

Казаки заняли четыре городка на Волге. Если бы они при этом казнили воевод, Разряды непременно бы сообщили имена погибших. Однако дело обошлось без кровопролития. Казаки повсеместно заявляли, что везуг в Москву племянника «Дмитрия». Это позволило им пройти до Царицына и Самары.

От Казани навстречу терцам двигалась судовая рать боярина Федора Шереметева. У воеводы было достаточно сил, чтобы заставить мятежных казаков повернуть вспять. Но в районе Самары к «Петрушке» прибыл Третьяк Юрлов-Плещеев с грамотой. Лжедмитрий I приказал «итти к Москве наслех». Однако под Свяжском атаманы узнали о гибели Лжедмитрия I.

Войско оказалось в западне. Впереди была Москва, свергшая «Дмитрия», позади — Шереметев. Тогда казаки решили в последний раз воспользоваться услугами Юрлова. Тот явился в Казань и уверил тамошних воевод, что терское войско готово выдать им нового самозванца и принести присягу царю Василию. Усылив бдительность бояр, казаки пробрались ночью мимо казанских пристаней и ушли к Самаре. Спустившись до устья Камышенки, казаки миновали Переволоку и укрылись в донских станицах. Там «Петр» провел несколько месяцев.

На Тихом Дону было неспокойно. Но царь Василий нашел способ замирить вольницу. По его приказу сын боярский Молвянинов 13 июля 1606 г. повез на Дон 1000 рублей денежного жалованья, 1000 фунтов пороха и 1000 фунтов свинца. Меры царя Василия достигли цели. Значительная часть донских казаков осталась в своих зимовьях и не участвовала в походе на Москву.

Тульское сидение

Повстанцы верили в то, что «Дмитрий» жив и находится в пределах России. Двое монахов-лазутчиков, засланных в «воровской» лагерь, донесли, что мятежники клялись, что сами видели царя.

Василий Шуйский велел посадить на кол пленного «вора», и тот, умирая, твердил, что «Дмитрий» жив и находится в Путивле. По всей стране толковали, будто в Москве убит Расстрига, а не истинный царевич.

Для дворян царская власть была источником всяких благ. По традиции только государь мог жаловать поместья и чины. Ни один дворянин не мог вступить во владение поместьем без ввоз-

ной грамоты, адресованной непосредственно от царя к крестьянам, названным поименно.

Болотников мог обещать дворянам мшлости «Дмитрия», но их не удовлетворяли обещания. Царь Василий давал надбавки к поместному окладу и жаловал деньги как дворянам, так и рядовым детям боярским за каждую рану, задоставку языков. Покидая «воровской» лагерь, дворяне имели возможность немедленно получить от Шуйского щедрые пожалования.

После неудачных переговоров с московским посадом вожди повстанцев осознали, что отсутствие «Дмитрия» может погубить все дело. Болотников многократно писал грамоты в Путивль, требуя ускорить возвращение «царя» из Польши. Начиная с июня путивльский воевода Григорий Шаховской, мистифицируя население, многократно заявлял, что «Дмитрий» приближается к Путивлю и с ним идет большое войско. Его словам перестали верить.

Попытка поднять на царя Войско Донское не удалась, и тогда вожди мятежа обратились за помощью к терским и волжским казакам.

Шаховской принял решение, отвечавшее повсеместным ожиданиям народа. Он отправил гонцов к «царевичу Петру Федоровичу». Некоторое время «Петр» с казаками держался в Монастыревском городке под Азовом, а затем на стругах отплыл на Северский Донец. Тут по словам «Петра», к казакам прибыл гонец с грамотой «от князя Григория Шаховского да от путивльцово всех». Как видно, посад в Путивле и играл ту же роль в повстанческом движении, что и московский посад в царском лагере.

Жители Путивля настойчиво просили «Петра» идти «наспех в Путивль, а царь Дмитрий жив, идет со многими людьми в Путивль».

Настал решающий час. Путивль должен был отправить под Москву все воинские силы. Но тюрьмы Путивля были набиты дворянами, верными Шуйскому. Вывести гарнизон из крепости, оставив в тылу многочисленных пленных, было опасно.

Весной 1606 г. Отрепьев, оказавшись в трудном положении, приказал «Петру» с казаками идти в Москву, чтобы обуздать лихих бояр. То, что не успел сделать Лжедмитрий I, попытались

осуществить вожди нового мятежа. Они рассчитывали, что казаки расправятся с плененными врагами «Дмитрия» в Путивле, а потом сделают то же в Москве.

Казачий отряд прибыл в Путивль в начале ноября 1606 г. Второй раз за свою историю город превратился в «царскую» резиденцию.

Самозванец привел с собой несколько тысяч волжских и терских казаков. К началу 1607 г. к «царевичу» в Путивль было запорожское войско.

Лжедмитрий I в юности посещал царский двор, служил у патриарха Иова. По происхождению он был дворянином, и пленники видели в нем своего.

Илейка Коровин происходил из посадских людей, и его манеры и язык выдавали в нем простолюдина. Ему было значительно труднее, чем Отрепьеву, добиться повиновения от пленных дворян, воспринимавших неловкую игру казачьего «царевича» как грубый маскарад. Некоторые из пленников узнавали в «ближних» людях «царевича» своих беглых холопов. (Среди инициаторов интриги был беглый холоп князя Трубецкого казак Василий, а сам «царевич Петр» до принятия царского имени служил в товарищах у казака Семенова, холопа боярина Василия Черкасского, находившегося в то время в путивльской тюрьме.)

Казаки, водившие за собой своего ставленника — «воровского» «царевича», — с полным основанием считали себя господами положения и претендовали на власть. Старому путивльскому руководству пришлось основательно потесниться.

На пути в Северскую Украину «чернь» выступала в поддержку самозванца, тогда как воеводы оказывали ему сопротивление. Осенью 1606 г. мятежники подступили к крепости Царев-Борисов. Город имел превосходные укрепления и артиллерию. Его гарнизон был одним из самых многочисленных на юге России. В крепости сидел воевода Михаил Сабуров. Этот «лихой боярин» был хорошо известен вольным казакам. Терские и волжские казаки не забыли, сколько крови они пролили под стенами Астрахани, которую оборонял Сабуров.

Сабурову не удалось удержать в повиновении гарнизон, состоявший в своей массе из стрельцов и служилых казаков. Вмешательство местного духовенства не спасло дела. По свидетельству старца Иова, «как в смутное время шел вор Петрушка с казаки и он, Иев, царегородских всяких людей от того (мятежа. — *Р.С.*) унимал и наговаривал, чтоб они против вора стояли, и оне его за то хотели убить». Старец избежал гибели, но воеводы Сабуров и князь Юрий Приимков-Ростовский подверглись жестокой казни.

Совершенно так же действовали казаки «Петра» в другой степной крепости — Ливнах. Дворяне братья Лодыженские подали в Разрядный приказ документы, из которых следовало, что «отца их вор Петрушка убил на Ливнах».

Даже в северских городах, находившихся в руках сторонников Лжедмитрия I, признание казацкого «царевича» наталкивалось на сопротивление дворян и духовенства.

В самом начале гражданской войны монахи Богородицкого Молчинского монастыря в Путивле, увлеченные общим потоком, поддержали Лжедмитрия I. В награду он пожаловал обители вотчину. Царь Василий Шуйский подтвердил пожалование Расстриги.

Игумен монастыря Дионисий привез из Москвы чудотворную икону и попытался убедить путивлян, что «царевич Петр» — обманщик и самозванец. Казаки поспешили разделаться с игуменом. Как писали в своей челобитной царю старцы монастыря, их игумен, «видя в мире смуту и прелесть, вора Петрушку, не боясь смерти, обличал. И вор Петрушка велел того игумена за то убить з башни до смерти. И на тое монастырскую вотчину царя Василья жаловалные грамоты, взяв у него, изодрал».

Памятуя, какое значение для «Дмитрия» имела военная помощь Речи Посполитой, «Петр» решил послать к королю посольство. Его гонцы явились в Киев, но были тут задержаны. Сигизмунд III не пожелал ввязываться в новую авантюру.

Монарх не мог управлять государством без Боярской думы. Такова была вековая традиция, и Коровин неизбежно должен был идти по стопам Расстриги.

Будучи в Путивле, «царевич Петр» принял в свою «думу» боярина князя Андрея Телятевского, князей Григория Шаховского, Мосальских и других знатных лиц. Примечательна судьба Телятевского. При Борисе он был самым решительным противником Лжедмитрия I. За это самозванец выдал боярина на расправу вольным казакам. Казаки избили князя, а затем едва живого бросили в тюрьму. Полтора года спустя Телятевский, вновь столкнувшись с казаками, сразу признал своим государем самозванца.

После выступления из Путивля «Петр» неизменно ставил во главе отрядов титулованных лиц (Телятевского, Мосальских и др.). Казацкие атаманы и сотники из рядовых детей боярских не могли более претендовать на высший воеводский чин. Однако знать лишь номинально возглавляла повстанческие силы. Реальная же власть находилась в руках казацкого окружения «Петра».

Никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет. Первые точные данные о поместных дачах в повстанческом лагересвязаны с именем «Петра». Миенские дети боярские Сухотины в челобитной царю писали, что «воры» убили их отца и распорядились его поместьем: «А поместейцо, твое царское жалованье, у вора у Петрушки было в раздачи...»

Сохранив ядро своей армии, Болотников продолжил войну с царем Василием. Он укрепил обветшавшие укрепления Калуги и приготовился отразить натиск царских ратей. Вскоре к стенам крепости подступил боярин Иван Шуйский, а затем Федор Мстиславский и Михаил Скопин-Шуйский. Воеводы решили сжечь Калугу. К деревянным стенам города свезли гору дров, заготовленных в окрестных лесах. Однако мятежники сделали подкоп и взорвали «намет», после чего произвели успешную вылазку.

«Царевич Петр» покинул Путивль и двинулся с войском в Тулу, чтобы вместе с Болотниковым предпринять новое наступление на Москву. В феврале 1607 г. он послал князя Василия Мосальского на вырубку гарнизону Калуги. Но «воры» были наголову разгромлены.

В мае на помощь Болотникову выступил князь Андрей Телятевский. Он нанес поражение отряду Бориса Татеева, пытавшемуся задержать его продвижение.

В одном лагере под Калугой вспыхнула паника. Болотников довершил дело, предприняв вылазку из крепости. Армия Шуйского бежала из-под Калуги, бросив почти всю артиллерию.

В Москве вновь появились лазутчики с «прекрасными» письмами от имени «Дмитрия». В январе 1607 г. последовала публичная казнь священника, схваченного с подметными грамотами. У дворян-перебежчиков власти отписывали земли.

Суровые меры применялись в отношении негчиков, уклонявшихся от царской службы. Местные власти получили распоряжение отправлять в тюрьму их холопов и крестьян.

Отбив нападение главных сил русской армии, Болотников перешел в Тулу на соединение с «Петром». Он оставил в Калуге сильный отряд, который должен был поддержать наступление на столицу с калужского направления.

Царь Василий пытался упредить мятежников и не допустить «воров» к стенам столицы. Сбор дворянского ополчения и прочих ратных людей был проведен по всему государству. Царская рать включала большой полк воеводы Михаила Скопина, передовой полк князя Ивана Голицына и сторожевой полк боярина Василия Морозова.

По настоянию Боярской думы царь Василий сам возглавил поход против мятежников. Его сопровождал государев полк, составленный из отборных частей. Командовали полком «дворовые воеводы» князь Иван Шуйский и Иван Крюк Колычев.

21 мая 1607 г. Василий Шуйский выступил из Москвы на Оку, где задержался на две недели. Воспользовавшись этим, повстанцы атаковали отряд Андрея Голицына. Сражение произошло на реке Восме неподалеку от Каширы 5 июня 1607 г. На рассвете казаки переправились через реку и засели в глубоком овраге. Рязанские дворяне попытались выбить их оттуда, но отступили под градом пуль.

Наступление казаков едва не решило исход дела. В битве «начаша вору московских людей осиливати». В решающий мо-

мент Прокофий Ляпунов снялся с позиций и, оставив казаков в тылу, ринулся на помощь дворянским сотням, бившимся на другом берегу речки. Мятежники не выдержали обрушившегося на них удара тяжело вооруженной конницы и обратились в бегство. Тогда царские полки перешли реку повсеместно и начали преследовать неприятеля.

В битве на Восме погиб цвет повстанческой армии — отряды донских, волжских и терских казаков, казачьи сотни из Путивля и Рыльска.

12 июня 1607 г. Скопин подступил к Туле. Сдавних пор Тула была ключевым пунктом обороны южных границ России от кочевников. Помимо мощного каменного кремля, город имел внешний пояс укреплений в виде дубового острога, стены которого упирались в реку Упу. Как крепость Тула имела много преимуществ по сравнению с Калугой, но в одном отношении ее положение было уязвимым. Город располагался в низменности и при определенных условиях мог быть затоплен. Царские воеводы решили использовать это обстоятельство, чтобы уберечь полки от больших потерь, неизбежных при штурме.

Мысль о затоплении Тулы царю Василию подсказал муромский помещик Иван Кривков. Работами по сооружению плотины руководили дьяки Разрядного приказа.

Работы велись одновременно на обоих берегах Упы. На правом, болотистом, пологом, берегу реки надо было соорудить дамбу («заплот») длиной в полверсты, чтобы вода не ушла мимо города по заболоченной стороне. Лишь после строительства дамбы Разрядный приказ распорядился перекрыть реку и ждать осеннего паводка.

В лагере под Тулой было собрано огромное количество работников, главным образом крестьян, которых называли «посошные люди». Это обстоятельство и явилось причиной того, что современники имели невероятно преувеличенные представления о численности рати Василия Шуйского. Мятежники обороняли город с редкой энергией и решительностью: «С Тулы вылазки были на все стороны на всякой день по трижды и по четырежды, а все выходили пешие люди с вогненным боем и многих московских людей ранили и побивали».

Сначала Путивль, а затем Тула стала главным очагом повстанческого движения в стране. Характерной чертой нового периода Смуты был взрыв насилия, превосходивший все, что происходило ранее. После появления в Путивле «царевича Петрушки» этот город стал для дворян подлинной Голгофой. Кровавые казни на путивльских площадях зловеще напомнили современникам об опричных казнях на Погоной Луже в Москве при Грозном. Тогда опричники резали дворян и приказных людей по суставам, обливали кипятком (варом), рубили головы, сажали на кол. Совершенно так же казнил бояр и дворян в Путивле мнимый внук царя Ивана.

Князей и дворян, повествует летописец, «Петрушка» повеле посекати, по суставам резати, а иным руки и ноги нахрестсець, а иных варом обливати и з города метати». Сходным образом описаны расправы казаков в Разрядных книгах. «В Путивль, — значится в Разрядах, — привели казаки инова вора Петрушку.. и тот вор Петрушка боярина князь Василья Кардануковича, и воевод, и дворян, и воевод, которых приводили (из городов. — Р.С.).. всех побили до смерти разными казнями, иных метали з башен, и сажал по колю и по суставам резал». Современники утверждали, будто «Петрушка» велел избивать «пред собой на подромех» бояр и воевод «числом на день по семидесять человек». Приведенная цифра недостоверна. Судя по именам, упомянутым в источниках, в Путивле погибло несколько десятков знатных дворян. В числе их были: боярин князь Василий Черкасский, царский посланник ясельничий Андрей Воейков, знатные воеводы князя Андрей Росговский и Юрий Приемков-Росговский, Гаврила Коркодинов, двое Бутурлиных, Никита Измаилов, Алексей Плешеев, Михаил Пушкин, Иван Ловчиков, Петр Юшков, Федор Бартенев, Языков и другие.

Из Путивля «Петрушка» перешел в Тулу, где соединился с войском Болотникова. Реальная власть в гарнизоне принадлежала казакам и их предводителям. По этой причине в Туле меры против знати и дворян проводились с такой же решительностью и беспощадностью, как в Путивле.

Князь Мещерский писал в своей грамоте на имя царя, что отца его князя Федора «убил на Туле вор Петрушка за православ-

ную веру». Богдан Милославский утверждал, что отца его «убил вор Петрушка на Туле». Видный тульский помещик Ермолай Истома Михнев сразу после переворота 17 мая 1606 г. «послан был с Москвы на Волгу уличать вора Петрушку». Прошло более года, и казацкий «царевич» столкнулся со своим обличителем в Туле. Встреча имела трагический для дворянина исход. «Как пришел он, вор Петрушка, на Тулу и его, Ермолая (Михнева. — *Р.С.*) за тое уличенье по его (самозванца. — *Р.С.*) веленю воровские казаки замучили до смерти и тело его сожгли». Поместье Михнева, находившееся в пяти верстах от Тулы, было разграблено, жалованные грамоты и прочие документы дворянского рода Михневых уничтожены.

Гражданская война вновь приобретала широкий размах. Со всех сторон в Тулу присылали на суд и расправу дворян, плененных в городах и на поле боя. В Туле повторилось то, что произошло в Путивле. После одного удачного для повстанцев боя «царевич Петр» велел казнить пленных ратников «на всяк день числом человек по десяти и больши... и иных повеле зверем живых наснедение давати».

Некогда Иван Грозный тешился тем, что травил опальных монахов медведями. «Царевич Петр» подражал мнимому деду, развлекаясь медвежьей потехой. Пленных дворян сажали в загородку, куда пускали медведя. Несчастные отбивались от зверя как могли. Сын боярский Кошкин красочно описал в челобитной грамоте царю, как его «вор Петрушка мучил розными муками на Туле и медведьми травил». Темниковский мурза Барашев также побывал в тульской тюрьме в дни осады города, но ему удалось бежать. По словам мурзы, его на Туле «били кнутом, и медведем травили, и на башню взводили, и в тюрьму сажали, и голод и нужду терпел...».

Даже после поражения и сдачи Тулы Болотников не расстался с надеждой, что ему еще удастся довести до конца войну с изменниками-дворянами и «лихими» боярами, и тогда он потешит мир их муками. По пути к месту ссылки Болотников останавливался в Ярославле. Тамошние дети боярские были поражены тем, что главного «воровского» воеводу везли несвязанным и без оков. Они стали допытываться у приставов, почему

мятежник содержится так свободно, почему не закован в колодки. Отвечая им, Болотников разразился угрозами: «Я скоро вас самих буду ковать (в кандалы. — *Р.С.*) и в медвежьи шкуры зашивать».

В конечном итоге число жертв гражданской войны в десятки и сотни раз превысило число жертв опричнины. Но в 1607 г. никто не мог предсказать масштабов катастрофы, почву для которой подготовили мятеж Болотникова и вторичное восшествие «царя Дмитрия».

Дмитрий II

Потерпев поражение под Москвой, вожди мятежа все настойчивее искали помощи в пределах Речи Посполитой. Некогда Отрепьев в критический для него момент решил передать Путивль под власть короля, чтобы стать под защиту его армии. Подобные проекты возникли у повстанцев в 1607 г.

Болотников писал письма в Самбор, предупреждая своих покровителей, что он находится в крайне бедственном положении и вынужден будет передать польскому королю все отвоеванные именем Дмитрия города, «с тем чтобы их величество вызволил их». Предводители мятежа уповали на иностранную помощь, не имея понятия о положении в Польше.

В Польше оставалось немало сторонников Отрепьева. Но владелица Самбора умерла, так и не собрав для самозванца армию. Московские власти нашли средства, чтобы оказать давление на Самбор и добиться прекращения интриги. Король желал мира с Россией.

Нездолго до водворения в Москве Отрепьев получил подкрепления из Белоруссии. Ротмистр Ратомский привел к нему 500 белорусских шляхтичей на конях. Их поход на Москву превратился в прогулку. В Москве православные шляхтичи получили щедрое вознаграждение и были отпущены домой.

Известие о гибели «Дмитрия» в Москве и мятеже Болотникова не оставило ветеранов равнодушными. Они готовы были ввязаться в новую авантюру.

Будучи в лагере Болотникова, Конрад Буссов узнал, что Болотников многократно пытался вызвать «государя» из-за рубежа, но затем убедился в бесполезности этих попыток и предложил сторонникам «Дмитрия» в Польше подготовить нового самозванца. Его обращение не было услышано в Самборе. Но белорусские ветераны готовы были откликнуться на призыв.

Для Шаховского и его сообщников не было тайной, что самборский «царь Дмитрий» нашел прибежище у Мнишек. Но после пленения Мнишек в Москве продолжать интригу было рискованно.

В конце 1606 г. «царевич Петр» взялся разыскать «дядю Дмитрия», а заодно набрать войско для Болотникова. Примечательно, что он отправился не на Украину во владения Мнишек, а в Белоруссию.

Визит «царственной особы» не мог быть осуществлен без ведома местных литовских властей, разрешивших ему свободно передвигаться по территории Речи Посполитой и вести переговоры с подданными короля.

В литовских документах начала 1607 г. можно обнаружить самый ранний след затевавшегося заговора. Оршанский староста Андрей Сапега, лицо официальное, сообщил королю, что он недавно беседовал с прибывшим из России «царевичем Петром», внуком Грозного. «Царевич» прибыл в Литву 6 декабря 1606 г. и прожил две недели, до 20 декабря, в Колыси, в Максимовичской волости, неподалеку от Витебска.

В Белоруссии происходили важные события. Там появился «царь Дмитрий». В начале 1607 г. в Кракове были получены из Витебска «Новины» с подробностями: «23 января 1607 г. (по старому стилю 13 января. — *Р.С.*) заслуживающие доверия нововести о Дмитрии, московском царе, посланные из Литвы. Ожил и восстал из мертвых Дмитрий Иванович, московский царь». По словам автора «Новин», «царь Дмитрий» «приехал в Витебск, откуда, открыто показав себя всем, написал письмо рыльским мешанам...».

Итак, новый самозванный «Дмитрий» был представлен населению Витебска и тут же написал грамоту в Рыльск.

«Новины» заключали в себе запись рассказа самозванца. «Царьку» надо было объяснить, откуда он взялся, и он сочинил историю о том, что бежал из Рыльского после того, как в этот город прибыли послы Василия Шуйского, обещавшие 20 000 тысяч рублей за его голову. Самозванец переделался в монашеское платье, сел в небольшую повозку и за ночь добрался до Витебска.

Автор документа дополнительно сообщил, что «пятого дня» — за пять дней до составления «Новин», иначе говоря 8 января 1607 года, «царь Дмитрий» послал своих людей в Рыльск с письмами к Василию Шуйскому. Фактически это был первый манифест Лжедмитрия II. Итак, «вор» объявил свое царское имя в Витебске не позднее начала января 1607 г.

Сопоставим даты и обстоятельства дела. 6 декабря 1606 г. «царевич Петр» прибыл в окрестности Витебска. Если бы самозванец объявился в этом городе ранее 20 декабря 1606 г. — времени отъезда Петра. — ничто не мешало «царевичу» увести его с собой в Россию. Именно таким, видимо, и был сценарий, разработанный заговорщиками. Но что-то помешало им осуществить свои планы.

Две недели, до 20 декабря, «Петр» ждал появления «царя Дмитрия» в Витебске, но дождался «дядю» и уехал в Россию.

Можно указать на следующее важное совпадение. В Копыси под Витебском «Петр» имел дело с шляхтичами Зеновичем и Сенкевичем. Они сопровождали «царевича» в поездке по Белоруссии, целью которой были розыски «царя Дмитрия».

Прошло несколько месяцев, и тот же самый пан Зенович проводил Лжедмитрия II за московский рубеж.

Первоначально покровители витебского «вора» предполагали, что передадут его с рук на руки «царевичу Петру», который доставит его в Россию, предположительно в Рыльск, и представит народу как своего дядю «царя Дмитрия». При таких обстоятельствах церемония воцарения свелась бы к передаче власти от «царевича» законному «царю». Что помешало заговорщикам?

Во второй половине декабря 1606 г. в Литве узнали о сокрушительном поражении армии Болотникова под Москвой. «Царевич Петр» не мог более задерживаться в Литве ни на один день. Ему надо было спешно возвращаться в Путивль.

Что касается витебского «вора», он был представлен жителям Витебска немного позже, после чего исчез. С некоторой наивностью белорусский летописец записал, что когда «были почали познавати онаго Дмитра», тот сбежал, «аж до Пропойска увышол». Самозванец вовсе не желал разделить судьбу убитого Расстриги. Узнав о катастрофе под Москвой, он постарался скрыться от своих литовских покровителей.

Ждали, что после разгрома Болотникова мятеж будет подавлен окончательно. Литовские власти, участвовавшие в заговоре, должны были взглянуть на интригу трезвыми глазами. У них не было оснований продолжать хлопоты и тратить деньги на безнадежное дело.

Прошло несколько месяцев, прежде чем литовские власти вспомнили о самозванце и вновь взялись за осуществление плана возведения его на московский трон.

Возобновление интриги было очевидным образом связано с событиями в России. К весне 1607 г. повстанцам удалось удержать в своих руках, помимо Калуги, также Тулу, главную крепость на ближних подступах к Москве. Мятежники вновь подняли голову.

Литовские власти взялись всерьез за поиски беглого самозванца. Его обнаружили в окрестностях Пропойска. Опасаясь повторного побега «вора», староста Чечерский пан Зенович и урядник Чечерский Рагоза — официальные лица из местной литовской администрации — бросили «прегендента» в тюрьму. Там ему предложили поразмыслить на досуге, желает ли он сгнить в литовской тюрьме или взойти на московский престол. Самозванец предпочел царствовать. Тем не менее его продержали под арестом неделю.

В России дела шли своим чередом. «Петрушка» с казаками и «воровскими» боярами спешно ушел в Тулу. В Путивле не осталось никого из вожаков восставших, посвященных в планы заговора и обладавших достаточной властью, чтобы передать царство Лжедмитрию II. В таких условиях литовским заговорщикам пришлось прибегнуть к новым ухищрениям.

Решено было переправить самозванца в Россию не под именем царя, а под именем Андрея Андреевича Нагова, родственника царевича Дмитрия Угличского.

«Вор» перешел русскую границу 23 мая. Если он смог объявить свое царское имя только спустя шесть недель, а до того блуждал по Северной Украине, то это значит, что литовские власти на какое-то время утратили контакт с инициаторами интриги в России, что едва не поубило дела.

Происки литовских должностных лиц вызвали недовольство в Кракове. Мятеж в Польше поставил короля в трудное положение, и он не желал осложнений на восточной границе. 8 (18) июня 1607 г. Сигизмунд III направил властям Витебска предписание решительно пресекать действия населения — «обывателей», которые без разрешения короля «смеют и важатся громады немалые людей своевольных збираючи, за границу до земли Московской вторгиваться».

Сопоставим дату универсала с датой пересечения границы Лжедмитрием II. Пока донесения королевских агентов были доставлены в Краков, пока они были доложены королю и королевская канцелярия составила универсал, прошло никак не менее недели, а это значит, что военные пригрозив «обывателей» в Витебске по времени совпали с отправкой в Россию самозванца.

Литовские должностные лица рассчитывали на то, что болотниковцы провозгласят самозванца своим царем, едва он перейдет границу. После этого «царь» должен был немедленно вызвать на помощь литовские войска, набранные в Витебске и других пограничных литовских крепостях.

Болотников и его окружение были поглощены войной, все более неудачной для них. О самозванце они вспомнили лишь после 30 июня, будучи осаждены в Туле. Из этого города, повествует Буссов, Болотников послал в Польшу атамана Ивана Заруцкого, который нашел Лжедмитрия II в Стародубе. Атаман не мог добраться до Стародуба ранее 9—10 июля. Отсюда следует, что он принял участие в интриге лишь в самые последние дни перед воцарением «вора» и в предыдущей подготовке его не участвовал.

Такова история появления Лжедмитрия II, составленная на основании самых ранних и достоверных документов.

Спустя годы за составление биографии стародубского «вора» взялись иностранные мемуаристы и белорусские летописцы. Наибольшую осведомленность проявили современники, наблюдавшие за первыми шагами самозванца в Белоруссии либо служившие при нем в Тушине. Конрад Буссов лично знал Лжедмитрия II, и ему удалось точно установить некоторые факты из его ранней биографии. Самозванец, по словам Буссова, был «службой попа» и школьным учителем в Шклове, в Белоруссии. Из Шклова учитель перебрался в Могилев.

Удачное расследование о самозванце провел священник из села Баркулабова под Могилевом, составитель подробной летописи. Белорусский летописец хорошо знал среду, из которой вышел «вор», и его рассказ согласуется с версией Буссова в двух основных пунктах: самозванец был учителем из Шклова, а после переезда в Могилев он прислуживал местному священнику.

Совпадение двух источников различного происхождения очень важно само по себе. Буссов имел возможность беседовать с белорусскими шляхтичами, сопровождавшими Лжедмитрия II с первых дней. Белорусский летописец либо сам наблюдал жизнь «вора» в Могилеве, либо описал его историю со слов очевидца. Он уточнил места, где учительствовал будущий «Дмитрий», назвал по имени священника, которому тот прислуживал, описал его внешний вид. «Бо тот Дмитр Нагий, — записал он, — напервей у попа шкловского именем, дети грамоте учил, школу держал; а потом до Могилева пришел, также у священника Федора Сасиновича Николского у селе дети учил».

Учительский труд плохо кормил, и бродячий учитель нашел дополнительный заработок в доме у попа Терешка, «который проскуры заведат при Церкви святого Николы» в Могилеве. Учитель «прихожувал до того Терешка час немалый, каждому забегаячи, послууючи; а (и)мел на себе оденье плохое, кожух плохий, шлык баряный, в лете в том ходил». Как видно, новый самозванец был в полном смысле слова выходцем из народа. Потертый кожух и баранья шапка, которые он носил и зимой и летом, указывали на его принадлежность к неимущим низам.

По словам польских иезуитов, бродячий учитель, прислуживавший в доме священника в Могилеве, дошел до крайней нужды. За неблагонравное поведение священник высек его и выгнал из дома. Бродяга оказался на улице без куска хлеба. В этот момент его и заприметили ветераны московского похода Лжедмитрия I. Один из них, пан Меховецкий, обратил внимание на то, что голодранец «телосложением похож на покойного царя». Угодливость и трусость боролись в душе учителя. Невзирая на нужду, он не сразу поддался на уговоры Меховецкого и его друзей.

После поражения Болотникова под Москвой 2 декабря 1606 г. учитель бежал, но был обнаружен и арестован. Затем, повествует белорусский летописец, «пан Рогоза, врядник Чечерский, за ведомостью пана своего его милости Зеновича, старосту чечерского, оного Дмитра Нагого на Попову гору, то есть за границу московскую пустил, со слугами своими его пропроводил».

Итак, в декабре 1606 г. пан Зенович после переговоров отпустил на русскую границу «царевича Петра», искавшего «Дмитрия», а в мае 1607 г. он же переправил через русскую границу Лжедмитрия II. При самозванце не было ни иноземных советников, ни иноземного наемного войска.

Хотя учитель был объявлен царем в Витебске, на Русь он явился под именем Андрея Нагова, сына боярина. По этой причине белорусский летописец называл самозванца то Дмитрием Ивановичем, то Дмитрием Нагим.

Беглых русских дворян в Речи Посполитой было достаточно. Но новый «вор» был подобран на улице. Дворянам он не внушал доверия.

Русские люди, визнавшие «царя», стояли на социальной лестнице столь же невысоко, как и «вор». Самым заметным из «свидетелей» был некий Олешка, сомнительная личность: «сказался московской подьячей Олешка Рукин, а иные сказывают детина». Рукин выдавал себя за подьячего, но современники подозревали, что он был детиной, то есть слугой.

Эмиссаром «литвы» при особе Лжедмитрия II был торговый человек Гришко, которого называли также Григорием Кашинцем. Литовские власти снабдили его некоторой суммой де-

нег, без которых дело было обречено на полный провал. Грицко справился со своей задачей, за что позже получил от «вора» думный чин казначея.

При таких помощниках, без дворян и думы, без царской печати, а главное, без армии самозванец имел очень мало шансов на признание в России.

Перейдя границу, шкловский учитель и его сотоварищи без особой пользы скитались по городам, занятым мятежниками, сея молву о сьюме пришествии «Царя Дмитрия». В день святого Якова его видели на дороге между Путнвлем и Новгородом-Северским.

12 июня самозванец водворился в Стародубе на Брянщине. В отличие от северских городов Стародуб был населен русскими, и Лжедмитрий II в нем не бывал. Стародубцам «вор» представился как дворянин Андрей Андреев Нагой, и при этом объявил, что «царь Дмитрий» прислал их (с подьячим Рукиным) «наперед себя для того, так ли ему все ради; а он (царь. — Р.С.) жив, в скрыте от изменников».

Стародуб был небольшой крепостью, но город находился на кратчайшем расстоянии от Чечерска, откуда можно было ждать польской подмоги.

Что сделать дальше, Лжедмитрий II не знал. Учитель из Могилева был на своем месте в церковной школе. Он умел делать всякого рода черную работу по дому, терпеливо сносил побои и розги. Приниженному и бедному человеку предстояло сыграть роль великого государя и вождя восстания, что требовало подготовки.

Шкловский бродяга не обладал ни мужеством, ни волей, ни практическим опытом и не мог самостоятельно довести дело до успешного конца. Рукин и другие его помощники также были людьми малоавторитетными и незначительными.

Учитель провел в Стародубе месяц, пока в первой декаде июля в город не прибыл посланец Болотникова атаман Заруцкий.

Сын тернопольского мещанина Иван Заруцкий был польским подданным. В его судьбе было нечто общее с судьбой Болотникова. В юности он попал в плен к крымским татарам, бежал из неволи и стал казачьим атаманом. Отличаясь решитель-

ностью, атаман в считанные дни подготовил церемонию представления Лжедмитрия II народу.

Помимо Заруцкого, большую помощь самозванцу оказал предводитель местных повстанцев, стародубский сын боярский Гаврила Веревкин. Некоторые из современников указывали на Веревкина как главного помощника Лжедмитрия II. Описав смуту, происшедшую в Стародубе, летописец заметил: «Начальному (начальник. — Р.С.) же воровству стародубец Гаврила Веревкин».

Роль Веревкина в интриге была столь велика, что немедленно появилось подозрение, что новый самозванец доводится ему прямым родственником: «назвался иной вор царевичем Дмитрием, а сказывают сынчишко боярской Веревкиных из Северы». Мнение о том, что Лжедмитрий II происходил из северских детей боярских, разделяли даже некоторые лица из его польского окружения. В России версия о стародубском происхождении нового «вора» попала на страницы сказания Авраамия Палицына. Мятежники, писал Палицын, «прежним обычаем нарекли ложного царя Дмитрия, от северских градов попова сына Матюшку Веревкина».

Ближайшие сподвижники Лжедмитрия II имели весьма приблизительное представление о царском обиходе и дворцовых порядках. Неудивительно, что попытки подготовить бродягу к новой для него роли не дали больших результатов. «Вор» до конца жизни сохранял манеры попovichа, что давало почву для неблагоприятных толков. Один из его сторонников, князь Дмитрий Мосальский, попав в плен к Шуйскому, под пыткой показал: «Который, де, вор называется царем Дмитрием и тот, де, вор с Москвы, с Арбату от Знаменья Пречистыя из-за конюшен попов сын Митка». Одни называли стародубского «вора» поповым сыном Матюшкой, другие — поповым сыном Митькой. Как учитель церковной школы Лжедмитрий II действительно принадлежал к духовному сословию, но чьим он был сыном, никто не знал.

На стародубском «воре» лежало клеймо. Он был выходцем из низших сословий. Другое затруднение заключалось в том, что он несколько не походил на Отрепьева. Шкловский бродяга был

таким же низкорослым, как убитый самозванец. Но этим и исчерпывалось все сходство. У самборского «вора» на лице росли бородавки, у могилевского не былодаже этой приметы.

О воцарении Лжедмитрия II ходило много легенд. «Претендент» разослал в украинские города своих эмиссаров с благой вестью о появлении «царя Дмитрия». Когда один из них явился в Путивль, его арестовали и пригрозили казнью, если он не скажет, где именно находится «государь». Подьячий объяснил, что «царь» в Стародубе, и тогда власти Путивля решили направить туда нескольких дворян и детей боярских.

В Стародубе выяснилось, что народ в глаза не видел «царя Дмитрия». Тогда решено было допросить провозвестников «царя» с пристрастием.

В страхе за свою жизнь или же в соответствии с уговором Алешка Рукин, когда его поволокли на пытку, указал на Лже-нагова и завопил, что это и есть «государь». Толковали, будто Рукин отведал кнута, прежде чем заговорил. По другой версии, палач приготовился поднять на дыбу самого «Нагова», но тот схватился за палку и обрушился на стародубцев с бранью, которая убедила присутствующих, что перед ними «истинный царь». Народ повалился в ноги «государю», по всему городу ударили в колокола.

Представление ослучайном стечении обстоятельств, конечно, не соответствует истине. Все было грубо подстроено от начала и до конца. Единственный достоверный момент в истории самозванца — площадная брань по адресу стародубцев. Лжедмитрий II осыпал самой грязной бранью «подданных» всякий раз, когда попадал в трудное положение. Этот факт засвидетельствован многими очевидцами.

Главным лицом инсценировки был, конечно же, атаман Иван Заруцкий. Он первым заявил о признании «Дмитрия» царем, «воздал ему царские почести» и передал письма от руководителей мятежа.

Украинский атаман Заруцкий хорошо знал шляхтича Меховецкого по службе в армии Лжедмитрия I. Доказательством их сговора служит то, что пан Меховецкий с отрядом солдат прибыл в Стародуб в самый день «воцарения» Лжедмитрия II. По-

явление внушительной военной силы заставило замолчать всех сомневавшихся.

● Один из вождей наемного войска утверждал в частном письме, что Меховецкий «вступил в Стародуб якобы с 5000 поляков, из коих немногие были поряточно вооружены». Ближе к истине белорусский летописец, удостоверивший, что в Стародуб к «Дмитрию» прибыло «конного люду семьсот». Во главе всей «воровской» рати встал пан Меховецкий.

«Придворные» старались привить «царю» манеры, приличные августейшей особе. Кто-то подал учителю мысль устроить рыцарский турнир, чтобы продемонстрировать свою воинскую доблесть, которой так юрдился Лжедмитрий I. Честь сразиться с «Дмитрием» выпала на долю Заруцкого. Все ждали, что атаман для виду скрестит оружие с «государем», а затем признает свое поражение, к общему удовольствию. Но казак нарушил этикет. Толи ему не понравилась внешность учителя, толи опытный боец не соразмерил силу удара, но самозванец, никогда не державший в руках оружия, был мгновенно выбит из седла. Оправдываясь, бродяга заявил, что испытывал верность своих людей.

После «восшествия на трон» шкловский учитель старался как можно реже появляться на людах и общался с «подданными» посредством писем, которые составляли для него помощники. В страхе за свою жизнь, Лжедмитрий II ночевал или у Меховецкого, или у другого поляка, тогда как на постели во «дворце» спал слуга.

Большинство современников считали Лжедмитрия II москалем либо выходцем из предслов Московии. Невзирая на все старания, шкловскому учителю так и не удалось избавиться от своего подлинного имени Богдан. Ходили упорные слухи о том, что самозванец Богдашка и дьяк Богдан Суцупов — одно лицо. Источником ошибки было совпадение имен.

Конрад Буссов писал, что «царек» был по рождению москвит, но давно жил в Белоруссии и потому умел чисто говорить, читать и писать по-русски и по-польски. Иезуиты произвели собственное дознание о происхождении самозванца и пришли к неожиданному выводу. Они утверждали, что имя сына Грозного принял некто Богданка, крещеный еврей, служивший писцом

при Лжедмитрии I. Иезуиты весьма точно описали жизнь самозванца в Могилеве и его заключение в тюрьму.

В июле 1612 г. новгородский митрополит Исидор заявил, что Лжедмитрий II был евреем. Вскоре версию о еврейском происхождении «тушинского вора» подтвердил Михаил Романов. Отец Михаила Филарет долгое время служил самозванцу в Тушинском лагере и очень хорошо его знал, так что Романовы говорили не с чужого голоса. В наказах Посольского приказа можно найти сведения о том, что «вор» был «жидовином».

Полагают, что шкловского бродягу называли евреем, чтобы скомпрометировать его. Но к 1612—1613 гг. Лжедмитрий II давно был мертв, и особой надобности в его дискредитации не было.

Широко известен портрет Лжедмитрия II, на котором «царск» изображен в восточной чалме. Этот портрет можно встретить в любом учебнике. Может ли гравюра помочь решению вопроса о происхождении самозванца? Вряд ли. Портрет XVII в. изображает восточного владетельного князя, никакого отношения к русской истории не имеющего.

По данным русских и польских источников, после бегства Лжедмитрия II из Тушина и после его гибели в Калуге при досмотре имущества «царька» в его вещах якобы находили Талмуд и еврейские письма. Скорее всего Богдан был выкрестом, так как иначе он не мог бы учить детей в домах у православных священников.

Царя в России называли светочем православия. Смута все перевернула вверх дном. Лжедмитрий I оказался тайным католиком, «тушинского вора» называли тайным иудеем. Полагают, что Лжедмитрий II принадлежал к секте жидовствующих. Но это не более чем предположение.

Литовские власти предприняли собственное дознание о том, кто скрывается под именем вновь воскресшего Дмитрия. По приказу короля канцлер Лев Сапега отправил в Стародуб еврея Якуба. Участник московского похода Лжедмитрия I, Якуб должен был удостовериться в самозванстве нового «царя» и обличить его. Но он не выполнил полученных инструкций. Увидевшись со шкловским учителем, посланец признал его истинным

Дмитрием и доставил в Польшу «царское письмо» к Сигизмунду III.

Огретьев происходил из детей боярских, и его политика носила четко выраженный продворянский характер, что сказывалось прямо или косвенно на оценке писателей Смутного времени. Лжедмитрий II происходил из низов, и поэтому его посягательства на власть вызвали крайнее негодование дворянских писателей. Оценка современников оказала определенное влияние на историографическую традицию. Лжедмитрий I, писал С.Ф. Платонов, «имел вид серьезного и искреннего претендента на престол. Он умел воодушевить своим делом воинские массы, умел подчинить их своим воинским приказаниям и обуздать дисциплиной», «он был действительным руководителем поднятого им движения». Совсем иным был Лжедмитрий II, которому «присвоили меткое прозвище Вора»: он «вышел на свое дело из пропойской тюрьмы и объявил себя царем на стародубской площади под страхом побоев и пытки»; «не он руководил толпами своих сторонников и подданных, а, напротив, они его влекли за собой в своем стихийном брожении, мотивом которого был не интерес претендента, а собственные интересы его отрядов»; «свое название Вора он и снискал именно потому, что все части его войска одинаково отличались, по московской оценке, “воровскими свойствами”».

Лжедмитрий II едва ли имел какие бы то ни было политические взгляды или политическую программу. Но он стал знаменем повстанческого движения.

Самозванец оставался в Стародубе три месяца, не имея возможности набрать войско из местных детей боярских. Характеризуя военные действия в Северной Украине, летописи отметили: «Воины же благороднии от тех стран и градов (северских. — Р.С.) мало больши тысячи, но не согласяшеса, един по единому, соблюдошася от смерти, прибегнуши к Москве, токмотелеса и души свои принесоша, оскорбляющеся голодом и наготою, оставиша матери своей и жены в домах и в селех своих. Раби же им... озлонравишася зверообразием, насилующе, господеи своих побываша и пояша в жены, себе господей своих — жены и тщери».

Перелом в настроениях северского дворянства был связан с общей усталостью, тяготами бесконечной войны и в особенности чудовищными избиениями дворян казаками. Дворяне в страхе покидали свои владения на Северщине и поодиночке, тайно пробирались к царю Василию в Москву.

Болотниковцы из окружения стародубского «вора» принуждены были прибегнуть к чрезвычайным мерам, чтобы сломить сопротивление северских дворян и принудить их к службе в армии Лжедмитрия II.

Конрад Буссов описал эти меры весьма точно: «Дмитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы перешли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и ктому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать». По существу, прокламации Лжедмитрия II напоминали как две капли воды «прелестные» листы Болотникова, писанные в осадном лагере под Москвой. Но были и некоторые существенные различия.

«Царек» отнюдь не призывал к истребительной войне против изменников-дворян, к убийству купцов и грабежу их богатств. Он не желал посягать на церковные законы о браке, а потому обещал в награду верным слугам не жен, а дочерей «изменников».

Прокламации «стародубского вора» были адресованы в первую очередь бывшим холопам, владевшим оружием и имевшим опыт воинской службы. Самозванец хотел припутнуть помещиков и одновременно привлечь в повстанческую армию их людей. Руководители мятежа, таким образом, пытались противопоставить дворянам их вооруженную свиту и тем самым усугубить развал поместного ополчения.

Полагают, что Болотников поднял знамя кровавого переворота, что он возглавил Крестьянскую войну, грозившую ниспровергнуть весь «феодальный» строй. Анализ «прелестных» писем Болотникова и Лжедмитрия II опровергает такие представления. Самозванцы и их сторонники, не сумев привлечь на свою сторо-

ну дворянство, были поставлены перед необходимостью заменить дворян-«изменников» выходцами из низов — новым дворянством, всецело обязанным своими успехами «Дмитрию». Из рук «вора» они должны были получить поместья и дворянских невест в жены. Но планы подобного рода просуществовали недолго. Лжедмитрий II очень скоро должен был понять, что без поддержки дворян взойти на трон невозможно.

Гражданская война обострила социальные противоречия. Выходец из низов, Лжедмитрий II оказался весьма типичной для своего времени фигурой.

В течение года-двух в разных концах страны появился десяток самозванцев. В Астраханском крае продолжали действовать «царевичи» Иван Август и Лавер (Лаврентий), на казачьих окраинах и в степных уездах объявились «царевичи» Осиновик, Петр, Федор, Клементий, Савелий, Симеон, Ерошка, Гаврилка, Мартинка. Уничжительные имена (Ерошка, Гаврилка и др.) указывали на то, что казацкие предводители, действовавшие на юге, не могли и не думали скрывать своего холопского и мужицкого происхождения.

Социальный облик многочисленных «детей» и «внуков» царя Ивана IV, появившихся на южных окраинах, всего точнее охарактеризовал автор «Нового летописца». Придворный летописец первых Романовых в сердцах писал: «Како же у тех окаяных злодеев уста отвершашеся и язык проглагола: неведомо откуда взявся, а называхуся таким праведным коренем (царским родом. — *Р.С.*) — иной боярской человек, а иной — мужик пашенной».

Весть об исходе из-за рубежа «Дмитрия» произвела на народ сильное впечатление. Но чуда не произошло. «Царьку», а вернее, Заруцкому и Меховецкому поладилось не менее двух-трех месяцев, чтобы сформировать новую повстанческую армию.

Натакляваясь на трудности с набором войск внутри страны, повстанцы продолжали хлопотать о найме солдат за рубежом. Приглашая наемных солдат из Речи Посполитой, Лжедмитрий II обещал платить им вдвое и втрое больше, чем они получали на родине. Рассылкой грамот ведал пан Меховецкий.

На первых порах призывы Лжедмитрия II находили наибольший отклик среди низов. Под знаменами «Дмитрия» собрался «люди гулящий, люди своевольный... то и молодцы: якийсь наймит з Мстиславля до него пришел».

Самозванцу удалось завербовать в свое войско не более тысячи наемных солдат. Осада Тулы привела к тому, что повстанческое движение лишилось руководящего центра. В то же время город сковал основные силы армии Шуйского. Это позволило Лжедмитрию II начать поход на Тулу, на выручку Болотникову и «Петру».

10 сентября 1607 г. «вор» покинул Стародуб и через пять дней прибыл в Почеп. Местное население приняло «царя» с радостью. 20 сентября войско выступило к Брянску, но на первом же привале в лагерь Лжедмитрия II явился из Брянска гонец, сообщивший, что царский воевода Михаил Кашин напал неожиданно на брянскую крепость, сжег ее и ушел прочь.

При стародубском «воре», видимо, не было никого из знатных дворян. Во всяком случае, в дни похода под Брянск «вор» послал в погоню за Кашиным «с московским людом боярина своего Хрындына». «Боярин» Другой Тимофеевич Рындин был дьяком Лжедмитрия I.

Кроме Рындына, в «думе» самозванца сидели украинский казак Иван Зарудский и сын боярский Гаврила Веревкин.

Поход Лжедмитрия II напомнил ветеранам об их наступлении на Москву под знаменами Огрепьева весной 1605 г. На всем пути население встречало «Дмитрия» с воодушевлением. «Из Брянска, — отметили современники, — все люди вышли вору навстречу», приветствуя его как истинного государя.

Лжедмитрий II столкнулся с затруднениями того же рода, что и Огрепьев в начале московского похода. У него не было денег в казне, чтобы расплатиться с наемниками. 26 сентября, записал в дневнике один из наемных командиров, «наше войско рассердилось на царя за одно слово, взбунтовалось и, забрав все вооружение, ушло прочь». Мятеж произошел, видимо, к ночи. Подугро Лжедмитрий II явился к войску, успевшему уйти на 3 мили от лагеря. После долгих уговоров ему удалось «умилостивить» наемников.

Падение Тулы

11 октября 1607 г. Лжедмитрий II торжественно вступил в Козельск, 16 октября прибыл в Белев, намереваясь пробиться к осажденной Туле.

Лагерь Шуйского напоминал пороховой погреб. Чем ближе подходил к Туле Лжедмитрий II, тем реальнее становилась угроза взрыва.

Повстанцы использовали все возможные средства, чтобы воздействовать на царское войско. Они отправили под Тулу не только лазутчиков, но и «прямых» посланцев. Один из них, некий стародубский помещик, лично вручил Шуйскому грамоту от восставших северских гороцов, за что был подвергнут пытке и заживо сожжен. На костре гонец кричал, что приспан «истинным государем».

Появление «Дмитрия» вновь грозило опрокинуть все расчеты власть имущих. В дворянской среде не прекращалось брожение. В разгар осады из царского лагеря бежал князь Пётр Урусов, женатый на вдове князя Андрея Шуйского. Его измена показала, что даже при московском дворе царил неуверенность.

Неудачная осада Тулы отняла веру в прочность династии. Когда защитники Тулы предложили Шуйскому начать переговоры о прекращении военных действий, он ухватился за эту возможность.

Год выдался урожайный, и осадный лагерь не испытывал затруднений с хлебом. Напротив, осажденные в Туле болотниковцы исчерпали припасы. Начался голод.

Наводнение сделало Тулу неприступной для штурма. Город оказался посреди обширного озера. В то же время затопление острога и города разобщило защитников крепости. Гарнизон развалился. Руководители обороны столкнулись с прямым неповиновением казаков и всех жителей Тулы. Доведенный до крайности, народ замыслил схватить Болотникова и Шаховского. Одни надеялись покрыть свою вину, выдав зачинщиков смуты царю, у других были иные цели.

Григорий Шаховской не мог оправдаться перед народом, ибо ему пришлось бы сознаться в грубом обмане. Зато Болотников

в критических обстоятельствах принужден был сказать правду. «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, — признался он, — позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он — Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был вместо него один немец, который надедел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал... Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

Даже самые стойкие приверженцы «Дмитрия» не могли скрыть своего разочарования. Ни вожди, ни народ никак не могли понять, почему «Дмитрий» не внял их призывам, когда осажденная Москва была готова открыть перед ними ворота. Повстанцы знали, что «Дмитрий» уже с июня находится в пределах России. Но он почему-то не спешил оказать помощь своему гибнущему войску в Туле.

Князь Григорий Шаховской был тем лицом, через которого повстанцы поддерживали сношения с мнимым Дмитрием с первых дней восстания. Поэтому недовольные потребовали его ареста, чтобы тем самым оказать давление на «Дмитрия». Шаховской попал в тульскую тюрьму, при этом было объявлено, что его не выпустят отсюда до тех пор, пока не придет «Дмитрий» и не вызовет их от осады.

Когда положение в Туле стало невыносимым, а защитники города едва держались на ногах, когда «наводнение и голод ужасающе усилились», «царевич Петр» и Болотников вступили в переговоры с Шуйским о сдаче крепости на условии сохранения мятежникам жизни, угрожая, что в противном случае осажденные будут драться, пока будет жив хоть один человек.

Царь Василий находился в затруднительном положении, и ему пришлось принять условия Болотникова. Самодержец поклялся на кресте, что будет соблюдать договор и помилует всех защитников Тулы.

За два-три дня до капитуляции тульские «осадные люди» прислали к царю послов «бити челом и вину свою приносить (признать. — Р.С.), чтоб их пожаловал, вину им отдал, и оне вора Пегрушку, Ивашка Болотникова и их воров изменников отдадут».

Разобщенный наводнением и доведенный до крайности гарнизон Тулы сложил оружие. Вступивший в крепость воевода Крюк Колычев не встретил сопротивления.

Шуйский сохранил жизнь всем сдавшимся повстанцам. Амнистия была продиктована трезвым политическим расчетом. Гражданская война вступила в решающую фазу, и царь старался перетянуть на свою сторону всех колеблющихся.

Известие о падении Тулы вызвало панику в войске Лжедмитрия II. Пробыв в Болхове в течение суток, самозванец 17 октября спешно отступил поближе к границе — в Карачев. Тут его покинуло запорожское войско. Вслед за тем взбунтовались наемные солдаты — «литовские люди», желавшие уйти из России с добычей.

Не имея возможности задержать наемное войско, самозванец тайно покинул лагерь с 30 верными людьми. В свите «вора» был только один поляк. Даже гетман Меховецкий не знал, куда исчез «царек».

Некоторое время самозванец скрывался в Комарицкой волости. Тут его застали паны Ружинский и Тышкевич с воинскими силами. В ноябре на помощь Лжедмитрию II явился мнимый брат «царевича Петра» «Федор Федорович». Он, по словам очевидца, пользовался у «царя» большим почетом по той причине, что с ним прибыл трехтысячный отряд казаков с Дона. В «воровской» лагерь прибыл также атаман Юрий Беззубцев с казаками, сдавшимися в плен при падении Тулы. Царь Василий привел атамана к присяге и поручил занять Калугу. Но казаки изменили ему.

Численность повстанческой армии увеличилась до 10 000 человек, и русские повстанцы вновь стали играть в нем значительную роль.

В январе 1608 г. Лжедмитрий II зимовал в Орле. Угроза Москве возросла, что немедленно сказалось на судьбе бывших тульских сидельцев. В феврале 1608 г. царь Василий приказал препроводить Болотникова в Каргополь в ссылку.

С казацким «царевичем» власти расправились до высылки Болотникова из Москвы. Царь «Петрушку вора велел казнити по совету всей земли».

Ссылный поляк Станислав Немоевский записал в дневнике 30 января 1608 г.: «Прибыл посадский человек из Москвы. Наши проведали от него через стрельца, что на этих днях казнен Петрашко». Казацкий «царевич» подвергся казни не сразу после сдачи Тулы, а четыре месяца спустя.

«Воровской» боярин Григорий Шаховской был сослан «на Каменное» в монастырь, Самуил Кохановский — в Казань, атаман Федор Нагиба и некоторые другие вожди мятежа — в «Поморские города». Несколько позже, когда Лжедмитрий II подошел к Москве, а его отряды заняли половину государства, Болотников был сначала ослеплен, а затем «посажен в воду». Побиты были также его сподвижники — казацкие атаманы, находившиеся в ссылке.

Ни падение Тулы, ни казнь казацких предводителей не положили конец Смуте.

Тушинский лагерь

С тех пор как Лжедмитрия II признали многие русские города и его дело стало на твердую почву, интерес к самозванческой интриге стали проявлять влиятельные лица Речи Посполитой, некогда покровительствовавшие Отрепьеву. В числе их были князья Вишневецкие, Ружинский, Тышкевич, Валевский и другие.

Король Сигизмунд III не желал участвовать в аванюре. Но мятеж против королевской власти усилил элементы анархии в Речи Посполитой. Наемные солдаты, оставшиеся без работы после подавления мятежа, хлынули в русские пределы в надежде на то, что «царек» щедро вознаградит их за труды.

Давний сподвижник Отрепьева князь Роман Ружинский не прочь был сыграть при Лжедмитрии II такую же роль, какую при первом самозванце играл Юрий Мнишек. Оба вельможи оказались на пороге разорения и все надежды возлагали на успех авантюры и щедрые пожалования «царя». Обедневший украинский магнат заложил земельные владения и влез в долги. На занятые деньги он набрал отряд конных копейщиков.

Среди насмников было немало участников московского похода Отрепьева, и Ружинский должен был подготовить их к встрече с бродягой. Одним лишь насилием предотвратить нежелательные толки было невозможно. Гетман нанял доктора богословия Викентия, который выступил перед солдатами с рассказами о том, что он видел «царя Дмитрия» при его первом появлении в Польше и в бытность его в Москве, потом в келье у бернардинских монахов, а затем в Стародубе, и все это одно лицо. Чтобы оправдать авантюру, богослов написал донесение в Рим с доказательствами истинности «царя Дмитрия».

Прибыв на Русь, Ружинский направил послов к Лжедмитрию II. Когда послы вернулись, солдаты обратились к ним с вопросом, тот ли это «царь». Ответ послов был более чем двусмысленным: «Тот, к которому вы нас послали!» Прошло два с половиной месяца, прежде чем Ружинский возобновил переговоры. Поляки убедились, что «царек» не располагает богатой казной, достаточной, чтобы оплатить их услуги. Это было главной причиной промедления.

Перейдя в Кромы, войско направило к «вору» новых послов. Весной 1608 г. они явились в Орел, где «канцлер» поляк Валевский приветствовал их от имени «самодержца». Придворный этикет был грубо нарушен самим «государем». Он поносил поляков, обвиняя их в измене. Изменой «вор» считал любые сомнения в его царственном происхождении. Самозванцу передали двусмысленную фразу первых послов, и он принял позу оскорбленного человека.

Брань убедила жителей Стародуба, что перед ними истинный государь. Но на поляков она произвела обратное действие. В ответ на ругань послы — насмные солдаты объявили, что теперь они уверены, что перед ними не прежний «царь Дмитрий», так как тот в отличие от нового «умел уважать и понимать воинов». Послы закончили речь прямой угрозой, заявив, что солдаты «будут знать, как поступить».

Старое руководство в лице гетмана Меховецкого не желало допустить в свой лагерь Ружинского. Но Меховецкий утратил авторитет, так как не обеспечил выплаты наемникам обещанных

денег. За спиной Меховецкого солдаты пришли к соглашению с войском Ружинского.

Когда Ружинский вступил в Орел, самозванец дал пир в его честь. За столом «царек» пространно рассуждал о том, что никогда бы не согласился стать польским королем, «ибо не для того народился московский монарх, чтобы им управлял какой то архибес или, как по нашему (по-польски. — *Р.С.*) зовут, архиепископ». В устах Лжедмитрия II брань в адрес католического «архибискупа» понятна. Одним из главных обвинений против убитого Расстриги было принятие им католической веры. Выпады против католиков должны были доказать преданность Лжедмитрия II греческой церкви.

Обличения послови уроды в адрес «вора» были забыты. Наемников более всего волновал вопрос, заплатят ли им за службу в России.

В апреле 1608 г. польские солдаты собрались на войсковое коло для выборов гетмана. Вновь в центре внимания был вопрос о деньгах. Новым гетманом наемники выкрикнули Ружинского. Лжедмитрий II, вызванный в коло, пытался преречь. «Цыть, б... дсти!» — кричал он. Поднялся сграшный шум. Солдаты требовали немедленно предать негодяя смерти: «Убить его, мощеника, зарубить! Ах ты, такой-сякой сын, разбойник! Поманил нас, а тепер платишь нам неблагодарностью!»

Ружинский убедил солдат, что обеспечит им жалованье, соответствующее их достоинству. Взбунтовавшееся наемное войско окружило двор «царька» вооруженной сгражей. Меховецкий не желал признать свое поражение и пытался оспорить решение польского войска. Первый покровитель шкловского учителя рассчитывал на поддержку «государя» и казачьего войска, по численности далеко превосходившего наемную армию. Но Лжедмитрий II сгрусил и не смог защитить своего гетмана. Попав поддомашний арест, он запил горькую. Протрезвев, «самодержец» должен был вытерпеть новые унижения. Он просил прощения у наемных солдат и признал власть избранного гетмана Ружинского, после чего Меховецкий был изгнан из лагеря.

Новый гетман не сразу почувствовал себя хозяином положения. Он принужден был оставаться в Кромах, в то время как Лжедмитрий II находился в Орле с Заруцким.

Смена командования имела важные последствия. Болотниковцы, приведшие к власти «стародубского вора» и пользовавшиеся большим влиянием в его лагере, стали утрачивать одну позицию за другой. Следом за шляхтой и магнатами в окружении Лжедмитрия II появилась московская знать.

Встреча наемников с «государем» породила толки о его самозванстве. Уверенность воинства в успехе авантюры поколебалась. Гетману пришлось прибегнуть к новым инсценировкам. На помощь ему пришли доктор Викентий и некто Тробчинский, якобы знавший многие тайны Лжедмитрия I. Тробчинский взялся проэкзаменовать «царька» и установить, является ли он прежним «Дмитрием». На публичном диспуте он излагал «тайны», заведомо искажая детали. Школьный учитель уверенно поправлял его и на все вопросы давал точные и исчерпывающие ответы. Вопросавшие изображали при этом величайшее изумление и заявляли, что об этом знали только они да еще сам «царь Дмитрий», а значит, это, несомненно, он, хотя внешне и не похож.

Речи об истинности «государя» заключали убийственную для него оговорку. Признание того, что претендент вовсе не похож на коронованного «Дмитрия», обрекало «вора» на положение марионетки, которую поляки могли в любой момент объявить обманщиком и выбросить на свалку. Над головой самозванца повис меч.

Тем не менее наемные солдаты были удовлетворены спектаклем и готовы были простить «государю» его внешность. Их удовлетворили обещания выплатить деньги.

Затяг Ружинского была рассчитана не на одних только наемников. Вскоре гетман обратился с посланием к князю Василию Голицыну, одному из бояр, посадивших Отрепьева на трон. Литовцы не служат многочисленным лжецаревичам, объявившимся в России, но он, Ружинский, убедился в истинности «царя Дмитрия» и в числе первых стал ему служить, так как его отец, дед и дядя верно служили прирожденным московским госуда-

рям. (Ружинские пользовались авторитетом в Запорожской Сечи и не раз приводили отряды запорожцев и воевали против татар бок о бок с царскими воеводами.)

Обращение должно было посеять сомнения среди сподвижников Лжедмитрия I в Москве, утративших прежнее влияние после воцарения Шуйского.

Ружинский развил бурную деятельность. По его приказу Лжедмитрий II обратился за помощью к «родителю» — тестю Юрию Мнишеку, чтобы через него заручиться поддержкой короля. Мнишек откликнулся на призыв и составил подробную записку для Сигизмунда III с уверениями, что его зять жив и, ссылаясь на статьи тайных договоров, просит о признании и военной помощи. Мнишек вновь излагал планы насаждения католичества в Московии, старался оградить права дочери как московской царицы.

В Кракове появились агенты самозванца. Один из них, еврей Арнульф Калининский, получил полномочия «для переговоров во всех делах Речи Посполитой и военных и коммерческих». Возможно, он был банкиром «царька». Именно через него Лжедмитрий II, имея пустую казну, предложил королю за помощь полмиллиона злотых ежегодно.

Сигизмунд III не захотел вступать в переговоры с «обманщиком». Записка Мнишека не произвела впечатления на короля и сейм. Сенаторы настаивали на запрете вербовки войск для самозванца в Польше.

Заняв пост главнокомандующего, Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении на Москву. Поход начался неудачно. Случайный пожар уничтожил все запасы, заготовленные в Орле для войска.

Царь Василий сосредоточил крупные силы на подходах к Болхову. Армию возглавил брат царя — князь Дмитрий Шуйский. Воеводы успели возвести укрепленный лагерь. Узнав о приближении противника, Дмитрий Шуйский 30 апреля 1608 г. вывел полки из лагеря и выстроил их в боевые порядки. Ружинский столкнулся с русскими на марше, не имея времени для перестроения войска. Конные роты с ходу атаковали русские позиции.

Воевода передового полка Василий Голицын отразил атаку и потеснил атакующих. Тогда в бой вступили отряды Ружинского и Валевского. Они отбросили Голицына и вышли в расположение большого полка. Участники сражения отметили, что главные силы русской армии не оказали помощи своим гибнущим товарищам. Положение спасла атака сторожевого полка князя Куракина.

Военный совет, созванный ночью Шуйским, принял решение не возобновлять генеральное сражение, а отвести полки к Болхову, чтобы занять оборону по засечной черте и преградить неприятелю путь на Москву. В «воровском» лагере Ружинский и его ротмистр также приняли решение отложить бой и перейти на более выгодные позиции. Мелкие стычки продолжались 1 мая.

Русские ратники начали отводить артиллерию в тыл. В то же самое время гетман Ружинский приказал перевезти войсковые обозы за реку и приступил к строительству лагеря на новом месте. Обозные повозки подняли тучи пыли. Русские решили, что противник перестраивает свои порядки, чтобы крупными силами нанести удар с фланга. В царских полках началась паника. Перебежчики сообщили обо всем «царьку». Ружинский немедленно отдал приказ о наступлении. «Вор» и поляки, записал летописец, «перелезли реку и пришли под село Кобылино за 15 верст Болхова, позади полков Московского государства».

Выход польской конницы в тыл царской армии окончательно погубил Шуйского. Его полки утратили управление и обратились в паническое бегство. Часть сил отступила в Болхов, другая ушла к засечной черте. Болхов открыл ворота перед Ружинским после двух дней сопротивления. Победителям досталось множество пушек и огромный обоз.

Причины поражения не сводились лишь к неумелому руководству и трусости Дмитрия Шуйского. Гражданская война деморализовала дворянское ополчение. Уездные дети боярские не являлись очевидцами гибели Лжедмитрия I и были сбиты с толку успехами воскресшего царя. Если «Дмитрий» вновь брал крепость за крепостью и неудержимо продвигался к Москве, значит, сам Бог покровительствует ему, а противившихся неизбежно постигнет кара. Воеводы утратили всякое доверие к

служилым людям, тогда как ратники перестали доверять своим командирам. Число перебежчиков вновь стало стремительно расти.

Чтобы удержать при себе польские отряды, самозванец после битвы заключил с ними новое соглашение. Он обязался поделить с ними все сокровища, которые достанутся ему при восшествии на царский трон. Народ, приветствовавший нового «истинного Дмитрия», понятия не имел о сговоре за его спиной.

В июне 1608 г. армия самозванца разбила лагерь в Тушине. Скопин расположился на Ходынке против Тушина. Царь Василий с двором занял позиции на Пресне.

Появление польских и литовских отрядов в армии самозванца вызвало тревогу в Кремле. Русские власти развили лихорадочную деятельность, стремясь предотвратить военный конфликт с Речью Посполитой. Царь Василий поспешил закончить мирные переговоры с польскими послами, обещал им немедленно отпустить на родину Мнишек и других поляков, задержанных в Москве. Послы в принципе согласились немедленно отозвать из России все военные силы, сражавшиеся на стороне самозванца.

На радостях Шуйский известил Ружинского о близком мире и пообещал заплатить его наемникам «заслуженные» у «вора» деньги, как только те покинут лагерь.

Царь Василий радовался преждевременно. В течение двух недель его воеводы стояли на месте, не предпринимая никаких действий. В полках распространилась уверенность в том, что война вот-вот кончится. Гетман Ружинский использовал беспечность воевод и на рассвете 25 июня нанес внезапный удар войску Скопина. Царские полки в беспорядке отступили. Тушинцы пытались ворваться на их плечах в Москву, но были отброшены стрельцами. Ружинский намеревался отдать приказ об общем отходе. Но воеводы не решились преследовать его отступавшие отряды. Три дня спустя царские воеводы наголову разгромили войско Лисовского, пытавшееся ворваться в столицу с юга.

Тщетно Лжедмитрий II домогался заключения «союзного» договора с королем и выказывал готовность идти на любые уступки. Наиболее дальновидные политики Польши решительно

возражали против вмешательства во внутренние дела Русского государства. Сигизмунд III следовал их советам, ибо он не успел еще забыть о своей неудаче с Отрепьевым и не подавил окончательно оппозицию внутри страны.

В конце концов легкие победы Лжедмитрия II лишили Сигизмунда III благоразумия. Король отдал приказ готовить войска для занятия русских крепостей Чернигова и Новгорода-Северского.

Завоевательные планы Сигизмунда III натолкнулись на возражения высших сановников. Коронный гетман Станислав Жолкевский указывал на неподготовленность королевской армии к большой войне. Королю пришлось отложить осуществление своих намерений.

В Москве царь Василий продиктовал польским послам условия перемирия. Послы, томившиеся в России в течение двух лет, подписали документ, чтобы получить возможность вернуться на родину. Мирный договор оказался не более чем клочком бумаги. В самый день подписания перемирия в Россию вторгся литовский магнат Ян Петр Сапега с многочисленным войском.

В исполнении договора царь Василий освободил семью Мнишек. Сенатор дал клятву Шуйскому, что никогда не признает своим зятем нового самозванца, и обещал всячески содействовать прекращению войны. Но Мнишек вовсе не думал исполнять свои обещания. Он вел рискованную игру и делал все, чтобы разжечь смугу.

Царь поручил воеводам сопровождать послов до границы и обеспечить их безопасность. Воеводы везли поляков лесными дорогами, таясь от «вора». Но уже на другой день после отъезда из Москвы Мнишек сообщил тушинцам сведения, которые позволили им перехватить обоз.

Польские послы настаивали на соблюдении перемирия и возвращении на родину. Но Мнишки отделились от посольского обоза и остановились неподалеку от границы в районе Белой. Ружинский послал за ними полковника Заборовского. В письме «тестю» Лжедмитрий II выражал пожелание «скорого радостного и приятного свидания», но при этом прозрачно намекал, что «тестю» безопаснее будет вернуться в Польшу.

шу: ему — «царю Дмитрию» было бы «лучше слышать, что вы в Польше на свободе, нежели здесь поблизости в полону».

Заборовский передал сенатору «царскую грамоту», но не стал спешить с возвращением в Тушино. Вскоре к нему присоединился Ян Сапега слитовскими отрядами. Литовцы устроили парад в честь «московской царицы Марины».

В Можайске Сапега получил грамоту Лжедмитрия II с повелением оставить Марине Мнишек небольшую свиту, а самому направиться в Тушино, «нимало не сомневаясь в милости нашей».

Прием во «дворце» у «царька» произвел удручающее впечатление на Сапегу. Во время пира шкловский бродяга, по обыкновению, богохульствовал. Яства поразили поляков убожеством. Все блюда были грубы, приготовлены по-простому, кое-как, грязью. «Изобития не было ни в чем».

С появлением новых лиц в лагере борьба за власть возобновилась. Ружинский не желал расстаться с титулом главнокомандующего. Но теперь на этот пост претендовали также Юрий Мнишек и Ян Сапега.

Последующие шаги Ружинского показали, что своим главным соперником он считал Сапегу. В новой грамоте самозванец и Ружинский сообщили Сапеге, что «царь Дмитрий» внезапно заболел, и предложили Сапеге вступить в переговоры с «канцлером» «царя» Велевским. Два гетмана должны были договориться между собой без всякого участия «царька» и его «тестя».

В отношении царицы Марины утушищев были свои планы. Когда Мнишеки с Сапегой прибыли в Звенигород, они получили письмо от «болевшего» «царя». Лжедмитрий II просил «свою супругу» принять участие в положении святого в Звенигородском монастыре, чтобы укрепить расположение московских людей к «царственной чете».

Очевидец событий Николай Мархоцкий засвидетельствовал, что появление Мнишеков принесло тушнцам «больше вреда, чем пользы, так как царица и другие персоны, знавшие Дмитрия в столице, увидев нашего, не захотели его признавать, и скрыть это было невозможно. Прошла неделя, и лишь «после долгих уговоров, — отметил Мархоцкий, — согласились все, в

том числе царица, притворяться вместе с нами, что это не другой царь, а тот самый, что был в Москве».

Первая встреча Юрия Мнишека с «вором» состоялась 5 сентября 1608 г. Секретарь Сапеги записал в Дневнике, что пан воевода Сандомирский «во второй раз ездил к самозванцу познавать, тот это или не тот». Откровенная и насмешливая запись из Дневника дает точное представление о начавшемся торге.

Вопрос о том, был ли «вор» истинным «Дмитрием», не имел существенного значения. Поляки не могли поделить власть. Юрий Мнишек, претендовавший на роль правителя России при Лжедмитрии I, требовал для себя тот же пост в Тушине. Первое свидание закончилось тем, что Ружинский отверг претензии Мнишека, а тот отказался признать Лжедмитрия II своим зятем.

Некогда Отрепьев согласился удовлетворить все территориальные притязания нареченного тестя. Теперь «тесть» напомнил новому «зятю» о его обязательствах. В народе толковали, что Мнишек требует для своей дочери вдовье удела и известных городов. Эти слухи могли лишь осложнить положение самозванца.

6 сентября Марина впервые виделась со своим «супругом». В Дневнике Яна Сапеги появилась запись, что «царица московская» не очень хотела приветствовать «мужа» и явно не радовалась его приезду.

На пути к Москве один молодой шляхтич из рыцарских побуждений предупредил Марину, что в Тушине она увидит не своего венчанного мужа, а самозванца. Разговор был доверительным. Но Мнишеки тут же выдали «вору» имя своего доброжелателя. Ружинский немедленно приказал посадить шляхтича на кол, и тот умер посреди лагеря в муках.

В плен к тушинцам попал один из князей Мосальских. Он также обратился к Марине с предупреждением, что «царь ненастоящий». Напуганный казнью шляхтича, он бежал в Москву и уведомил обо всем царя Василия.

Маринене не раз предлагали вернуться в Польшу. Отвергая советы такого рода, Марина писала в посланиях, что предпочтет смерть сознанию, что «мир будет дальше глумиться над ее го-

рем»; «будучи повелительницей народов, московской царицей, она не думает и не может быть снова подданной и возвратиться в сословие польской шляхтянки». Слова Марины были проникнуты гордыней. Она сравнивала себя с солнцем, которое не перестает светить, хотя «его иногда закрывают темные тучи».

Непомерные претензии семейки Мнишеков вызвали раздражение тушинцев. От их лагеря до Кремля было рукой подать. Богатейшая сокровищница московских государей разжигала алчность наемников. Вступив на московскую землю, Сапега первым делом потребовал от Ружинского уравнивать «в заслуженном» приведенных им солдат с наемниками из Тушина. Тушинцы поначалу отвергли притязания сапежинцев как наглые и абсолютно неприемлемые. Но Сапега привел с собой 1700 воинов, и с ним пришлось считаться.

К осени 1608 г. в лагере Лжедмитрия II было, по словам поляков, «18 000 польской конницы и 2000 хорошей пехоты». Как писал очевидец, в Тушино постоянно прибывали подкрепления: «...редко проходили четверть года или месяц, в течение которых не прибыло бы тысячи из Москвы или, по крайней мере, нескольких сот человек из Польши». Самозванцу служили несколько тысяч запорожских и донских казаков. Точными данными об их численности, вероятно, не располагали даже их командиры. Толковали, будто у Лжедмитрия II было до 45 000 казаков, но эти сведения были преувеличены.

Речь Посполитая вела форменную войну с Россией, хотя война и не была объявлена. Особую роль в этой войне играло запорожское войско, вдвое превосходившее донское. Казалось, вся Украина вместе с православным украинским магнатом Ружинским собралась под тушинскими знаменами.

Казачи сражались в пешем строю. Но на поле боя решающее значение имели атаки гусарской конницы. Содержание наемных гусарских рот требовало огромных средств. Казна Лжедмитрия II была пуста. «Вор» клялся, что раздаст наемникам в счет долга все богатства московской сокровищницы, но Кремль все же надо было завоевать.

У Мнишека был свой взгляд на вещи. Он требовал вернуть ему огромные суммы денег и драгоценные подарки, которые бы-

ли отобраны у него после переворота и перешли в царскую казну. Он не забыл также и того, что «царевич» задолжал ему миллион золотых, обещанных в Самборе по случаю будущей свадьбы с Мариной. В награду за признание Лжедмитрий II выдал «тестю» жалованную грамоту с обязательством выплаты 300 000 рублей. Обязательство не было подкреплено подписями ротмистров.

Отец и дочь Мишкеки вскоре уяснили себе, что их «родня» — всего лишь подставное лицо, кукла в руках Ружинского и прочих лиц, его окружавших. Однако делать было нечего. 10 сентября «царица» торжественно въехала в Тушино и разыграла роль любящей жены, обретшей супруга. Возвращение на «трон» не принесло «царице» ожидаемых выгод. Марина согласилась стать наложницей проходимца, не получив ни казны, ни земель. Ее притязания на управление особыми городами не были удовлетворены.

По слухам, Мишек пытался оградить честь дочери, а заодно и собственный кошелек. Лжедмитрий II якобы не мог вступить в права супруга до занятия трона и выплаты обещанных денег. Но все это были поздние вымыслы, призванные оправдать грех «царицы», которая нарушила закон и без венчания разделила ложе с бродягой.

Изба «царька» стояла посредине лагеря, и отдельная жизнь августейшей четы была бы сразу замечена и вызвала бы толки, убийственные для самозванца.

Прошло полгода, и Марине пришлось выдержать объяснение с братом, случайно встретившим ее. Юный Мишек упрекал сестру в распутстве. Чтобы смягчить его гнев, «царица» не моргнув глазом заявила, будто один из ксендзов тайно обвенчал ее с новым супругом. Марина могла скрыть венчание от посторонних, но совершенно невероятно, чтобы церемония осталась тайной для отца и братьев, находившихся при ней в лагере.

Собственный дворецкий «царицы» Мартин Стадницкий свидетельствовал, что Марина жила с самозванцем невенчанная, потому что жажда власти была в ней сильнее стыда и чести.

Комедия, разыгранная Лжедмитрием II и Мариной, не могла ввести в заблуждение дворян и наемщиков, хорошо знавших первого самозванца. Но спектакль произвел впечатление на прос-

той народ. Весть о встрече коронованной государыни с «истинным Дмитрием» разнеслась по всей стране.

Домогательства Мнишеків способствовали примирению соперников. Ружинский заключил с Сапегой полюбовную сделку. Гетманы поклялись не мешать друг другу. На пиру, за чашей вина они обменялись саблями и разделили московские земли на сферы влияния. Ружинский сохранял власть в Тушине, южных и северских городах. Сапега взялся добыть мечом Троице-Сергиев монастырь и завоевать земли к северу от Москвы.

13—14 сентября на пиру в честь Сапеги «царек» произнес здравницы в честь короля Сигизмунда III, Яна Сапеги и его рыцарства. Тушинские солдаты не проявляли особой радости за пиршеским столом. Сапежинцы получили равные с тушинцами права на раздел кремлевских сокровищ.

Борьба за власть в Тушинском лагере сопровождалась кровопролитием. Старый гетман Меховецкий, один из главных организаторов самозванческой интриги, попытался использовать соперничество Ружинского с Сапегой и вернуть себе власть. Он тайно пробрался в лагерь и укрылся в избе у Лжедмитрия II. Солдаты обсуждали планы свержения Ружинского. Узнав об этом, гетман ворвался в покои «царька» и зарубил Меховецкого. Самозванец пытался протестовать, но гетман «велел передать, что и ему шею свернет».

Юрий Мнишек оставался при особе Лжедмитрия II недолго и уехал в Польшу. Вслед ему полетели отчаянные письма дочери. Обращаясь к отцу, Марина молила дать ей родительское благословение и извинить ее, «что не так простилась с Вами, как хотела», просила написать «московскому царю» о ней, чтобы она «могла дожидаться от него любви и почтения». Как видно, самозванец обращался с двенадцатилетней наложницей-царицей крайне грубо.

Поражение армий Шуйского и осада Москвы привели к тому, что восстание в стране вспыхнуло с новой силой. В Пскове городская беднота свергла царскую администрацию и признала власть Лжедмитрия II.

С момента гибели Орепьева в очаг сопротивления Шуйскому превратилась Астрахань. За оружие взялись нерусские народности

Поволжья. Власть Лжедмитрия II признали Переяславль-Залесский и Ярославль, Кострома, Балахна и Вологда. При поддержке городских низов тушинские отряды заняли Ростов, Муром и Арзамас. С разных концов страны в Тушино спешили отряды посадских людей, мужиков и казаков. Их волна неизбежно захлестнула бы подмосковный лагерь, если бы наемное войнство не диктовало тут своих законов.

Гражданская война подорвала престиж и экономическое благополучие «царствующего града» — Москвы. В течение полугода лет у страны было два царя и две столицы. Под боком у старой столицы, где сидел царь Василий, образовалась «воровская» столица в Тушине.

Резиденция Лжедмитрия II не имела башен и стен, которые хотя бы отдаленно походили на мощные укрепления Москвы. Но царь Василий ничего не мог поделать со своим грозным двойником в Тушине, потому что в стране бушевал пожар гражданской войны. По временам власть «тушинского вора» распространялась надобрую половину городов и уездов страны, включая Ярославль — в центре, Вологду — на севере, Астрахань — на юге, Псков — на северо-западе.

Низы тщетно ждали начала «счастливого царства». Второй самозванец обещал народу то же, что и первый, — тишину и благоденствие. Но народ не получил ни того ни другого.

Тушинское войнство было плоть от плоти армии Болотникова. Но со временем облик Тушина изменился.

На окраинах восставшие низы снаряжали отряды и посылали их на помощь Лжедмитрию II. Некоторыми из этих отрядов командовали собственные казацкие или мужицкие «царевичи». Поначалу в войске самозванца было много болотниковцев, и толпы повстанцев встречали радушный прием в «воровском» лагере.

После переворота и перехода власти от Меховецкого к Ружинскому ситуация изменилась. 14 апреля 1608 г. Лжедмитрий II в манифесте к жителям Смоленска объявил, что приказал казнить самозванных царевичей. Приглашая смоленских дегей боярских к себе на службу, он пояснял, что в избиениях дворян повинен не он, а «царевич Петр» и другие казацкие «царевичи».

Известия о казнях самозванцев эхом отозвались в казацких станицах. На Волге «потомок» Грозного Осиновик был повешен его «подданными». Затодвухдругих «царевичей», Ивана-Августа и Лаврентия, казаки привели с собой в Тушино. «Царек» милостиво принял казаков, а двух их «царевичей» велел повесить на дороге из Тушина в Москву. Казнь «царевичей» знаменовала окончательное перерождение повстанческого войска.

В Тушине при особе Лжедмитрия II образовались священ- ный собор с «патриархом» во главе и «воровская» Боярская дума.

По милости Отрепьева Филарет Романов занял митрополи- чью кафедру в Ростове Великом. Он принял участие в обороне Ростова от «воров», попал в плен в октябре 1608 г. и в простой телеге был увезен в Тушино. Самозванец казнил ростовского вое- воду, а Филарету предложил сан патриарха. У Романова не было выбора. «Воры» не церемонились с иерархами церкви. Они уби- ли архиепископа Тверского, пытавшегося покинуть Тушино.

Романов обладал политическим опытом и популярностью. Его поддержка имела неоценимое значение для самозванца. Богдан Шкловский выдавал себя за сына Грозного, а Филарет был племянником этого царя. «Родственники» должны были помочь друг другу.

Полагают, что Филарет, его родня Михаил Глебович Салты- ков, Иван Годунов (шурин Филарета), князя Алексей Сицкий, Дмитрий Черкасский, свояки Романовых, заняли господству- ющие позиции в «воровском» правительстве.

По-видимому, это не так. Салтыков провел розыск об изме- не Романовых и подвел Федора Никитича под монастырь. Эти люди ненавидели друг друга, что вполне устраивало командиров литовских отрядов.

Вопрос о группировках внутри «воровской» думы давно при- влекал внимание исследователей. Но этот вопрос не имеет боль- шого значения, поскольку сама дума была марионеточной.

Командир литовских наемных отрядов грозил побоями «царь- ку». Наемники вели в России войну за право грабить монастыри, селая города, творить разбой в чужой стране

Ключевыми фигурами в «воровской» думе были атаман «боярин» Иван Заруцкий и боярин Михаил Салтыков. Их главное достоинство заключалось в том, что они беспрекословно исполняли все приказы и распоряжения гетмана Ружинского и поляков. Пожаловав украинскому казаку высший сан, «литва» показала москвитам, сколь высоко она ценит их думные титулы.

Гетман Ружинский, как и великий бражник, «маршалк» «вора» Адам Вишневецкий, редко бывал трезвым. Боярин Заруцкий всегда был наческу. Повесив несколько казачьих «царевичей», «потомков» Грозного, и возглавив Казачий приказ, он полностью подчинил гетману Ружинскому казачью вольницу. Заруцкий ежедневно расставлял стражу на валах и в воротах, посылал разъезды по разным дорогам, чтобы не допустить внезапного нападения неприятеля.

Тушино являло взору необычное зрелище. Основанная на холме близ впадения речки Сходни в Москву-реку, «воровская» столица имела диковинный вид. Вершина холма была усеяна шатрами польских гусар. Среди них стояла просторная рубленая изба, служившая «дворцом» для самозванца. За «дворцом» располагались жилища русской знати. На холме жил и господа и те, кто желал казаться господами. Простонародье занимало обширные предместья, раскинувшиеся у подножия холма. Наспех сколоченные, крытые соломой будки стояли тут в великой тесноте, одна к одной. Жилища были битком набиты казаками, стрельцами, холопами и прочим «поллым» народом. В пору дождей «столица» тонула в грязи. Кругом стояла невыносимая вонь.

Ижедмитрий II многократно просил Сигизмунда III о покровительстве и помощи, но наталкивался на отказ. Однако по мере того, как гражданская война подрывала мощь России, военная партия в Речи Посполитой все выше поднимала голову.

В Тушине собралось множество польских и русских дворян, пользовавшихся милостями первого самозванца. Все они откровенно презирали «царька» как явного мошенника, но не могли обойтись без него. Творя насилия и грабежи, наемное «рыцарство» повсюду трубило, что его единственная цель — восста-

новление на троне «законного государя», свергнутого московскими боярами.

Личность Ижедмитрия I! мало что значила сама по себе. Каким бы ничтожным и безликим ни казался «тушинский вор», важен был не он сам, а его имя. В глазах простых людей он оставался «прирожденным государем Дмитрием».

Однако успехи нового самозванца оказались призрачными. Тушино недолго соперничало с белокаменной Москвой. «Воровская» столица клонилась к закату, когда настал новый акт великой московской трагедии.

Осада столицы

Москва была в осаде неслыханно долгий срок. Литовское командование рассчитывало взять столицу измором. Когда тушинцам удалось блокировать город, там начался голод. К началу лета 1609 г. цены на хлеб в столице резко подскочили. Четверть жита продавали по 5 рублей и дороже, четверть овса — по 3 рубля. «Людей убогих по улицам огромное число поумерало».

Власти пытались остановить рост цен, устанавливали предельные цены, устраивали гонения на спекулянтов, дабы «градским законом смирить сих». Однако положение ухудшалось. Купцы, торговавшие хлебом, наживались на бедствиях. Подозревали, что спекулянты сами задерживали обозы с хлебом: «в протчих градах и селех закупленная ими стаща недвижима», пока цены на городском рынке не поднимались еще выше.

Правительство не могло пресечь торговлю моеквичей с Тушином, что было свидетельством его полного бессилия. В Тушинском лагере было много раненых, для их лечения не хватало лекарств. Ощущалась постоянная нехватка пороха и оружия. Были затруднения с солью.

Московские купцы старались не упустить выгоду и везли «ворам» всевозможные товары. На порохе и лекарственных зельях они, по свидетельству очевидцев, получали прибыли «де-

сять гривен на шти серебряницах». Звон серебра заглушал страх перед наказанием за измену.

Население осажденного города было измучено дороговизной и голодом. По свидетельству перебежчиков, народ не раз собирался толпой и с «шумом» подступал ко дворцу: «Дети боярские и черные всякие люди приходят к Шуйскому с криком и воплем, а говорят: до чего им досидеть? Хлеб дорогой, а промыслов никаких нет и нечего взять нигде и купити нечем!» Голодающие грозили, что откроют ворота врагам ради спасения жизни.

Василий Шуйский в течение двух лет постоянно был занят тем, что уговаривал москвичей потерпеть, подождать подхода войск, не сдавать город мятежникам. Он многократно назначал сроки (обычно три недели) окончания осады, кланялся толпе, а иногда, если верить перебежчикам, падал перед народом ниц («крестом»). Его уговоры неизменно достигали цели.

Что касается дворян, Василий Шуйский старался завоевать их поддержку разнообразными средствами.

Образование обширного фонда поместных земель помогло преодолению кризиса дворянского сословия в XVI в. Но к началу XVII в. поместная система пришла в упадок. Большая часть поместного фонда разорилась и запустела. Московская военно-служилая система не могла существовать без сильной центральной власти. Однако Смута подорвала мощь монархии. Беспорядочные конфискации, проводившиеся царями и самозванцами, окончательно разорили и дезорганизовали дворянское землевладение.

Будучи в осаде, царь Василий не имел земель, которые он мог бы, в соответствии с традицией, пожаловать дворянам за верную службу и мужество. Выход был найден. Государь стал жаловать служилым людям за «московское осажденное сиденье» вотчины. Отличившиеся дворяне не получали новых земель, но пятая часть их поместья (государственной собственности) закреплялась за ними на правах вотчины (полной частной собственности).

При Грозном помещики мечтали, что им удастся закрепить за собой поместья на праве полной собственности. Опричнина развеяла их мечты. При царе Василии их надежды воскрес-

ли. Помещики сами определяли, какие села и угодья станут их вотчинной собственностью. Понятно, что они забирали себе лучшие земли и угодья. Эти новые вотчины, располагавшиеся посреди старых поместных владений, они могли передавать по наследству, дарить и продавать без всякой санкции со стороны казны.

Цель военных неудач и трудности осадного времени породили кризис власти. Знать и дворяне многократно пытались отстранить от власти Василия Шуйского.

В конце мая 1608 г. племянник царя князь Михаил Скопин выступил навстречу войскам Лжедмитрия II. Когда полки достигли речки Незнашь, Скопин был отозван в столицу. По словам летописца, государю сообщили об измене: «в полках же нача быти шатость, хотя царю Василью изменити князь Иван Катырев, да князь Юрий Трубецкой, да князь Иван Троекуров и иные с ними».

Заподозренные лица были арестованы. Но они принадлежали к высшей знати и не могли быть казнены без боярского суда. Шуйскому пришлось ограничиться служебными перемещениями. Князь Иван Катырев был отправлен первым воеводой в столицу Сибири Тобольск, князь Иван Троекуров попал на воеводство в Нижний Новгород, а князь Юрий Трубецкой — в Тотьму. Несколько дворян, в их числе Яков Желябужский, были казнены на Москве.

В войске Скопина все воеводы — Иван Воротынский, Иван Романов, Григорий Ромодановский, Иван Черкасский, Данила Мезецкий — сохранили свои посты. Смещен был один Скопин.

Москва находилась в критическом положении. Скопин отбросил от стен столицы Болотникова. Он один мог противостоять новой «воровской» рати. Присутствие в столице самогодаровитого из полководцев было абсолютно необходимо. Однако князь Михаил был не только отозван с Незнани, но и отправлен царем в Новгород Великий. Борьба за первенство внутри клана князей Шуйских началась.

Племянник царя получил жестокий урок. В дальнейшем он позаботился о том, чтобы обеспечить себе свободу действий и избежать произвола самодержца.

Царь Василий передал войско Скопина под начальство своего брата Ивана. 22 сентября 1608 г. князь Иван вступил в бой с неприятелем под Рахманцевом в окрестностях Москвы. Его ратники обратили в бегство полки Микулинского, Вилямовского и Стравинского. В центре они охватили полк Яна Сапеги и завладели всей его артиллерией. Гетман едва избежал плена. Воеводы считали, что противник разгромлен, и не ожидали контратаки. Между тем Сапега вырвался из окружения и бросил в атаку две гусарские роты. Их атака решила исход битвы. Победа обратилась в поражение. Иван Шуйский трусливо бежал с поля боя. Передовой полк воеводы Ромодановского выстоял. Но он не получил помощи от большого полка и был разбит. Литовцы преследовали московские полки на протяжении чегырех миль.

Отъезжая за поражение Шуйскому пришлось держаться перед боярами и всем миром. Дума требовала ответить, как случилось, что крупные отряды литовской армии оказались под стенами Москвы. Царю были поставлены определенные условия. Он должен был добиться вывода литовских ратных людей из России не позднее 1 октября. Если царю сделать это не удастся, он должен «оставить государство».

Царь Василий приложил все усилия, чтобы выполнить требование бояр. В соответствии с мирным договором, подписанным польскими послами в Москве, король Сигизмунд III должен был отозвать своих подданных с территории России. Но Ружинский не собирался выполнять условия договора. Литовцы продолжали громить войска царя Василия и разорять страну.

Первая осажденная зима принесла тяготы и нужду московскому населению. Враги царя решили использовать момент и совершить переворот. Заговор возглавили князь Роман Гагарин-Стародубский, вождь рязанских дворян Григорий Сумбулов, московский дворянин Тимофей Ильин. Заговор был хорошо подготовлен.

25 февраля 1609 г. дворяне проникли в Кремль и ворвались в думные палаты, где заседала Боярская дума. Придя «в Верх к бояром, — повестует летописец, — и начаша говорить, чтоб ца-

ря Василия переменить». Гагарин и его сообщники надеялись свергнуть царя, склонив на свою сторону Боярскую думу. Думе надо было всего лишь подтвердить свое прежнее решение об отрешении Шуйского от власти в случае, если к 1 октября он не добьется вывода иноземных войск из страны.

Летописец уверяет, что бояре «отказаша» Гагарину. Правда заключается в том, что дума не выступила на защиту Шуйского и не приняла мер для подавления бунта. Вместо энергичных действий члены думы поспешно разъехались по своим дворам.

Гагарин с дворянами не были обескуражены. Из дворца они отправились в Успенский собор, где шло богослужение. Забрав патриарха Гермогена из храма, заговорщики «ведоша его на Лобное место», где уже собралась большая толпа. Мятежники объявили владыке, что восстали на Шуйского за его тайные казни: «и топере, де, повели многих, нашу братию сажать в воду, за то, де, мы стали».

Патриарх вступил в спор с мятежниками и постарался убедить народ, что царь Василий не собирается никого казнить.

Гагарин и дворяне отнюдь не были сторонниками «царя Дмитрия», в противном случае они заявили бы, что Шуйский отнял трон у «прирожденного государя». Заговорщики же толковали, что Василий не был избран всей землей. Им и в голову не пришло выпустить из тюрьмы арестованных агентов Лжедмитрия II.

Взывая к патриотизму жителей столицы, патриарх заявил, что государь избран Московским государством, которое всегда все «государства Русской земли слушали». Что касается кровопролития, оно есть кара Божья русским людям за грехи, особенно за измену законному государю.

Речь Гермогена утихомирила толпу. Глава церкви поспешил покинуть площадь и укрылся на своем подворье.

Царь Василий был выкрикнут царем на площади. Гагарин и дворяне намеревались низложить государя тем же способом. Гермоген помешал им выполнить их план. Мятежники пытались вызвать на площадь бояр. На их призыв откликнулся один князь Василий Голицын. Он наблюдал за происходящим, но в дело не вмешался.

По словам Гермогена, кроме Гагарина с товарищами, на площади объявились тушинские эмиссары, которые «учали честь грамоту, писано ко всему миру из литовских полков от русских людей» с призывом свергнуть царя Василия. Однако сторонники Шуйского успели вызвать в Кремль войска из лагеря на Ходынке.

Царь решился наконец выйти к народу. Он поклялся на кресте, что через три недели на помощь Москве придут рать его племянника Скопина и войско Фёдора Шереметева. Обещание было неисполнимое, но толпа послушала монарха и разошлась.

Гагарин и его сообщники бежали в Тушино после провала мятежа. С ним в «воровской» лагерь пробрались царские лазутчики.

Вскоре в столице произошли новые волнения. 2 апреля собравшийся на площади народ потребовал отречения царя Василия, не желая далее терпеть трудности осадного времени. К народу вышли несколько думных бояр и купцы, представлявшие посадскую общину. В феврале — марте царь поклялся, что Скопин окажет помощь столице через три недели. Обещание не было выполнено. Но в начале апреля думные люди зачитали толпе грамоты от Скопина и Шереметева о выступлении в поход на Москву. Толпа дала себя уговорить.

В марте царь объявил, что прощает всех участников заговора, как уехавших с Гагариным к «вору», так и оставшихся в столице. Князь Гагарин уже в начале мая 1609 г. вернулся в Москву. За попытку государственного переворота и измену его надлежало пытать и казнить. Но он явился с «повинной», и его встретили с распростертыми объятиями.

Во время новых волнений в Москве 5 мая Гагарин выступил перед народом с горячей речью. Он засвидетельствовал, что «Дмитрий» — «прямо истинной вор», и призвал москвичей не прельщаться «на дьявольскую прелесть». Он сказал также, что виновник беды — литовский король — хочет попать православную веру. Его выступление помогло успокоить народ, но ненадолго.

Положение в государстве быстро ухудшалось, и от царя отворачивались даже его ближайшие сподвижники.

Татишев и Скопин были самыми решительными и отважными среди заговорщиков, свергших Расстригу. Оба были удалены из столицы в Новгород Великий. Когда к Новгороду подошли тушинцы, Татишев просил Скопина послать его с «посылочным отрядом» на Московскую дорожку против «воров». В этот момент князю Михаилу донесли, будто Татишев «идет для того, что хочет царю Василью изменить».

Получив донос в конце 1608 г., боярин Скопин избавился от «предателя» без суда и следствия. Воспользовавшись тем, что в Новгороде не прекращались волнения, Скопин выдал Татишева на расправу толпе. При этом он объявил «вину его вслух всем людям».

Поборами и притеснениями воевода Татишев успел навлечь на себя ненависть населения. Слова Скопина пали на готовую почву. Толпа возопила: «Да извергнется такой от земли!» Татишев был мгновенно растерзан, труп брошен в Волхов.

Страшная расправа над Татишевым произвела сильное впечатление в Москве. Встревожились прежде всего лица, принадлежавшие, как и Татишев, к кругу ближайших советников государя. В этом круге возник заговор, во главе которого стал дворецкий боярин Иван Крюк Кодычев. Заговорщики намеревались совершить переворот в Вербное воскресенье — 9 апреля 1609 г.

Во время торжественного въезда патриарха в Кремль царь вел «ослять» под владыкой. Мятежники надеялись, что в сутолоке стража будет оттеснена от государя и его удастся убить. Волнения в столице вспыхнули за неделю до назначенного дня, что спутало планы заговорщиков.

Дворецкого Ивана Крюка Колычева погубил донос чашника Василия Бутурлина. На протяжении двухдесятилетий Колычев был едва ли не самым верным сторонником Шуйских. По словам Исаака Массы, в народе Крюк пользовался большим уважением. Заговор угрожал жизни монарха, и тот не пощадил прежнего любимца. Воеводу вывели на Пожар и казнили.

Заговор был обезглавлен, но сообщники Крюка не отказались от своих намерений. 6 мая Сапега получил весть о новых волнениях в Москве. Тотчас после этого в Тушине бежал моло-

дой подьячий Чубаров, служивший в Судном приказе. Он сам знал немного и не мог ответить на простейшие вопросы, заданные ему в Тушине. Однако перед побегом Чубаров имел беседу с участником заговора сыном боярским Саввой Таракановым. Этот человек, видимо, и послал молодого подьячего к «вору» с важными вестями.

Савва поведал Чубарову, что «из их думы» казнен Колычев, который был на пытке, но «ни на кого из них не говорил, потому одного и казнили»; «и оне же своим старым заговорам умышляют и хотят сго (царя Василия. — Р.С.) убить на Вознесенъев днь из самопала». Итак, уцелевшие участники заговора отложили покушение на последнюю декаду мая. Тараканов подтвердил, что в заговоре с Колычевым состояли бояре, дворяне и посадские торговые люди.

Секретари Сигизмунда III в январе 1610 г. записали в Дневнике: «... в самой Москве русским стало ненавистно правление Шуйского. Множество бояр, а мир чужь ли не весь, хотели иметь князем Голицына, пока не узнали о нашествии короля». Вторжение началось в сентябре 1609 г., а значит, приведенное известие относилось к весне — лету 1609 г. По всей вероятности, именно Голицын был главным сообщником Колычева. Крюк был женат на княжне А.А. Голицыной. Не Голицыну ли заговорщики намеревались передать корону?

Василий Голицын отличался честолюбием и неумеренной энергией. «Это весьма беспокойная голова, — писал о нем современник, — нрав тиранский, сердце изменническое, а жизнь дурная, безбожная. Он хотел бы поскорее видеть себя царем». Шуйский не стал распутывать клубок измены, так как не хотел множить раздоры с боярами.

В период гражданской войны система управления утратила некоторые черты, свойственные самодержавному образу правления. Подданные могли призвать монарха к ответу, открыто заявить о своих требованиях, обсуждать вопрос об отрешении государя от власти.

И московский государь, и «тушинский вор» старались любыми средствами привлечь на свою сторону высшие сословия. До Тушина было рукой подать, и немало дворян бежали к «вору»

в поисках богатства и чести. Лжедмитрий II жаловал перебежчиков и выдавал им грамоты на земли. Щедрый на обещания, «царек» не имел денег, чтобы хорошо платить перебежчикам. Обманутые в своих надеждах, беглецы возвращались в столицу. Случалось, что тушинские «перелеты» по нескольку раз переходили от царя к «царьку» и обратно. Ни беглецы, ни их родня не подвергались преследованиям в Москве. «Перелеты», будучи государственными преступниками, нисколько не боялись того, что с их плеч слетит голова. Бессилне власти плодило измену.

В течение полувека род Шуйских-Суздальских дал России ряд выдающихся полководцев. В их числе были покоритель Казани князь Александр Горбатый, герой Псковской обороны князь Иван Шуйский. Молодой Андрей Шуйский доказал свою храбрость в боях со шведами.

Горбатый был убит Грозным, а Иван Петрович и Андрей Иванович Шуйские — Борисом Годуновым. Скопин отправлен дядей в Новгород накануне решающего сражения. Не чувствуя склонности к военным подвигам, царь Василий передоверил высшее военное руководство бездарным братьям.

Польское вторжение

Повторное «спасение» мнимого сына Грозного воскресило тени опричнины. Самозванец охотно принимал в свою «думу» выходцев из старых опричных фамилий. Лев Салтыков был опричным дворецким. Михаил Салтыков стал фактически главой тушинской думы. Михаил Черкасский числился первым боярином из опричнины. Князь Дмитрий Черкасский стал видной фигурой в «воровском» лагере. Трубецкие возглавляли «двор» Грозного. Князь Дмитрий Трубецкий получил боярство от «вора». Басмановы-Плещеевы учредили опричнину. Плещеевы слетелись в Тушино стаяй. Боярство получили Федор Плещеев, Иван Глазун-Плещеев, окольниковство — Михаил Колодкин-Плещеев. Видную роль в опричнине и на «дворовой» службе играли Нагие, Бугурлины и Годуновы. Андрей Нагой, Михаил Бутурлин и Иван Годунов числились боярами «вора».

Один из Наумовых был опричным постельничим. Иван Наумов заслужил у Лжедмитрия II боярство.

Ситуация складывалась столь неблагоприятно для царя Василия, что «воровские» бояре имели шанс овладеть всем Московским царством.

Иноземное наемное войско, ядро которого составляли польские гусары, неоднократно брало верх над московским дворянским ополчением. Но содержание наемников требовало огромных средств.

В начале 1609 г. сейм Речи Посполитой должен был обсудить вопрос о вторжении в Россию. На сейм прибыли послы наемного войска из Тушина. В их инструкциях имя «царя Дмитрия» вовсе отсутствовало. Войско называло самозванца «тем, которого они (москвиты. — Р.С.) теперь носят на руках, которого мы (солдаты. — Р.С.) выдвигаем на престол Московский».

Мнишек вызвался руководить действиями тушинских послов в Польше, за что Лжедмитрий II заплатил ему 3000 рублей, а «царице» Марине «пожаловал» удельное княжество Калужское. В апреле Лжедмитрий II выслал Юрию Мнишеку жалованную грамоту на города Северской и Смоленской земель, в свое время обещанные сенатору Огрепьевым.

Сигизмунд III выслушал послов от тушинского наемного войска. Вместе с послами от «рыцарства» в Польшу прибыл Лопухин и другие послы от Лжедмитрия II. Король отказал им в аудиенции и приказал выводить из Речи Посполитой.

Окружавшие Лжедмитрия II поляки с пренебрежением отзывались о его образе жизни, достоинствах и привычках. В королевском Дневнике, который вели секретари Сигизмунда III, можно найти яркую характеристику «обманщика»: «...он человек ничтожный, необразованный, без чести и совести, страшный хульник, пьяница, развратник... не бывает ни на каком богослужении»; «у него после побега нашли Талмуд».

Конечно, жизнь во «дворце» не прошла для шкловского учителя даром. Он быстро усвоил привычку к роскоши. Гетман Жолкевский пренебрежительно именовав обманщика «этот фронт». «Вор» не жалел денег на изукрашенные камнями и золотом одежды и собольи шубы.

Траты самозванца вызывали раздражение наемных солдат. По их расчету, «государь» заложил им 5 миллионов рублей, или 17 миллионов злотых. 1 февраля 1609 г. солдаты подняли бунт. Они потребовали у «царька» выплаты всех заслуженных денег, грозя ему расправой.

Для переговоров с войском самозванец направил своих думных людей Григория Шаховского, Михаила Салтыкова и Федьку Андронова. Попытки выяснить, сколько денег наемники собрали с отведенных им территорий, ни к чему не привели. Столкнувшись с угрозой прямого бунта, «царек» стал «жалобен». «Если б я и хотел, — заявил он, — то неоткуда мне взять денег на уплату жалованья вашим благородиям, потому что вы все взяли у меня из рук! Мне самому еле хватает на пищу!»

Самозванец порывался тайно бежать из лагеря, но за ним бдительно следили и пресекали все действия.

Собрав войсковое коло, наемники избрали из своей среды десять дегугатов — «децемвиров». Они должны были в течение трех недель собрать начисленную сумму. Децемвиры не могли исполнить это решение. Но они установили жесткий контроль за доходами и расходами самозванца.

Почувствовав опасность, Лжедмитрий II стал готовиться к побегу из Тушина. Однако его слуга выдал замыслы «вора» Ружинскому. Польское командование отдало приказ о взятии «самодержца» под домашний арест.

Контроль дсцемвиров резко ограничил права «воровской» думы, приказов и уездных тушинских воевод. Эволюция тушинского движения завершилась. «Воровской» режим стал декорацией для кровавого режима иноземных завоевателей.

Самозванец контролировал огромную территорию. Но в глазах народа тушинские порядки все больше утрачивали привлекательность. Лжедмитрий II не продержался бы и года, если бы общий хаос не подорвал силы правительства.

Гетман Ружинский и его ротмистры отбросили всякие церемонии и распорядились во владениях «царька», как в завоеванной стране. Они не домогались ни думных чинов, ни вотчин. Им довольно было реальной власти. Как и повсюду, наемников всерьез интересовала только звонкая монета. Самозванец

не мог оплатить им «наем» и выдавал грамоты на кормление и сбор налогов.

Без поддержки низов самозванец никогда бы не добился успеха. Но настроения масс стали меняться, когда выяснилось, что за спиной «царька» стоят иноземные захватчики. На собственном опыте народ убеждался в том, что литовские люди и тушинские воеводы несуг ему еще худшие притеснения, чем старая власть.

Литва и поляки разбирали города в кормления — «приставства». Солдаты забирали у крестьян лошадей, подчистую вывозили из деревень хлеб и фураж. Сбор провианта и податей сопровождался неслыханным произволом. Тушинская власть была бессильна установить на подвластных ей территориях какой бы то ни было порядок, защитить население от грабежа и разбоя. Сохранилось множество челобитных от детей боярских, крестьян, посадских людей с жалобами на грабежи, истязания и убийства и с мольбами о защите от панов, солдат и казаков из Тушина. Произвол, насилия и убийства носили повсеместный характер. В дневниках поляков можно встретить описания того, как шайки польских мародеров и русских тушинцев нападали на попов, на детей боярских, на деревни, оставляя после себя множество мертвых тел на дорогах.

Насилия вызвали отпор со стороны народа. В Вологде тушинское владычество продержалось несколько недель. Вологжан поддержали жители Галича и Костромы, Двины и Поморья. Ян Сапега нанес поражение полкам князя Ивана Шуйского, но надолго застрял под стенами Троице-Сергиева монастыря. Обеспокоенный событиями на севере, Сапега поручил Лисовскому усмирить восставшие местности. «Лисовчики» заняли Галич, но успех их был непрочен. Получив поддержку царских воевод, городские ополчения очистили Поволжье и в апреле — мае 1609 г. отбросили отряд Лисовского прочь от Ярославля.

Царь Шуйский, запертый в Москве как птица в клетке, не мог использовать наметившийся успех. Пассивная и бездеятельная власть не внушала никому ни страха, ни уважения. Утратив опору даже в ближайшем окружении, царь Василий стал возлагать надежды на помощь извне. Три года король Карл IX слал в

Москву гонцов с предложениями направить в Россию воинские силы. Его хлопоты наконец увенчались успехом.

28 февраля 1609 г. посольство от князя Михаила Скопина и представители шведского короля подписали в Выборге союзный договор. Король обязался прислать в помощь Москве наемное войско — 3000 пехоты и 2000 конницы. Царская казна брала на себя содержание армии. Жалованье наемников было определено в 32 000 рублей ежемесячно. Взамен шведы потребовали от русских территориальных уступок. Скопин обязался передать шведам крепость Кореду с уездом.

Царь Василий рассчитывал на помощь обученной и закаленной в боях шведской армии. Однако Карл IX планировал разгромить поляков в России, избежав больших потерь. Его вербовщики обшарили задворки всей Европы. Они нанимали немцев, французов, англичан, шотландцев и спешно переправляли их на русскую границу, где они переходили на содержание царя.

10 мая 1609 г. Скопин покинул Новгород. С ним было до 3000 русских воинов и 5-тысячный шведский корпус. Тушинцы пытались остановить Скопина под Тверью, но были разгромлены.

Наемники тотчас потребовали вознаграждения. Не получив денег, они немедленно взбунтовались и ушли к границе. В армии Скопина осталось 300 шведов. Позже число их возросло до тысячи.

Опираясь на земское движение, Скопин развил наступление. Отряды воинских людей стекались к нему со всех сторон. В Торжке воеводу ждала 3-тысячная смоленская рать. Вслед за тем в его армию влились отряды из Ярославля, Костромы и поморских городов. Численность полков Скопина возросла до 15 000 человек.

К северу от Москвы главным центром сопротивления тушинцам оставался Троице-Сергиев монастырь. Обитель была обнесена мощными стенами с высокими башнями. Гарнизон насчитывал более 2000 бойцов, включал 700 дворян и сотню стрельцов. В обороне крепости участвовали монахи, а также крестьяне из окрестных деревень. Защитники монастыря предпринимали частые вылазки, нанося чувствительные удары противнику.

Прошел год. В ходе непрерывных боев гарнизон понес огромные потери. Запасы пороха подошли к концу. Защитников монастыря косила моровая язва и цинга. Численность гарнизона сократилась до нескольких сот человек. Слабые духом призывали сдать крепость неприятелю.

Пережившая осаду инокиня Ольга — Ксения Годунова писала: «От скорби я еле жива и, вероятно, больна, как и все здешние монашки. Мы... ежечасно ждем смерти, ибо среди нашего гарнизона царит великое колебание и измена... за грехи наши здесь свирепствует моровая язва: всех мучат тяжкие, смертные страдания. Ежедневно хоронят от двадцати до тридцати и больше покойников. Да и те, что живы, совсем ослабели и как будто без ног». Измена была подавлена воеводой. Из Москвы прибыли подкрепления. Оборона монастыря длилась 16 месяцев. Историю обороны подробно описал на страницах «Сказания» келарь монастыря Авраамий Палицын, участник событий.

Сохранилось письмо некоего Авраамия гетману Сапеге. Автор письма монах выражал готовность признать «царя Дмитрия». Подозревают, что письмо написал Палицын. Однако подозрения подобного рода беспочвенны. Автор письма называл себя архимандритом и писал гетману из Москвы. Авраамий Палицын никогда не был архимандритом и во время осады находился в обители.

Архимандрит советовал Сапеге продолжать осаду Троицы и сообщал, что москвичи «сидеть не хотят долга в осаде, на Москве обряд будет Шуйскому скоро». В слове «обряд» звучала ирония: инок подразумевал скорое свержение царя Василия.

Приближение армии Скопина вызвало тревогу в литовском стане под Троицей. Сапеге попытался разгромить Скопина в районе Калязина, но потерпел поражение в ходе двухдневного сражения 18—19 августа 1609 г.

Успех Скопина не привел к решительному перелому в ходе военных действий из-за того, что международное положение России катастрофически ухудшилось. Страна подверглась нападению со стороны крымских татар, а затем Речи Посполитой.

После смерти Лжедмитрия I Шуйский направил в Крым посла, с тем чтобы возобновить мирные отношения с ханом. Но по-

сол был захвачен повстанцами и казнен в Путивле. Восстание в южных городах прервало русско-крымские дипломатические сношения. С весны 1609 г. Крымская орда пришла в движение. В июле наследник хана Джанибек с многотысячным войском вторгся в русские пределы. Прежде татары, осуществив грабительский набег, быстро уходили в степи. На этот раз они продвигались к Москве не спеша, сжигая по пути села и забирая в полон русское население. Разгромив Тарусу, крымцы перешли Оку. Их отряды появились в окрестностях Серпухова, Коломны и Бороўска.

Положение в Москве было неустойчивым, и царь Василий Шуйский попытался скрыть от народа правду о крымском вторжении. В грамотах к городам он объявил, будто татары прибыли на Русь как союзники, чтобы помочь против короля.

Население разоренных пограничных поселений громко проклинало царя, призвавшего «поганых» и тем погубившего собственную землю.

Ружинский окопался в Тушине у западных стен столицы. Ян Сапега удерживал позиции на севере под Троице-Сергиевым монастырем. Крымские татары подбирались к Москве с юга.

В такой ситуации Сигизмунд III и его окружение решили начать открытую интервенцию против Русского государства. Найти повод к войне не составляло труда. Король использовал в качестве предлога русско-шведское сближение. Царь Василий рассчитывал с помощью шведов разгромить Тушинский лагерь и изгнать с русских земель иностранных солдат. Однако русско-шведский союз задел личные интересы короля.

Сигизмунд III занял польский трон, будучи наследником шведской короны. После смерти отца, шведского короля Юхана III, он присвоил его титул. Но личная уния между Речью Посполитой и Швецией продержалась недолго. Карл IX сверг Сигизмунда III и занял шведский престол. Началась польско-шведская война из-за Ливонии. Сигизмунд считал дядю узурпатором и надеялся вернуть себе шведский трон.

Союз между Карлом IX и московским царем нанес удар по династическим претензиям Сигизмунда, и он не колеблясь принес государственные интересы Польши в угоду навязчивой идее.

Увязнув в войну с Россией, Речь Посполитая в конце концов не смогла противостоять шведам в Ливонии.

Завоевательные планы Сигизмунда и его стремление к неограниченной власти вызвали сопротивление в польском обществе. Чтобы убедить общественное мнение в необходимости московской войны, королю пришлось прибегнуть к услугам публицистов.

Некто Павел Пальчевский напечатал сочинение с призывом к немедленному завоеванию Русского государства. Шляхта, утверждал он, освоит плодородные русские земли с такой же легкостью, с какой испанские конкистадоры колонизовали Новый Свет. В завоеванной стране будут созданы военные колонии «наподобие римских». Шляхта получит обширные владения. Русским дворянам останутся небольшие поместья. Русские — христиане лишь по названию, а потому на них надо идти «крестовым походом».

Король и его окружение лелеяли планы грандиозных завоеваний, но у них не хватало средств для их осуществления. Польская шляхта отнеслась к планам «крестового похода» без всякого энтузиазма. Никто не выражал таких сомнений и опасений по поводу затеянной авантюры, как коронный гетман Жолкевский. По всей Речи Посполитой, в народе и даже среди сенаторов, предупреждал гетман, многие не одобряют этой войны и считают, что король стремится извлечь выгоду лично для себя, а не для Речи Посполитой. Жолкевский не разделял сумасбродных идей о колонизации России и высказывался за соглашение с русской знатью и за унию двух государств.

Польские послы, вернувшиеся из Москвы, уверяли Сигизмунда III, что знатные бояре готовы передать ему царский трон и заключить династическую унию. Сведения аналогичного характера поступали из самых разных источников.

Литовский канцлер Лев Сапега советовал королю начать с завоевания Смоленска. Он утверждал, что крепость сама откроет ворота, стоит постучать в них. В сентябре 1609 г. отряды Льва Сапегы подошли к Смоленску. Несколько дней спустя к нему присоединился Сигизмунд III. Королевская рать насчитывала немногим более 12 000 человек. В ней было больше кавалерии,

чем пехоты. Артиллерийский парк включал не более полутора десятка орудий. Сигизмунд III готовился к легкой военной прогулке, но никак не к осаде первоклассной крепости.

Один из самых древних русских городов, Смоленск в начале XVI в. вошел в состав Русского государства. Через Смоленск проходили торговые пути, связывавшие Россию с Западом. На его посадах располагалось, по словам современников, до 6000 дворов. Население превышало 20 000 человек.

Смоленск служил ключевым пунктом всей русской обороны на западе. В правление Бориса Годунова город был обнесен мощными каменными стенами. Строительством их руководил замечательный русский архитектор Федор Конь. Годунов сравнивал новую крепость с драгоценным ожерельем, надежно защищающим Русскую землю. Смоленские стены имели протяженность почти 6 верст, а их толщина превышала 5 метров. В состав смоленского гарнизона входило не менее 1500 стрельцов. С началом военных действий воевода призвал к оружию посадских людей. Днем и ночью караулы на стенах крепости несли 1862 человека из горожан, вооруженных ружьями и саблями. В Смоленске было без малого 1200 дворян.

Современ войны с первым симозванцем московское командование собрало в Смоленске огромные запасы продовольствия и пороха.

Затеяв поход на Смоленск, Сигизмунд III особым универсалом объявил, что он сжалился над гибнущим Русским государством и только потому идет оборонять русских людей. Король повелевал смолянам отворить крепость и встретить его хлебом-солью.

Жители Смоленска отвечали, что скорее сложат свои головы, чем поклонятся ему. Началась беспримерная двадцатимесячная оборона города.

12 октября королевская армия предприняла штурм Смоленска. Солдаты бросились на приступ с двух сторон. Им удалось разрушить Авраамиевские ворота, но все попытки ворваться внутрь крепости были отбиты. Неприятелю пришлось перейти к длительной осаде. Наемники подвели мины под крепостную стену. С помощью подкопа смоляне нейтрализовали угро-

зу. Они тревожили неприятельский лагерь частыми вылазками. Среди бела дня кучка храбрецов пересправилась из Смоленска за Днепр, захватила вражеский штандарт и благополучно вернулась назад.

Тем временем армия Михаила Скопина продолжала медленно продвигаться к Москве, очищая от тушинцев и поляков замосковные волости и города. Соперничавшие гетманы Ружинский и Ян Сапсга осознали опасность и решили объединить силы, чтобы положить конец успехам Скопина. Они предприняли наступление на Александровскую слободу, занятую воеводой, но потерпели неудачу.

Вторжение войск Речи Посполитой побудило Москву искать более тесного союза со Швецией. 17 декабря 1609 г. царь заключил со шведами новое соглашение, предусматривавшее оплату дополнительной военной помощи со стороны Швеции, а также возможность новых территориальных уступок со стороны России.

Король Сигизмунд надеялся одним ударом пробить брешь в русской обороне и закончить войну в короткий срок. Мощь России была подорвана гражданской войной. Но ее армия отразила нападение королевской рати.

Распад Тушинского лагеря

Воеводы Лжедмитрия II сдавали город за городом. Неудачи посеяли раздор в Тушинском лагере. «Боярская дума» «вора» раскололась. Одни ее члены затеяли тайные переговоры с Шуйским, другие искали спасения в лагере интервентов под Смоленском.

Наемники не прочь были вернуться на королевскую службу, но им мешала алчность. Наемное воинство не слышать не желало об отказе от «заслуженных» миллионов. В конце 1609 г. самозванец вместе с Мариной уныло наблюдал из окошка своей избы за «рыцарством», торжественно встречавшим послов Сигизмунда III. Послы не удостоили «царька» даже визитом вежливости. Тушинские ротмистры и шляхта утверждали, будто они, служа

«Дмитрию», служили Сигизмунду, отстаивали его интересы в войне с Россией. Поэтому они требовали, чтобы королевская казна оплатила их «труды», и тогда они немедленно отправятся в лагерь под Смоленском. Переговоры зашли в тупик.

Воспользовавшись моментом, в Тушино тайно пробрался Адам Вишневецкий, «маршалк» Лжедмитрия II. Встреча закончилась попойкой. На радостях «царек» подарил «старому другу» саблю, коня с богатой сбруей и белую парадную одежду, украшенную соболями и жемчугом. Весть об этом вызвала возмущение солдат. Ружинский выславил дверь царской избы и стал бранить князя: «Что ты тут делаешь, лун? Берешь за свои сплетни наши заслуги! Ведь тут у иного кровь льется — сила уходит, и нечего дать никому из нас!» Затем гетман принялся бить палкой пьяного пана Адама, пока палка не сломалась в его руке.

Ружинский обозвал «самодержца» сукиным сыном и бросил ему в лицо: «Черт тебя знает, кто ты такой. Мы, поляки, так давно проливали за тебя кровь, а еще ни разу не получали вознаграждения и того, что нам положено еще». Шкюловский бродяга едва избежал побоев.

Переговоры с королевскими послами усугубили раздор между поляками и русскими тушинцами.

Дела в «воровском» лагере шли вкривь и вкось. Ружинский не в силах был держать свое воинство в повиновении. Гетман и прежде не церемонился с «царьком». Теперь он обращался с ним как с ненужным хламом.

10 декабря «вор» предпринял попытку бежать из лагеря. Его сопровождали околотысячи донских казаков и московитов. Ружинский догнал беглецов и вернул в Тушино. После этого Лжедмитрию II перестали давать лошадей и воспретили прогулки. Однако ему удалось обмануть бдительность стражи.

Испросив коня у своего «боярина», «царек» укрылся у одного из донских хатманов в предместьях. Наемники несли усиленные караулы на заставах, окружавших лагерь со всех сторон. Вечером 27 декабря 1609 г. к южной заставе подъехали казаки с санями. Поверх теса, которым были загружены сани, сидели несколько человек. Не найдя ничего подозрительного, солдаты пропустили их. Они не знали, что на дне саней лежал, съезжив-

шлись в комок, «московский самодержец». Он был завален дранкой. Подле «вора» в повозке прятался шут.

Прибыв в окрестности Калуги, Лжедмитрий II обратился к жителям с воззванием. Он жаловался на измену Ружинского, который обещал королю Северскую землю. «Вор» клялся, что не отдаст полякам ни пяди Русской земли, но вместе со всем народом умрет за православную веру.

Гарнизон Калуги тут же открыл ворота и встретил «царя» хлебом-солью.

Едва в Тушине распространилась весть об исчезновении «Дмитрия», как наемники бросились грабить «дворец», растащили имущество и регалии «самозванца». Королевские послы держали своих солдат под ружьем. Их обоз подвергся обыску. Подозревали, что труп Лжедмитрия спрятан в посольских повозках. Пан Тышкевич обвинил Ружинского в том, что тот либо пленил, либо умертвил «царька». Его отряд открыл огонь по палаткам Ружинского и попытался захватить войсковой обоз. Люди гетмана, отстреливаясь, отступили.

Патриарх Филарет и «воровские» бояре забыли о том, что присягали на верность «Дмитрию». Они предали «царька» и выразили готовность поступить на службу к королю. Польские послы зачитали обращение, из которого следовало, что король пришел в Россию «для сохранения государств и русского народа, которому надо лишь отдаться под его покровительство», а «он готов их защитить и снять с них тиранскую неволю». Слушая письмо, тушинские сановники плакали от радости и лобызали королевскую подпись на грамоте. Некоторые из них заявили, что хотели бы видеть на царском троне потомство Сигизмунда III.

Вскоре в Тушине узнали, что «царек» жив и находится в Калуге. Гонец Казимерский привез от него письма к полякам и «царице» Марине. «Вор» попытался перехитрить всех с помощью новых уловок. Он заявлял, что уехал в Калугу на охоту и согласен вернуться в Тушину при условии, что «поляки вновь присягнут ему, а изменившие ему москвиты будут казнены».

В минуту опасности Лжедмитрий II поступил с Мариной совершенно так же, как Отрепьев. В письмах к отцу «царица» жа-

ловалась, что стала никому не нужна: «...никго не может указать мне безопасного места для приличного и спокойного жительства, и никто нехочет посоветовать мне что-либо для моего блага»: «Тяжелая скорбь моя, должно быть, сведет меня безвременно в могилу, что я предпочитаю злорадству всего мира над моим несчастьем».

Оказавшись в безвыходном положении, «московская царица» уведомила Сигизмунда III, что готова отдаться под его власть, и выражала надежду, что он примет ее, а семью «щедро вознаградит». «Это будет служить, — продолжала она, — залогом овладения Московским государством».

Брошенная «вором» на произвол судьбы, Мнишек тщетно хлопотала о спасении своего призрачного трона. Гордая «царица» обходила шатры и старалась тронуть одних солдат слезами, других — своим женскими прелесгями. Она «распугно проводила ночи с солдатами в их палатках, забывшись добродетель». Так писал в дневнике ее собственный дворецкий.

Вскоре Марина убедилась, что не все потеряно: многие наемники готовы вернуться под знамена «Дмитрия». Убедившись в этом, «царица» отказалась от дальнейшей переписки с королем.

В Калугу был спешно отправлен пан Тышкевич с посольством. «Самозванец» жаловался ему на козни короля и «измену» Ружинского и главы его «думы» Миханла Салтыкова, которые «явно покушались на его жизнь». Лжедмитрий требовал смещения гетмана Ружинского. Как только «воинство приведет в Калугу Ее величество царицу», заявил шкловский учитель, он тотчас уплатит по 30 злотых на коня. В прежние времена за «царицу» обещали миллион, теперь намного меньше.

Вести, привезенные Тышкевичем, ободрили приверженцев «вора». Они уговорили донских казаков немедленно выступить в Калугу к «царю». Средибеладня 2000 донцов и 500 татар с развернутыми знаменами покинули лагерь.

Глава Казачьего приказа Заруцкий продолжал преданно служить гетману Ружинскому и тушинским боярам. Будучи подданным Сигизмунда III, он намеревался вместе с польскими наем-

ными солдатами вернуться на королевскую службу. Рядовые казаки отказались подчиниться ему.

Столкнувшись с неповиновением, «боярин» попытался силой удержать казаков в лагере. Стычки закончились не в пользу Заруцкого.

Атаман привык добиваться своего, какой бы крови это ни стоило. Он предал казаков и заблаговременно уведомил Ружинского об их планах. Гетман вывел в поле конницу и напал на отходивших пеших казаков. Дорога от Тушина до Калуги была усеяна трупами. Сотни, которым удалось пробиться, были разгромлены паном Млоцким.

Наемникам вскоре пришлось пожать плоды учиненной ими бойни. Кровавое пролитие ускорило размежевание сил внутри Тушинского лагеря. Сопротивился возглавил ближайший соратник Болотникова атаман Юрий Беззубцев. Пану Млоцкому, посланному в Серпухов, пришлось первому оплатить счет. Жители Серпухова подняли восстание. Казаки Беззубцева, не желавшие переходить на королевскую службу, поддержали их. Отряд Млоцкого подвергся поголовному истреблению. Восстало население нескольких других городов, верных Лжедмитрию II.

Ружинский, Заруцкий и другие вожди Тушинского лагеря громко бранили «царицу московскую», якобы повинную в кровавом пролитии. Они объясняли казачий бунт ее происками. Марина опасалась, что гетман бросит ее в тюрьму или отошлет к королю под Смоленск.

«Царица» принуждена была искать спасения в Калуге. Самозванец выслал ей навстречу 3000 казаков, но поляки подстергали их и разогнали. В ночь на 13 февраля 1610 г. Марина, надев казачье платье, верхом, с двумя слугами и десятком Донцов тайно покинула Тушино и отправилась в путь. Но вместо Калужской дороги она попала на Дмитровскую. Тут ее «изловила» стража пана Петра Сапеги. Тот еще в январе отступил в Дмитров. Соперничество Ружинского и Сапеги было на руку «царице». Сапега устроил Марине торжественную встречу.

Покидая Тушино, Мишик обратилась к польским солдатам с прошальным посланием. Оно было выдержано в патетическом тоне. «Царица» объявляла, что не может более выносить «ос-

корблений невинности и презрения»; «полно сердце скорбью, что и на доброе имя и на сан, от Бога данный, покушаются! С бесчестными (непотребными женщинами? — Р.С.) меня равняли на своих собраниях и банкетах, за кружкой вина и в пьяном виде упоминали».

Скопин нанос поражение Сапеге и предпринял штурм Дмитрова. При обороне крепости отличилась Марина. Видя малодушие солдат, она бросилась на вал с криком: «Злодеи, я женщина, и то не испугалась!»

Сапега не желал отпускать «царицу» из своего стана, но она пригрозила, что будет защищаться от него с преданными ей донскими казаками.

В конце февраля Сапега сжег Дмитров и отступил к границе. Переодевшись в мужское платье, Мнишек (то в санях, то верхом) уехала в Калугу.

Сбор налогов и грабежи позволили Лжедмитрию II пополнить казну. В воззваниях к солдатам он предлагал теперь всем, кто вернется на службу, по 40 злотых на коня сразу по прибытии в Калугу. Воззвания возымели действие. Весной солдаты подняли мятеж и толпами стали перебираться к «царьку». Толковали, что это Марина «взбунтовала воинство пана Сапегы», еще будучи в Дмитрове. Не дойдя до Калуги, польские наемники остановились на Угре и потребовали деньги. С согласия короля к ним явился гетман Сапега. Фактически он стал во главе всего калужского войска.

Самозванец и Марина горячо благодарили Сапегу, закрывая глаза на его подлинные цели. Для короля военная ситуация приобрела критический характер, и он старался использовать «воровскую» рать в своих целях. Дважды Сигизмунд посылал в Калугу посредников с предложением отправить в лагерь под Смоленск посольство для заключения союзного договора. В июле Лжедмитрий II выразил согласие заключить тесный союз с Речью Посполитой. Но к тому времени обстоятельства переменились.

В Тушине эмиссары Сигизмунда III продолжали переговоры с Филаретом и русскими тушинцами. Авантюра близилась к бесславному концу, и «воровские» бояре готовы были пустить-

ся во все тяжкие, лишь бы продлить игру. По словам очевидцев, тушинцы — «как духовенство, так и бояре — целыми группами, в присутствии панов, целовали крест его величеству королю».

Однако тушинская дума не решилась объявить о переходе в подданство короля-католика. В глазах русских людей государь был прежде всего главой православного царства. Патриарх и «воровская» дума благодарили Сигизмунда III за милость, но сообщали, что при всем желании видеть на Московском государстве короля с его потомством они не могут решить столь важного дела без совета всей земли.

Как только самозванец бежал из лагеря, Филарет и бояре между собой тотчас договорились и вошли в соглашение с польско-литовскими командирами, что им не отъезжать «к Шуйскому и Михайле Скопину», а также ни Шуйских, ни иных бояр московских «на государство не хотеть».

Некогда Василий Шуйский, стремясь избавиться от первого самозванца, предложил московский трон сыну Сигизмунда III. Тушинцы возродили его проект, чтобы избавиться от самого Шуйского. Идея унии России и Речи Посполитой, имевшая ряд преимуществ в мирных условиях, приобрела зловещий смысл в обстановке интервенции. Тысячи вражеских солдат осаждали Смоленск, вооруженной рукой захватывали русские города и села. Надеяться на то, что избрание польского королевича на московский трон положит конец иноземному вторжению, было чистым безумием.

Тушинский лагерь распался на глазах. Но патриарх и бояре по-прежнему пытались изображать правительство. В течение двух недель тушинские послы — боярин Михаил Салтыков сынном, князь Василий Мосальский, князь Юрий Хворостинин, Лев Плещеев, Михаил Молчанов и дьяки — вели переговоры с королем в его лагере под Смоленском. Предлагая возвести на царский трон королевича, Михаила Салтыков «с плачем» говорил о необходимости сохранить в неприкосновенности православную веру и традиционные порядки Московского государства, а его сын высказывал надежду, что король умножит «права и вольности» народа.

Статьи об унии, представленные тушинскими послами, не сохранились. Но известен «отказ» (ответ) короля на эти статьи, датированный 4 февраля 1610 г. Этот документ был вручен тушинцам, а также распространен в Речи Посполитой и отправлен боярам в Москву. Сигизмунд III согласился с тем, что Московское царство, вступив в тесный военный союз с Речью Посполитой, сохранит полную автономию.

Русские статьи соглашения предусматривали, что Владислав Жигимонтович «производит» принять греческую веру и будет коронован Московским патриархом по православному обряду. Ответ короля на этот пункт боярских «статей и просьб» носил двусмысленный характер. Сигизмунд не принял никаких обязательств по поводу отказа сына от католичества.

По тушинскому проекту Владислав должен был править Россией вместе с Боярской думой и священным собором. Потрясения Смутного времени раздвинули рамки земской соборной практики. Русским людям казалось теперь невозможным решать дела без собора. Королевицу вменялось в обязанность совещаться по самым важным вопросам с патриархом, высшим духовенством, боярами и со «всей землей». Под «всей землей» тушинцы понимали прежде всего дворянство и торговые верхи.

Составители договора ни разу не упомянули о «московских княженецких родах». Подобное умолчание объяснялось тем, что княжеская знать, включая суздальских князей, в массе сохраняла верность династии Шуйских.

Тушинцы проявляли заботу о разоренных дворянах и осторожно отстаивали принцип жалования «меньших станом» (мелких детей боярских) по заслугам. Владислав не должен был «никого поневоле» выводить из Московии в Польшу. Русским дворянам разрешалось ездить для получения образования в другие государства. Договор гарантировал им сохранность поместий и «животов».

Тушинские бояре отстаивали незыблемость крепостнических порядков. Они настойчиво рекомендовали Владиславу «крестьянам на Руси выхода не давать», «холопам боярским воли не давать, а служить им по крепостям». Вопрос о будущем вольных казаков оставался открытым.

Филарет Романов одобрил заключенное соглашение и, покинув «воровскую» столицу, отправился в королевский лагерь.

Каким бы ни было содержание смоленского договора, он оставался не более чем клочком бумаги. Король Сигизмунд отчаялся предоставить тушинцам гарантии его выполнения. Впрочем, надобности в гарантиях не было: тушинское правительство распалось на другой день после подписания соглашения. Салтыков и прочие «послы» остались в королевском обозе под Смоленском. Они окончательно превратились в прислужниковиноземных завоевателей. Король использовал договор, чтобы завуалировать истинные цели затеянной им войны и ускорить завоевание пограничных земель.

Смоленский договор окончательно осложнил и без того запутанную обстановку в России. Рядом с двумя царями — законным в Москве и «воровским» в Калуге — появилась, подобно миражу в пустыне, фигура третьего царя — Владислава Жигимонтовича. Действуя от его имени, Сигизмунд щедро жаповал тушинцам земли, ему не принадлежавшие.

В смоленском договоре король усматривал верное средство к «полному овладению московским царством». Однако даже он отдавал себе отчет в том, что военная обстановка не слишком благоприятствует осуществлению блистательных планов. Осада Смоленска длилась уже более полугода. Королевская армия несла потери, но не могла принудить гарнизон к сдаче. Отряды Ружинского и Яна Сапеги несумели удержаться в Подмоскovie. После кровопролитных боев Ян Сапега отступил из-под стен Троице-Сергиева монастыря к литовскому рубежу. Ружинский сжег Тушинский лагерь и ушел к Волоколамску.

Смерть Скопина

Военные успехи князя Михаила Скопина были впечатляющими. Он неуклонно приближался к столице, громя тушинцев. Дворяне не верили в способности неудачливого царя Василия и все больше уповали на энергию и авторитет его племянника.

Прокофий Ляпунов раньше других выразил мысль, которая у многих была на уме. В письме к Скопину-Шуйскому он писал о царе Василии «со многими укоризнами», зато молодого воеводу «здороваше» на царство. По словам поляков, в войске, которое Скопин вел к Москве, его звали «царем».

Свою грамоту Ляпунов отправил Михаилу Скопину в Александровскую слободу. Рать Скопина освободила Александровскую слободу в октябре 1609 г. А это значит, что вождь рязанских дворян пришел к мысли о низложении царя Василия сразу после вступления Речи Посполитой в войну.

По местным меркам Скопины стояли очень высоко. При обороне Пскова от войск Батория князь Василий Скопин, отец Михаила, числился старшим воеводой крепости, а Иван Шуйский формально ему подчинялся. Лежедмитрий I не мог произвести в бояре двенадцатилетнего юношу, но пожаловал ему боярский оклад.

Поляк Станислав Немоевский хорошо знал польских секретарей царя и был принят при дворе. Накануне переворота 17 мая 1606 г. он задержался в комнате у «Дмитрия» до часа ночи. Его осведомленность не вызывает сомнений. Согласно дневниковым записям Немоевского, высшие оклады при дворе «Дмитрия» были положены «Шуйским: первому — Михаилу Скопину — 600 рублей, Василию — 600, Дмитрию — 600, Ивану — 500, Татишеву — 300, Воротынскому — 300». Даже не будучи боярином, Скопин числился «первым» из Шуйских и получал такой же оклад, как старший боярин Василий Шуйский и его брат.

Искони государи жаловали первым сановникам царства северные провинции — Вагу, Чаронду, Тотьму и Ршму. Ежегодный доход с них составлял 9000 рублей. Царь Василий поделил эти провинции между братом Дмитрием и племянником Скопиным.

Превосходя трех братьев Шуйских знатностью, Скопин обладал неоспоримыми правами на трон. Молва о распрях среди Шуйских распространилась по всей стране. Как заметил псковский летописец, братья государя стали клеветать на Скопина уже в то время, когда воевода находился в Александровской слободе. Василию Шуйскому со всех сторон поступали доносы, что

народ хвалит Скопина, «яко достоин сицевый князь и сильный муж и храбрый быти царем».

Военные действия требовали средств, и Скопин должен был позаботиться о финансах. Осада Москвы затрудняла сбор платежей с уездов. Князь Михаил обладал большими возможностями. Известно, что в августе 1609 г. он отправил гонцов в северные города с распоряжением собрать деньги «немецким и крымским ратным людем (союзникам. — Р.С.), сколько кому мочно дать».

Молодой воевода готовился идти прямо к Смоленску, но получил от царя Василия повеление спешить в Москву.

Рязань готова была поднять мятеж против самодержца. Ляпунов помог государю справиться с Болотниковым, за что получил чин думного дворянина. Трезво оценив последствия польского вторжения, Ляпунов пришел к выводу, что страну ждет катастрофа, если Шуйский останется на троне. Чтобы избежать губительных потрясений, Ляпунов предполагал добиться отречения Василия в пользу его племянника Скопина. Передвижка власти должна была пройти внутри династии, в виде законного перехода власти от дяди к племяннику.

Скопин-Шуйский опасался кары царя Василия и велел арестовать посланцев Ляпунова, но затем отпустил их. Боярин под присягой обязался доносить обо всех «лихих» замыслах против государя, о которых узнает. Но он нарушил клятву и ничего не сообщил царю.

Можно указать на многозначительный факт. После занятия Слободы Скопиным царь Василий спешно отправил туда двух своих главных «ушников» (доносчиков) — бояр Ивана Куракина и Бориса Лыкова. Шуйскому недоставало сил для надежной защиты столицы. Тем не менее он отослал из Москвы в Слободу крупный отряд войск. Очевидно, в окружении Скопина нашлись соглядатаи, донесшие государю о грамоте Ляпунова.

Чтобы сохранить власть, Шуйским надо было сберечь единство клана. Донос на Скопина положил начало семейной распре, получившей широкую огласку. В письме Сигизмунду III от 17 февраля 1610 г. гетман Роман Ружинский сообщал: «Василий Шуйский в распре с Михаилом Скопиным и каждый из

них промышляет сам о себе... по имеимы мною от лазутчиков уведомлениям, нетрудно было бы его привлечь на сторону В. К. В.». Ружинский считал желательным пригласить Скопина на королевскую службу, а это значит, что речь шла не о мимо-летней размолвке, а о глубоком конфликте.

Король последовал совету Ружинского и 3 марта обратился к Скопину с обширным посланием. Он убеждал боярина свергнуть Василия Шуйского и призвать королевича Владислава. Сигизмунд притворно просил у Скопина разрешения на переворот. «Мы не будем противиться избранию нашего сына на Московское государство. — писал монарх, — если, по воле Всемогущего Бога, это состоится с согласия всей земли, и если ты, князь Михаил Васильевич Шуйский, пожелаешь дать на это разрешение вместе со всеми боярами, окольничими, думными дьяками, дворянами и детьми боярскими»; «мы будем тебя любить и пожалуем тебя нашей королевской милостью, а также одарим всякими наградами, каких только ты сам пожелаешь». По всей вероятности, царю Василию донесли об интригах Сигизмунда III.

Современники отметили, что Скопин не спешил освободить столицу. Исаак Масса с нескрываемой иронией отзывался о затянувшемся походе: «...против всякого чаяния Москва больше года выдерживала осаду, пока эти освободители подходили к ней и соединялись вместе; неприятель тем временем опустошил всю окрестную страну».

Князь Михаил Скопин медлил с возвращением в столицу не только из-за недостатка сил. При господстве местнических порядков воевода по прибытии в Москву имел мало шансов удержать высшее военное командование в своих руках. В столице ему неизбежно пришлось бы терпеть мелочную опеку со стороны государя, его постоянное вмешательство в военные дела.

Дело не ограничивалось соображениями личной карьеры. У воеводы были все основания бояться, что плоды его побед исчезнут в неловких руках старших Шуйских.

Скопин не простил дяде того, что вдни похода на Незнать тот сместил его и отослал в Новгород перед решающим столкновением.

Царь Василий не лукавил, когда обещал москвичам, что воевода Скопин со дня на день освободит столицу. В критические моменты он не раз посылал боярину настоятельные приказы спешить на выручку «царствующему граду», но добиться послушания от воеводы не мог. Между тем из-за промедления Скопина монарх мог лишиться трона.

Скопин полтора года вел войну по своему плану и разумению, пренебрегая приказами из Москвы. Рознь между царем и его племянником становилась все более заметной. До Александровской слободы было рукой подать. Однако прошло пять долгих месяцев, прежде чем мать Скопина прибыла в столицу.

С наступлением весны князь Михаил Скопин и Яков Деларгари в сопровождении союзной армии торжественно вступили в Москву. 12 марта 1610 г. Скопин ввел к царю шведского полководца, которому в качестве особой милости позволено было явиться в залу с саблей в ножнах.

Столица оказала поистине царский прием герою, что усилило подозрения Шуйского. Оставшись наедине с племянником, царь Василий попытался объяснить с ним причину. В пылу семейной ссоры Скопин-Шуйский будто бы посоветовал дяде оставить трон, чтобы земля избрала другого царя, способного объединить страну.

Если все так и было, Скопин сам подписал себе смертный приговор. В роду московских государей мало кто из удельной родни умирал естественной смертью.

В силу своей исключительной знатности Скопин-Шуйский имел право занять трон или по крайней мере получить удельное княжество. Его право было подкреплено выдающимися воинскими заслугами. Но требовал ли Скопин для себя удела, неизвестно.

Авраамий Палицын подчеркивал, что лица из ближайшего окружения государя (в их числе князь Дмитрий Шуйский) всячески интриговали против славного воеводы: «с клятвою подходят в тайных думех самодержца, яко вся земля Российская почитают князя Михаила паче тебя, великий царю, еще же и скипетроносца хотят его видети».

Конфликт между Скопиным и монархом был замечен не только поляками, но и шведами, находившимися в столице. Командующий союзным шведским войском Яков Делагарди настойчиво советовал боярину как можно скорее покинуть Москву, видя кругом «ненависть и злобу».

Московское командование спешно готовило армию к решющему сражению с королевскими войсками. На выручку Смоленску должны были выступить главные силы. В соответствии с традицией, главную армию могли возглавить либо сам царь, либо старшие бояре думы. Таковыми были князь Федор Мстиславский и конюший боярин князь Дмитрий Шуйский.

Царю Василию предстоял трудный выбор. Народ чествовал Скопина как героя и ждал, что он будет назначен главнокомандующим. Но было очевидно, что новые победы Скопина неизбежно повысят его шансы на обладание короной.

Братья царя не скрывали тревоги. Царь Василий не имел детей, и его брат Дмитрий готовился использовать это обстоятельство. Чин конюшего боярина, пожалованный Дмитрию, имел особое значение. В качестве «начального боярина» конюший в периоды междуцарствия наделялся особыми прерогативами. По свидетельству папского легата Антонио Поссевино, в Московском государстве конюшие обладали правом выбора царя, когда трон был вакантен. Еще более определенно высказался знаток московских порядков дьяк Григорий Котошихин: «Ахго бывает конюшим, и тот первый боярин чином и чesтью; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем кроме того конюшего? Иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания».

Конюший Дмитрий Шуйский надеялся унаследовать трон после смерти брата. Однако стремительная карьера Скопина грозила расстроить его планы. Стоя на городском валу и наблюдая торжественный въезд Скопина, Дмитрий не удержался и воскликнул: «Вот идет мой соперник!»

Дмитрий использовал все средства, чтобы скомпрометировать воеводу. Явившись к монарху, он обвинил Скопина в стремлении захватить власть и в решении, принятом по собственному усмотрению, о передаче шведам ряда замков и земель в обмен на

военную помощь. Такое обвинение затрагивало патристические чувства народа. Договор, заключенный Скопиным со шведами, предусматривал передачу им Карелии. Покушение на территориальную целостность страны всегда влекло за собой обвинение в государственной измене.

Царь Василий будто бы защищал воеводу. Дело дошло до ссоры, и самодержец якобы ударил брата посохом. Вскоре монарх поручил Скопину и еще двум боярам разработать вместе с Делгарди план предстоящей военной кампании. Шведы потребовали предварительно передать им все обещанные земли. Под этим предлогом Делгарди отказался участвовать в совещании. Демарш шведского главнокомандующего поставил Скопина в затруднительное положение.

Боярская Москва задала в честь Скопина пир, длившийся много дней. В конце апреля после очередного празднества воевода почувствовал себя плохо и вскоре скончался.

На страницах Дневника похода Сигизмунда III под Смоленск находим самое раннее известие о кончине Скопина. 3 мая 1610 г. составитель Дневника пометил: «...жена Дмитрия Шуйского отравила его на крестинах, каким образом, это еще не известно, но он болел две недели и не мог оправиться». Сведения были получены поляками от двух московских детей боярских перебежчиков, прибывших из Можайска.

Князь Михаил умер, согласно панихидной записи Кремлевского Архангельского собора, 23 апреля, а значит, заболел 9 апреля 1610 г. Гетман Жолкевский в Записках воспроизвел версию о насильственной смерти Скопина: он «умер отравленный (как сперва носились слухи) по изветам Шуйского, вследствие ревности, бывшей между ними». Позднее гетман сделал важную оговорку: «...между тем, если начнешь расспрашивать, то выходит, что он умер от лихорадки». Первые известия Жолкевский получил из тех же источников, что и Сигизмунд III. Но в сентябре 1610 г., по прибытии в Москву, он виделся с Воротынским, Шуйскими и с женой Дмитрия Екатериной. Жолкевский увез братьев Шуйских и Екатерину в Польшу. В пути он имел возможность подолгу беседовать с ними. Понятно, что пленники старались оправдать себя.

Из «Рукописи Филарета» следует, что Скопин был в доме Воротынского на крестинах его сына: «...разболеся сей храбрый и разсмотрительный воевода князь Михаил Васильевич, и умре, глаголют убо нещии, яко отравлен бысть, на крестинном пиру, у князя Ивана Михайловича Воротынского, егда крести сына своего Алексея, от князя Дмитриевы жены Ивановича Шуйского, от княгини Екатерины, в вине на перепиванье. И тако едва доиде до монастырню пазуху, потом пустися руда из носа и из рта...» В окончательной редакции «Рукописи Филарета» все сведения об отравлении Скопина были тщательно вычеркнуты.

Если верить русским источникам, дочь Малюты Екатерина Скуратова поднесла князю Михаилу кубок вина с ядом «на перепиванье», когда гость основательно перепил.

Некогда такой вид смерти царь Иван IV выбрал для своего двоюродного брата князя Владимира Старицкого, последнего из членов династии, который мог оспорить трон у царских сыновей. По его приказу Малюта Скуратов, отец Екатерины, поднес князю Владимиру чашу с отравленным вином.

Может быть, Скопин не выдержал многодневных лихорадок и свою честь и умер с перепоя? Такое предположение сомнительно. Князю исполнилось 24 года, и он был в расцвете сил. Молодой человек был рослым и обладал недюжинной физической силой. Для умершего не сразу нашли подходящий гроб, так как даже самые большие из готовых гробов оказались малы.

Почувствовав себя плохо, Скопин сумел добраться до монастыря, где к нему были вызваны немецкие доктора. Проболев две недели, он скончался. По польской версии, причиной смерти была лихорадка — жар, высокая температура. Но почти все русские источники упоминают о сильном кровотечении из носа и рта как непосредственной причине смерти.

Придворный летописец Романовых записал толки о гибели героя, но оговорился, что истины он не знает. Столь же осторожен Авраамий Палицын. Мало поболел, отметил он, воевода «к Господу отъиде, но не вемы убо, како рещи, Божий ли суд нас постиже, или злых человек умышление совершися. Единый создавый нас весть». Враждебный царю Василию псковский ле-

тописец винил в смерти Скопина не самого государя, а его братьев.

Монарх пролил слезы над гробом племянника и приказал похоронить его в Архангельском соборе Кремля с царскими почестями.

Память о Скопине отразилась в исторических песнях. В 1618 г. в Москву прибыл священник Ричард Джеймс, бакалавр Оксфорда, сопровождавший королевских послов. Для него была сделана запись русских песен, одна из которых — плач по Скопине. В народе о нем плакали и москвиты, и «свейские немцы». Князья Мстиславский и Воротынский горюют о славновоевоеде и приговаривают, что взлетел он высоко, но летал недолго:

Высоко сокол поднялся
И о сыру матери землю ушибся.

В другой песне описаны крестины у Воротынского, на которых кум — «привитель царства Московскаго» князь Скопин, а кума — жена князя Дмитрия Шуйского. За столом бояре хвалились силой и богатством, а Скопин — тем, что очистил Московское царство. Обиженные бояре подсыпали зелья в кубок со сладким медом, а жена Дмитрия Шуйского поднесла отравленную чашу.

Смерть Скопина-Шуйского роковым образом сказалась на положении дел в армии и стране. Прокофий Ляпунов обратился с посланием к городам. Он возложил всю ответственность за смерть Скопина на царя Василия и призвал не повиноваться ему. Рязань и ее пригороды, занятые ратниками Ляпунова, отложились от Москвы.

Гражданская война расколола рязанское дворянство. Ляпуновы подняли мятеж. Измайловы остались верны трону, Сунбулов осел в «воровском» лагере.

Прокофий Ляпунов нашел союзников в Москве. Среди них первенствовал князь Василий Юлицын. В дни мятежа против Бориса под Кромами Юлицын велел связать себя, чтобы оправдаться в случае неудачи, а Ляпунов с оружием в руках возглавил бунт.

После кончины Скопина думный дворянин Ляпунов составил новый заговор с Голицыными. По легописи, он стал думать думу большую с Голицыным на Шуйского.

Поражение под Клушином

Вместе с князем Михаилом Скопиным в Москву прибыли шведы. Близилось решающее столкновение. Под командой Делагарди находился отряд в полторы тысячи человек. С севера на помощь к нему спешили подкрепления. Король Карл IX отправил в Россию своих лучших полководцев. В конце концов численность шведского корпуса была доведена до 8—10 тыс. солдат.

Не имея в казне денег, власти прибегли к новым займам у купцов. Царь Василий заложил собственные золотой ковш и чарку. По его приказу было изъято много золотых и серебряных вещей из государственной сокровищницы. Среди других предметов в переплавку на Монетный двор были отправлены статуи двенадцати апостолов (якобы «ростом с человека»), сделанные из чистого золота. С мая 1610 г. Монетный двор в Москве стал чеканить золотые копейки, по стоимости превосходившие серебряные копейки в десять раз. «Червонные золотые» предназначались для выплаты жалованья наемникам. Но солдаты неохотно принимали их, считая объявленную стоимость золотых завышенной.

Царь Василий возлагал на шведскую армию большие надежды. За плечами у шведов был долгий поход. Они ждали, что после освобождения Москвы они получат деньги в полный оклад. Шуйский клялся, что в течение трех — шести месяцев завершит расчет. Солдатам вручили письменное обязательство царя. Дмитрий Шуйский предложил солдатам быть у них «в заложниках», пока они не получат всех денег. Обещания не удовлетворили наемников.

На соединение с армией Дмитрия Шуйского двигался трехтысячный отряд фельдмаршала Эверта Горна. В пути солдаты Горна, не получив обещанных денег, подняли мятеж и заявили,

что отказываются подчиняться, пока им не заплатят. Зачинщиками бунта были два полковника. Под покровом ночи 80 англичан перешли на сторону поляков. Шведский военачальник повесил нескольких солдат. Мятеж был подавлен.

Жолкевский завязал сношения с недовольными, обратившись с тайным воззванием к французским наемникам в армии Горна. Француз-перебежчик, доставивший письмо, попал в руки шведов и был казнен.

Делагарди с трудом удерживал в повиновении свое разноязычное воинство. В канун битвы в полки прибыл дьяк Разрядного приказа Яков Демидов с казной в 10 000 рублей, а также с соболями и сукнами на сумму 20 000 рублей. Казна была передана Делагарди, но он задержал раздачу жалованья. Солдаты отказывались брать в счет денег меха и сукна. Расчет не удовлетворил их.

В войске вспыхнул мятеж. «Главный виновник был казнен военным судом, а остальные ослушники вынуждены были покориться».

Оправдывая шведского военачальника, Петр Петрей утверждал, что тот не успел раздать солдатам присланные царем деньги и товары из-за того, что его торопили с выступлением в поход. Русские власти были склонны обвинять Делагарди. Позже, на переговорах с ним, они заявляли: «...ты тех денег, что к тебе Василей послал, ратным людям не выдал, а хотел дать после боя, умысля, которых людей побьют и ты теми деньгами хотел закорыстоватца». Командиры наемных войск нередко именно так поступали. Пронграв сражение, Делагарди поспешил раздать шведским солдатам задержанные деньги и товары на сумму 12 450 рублей.

Незадолго до битвы Делагарди снарядил обоз во главе с Меншиком Борановым (Берендом), с тем чтобы доставить в Швецию документы походной канцелярии, царскую подтверждающую грамоту договора со Скопиным, всю военную добычу, причитавшиеся лично ему деньги и царские подарки. Среди наемников приготовления вождя были истолкованы по-своему и вызвали крайнее негодование.

Снарядив рать, Василий Шуйский назначил главнокомандующим своего брата Дмитрия, рожденного, как говорили современники, не для доблести, а к позору русской армии.

Помощниками Дмитрия Шуйского были боярин князь Андрей Юлицын и окольный Данила Мезецкий. Старшие бояре в лице Федора Мстиславского и Ивана Воротынского в походе не участвовали.

Царь Василий не забыл о фатальных неудачах Дмитрия, но одни только братья не вызвали у него подозрений в измене.

С наступлением лета московское командование после многих хлопот собралодворянское ополчение и довело численность армии до 30 000 человек. Командованию пришлось разделить силы и значительную их часть оставить для обороны столицы. Москве грозило нападение войск Лжедмитрия II и его гетмана Яна Сапеги, находившихся подле столицы, в Калуге.

Передовыми силами армии Дмитрия Шуйского командовал сподвижник Скопина Григорий Валуев. В его подчинении находилось до 5—6 тысяч воинов. По словам очевидца Петра Петрея, то был цвет русской армии.

Действуя с исключительной отвагой и стремительностью, Валуев освободил Можайск и прошел по Большой Смоленской дороге до Царева Займища. Там он стал ждать подхода главных сил.

Дмитрий Шуйский замешкался, ожидая подхода шведов. Тем временем неприятель окружил войско Валуева. Воевода поспешил обнести свой лагерь тыном. Поляки теснили его со всех сторон. У русских кончился провиант. В лагере «негде было достать куска хлеба». Во время ежедневных вылазок русские потеряли до 500 солдат.

Каждой ночью Валуев посылал гонцов к Шуйскому с просьбой о помощи.

Князь Дмитрий двинулся к Цареву Займищу не напрямик — по Большой Смоленской дороге, но сделав небольшой крюк к Клушину, «ибо с той стороны ему было удобнее иметь сношения с Валуевым». От Клушина до острожка было всего 20 верст.

Польский гетман Станислав Жолкевский воспользовался разделением сил противника и упредил наступление союзных

войск на Смоленск. Он разбил ложный лагерь вокруг острожка Валуева и, оставив малочисленные заслоны, выступил навстречу русско-шведской армии.

К вечеру 23 июня 1610 г. войска Дмитрия Шуйского и Делагарди расположились на ночлег у села Клушина. На другой день союзники предполагали атаковать поляков и соединиться с Валуевым.

Русская и шведская армии далеко превосходили по численности польское войско. Но Жолкевскому удалось пополнить свои силы за счет тушинцев. К нему присоединились Заруцкий с казаками.

Гетман решил нанести союзникам неожиданный удар. Оставив пехоту у валуевского острожка, он с конницей совершил ночной переход и 24 июня перед рассветом вышел к Клушину. Валуев мог в любой момент обрушиться на поляков с тыла. Но гетман не боялся риска.

Союзники знали о малочисленности противника и проявляли редкую беспечность. Они не позаботились выслать сторожевое охранение на Смоленскую дорогу. Шведский главнокомандующий Яков Делагарди допоздна пировал с Дмитрием Шуйским.

Во время военных действий в Ливонии Делагарди попал в пленк Жолкевскому и получил от него в дар рысью шубу. В шатре у Шуйского Делагарди похвалялся, что пленит гетмана и одарится собольей шубой.

Русские и шведы расположились на ночлег несколько поодаль друг от друга. В предрассветные часы, когда лагерь спал, показались польские разъезды. Гетман заснал союзников врасплох. Но атаковать их с ходу ему все же не удалось. В ночной тьме армия Жолкевского растянулась на узких лесных дорогах, пушки увязли в болоте. Прошло более часа, прежде чем польская конница поднялась к месту боя.

К тому времени русские и шведы успели вооружиться. Оба войска выдвинулись вперед и заняли оборону, каждый впереди своего лагеря. Единственным прикрытием для пехоты служили длинные глетни, перегораживавшие крестьянское поле. Они мешали неприятельской кавалерии развернуться для ата-

ки до тех пор, пока полякам не удалось проделать в них большие проходы.

Бой под Клушином длился более четырех часов. Эскадроны тяжеловооруженных польских гусар несколько раз атаковали русских. Был ранен передовой воевода Василий Бугурлин, дробнул полк Андрея Юлицына. Настало время ввести в дело главные силы, но Дмитрий Шуйский предпочел укрыться в своем лагере. Не получив помощи, ратники Юлицына бросились бежать и спрятались в лесу.

На правом фланге шведская пехота вела беглый огонь, отстреливаясь из-за плетня от наседавшей конницы противника. В разгар боя поляки подвезли две пушки и обстреляли пехоту. Наемники поспешно покинули ненадежное укрытие и отступили к своему лагерю. Часть солдат отошла к лесу. Боевые порядки союзников оказались расчлененными.

Шведские командиры Делгарди и Горн покинули свою пехоту и с конным отрядом отступили в лагерь Шуйского.

Натиск польской кавалерии стал ослабевать, и союзники попытались перехватить инициативу. Отряд конных мушкетеров — англичан и французов — поскакал через клушинские поля навстречу врагу. Мушкетеры дали залп и повернули коней, чтобы пропустить вперед вторую шеренгу. Но поляки не дали им закончить перестроение и бросились в атаку. Мушкетеры смешались и отступили. На их плечах гусары ворвались в лагерь Шуйского. Пушкари и стрельцы не решились открыть огонь, опасаясь задеть своих. Промчавшись во весь опор через лагерь, гусары продолжали преследование. На обратном пути лагерь встретил их выстрелами, и им пришлось пробираться окольной дорогой.

Князь Шуйский «устоял» в обозе. К нему присоединился Андрей Голицын с остатками своего полка. Более 5000 стрельцов и ратных людей готовилось к последнему бою. При них находилось 18 полевых орудий. Дмитрий Шуйский сохранил достаточные силы для атаки, но он медлил и выжидал. В сражении настапа долгая пауза.

Острожек Валуева находился поблизости от Клушина. Сопратник Скопина был опытным воеводой. Его войско по числен-

ности далеко превосходило польские заслоны. Пехоте достаточно было одного-двух часов, чтобы соединиться с Шуйским. Удар свежих сил с тыла мог изменить ход битвы. Эта возможность не была использована. Валуев узнал о битве лишь с наступлением ночи.

Жолкевский оставался в нерешительности. Его кавалерия понесла большие потери. Вся пехота оставалась у острожка Валуева. При Жолкевском находилось, по его словам, не более сотни польской пехоты и 400 украинских казаков. Без пехоты гетман не мог атаковать русский лагерь, ошетилившийся жертвами орудий.

Но от перебежчиков поляки знали о затруднениях в войске союзников. В разгар битвы Делагарди и Горн, руководившие неудачной кавалерийской атакой, покинули пехоту. В их отсутствие наемное воинство заволновалось.

Оценив ситуацию, гетман послал в шведский лагерь племянника с предложением перейти на сторону Речи Посполитой. Гетман не скупился на обещания. Его обращение подтолкнуло солдат к мятежу.

Первыми на сторону врага перешли отряды французских наемников. Затем заколебались немецкие ландскнехты, стоявшие в резерве.

Узнав о переговорах, Дмитрий Шуйский приспал к немцам Гаврилу Пушкина с обещанием неслышанного вознаграждения.

Вернувшись в свой лагерь, шведские военачальники попытались покончить с бунтом. Но дело зашло слишком далеко. Стремясь спасти шведскую армию от полного распада, Делагарди предал русских союзников. Посреди клушинского поля он съехался с Жолкевским, чтобы заключить с ним перемирие отдельно от русских. Тем временем его роты с развернутыми знаменами прошли мимо своего главнокомандующего и присоединились к полякам.

Делагарди бросился в свой обоз и стал раздавать шведам деньги, присланные ему накануне царем. Английские и французские наемники требовали своей доли и едва не перебили шведских командиров. Не получив денег, они разграбили повозки Делагарди, а затем бросились к русскому обозу и учинили там грабеж.

Шведская армия перестала существовать. Король Карл IX рвал на себе волосы, узнав о катастрофе. Распад союзной шведской армии роковым образом сказался на судьбе русских войск.

Дмитрий Шуйский отдал приказ об отходе. Но прежде он велел разбросать по всему лагерю собольи меха из доставленной царской казны, одежду, драгоценности. Расчет был верным. Наемные солдаты бросились грабить лагерь, и время для преследования было упущено.

Поляки потеряли во время битвы до 215 солдат убитыми и ранеными. Потери шведской армии составили, согласно польским данным, от 700 до 1200 человек. Потери русских неизвестны.

Отступление полков превратилось в беспорядочное бегство. Ратники спешили укрыться в окрестных лесах. В полной панике князь Дмитрий гнал коня, пока не увяз в болоте. Бросив коня, воевода едва выбрался из леса. В Можайск он явился без армии. Там он оставался некоторое время в монастыре.

Писатели Смугного времени, сравнивая князя Дмитрия со Скопиным, замечали: «...отна с Богтаковою зверогонителя бодрого, и в его место дал воеводу сердца не храброго, но женствующими облажена вещьми, иже красоту и пищу любящего».

Бунт в шведской армии не был следствием одной лишь неспособности или ошибок командиров. В армии Скопина наемники подняли бунт и ушли за рубеж из-под Твери, в самом начале похода. Попытки вести войну с помощью наемников многократно терпели неудачу и в стане царя, и в «воровском» лагере. История наемных войск на Руси была историей мятежей и предательства.

Россия могла содержать поместное войско, которое служило с земли и довольствовалось ничтожным годовым жалованьем или же несло гарнизонную службу «без денег». В Западной Европе ставки на наемных солдат в десятки раз превышали царское жалованье дворянам.

Русские власти имели представление о преимуществах западных наемных армий. Но опыт войны показал, что Россия не имела средств для содержания армии европейского образца. Царская казна не была в состоянии обеспечить регулярную

выплату денег наемникам, а потому не могла рассчитывать на их стойкость. В этом заключалась одна из главных причин военной катастрофы.

Поражение поставило под вопрос будущее династии. Братья Шуйские, видимо, сознавали это. В списке «ушников» царя Василия можно прочесть такую запись: «Дворянин с Москвы Иван Матвеев сын Бугурлин здетми. В тайных гонцах с Москвы в Можайск от князя Василья от Шуйсково ко князю Дмитрею Шуйскому гонял и от князя Дмитрия из Можайска к Москве к Шуйскому гонял». Оставаясь в Можайске, Дмитрий Шуйский тщетно ждал подхода войска Валуева и подкреплений из Москвы.

Не имея вестей от Дмитрия Шуйского, Валуев на третий день после сражения произвел вылазку из острога. Весть о гибели русской армии под Клушином поколебала его мужество. Летман прислал к Валуеву Ивана Салтыкова. Этот тушинец клятвенно обещал, что король снимет осаду со Смоленска и вернет русским все порубежные города, едва страна признает Владислава своим царем.

В лагере под Царевым Займищем Валуев присоединился к договору об избрании Владислава на московский трон, заключенному под Смоленском. Жолкевский подписал клятвенную запись о том, что Польша не будет рушить православную веру, король отступит от Смоленска, как только защитники города сложат оружие, все русские пленные будут возвращены в Россию. Запись включала десяток других пунктов, исключительно выгодных и почетных для русских.

«Варваров» обвели вокруг пальца. Договор, заключенный без согласия на то короля, не имел никакой силы.

Дипломатические ухищрения принесли успех. Жолкевский добился того, что войско Валуева присоединилось к его рати. Он рассчитывал склонить на свою сторону также Яна Сапегу. Но наемники Сапег, не получив от короля денег, ушли в Калугу к самозванцу.

Военное положение России ухудшалось со дня на день. Получив поддержку от Сапег, Лжедмитрий II возобновил наступление на Москву и занял Серпухов. Армия Жолкевского вступила в Вязьму и приближалась к русской столице с запада.

Царь Василий пытался найти помощь в Крыму. По его призыву на Русь прибыл Кантемир-мурза с 10 000 всадников. Крымцы прошли мимо Тулы и устремились к Оке. Навстречу союзникам царь выслал гонца с богатыми дарами. Бояре Иван Воротынский и Борис Лыков с войском выступили навстречу союзникам.

По русским источникам, татары атаквали тушинцев, и те едва «усидели в своих таборах на реке Нара». Однако записи из Дневника Сапег рисуют совсем иную картину. Стычки между татарами и тушинцами продолжались до 14 июля. По утверждению Сапег, он пытался навязать бой крымцам, но не добился успеха. 15 июля тушинцы узнали, что татары ушли в степи. По пути они захватили множество русских людей в плен.

Дни династии были сочтены. Напрасно самодержец посылал гонцов в Рязань, требуя от воевод подкрепления. Рязанские дворяне ответили дерзким отказом на его обращение.

Шуйского могло спасти разве что чудо. Крушение надвигалось неотвратимо.

Низложение Шуйского

Прокофий Ляпунов опасался явиться в столицу, где его ждала участь Крюка Кольчева. Но он прислал сына боярского Алешку Пешкова к Голицыну и к своему брату Захару Ляпунову, чтобы поторопить их с выступлением. Братья Ляпуновы затеяли рискованную авантюру. Переворот должна была осуществить кучка заговорщиков. Из знати в заговоре участвовали, по-видимому, немногие лица, в их числе Голицыны и Иван Никитич Салтыков. Прочие заговорщики, вроде помещика из Великих Лук Федора Хомугова, были неродословными людьми. В Москве находилось немало рязанских дворян, и братья Ляпуновы постарались втянуть их в заговор.

Безрадостными были последние дни царствования Василия Шуйского. Стого момента как он утратил поддержку думы и столичного населения, власть его стала призрачной.

Как только бывшие руководители «воровской» думы порвали с «тушинским ввром» и подписали договор с королем, у

них появилась возможность договориться с вождями польской партии в Москве. Кандидатура Владислава казалась одинаково приемлемой как для главы думы князя Федора Мстиславского, так и для бывшего руководителя тушинской думы боярина Михаила Глебовича Салтыкова.

Филарет поддержал соглашение с Сигизмундом III. Он выехал из Тушина с последними польскими отрядами, чтобы найти пристанище в королевских обозах под Смоленском. Но ему не удалось благополучно добраться до места назначения. Войска Валуева пленили его после боя под Волоколамском и отправили в Москву.

Царь Василий не осмелился судить «воровского» патриарха и опрометчиво разрешил ему остаться в столице. Гермоген поспешил объявить Романова пленником и жертвой Лжедмитрия II и признал его право на прежний сан Ростовского митрополита.

Возвращение Филарета в столицу положило начало возрождению былого влияния романовского круга. При поддержке бояр — братьев и племянников — Филарет вскоре стал, по словам очевидца, самой большой властью под патриархом. В его лице Шуйские приобрели опасного врага.

Пока речь шла о низложении Шуйского, союзниками Мстиславского выступали и Романовы, и сторонники Голицына.

Князь Василий Васильевич Юлицын давно протягивал руки к короне. Он наблюдал за казнью царя Федора Годунова, затем руководил расправой над Лжедмитрием. Теперь настала очередь Шуйского.

Среди кандидатов на трон самую мощную поддержку имел Владислав. За его спиной стояла королевская армия, осаждавшая Смоленск. В конце июля к королевской рати присоединился Валуев. Его измена показала, что царь Василий утратил поддержку армии.

Медленно продвигаясь к Москве, гетман Жолкевский, по его собственному признанию, посылал тайные письма боярам. Одни письма адресовались сторонникам Владислава, другие разбрасывались по улицам. Письма обличали Шуйского и сулили населению щедрые милости после воцарения королевича.

Царь Василий ждал верной службы от Мстиславского. Он сохранил за ним пост главы Боярской думы и значительно расширил границы его удельного княжества. Князю Федору в дополнение к его старым владениям была пожалована обширная Ярополческая волость.

В решающий момент удельный князь предал царя. В письмах Сигизмунду III Жолкевский подчеркивал, что в избирательной борьбе в Москве Мстиславский «сильно действует в пользу королевича». В ответных письмах король старался через гетмана обнадежить боярина «в большой награде».

Поляки позаботились о том, чтобы переслать в Москву договорную запись Валуева с Жолкевским. Документ произвел большое впечатление. Среди москвичей тотчас возник план идти на Красную площадь, огласить запись, после чего «поймать Шуйского и отослать» его королю.

Ратные люди не желали сражаться за несчастливого царя. Дворянское ополчение после шести лет гражданской войны пришло в полный упадок. По словам очевидцев, «воинствующих чин конечно изнеможе всяческими нужи, элейши же всего — безконны стаща». Дворяне обнищали, кавалерия лишилась лошадей.

После того как крымцы ушли в степи, посланные на южную границу воеводы Воротынский и Лыков получили приказ вернуться в столицу. Отступление проводилось в спешке, бояре «едва снаряд (пушки. — Р.С.) везоша от воровских людей». В Дневнике Сапегы записано, что 15 июля часть ратников из отряда Воротынского переметнулись к Лжедмитрию II. Войско разваливалось на глазах.

16 июля Лжедмитрий II с литвой и казаками подступил к стенам столицы. На другой день Москва заволоновалась. Прошло всего полюда с того дня, когда Скопин, казалось бы, навсегда освободил столицу от тушинской блокады. Теперь над городом нависла угроза со стороны «воровской» рати. Горожане требовали объяснений.

Государь еще сидел на троне, а народ толпами собирался под окнами дворца и кричал: «Ты нам больше не царь!»

Заговорщики поспешили использовать момент. Голицын предпочел остаться в тени, но Захар Ляпунов и Федор Хомутов

«на Лобное место выехаша, и з своими советники, завопиша на Лобном месте, чтоб отставить царя Василья».

«Новый летописец» сообщает, будто толпа захватила бояр и насильно потащила их за Москву-реку к Серпуховским воротам. Но из других летописей следует, что мятежникам незачем было волочить бояр, потому что те находились при войске в Замоскворечье — в «обозе» у Серпуховских ворот.

Враги Шуйского не думали штурмовать дворец, окруженный стражей. Но патриарший двор в Кремле не охранялся воинской силой, и мятежникам удалось захватить Гермогена. С ним они отправились в военный лагерь.

Враги Шуйского были уверены, что полки, деморализованные поражениями, не окажут помощи гибнущему царю. Они не ошиблись в своих расчетах.

Бояре, захватившие власть после переворота, изображали дело так, будто Василия Шуйского сместил Земский собор, включавший представителей всех чинов — от дворян до посадских людей. «Всяких чинов люди всего Московского государства», «поговоря меж собой», били челом царю Василию, чтобы он «государство отставил».

Утверждение, будто в «обозе» у Серпуховских ворот заседал Земский собор, сомнительно. Толпа мятежников, явившаяся в лагерь с Красной площади, действительно включала людей разных чинов. Но их деятельность менее всего напоминала заседание собора.

Толпа шумела и не давала говорить сторожникам Шуйского. Патриарх Гермоген мог бы повлиять на исход дела, если бы получил поддержку Священного собора. Однако Гермогену противостояли Филарет Романов и другие духовные лица. С авторитетом Романова считались и духовенство, и дума. Митрополит Ростовский действовал, оставаясь в тени. Но его позиция повлияла на исход переворота. Гермоген покинул «обоз» до окончания дела.

Из бояр лишь немногие «постояше» за Шуйского. В списке «уинников» царя Василия значится: «Олексей Захарьев сын Шапилов. Сидел в Казанском дворце со князем Дмитрием Шуйским. В походе стояли против Государя (королевича Владислава. — Р.С.) со князем Дмитрием же. Да Семен Ефимьев, си-

дел с ними же и умышлял заодно». Последней службой Дмитрия Шуйского был поход против «вора» к Серпуховским воротам. В качестве конюшего — местоблюстителя царского престола Дмитрий тщетно «стоял» против избрания на трон королевича Владислава. Его поддержали немногие бояре и приказные люди. Их голоса были заглушены криками толпы.

Агитация в пользу Владислава дала свои плоды. Избрание королевича казалось делом почти решенным, и члены думы боялись, что возражения навлекут на их голову немилость нового монарха.

Утвердив приговор, Мстиславский с товарищами, повествует летописец, «послали от себя из обозу из-за Москвы-реки к царю Василью Ивановичу всеа Руси боярина князя Ивана Михайловича Воротынского, чтоб он, государь царь Василей Иванович всеа Руси... государство Московское отказал и посох царьской отдал для (из-за. — Р.С.) пролития междуусобные крови христианской».

Душой переворота был князь Василий Голицын. Но, подобно Филарету Романову, он предпочитал вершить дела, оставаясь в тени.

Выполнение незаконной миссии было возложено на свояка Шуйских Воротынского, человека безликого и малоавторитетного. Вместе с ним водворецотправился боярин Федор Шереметев. Посланцы постарались добром уговорить самодержца покинуть трон.

От имени думы бояре обещали «промыслить» Шуйскому особое удельное княжество со столицей в Нижнем Новгороде. Бояре кстати вспомнили о происхождении государя от высокородных великих князей Суздальских и Нижегородских.

Согласно Разрядным записям, «на том ему (царю Василию. — Р.С.) бояре и все люди крест целовали по записи, что над ним никакого дурна не учинить и из московских людей на государство никого не обирать». Последние препятствия к избранию на трон чужеземного принца были устранены.

Царь Василий отказался признать законным приговор о его отрешении от власти. Такое решение могла принять Боярская дума. В лагере у Серпуховских ворот были отдельные бояре, но не было ни думы, ни Священного собора в полном составе. Од-

нако самодержец давно уже выпустил из рук бразды правления. Зачинщики мятежа беспрепятственно прошли во дворец, захватили царскую семью и силой свели на старый двор бояр Шуйских. Братьям царя запретили показываться в думе, позже их взяли под стражу.

Положение оставалось крайне неопределенным, и заговорщики решили довести дело до конца. Вместе с Захаром Ляпуновым в их «совете» участвовали князь Петр Засекин, думный дворянин Гаврила Пушкин, князь Василий Тюфякин-Оболенский, Василий Туренин-Оболенский и Федор Волконский, «иные дворяне мелкие» и немногие стрельцы.

Чудов монастырь вновь был вовлечен в водоворот политических страстей. 19 июля Ляпунови его сообщники явились на двор к Шуйским в сопровождении чудовских монахов. Они предложили низложенному царю принять постриг. Тот отказался подчиниться. Тогда его постригли насильно. Дворяне держали бывшего в их руках самодержца, пока монах совершал обряд пострижения. Клятву за Шуйского дал князь Василий Туренин. От царя Туренин получил чин чашника. Но он плохо помнил благодеяния. Туренины совершили второе насилие над членами дома князей Шуйских.

Участь царя Василия разделила царица. Ее принудительно постригли в монахини.

Переворот резко осложнил обстановку. Наступил момент общего замешательства. Партия Шуйских преодолела растерянность и попыталась восстановить утраченные позиции.

Строптивый князь Василий твердил, что клобук к голове не гвоздями прибит. Патриарх Гермоген признал незаконным свержение царя и его заточение в монастырь. По приказу пастыря в церквях продолжали молиться за здоровье царя Василия Ивановича. Глава церкви обратился к народу с воззванием, моля вернуть на престол государя.

Начальник стрелецкого приказа Иван Шуйский через верных людей пытался склонить кремлевских стрельцов к решительным действиям. Шуйский старательно насаждал своих людей в приказах. Высшая бюрократия готова была выступить на его стороне. Список «ушников» царя Василия Шуйского точно очертил круг лиц, выступивших на стороне низложенного монарха вместе с патриархом Гермогеном: «Постельничей Иванис Григорьев сын Одо-

дуров... умыслив с Измайловыми и с князем Даниилом Мезецким, и с Васильем Сукиным, и с Васильем Бутурлиным, по приказу князя Василья Шуйского и братья его, чтобы опять сидети на Москве князю Василью Шуйскому, а не хотя государя нашего королевича, говорил и вмещал на Москве во многие люди: "Тосударь де наш князь Василей не пострижен!"»

Шуйские не смогли склонить на свою сторону руководство Боярской думы и проиграли дело. Никто из бояр, даже «ушники» Журакин и Лыков, не выступили в защиту самодержца.

Попытка вернуть царя Василия на трон вызвала тревогу в стане победителей. Прошел слух, будто знать намерена поступить с Шуйским так же, как и с двумя его предшественниками, убитыми боярскими заговорщиками. 23 июля 1610 г. Жолкевский сообщил королю, что обратился с письмом к московским боярам в защиту низложенного царя после того, как Иван Шуйский тайно просил его, гетмана, оборонить дом Шуйских от бояр.

После пострижения царя Василия — «инока Варлаама» — выташили из хором и в крытой телеге отвезли в Чудов монастырь, где к нему приставили стражу. Его жену Марию определили в Ивановский монастырь. Жена Дмитрия Шуйского избежала этой участи: бояре пощадили дочь Малюты Скуратова.

Из Москвы в Польшу поступили известия, что Шуйские обобраны до нитки, им оставлены одни платья, в которых они одеты.

Семибоярщина

Трон опустел, и оспаривать власть стали многие знатные лица. Нарвский купец, вернувшийся из Новгорода бавушта 1610 г., сообщил, что в числе кандидатов фигурируют польский королевич, трое бояр — князья Воротынский, Мстиславский и Василий Голицын — и даже некий татарский хан (вероятно, речь шла о служилом татарском царе). Воротынский хлопотал об отрешении Шуйского на глазах у всей столицы, а потому его имя называли первым. Однако Воротынский и Мстиславский, двое старших бояр, вскоре выбыли из игры. Короны домогались теперь князь Василий Голицын, сын Филарета Михаил Романов и, наконец, Лжедмитрий II.

Положение самозванца было затруднительным вследствие того, что король категорически отказывался иметь с ним дело. 10 июля 1610 г. наемное войско потребовало от самозванца, чтобы он признал себя вассалом Сигизмунда III. «Артикулы», выработанные поляками, предусматривали две возможности. Если Москва признает короля, «обманщик» получит удел в пределах Речи Посполитой. Если же русские избежат «Дмитрия», он станет вассалом короля, что поможет избежать войны с Речью Посполитой.

Наемные солдаты старались сохранить «царька» по понятным причинам. С исчезновением «Дмитрия» они теряли «заслуженные» миллионы. «Вор» готов был пуститься во все тяжкие, чтобы сделать свою кандидатуру приемлемой для Речи Посполитой и Москвы. Он объявил, что согласен занять царский трон как вассал короля Сигизмунда III. При этом он обещал платить полякам 700 000 злотых ежегодно в течение десяти лет, завоевать для них Ливонию, дать армию для покорения Швеции.

Одна из записей в Дневнике Сапеги удостоверяет, что еще в конце июня 1610 г. самозванец получил грамоту из Москвы от патриарха и бояр с сообщением, что жители Москвы готовы целовать ему крест. Совершенно очевидно, что грамота исходила не от патриарха Гермогена, смертельного врага «вора». Для тушинцев существовал один патриарх — Филарет. Именно от него и от воровских бояр и получено было письмо.

После бегства Лжедмитрия II из Тушина Филарет и Салтыков предали «царька» и выработали договор об избрании на трон Владислава. Что побудило их вновь завязать сношения со шкловским бродягой?

Романов был честолюбив и успел привыкнуть к сану патриарха. Возвращение на скромную провинциальную кафедру в Ростов его не устраивало. Отношение «патриарха» к самозванцу изменилось после того, как Калужский лагерь подкрепило наемное войство гетмана Сапегы.

Тушинцы, еще недавно отвернувшиеся от «царька», готовы были признать «Артикулы», выработанные польскими командирами. Пребывание под Смоленском убедило Михаила Салтыкова и Василия Рубца-Мосальского, что с ними никто не будет считаться, коль скоро они никого не представляют и за их спиной нет военной силы.

Перемены в Калужском лагере подали надежду Филарету и Салтыкову. Возрождение Тушинского лагеря под покровительством короля Сигизмунда III отвечало их интересам. Бывшие руководители тушинской думы могли рассчитывать на высшие посты, если бы им удалось посадить на царство «Дмитрия» в качестве королевского вассала.

Самозванец рассчитывал захватить столицу хитростью. Накануне переворота, рассказывает автор романовской летописи, московские бояре «начаша съезжаться с воровскими полками» и сообщили, что готовы «ссадить» несчастливому царю Василию, если тушинцы «отстанут» от «вора». После низложения Шуйского посланцы московской думы снарядили послов в «воровской» лагерь и потребовали от Дмитрия Трубецкого и других калужских бояр в соответствии с уговором свести с «трона» своего «царька», после чего явиться в Москву, чтобы вместе со всей землей избрать царя. В ответ «воровская» дума предложила москвичам открыть столичные ворота перед «истинным государем».

Польские источники позволяют утверждать, что переговоры с тушинцами не сыграли особой роли в низложении царя Василия.

17 июля в Дневнике Сапеги появилась запись о том, что в Москве произошёл большой переполох. В тот же день самозванец послал письмо в столицу ко всем боярам и к миру, требуя присяги. Под вечер Сапега вместе с «царьком» ездили к стенам столицы, где к ним вышли Мосальский и Салтыков (они были в день переворота в столице). Бывшие тушинцы сообщили «царьку», что у Шуйского отобран скипетр, и предложили на другой день начать переговоры.

Когда на рассвете 18 июля «тушинский вор» вновь появился у стен города, москвичи предложили «воровским» боярам: «Если мы своего царя сбросили и вы своего сбросьте». Итак, никакого предварительного соглашения между московскими и тушинскими боярами не было. Призыв к свержению Лжедмитрия II запоздал.

Сразу после полудня 18 июля московские пушкари открыли огонь по кладбищу — излюбленному месту проулков самозванца.

19 июля в «воровском» лагере узнали о том, что Шуйский постригся в монахи. В этот день московские власти предложили «царьку» отложить переговоры под тем предлогом, что в столице по случаю Ильинадня (а вернее будет сказать, по случаю переворота) много пьяных.

Москва деятельно готовилась к избранию нового самодержца. В самый день переворота Захар Ляпунов с рязанцами стали «в голос говорить, чтобы князя Василия Голицына на государстве поставить». Агитация не имела успеха. Голицын остался в тени в день переворота. Заговорщики не смогли склонить на свою сторону думу.

Филарет спешил использовать новую ситуацию, чтобы возобновить борьбу за царский венец. Гермоген, как говорили, склонялся в его пользу. Каклицо духовное, Филарет не мог вернуться в мир и надеть корону. Но он надеялся посадить на трон своего четырнадцатилетнего сына Михаила. В глазах современников Михаил имел наибольшие права на трон как двоюродный племянник последнего законного царя.

Ни кто из претендентов не добился поддержки большинства в думе. Если бы Скопин был жив, отметил поляк Николай Мархоцкий, «его в государи согласились бы выбрвать все».

Между тем пропольская партия готовила почву для коронации королевича. Руководство думы выступило на ее стороне. Однако православное духовенство и посадские низы с недоверием относились к кандидатуре иноверного королевича.

Василий Шуйский был избран без участия провинции, и бояре не желали повторять прежние ошибки. Они постановили отложить выборы до того времени, когда в столицу съедутся представители всей земли.

Созыв представителей земли в обстановке гражданской войны натолкнулся на большие трудности. Извещая стврну о перевороте, бояре в грамоте к населению Перми от 20 июля выразили пожелание избрать нового государя «всем за один всею землею, сослався со всеми городаы». Четыре дня спустя, уже после появления поляков под Москвой, власти отправили в Сургут наказ, чтобы оттуда «прислали к Москве изо всех чинов, выбрав, по человеку и к нам отписали».

По давней традиции дума в период междоусобия выделяла из своего состава особую комиссию для управления страной. Следуя обычаю, власти постановили — до съезда представителей от провинции поручить дела семи избранным боярам. Так образовалась знаменитая московская семибоярщина. В нее входили Федор Мстиславский, Иван Воротынский, Василий Голицын, Иван Романов, Федор Шереметев, Андрей Трубецкой и Борис Лыков. В дальнейшем некоторые из членов выбыли из состава комиссии, и тогда их место заняли другие лица — князя Андрей Голицын и Иван Куракин.

Суздальская аристократия не смогла удержаться у власти, хотя и имела наибольшие права на трон. Ее сменила знать литовского происхождения. В семибоярщине преобладали Едиминовичи — Мстиславский, Голицыны, Куракин и Трубецкой. Что касается Воротынского, его ближайшие предки также выехали в Москву из Литвы.

Противники Бориса Годунова не смогли ввести в стране боярское правление. Это удалось сделать врагам Шуйского.

Дворяне, приказные люди, стрельцы, казаки, гости и «черные люди» принесли присягу на верность временному боярскому правительству. Со своей стороны, бояре обязались «стоять» за Московское государство и подготовить избрание нового царя «всей землей».

22 июля в предместьях Москвы появились войска Жолкевского, а 23 июля бояре обратились к Яну Сапеге с требованием, чтобы его солдаты «пересгали воровать в их земле и чтобы пошли в Литву». Переговоры с тушинским боярином Дмитрием Трубецким и Сапегой исчерпали себя.

Положение в столице оставалось неопределенным, и 2 августа 1610 г. Лжедмитрий II попытался захватить город, атаковав его со стороны Красного Села. Нападения возобновлялись трижды, но всякий раз москвичи отбивали приступ.

Военное положение столицы ухудшилось. Возникла опасность одновременного нападения на город тушинцев и королевского войска. Выступление черни в пользу «Дмитрия» внутри города грозило довершить катастрофу.

Из Дневника Сапеге следует, что 6 августа, после неудачной попытки захвата Москвы войсками Лжедмитрия II, в воров-

ской» лагерь выбежало до 3000 холопов. Гетман велел загнать их обратно в город. Три дня спустя та же чернь вторично явилась к «вору», и тогда солдаты поделили беглецов между собой.

Вторжение поляков вызвало перемену в общественном сознании. Население стало видеть в «царьке» единственную силу, способную противостоять иноземным завоевателям. Ему присягнули Серпухов, Коломна, Суздаль, Владимир, Ростов, Псков, Ивангород. Народу остались неизвестны подлинные планы «Дмитрия».

Коронный гетман Жолкевский вел переговоры разом с московскими боярами, и слушинцами. Самозванцу он обещал, что король даст ему удельное княжество, если он овладеет Москвой. Боярам предлагал присоединиться к смоленскому договору и присягнуть Владиславу.

Члены семибоярщины надеялись, что с избранием Владислава Москва с помощью королевской армии сможет навести порядок в стране. Немаловажное значение имели и другое соображение. Королевичу едва исполнилось 15 лет, и семибоярщина надеялась править его именем.

На первом съезде с поляками русскую сторону представлял князь Иван Троекуров. Ему дан был наказ тянуть время и не допустить объединения двух неприятельских армий. Семибоярщина выдвинула множество условий избрания королевича — Владислав должен был принять православие, жениться на православной, прервать сношения с латским престолом, в Москве не приближать поляков, приехать со свитой в 300 человек. Все эти условия не соответствовали основному факту — катастрофическому поражению России в войне с поляками в обстановке гражданской войны.

В начале августа руководители боярского правительства виделись с Жолкевским и передали ему свиток с параграфами. Гетману предложили принести присягу, что параграфы будут свято исполняться. Гетман считал абсолютно неприемлемым требование о крещении Владислава. В свитке, писал он, «было немало других абсурдов». Но поскольку «кончить это дело войной нельзя было по недостатку средств», Жолкевский старался не раздражать бояр и не скупился на обещания.

По случайному стечению обстоятельств, Лежедмитрий II запалил столичные предместья и предпринял штурм Замоскворечья в то самое время, когда Мстиславский вел с Жолкевским переговоры. Поляки, вопреки договоренности, сохраняли нейтралитет. Зато Валуев с войском снялся с места и бросился на помощь москвичам. Не спросив Жолкевского, воевода атаковал Петра Сапегу и погнал его прочь от Серпуховских ворот.

События эти произвели большое впечатление на столицу. Мстиславский приписал успех себе. Фактически переговоры с поляками вел Земский собор, действовавший в Москве после свержения Шуйского. Дворянские представители имели на соборе численное преобладание.

В польский лагерь явилось, как прикинул гетман, около 500 человек из дворян, стольников и детей боярских. Соборные представители отправились на переговоры едва ли не в полном составе. От имени дворян речь держал князь Черкасский. Жолкевский ответил на все его вопросы. Он не жалел обещаний, и его речи произвели благоприятное впечатление на московский собор. Посреди заседания гетману шепнули о прибытии гонца. Он прервал переговоры и испросил себе день на размышления.

Король прислал из-под Смоленска инструкции, которые грозили свести на нет московские переговоры. Гетман получил приказ вести дело так, чтобы Москва присягнула Сигизмунду и его сыну разом.

Смоленский договор, заключенный тушинской думой, определял условия избрания Владислава на царский трон. Этот договор должен был лечь в основу московского соглашения, но он явно устарел.

Договор был составлен в то время, когда армии Скопина повсюду теснили польские отряды и окружение короля подумывало о том, как бы скорее закончить бесславную войну. Победы Жолкевского и свержение Шуйских решительно изменили ситуацию. Сигизмунд не намерен был выполнять соглашение об избрании Владислава и желал занять московский трон по праву завоевателя.

Жолкевский возражал против нарушения соглашений с русскими. После всех одержанных побед он надеялся, что его линия на заключение унии вновь одержит верх. Поэтому он скрыл со-

держание королевских инструкций от бояр и решил продолжить переговоры. Многие причины заставили его спешить. Гетман не имел денег, чтобы оплатить наемное войско.

Одушевленный честолюбивыми замыслами, Сигизмунд III слал гонца за гонцом. Одним из них был недавний тушинец Федька Андронов. В письме к канцлеру Льву Сапеге Андронов так прокомментировал обязательства, принятые на себя Жолкевским при подписании московского договора об избрании Владислава: «...где было не учинить тех договоров по их воле, тогда было, конечно, пришло на то, доставать саблю и огнем... думи ся с ними тепере обойтись по их штукам; те их штуки к часу нарушим, их на иную сторону, на правдивую наворотим». Проворовавшийся «торговый мужик», Андронов бежал в Тушино, где получил думный титул. После распада лагеря он стал ревностным слугой короля. Он цинично оправдывал обман, позволивший Жолкевскому без боя завладеть Москвой.

Если бы Жолкевский уведомил думу о содержании королевских наказов, соглашение стало бы невозможным.

16 августа 1610 г. Мстиславский, Филарет Романов, Василий Голицын и соборные чины привезли гетману окончательный текст соглашения об избрании королевича. На другой день московские бояре стали приводить население к присяге на верность царю Владиславу.

Ответственность за этот шаг лежала всецело на московском Земском соборе. Его представители не удостоверились в том, что Жолкевский имеет необходимые для подписания договора полномочия. Москва принесла присягу королевичу, не заручившись письменным согласием Сигизмунда и не получив от поляков никаких гарантий.

Каким бы непопулярным ни был царь, олицетворением зла в глазах народа всегда были «лихие бояре». Когда дума свергла Шуйского и потребовала присяги себе, возникло подозрение, что страна и вовсе может остаться без «належи-государя». Столичный гарнизон насчитывал до 15 000 человек, у самозванца было не более 3—5 тысяч воинов. Но бояре слишком хорошо помнили триумфальное вступление Отрепьева в столицу. С законным царем они обороняли Москву от второго самозванца в течение почти двух лет. Без царя на троне бороться с «Дмитри-

ем» было куда труднее. Потому бояре и решили не медлить ни дня с провозглашением Владислава царем всея Руси.

Жолкевский обязался уничтожить «воровское» войско, и семибоярщина получила надежду с помощью поляков положить конец гражданской войне в стране.

Но гетман не выполнил обязательств. Он заключил соглашение с Сапегой и тут же направил Лжедмитрию II предложение отказаться от трона. Взамен «по ручательству пана коронного гетмана, король обещает отдать ему Гродно или Самбор, по его выбору».

В отличие от Земского собора «воровская» дума более трезво оценивала ситуацию. «Вор» не поверил обещаниям Жолкевского. Марина была возмущена предложением передать самозванцу Самбор. Если верить слухам, «царица» отвечала гетману: «Пусть Его Величество Король отдаст царю Краков, тогда царь отдаст Его Величеству Королю Варшаву».

После свержения Шуйского Лжедмитрий считал, что у него появился шанс овладеть Москвой. В июле «царьку» «прислали с поклоном» Серпухов, Коломна и Кашира, расположенные в Подмосковье. В августе его признали Суздаль, Владимир и Ростов. На службу к «вору» вернулся атаман Заруцкий, не принятый боярской Москвой. Власть самозванца в названных московских городах продержалась недолго.

Переговоры Сапеги с Жолкевским вызвали страх и растерянность «вора». Он стал готовиться к бегству из-под Москвы, что вызвало смятение в лагере. В конце августа Лжедмитрий II навестил жену в Никольском Угрешском монастыре в двух милях от лагеря. По договоренности с боярами гетман Жолкевский подступил к монастырю, чтобы пленить «царька». К полякам присоединились войска семибоярщины, готовые к штурму монастыря. Но «вор» был предупрежден доброжелателями и бежал в Калугу вместе с Мариной и ее свитой. Их сопровождал Заруцкий с пятью сотнями донских казаков.

Поляк Маскевич засвидетельствовал, что в столице церемония присяги затянулась на семь недель, а во всем государстве — на три месяца. Объяснить такую задержку можно лишь сопротивлением населения.

Верхи оттолкнули от себя население. Свидетели московских событий единодушно уверждали, что простой народ всячески противился намерению бояре возвести на трон иноверного королевича.

Провинция имела еще больше оснований негодовать на семибояршину, чем столица. Бояре приняли меры к тому, чтобы вызвать в Москву представителей от городов для участия в выборах царя. 19 августа московские власти писали в Пермь: «...вам велено всех чинов людем ехать к Москве, чтобы выбрать государя на Московское государство». К тому времени договор с поляками был подписан, так что бояре планировали созвать собор для формального подтверждения акта избрания.

Жолкевский привел с собой под Москву многотысячное наемное войско, перешедшее на его сторону под Клушином. Гетман не имел денег, чтобы расплатиться с солдатами. В войске назревал мятеж. Положение было безвыходное. Поляков спасла семибоярщина, приславшая Жолкевскому казну.

Гетман не выполнил главного обещания и не уничтожил войска Лжедмитрия II. Стовор с завоевателями посеял возмущение в низах. Агитация в пользу «истинного Дмитрия» вновь усилилась.

По настоянию Жолкевского Москва снарядила великих послов к королю, чтобы в его лагере под Смоленском завершить мирные переговоры. Федор Мстиславский в состав посольства не попал. Главным послом был назначен князь Василий Голицын. Он был одним из основных претендентов на трон, и гетману надо было удалить его из Москвы. Но были и другие мотивы его назначения.

Голицын заручился доверием гетмана. Когда бояре пришли к патриарху Гермогену, они заявили через князя Василия, что будут бить челом и просить, чтобы королевич крестился, «но (прибавили они) если бы его величество королевич и не согласился на это... волен Бог да государь; если мы ему уже крест целовали, то ему нами и править». Свой рассказ Жолкевский заключил похвалой: «Голицын во всем действует очень хорошо».

Подняв мятеж против Бориса, Голицын велел повязать себя веревками на случай неудачи. Князь сохранял доверие Годуновых, пока не возглавил расправу над семьей Бориса. Ему удалось

скрыть свое участие в самом крупном заговоре против Шуйского. Может быть, и с поляками он вел двойную игру?

Василий Голицын получил широкие полномочия. Почти всех членов посольства, заметил Жолкевский, «выбрал Голицын по своему желанию». Его помощником стал окольный князь Мезецкий, слывший королевским приспешником.

С согласия гетмана в состав посольства были включены митрополит Ростовский Филарет Романов и ряд духовных особ. Поляки подумывали о том, чтобы отослать к королю также Михаила Романова, но тот был слишком мал для роли посла. Филарет стал заложником в руках короля.

В состав великого посольства входили пять членов думы, 42 дворянина из 34 городов, шесть купцов, семь московских стрельцов, представители духовенства и других московских «чинов». Гетман позаботился о том, чтобы отправить в королевский лагерь самых активных членов московского избирательного Земского собора, со стороны которых можно было ждать противодействия польской интриге.

Послы должны были подписать окончательный текст договора об унии между Речью Посполитой и Россией и привезти в Москву царя Владислава. Но мирные переговоры под Смоленском сразу зашли в тупик. Сигизмунд III отказался подтвердить договор, заключенный гетманом под Москвой. Он был преисполнен решимости овладеть Смоленском и присоединить Смоленскую и Северскую земли к коронным владениям.

Великие послы соглашались отложить рассмотрение большинства параграфов до того момента, как король созовет сейм, но настаивали на том, чтобы королевич как можно скорее выехал в Москву. Однако именно этот пункт оказался камнем преткновения. Король не желал отпустить в Москву сына и намеревался сесть на московский престол по праву завоевателя.

Переговоры длились два месяца, после чего русские послы были взяты под стражу и как пленники отправлены в Польшу. Круг замкнулся. Боярская крамола получила закономерный исход. Филарет Романов и Василий Голицын — самые выдающиеся государственные деятели России — добились низложения Шуйского, но сами вскоре оказались в польском плену вместе со свергнутым царем.

Избрание Владислава не принесло умиротворения стране, а вызвало новую вспышку гражданской войны. Боярское правительство не смогло дать стране ни мира, ни популярной династии, и народ отвернулся от него окончательно. Всякий, кто побывал в Москве в те дни, мог наблюдать это своими глазами.

Гонсевский, получив пост начальника Стрелецкого приказа, попытался организовать суд над А. Голицыным и И. Воротынским, будто бы возглавившими заговор в пользу самозванца. Из-за отсутствия улик суд не удался.

Угроза мятежа черни побудила семибоярщину пригласить польские войска для охраны порядка внутри Москвы. Инициатива исходила от князя Федора Мстиславского, Ивана Романова и двух других бояр.

Патриарх Гермоген, бояре Иван Воротынский и Андрей Голицын протестовали против решения семибоярщины. 17—19 сентября в городе произошли волнения. Руководители думы усмотрели в происшедшем «козни Шуйских». Если верить Жолкевскому, Шуйским угрожала большая опасность от бояр, но гетман, спасая их жизнь, добился выдачи ему Дмитрия и Ивана Шуйских.

Жолкевский искажил события, так как определенно известно, что московские власти выдали Шуйских полякам ранее 12 сентября.

Справившись с волнениями, польское командование в ночь на 21 сентября 1610 г. приступило к размещению войск в Кремле. Польские роты вошли в крепость без барабанного боя, со свернутыми знаменами.

С боярским правительством можно было больше не считаться. Как отметил наблюдательный русский современник, после Шуйского «прияша власть государства Русскаго седьм московских бояринов, но ничто же им правпшим, точию два месяца власти насладишася».

Партия мира при королевском дворе потерпела поражение. Сигизмунд III не сомневался в том, что ему удастся поставить Россию на колени. Для начала надо было сокрушить Смоленск. 21 ноября 1610 г. королевская рать возобновила штурм русской крепости. Гром пушек под Смоленском подтвердил решимость короля продолжать завоевательную войну.

Убийство «царька»

Подвергнув гонению подлинных и мнимых сторонников Лжедмитрия II в Москве, войска боярского правительства при поддержке королевских рот предприняли наступление на Калужский лагерь. Они изгнали казаков из Серпухова и Тулы и создали угрозу для Калуги. Самозванец потерял надежду удержаться в Калуге и стал готовиться к отступлению в Воронеж, поближе к казачьим окраинам. Он велел укрепить тамошний острог и снабдить его большими запасами продовольствия.

По замыслу «вора» Воронеж должен был стать новой царской столицей. Укрепившись в Воронеже, Лжедмитрий рассчитывал подтолкнуть к вторжению на Русь татар и турок и таким путем поправить свои дела.

Одновременно «царек» послал гонцов в Астрахань на тот случай, если Воронеж окажется для него ненадежным убежищем.

Прошло четыре года с тех пор, как астраханские посадские люди вместе с казачьей вольницей признали власть «Дмитрия» и отложились от Москвы. Астрахань прислала самые крупные подкрепления в армию Болотникова. В дальнейшем казацкие отряды из Астрахани постоянно пополняли войска Лжедмитрия II. По указке своих бояр и гетмана «тушинский вор» казнил нескольких самозванных царевичей из Астрахани. Но с тех пор уекло много воды, и лагерь самозванца вновь выглядел как подлинный казацкий табор. Лжедмитрий рассчитывал найти общий язык с руководителями астраханских мятежников. Он общил им, что намерен вскоре выехать в Астрахань со всей своей семьей.

С тех пор как Лжедмитрия II покинули ближайшие сподвижники и ему пришлось думать о спасении собственной жизни, его образ правления приобрел черты сходства с режимом его мнимого отца. Людей хватали по малейшему подозрению, предавали жестоким пыткам и убивали.

Ежедневно по приказу «царька» казаки чинили жестокую расправу над пленными поляками. Репрессии распространились на территории, подвластные самозванцу. В роли Малюты при шкловском учителе подвизался Заруцкий. По свиде-

ельству Жолкевского, «он усердно исполнял, если надо было кого-нибудь обезглавить, убить, утопить».

В былое время Лжедмитрий охотно жаловал земли немецким наемникам. Теперь он утратил к ним доверие. Будучи в Калуге, «царек» велел отобрать у немцев их поместья, а их самих утопить. «Царица» Марина пыталась спасти немцев, но самозванец приказал передать ей: «Поканые немцы сегодня же умрут, не будья Дмитрий, а если она будет слишком досажать мне нз-за них, я прикажу и ее тоже бросить в воду вместе с немцами». Марине пришлось проглотить обиду. В конце концов вмешательство Мнишек дало результат. Пятьдесят два немца, приговоренные к смерти, были помилованы.

Конрад Буссов, служивший самозванцу, описал злоключения немцев в Калуге как очевидец. Он имел повод жаловаться на «тиранию Дмитрия».

Боярское окружение, уцелевшее подле «царька», становилось все более ненадежным. Самозванца покинули его «бояре» князя Михаил Туренин, Федор Долгорукий, Андрей Сицкий, а также Андрей Нагой и несколько «воровских» окольных. Некоторые из придворных были казнены по подозрению в измене. Среди других лишился головы романовская родня — боярин Иван Годунов.

Калужскую думу возглавляли Дмитрий Трубецкой и Григорий Шаховской. Гетманом «царька» числился пан Валевский. Но подлинным вершителем дел в Калуге был атаман Заруцкий. В отличие от своего государя он не предавался унынию, а развернул энергичную войну с бывшими союзниками. Ян Сапега расположил свои войска на зимние квартиры поблизости от Калуги. Король и семибоярщина отводили Сапеге роль ударной силы в борьбе с казацким лагерем.

Заруцкий упредил врага. В конце ноября его войска напали на сапежинцев, а в начале декабря 1610 г. нанесли им поражение.

Вступив в борьбу с королевскими отрядами, Заруцкий вел ее решительно и беспощадно. Он ежедневно рассылал разъезды по всем направлениям от Калуги. Интервенты давно чувствовали себя хозяевами Подмосковья. Им пришлось поплатиться за свою самоуверенность и беспечность. Казаки захватывали ко-

ролевских дворян и солдат и их зимних квартирах, везли их в Калугу и там убивали. Та же участь постигла купцов, приехавших из Литвы и схваченных на большой дороге.

Король Сигизмунд III всегда избегал связывать себя с самозванцем какими бы то ни было соглашениями. После бегства обманщика из Тушина в Калугу один из его любимцев, пан Яниковский, дал знать королю, что он и его друзья готовы отрубить «вору» голову и удержать Калугу до подхода коронных войск. В то время Сигизмунд отклонил его предложение. Самозванец еще нужен был ему как противовес Шуйскому.

Гетман Ружинский затеял собственную интригу против «царька». Через одного поляка он написал капитану Вантману-Скотницкому, чтобы тот вместе с поляками, находившимися в Калуге, захватил «Дмитрия» и привез в Тушино. Гонец передал записку «вору», а тот велел утопить капитана без суда и следствия. Скотницкий был одним из лучших воевод самозванца.

После избрания Владислава на русский трон «вор» стал помехой для осуществления королевских планов. В конце ноября 1610 г. Сигизмунд особым универсалом повелел жителям Калуги схватить обманщика и прислать его под Смоленск.

Королевский универсал не достиг цели. Калужский лагерь все больше стягивался в войну с интервентами. У самозванца было немало тайных врагов, но никто из них не решился возглавить переворот. «Вор» не щадил сподвижников и уничтожал по малейшему подозрению. Бродяга всегда был крайне осторожен. Теперь же, страшась измены, он удвоил предосторожности.

Для исполнения универсала нужно было найти людей, которые располагали средствами для переворота в Калуге.

Когда Лжедмитрий II появился в Подмоскowie, на его сторону перешел служилый касимовский царь Ураз-Мухамед. Он явился в Тушино с блестящей свитой и немалым числом людей. После распада Тушинского лагеря он поступил на королевскую службу и штурмовал Смоленск. Хан помог Жолкевскому промочь Дмитрия Шуйского, «все время действовал стойко и верно».

Сын и жена хана оставались в Калуге. Толковали, что касимовский царь, заскучав, решил известить родню.

Ураз-Мухамед мог открыто явиться в Калугу и встретил бы там отменный прием. Но он прокрался в Калужский лагерь исподтишка, сохранив в тайне свое имя.

Служильный царь испросил разрешение на поездку у Сигизмунда III. Сомнительно, чтобы король дал согласие, желая развеять скуку слуги. Причины были иные.

Касимовские татары служили при «воре» телохранителями, и касимовский царь с их помощью легко мог захватить «царька» и доставить его под Смоленск во исполнение королевского универсала.

Ураз-Мухамеду не повезло. Его опознали и взяли под стражу. По некоторым сведениям, донос «Дмитрию» подал сын татарского царя. После недолгого розыска хана казнили, а его семью взяли под стражу.

Пятьдесят татар из охраны «царька» были арестованы. Их предводитель князь Петр Урусов, выходец из Ногайской орды, пытался предотвратить казнь касимовского хана и просил за него Лжедмитрия II, но «тот велел его бить кнутом и посадить в тюрьму». Урусову «обидна была тюрьма, и еще обиднее побои». В начале декабря Урусова освободили из-под стражи по ходатайству Марины. Посланный в дозор, Урусов разбил польскую роту Чаплинского и привел в Калугу много пленных.

Князь Петр не простил «вору» обиды. Возник заговор. Не будучи родней касимовского царя, Урусов не имел повода для кровной мести. Но у него были свои счеты с поляками. Любопытное замечание по этому поводу обронил в своих записках Жолкевский. «Некоторые думали, — писал он, — что на сие (убийство. — Р.С.) навел Урусова гетман, подозревали же его в сем, вероятно, потому, что гетман, после бегства самозванца из-под Москвы, обращался с Урусовым обходительно и ласково».

Причастность гетмана Жолкевского и короля к убийству Лжедмитрия II вполне вероятна.

Погожим зимним утром 11 декабря 1610 г. Лжедмитрий, по обыкновению, поехал на санях на прогулку за город. С ним были тушинский боярин Иван Плещеев, дети боярские, шут Петр Кошелев, татары из его личной охраны, а также слуги. Следом двигался обоз с припасами и вином.

Шкловский бродяга забавлялся охотой на зайцев, которых выпускали подле его саней. Как всегда, он много пил. Когда вся компания отъехала на приличное расстояние от Калуги, заговорщики осуществили свой план. Часть охраны отгеснила дворян, которые могли прийти на помощь «царьку», после чего Петр Урусов с прочими телохранителям и остановил царские сани, сбросил возницу и разрядил в «вора» свое ружье, а затем для пушей верности отсек убитому голову и руку. Мстя Лжедмитрию II, татары изрубили труп саблями. Некоторые из детей боярских были убиты, прочие бежали в Калугу.

Поднялась тревога. По всему городу зазвонили колокола. Последские люди всем миром бросились в поле и за речкой Яценкой, на пригорке, у дорожного креста обнаружили нагое тело, «голова отсечена прочь». Труп перевезли в Кремль. Казаки принялись избивать «лучших» татарских мурз, мстя за смерть «государя».

В Калуге Лжедмитрий занимал с женой лучший дом, именовавшийся царским дворцом. Марина Мнишек была на сносях. Когда роковая весть достигла дворца, простоволосая и беременная «царица» выскочила на улицу и в неистовстве стала рвать на себе волосы. Площадь огласили ее вопли и рыпания. Обнажив грудь, Мнишек требовала, чтобы ее убили вместе с любимым супругом. Поляки, находившиеся при «государыне», дрожали за свою жизнь. Григорий Шаховской заступился за них. Но и сам он вскоре утратил влияние на «мир».

Земское ополчение

Немногие оставшиеся в Калуге бояре намеревались, не медля ни минуты, ехать в Москву с повинной. Атаман Заруцкий пытался бежать из острога, чтобы укрыться в степях. Но калужане не выпустили его из города.

Гетман Сапега, вернувшийся в королевский стан, предпринял попытку овладеть Калугой. Он подступил к городу и завязал переговоры с «царицей» и боярами. Калужане воспротивились переговорам. Опасаясь измены, они заключили под стражу Марину Мнишек и усилили надзор за боярами.

Оказавшись под домашним арестом, Мнишек не оставляла надежды на помощь единоверцев. В литовский лагерь пробрался странник. В его корзине припрятана была восковая свеча. Свечу осторожно разломали, и оттуда выпала свернутая в трубку записка от Марины Мнишек. «Освободите, освободите, ради Бога! — писала Мнишек. — Мне осталось жить всего две недели. Спасите меня, спасите! Бог будет вам вечной наградой!»

Салега не посмел штурмовать Калугу и отступил прочь. Опасность миновала, и низы успокоились. Никто не знал, что делать дальше. Самозванец никому не нужен был мертвым. Труп лежал в холодной церкви более месяца, и толпы окрестных жителей и приезжих ходили поглядеть на голову, отделенную от тела. После смерти Лжедмитрия II в его вещах нашли Талмуд, письма и бумаги, писанные по-еврейски. Тотчас стали толковать насчет еврейского происхождения убитого «царька».

Калужские тушинцы настойчиво искали соглашения с московскими. Боярское правительство направило в Калугу князя Юрия Трубецкого, чтобы привезти тамошних жителей к присяге. Восставший «мир» не послушал Трубецкого. Калужане выбрали из своей среды земских представителей «из дворян и из атаманов и из казаков и из всяких людей». Выборные люди выехали в Москву, чтобы ознакомиться с общим положением дел в государстве. Депутация вернулась с неутешительными новостями. Казаки и горожане видели иноземные наемные войска, распорядившиеся в Кремле, и негодующий народ, готовый восстать против притеснителей.

Возвращение выборных из Москвы покончило с колебаниями калужан. Невзирая на убеждения бояр, «мир» приговорил не признавать власть Владислава до тех пор, пока тот не придет в Москву и все польские войска не будут выведены из России. Посланец семибоярщины боярин Юрий Трубецкой едва спасся бегством. Восставшая Калуга бросила вызов боярской Москве.

Тем временем Марина, со страхом ждавшая родов, благополучно разрешилась от бремени. В недобрый час явился на свет «воренок». Вдова Отрепьева жила с самозванцем невенчанной, так что сына ее многие считали «зазорным» младенцем.

Марину честили на всех перекрестках. Как писали летописцы, она «воровала со многими». Поэтому современники лишь разводили руками, когда их спрашивали о подлинном отце ребенка.

Даже после смерти мужа Мнишек не рассталась с помыслами об основании новой московской династии. «Царица» давно позабыла о преданности папскому престолу и превратилась в ревнительницу православия. После рождения ребенка она объявила казакам и всему населению Калуги, что отдает им своего сына, чтобы те крестили его в православную веру и воспитали по-своему. Обращение достигло цели.

Разрыв с Москвой и рождение «царевича» напомнили «миру» о непогребенном самозванце. Калужане торжественно похоронили «Дмитрия» в церкви. Затем они «честно» крестили наследника и нарекли его «царевичем Иваном». Движение, казалось бы, обрело свое знамя. Так думали многие из тех, кто присутствовал на похоронах и крестинах. Но их надежды оправдались лишь отчасти.

В стране зародилось освободительное движение. Его вождей объединяла мысль о том, что сначала надо изгнать из страны иноземных завоевателей, а затем всей землей приступить к выборам царя. Это объясняет, почему земские люди не стали добиваться выдачи и казни «калужского воренка».

В королевский лагерь дошла весть, будто в Калугу приезжал Ляпунов с несколькими сотнями людей и взял к себе «царевича». Скорее всего это известие было недостоверным.

Марина сыном покинула Калугу, чтобы укрыться в Коломне, подальше от литовской границы. Очевидно, она опасалась, что королевские войска, постоянно перемешавшись по Смоленской дороге, могут внезапным ударом занять Калугу и пленить «царевича». Подходы к Коломне прикрывали крепости Тула, Серпухов и Калуга. Через Коломну шла дорога, связывавшая Рязанский край с Москвой. В Коломне распоряжался «воровской» боярин Иван Плещевс казаками, в Рязани — Трокофий Ляпунов с дворянами. Ляпунов искал союза с казаками и прислал Плещеву нушки.

В Коломне «московская царица» стала дожидаться решения своей участи.

С гибелью самозванца единственным царем в стране остался Владислав. Но москвичи не видели его в глаза. Опустошив казну, семибоярщина стала раздавать польским ротам «в кормление» городам волости. Умножились грабежи и поборы. В столице шла необъявленная война. Вмешательство иноземных войск придало социальному конфликту новое направление. Возмущенные действиями «лихих бояр» все больше заслоняются чувством оскорбленного национального достоинства.

Вождем рязанских дворян Ляпунов возглавил войну с боярским правительством. Его воззвания нашли поддержку среди московских дворян и в городах. Патриарх Гермоген не желал рвать с семибоярщиной, так как считал, что главная опасность грозит государству со стороны «воровского» казачьего лагеря в Калуге. Он не очень доверял Ляпунову, а свои надежды возлагал на Нижний Новгород, за все время Смуты ни разу не запятнавший себя «воровством». Его сочувствие нарождавшемуся освободительному движению ободрило патриотов.

Королевская армия была скована под Смоленском, и Сигизмунд III направил к Москве запорожцев, чтобы покончить с земскими отрядами. Однако атаман Заруцкий с тушинцами отогнал их от Тулы, а Пожарский с дворянами освободил Зарайск от войск семибоярщины. Союз между дворянскими отрядами из Рязани и казаками из Калуги положил начало формированию Первого земского ополчения.

Помимо Рязани и Калуги, против боярского правительства выступили Нижний Новгород, Ярославль, Владимир, северские города.

Земское ополчение предприняло наступление на Москву, чтобы изгнать польские войска из столицы. Но еще до подхода ополчения. 19 марта 1611 г. в городе вспыхнуло восстание. Польские роты учинили кровавую резню на улицах столицы, но принуждены были отступить перед восставшим народом. Не в силах справиться с москвичами, поляки, по совету боярина Миханла Салтыкова, подожгли город. В течение трех дней Москва выгорела дотла.

Восстание в столице было преждевременным. Передовые силы Земского ополчения уже прибыли в окрестности столи-

цы. Им пришлось вступить в бой до подхода главных сил, и они были разбиты поляками.

Ляпунов подтвердил репутацию выдающегося военачальника. Под его руководством земская рать заняла Белый и Земляной города и Замоскворечье — девять десятых территории столицы. Но в руках поляков и семибоярщины оставались Кремль и Китай-город. Овладеть неприступной крепостью можно было только с помощью тяжелой осадной артиллерии, которой у земских людей не было.

В осадном лагере под Москвой было образовано Земское правительство — «Совет всей земли». Его возглавили думный дворянин Прокофий Ляпунов, бояре князь Дмитрий Трубецкой и Иван Заруцкий. Впервые в истории Земский собор не включал ни официальную Боярскую думу, ни высшее духовенство. Решающий голос на соборе принадлежал провинциальному дворянству и казакам. Однако эти силы были слишком разнородны, чтобы сохранить единство.

На первом этапе самыми выдающимися вождями земского освободительного движения были Михаил Скопин и Ляпунов. Шуйские погубили Скопина с помощью яда, поляки разделились с Ляпуновым обманом. Очевидцы из числа польских офицеров в своих мемуарах с полной откровенностью описали, как Александр Гонсевский приказал изготовить фальшивую грамоту с подписью Ляпунова. Подпись была подделана с большим искусством. Грамота содержала призыв истреблять «воров»-казаков. Она была доставлена в осадный лагерь и вызвала бурю. Казаки собрали круг и убили Ляпунова без суда и следствия.

Тем временем внешнеполитическое положение России резко ухудшилось. 3 июня 1611 г. армия Сигизмунда III после 20-месячной осады овладела Смоленском.

Избрание на царский трон Владислава дало повод шведскому королю для вторжения в Россию. Вожди Земского ополчения пытались остановить войну и заключить союз со Швецией, направленный против Речи Посполитой. Они повторили ошибку Василия Шуйского. В июле 1611 г. шведы захватили Новгород Великий. Бояре и митрополит вступили в переговоры

со шведским командующим Делагарди о призвании шведского принца на «Новгородское государство». Новгород Великий отложился от России и разместил в своих крепостях шведские гарнизоны.

Лжедмитрий III

Тем временем в Пскове произошли события, грозившие развалить земское движение. Псковичи отказались присягнуть на верность царю Владиславу. Прошло некоторое время, и на Псковщине появился новый самозванец — Лжедмитрий III.

История псковского авантюриста незамысловата. Едва калужане предали земле останки шкловского бродяги, как в Москве нашелся другой авантюрист, взявшийся окончить прерванную комедию.

Кем был вновь объявившийся самозванец, неизвестно. Русские авторы допускали вопиющие противоречия, едва речь заходила о Лжедмитрии III. Придворный летописец Романовых утверждал, будто тот был москвичом: пришел в Ивангород «с Москвы из-за Яузы дьяком Матюшка и назвался царем Дмитрием». Современники подозревали, что новый «вор» происходил из духовного сословия, но его подлинного имени так и не установили. Свой рассказ о «царе» Матюшке автор «Нового летописца» снабдил неожиданным заголовком: «О Сидорке, Псковском воре». Итак, последнего самозванца звали то ли Матюшкой, то ли Сидоркой.

Где был этот человек в момент гибели Лжедмитрия II, никто не знает. Прошло немного времени, и дьякон сбежал из Москвы в Новгород. Опустошив свой тощий кошелек, Сидорка-Матюшка попытался заняться мелкой торговлей. Он раздобыл несколько ножей и еще кое-какую мелочь и задумал сбыть товар с выгодой для себя. Предприятие быстро лопнуло, и беглецу пришлось просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. В один прекрасный день он наконец собрался с духом и объявил новгородцам свое «царское» имя.

Толпа осыпала новоявленного «царя» бранью и насмешками. Многие узнали в нем бродячего торговца. Незадачливому

самозванцу пришлось спешно убираться из Новгорода. Вес же ему удалось увлечь за собой несколько десятков человек. С ними он бежал в Ивангород. Крепость эта находилась в руках бывших тушинцев, и самозванец рассчитывал на их любезный прием.

Ивангородцы изнемогали в неравной борьбе. Несколько месяцев крепость осаждали шведы. Затем к городу подошел пан Лисовский с отрядом. Горожане не поверили его дружеским заявлениям и заперли перед ним ворота.

Наконец их призывы о помощи были услышаны. В город прибыл воскресший «Дмитрий» собственной персоной. Три дня ивангородцы палили из пушек в честь долгожданного спасителя. Простым людям «царек» казался своим человеком. Иноземцы находили его смелым и находчивым красобасом. В самом деле, «вор» без устали повторял историю своего спасения всем желающим. Он был зарезан в Угличе, но избежал смерти. Его изрубили и сожгли в Москве, но и тогда он восстал из мертвых. Его обезглавили в Калуге, но вот он — жив и невредим стоит перед всеми.

Добившись признания в Ивангороде, самозванец тотчас завязал тайные переговоры с псковичами. Нигде социальная борьба не приводила к столь решительным результатам, как во Пскове. Подняв восстание против царя Василия Шуйского, «меньшие люди» изгнали из города воевод, дворян и лучших людей. После свержения Шуйского семибоярыщина так и не смог добиться покорности от псковичей. Город отказался от присяги в пользу королевича Владислава. Весть о гибели Лжедмитрия II посеяла тревогу в псковских низах. Но сторонники калужского «царька» воспрянули духом, едва прослышали о появлении «государя» в Ивангороде. Псков не сразу освоился с невероятной новостью, и казаки, очертя голову бросившиеся в новую авантюру, принуждены были хитрить. Атаманы объявили о сборе в поход, и их сотни в боевом порядке покинули Псков. Едва за спиной у казаков захлопнулись крепостные ворота, отряд развернулся и помчался к Ивангороду. Прибыв в Ивангород, казаки уверили Матюшку в том, что Псков примет его с распростертыми объятиями. «Царек» поверил им и в начале июля разбил свои бивуаки в псковских предместьях. Его посланцы потребо-

вали ключи от города. Псковичи долго советовались, как быть. В конце концов они решили, что проживут и без «царька».

Матюшка окончательно испортил дело после того, как велел захватить городское стадо и на славу угостил свое воинство. Шесть недель самозванец маячил у стен крепости, а затем внезапно исчез. Его спугнули шведы. По Новгородской дороге к Пскову приближались шведские отряды и ополчение новгородских дворян. К ним присоединилось немало псковских помещиков. Меньшие люди Пскова знали, что их не пощадят в случае поражения, и решительно отвергли все предложения о сдаче. «Новгородское государство» тщетно убеждало псковичей последовать его примеру и отдаться под покровительство Швеции. Псковский народ решительно отверг путь предательства. Не для того псковичи восстали против Владислава, чтобы признать над собой власть шведского королевича.

При поддержке новгородских и псковских дворян шведы попытались силой овладеть непокорным городом.

8 сентября 1611 г. они взорвали крепостные ворота и устремились на приступ со стороны реки Великой. Наемники помнили о «новгородском взятии» и предвкушали легкую победу. Они готовились разграбить древний город. Но псковичи давно изгнали из своего города всех, кто мог оказать помощь врагам. И потому шведские солдаты не добились тут успеха. Приступ был отбит. Пять недель неприятель осаждал крепость, а затем отступил к Новгороду.

Вскоре Псков подвергся нападению с запада. Король Сигизмунд III направил против Пскова армию гетмана Ходкевича, стоявшую в Ливонии. Ходкевич осадил Псково-Печорский монастырь. В течение полугода месяцев тяжелые осадные пушки вели огонь по монастырским укреплениям. В нескольких местах стена крепости покрылась трещинами и осела. Но стрельцы, монахи и окрестные крестьяне, затворившиеся в монастыре, не теряли мужества. Отразив семь вражеских приступов, они вынудили Ходкевича снять осаду и отступить в Ливонию.

В Пскове установилось народовластие. Город давно заявил о поддержке земского освободительного движения. Горожане готовы были послать войско, чтобы ускорить освобождение Москвы. Но им пришлось самим запросить помощи у земского

ополчения, чтобы выстоять в неравной борьбе. «Многие напали на нас сходясь отовсюду, — писал псковский «мир» вождем ополчения, — а помощи ниоткуда нет!» «Совет всей земли» откликнулся на это обращение. В Псков выступил воевода Никита Вельяминов, а за ним Никита Хвостов с отрядом казаков.

Смерть Ляпунова развязала руки сторонникам самозванцев в подмосковном ополчении. Однако среди них не было единомышленников. Шведы получили достоверную информацию о том, что Заруцкий старался убедить казаков избрать в цари Ивана Дмитриевича. Однако «царевич» был грудным младенцем, и все понимали, что править за него будет его мать Мнишек. Вдова двух самозванцев, однако, не пользовалась никакой популярностью в народе.

Весть о появлении «Дмитрия» в новгородских пределах вызвала минутное возбуждение среди казаков, которое вскоре улеглось. Весть была слишком невероятной. В таборах было много ветеранов, своими глазами видевших мертвую голову «государя», отделенную от Туловища.

Шло время, а поток известий о «Дмитрии» не только не иссяк, но стал разрастаться. Время брало свое, и легковесные люди все больше свыкались с мыслью о новом спасении поистине бессмертного сына Грозного. На удочку попали те из казаков и московских повстанцев, которым не довелось видеть мертвого «вора». Новообращенный большой толпой присоединились к отряду, направленному в Псков Земским ополчением.

Прибытие в Псков сторонников Лжедмитрия мгновенно изменило ситуацию в городе. Под влиянием их агитации псковские низы потребовали признания «истинного государя». Их посланцы выехали в Ивангород и передали Лжедмитрию приглашение псковского «мира». Матюшка не стал ждать, чтобы его попросили дважды. Он тотчас собрался в путь. «Царек» и его свита выбирали глухие проселочные дороги. Им удалось миновать шведские заставы.

4 декабря 1611 г. кавалькада показалась в окрестностях Пскова. Жители успели простить «государю» забитых коров из городского стада. Они устроили ему радостную встречу. Воеводы не имели сил противиться общему порыву. Матюшка тотчас вознаградил их за покорность. Воеводы князь Иван Хованский и

Никита Вельяминов сподобились боярского чина и заняли почетное место подле самозванца. Обосновавшись в псковском детинце, Матюшка сразу же отправил в подмосковные таборы атамана Герасима Попова с воззванием к тушинским ветеранам.

Казачи создавали круг и внимательно выслушали речи государева посланца атамана Попова. Некоторые из участников круга открыто выражали сомнения в чудесном спасении «Дмитрия». Наконец было решено отправить в Псков особую делегацию для опознания «царя».

Лжедмитрий III удостоил посланцев ополчения торжественной встречи. Допущенные к руке, старые казаки убедились, что перед ними самозванец, несколько не похожий на их прежнего «царька». Но вооруженная стража Матюшки окружала трон толпой, и казакам поневоле пришлось прикусить язык. Никто из них не решился обличить «вора». Под нажимом псковичей послы направили ополчению грамоту с подтверждением истинности «Дмитрия».

Грамота полномочных послов всей земли вызвала в ополчении бурю. Простой народ и казаки охотно верили тому, чему хотелось верить. Их страдалец царь в который раз вновь спасся от злых бояр.

Последующие события развивались под действием неудержимых стихийных сил. 2 марта 1612 г. казачий круг, на котором присутствовал также много черных людей — москвичей, провозгласил юсударем псковского самозванца. Вожди ополчения Заруцкий, Трубецкой и другие, помня о судьбе Ляпунова, подчинились кругу. Они вместе с казаками принесли присягу на имя Лжедмитрия III и вернулись в свою ставку в сопровождении торжественной процессии под грохот артиллерийского салюта. Народ приневолил целовать крест дворян из полка Трубецкого, попавшихся им под руку.

В земских отрядах, стоявших поодаль от таборов, присяга не удалась. Воеводы Мирон Вельяминов, Исаяя Погожий и Измайлов, занимавшие позиции подле Тверских ворот и Трубы, бежали из ополчения прочь, опасаясь за свою жизнь.

Нскогда Ляпунову удалось сплотить разнородные силы и повести их на освобождение Москвы. Присяга Лжедмитрию разрушила хрупкое единство. Раскол, которого так боялся Ляпунов,

стал свершившимся фактом. Переворот в Москве был осуществлен черным людом Москвы и казаками. С помощью наемников боярское правительство с трудом предотвратило выступление этих сил в пользу калужского самозванца в конце 1610 г. С тех пор прошло полтора года. Столичные жители пережили неслыханную трагедию. Их город превратился в груды развалин. С помощью вновь воскресшего «Дмитрия» низы надеялись рассчитаться наконец с лихими боярами.

Вождь ополчения Заруцкий оказался бессильным перед лицом стихии. Он подчинился восставшему народу, но попытался дать свое толкование акту присяги. Тотчас после переворота воеводы «холопы Митка (Трубецкой) и Ивашко Заруцкий» били челом «государыне» Марине Юрьевне и «государю царевичу» всея Руси Ивану Дмитриевичу. Заруцкий ориентировался не на Псков, а на Коломну, где находилась Марина Мнишек с сыном. Он исподволь готовил почву к тому, чтобы посадить на трон «воренка».

Переворот получил поддержку в южных и северских городах, прежде примыкавших к Калужскому лагерю. Там находилось немало атаманов и казаков, сражавшихся в армии Болотникова. На востоке власть псковского самозванца поспешили признать небольшие города Арзамас и Алатырь. Зато Казань, Нижний Новгород, Владимир, Ярославль и Кострома встретили избрание Лжедмитрия III как незаконный акт, противоречащий воле земли. Борьба между сторонниками и противниками Лжедмитрия III трозила взорвать освободительное движение изнутри.

Минин и Пожарский

В 1611 г. новым центром освободительного движения стал Нижний Новгород. Посадский человек Кузьма Минин, избранный земским старостой, возглавил организацию Второго земского ополчения. Гонец нижегородцев ездил в Москву к патриарху Гермогену. Глава церкви был низложен поляками и семибоярщиной. Тем не менее гонец смог повидаться с ним и привез грамоту от него. Гермоген благословил земских людей на борьбу

бу за освобождение Московского царства, а также предостерег против признания самозванцев.

Добровольных пожертвований оказалось недостаточно, и Минин провел через Земскую избу постановление о сборе пятой деньги со всех доходов и имуществ горожан. Нижегородцы предложили возглавить войско князю Дмитрию Пожарскому, отличившемуся в дни восстания в Москве в марте 1611 г.

Военное положение в Подмоскovie резко ухудшилось. Но Пожарский не мог идти к столице, так как это неизбежно привело бы к вооруженному столкновению между двумя ополчениями. В марте 1612 г. на круге казаки признали царем Лжедмитрия III. Земское ополчение начало распаваться. Опасаясь за свою жизнь, дворяне стали покидать таборы.

С весны в России образовалось два земских правительства. Одно оставалось в Подмоскovie, другое сделало своей столицей Ярославль. В течение четырех месяцев «выборный всею землею человек» Кузьма Минин заново организовал управление обширной территорией, отказавшейся признать власть Лжедмитрия III. Огряды Заруцкого были изгнаны с этих земель. Многие дворяне и казаки перешли под знамена Пожарского.

Очень скоро Заруцкий убедился в непопулярности Лжедмитрия III. Будучи любовником Марины Мнишек, он стал готовить почву для передачи трона ее сыну — «воренку» Ивану. Бывшие тушинцы вскоре убедились, что города не поддержат новой самозванческой интриги. В Псков выехало казачье посольство с приказом арестовать Лжедмитрия III.

Самозванец пытался бежать, но был пойман и в оковах увезен в таборы.

Тщетно вожди казаков пытались заключить союз с Пожарским. «Совет змили» в Ярославле категорически отказался вести какие бы то ни было переговоры с Заруцким. Атаман подослал людей, чтобы убить Пожарского. Покушение не удалось, а Заруцкому пришлось бежать из таборов.

Сигизмунд III направил к Москве летмана Ходкевича с войском. Однако его наступление запоздало. Упредив поляков, Второе ополчение успело занять оборонительные позиции в западных кварталах столицы.

Древняя царская сокровищница была разграблена семибоярщиной и поляками. Не только деньги, но и драгоценности, царские регалии были отданы наемникам в счет их содержания. Александр Гонсевский бежал из сожженного и разграбленного им города. Польский гарнизон Кремля понес огромные потери в боях. В осажденной крепости кончились припасы. Много солдат умерло от голода.

22 августа 1612 г. Ходкевич всеми силами атаковал позиции Пожарского на Арбате. Атака была поддержана вылазкой гарнизона из Кремля. Ополченцам удалось отразить неприятеля. В бою приняли участие несколько казачьих сотен, вступивших без приказа Трубецкого. 24 августа поляки пытались прорваться в Кремль со стороны Замоскворечья. Они отбросили конницу Пожарского и казаков Трубецкого, заняли казачий острожек на Ордынке. Считая сражение выигранным, Ходкевич начал переправлять продовольственный обоз в Кремль. Однако казаки вернули острожек. Одновременно Кузьма Минин получил от Пожарского несколько дворянских сотен и атаковал неприятеля с фланга. Армия Ходкевича понесла большие потери и принуждена была отступить, бросив обозы.

Голод в Кремле усилился. Семибоярщина вынуждена была начать мирные переговоры с Пожарским. Бояре тянули время, надеясь на подход королевской армии. 22 октября казаки без приказа воевод бросились на штурм и заняли Китай-город. Лишь после этого гарнизон 26 октября открыл ворота и сдал Кремль.

Одержав победу в гражданской войне, земское ополчение получило возможность распорядиться троном. Но избрание царя не имело законной силы без участия высшего органа государства — Боярской думы. Между тем правительство и дума были связаны присягой царю Владиславу и до последнего дня находились в осаде в Кремле вместе с поляками.

Гибель «воренка»

Земское ополчение ничего не предприняло для того, чтобы взять под стражу «царицу» Марину и ее сына «царевича» Ивана. Казаки препроводили Марину вместе с ее двором из Ка-

луги в Коломну. Государыня пользовалась покровительством Заруцкого, два года руководившего осадой польского гарнизона в Кремле.

Приближение Второго земского ополчения побудило Заруцкого поднять мятеж и покинуть осадный лагерь. Вместе с ним в Коломну бежали от двух до трех тысяч казаков.

«Боярина» обуревали честолюбивые замыслы. По словам легионера, Заруцкий постриг в монахи свою жену-простолюдинку, а сына своего заблаговременно отправил в Коломну «к ней, Марине, в стольники, а хотел на ней жениться и сестри на Московское государство».

Атаман жаждал власти, но о короне он не мог и помыслить. Царствующий град, да и весь народ, никогда бы не принял на трон украинского казака. Истинные замыслы Заруцкого были иные. Он намеревался отвоевать у семибоярщины и земских людей Рязань и несколько других городов и объявить царем сына Марины Мнишек Ивана, рожденного от «законного» монарха — Лжедмитрия II.

Планы атамана имели под собой почву. Заруцкий сопровождал Лжедмитрия I в его походе на Москву, а затем Лжедмитрия II в Тушине. Он видел, как осуществлялись самые фантастические проекты. «Боярин» покинул Подмоскovie накануне решающего столкновения с королевской ратью. Заруцкий мог рассчитывать на то, что противники обескровят друг друга, и тогда он с помощью московской черни посадит на трон «воренка».

Покидая Коломну, атаман разобрал город и направился в рязанские пределы. Зная, сколь важную роль играла Рязань на протяжении всей гражданской войны, он задумал овладеть этим городом, чтобы при благоприятных обстоятельствах возобновить наступление на столицу.

Подзнаменами Заруцкого вскоре собралось до пяти — семи тысяч ратников. Однако добиться успеха атаману не удалось. На помощь Рязани выступили отряды татар из Казанского царства.

Тем временем в Москве Земский собор приступил к избранию государя. Сын боярский Иван Философов, попавший в плен к полякам, сообщил, что бояре, служившие прежде королю, желают видеть на троне Владислава, но, опасаясь казаков, не смеют открыто заявить об этом. Казаки же настаивают на избрании

кого-нибудь из русских бояр — Михаила Романова или «сына калужского вора».

Казачи вспомнили о «царевиче Иване» в минуту крайней опасности. Сигизмунд III стоял на пороге Москвы. Мстиславский и другие члены семибоярщины могли в любой момент переметнуться в королевский лагерь. За спиной коломенского «царевича» стояло войско Заруцкого. Казачи надеялись, что в критический момент давние соратники придут им на помощь. Но расчеты на возвращение Заруцкого не оправдались. Атаман предпочел возобновить братоубийственную войну.

Казачи вынесли на себе всю тяжесть осады Москвы, длившейся полтора года. Бывшие тушинцы составляли главную силу гарнизона столицы. Как самый знатный из руководителей земского движения, Трубецкой готовился занять трон. Но соперничество между вождями ополчения расстроило его планы. В работе Земского собора участвовали представители дворянства, городов и некоторых крестьянских волостей. Кроме земских вождей, Дмитрия Трубецкого и Дмитрия Пожарского, короны домогались Голицыны, Черкасские и многие другие знатные лица.

В разгар избирательной кампании руководители двух земских ополчений решились на беспрецедентный шаг. Они выслали из сголицы главу Боярской думы князя Федора Мстиславского и других членов семибоярщины, воевавших против земщины.

По свидетельству очевидцев, на соборе казаки предложили избрать в цари последовательно князя Дмитрия Трубецкого, Михаила Романова и князя Дмитрия Черкасского. Но Земский собор отгнал их всех. Свои решения о кандидатах казаки принимали на совете, на казацком круге. Круг пользовался не меньшей властью, чем Земский собор.

Попытки казаков диктовать свою волю полномочному Земскому собору вызвали возмущение земских выборных. Власти приняли решение вернуть в Москву руководство Боярской думы, чтобы положить конец своеволию казаков. Одновременно они издали приказ о посылке казачьего войска против Заруцкого. Казачи отказались выполнить приказ, что равнозначно было форменному бунту. Руководители земского ополчения и вернувшиеся в столицу члены семибоярщины решительно противи-

лись избранию Михаила Романова. Тогда московская «чернь» и казаки осадили дворы Трубецкого и Пожарского.

21 февраля 1613 г. Земский собор под давлением казаков объявил об избрании на царский трон Михаила Романова. Чтобы положить конец кровавой гражданской войне, нужен был человек, которого приняли бы оба враждующих стана, а главное, признал своим государем народ. Им стал Михаил Романов. Он унаследовал от отца и деда популярное в стране имя. Отец Михаила, Филарет, томился в польском плену. В народе его почитали как мученика за православную веру. Михаил сидел в осаде в Кремле с Мстиславским. Но это нисколько не скомпрометировало Михаила ввиду его несовершеннолетия. Решающее значение для народа имело то обстоятельство, что Михаил в качестве племянника царя Федора был связан родством с законной династией.

Избрание новой династии приостановило развал государства и создало предпосылки для преодоления состояния анархии и смуты в стране.

Сообщение о том, что Земский собор избрал на трон Романова, посеяло раздор в войске Заруцкого. На казачьем круге часть казаков высказалась за то, чтобы вернуться в столицу и получить от нового царя заслуженные деньги. Иван Толстой бежал из лагеря вместе с 200 детьми боярскими и казаками. Явившись в Москву, дворянин сообщил властям, что в стане мятежников нет согласия: «Заруцкой, де, будто хочет ийти в Кызылбаши, а Маринка, де, с ним ийти не хочет, а зовет его с собою в Литву».

Московские события отняли у «царицы» Марины надежду на возвращение в царский дворец в Кремле. Она должна была понять, что только возвращение на родину может спасти ее и сына от смерти.

Сигизмунд III пытался привлечь Заруцкого на свою сторону, чтобы использовать его отряды в войне с Россией. Не позднее февраля 1613 г. в руки земских властей попали грамоты, которые вез атаману запорожский казак. Гетман Ян Ходкевич предлагал Заруцкому вернуться на королевскую службу. Вскоре Ходкевич поручил ротмистру Синявскому доставить атаману личное послание гетмана. Царские дипломаты следующим образом излагали содержание послания. Именем короля Ходкевич обещал

боярину Новгород Великий и Псковлибо Смоленск, по выбору. Надо вспомнить, что Лжедмитрий I подписал договор с Юрием Мнишеком о передаче Марине Новгорода и Пскова в удел. Очевидно, этот договор и имел в виду Ходкевич. По всей вероятности, гетман адресовал письмо Заруцкому и «царице» Марине.

Новгород находился в руках у шведов, и казакам еще предстояло отвоевать его. Король будто бы обещал Заруцкому, что учинит «его великим у себя боярином и владетелем».

Атаман не слишком доверял щедрым посулам литовцев. Он поступил на службу к королю и помог Жолкевскому разгромить русско-шведское войско под Клушином. Но затем он предал поляков и причинил королевскому гарнизону Кремля столько бед, сколько не мог причинить никто другой. В Речи Посполитой атаману пришлось бы держать ответ за свои действия.

Заруцкий вел переговоры с поляками втайне от казачьего круга, что подрывало доверие вольницы к атаману.

Отклонив предложение перебраться в Литву, боярин стал подумывать о том, чтобы пробиться по Волге к Каспийскому морю и вместе с казачьим войском поступить на службу к персидскому шаху. Нимало не считаясь с волей Марины Мнишек, он решил увести ее с собой.

Заруцкий захватил и разграбил несколько тульских пригородов. Но попытки закрепиться под Тулой не дали результатов. Под натиском правительственных сил казаки отошли на Дон к Воронежу.

В конце июня — начале июля 1613 г. под Воронежем Заруцкий вступил в бой с войском доеводы Ивана Одоевского. Сражение продолжалось несколько дней и имело, по-видимому, неопределенный исход.

В казачьем войске множилось недовольство. Московские власти были осведомлены о положении дел в «воровском» лагере. Они переслали казакам перехваченные польские письма к Заруцкому. В свое время круг жестоко расправился с Прокофисом Ляпуновым. Теперь опасность грозила Заруцкому. Казаки видели в поляках злейших врагов и считали сношения с ними предательством.

Покинув войско, отступавшее от Воронежа, Заруцкий бежал в степь с несколькими сотнями казаков. В его стане возник

заговор. Казаки задумали схватить вождя и выдать его Москве, чтобы покрыть свою вину. Однако боярину удалось скрыться.

После сражения под Воронежем «воровской» лагерь покинуло 2250 казаков. С горсткой казаков Заруцкий ушел в Астрахань. Астраханцы давно отложились от Москвы. Толковали, будто они сами послали за «царевичем» Иваном Дмитриевичем.

Заруцкий окончательно завоевал поддержку астраханцев, прибегнув к обману. Он объявил, «будто литва завладела» Москвой.

Поддавшись на эту уловку, «меньшие люди» и стрельцы Астрахани приветствовали «воренка». С разных сторон в Астрахань стекался беглый люд. Боярин послал гонцов в Замосковский край и на Белоозеро. Действовавшие там казачьи атаманы сговорились о том, чтобы силой пробиться на Нижнюю Волгу к Заруцкому.

К весне 1614 г. в Астрахани собралось несколько тысяч сторонников «воренка». Заруцкому удалось заручиться союзом с ногайским ханом Иштереком. Предполагалось с наступлением весны начать вместе с ногайцами поход вверх по Волге на Казань.

Казаки и их предводитель помышляли о новых походах. Уже в сентябре 1613 г. на Дон пришла весть о том, что «царь Дмитрий», отец «царевича» Ивана, живи находится в Персии. Среди других документов астраханского происхождения сохранилась челобитная грамота на имя «царя Дмитрия», «царицы» Марины Юрьевны и «царевича» Ивана Дмитриевича.

Кодвору шаха Аббаса выехал посол Иван Хохлов со свитой. Он просил оказать Заруцкому военную помощь, а также прислать денежную казну и хлебные припасы. Со своей стороны, Заруцкий обязался передать Астраханское царство под власть Персии. Переговоры увенчались успехом.

Шах обещал прислать «царевичу» отряд в 500 воинов и людей «ближние своей думы» для управления Астраханью, а также пожаловать из казны 72 000 рублей и доставить хлеб.

В случае поражения атаман надеялся укрыться в Персии. Марине Мнишек при этом отводилась особая роль. С Хохловым из Астрахани приехал купчина Муртаза. После аудиенции шах Аббас долго расспрашивал его «про литовку Марину: какова,

деи, она лицом, и сколько хороша, молода ли или стара, и был ли, деи, он у нее у руки, и горячи ли, деи, у нее руки?». Очевидно, шах надеялся заполучить литовку для своего гарема. Марине было двадцать четыре года. Обладая громким титулом, московская «царица» имела шанс стать старшей женой Аббаса.

Инициатором переговоров выступил «боярин» Заруцкий, а потому ему же следует приписать сватовство. Вопрос о подготовке нового «Дмитрия», якобы скрывшегося в Персии, отпал.

Сношения с Персией встревожили астраханского воеводу князя Хворостниина. При поддержке «лучших» посадских людей и детей боярских он готовился напасть на Заруцкого врасплох и захватить его вместе с наложницей Мариной.

Атаман упредил заговорщиков. Он казнил воевод, многих «добрых» посадских людей и татарских мурз. Казаки разорили двор местного архиепископа, а его самого бросили в тюрьму.

Против мятежников выступили служилые люди. Поддержанные гарнизоном, дворяне заняли острог. С севера к городу двигался князь Иван Одоевский с войском. Ему поставлена была задача вернуть Астраханское царство, несколько лет находившееся в руках самозванцев, под власть Москвы.

Заруцкому пришлось сесть в осаду в каменной крепости. С ним осталось не более 800 воинов. Не дожидаясь подхода Одоевского, атаман с Мариной 22 мая бежали из Астрахани. Сначала они направились вверх по Волге, в глубь страны. Но потом казаки заметались и повернули назад. Проплывая мимо Астрахани спустя два дня, отряд подвергся нападению стрельцов и был разгромлен. В плен попали многие казаки и слуги «царицы», включая ее тетку и экономку. Тотчас распространился слух о том, что Маринка бросилась в реку и «утопла».

В действительности Заруцкому и «царице» удалось пройти по морю на Яик. Там казаки выстроили на Медвежьем острове острожек. Посланная в погоню стрелецкая судовая рать внезапно напала на мятежников.

В окружении бывшего земского правителя зрел заговор. Казаки не желали умирать ради «воренка» и его матери Марины. После нескольких стычек они вышали Заруцкого и «царицу» с ребенком, а сами принесли присягу на верность царю Михаилу.

16 июля 1614 г. пленников привезли в Астрахань. В Москву их отправили в кандалах, под сильным конвоем. Их допрашивал царь с боярами. Судбыл недолгим. Атамана Заруцкого посадили на кол, и он умер в страшных муках.

Трехлетний ребенок «царевич» Иван был повешен. Его участь разделил «псковский вор» Лжедмитрий III. До поры до времени его держали в клетке, а потом отправили на виселицу. Заодно власти казнили королевского приспешника Федьку Андронova. Виновник сожжения Москвы Михаил Салтыков избежал возмездия и скрылся в Польше.

Мнишеки давали клятву царю Василию, что никогда более не окажут поддержки самозванцу, но тотчас нарушили клятву и бежали в Тушино. Не желая повторить ошибку, судьи приговорили «царицу» к пожизненному заточению. Марину Юрьевну доставили в Тулу и посадили в подземелье крепостной башни. Весной 1615 г. она умерла «с тоски».

Гражданская война принесла России неслыханные бедствия и страдания. Страна превратилась в огромный пустырь, была отброшена в своем развитии назад на целое столетие. Из ее многочисленного населения уцелела едва ли половина. Прошло много десятилетий, прежде чем Россия вернулась к уровню XVI в. Беды Смутного времени затмили даже ужасы опричнины.

Словарь

Ближняя дума — совет приближенных царя, одна из комиссий Боярской думы, осуществлявшая управление.

Боевые халаны — рабы, несшие военную службу в свите бояр.

Большой приход — управление, ведавшее доходами государства.

Боярская дума — совет высших сановников государства (думных людей), высший орган государства.

Вече — народное собрание в Новгороде в период республики.

Воевода — военачальник, глава военной администрации города.

Вотчина — частная земельная собственность.

Государев двор — учреждение, включавшее Боярскую думу, верхний слой правящего дворянства и бюрократии.

Двор — см. *Государев двор*.

Дворец — управление собственностью царской семьи, обеспечивавшее нужды царской фамилии и придворных.

Дворецкий — боярин, возглавлявший Дворец.

Дворянин — член Государева двора.

Десятина — площадь поверхности земли, немногим больше гектара.

Дети боярские (сын боярский) — дворяне, служившие в Государевом дворе и по уездам. В массе мелкие землевладельцы.

Думные дворяне — дворяне, входившие в состав Боярской думы.

Думные дьяки — дьяки, входившие в состав Боярской думы.

Дьяк — чиновник государственной службы (приказа).

Земский двор — управление в земщине, предгеча полицейского управления.

Земщина — земская половина государства после разделения его на опричнину и земщину.

Иосифляне — последователи Иосифа Санина, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря под Москвой.

Кабала — вид зависимости. Кабальные работали на господина в счет погашения процентов с долга, позднее превратились в холопов.

Казенный приказ — управление, ведавшее финансами.

Казначей — глава Казенного приказа, член Боярской думы.

Конюший — глава Конюшенного приказа, ведавшего царскими табунами. Один из старших бояр думы.

Нестяжатели — последователи старца Нила Сорского из северных монашеских обителей (скитов), противники обогащения монастырей.

Оброк — платежи крестьян в пользу землевладельцев.

Окольничий — второй думный чин после боярина.

Ополчение — нерегулярное дворянское войско, сформированное в полки на время похода.

Опричнина — «государство в государстве», личные владения царя Ивана IV с особым управлением и войском.

Отчина — см. *Вотчина*.

Печатник — чиновник, хранитель Большой государственной печати.

Подьячие — помощники дьяков в приказах.

Полк большой, правой и левой руки, сторожевой, передовой, государев — система построения русского войска на поле боя. Авангард — сторожевой и передовой полки; главные силы — большой полк, государев полк; силы, расположенные на флангах, — полк правой и полк левой руки.

Помещик — владелец поместья.

Поместье — государственная собственность, передаваемая помещикам на условиях обязательной службы царю.

Поместный приказ — управление, ведавшее делами о земельной собственности в России.

Посад — город.

Посадские люди — горожане, платившие царскую подать.

Посольский приказ — управление иностранными сношениями.

Посошные люди — люди, платившие подати и несшие натуральную повинность в пользу государства и объединенные в сохи (единица обложения). В походе везли обозы и артиллерию.

Постельячий — высший чиновник Постельного приказа.

Постельный приказ — управление, ведавшее царским гардеробом, припасами, внутренней охраной царского дворца.

Приговор — решение царя или Боярской думы.

Приказы — высшие органы административного управления Россией.

Пыточный двор — судебная палата для дознаний с применением пыток.

Разряд (разрядные книги) — распоряжения военного ведомства.

Разрядные книги — см. *Разряд*.

Разрядный приказ — управление вооруженных сил России.

Речь Посполитая — объединенное государство, получившее название после заключения Люблинской унии между Польским королевством и Литовским великим княжеством в 1569 г.

Слуга и боярин — один из высших боярских титулов, его жаловали знатнейшим государственным деятелям.

Столичные гости — высший разряд московских купцов.

Стрелецкий приказ — управление стрелецким войском.

Стрельцы — пехота, вооруженная огнестрельным оружием.

Набиралась из горожан.

Судебник — кодекс законов России.

Сын боярский — см. *Дети боярские*.

Тягло — система государственных платежей и натуральных повинностей.

Тяглые люди — посадские люди и кресьяне, платившие царские налоги.

Уезд — административная область.

Уложение — законодательный акт, включавший ряд законов.

Халоп — раб, купленный господином.

Черносошные (черные) люди — население, платившее царские подати (налоги).

Четверть — одно из финансовых управлений государства.

Юрьевденьгосенний — 26 ноября. Нормы Юрьевадня регулировали переход крестьян из одних владений в другие.

Содержание

ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ	5
Введение	7
Генеалогическое древо	8
Ведомые мятежники	11
Гибель отца	15
Начало карьеры	22
Мятеж	27
В боярском чине	29
Царская опала	34
Тайные казни	44
Угличский следователь	52
Вот тебе, бабушка, и Юрьевдень	63
Междоусобица	68
На пороге Смуты	77
Раздор с боярами	79
Лжедмитрий I	83
На поле брани	89
Плаха	93
Лабиринты власти	103
Важная вежа	109
Западня	111
Переворот	127
Воцарение	145
Первые шаги	159

«Заводчики крови»	163
Бунт	173
Осада Москвы	182
«Царевич Петр»	197
Тульское сидение	203
Лжедмитрий II	211
Московский поход	224
Великий государь Василий Иванович	231
«Воровской» лагерь	243
Пора заговоров	258
Польское вторжение	279
Распад Тушинского лагеря	288
Смерть Скопина	294
Поражение под Клушином	302
Низложение Шуйского	310
Семибоярщина	317
Эпилог	326
ТРИ ЛЖЕДМИТРИЯ	333
Введение	335
Несчастливое имя	337
Смерть царевича	341
Царь Борис	360
Явление самозванца	365
Беглый монах	375
Литовские скитания	382
Подготовка московского похода	397
Дворяне и Смуга	420
Вторжение	431
Мятеж в южных крепостях	457
В «воровском» лагере	468
Смерть Бориса	481
Мятеж под Кромами	486
Победное шествие	507
Переворот	511
Бояре и самозванец	522
Расправа с Шуйскими	537
Коронация	547

Роспуск войска	551
Дума	555
Секретари и стража	561
Финансовый крах	570
Законы Лжедмитрия I	573
Император Юрий I	581
В сетях заговора	593
Свадьба	604
Гибель самозванца	620
Знамена	635
Самборский призрак	641
Бунт Болотникова	650
«Царевич Петр»	660
Тульское сидение	665
Лжедмитрий II	674
Падение Тулы	690
Тушинский лагерь	693
Осада столицы	709
Польское вторжение	717
Распад Тушинского лагеря	726
Смерть Скопина	734
Поражение под Клушином	743
Низложение Шуйского	751
Семибоярщина	757
Убийство «царька»	769
Земское ополчение	773
Лжедмитрий III	778
Минин и Пожарский	783
Гибель «ворснка»	785
Словарь	793

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрынников Руслан Григорьевич
1612 год

Сборник

Художественный редактор О. Н. Азаскина
Технический редактор О. В. Панкрашина

Подписано в печать с готовых диалитивов заматрица 03.05.07.
Формат 84x108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 42. С.: Иск.б/бн.(84). Тираж 3000 экз. Заказ 1848.
С.: ПКДВ(84). Тираж 3000 экз. Заказ 1849.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: ast@pub@yandex.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

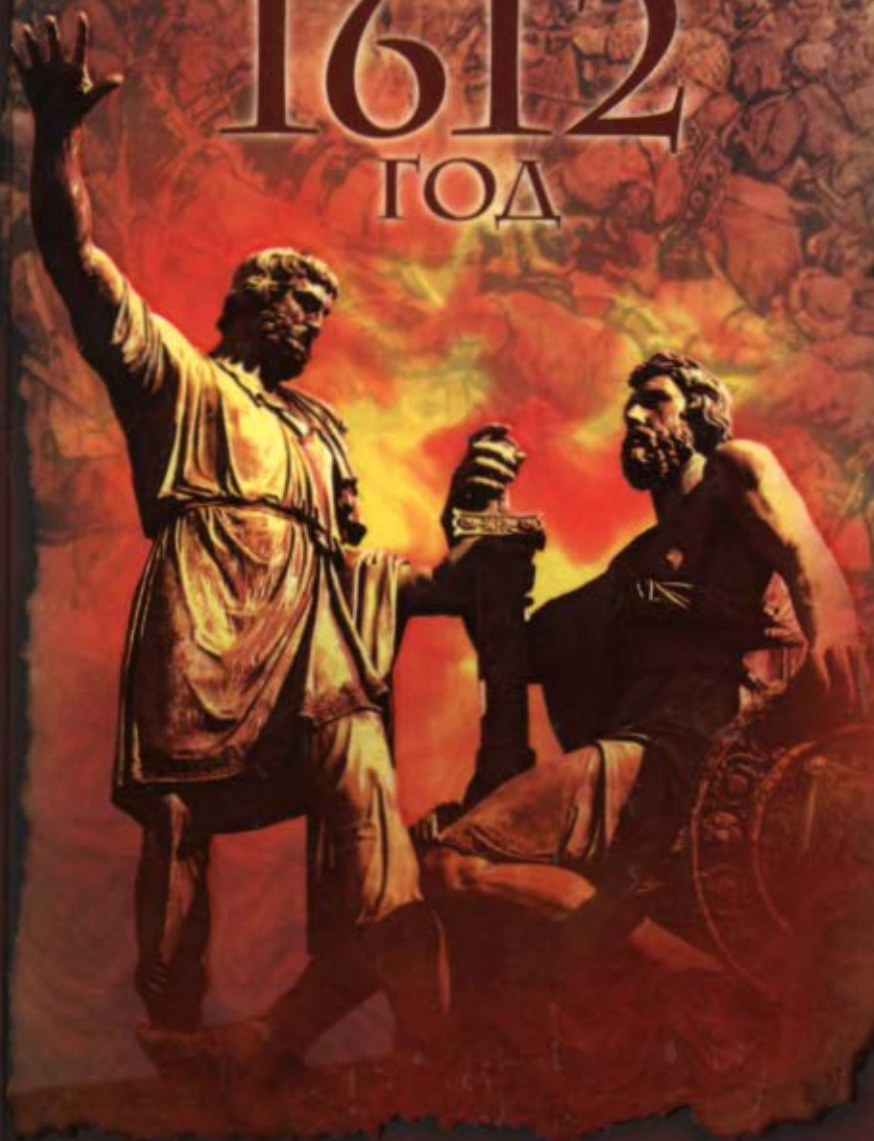
ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

При участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

РУСЛАН
СКРЫННИКОВ

1612
ГОД

1612

ГОД

Смутное время...

По сути — первая гражданская война
в истории нашей страны.

Время грандиозных политических авантюр —
тех, что принесли Руси неисчислимые бедствия,
и тех, что стали для нее спасительными.

Диалогия знаменитого историка
Р.Г. Скрынникова посвящена самым ярким
феноменам Смутного
времени — полной взлетов и падений карьере
Василия Шуйского, ставшего государем Всея
Руси в самое трагическое для нее время,
и «самозванщине», приведшей на престол трех
Лжедмитриев...

ISBN 978-5-17-045633-8

9 785170 456338